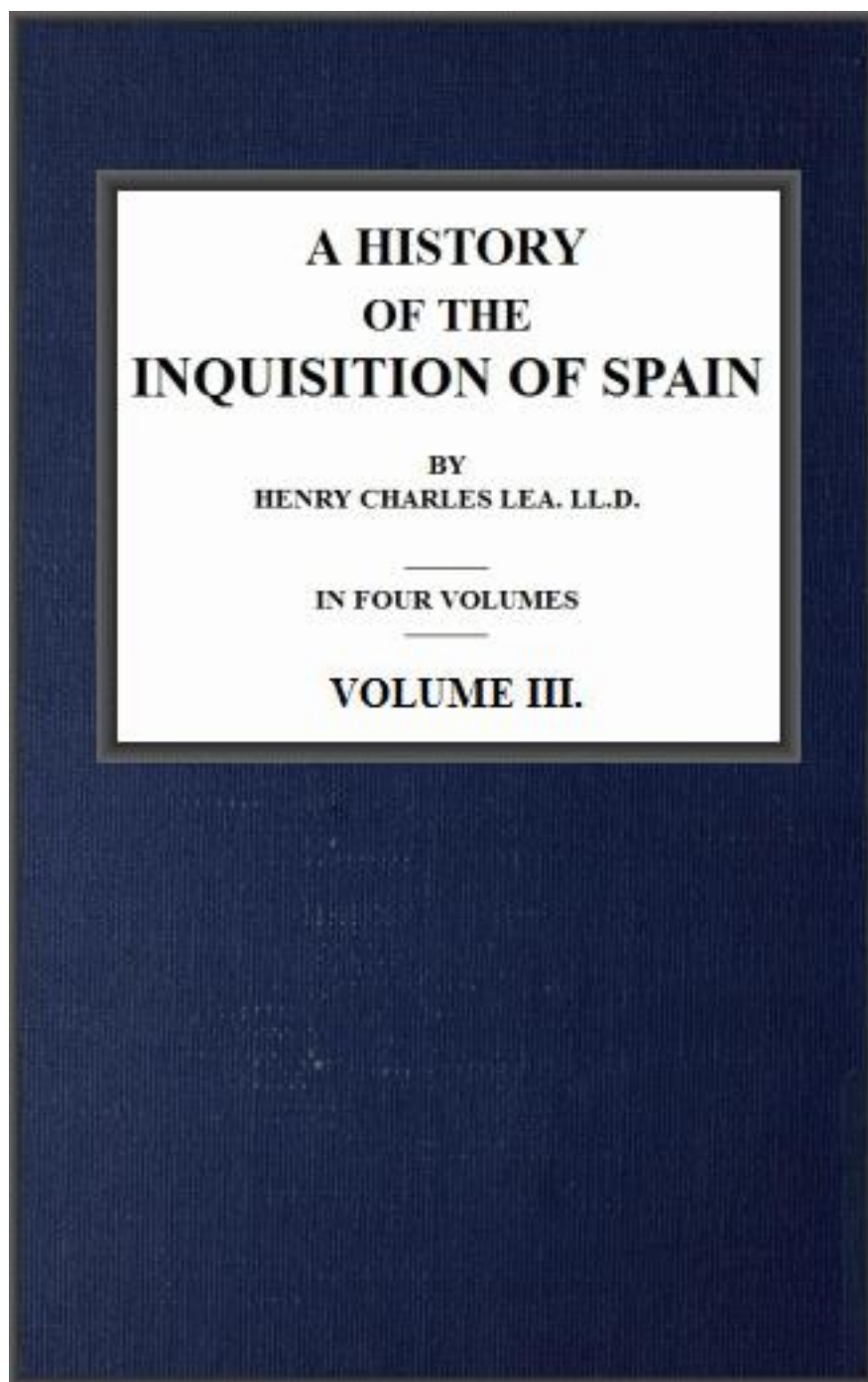

История инквизиции Испании; том 3

Генри Чарльз Ли

Электронная книга проекта Гутенберга по Истории инквизиции Испании; том 3

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История инквизиции Испании; том 3

Автор: Генри Чарльз Ли

Дата выхода: 5 августа 2014 г. [Электронная книга № 46509]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Чаком Грейфом и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, доступных в интернет-архиве)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ИСТОРИЯ ИНКВИЗИЦИИ ИСПАНИИ"; Т. 3 ***

Были предприняты все попытки воспроизвести оригинальную книгу в том виде, в каком она была напечатана.

Не предпринималось никаких попыток исправить или нормализовать слова в испанском или других языках.

Содержание тома III

(примечание переписчика электронного текста)

ИНКВИЗИЦИЯ ИСПАНИИ

РАБОТЫ ОДНОГО АВТОРА

ИСТОРИЯ ИНКВИЗИЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. В трех томах, октаво.

ИСТОРИЯ УШНОЙ ИСПОВЕДИ И ИНДУЛЬГЕНЦИЙ В ЛАТИНСКОЙ ЦЕРКВИ. В трех томах, октаво.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СВЯЩЕННИЧЕСКОГО БЕЗБРАЧИЯ В ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ. Третье издание. (В стадии подготовки.)

ФОРМУЛЯР ПАПСКОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ ТРИНАДЦАТОГО ВЕКА. Один том, октаво. (Вышло из печати.)

СУЕВЕРИЕ И СИЛА. Очерки о пари закона, о пари битвы, об испытаниях, пытках. Четвертое издание, переработанное. В одном томе, 12 млн. экземпляров.

ИССЛЕДОВАНИЯ По ИСТОРИИ ЦЕРКВИ. Возвышение светской власти, преимущества духовенства, отлучение от церкви, ранняя Церковь и рабство. Второе издание. В одном томе 12 млн.

ГЛАВЫ Из РЕЛИГИОЗНОЙ ИСТОРИИ ИСПАНИИ, СВЯЗАННЫЕ С ИНКВИЗИЦИЕЙ. Цензура прессы, мистики и иллюминаты, Эндемониады, Эль-Санто-Ниньо-де-ла-Гуардиа, Брианда де Бардакси.

МОРИСКИ ИСПАНИИ. ИХ ОБРАЩЕНИЕ И ИЗГНАНИЕ. В одном томе, 12 млн.

ИСТОРИЯ ИНКВИЗИЦИИ В ИСПАНИИ

ГЕНРИ ЧАРЛЬЗ ЛИ, ДОКТОР юридических наук

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ТОМ III.

Нью-Йорк
КОМПАНИЯ MACMILLAN
ЛОНДОН: MACMILLAN & CO., Ltd.
1907 г.
Все права защищены

НАПЕЧАТАНО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

Авторское право, 1907 г.,
Компанией MACMILLAN.

-
Установлено и напечатано электротипом. Опубликовано в январе 1907 года.

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА III.

КНИГА VI—ПРАКТИКА (Продолжение).

Глава VII—Пытки.

СТРАНИЦА

Общее применение пыток в светских судах	1
Инквизиция не была исключительно жестокой	2
Более умеренный, чем Святая канцелярия Рима	3
Формальные предварительные меры для предотвращения злоупотреблений ею	4
Угроза пыток	6
Условия, оправдывающие пытки	7
Пытки свидетелей—пытки <i>в капуте</i> <i>отчуждения</i>	11
Изъятия не допускаются	13
Ограничения пыток	14
Применение пыток	16
Разновидности пыток	18
Тяжесть пыток	22
Протокол применения пыток	24
Признание под пыткой должно быть подтверждено	27
Повторение пыток	28
Терпение без признания	30
Частота применения пыток	33
Гонорары Палача	35

Глава VIII—Судебный процесс.

Постепенное развитие процедуры	36
Аудитория —Три слушания	37
Снятые обвинения	39
Обвинение	41
Адвокат защиты —его функции	42
Куратор по делам несовершеннолетних	50
Патрон Теологос	51
Публикация доказательств	53
Защита—отвод судей	56
Безумие	58
<i>Тача</i> и <i>Абонос</i>	63
Доказательства в пользу защиты	64
Довод адвоката	69
Допрос обвиняемого	70

Консульта де Фе	71
Задержки	75
Судебное преследование Умерших	81
Отсутствующих	86

КНИГА VII—НАКАЗАНИЕ.

Глава I—Приговор.

Две формы приговора	93
Содержание виновного в неведении	94
Апелляции	95
Изменение приговора	97
Строгость или снисходительность	99
Приведение приговора в исполнение	101
Оправдательный приговор	105
Приостановление действия наказания	108
Освобождение под залог	111
Согласие или нарушение закона	113
Используется инквизицией в Сомнительных случаях	114
Формула процедуры	117

Глава II—Незначительные наказания.

Выговор	121
Отречение	123
Изгнание	126
Разрушение домов	128
Духовные покаяния	131
Необычные наказания	132

Глава III—Более суровые наказания.

Бич	135
Вергуэнца	138
Галеры—Президио	139
Примирение	146
Вечная тюрьма	151
Коммутации	160
Санбенито	162
Его демонстрация в церквях	164
Инвалидность	172
Церковные правонарушители	180

Глава IV— Кол.

Сожжение за ересь в публичном праве Европы	183
Ответственность Церкви	184
Обращение до или после вынесения приговора—Удушение перед сожжением	190
Условия, влекущие за собой смягчение— Упорство	195
Отрицание—the <i>Negativo</i>	198
Частичное признание— <i>Уменьшительное</i>	199
Догматик или ересиарх	200
Рецидив	202
Исчезновение расслабленности	208

Глава V—Аутодафе.

Впечатляющесть <i>Публичного Авто</i>	209
Приготовлений и празднования	213
<i>Авто Частности</i> или <i>Аутильо</i>	220
Он заменяет автомобиль общего пользования	221
Празднование в церквях	224
Аутодафе как захватывающее развлечение	227

КНИГА VIII—СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ.

Глава I—Евреи.

Пренебрежение обучением обращенных по принуждению	231
Слабость доказательств, требуемых для судебного преследования	232
Постепенное исчезновение иудаизма	234
Приток португальских иудаистов после завоевания Португалии	237
Португалия—обращение с еврейскими беженцами	237
Жуан III решает ввести инквизицию	238
Борьба в Риме между Жуаном и Новыми христианами	239
Жуан получает неограниченную инквизицию	253
Деятельность инквизиции	259
Трибунал, учрежденный в Гоа, но не в Бразилии	261

Организация португальской инквизиции	262
Дела Джорджа Бьюкенена и Дамиана де Гоша	263
Взросшая активность после испанского завоевания	265
Всеобщее помилование 1604 года	267
Португальские новые христиане в Испании	270
Активное преследование в Португалии	273
Обсуждения вопроса о высылке	275
Восстание 1640 года —Жуан IV благоволит Новым христианам	280
Падре Антонио Виейра С. Дж . обращается за ними в Рим	284
Иннокентий XI приказывает внести изменения в процедуру	289
Неослабевающие предрассудки в Испании— Оливарес выступает против инквизиции	290
Страх перед еврейской пропагандой —Дело Лопе де Вера	293
Постоянные преследования португальцев	296
Постепенное устаревание еврейских обрядов	300
Ограничение эмиграции или изгнания	303
Катастрофа на Майорке	305
Возобновление преследований после войны за наследство	308
Исчезновение иудаизма в Испании	311
Исключение о евреях—иностранцах	311
Рeadмиссии в Испанию в соответствии с Конституцией 1869 г.	315
Глава II-Морискос.	
Терпимость к мудехарам—Капитуляция Гранады	317
Талавера и Хименес в Гранаде	319
Восстание мавров—Принудительное обращение в христианство	322
Изабелла принуждает к обращению в Кастилии—Пренебрежение инструкциями	324
Преследование новообращенных	328
Ситуация в Гранаде	331

Репрессивный эдикт Филиппа II в 1567 году	334
Восстание морисков	338
Они депортированы и рассеяны — их процветание	339
Мавры под короной Арагона	342
Валенсия—Принудительное крещение Германией	346
Расследование его масштабов и характера	348
Решение о принудительном присоединении к вере	351
Карл V предоставляет всем маврам альтернативу изгнания или крещения —они подчиняются	352
Конкордия 1528 года освобождает их от инквизиции	357
Инквизиция игнорирует Соглашение	358
Штрафы заменены конфискацией	360
Деятельность инквизиции—Дело дона Косме Абенамира	362
Тщетные попытки наставления и обращения в веру	365
Эдикты милосердия —их провал	371
Периодические испытания умеренности	373
Плачевное положение морисков—Эмиграция запрещена	375
Вопросы о крещении, браке, разделке мяса	380
Опасное недовольство морисков	382
Набеги мавританских корсаров на побережье	383
Заговоры с иностранными державами с целью восстания	384
Планы предотвращения опасности—Высылка разрешена на	388
Его казнь в Валенсии, сентябрь 1609 г.	393
Изгнание из Гранады и Андалусия в январе 1610 г.	398
одновременно из Кастилии	399
из Арагона и Каталонии в мае 1610 г.	401
Окончательное искоренение <i>морисков антигуос</i>	403

Высылка отложена в Мурсии до января 1614 г.	404
Количество и судьба изгнанников	406
Разбазаривание конфискации	409
Глава III—протестантизм.	
Преувеличение протестантского движения в Испании	411
Свобода слова в дореформенный период— Эразмус	412
Первые попытки репрессий в 1521 году	413
Энхиридион Эразма—Преследование эразмистов—католиков	414
Иностранцев—протестантов	421
Коренных протестантов	423
Доктора Эджидио и протестантов Севильи— протестантская пропаганда	424
Протестантов Вальядолида—Всеобщая тревога, которой воспользовался Вальдес	429
Судебные решения от 21 мая и 8 октября 1559 г.	437
Судебных разбирательств в Севилье— Судебные решения 1559, 1560, 1562, 1564 и 1565 гг.	442
Подавленный протестантизм коренных народов—Страх перед иностранной пропагандой и идеями	448
Несколько единичных случаев преследования коренных протестантов	452
Судебное преследование иностранцев за реальный или предполагаемый протестантизм	457
Препятствование торговым сношениям— Договоры с Англией, Голландией и Францией	462
Исключение иностранцев, за исключением армия	472
Обращение иностранных еретиков	476
Глава IV—Цензура.	
Цензура изначально была функцией государства	480
Восстание лютеран привело к тому, что инквизиция взяла ее на себя в 1521 году	482
Папская власть предоставила в 1539 году	482

Лицензии на печать, выданные государством—Книги, осужденные инквизицией	483
<i>Index Librorum Prohibitorum</i> или <i>Экспургандорум</i>	484
Проверка всех библиотек и книжных магазинов	487
Жестокий закон Филиппа II 1558 г.	488
Использование Эдикта веры и исповеди	490
Тривиальность экспургации	491
Расхождение между инквизицией и Святым Престолом	492
Последовательные указатели - Кироги, Сандоваля, Сапаты, Сотомайора, Видаля Марина, Прадо—и—Куэсты и Обвинения Ultimo	493
Практика изъятия книг и библиотек-Эскориал	497
Бдительный надзор за книжными магазинами и библиотеками—Поместья мертвых	501
Надзор за импортом и внутренними перевозками	504
Препятствия торговле и культуре	508
Меры предосторожности против контрабанды— <i>Visitas de Navíos</i>	510
Вмешательство в коммерцию — Дело Бильбао	513
Стать чисто финансовыми—Попытка возродить их в 1819 году	519
Лицензий на чтение запрещенных книг	521
Штрафы за игнорирование цензуры	525
Запрет народных Библий	527
Различные злоупотребления цензурой	530
Ссора с Римом из—за <i>Регалистов</i> — Инквизиция обеспечивает свою независимость	533
Это оборачивается против короны—Карлос III контролирует свою цензуру	539
Цензура направлена против Революции	542
Цензура морали и искусства	545
Влияние цензуры	548

ИНКВИЗИЦИЯ ИСПАНИИ.

КНИГА VI. (Продолжение).

ГЛАВА VII.

ПЫТКИ

НА современный взгляд, применение пыток в судебном порядке как средства установления истины настолько отталкивающе и нелогично, что мы склонны забывать, что это с самых древних времен практиковалось почти всеми цивилизованными нациями. У нас устройство суда присяжных освободило судью от ответственности, возлагаемой на него в других системах юриспруденции. Эта ответственность должна была быть выполнена; решение должно было быть принято даже в самых сомнительных случаях, и там, где доказательства были неполноценными и противоречивыми, использование пыток как средства получения признания или, благодаря их продолжительности, указания на невиновность, казалось, до наших дней, после отказа от принуждения и Божьего суда, было единственным средством успокоения судебной совести. Было признано, что она опасна и ошибочна, что ее следует применять только с осторожностью, но заменить ее было нечем. [1]

То, что инквизиция должна была применять пытки, было само собой разумеющимся, поскольку преступление в виде ереси часто было особенно трудно доказать; признания требовались во всех случаях, и с середины XIII века обычное применение пыток Святой Канцелярией стало наиболее эффективным фактором распространения их применения по всему христианскому миру в ущерб устаревшим варварским обычаям. Это правда, что Испания не хотела признавать это нововведение. В Кастилии, которая отвергла инквизицию, Альфонсо X, несмотря на свое восхищение римским правом, требовал, чтобы признание было добровольным, и настаивал на том, что, если оно получено с помощью пыток, впоследствии оно должно быть свободно подтверждено, без угроз или давления. [2] В королевствах Арагон, признавших инквизицию, пытки оставались незаконными, и только по распоряжению Климента V они были применены в 1311 году к тамплиерам. [3] Однако ко времени организации Испанской инквизиции уголовные суды Кастилии ежедневно применяли пытки, и не могло быть никаких сомнений в правомерности их применения Святой Канцелярией. В Арагоне Пенья говорит нам, что, хотя это было запрещено светской юриспруденцией, это было свободно разрешено в вопросах веры. Тем не менее, за его использованием ревниво следили, поскольку, когда к помощи пыток обратились по делу заключенного, обвиняемого в убийстве знакомого, суды 1646 года жаловались на это как на беспрецедентное нововведение, которое было предотвращено только активным вмешательством депутато и вице-короля. [4] Валенсия была менее строга в исключении пыток из своих судов, но настолько ограничила их применение, что в 1684 году трибунал сообщил, что в случаях неестественных преступлений (о которых ему было известно,

при условии судебного разбирательства по светскому процессу) он больше не применял пытки, потому что методы, разрешенные фуэрос, были настолько легкими, что обвиняемый не испытывал перед ними страха, и они были безопасны. бесполезно добиваться признания. [5]

БОЛЕЕ УМЕРЕННЫЙ, ЧЕМ В РИМЕ

Мы увидим, что иногда суды злоупотребляли применением пыток, но распространенное мнение о том, что камера пыток инквизиции была ареной исключительной изощренной жестокости, особо изобретательных способов причинения агонии и особого упорства в вымогательстве признаний, является ошибкой авторов сенсаций, которые воспользовались легковерием. Система была злой по замыслу и по исполнению, но испанская инквизиция, по крайней мере, не несла ответственности за ее внедрение и, как правило, была менее жестокой, чем светские суды в ее применении, и более строго ограничивалась несколькими хорошо известными методами. Фактически, мы можем обоснованно предположить, что пытки применялись реже, поскольку его научная система подавления сопротивления в рамках длительной процедуры была более эффективной, чем более грубая и оперативная практика светских судов, где, как нам сообщил архиепископ Гранады Педро де Кастро, было печально известно, что никто не признавался, кроме как под пытками. [6]

В этом отношении сравнение между испанской и римской инквизицией также в высшей степени в пользу первой. Вскоре у нас будет возможность увидеть ограничения, которые он накладывал на применение пыток, в то время как в Риме было правилом, что все, кто сознался или был осужден в вопросах веры, подвергались пыткам для дальнейшего установления истины и разоблачения сообщников. В дополнение к этому было много категорий дел, в которых Рим применял пытки для получения признания и в которых они были запрещены в Испании — те, которые связаны с простой презумпцией ереси, такие как вымогательство, колдовство, богохульство и т.д. Более того, в Риме закон *in arbitrio judicum* применялся не только к виду и продолжительности пытки, но и к ее повторению. [7] Таким образом, испанские авторы-практики были правы, утверждая, что для их собственных судов щадящее применение пыток, неизвестное в Италии, в то время как, что касается их суровости, частота, с которой в ходе судебных процессов мы обнаруживаем, что обвиняемые преодолевали пытки, указывает на то, что обычно они не доводились до крайности, как это часто было в светских судах. Ни одна камера пыток инквизиции не располагала ресурсами коррехидора, который в 1612 году в течение трех часов трудился, чтобы добиться от Диего герцога Эстрады признания в совершении убийства - пытка водой, манкуэрда, потро, раскаленные утюги для ног, раскаленные кирпичи для живота и ягодиц, гарротильо, известные как ломающие кости, трампа для отрывания ног и бостезо для растягивания рта — и все это было повседневным делом уголовного правосудия. [8]

Непрямые пытки в виде особо сурового тюремного заключения были известны инквизиции и иногда применялись с целью сломить упрямство. Это не было, как в средневековой инквизиции, предписано как обычное средство, но это было на усмотрение трибунала и могло быть в любой момент пущено в ход, как в случае с упорным еретиком в 1512 году, которого отправили в самую зловонную часть тюрьмы и подвергали различным пыткам в надежде

просветить его разум. [9] В более поздний период неторопливого действия часто прибегали к длительному тюремному заключению в надежде вызвать раскаяние и обращение, когда беспокойство и отчаяние ослабляли волю так же эффективно, как более острые муки от блока и дыбы. Существовал также хитроумный прием, часто эффективный, с помощью которого фискал заканчивал свое официальное обвинение требованием, чтобы, при необходимости, обвиняемого пытали до тех пор, пока он не сознается. В более ранний период это было неизвестно, но Инструкции 1561 года рекомендуют это, приводя в качестве причины хорошие результаты, а также то, что пытка требует требования прокурора и уведомления подсудимого, который не готов к ней на данном этапе судебного разбирательства. [10] После этого признание пыток во всех случаях стало всеобщим обычаем, и можно легко представить глубокое впечатление, произведенное на несчастного заключенного.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Сама пытка, однако, считалась слишком серьезной, чтобы оставлять ее на произвол сбитого с толку или разгневанного инквизитора, и ей предшествовали формальности, призванные предотвратить злоупотребление ею. Это было последнее средство, когда результат судебного разбирательства оставлял сомнения в удовлетворении. После того, как обвинение и защита завершили свое выступление и консультативная группа собралась для рассмотрения приговора, если доказательства были слишком слабыми для осуждения, а невиновность обвиняемого не была очевидной, она могла проголосовать за применение пыток и отложить принятие решения до вынесения результата. Даже в жестокости раннего периода часто наблюдалась эта обдуманность, хотя в безрассудной спешке процедуры она часто упускалась из виду. Так, в случае Диего Гарсии, священника, обвиняемого в том, что двадцать лет назад, когда он был мальчиком, он сказал, что причастие - это хлеб, консультация провела два заседания, 18 и 19 января 1490 года, и в конце концов проголосовала за пытки. Однако спешки не было, и только 11 февраля Гарсия подвергся очень умеренной пытке водой - около литра воды. Признания получено не было, и его развязали, заявив, что его недостаточно пытали, но это не повторилось, и 26 февраля он был оправдан и восстановил свою славу и честь, хотя, с удивительно извращенной инквизиционной логикой, его заставили отречься от *де вементи* и запретили служить мессе в течение шести месяцев. [11] Голосование консулата, однако, не было всеобщим, и в 1518 году Супрема приказал всегда соблюдать его, но пункт в Инструкциях 1561 года, напоминающий инквизиторам, что они не должны применять пытки до заслушивания защиты, показывает, насколько трудно было сдерживать их произвол. [12] Даже в начале восемнадцатого века, рассматривая краткое изложение дел Валенсии с 1705 по 1726 год, Верховный суд упрекнул трибунал в пытках Себастьяна Антонио Родригеса без предварительной консультации, но в этот период консультативная служба устарела, и все сосредоточилось на Верховном суде. [13]

Голосование консультанта по-прежнему носило лишь предварительный характер. После этого обвиняемого приводили в зал для аудиенций, где должны были присутствовать все инквизиторы и ординарии епископата. Он был уведомлен о решении консульта; если он был *диминуто*, указывались пункты, в которых его признание не соответствовало доказательствам; если *отрицание*, никаких объяснений не требовалось; если это было сделано намеренно или в *капите отчуждения*, ему дали это понять. Его заклинали именем Бога и Пресвятой Девы полностью признаться, без ложных показаний против себя или других, и, если это не подействует на него, всеми судьями был подписан официальный приговор о пытках и зачитан

ему. В нем говорилось, что, принимая во внимание подозрения, возникшие против него на основании улик, они приговорили его к пыткам на такой срок, какой сочтут нужным, чтобы он мог рассказать правду о том, что было засвидетельствовано против него, протестуя против того, что, если в результате пыток он умрет или у него истечет кровь или будут нанесены увечья, это следует приписать не им, а ему за то, что он не сказал правду. Если пытка была направлена на выявление сообщников, то принимались меры к тому, чтобы не делать никаких намеков на него и не давать ему шанса оправдаться, поскольку предполагалось, что он уже осужден. [14]

Даже этот приговор не обязательно был окончательным, поскольку, если обвиняемый предлагал новую защиту, ее необходимо было рассмотреть и принять меры, прежде чем продолжать. [15] Более того, теоретически он имел право обжаловать это, как и все другие промежуточные приговоры, генеральному инквизитору. Это право менялось в разное время. Постановление Верховного суда от 1538 года, по-видимому, указывает на то, что оно было вынесено по праву, но Инструкции от 1561 года говорят инквизиторам, что, если они испытывают угрызения совести, они должны удовлетворить его, но если они убеждены, что приговор оправдан, они должны отклонить апелляцию как несерьезную и затягивающую. [16] Тем не менее право просить об этом было настолько полно признано, что, если обвиняемому не было двадцати пяти лет и, следовательно, он был несовершеннолетним, его *куратор* или опекун должен был присутствовать, чтобы подать апелляцию, если он сочтет нужным, и я встречался с примером этого в деле Анджелы Перес, рабыни из племени мориско, в суде Толедо в Нью-Йорке. В 1575 году оно, как обычно, не увенчалось успехом, поскольку Верховный суд подтвердил приговор. [17] Трибуналы, похоже, нередко разрешали апелляции, но с растущей централизацией в Верховной Раде они стали излишними, и формула, составленная в 1690 году, предписывает не обращать на них внимания. [18]

УСЛОВИЯ

Когда доказательства вины были слишком слабыми, чтобы оправдать применение пыток, совет федерации иногда голосовал за угрозу применения пыток. [19] Затем приговор был официально составлен и зачитан обвиняемому, его отвели в камеру пыток, раздели и, возможно, привязали к *потро* или *эскалере*, без дальнейших действий. Любопытный случай произошел с Леонор Перес, которая в возрасте семидесяти лет была приговорена 3 мая 1634 года в Вальядолиде к заключению *conspectu tormentorum*. Когда 10 мая ее раздели, палач сообщил о следах предыдущих пыток; разбирательство было приостановлено, и 13 мая она призналась, что двадцать лет назад ее пытали в Коимбре. 14 июня приговор снова был приведен в исполнение, но, прежде чем ее раздели, она призналась в некоторых еврейских верованиях, а затем упала в обморок. Была необходима отсрочка, и два дня спустя она отозвала свое признание. Дело затянулось, и только 1 августа 1637 года ее приговорили к отречению от *воли*, к шести годам ссылки, штрафу в двести дукатов и параду в *вергуэнце*, но мы все еще слышим о ней как о заключенной в начале 1639 года. [20] Требовались крепкие нервы, чтобы выдержать эту угрозу пыток с ее ужасающими формальностями и отсрочками, и часто это оказывалось эффективным.

Условия, которые считались оправдывающими применение пыток, заключались в том, что инкриминируемое преступление имело достаточную тяжесть и что доказательства, хотя и не были полностью решающими, были таковы, что обвиняемый должен был иметь возможность “избавиться” от них путем выдержки, пропорциональной их силе. С точки зрения инквизитора,

это было одолжением обвиняемому, поскольку давало ему шанс, в котором было отказано тем, чей приговор был вынесен. Это иллюстрируется весьма важным делом, рассмотренным трибуналом Толедо в 1488 году. Хуан дель Рио долго жил в Риме, где присутствовал на юбилее 1475 года; искусством придворного он завоевал расположение Сикста IV и вернулся в Испанию около 1483 года, нагруженный бенефициями — среди них пребендой в соборе Толедо, — которые возбудили алчность и вражду. Он был старым христианином чистокровного бискайского происхождения, которого нельзя было заподозрить в иудаизме, но он был распущенным и бесцеремонным болтуном; в Испании, которую он покинул, было много распущенности, в Риме, где он так долго жил, было еще больше; по возвращении он не смог приспособиться к новому порядку вещей, и его безрассудная болтовня дала возможность освободиться от своих многочисленных предпочтений. Улики против него были самыми надуманными; самое серьезное обвинение состояло в том, что, когда арендатор не смог заплатить арендную плату из-за инквизиции, он раздраженно пожелал этого дьяволу. Позже у него был бы шанс стереть улики с помощью пытки водой, но ему этого не позволили; его поспешно отправили на костер как упрямого *негативиста*, оставив добычу тем, кто мог ее добыть. [21]

Общепризнанной максимой гражданского права было то, что пытки не должны применяться, когда наказание за инкриминируемое преступление было менее суровым, чем применение пыток, — уравнивание страдания, которое предоставляло врачам широкие возможности определить неизвестную величину. Это было полностью принято инквизицией, и нам сказали, что пытки не показаны за высказывания, просто оскорбительные, опрометчивые, скандальные или богохульные, или за утверждение, что простой блуд не является смертным грехом, или за еретическое богохульство, или за колдовство, или за высказывания, проистекающие из невежества, или за двоеженство, или за домогательства на исповеди, или за нахождение под отлучением от церкви на год, или за другие дела, которые вызывают лишь легкое подозрение в ереси, даже если за некоторые из этих преступлений наказанием было бичевание и галеры. На пытки открыто ссылаются как на непоправимый вред, применение которого было бы неоправданным в подобных вопросах. [22]

УСЛОВИЯ

Однако это, как и все остальное в этом туманном регионе, допускало значительную небрежность в применении. Когда Франсиско де Торнамира, восемнадцатилетний юноша и паж герцога Пастраны, предстал перед судом в 1592 году по обвинению в том, что он сказал, что евреи и мавры могут быть спасены, если они будут верить в свои соответствующие верования, он отрицал это и подвергался пыткам, пока не признался, а затем была признана незначительность его проступка, в результате которого он был подвергнут только отречению от престола *де леви*, прослушиванию мессы в качестве кающегося грешника в зале для аудиенций и выговору. Тот же суд в 1579 году рассматривал дело Стефано Гриллена, итальянца, который в беседе с некоторыми случайными попутчиками утверждал, что чудеса в святилищах Богоматери Аточской и ла Каридад были сотворены самой Пресвятой Девой, а не ее изображениями. Он добровольно признался, но был подвергнут пыткам — очевидно, намеренным — и был уволен с тем же тривиальным наказанием, что и Торнамира. [23] Еще более наводящим на размышления является дело Хуана Перейры, пятнадцатилетнего мальчика, судимого в 1646 году в

Вальядолиде за иудаизм. Разбирательство затянулось, и он постепенно сошел с ума; с ним ничего нельзя было поделаться, и мнения относительно реальности его безумия разделились. К Верховному судье обратились с просьбой применить пытки, и он мудро распорядился выяснить это. Операция была проведена 22 апреля 1648 года, но метод диагностики оказался не таким успешным, какого заслуживала его изобретательность, и в августе он был отправлен в больницу на шесть месяцев с инструкциями тщательно наблюдать за ним. Поскольку его имя после этого исчезает из записей, он, вероятно, скончался в больнице. [24] Очевидно, что инквизиция не приняла близко к сердцу предупреждение Верховного Суда в 1533 году о том, что пытки - это очень деликатный вопрос. [25]

Когда мы переходим к вопросу о характере доказательств, требующих применения пыток для их выяснения, мы обнаруживаем, насколько иллюзорными были все попытки легистов установить абсолютные правила и чем все закончилось тем, что вопрос был оставлен на усмотрение трибунала. Поскольку признание, хотя и желательное, не было необходимым для вынесения обвинительного приговора, *негативист*, который был осужден на основании достаточных доказательств, не должен был подвергаться пыткам, а должен был быть смягчен. Однако даже это правило могло быть отменено по прихоти судьи, хотя в таких случаях его предупреждали о необходимости официально заявить протест о том, что он не направлял пытку против доказанных фактов, по той очень веской причине, что продолжение пыток может стереть их и свести на нет доказательство. [26] Было невозможно свести к логической формуле то, что по своей сути было нелогичным, или сформулировать точное определение доказательств, которые были недостаточны для вынесения обвинительного приговора, но достаточны для применения пыток. Было легко сказать, что *доказательств* семиплены достаточно, но что такое "семиплена"? Один орган власти скажет нам, что один свидетель, даже сообщник, оправдывает пытку, другой - что необходимы три свидетеля-сообщника. Опять же, иногда считается, что одному беспристрастному и безупречному свидетелю требуется общественная известность в качестве вспомогательного средства, но протоколы полны случаев, когда пытки применялись на основании неподтвержденных показаний единственного свидетеля. Также остро обсуждался вес других более или менее подтверждающих доказательств, но без достижения существенного согласия — было ли достаточным оправданием бегство перед арестом, или побег из тюрьмы, или колебания и двусмысленность при допросе, или даже бледность. [27] Поэтому неудивительно, что в качестве практического результата нам говорят, что все эти вопросы должны быть оставлены на усмотрение судьи, подлежащего решению в каждом отдельном случае. [28] При таких условиях было бы бесполезно ожидать единообразия практики во всех трибуналах и во все периоды. Выше мы видели, что дела иногда приостанавливались из-за того, что доказательства не были подтверждены, однако трибунал Толедо в 1584 году пытал Лопе эль Гордо именно по этой причине, потому что главный свидетель против него не подтвердил свои показания, и удовлетворительно добавить, что Лопе вынес пытки и таким образом заслужил приостановку своего дела. [29]

The *диминуто*, признание которого не охватывало всех неблагоприятных улик, согласно правилу, подлежало пыткам, чтобы объяснить этот недостаток. Если он выдержит без дальнейших признаний, он должен был быть наказан на основании того, в чем он признался, но если он нетаким образом очистит улики, он должен был быть отправлен на галеры. Иногда это делалось просто в избытке, очевидно, чтобы удовлетворить любопытство трибунала, как в деле Антонио де Андрады в Толедо в 1585 году, который признался в том, что было вполне достаточным для его наказания, но, поскольку были некоторые упущения, его пытали, чтобы

прояснить их. Однако в семнадцатом веке нас заверили, что при пытках диминуто применялись особые меры предосторожности и что это делалось только в тех случаях, когда опущенные обстоятельства требовали расслабления. Однако, если они касались сообщников, которых преступник подозревался в покровительстве, его пытали в *caput alienum*. Отказ от признания или уклонение от него обязательно требовали пыток, чтобы устранить противоречие; это происходило в основном с робкими людьми, напуганными требованием фискалов применить пытки, и, таким образом, приводило к признаниям, о которых они впоследствии вспоминали, тем самым навлекая на себя то, чего они стремились избежать. [30] Вопрос о намерениях, безразличный при совершении действий сами по себе, был, как мы видели, частым поводом для пыток, поскольку юриспруденции того периода не было известно никаких других средств, направленных на выяснение тайн разума преступника.

СВИДЕТЕЛИ

Однако возможно, что в некоторых случаях, когда пытки кажутся чистым излишеством, могло иметь место доброе намерение внести свой вклад в спасение страдальца, побудив или подтвердив его обращение; ибо обычные преследования во имя вящей славы Божьей вызывали состояние ума, исключаящее все рациональные интеллектуальные процессы, когда речь шла о вере. Таким образом, Рохас говорит нам, что не должно быть никаких колебаний в применении пыток, когда речь идет о спасении души преступника, чтобы он мог примириться с Церковью и понести епитимью, благодаря которой он мог бы спастись. [31] На этой аргументации настаивали в деле Рене Перро в 1624 году некоторые консультанты трибунала Толедо. Его преступление в жестоком обращении с Хозяином было публичным и неоспоримым, но он разошелся в своих заявлениях относительно своей веры; совет федерации был единодушен в том, что предписал пытки для выявления возможных сообщников, но некоторые из членов требовали специальных дополнительных пыток, чтобы утвердить его в вере и спасти его душу. [32]

То, что свидетелей следует подвергать пыткам с целью получения или подтверждения их показаний, является злоупотреблением, которое, каким бы отвратительным оно нам ни казалось, было более или менее замаскированной практикой везде, где применялись пытки. Это правда, что римское право запрещало допрашивать того, кто признал свою вину, на предмет вины другого, и этот принцип, принятый в Фальшивых Декретах, стал частью раннего канонического права. [33] Инквизиция, однако, рассматривала осуждение еретика лишь как предварительное средство для того, чтобы заставить его выдать своих сообщников; самое раннее папское заявление 1252 года, разрешающее применение пыток, предписывало использовать это средство для обнаружения сообщников, и, наконец, Павел IV и Пий V постановили, что все, кто был осужден и сознался, должны, по усмотрению инквизиторов, подвергаться пыткам с этой целью. [34] Вопрос, разрешаемый или уточняющий, при котором осужденного пытали, чтобы заставить его раскрыть своих сообщников, стал, под влиянием инквизиции, частью уголовной юриспруденции всех стран, в которых применялись пытки. На самом деле это была пытка свидетелей, поскольку судьба преступника была решена, и, таким образом, его использовали только для дачи показаний против других.

Таким образом, испанская инквизиция следовала лишь общей практике, когда пытала в *caput alienum* тех, кто признал свою вину. Ни одно признание не считалось полным, если в нем не

раскрывались имена тех, о ком кающийся знал, что они виновны в еретических деяниях, и если были основания подозревать, что он не полностью освободил свою совесть в этом отношении, естественным средством были пытки. Таким образом, даже нераскаявшийся или впавший в рецидив, который был обречен на расслабление, должен был подвергнуться пыткам, и ему должны были ясно дать понять, что это было сделано в качестве свидетеля, а не стороны, и что его выдержка пыток не спасет его от костра. Инструкции 1561 года, однако, предупреждают инквизиторов, что в этих случаях следует проявлять большую осторожность, и пытки *in caput alienum* были скорее исключением в Испании, чем правилом, как в Риме. [35] В случае с *негативо*, против которого были собраны убедительные доказательства и который, таким образом, должен был быть осужден без пыток, применение к нему пыток против его предполагаемых сообщников дало возможность попытаться добиться его собственного признания и обращения. Мы видели, как это потерпело неудачу в 1596 году в мексиканском деле Мануэля Диаса, и не было более успешным в Лиме в 1639 году с Энрике де Пас-и-Мелло, хотя конечный результат был иным. Он упорно отрицал это на протяжении пяти последовательных публикаций доказательств, поскольку свидетельские показания против него накапливались в ходе судебных процессов над его сообщниками. Он был приговорен к послаблению и пыткам *in caput алиенум*; это было применено с большой суровостью, без преодоления его стойкости, и он настаивал на пяти других публикациях по мере сбора новых доказательств. И все же в полночь перед аутодафе, на котором его должны были сжечь, он ослабел. Он признался в содеянном себе и другим, и его приговор был изменен на примирение и галеры, в то время как его разоблачения были хорошо использованы против тридцати его сообщников. [36]

НИКАКИХ ИСКЛЮЧЕНИЙ

Пытки свидетелей, которые сами не были под судом, разрешались, когда они менялись или отказывались от показаний, или настолько противоречили другим свидетелям, что это было сочтено необходимым для установления истины; но вопрос о том, можно ли так обращаться со свидетелями-клерками, был предметом споров. Как правило, пытка в таких случаях должна была быть умеренной, не легкой и не чрезмерной, но при отзыве показаний ее можно было повторить до трех раз. [37] Как мы видели выше (т. II, стр. 537) рабов, дающих показания по делам своих хозяев, всегда можно было подвергнуть пыткам, если это было необходимо для подтверждения их показаний. В ходе судебного преследования Хуана де ла Кабальерии в 1488 году как соучастника убийства Сан-Педро Арбуэса его рабыня Лусия дала компрометирующие показания, от которых ее убедили отказаться, в результате чего она была дважды подвергнута пыткам и подтвердила это. [38]

Подобно *величествам*, в ереси не было привилегированных классов, освобожденных от пыток. Этому подлежали дворяне, как и священнослужители всех рангов, но последние подлежали менее суровым пыткам, чем миряне, если только случай не был очень серьезным, и они имели право на священнослужителя-палача, если такового удавалось найти для исполнения этой обязанности. Как и в случае их ареста, так и в случае пыток, приговор, вынесенный хартией акордада 1633 года, должен был быть представлен Верховному суду для утверждения. [39]

Что касается возраста, то, по-видимому, не было ни одного случая, дающего право на освобождение. Льоренте, действительно, описывая случай, когда девяностолетняя женщина

была замучена в Куэнке, говорит, что это противоречило приказам Верховного Суда, который предписывал помещать престарелых только *conspectu tormentorum*, [40] но я никогда не встречал такого правила. В 1540 году Верховный суд постановил, что следует учитывать качество и возраст обвиняемых и, при необходимости, пытки должны быть очень умеренными, в то время как Инструкции 1561 года, которые являются очень полными, не устанавливают ограничений по возрасту и оставляют все на усмотрение трибунала. [41] Нередки случаи, когда возраст в сочетании с немощью указывается в качестве причины для отказа от пыток или их умеренного применения, но сам по себе возраст не является исключением. На аутодафе в Толедо мы находим семидесятивосьмилетнюю Изабель Канезе, которая быстро призналась, прежде чем пытка зашла слишком далеко, и восьмидесятилетнюю Изабель де Хаэн, которая после пятого оборота веревок потеряла сознание и была с трудом приведена в чувство. [42] В 1607 году в Валенсии семидесятишестилетний Хайме Чулейла после признания в определенных делах был обвинен новым свидетелем в том, что он альфаки; он отрицал это и был должным образом подвергнут пыткам. [43]

Молодежи уделялось не намного больше уважения. В 1607 году в Валенсии Изабель Мадалена, тринадцатилетняя девочка, которую смутно обвиняли в мавританских обычаях, подверглась пыткам, преодолела пытку и была наказана сотней ударов плетью. В том же году этот трибунал проявил больше внимания к Джоану де Эредиа, мальчику десяти или одиннадцати лет, которого лживый свидетель обвинил в том, что он ходил в дом, где преподавались мавританские доктрины. После его упорного отрицания он был приговорен к помещению *conspectu tormentorum*, что было приведено в исполнение, несмотря на апелляцию его прокурора, но он настаивал на своей невиновности, и дело было приостановлено. [44] Умственная отсталость, за исключением невменяемости, не часто допускалась как исключение, и следует отдать должное трибуналу Валенсии, что, когда примерно в 1710 году Верховный суд приказал пытать Джозефа Феликса за намерение в отношении определенных положений, он выразил протест и заявил, что он был слишком невежествен, чтобы понять объект пыток. [45]

СОСТОЯНИЕ ПАЦИЕНТА

Это был универсальный закон, согласно которому пытки не должны подвергать опасности жизнь или конечности, и, хотя этим часто пренебрегали в процессе работы, требовалась определенная предварительная осторожность, чтобы убедиться, что пациент находится в состоянии, обещающем выносливость, — осторожность, допускаемая в теории, но не всегда соблюдаемая на практике. Когда возникали сомнения, иногда вызывали врача инквизиции, как в случае с Родриго Пересом в Толедо в 1600 году, который был болен и слаб, и медицинского свидетельства о том, что пытки могут угрожать здоровью и жизни, было достаточно, чтобы спасти его, но Верховный суд был не столь тактичен, когда в 1636 году приказал трибуналу Валенсии пытать Джозефа Пухаля, прежде чем перевести его в больницу, как это было сделано впоследствии из-за его болезни. [46] Беременность всегда считалась достаточной причиной, по крайней мере, для отсрочки причинения вреда, но Мадридский трибунал в инструкциях от 1690 года допускает только размещение беременных женщин на сиденье вместо привязывания их к дыбе, применяя при этом чрезвычайно жестокую пытку *garrотой* — острыми веревками, по две на каждой руке и по две на каждой ноге, обвязанными вокруг конечности и скрученными с коротким рычагом. [47] Грыжа рассматривалась, по крайней мере в прежние времена, как

препятствие пыткам, и я встречался с несколькими случаями, когда она служила основанием для освобождения пациента, но в 1662 году официальные инструкции Верховного суда предписывают не делать исключений на этот счет, за исключением отсутствия *прыжка на батуте*, который вызывает напряжение вниз; при других пытках хороший прочной фермы достаточно, чтобы предотвратить опасность, и ее всегда следует держать под рукой наготове для таких случаев. [48] В соответствии с этим Мадридский трибунал в 1690 году вынес постановление по делам о грыже об использовании сиденья, предусмотренного для беременных женщин. Что касается женщин, которые кормили грудью, то, по-видимому, не существовало установленного правила. В 1575 году, когда трибунал Валенсии предложил пытать Марию Гило, вызванный врач сообщил, что это подвергнет ребенка неминуемому риску, и от этой цели отказались. Однако в 1608 году в Толедо, когда тот же вопрос возник в случае с Луизой де Нарваес, консулат проголосовал за дискордию, и Супрема приказал подвергнуть ее пыткам. [49]

Помимо этих общих положений, иногда были особые случаи, когда от пыток отказывались из—за состояния пациента - болезни сердца, чрезмерной слабости, повторяющихся обмороков во время введения и по другим причинам. Когда заключенного раздевали, всегда вызывали врача и хирурга, чтобы осмотреть его, и держали их под рукой на случай несчастного случая. Трибуналы, по-видимому, были более мягкосердечны, чем Верховный суд, который в своих инструкциях от 1662 года порицал инквизиторов, уклоняющихся от вынесения приговоров к пыткам из-за слабости или сломанной руки. Это, говорится в нем, неуместно, поскольку лишает возможности получить признание на различных предварительных этапах оглашения приговора, приведения в камеру пыток, раздевания и привязывания к козлам; кроме того, после начала пытки ее всегда следует прекращать по приказу врача. [50] Была еще одна полезная мера предосторожности — между последним приемом пищи и пыткой должен быть надлежащий интервал. Примерно в 1560 году инквизитор Сервантес говорит, что пациент не должен принимать пищу или питье вечером накануне или утром причинения вреда, а в 1722 году писатель указывает восемь часов для предварительного голодания. [51]

ПАЛАЧ

При применении пыток требовалось присутствие всех инквизиторов и представителя епископата вместе с нотариусом или секретарем для протоколирования процесса. Никому, кроме палача, не разрешалось присутствовать, за исключением случаев, когда вызывали врача или хирурга. В более ранний период были некоторые проблемы с предоставлением официального лица для выполнения отвратительной работы. Похоже, была предпринята попытка заставить второстепенных сотрудников сделать это, но с сомнительным успехом. Фердинанд в письме Торквемаде от 22 июля 1486 года жалуется, что инквизиторы Сарагосы наняли палача, потому что гонцы отказались выполнять эту работу, и он предлагает уволить гонца, а палачу занять его место без увеличения жалованья; если это невозможно сделать, жалованье следует уменьшить. В платежных ведомостях не значится наемный палач; обязанности не были постоянными, и, несомненно, когда требовались надлежащие должностные лица, их привлекали и им платили - но есть наводящее на размышления письмо Фердинанда от 1498 года, в котором он приказывал восстановить некоего Педро де Мороса, который был уволен, в должности посыльного и “для выполнения других обязанностей, которые

инквизиторы могли бы назначить”, за пятьсот суэльдо в год. [52] Когда-то алькаид тюрьмы, по-видимому, был официальным палачом, поскольку в 1536 году Супрема пишет инквизиторам Наварры, что, если их алькаид не искусен в этом деле, они должны найти кого-то, кто таковым является, а не работать с орудиями самостоятельно, как они, по-видимому, делали, поскольку это не соответствует достоинству инквизитора. их личности или должности. [53] В 1587 году в Валенсии мы слышали, что посланник и портеро служили помощниками, и Супрема приказал доверить эту работу доверенному лицу. [54] Однако, в конце концов, трибуналы наняли городского палача, который был профессионалом в своем деле. Когда в 1646 году в Вальядолиде Изабель Лопес было приказано подвергнуть пыткам 23 ноября, алькайда сообщила, что государственный чиновник отсутствовал и время его возвращения было неопределенным; пытка была вынужденно отложена, и 27-го числа Изабель вздумала признаться и таким образом избежала наказания. [55] В Мадриде с марта по август 1681 года городской палач Алонсо де Алькала получил от трибунала сорок четыре дуката за одиннадцать пыток по четыре дуката за штуку. [56] Кажется странным, что могут быть выдвинуты возражения против переодевания палача, но в 1524 году Верховный Суд запретил ему носить маску или заворачиваться в простыню; впоследствии ему было разрешено носить капюшон и менять одежду, а в семнадцатом веке маска и другая маскировка были разрешены, если считалось, что его лучше не узнавать. [57]

На каждом этапе предварительного следствия, после оглашения приговора, отвода заключенного в камеру пыток, вызова палача, раздевания заключенного и привязывания его к козлам, наступала пауза, во время которой его торжественно заклинали говорить правду ради любви к Богу, поскольку инквизиторы не хотели видеть его страданий. [58] Обнаженное раздевание было не просто бессмысленным обострением, оно было необходимо, поскольку веревки вокруг бедер и рук, пояс на талии со шнурами, проходящими от него через плечи спереди назад, требовали доступа ко всем частям тела, и в конце пытки практически не оставалось поверхности, которая не испытала должной доли агонии. Этому подвергались как женщины, так и мужчины, небольшой уступкой приличиям были *zaragüelles* или *paños de la vergüenza*, что-то вроде сокращенных купальных плавок, но, по-видимому, обнажение было полным до того, как они были надеты. [59] Пациенту было сделано предупреждение не говорить неправду ни о себе, ни о других, и во время пыток единственными словами, обращенными к нему, были “Говори правду”. Ему не следовало задавать никаких вопросов и называть никаких имен по той причине, как нам сказали, что страдальцы в своих мучениях были готовы сказать все, что им было каким-либо образом предложено, и лжесвидетельствовать против себя и других. Палач не должен был разговаривать с пациентом, корчить ему рожи или угрожать ему, и инквизиторы должны были следить за тем, чтобы он так расположил веревки и другие приспособления, чтобы не вызвать необратимого увечья или перелома костей. Работа должна была выполняться медленно, с надлежащими интервалами между каждым поворотом *гарроты* или подъема в *гарруче*, иначе эффект терялся, и пациент был склонен преодолевать пытку.

Существовало универсальное правило, согласно которому пытка могла применяться только один раз, если не появлялись новые доказательства, требующие устранения, но это ограничение было легко обойти. Хотя пытку нельзя было повторить, ее можно было продолжать, и, когда она заканчивалась, пациенту говорили, что инквизиторы не удовлетворены, но вынуждены приостановить ее на данный момент и что она будет возобновлена в другое время, если он не расскажет всей правды. Таким образом, это можно было бы повторять время от времени так часто, как консультанты сочтут целесообразным. [60] Секретарь добросовестно

записывал все, что происходило, даже вопли жертвы, его отчаянные восклицания и жалобные мольбы о пощаде или о смертной казни, и было бы нелегко представить себе что-либо более способное возбудить глубочайшее сострадание, чем эти хладнокровные, основанные на фактах отчеты.

Что касается разновидностей пыток, применяемых в настоящее время, следует иметь в виду, что инквизиция в значительной степени зависела от государственных палачей, и ее методы, таким образом, были обязательно идентичны методам светских судов; в то время как даже когда ее собственные должностные лица выполняли свои обязанности, они, естественно, следовали обычной рутине. Таким образом, инквизиция не располагала особыми усовершенствованиями пыток, и действительно, насколько я имел возможность провести расследование, она ограничивалась несколькими методами из богатого арсенала государственных чиновников.

РАЗНОВИДНОСТИ

В более ранний период в моде были только две пытки — *гарруча*, или шкивы, и пытка водой. Это единственные, на которые ссылается Пабло Гарсия, и оба они были старыми и устоявшимися формами. [61] Первый, известный в Италии как *страппадо*, заключался в том, что пациенту связывали руки за спиной, а затем, обмотав запястья веревкой, поднимали его с пола, с отягощениями к ногам или без них, удерживая его в подвешенном состоянии столько, сколько было необходимо, и, возможно, иногда позволяя ему упасть на небольшое расстояние рывком. Примерно в 1620 году один писатель предписывает, что подъемное движение должно быть медленным, поскольку, если оно быстрое, боль непродолжительна; некоторое время пациента следует держать на цыпочках, чтобы его ноги едва касались пола; при подъеме его следует удерживать там, пока псалом *Miserere* трижды медленно повторяется в тишине, и его следует неоднократно убеждать говорить правду. Если это не удастся, его следует опустить, привязать к его ногам один из гирь и поднимать в течение двух мизерер, причем процесс повторяется с увеличением веса так часто и так долго, как это будет сочтено целесообразным. [62]

Пытка водой была более сложной. Пациента укладывали на *эскалеру* или *потро* — что-то вроде козел с перекладинами с острыми краями поперек, как у лестницы. Она наклонялась так, что голова находилась ниже ступней, а на нижнем конце было углубление, в которое опускалась голова, в то время как железная полоса вокруг лба или горла удерживала ее неподвижной. Острые веревки, называемые *cordeles*, которые врезались в плоть, прикрепляли руки и ноги к краю козел, а другие, известные как *garrotes*, из воткнутых в них палок, скручивались наподобие жгута, пока веревки не врезались более или менее глубоко в плоть, были обвиты вокруг верхней и нижней частей рук, бедер и икр; *bostezo*, или железный зубец, расширял рот, *тока*, или полоска льна, была засунута в горло, чтобы вода медленно сочилась из горла. *джарра* или банка, вмещающая обычно чуть больше кварты. Пациент задыхался, хрипел и задыхался, и через определенные промежутки времени токсу отменяли, и его заклинали говорить правду. Тяжесть причиненного вреда измерялась количеством выпитых банок, иногда доходивших до шести или восьми. В 1490 году в деле священника Диего Гарсии инквизиторам хватило одной кварты, и он был оправдан. [63] В мексиканском случае с Мануэлем Диасом в 1596 году были применены кордельеры; затем семь гаррот были скручены вокруг рук и ног, тока воткнули ему в горло и дали стечь через него двенадцати *джаррам* по пинте каждая, при этом тока втягивали

четыре раза в течение операции. В случае с Мари Родригес в Толедо в 1592 году операция была разделена: кордельеры применялись, когда она сидела на *банкетке*, и ей сделали восемь поворотов; затем ее перенесли на козлы, и были использованы гарроты, за которыми последовала вода; во время второй жарры ее сильно вырвало; ее развязали, и она упала на пол. Палач поднял ее и надел на нее сорочку; ей сказали, что, если она не скажет правду, пытка будет продолжена; она запротестовала, сказав правду, и пытка была приостановлена. В течение девяти месяцев ее держали в камере, затем консультативная комиссия проголосовала за приостановление дела, и ей сказали, чтобы она убиралась во имя Бога. [64]

Вероятно, вскоре после этого эти формы пыток постепенно вышли из употребления и были заменены другими, которые, по-видимому, считались более милосердными. В 1646 году Верховный суд обратился в трибунал Кордовы за информацией о гарруче и силле и за описанием *трампы* и *трампазо*, которые он использовал, с оценкой их тяжести. Трибунал ответил, что силла была оставлена, поскольку ее вряд ли можно было назвать пыткой, а гарруча - из-за опасности вызвать вывихи. Более тридцати лет трибунал, как и светские суды, прекратил его использование в качестве жаровни с углями, раскаленных металлических пластин, горячих кирпичей, тока с семью пинтами воды, *депиньонсильо*, *эскарабахо*, *табильяс*, *суеньо* и других. Использовались такие методы, как кордельеры и гарроты, которых было три вида: *вуэльта трампа*, *манкуэрда* и растягивание обвиняемого в *потро*, или стойке.

РАЗНОВИДНОСТИ

Далее в письме подробно описываются эти несколько сложные процессы. Отказавшись от блоков и кувшина с водой, пациент мало что получил. Он был приспособлен для мучений с помощью ремня или перевязи, с помощью которой его подвешивали над землей; его руки были связаны вместе на груди и прикреплены веревками к кольцам в стене. Для трамп или трампазо у лестницы в потро была снята одна из перекладин, чтобы ноги могли пройти; под ней была установлена другая перекладина с острым краем, и через это узкое отверстие ноги с силой вытягивались с помощью шнура, закрепленного вокруг пальцев ног с поворотом вокруг лодыжки. Каждая *вуэльта*, или поворот шнура, увеличивался примерно на три дюйма; пять вуэльт считались самой суровой пыткой, а три были обычной практикой, даже для самых выносливых. Оставив его растянутым в этом положении, следующим шагом была манкуэрда, при которой вокруг рук обматывали веревку, которую палач обматывал вокруг себя и откидывался назад, перенося весь свой вес и отталкиваясь ногой от потро. Нам говорят, что пуповина прорезала бы кожу и мышцы до кости, в то время как тело пациента было растянуто, как на дыбе, между ней и пуповинами у ног. Пояс или перевязь на талии, подвергаясь этим попеременным воздействиям, перемещалась взад-вперед и еще больше усугубляла страдания. Это повторялось шесть или восемь раз с помощью манкуэрды на разных частях рук, и пациенты обычно падали в обморок, особенно если это были женщины.

После этого в игру вступил потро. Пациента освободили от трампы и манкерды и поместили на одиннадцать острых перекладин потро, его лодыжки были жестко привязаны по бокам, а голова погрузилась в углубление, где ее неподвижно удерживала веревка, перекинутая через лоб. Ремень был ослаблен так, чтобы он соскальзывал. Три веревки были пропущены вокруг каждого плеча, концы продеты в кольца по бокам потро и снабжены гарротами или палками для их тугого скручивания; две такие же веревки были надеты на каждое бедро и по одной на каждую икру,

всего их было двенадцать. Концы были прикреплены к *гарроте маэстра*, с помощью которой палач мог контролировать все сразу. Они действовали не только за счет сжатия, но и за счет перемещения по конечностям, унося кожу и плоть. Каждый полукруг считался *вуэльтой* или поворотом, шесть или семь из которых были максимальными, но обычно их было не более пяти, даже у сильных мужчин. Раньше то же самое делали со шнурком вокруг лба, но от этого отказались, так как это могло привести к выпадению глаз из орбит. Все это, включает трибунал Кордовы, очень жестоко, но в меньшей степени и менее опасно, чем заброшенные методы.

Это практически оставалось применяемыми пытками. В 1662 году Верховный суд, приказав трибуналу Галисии “продолжить” пытки Антонио Мендеса, призвал его сообщить о своем способе применения пыток. Его ответ от 13 мая показывает, что он использовал *mancuerda* и *potro*, хотя и несколько примитивным способом. На это, по приказу Верховного суда, Гонсало Браво ответил 22 мая подробными инструкциями, особенно в отношении *трампасо*, указав, что по существу методы, описанные Кордовой, были признаны официально. Галисия, похоже, ломала голову над этим до 19 сентября, когда извинилась за отсутствие опыта и попросила предоставить подробные планы и чертежи требуемой формы *потро*. Из всего этого можно вполне предположить, что с тех пор эти новые методы были приняты во всех трибуналах. [65]

СЕРЬЕЗНОСТЬ

Абсолютного ограничения тяжести пыток не было и не могло быть. В Инstrukциях 1561 года говорится, что закон признает это неопределенным и опасным ввиду разницы в физических и умственных силах между людьми, поэтому не может быть дано никакого определенного правила, но оно должно быть оставлено на усмотрение судей, которые будут руководствоваться законом, разумом и совестью. [66] Все, что Гонсало Браво может сказать в Инstrukциях 1662 года, это то, что надлежащее регулирование определяет справедливое решение дел и проверку истины; осмотрительность и благоразумие судей должны учитывать это, смягченные обычным состраданием Святой Канцелярии, таким образом, чтобы оно не превышало и не отставало. То, как осуществлялось это усмотрение, полностью зависело от настроения трибунала. Один авторитетный источник сообщает нам, что пытка никогда не должна длиться более получаса, но известно множество случаев, когда она длилась два и даже три часа. В случае с Антонио Лопесом в Вальядолиде в 1648 году это началось в восемь часов и продолжалось до одиннадцати, в результате чего у него была искалечена рука; через две недели он попытался задушить себя и умер в течение месяца. [67] Такие случаи ни в коем случае не были редкостью. Габриэль Родригес около 1710 года в Валенсии был трижды подвергнут пыткам и приговорен к галерам, но приговор был смягчен, когда выяснилось, что он был калекой “за жестокость пыток”. [68] Также не было никаких неизвестных причин смерти. В 1623 году Диего Энрикес в Вальядолиде был подвергнут пыткам 13 декабря. В процессе произошел “несчастный случай”, и его отвели в камеру. 15-го числа врач сообщил, что его следует перевезти в больницу, что было сделано в строжайшей тайне, и там он скончался. Есть что-то отвратительно наводящее на размышления в таком фактологическом отчете, как отчет Бланки Родригес Матос в Вальядолиде, в котором просто говорится, что 21 мая 1655 года ее приговорили к пыткам, и после казни она умерла в тот же день; дело против ее славы и памяти было продолжено и, в свое время, было приостановлено 19 ноября. [69]

Очень большое количество зарегистрированных случаев, когда обвиняемые выдерживали пытки без признания, позволяет утверждать, что зачастую они были легкими. Это, несомненно, в значительной степени верно, но иногда проявляемая удивительная выносливость показывает, что так было не всегда. Таким образом, Томас де Леон в Вальядолиде 5 ноября 1638 года подвергся всем последовательным испытаниям и преодолел их, хотя в конце было обнаружено, что у него сломана левая рука. Так, в 1643 году в том же суде Энграссии Родригес, женщине шестидесяти лет, оторвало палец на ноге, когда она находилась в *балестилье*. Тем не менее пытка продолжалась до тех пор, пока в первом повороте манкуэрды не была сломана рука. Затем дело было прекращено без вымогательства признания, но сила духа мало помогла ей, поскольку против нее появились новые улики, и примерно десять месяцев спустя она призналась в еврейских обычаях. Другая из той же группы, Флоренсия де Леон, вынесла балестилью, три поворота манкерды и потро, не признавшись, но она не сбежала без примирения и тюрьмы. [70]

Процесс и его воздействие на пациента лучше всего можно понять из беспристрастных деловых отчетов секретаря, в которых фиксируются инциденты, позволяющие консультанту голосовать разумно. Они разной степени ужаса, и я выбираю тот, в котором отсутствуют крики жертвы, которые обычно излагаются. Это очень умеренный случай пытки водой, примененный только к одному джарре, примененный в 1568 году трибуналом Толедо к Эльвире дель Кампо, обвиняемой в том, что она не ела свинину и надевала чистое белье по субботам. Она признала свои действия, но отрицала еретические намерения, и ее намеренно пытали. 6 апреля ее привели к инквизиторам и епископальному викарию, и после некоторых предварительных переговоров ей сказали, что ее решили пытать, и ввиду этой опасности она должна сказать правду, на что она ответила, что так и сделала. Затем был зачитан приговор о пытках, когда она упала на колени и умоляла рассказать, что они хотели от нее услышать. Далее в отчете говорится:

ОТЧЕТЫ

Ее отвели в камеру пыток и велели говорить правду, когда она сказала, что ей нечего сказать. Ей приказали раздеться и снова сделали замечание, но она молчала. Когда ее раздели, она сказала: “Сеньоры, я сделала все, что обо мне говорили, и я лжесвидетельствую против самой себя, потому что не хочу видеть себя в такой беде; пожалуйста, Боже, я ничего не сделала”. Ей сказали не давать ложных показаний против себя, а говорить правду. Началось связывание рук; она сказала: “Я сказала правду; что я могу сказать?” Ей велели говорить правду, и она ответила: “Я сказала правду, и мне нечего рассказывать”. Один шнур был привязан к рукам и перекручен, и ей посоветовали сказать правду, но она сказала, что ей нечего рассказывать. Затем она закричала и сказала: “Я сделала все, что они сказали”. На просьбу подробно рассказать, что она сделала, она ответила: “Я уже сказала правду”. Потом она закричала и сказала: “Скажи мне, чего ты хочешь, потому что я не знаю, что сказать”. Ей велели рассказать, что она сделала, потому что ее пытали за то, что она этого не сделала, и приказали еще раз провернуть шнурок. Она воскликнула: “Освободите меня, сеньоры, и скажите мне, что я должна сказать: я не знаю, что я натворила, Господи, помилуй меня, грешницу!” Был дан еще один ход, и она сказала: “Расслабь меня немного, чтобы я могла вспомнить, что я должна сказать; Я не знаю, что я сделала; Я не ела свинину, потому что меня от нее тошнило; Я сделала все; расслабь меня, и я скажу правду”. Был заказан еще один оборот шнура, когда она сказала: “Ослабьте меня, и я скажу правду; Я не знаю, что я должна сказать — ослабьте меня, ради Бога — скажите мне, что я

должна сказать — я сделала это, я сделала это — мне причинили боль, сеньор— ослабьте меня, ослабьте меня, и я расскажу это”. Ей сказали рассказать это, и она сказала: “Я не знаю, что я должна сказать — сеньор, я сделала это — Мне нечего сказать — О, мои руки! отпустите меня, и я расскажу это”. Ее попросили рассказать, что она делала, и она ответила: “Я не знаю, я не ела, потому что не хотела”. Ее спросили, почему она не хотела, и она ответила: “Да! освободи меня, освободи меня — заведи меня отсюда, и я расскажу это, когда меня заберут — я говорю, что я это не ела”. Ей велели говорить, и она сказала: “Я это не ела, я не знаю почему”. Была заказана еще одна очередь, и она сказала: “Сеньор, я не ела это, потому что не хотела — отпустите меня, и я расскажу об этом”. Ей велели рассказать, что она сделала вопреки нашей святой католической вере. Она сказала: “Заведи меня отсюда и скажи мне, что я должна сказать — они причиняют мне боль — О, мои руки, мои руки!” - что она повторила много раз и продолжала: “Я не помню — скажи мне, что я должна сказать — О несчастная я!—Я расскажу все, что требуется, сеньоры — они ломают мне руки — немного ослабьте меня —я сделала все, что обо мне говорят”. Ей было велено правдиво рассказать подробно, что она сделала. Она спросила: “Что я хотела сказать? Я сделала все — освободи меня, потому что я не помню, что должна была сказать—разве ты не видишь, какая я слабая женщина?—О! О! у меня ломаются руки.” Было заказано еще несколько поворотов, и когда они были выполнены, она воскликнула: “О! О! освободи меня, потому что я не знаю, что я должна сказать — О, мои руки!—Я не знаю, что я должна сказать — если бы знала, я бы это сказала”. Веревки было приказано затянуть, когда она сказала: “Сеньоры, неужели у вас нет жалости к грешной женщине?” Ей сказали, что да, если она скажет правду. Она сказала: “Сеньор, расскажите мне, расскажите мне это”. Веревки снова затянули, и она сказала: “Я уже говорила, что это сделала я”. Ей приказали рассказать это подробно, на что она ответила: “Я не знаю, как рассказать это, сеньор, я не знаю”. Затем шнуры разделили и сосчитали, получилось шестнадцать оборотов, и при последнем обороте шнур порвался.

Затем ей приказали лечь на потро. Она сказала: “Сеньоры, почему вы не говорите мне то, что я должна сказать? Сеньор, поставьте меня на землю — разве я не говорила, что все это сделала я? Ей было велено рассказать об этом. Она сказала: “Я не помню — заберите меня — я сделала то, что говорят свидетели”. Ей было велено подробно рассказать, что сказали свидетели. Она сказала: “Сеньор, как я уже говорила вам, я не знаю наверняка. Я сказала, что сделала все, что говорят свидетели. Сеньоры, отпустите меня, ибо я этого не помню”. Ей было велено рассказать это. Она сказала: “Я этого не знаю. О! О! они разрывают меня на куски — я сказал, что это сделал я — отпустите меня”. Ей было велено рассказать это. Она сказала: “Сеньоры, мне не поможет сказать, что я это сделала, и я признала, что то, что я сделала, привело меня к этим страданиям — сеньор, вы знаете правду — сеньоры, ради Бога, сжальтесь надо мной. О, сеньор, возьмите эти штуки из моих рук — сеньор, отпустите меня, они убивают меня”. Ее привязали к потро веревками, предупредили, чтобы она говорила правду, и приказали затянуть удавки. Она сказала: “Сеньор, неужели вы не видите, как эти люди убивают меня? Сеньор, я сделала это — ради Бога, отпустите меня”. Ей было велено рассказать это. Она сказала: “Сеньор, напомните мне о том, чего я не знала — Сеньоры, сжальтесь надо мной — отпустите меня ради Бога — у них нет ко мне жалости — Я сделала это — заберите меня отсюда, и я вспомню то, чего не могу вспомнить здесь”. Ей было велено говорить правду, иначе веревки будут затянуты потуже. Она сказала: “Напомни мне о том, что я должна сказать, потому что я этого не знаю — я сказала, что не хотела это есть — я знаю только, что не хотела это есть”, - и это она повторяла много раз. Ей велели сказать, почему она не хочет это есть. Она сказала: “По той причине, по которой

свидетели говорят... Я не знаю, как это сказать... Я несчастна из—за того, что не знаю, как это сказать ... Я говорю, что сделала это, и, Боже мой, как я могу это сказать?” Затем она сказала, что, поскольку она этого не делала, как она могла сказать это— “Они не будут слушать меня — эти люди хотят убить меня — освободите меня, и я скажу правду”. Ее снова попросили сказать правду. Она сказала: “Я сделала это, я не знаю, как я это сделала — я сделала это ради того, что говорят свидетели — отпустите меня — Я сошла с ума и не знаю, как сказать об этом — отпустите меня, и я скажу правду”. Затем она сказала: “Сеньор, я это сделала, я не знаю, как я должна это рассказывать, но я рассказываю это так, как говорят свидетели — я хочу рассказать это — заберите меня отсюда — сеньор, как говорят свидетели, поэтому я говорю и признаюсь в этом”. Ей сказали заявить об этом. Она сказала: “Я не знаю, как это сказать — у меня нет памяти — Господь, ты свидетель, что если бы я знала, как сказать что-нибудь еще, я бы сказала это. Мне больше нечего сказать, кроме того, что я это сделала, и Бог это знает”. Она много раз повторяла: “Сеньоры, сеньоры, мне ничто не помогает. Ты, Господи, слышишь, что я говорю правду и больше ничего не могу сказать — они вырывают мою душу — прикажи им освободить меня”. Тогда она сказала: “Я не говорю, что я это сделала — я больше ничего не говорила”. Затем она сказала: “Сеньор, я сделала это, чтобы соблюсти этот Закон”. Ее спросили, какой Закон. Она сказала: “Закон, который говорят свидетели — я заявляю все это, сеньор, и не помню, какой это был Закон — О, несчастной была мать, которая меня родила”. Ее спросили, какой Закон она имела в виду и какой Закон, по ее словам, говорят свидетели. Об этом спрашивали неоднократно, но она молчала и наконец сказала, что не знает. Ей сказали говорить правду, иначе удавки будут затянуты еще туже, но она не ответила. Ей приказали сделать еще один оборот гарроты, и ей посоветовали сказать, что это за Закон. Она сказала: “Если бы я знала, что сказать, я бы сказала это. О, сеньор, я не знаю, что я должна сказать — О! О! они убьют меня — если они скажут мне что — О, сеньоры! О, мое сердце!” Затем она спросила, почему они хотели, чтобы она рассказала то, чего не могла рассказать, и несколько раз воскликнула: “О, несчастная я!” Затем она сказала: “Господь свидетель, что они убивают меня, а я не могу признаться”. Ей сказали, что если она хочет сказать правду до того, как выльют воду, она должна сделать это и освободить свою совесть. Она сказала, что не может говорить и что она грешница. Затем льняной ток был приложен [к ее горлу], и она сказала: “Убери это, я задыхаюсь, и меня тошнит в животе”. Затем на нее вылили кувшин с водой, после чего ей велели сказать правду. Она требовала признания, говоря, что умирает. Ей сказали, что пытки будут продолжаться до тех пор, пока она не расскажет правду, и посоветовали рассказать ее, но, хотя ее неоднократно допрашивали, она хранила молчание. Тогда инквизитор, видя, что она измучена пытками, приказал приостановить их.

Вряд ли стоит продолжать эту прискорбную подробность. Было отпущено четыре дня, поскольку опыт показал, что перерыв, приводящий к одеревенению конечностей, делает повторение более болезненным. Ее снова привели в камеру пыток, но, когда ее раздели, она не выдержала и жалобно умоляла прикрыть ее наготу. Допрос продолжался, когда ее ответы под пытками были более бессвязными, чем раньше, но предел ее выдержки был достигнут, и инквизиторы, наконец, получили удовлетворение, добившись признания в иудаизме и молитвы о пощаде и покаянии. [71]

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ПРИЗНАНИЯ

Невозможно читать эти печальные записи без изумления по поводу того, что бессвязные и противоречивые признания, с помощью которых жертва в своих усиливающихся муках

пыталась придумать какое-нибудь заявление в соответствии с монотонным приказом говорить правду, должны были рассматриваться государственными деятелями и законодателями как обладающие внутренней ценностью. Результатом стало испытание на выносливость, а не на правдивость. В одном случае мы находим человека с такими волокнами и нервами, что все усилия мучителя не приводят ни к чему, кроме отрицания — веревки могут прорезать плоть до костей, а конечности могут быть вывернуты до перелома, не влияя на его постоянство. В другом случае, когда в результате нескольких поворотов гарроты один шнур стянет его руку - или даже при одном только виде камеры пыток с ее мрачно наводящим на размышления механизмом — он сдастся и признается во всем, что хотел, как перед самим собой, так и перед всеми товарищами, чьи имена он может вспомнить в головокружении от своих страданий. Тем не менее, прекрасно осознавая это, на протяжении веков светские и церковные суды большей части христианского мира упорно использовали систему, которая во имя справедливости совершала бесконечную серию злодеяний.

Однако, как бы для того, чтобы еще эффективнее лишить систему всякого оправдания, признание, полученное такой ценой, было практически признано бесполезным само по себе. Чтобы легализовать его, требовалась ратификация, по истечении по крайней мере двадцати четырех часов, которая должна была быть произведена свободно, без угроз и вне камеры пыток. Это было необходимо во всех юрисдикциях, и формула инквизиции заключалась в том, чтобы привести заключенного в зал для аудиенций, где ему зачитывали его признание в том виде, в каком оно было записано. Его спросили, было ли это правдой или ему есть что добавить или опустить, и под присягой он должен был заявить, что это было должным образом зафиксировано, что у него не было никаких изменений и что он утвердил это неиз-за страха пыток или по какой-либо другой причине, а исключительно потому, что это была правда. Такая ратификация требовалась даже в тех случаях, когда признание было сделано после оглашения приговора о пытках или при помещении в *conspectu tormentorum*. [72] Обычно это делалось во второй половине следующего дня, чтобы дать истечь полным двадцати четырем часам, но иногда интервал был больше. Так, в случае с Каталиной Эрнандес в Толедо, которая призналась после того, как ее раздели 13 июля 1541 года, ее ратификация была принята только 27 числа, инквизиторы объяснили, что деловые обстоятельства помешали этому раньше. [73]

Заявление в ратификации о том, что это было сделано не из-за страха перед пытками, было ложью, поскольку во всех юрисдикциях отказ от признания требовал повторения пыток, и фактически мы иногда обнаруживаем, что при признании заключенного предупреждали не отказываться, поскольку, если он это сделает, пытка будет “продолжена”. [74] Возможно, это было сделано для того, чтобы обойти исключительно гуманное положение Инструкций 1484 года о том, что, если признание будет подтверждено, обвиняемый должен быть должным образом наказан, но если он откажется, ввиду позора, вызванного судебным процессом, он должен публично отречься от ереси, в которой он подозревается, и быть подвергнут такому наказанию, какое инквизиторы могут сочувственно принять. назначить. Милосердие этого, однако, значительно смягчается последующим положением о том, что оно не лишает их права повторить пытку в случаях, когда по закону они могут и должны это сделать. [75] Тем не менее, вероятно, это была первая часть положения, которым руководствовался трибунал Толедо в 1528 году по делу Диего де Учеды, которого судили за лютеранство. При виде камеры пыток он сломался и признал все, что показали свидетели, но не мог вспомнить, что это было. Поскольку

это было явно вызвано страхом, пытка продолжалась, когда при первом повороте удавки он признался в содеянном с таким рвением, что его предупредили не лжесвидетельствовать против самого себя. Он объявил, что это правда, и был развязан. Прежде чем его вызвали для ратификации, он попросил аудиенции, на которой объяснил свое признание страхом и заявил, что готов умереть за веру Церкви, а неделю спустя он подтвердил это аннулирование, сказав, что был без чувств под пытками. Его больше не пытали, и несколько месяцев спустя его приговор соответствовал Инструкциям 1484 года — явиться на аутодафе, отречься от *своих намерений* и быть оштрафованным по усмотрению инквизиторов. [76]

ПОВТОРЕНИЕ

Однако такие случаи были исключительными, и обычной практикой было повторение пыток, когда признание, за которым следовал другой отзыв, подвергало жертву третьей пытке. [77] Вопрос о том, может ли процесс продолжаться бесконечно, был сомнительным вопросом, на который некоторые юристы ответили отрицательно, исходя из общего философского предположения, что природа и справедливость ненавидят бесконечность, но это рассуждение, тем не менее, академически убедительное, не соблюдалось на практике, когда требовался обвинительный приговор. Был один довод против отзыва, который был применен, когда виновные доставили необоснованные неприятности, и это было наказание, понесенное *отзывщиками*. Это иллюстрируется, как и те неприятные вопросы, которые иногда ставили в тупик суды, делом Мигеля де Кастро, судимого за иудаизм в Вальядолиде в 1644 году. В качестве негатива он был подвергнут пыткам и сознался, после чего ратифицировал, отозвал и ратифицировал снова. Против него был начат процесс за отказ от показаний; его снова пытали, пока не вывихнули руку и он не потерял два пальца, в ходе которого он признался, а затем отозвал признание. Его бы пытали в третий раз, если бы врач и хирург не заявили, что он не в состоянии этого вынести. Верховный повелел передать его в руки светских властей, если его не удастся убедить раскаяться и вернуться в Церковь, когда под уговорами двух калификадоров он взмолился о пощаде и признался как перед самим собой, так и перед другими. Наконец, он был приговорен к примирению и несвоевременной тюрьме и санбенито, с сотней ударов плетью в качестве особого наказания за отречение, которое было приведено в исполнение 21 января 1646 года. [78]

Нам говорят, что некоторые преступники хитро воспользовались возможностью опровержения, признавшись сразу, как только были подвергнуты пыткам, затем отрекаясь и повторяя этот процесс бесконечно, к немалому отвращению инквизиторов. Писатель конца семнадцатого века, который упоминает об этом, показывает, что субъект находился тогда в неопределенном состоянии, предлагая в качестве средства правовой защиты применить к нему чрезвычайные наказания. [79] Случай в Куэнке в 1725 году, в котором эта тактика была успешной, указывает на то, что к тому времени третья пытка не была признана законной. Доктор Диего Матео Лопес Сапата, как только палач был готов начать, воскликнул, что он готов признаться, и сделал подробное признание иудейских обычаев, которым следовал почти пятьдесят лет. На следующий день он отказался от своих показаний, и когда пытка возобновилась, он повторил свое признание только для того, чтобы отозвать его, как и прежде. Трибунал, по-видимому, оказался бессилем и удовлетворился тем, что заставил его явиться на аутодафе в качестве кающегося, с немедленным снятием санбенито, отречением от престола *de vehementi* и двадцатилетним изгнанием из Куэнки, Мурсии и Мадрида. [80] В более ранний период он вряд

ли избежал бы бичевания, галер и тюремного заключения без права на пожизненное заключение.

Когда применялись пытки без получения признания, логическим выводом, если пытки что-либо доказывали, было то, что обвиняемый невиновен. Выражаясь юридическим языком, он устранил улики и имел право на оправдательный приговор. [81] Таков, действительно, был закон, но было естественное отвращение к тому, чтобы быть сбитым с толку или признать, что невиновность подверглась столь жестокому преследованию, и были легко найдены оправдания, чтобы обойти закон. По такому вопросу не могло быть предписано определенной практики, и ситуация отражена Инструкциями 1561 года, которые говорят инквизитору, что в таких случаях он должен учитывать характер доказательств, степень примененных пыток, а также возраст и склонности обвиняемого; если кажется, что он полностью очистил улики, он должен быть полностью оправдан, но если кажется, что он не подвергался достаточным пыткам, от него могут потребовать отречься либо из-за легкого, либо из-за сильного подозрения, либо может быть наложено какое-либо денежное взыскание, хотя это должно быть сделано только с большой осторожностью. рассмотрение. [82] Таким образом, этот вопрос был практически оставлен на усмотрение трибунала с подразумеваемым признанием того, что, когда пытки оказались безуспешными, это был просто излишек.

ТЕРПЕНИЕ БЕЗ ИСПОВЕДИ

Власти, естественно, не полностью согласны с практическим применением этих принципов — за исключением того, что оправдательные приговоры выносятся редко, и, фактически, хотя в архивах полно дел, в которых были применены пытки, несколько необычно признать стороны оправданными или даже приостановить рассмотрение их дел. Около 1600 года один автор сообщает нам, что по этим делам должно применяться какое-либо чрезвычайное наказание или оправдательный приговор или временное отстранение, в зависимости от степени подозрения, которое остается, но что Мориски, какими бы незначительными ни были подозрения, должны явиться с повинной и отказаться от *своих намерений* и, если есть показания отдельных свидетелей, они должны быть отправлены на галеры на три года или более; в отношении других виновных, если подозрение невелико, может быть вынесен оправдательный приговор или временное отстранение, но более обычное. Все зависит от степени, в которой доказательства были уничтожены пытками. [83] Поскольку эта степень была вопросом чисто гипотетическим, усмотрение инквизиции было неограниченным.

Правило в отношении морисков подтверждается автографом Валенсии 1607 года, в котором фигурировало шестнадцать человек, перенесших пытки, большинство из которых были наказаны тюремным заключением, бичеванием или штрафами. [84] С их изгнанием в 1609-10 годах больше не было призывов к дискриминации, и общая практика была выражена примерно в 1640 году опытным инквизитором, который говорит нам, что, когда было несколько одиночных свидетелей, обвиняемый, который выдерживает пытку, должен быть подвергнут какому-либо суровому экстраординарному наказанию, такому как отречение от *воли*, с конфискацией половины его имущества, или крупный штраф - последнее предпочтительнее, поскольку его легче взыскать и виновник лучше переносит его, чтобы сохранить свою репутацию. [85] То, что это отражает текущую практику, следует из решения суда Куэнки от 29 июня 1654 года. От дон-Андреса де Фонсеки потребовали отречься от *де вементив* Вальядолиде в 1628 году;

доказательства его рецидива были вескими, но недостаточными для осуждения; он выдержал пытки, не признавшись; затем появились новые доказательства, и его снова пытали с тем же безуспешным результатом; он предстал перед судом как кающийся, отрекшийся от *де леви*, с десятилетним изгнанием и штрафом в пятьсот дукатов. Донья Теодора Паула выдержала пытки и добилась отречения от престола, шестилетнего изгнания и штрафа в триста дукатов. Донья Исабель де Миранда подверглась безуспешным пыткам и была приговорена к двум годам ссылки и трем сотням дукатов. Итак, после бесплодных пыток донья Исабель Энрикес понесла такое же наказание, а Мануэль Лоренцо Мадурейра был приговорен к отречению от престола *de vehementi*, десяти годам ссылки и штрафу в пятьсот дукатов. [86] К чести трибунала Вальядолида следует отметить, что в 1624 году он проявил себя более снисходительным и приостановил рассмотрение шести дел, в которых пытки оказались безрезультатными, не назначив никакого наказания, кроме шести лет ссылки Марии Перес, обвиненной в лжесвидетельстве. [87]

Возможно, частота, с которой применялись пытки, частично объясняется подкупом палача. Это было затруднено секретностью, окружавшей все операции трибуналов, но все же это было возможно, и родственники того, кто был арестован, естественно, попытались бы умиловить министра юстиции на случай, если заключенный попадет в его руки. На автосалоне в Валенсии в 1594 году предстали девяносто шесть кающихся морисков, из которых пятьдесят три были подвергнуты пыткам без получения признаний. [88] Возможно, это всего лишь совпадение, что в 1604 году Луис де Хесус, палач трибунала, был привлечен к ответственности за получение денег от Морисков, но мы легко можем представить, что общины, живущие в постоянном страхе перед инквизицией, могли бы обложить себя налогом, чтобы регулярно субсидировать палача. [89] Аналогичный случай произошел в суде Кордовы от 13 июня 1723 года, в котором фигурировал палач Карлос Фелипе, преступление которого ненавязчиво описывается как пособничество еретикам и неверность в их пользу при исполнении служебных обязанностей. [90]

ЧАСТОТА

Немного примечательно, что, хотя применение пыток было столь частым и должно было быть общеизвестно, по-видимому, наблюдалось нежелание признавать это в приговорах, публично зачитываемых в судебных заседаниях, в которых обычно излагались подробности судебных процессов, — возможно, это объясняется, по крайней мере частично, желанием сохранить тайну, хотя это особенно заметно в ранний период, когда секретность не стала такой жесткой, как впоследствии. Действительно, в приговоре Хуану Гонсалесу Дасе, который признался под пытками в 1484 году в Сьюдад-Реале, лживо утверждается, что он упорно отрицал это, пока не узнал, что его сообщник Фернандо де Теба признался, когда сделал это добровольно. [91] Как правило, это продолжалось, хотя иногда сдержанности становится меньше. В одном предложении я нашел ссылку на это — на Мари Гомес в Толедо в 1551 году. [92] Иногда на это есть завуалированный намек, как будто инквизиторы не могли скрыть это полностью, но чувствовали определенный стыд, открыто признавая это. Так, в приговоре Эльвиры дель Кампо (см. стр. 24), в котором дается очень подробный отчет об инцидентах судебного разбирательства, указано, что при использовании “*mas diligencias*” с ней она признала обвинения, а в приговоре доктору Сапате в 1725 году упоминается, что была использована “*cierta diligencia*”. [93]

Конечно, было бы невозможно собрать статистические данные о камере пыток или составить достаточно точную оценку количества дел, в которых она использовалась за время существования инквизиции. Однако можно получить некоторые фрагментарные данные, например, из протоколов трибунала Толедо между 1575 и 1610 годами. За этот период судил четыреста одиннадцать человек за еретические преступления, допускавшие применение пыток, и в них они были применены один раз в отношении ста девяти и дважды в отношении восьми, не считая двух случаев, в которых оно было прекращено из-за обморока пациента, и семи случаев, в которых признание было получено до его начала. Было также пять дел, по которым обвиняемый был помещен в *conspectu tormentorum*. [94] В целом, мы можем сказать, что здесь на его влияние ссылались примерно в тридцати двух процентах случаев. преследования еретиков. Вероятно, это меньше среднего показателя. В ряде дел, рассмотренных трибуналом Лимы в период с 1635 по 1639 год, почти все обвиняемые, по-видимому, подвергались пыткам, в то время как отчет трибунала Вальядолида за 1624 год показывает, что из одиннадцати случаев иудаизма и одного протестантизма одиннадцать были подвергнуты пыткам, а в 1655 году пыткам подвергались все случаи иудаизма, всего девять. [95]

В конце концов, цифры, какими бы они ни поражали воображение, не имеют первостепенного значения. Они просто отражают большую или меньшую активность трибуналов, а не применяемые принципы. Всякий раз, когда возникало сомнение, требующее разрешения, будь то в отношении достаточности доказательств, намерений обвиняемого, полноты, с которой он изобличил своих сообщников, или в других непостижимых вопросах, обращение к пыткам было делом само собой разумеющимся. Действительно, во многих случаях, по-видимому, существовала почти детская уверенность в его силе как универсального растворителя. Примерно в 1710 году Фернандо Кастельон, которого судили в Валенсии за иудаизм, заявил, что не был крещен, и его тут же пытали, чтобы выяснить это, но безуспешно. [96] В 1579 году трибуналу Толедо пришлось иметь дело с Антоном Морено, пожилым крестьянином, обвиняемым в слишком либеральных взглядах на спасение; пытка казалась единственным средством определения, и в промежутках между поворотами гарроты его заставляли высказывать свое мнение относительно спасительного воздействия покаяния на смертном одре и виатикума на грешника, который был должным образом крещен водой Святого Духа. Была ужасающая нелепость в попытке под таким убеждением выяснить убеждения необразованного старика по этим тонким вопросам схоластической теологии, закончившейся тем, что он был признан достойным только отречения от престола *де левис* выговором и прослушиванием мессы в зале для аудиенций. [97]

СБОРЫ

По мере ослабления активности инквизиции во второй половине XVIII века применение пыток, естественно, уменьшилось, но до отмены в 1813 году официального требования об этом сохранялось в обвинении, представленном фискалом. Одним из первых актов Фернандо VII после его восстановления в должности в 1814 году был выпуск седулы от 25 июля, адресованной всем судебным исполнителям, в которой говорилось, что в 1798 году, когда Королевский совет узнал, что в судах Мадрида обвиняемые подвергались жесточайшему давлению с целью вымогательства признаний, он расследовал этот вопрос и обнаружил, что использовались шурупы и другие более или менее строгие методы, и что это не имело силы закона: следовательно, 5 февраля 1803 года было приказано прекратить их применение, за исключением оков на ногах и наручников. в то же время запросы, проведенные во всех судах

королевства, показали, что использовались различные виды принуждения, при которых невинных иногда принуждали к ложному обвинению самих себя. В связи со всем этим Фернандо распорядился, чтобы в будущем ни один судья не применял никакого давления или пыток для получения признания от обвиняемого или показаний свидетелей, при этом все нормы, указывающие на обратное, отменяются. [98] Вряд ли это относилось к инквизиции, но при Реставрации она имела мало общего с настоящей ересью, и, прежде чем она была полностью реорганизована, Пий VII устранил все сомнения. Льоренте сообщает нам, что *"Газетт де Франс"* от 14 апреля 1816 года содержала письмо из Рима от 31 марта, в котором говорилось, что папа запретил применение пыток во всех трибуналах инквизиции и приказал довести это до сведения послов Франции и Португалии. [99] Я не вижу причин сомневаться в этом, хотя в Булле Пия VII ничего подобного не упоминается, и мы можем предположить, что наконец Святая канцелярия Испании завершила свою карьеру, избавившись от этого позора.

Согласно *аранселю*, или гонорарному списку, от 1553 года, палач имел право на один реал за применение пыток или на половину реала, если причинением вреда была только угроза. В судах мирян страдалец был обязан заплатить своему мучителю, поскольку существует положение, что, если он беден, палач ничего не должен получать и ему не разрешается забирать его одежду вместо денег. [100] В инквизиции, где за преступления, оправдывающие пытки, арест сопровождался наложением ареста, трибунал обязательно брал на себя оплату, и, как мы видели, в 1681 году плата увеличилась до четырех дукатов. В делах, которые не заканчивались конфискацией, расходы, несомненно, включались в число судебных издержек, взимаемых с конфискованного имущества. В Римской инквизиции, где пытки применялись гораздо более без разбора, решением Конгрегации в 1614 году обвиняемый был освобожден от уплаты пошлины. [101]

ГЛАВА VIII.

ИСПЫТАНИЕ

Процедура инквизиции была направлена на вынесение обвинительного приговора, а не на правосудие, и в некоторых отношениях она имела сходство с процедурой исповеди. Вина обвиняемого была признана, и с ним обращались как с грешником, который, как ожидалось, будет искать спасения, облегчая свою совесть и с раскаянием принимая любую епитимию, которая могла быть наложена на него из милосердия. На него с научной точки зрения оказывалось всевозможное давление, психическое и физическое, чтобы побудить к признанию, и его отказ признаться перед лицом того, что считалось достаточными доказательствами, рассматривался как ожесточенное и упорное нераскаянное поведение, усугубляющее его вину и делающее его достойным самого сурового наказания.

Аресту, как мы видели, предшествовала тщательная подготовка. Доказательства накапливались, в некоторых случаях годами, и, когда обвиняемого бросили в секретную тюрьму, он был в значительной степени предубежден. Задачей трибунала, сохраняя внешние формы правосудия, было добиться либо признания вины, либо осуждения; защита была ограничена и сбита с толку во всех отношениях, и, когда результат всего этого вызывал

сомнения, дело решалось в камере пыток, всегда с оговоркой, что, если подозрения сохранялись, это само по себе было преступлением, заслуживающим надлежащего наказания.

АУДИТОРИЯ

В самый ранний период существовало мало формальностей и не было абсолютного *estilo*, или признанного метода процедуры. В огромной работе, взваленной на неопытные трибуналы, главной целью было доведение дела до конца, и достигнутый в этом успех виден по частым и огромным расходам. Протоколы судебных процессов составлены поспешно и несовершенны, что свидетельствует о том, что мало внимания уделялось формам, которые могли привести к задержке. Инструкции 1484 года являются грубыми и предназначены лишь для того, чтобы дополнить традиционную систему инквизиционных процедур такими правилами, которые должны адаптировать ее к потребностям ситуации и намерениям Фердинанда и Изабеллы. Они в основном посвящены вопросам конфискации и штрафов, налагаемых в соответствии с Эдиктами Милосердия, а в остальном они заканчиваются словами о том, что, поскольку все обстоятельства невозможно предвидеть и предусмотреть, все оставлено на усмотрение инквизиторов, которые во всем, что не предписано особо, должны подчиняться закону и действовать в соответствии с велениями своей совести для служения Богу и суверенам. [102] Результатом такого усмотрения стало то, что на ассамблее инквизиторов в 1488 году потребовались длительные дебаты, чтобы прийти к выводу, что в процедуре и действиях всех трибуналов должно быть единообразие, поскольку существующее разнообразие привело ко многим затруднениям. [103]

Поэтому вряд ли стоит подробно рассматривать простые и разнообразные формы этого периода, за исключением того, что мы сочтем их интересными в сравнении с более поздней практикой. Желаемое единообразие было постепенно достигнуто Верховной властью, которая под эгидой независимой организации Святой канцелярии Испании разработала сложную систему процедур, изложенную в Инструкциях 1561 года и снабженную в 1568 году всеми необходимыми формулами в *Процессуальном приказе* Пабло Гарсии. С учетом таких изменений, которых требовал последующий опыт, этот стандарт оставался стандартом до последнего, и трибуналы соблюдали его с большей или меньшей точностью.

Когда обвиняемого бросали в секретную тюрьму, его дело, в спешке более раннего периода, слушалось и направлялось быстро, но впоследствии у инквизиторов вошло в обычай проявлять свое усмотрение относительно того, когда они вызовут его к себе, и мы увидим, какие раздражающие и расчетливые задержки они иногда допускали. Однако он мог попросить аудиенции в любое время, и это было неизменным правилом - удовлетворять такие просьбы по той причине, что у него мог возникнуть импульс раскаяться и исповедаться, который мог оказаться преходящим. Однако такие аудиенции не учитывались при рассмотрении дела. Когда его вызвали на его первую постоянную аудиенцию, он поклялся говорить правду на этом и всех будущих слушаниях и хранить молчание обо всем, что он может увидеть или услышать, и обо всем, что связано с его собственным делом. Его заставили назвать свое имя, возраст, место рождения, род занятий и время, прошедшее с момента его ареста. После этих формальностей, если речь шла о ереси, начиналось расследование его генеалогии. Это, которое накопило

массу информации обо всех зараженных семьях и значительно облегчило исследования лимпьезы, не было характерной чертой ранних судебных процессов; в тех, что происходили с 1530 по 1540 год, оно все еще было очень неформальным, но к середине столетия стало подробным, охватывающим два поколения и включающим всех дядей, тетей и двоюродных братьев, описывающим, к какой расе они принадлежали, был ли кто-либо из них судим инквизицией и, если да, то как наказан. Скрупулезное соблюдение этого приобретает несколько нелепый оттенок в судебном процессе в Лиме в 1763 году над негром-рабом мандинго за суеверное исцеление. Ему было семьдесят лет, и ребенком его привезли из Гвинеи, но его тщательно допросили о родителях, бабушках и дедушках, дядях и тетях, и заставили заявить, что все они принадлежат к расе и касте негров и что никто из них не был наказан инквизицией. [104] Затем обвиняемого допросили относительно его крещения, конфирмации и соблюдения религиозных обрядов; его заставили расписаться и перекреститься, повторить символ веры и обычные молитвы и, наконец, рассказать о своей прошлой жизни.

После этих предварительных слушаний, результаты которых были тщательно запротоколированы, его спросили, знает ли он, предполагает ли или подозревает причину своего ареста. За редкими исключениями, ответ был отрицательным, а затем последовало то, что было известно как первое из трех обращений. В самых ранних судебных процессах об этом нет и следа, но ближе к 1490 году появляется неофициальное судебное разбирательство, и Инструкции 1498 года, требующие предъявления официального обвинения в течение десяти дней после ареста, предписывают, что в течение этого времени должны быть сделаны необходимые предостережения. [105] В письме Манрике от 1525 года показано, что тогда этих проверок было три, но они все еще соблюдались небрежно, и в испытаниях с того времени до 1550 года они варьировались от ни одного до трех. [106]

ТРИ НАБЛЮДЕНИЯ

После Инструкций 1561 года три запрета стали установленным правилом в случаях ереси, в то время как одного было достаточно в более легких вопросах. Формула была устрашающей. Обвиняемому сказали, что в Святой Канцелярии никто не был арестован без достаточных доказательств того, что он совершил или был свидетелем чего-либо, противоречащего вере или свободному осуществлению инквизиции, так что он должен верить, что его доставили сюда на основании такой информации. Поэтому, из уважения к Богу и его славной и благословенной Матери, его увещевали и поручали порыться в своей памяти и исповедать всю правду о том, что он считает себя виновным или знает о других людях, без сокрытия или лжесвидетельства, ибо, поступив так, он очистит свою совесть как католик-христианин, он спасет свою душу, и его дело будет рассмотрено со всей скоростью и подобающим милосердием, но в остальном правосудие будет восторжествовано. С интервалами раздавались второе и третье слушания, последнее заканчивалось предупреждением о том, что фискал желает выдвинуть против него обвинение, и это будет в его интересах, как для облегчения его совести, так и для благоприятного и быстрого рассмотрения его дела, если он скажет правду до ее предъявления, поскольку таким образом с ним можно будет обращаться с милосердием, которое Святая Канцелярия обычно проявляет к добрым исповедникам; в противном случае его предупредили, что фискал будет услышан и правосудие восторжествует. [107]

Это оказывало чрезвычайно эффективное давление на встревоженного заключенного, особенно когда система отсрочек, будь то преднамеренных или просто затягивающих, заставляла его месяцами, а возможно, и годами, лежать в своей камере, отгороженного от мира, размышляя о своей судьбе и мучая себя догадками относительно улик, которые, как он с такой уверенностью предполагал, были неопровержимыми против него. Ему просто посоветовали успокоить свою совесть, оставаясь в неведении относительно преступлений, в которых его обвиняли, и оставили копаться в своем сердце и гадать, что же он такого сделал, что привело его к страшному трибуналу. Это имело еще одну полезность, поскольку во многих случаях приводило к признанию в нарушениях, неизвестных обвинению, его бесстрастные судьи холодно принимали его откровения и возвращали его в камеру с новыми просьбами покопаться в его памяти и очистить совесть.

Этот жестокий прием сокрытия всех сведений об обвинении, по-видимому, вводился постепенно. В некоторых случаях, примерно в 1530 году, даются слабые намеки на характер обвинения, но к 1540 году полное умолчание, по-видимому, стало общим. Не было никакой официальной инструкции, предписывающей это, но это стало всеобщим обычаем, основанным, возможно, на принципе, что исповедь, подобная исповеди священнику, чтобы заслуживать доверия, должна быть спонтанной, свидетельствующей о перемене сердца и обращении, которые только и могли сделать преступника достойным милосердия. Тем не менее, ближе к концу своей карьеры, при Карлосе III и после Реставрации, инквизиция время от времени устраивала *аудиенцию грузов*, в ходе которой обвиняемый был ознакомлен с выдвинутыми против него обвинениями, и в тривиальных вопросах это часто принимало форму вызова его под каким-либо предлогом, который спас бы его репутацию, информирования его о предполагаемых преступлениях и, выслушав его объяснения, определения того, какой курс избрать. Даже в таком серьезном деле, как служение мессы женатым мирянином, трибунал Сантьяго в 1816 году, бросив Анхеля Сампайо в секретную тюрьму, дал ему аудиенцию грузов, прежде чем продолжить. [108]

О том, насколько систематическое умолчание иногда приводило к успеху, свидетельствует дело Анхелы Перес, рассмотренное трибуналом Толедо в 1680 году. Просидев в тюрьме одиннадцать месяцев, она попросила аудиенции 19 мая, чтобы узнать, почему ее привезли в Толедо. Ее предупредили, что ей уже сказали, что не арестован никто, кто не сказал или не сделал чего-либо, противоречащего вере; если она пожелает искупить свою совесть, ее выслушают, и, когда она заявила, что ей не в чем признаваться, ее отправили обратно в камеру с предостережением обдумать это и искупить свою совесть. 13 июня она обратилась за другой аудиенцией, с той же целью и с тем же результатом. Затем, 22 июня, ее перевели из *карселес медиас* в секретную тюрьму, а 25-го она добилась еще одной аудиенции, на которой умоляла инквизиторов, во имя Пресвятой Девы, выдвинуть обвинения, но все, чего она добилась, это того, чтобы у нее взяли генеалогию и вынесли первое судебное решение. На это она ответила, что ей не в чем признаваться, и хотела бы, чтобы ее дело было прекращено, поскольку она провела в тюрьме тринадцать месяцев. Однако неумолимые методы инквизиции восторжествовали, поскольку на следующий день она добилась аудиенции, на которой призналась, что в течение восьми лет соблюдала Закон Моисея. [109]

ОБВИНЕНИЕ

Еще более наводящим на размышления, хотя и по-другому, является мексиканский случай со священником Джозефом Бруноном де Вертис, который был одним из обманутых женщин, притворявшихся, что им открылись тайны. Все они были арестованы, и он был брошен в тюрьму 9 сентября 1649 года. На неоднократных аудиенциях он тщетно пытался узнать, в чем его обвиняют; он буквально пресмыкался у ног инквизиторов; он делал пространные заявления обо всем, что касалось его самого и его сообщников; он смиренно подчинился Церкви и был готов признаться во всем, что от него требовали, но все без толку. Напряжение оказалось слишком велико для не слишком уравновешенного ума, и он начал сдавать позиции. Первыми симптомами были жалобы на одержимость демонами, за которыми, после двух с половиной лет заключения, последовало написание им статьи, полной диких фантазий больного мозга, в которой он обличал инквизицию как конгрегацию демонов, а иезуитов - как самых отвратительных врагов Бога. Затем он пролежал в своей камере более двух лет, пока 23 июля 1654 года не представил еще один бессвязный документ. Наконец, он умер 30 апреля 1656 года, после более чем шести с половиной лет тюремного заключения, так и не узнав, в чем его обвиняли. Его тело было брошено в неосвященную землю, и судебное преследование против его славы и памяти было продолжено. 11 мая 1657 года фискал, наконец, предъявил неофициальное обвинение с целью вызвать сородичей для защиты по делу; 22 октября 1659 года, более чем через десять лет после ареста, было предъявлено официальное обвинение, и, поскольку защита была невыполнимой, Брюнон де Вертиз был осужден, а его изображение сожжено на аутодафе в ноябре того же года. [110]

Когда на третьем слушании обвиняемый был предупрежден, что, если он не сознается, фискал выдвинет обвинение, подразумевался обман, поскольку независимо от того, сознался он или нет, судебный процесс продолжался своим неизбежным чередом. Обычно в той же аудитории, после того как он отвечал на запрос, фискалу предъявлялось обвинение, с которым он клялся, а затем удалялся. Этот грозный документ был составлен таким образом, чтобы быть как можно более устрашающим. В делах о ереси это свидетельствовало о том, что обвиняемый, будучи крещеным и подтвержденным христианином, пренебрегая страхом перед правосудием Божиим и инквизицией, с большим презрением к религии, позором народа и осуждением своей собственной души, был и остается еретиком, нераскаившимся, отрицательно лжесвидетельствующим и притворным исповедником; что он совершил много и наиболее тяжких преступлений против божественного величия и свободного осуществления инквизиции, а также был покровителем и приемником еретиков. Затем последовал перечень деяний, подтвержденных доказательствами, составленный в виде статей, дублированных и преувеличенных и представленных в самом одиозном свете. Кроме того, он был лжесвидетелем, отказавшись признаться на аудиенции после того, как поклялся говорить правду, из чего следовало, что он виновен в других, более тяжких преступлениях, в которых его сейчас обвиняют в целом и в которых он будет конкретно обвинен в свое время. Поэтому фискал молился о том, чтобы обвиняемый был признан виновным в перечисленных преступлениях, приговорив его к конфискации, передав его личность в руки светских властей и объявив, что он понес все другие наказания и инвалидность, предусмотренные папскими письмами, инструкциями Святой канцелярии и прагматиками королевств, приведя их в исполнение со всей строгостью, чтобы это послужило наказанием для него и примером для других. После этого последовал ужасный пункт, известный как *Отроси*, требующий, чтобы его пытали так долго и так часто, как это может быть необходимо, чтобы заставить его признаться во всей правде.

Одной из совершенно неоправданных особенностей обвинения было то, что, если имелись доказательства других проступков обвиняемого, полностью выходящих за рамки юрисдикции инквизиции, они были включены, потому что, как отмечается в Инstrukциях 1561 года, они служат усугублением его ереси и показывают его нехристианскую жизнь, откуда могут быть получены указания относительно вопросов веры. [111]

Как только обвинение было зачитано, оно было просмотрено снова, статья за статьей, и обвиняемый, все еще сбитый с толку его угрозами, попавший впросак, совершенно неподготовленный и без какой-либо помощи, должен был отвечать на каждое на месте, его ответы или объяснения записывались секретарем как часть протокола дела. После этого ему было велено выбрать адвоката для своей защиты.

АДВОКАТ ЗАЩИТЫ

Обычай допускать адвокатов по уголовным делам появился в английском праве сравнительно недавно, поэтому их допуск инквизицией может рассматриваться как свидетельство желания вершить правосудие. В Испании, однако, это было обычным делом, и подсудимые, слишком бедные, чтобы их содержать, получали питание за государственный счет. В королевской канцелярии, организованной Фердинандом и Изабеллой, было два *абогадос де лос побрес*. [112] В средневековой инквизиции в первые века ее существования к обвиняемым не допускались адвокаты, и установившимся принципом канонического права стало то, что адвокаты, которые брались за защиту еретиков, были отстранены от своих функций и пользовались постоянной дурной славой. [113] Однако к концу пятнадцатого века в процессах о колдовстве мы находим адвокатов, допущенных, но со строгими ограничениями, которые мы увидим в Испании, и те, кто проявил слишком усердие в защите своих клиентов, были подвергнуты отлучению как сторонники ереси. [114]

Поэтому, когда была основана испанская инквизиция, само собой разумеется, что обвиняемому должна быть предоставлена помощь подготовленных юристов, и не только их, но и прокуроров, которые занимались делами защиты, выполняя, в некотором роде, функции английского солиситора, в то время как *клетрадо* представлял адвоката и излагал аргументы. На ряде судебных процессов в Сьюдад-Реале в 1483 году, по-видимому, существовала значительная свобода выбора, обвиняемые выбирали как адвокатов, так и прокуроров. Во время преследования в Гваделупе в 1485 году подсудимых в основном представляли доктор де Вильяескуза в качестве адвоката и Хуан де Текседа в качестве прокурора, и аргументы в защиту были хорошо и убедительно представлены. [115] Это соответствовало Инstrukциям 1484 года, которые предписывают, что если обвиняемый попросит адвоката и прокуроршу, инквизиторы должны удовлетворить просьбу, получив от адвоката клятву оказывать ему добросовестную помощь, без придирок или злонамеренных задержек, но что, если на какой-либо стадии дела он обнаружит, что справедливость не на стороне его клиента, он больше не будет помогать ему и доложит инквизиторам; если у обвиняемого есть имущество, оно должно быть выплачено из него, но если у него его нет, оно должно быть выплачено из других конфискаций, поскольку таковы приказы инквизитора. совершены. [116] Однако эта либеральность была сведена на нет пунктом, требующим от адвокатов предавать своих клиентов, тем самым разрушая всякое доверие между ними и смертельно подрывая защиту. Однако это соответствовало этике того времени, и мы увидим, как она развивалась, превращая услуги адвоката в иллюзию.

Похоже, что суды иногда раздражались этими правилами и заявляли о своем праве пренебрегать ими по своему усмотрению, поскольку в случае со священником Диего Гарсией в 1488 году, когда ему было приказано выбрать адвоката и прокуроршу, фискал отказался дать согласие, и ему пришлось вести собственную защиту, хотя на последующем этапе судебного процесса за него выступил Диего Теллес. [117] Возможно, именно вследствие таких случаев и других препятствий для защиты Верховный суд издал постановление, согласно которому всем заключенным должно быть разрешено пользоваться услугами прокурора и защитника при условии, что они являются подходящими лицами. Также не следует запрещать детям и родственникам обвиняемого консультироваться с адвокатом так свободно, как им заблагорассудится, и что у него должны быть копии обвинительного заключения, показаний свидетелей и других бумаг в соответствии с Инструкциями. [118] Все это, чего требовали простейшие требования справедливости, стало, как мы увидим, мертвой буквой.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ЗАЩИТНИКИ

То, что опасность, поджидавшая слишком рьяного защитника, не была чисто гипотетической, видно из дела Касафранки, заместителя генерального казначея Каталонии при Фердинанде, который был сожжен во время аутодафе 17 января 1505 года, и его жены во время аутодафе 23 июня; его тесть примирился, а мать после осуждения умерла в секретной тюрьме. Франсиско Франч, королевский адвокат-фискал, защищал Касафранку, и инквизиция привлекла его к ответственности за безуспешную попытку предотвратить участь своего клиента, хотя в то время он занимал должность регента королевской канцелярии. Фердинанд, проявлявший большой интерес к нему, заставил генерального инквизитора Дезу написать в его пользу Франсиско Пайсу де Сотомайору, инквизитору, специально уполномоченному рассматривать это дело, но это не спасло его от горького унижения и бесчестия. 28 февраля 1505 года Сотомайор вынес приговор, в котором его преступление было описано как попытка побудить свидетеля отказаться от своих показаний и как препятствование расследованию бесполезными и затягивающими проволочками, из-за чего он навлек на себя отлучение от церкви, и, более того, он был виновен в лжесвидетельстве, сделав ложный и ошибочный вывод, за все это он смиренно просил прощения и пощады. После получения отпущения грехов от священника он должен был на следующий день предстать перед главным алтарем Санта-Мария-де-Хесу во время мессы с зажженной свечой в покаянном обличье и лишиться всей платы за свои услуги, которая могла бы быть получена из конфискованного имущества Касафранки. И он, и фискал приняли приговор, но его публичное покаяние было отложено, поскольку он отказался произнести определенные слова, включенные в приговор, которые, как он утверждал, были вставлены с тех пор, как ему его зачитали. Фискал пригрозил подать апелляцию генеральному инквизитору и потребовал, чтобы Франч содержался в тюрьме до принятия решения по апелляции, после чего он уступил, и церемония была проведена 1 марта. [119]

Когда усилия адвокатов в защиту своих клиентов были таким образом эффективно обескуражены, от них нельзя было ожидать ничего, кроме самых формальных услуг, и инквизиторам не стоило опасаться особых неприятностей. Однако даже это, как считалось, давало обвиняемому слишком много шансов, и весь риск неуместного усердия был предотвращен путем лишения его права выбирать себе защитника и ограничения этой функции одним или двумя назначенцами трибунала, на которых можно было положиться в пользу веры. Первое упоминание об этой политике содержится в мемориалах Хаэна и Льерены 1506 года, в которых они горько жалуются на то, что инквизиторы отказываются позволять обвиняемым

выбирать своих защитников и прокураторов, вынуждая их выбирать тех, кого они назначат, кто будет выполнять их приказы. Мемориал Хаен описывает их как врагов народа, которые хотят, чтобы число арестов увеличилось, поскольку они взимают по три тысячи мараведов за каждое дело, что для двухсот заключенных составляет шестьсот тысяч. [120] Это злоупотребление, вероятно, исходившее от Лусеро, было настолько созвучно тенденциям Святой Канцелярии, что постепенно стало правилом. В 1533 году одна из петиций кортеса Монзона заключалась в том, чтобы заключенным было разрешено выбирать своих защитников и прокураторов, но прямого ответа на это дано не было. [121] В 1537 году *абогадос де лос пресос* уже были признаны должностными лицами, назначенными трибуналами. Они имели исключительное право осуществлять защиту, и в 1540 году Верховный суд в ответ на петицию заявил, что, если сторона желает другого адвоката, это может быть только при условии, что он будет действовать в консультации с официальным адвокатом. Даже эта скромная привилегия была отменена, поскольку в 1562 году Вальдес издал указ, согласно которому официальный адвокат не должен общаться ни с каким другим адвокатом. [122] Это правда, что в 1551 году Верховный суд признал, что, если трибунал не смог найти подходящего адвоката для назначения, обвиняемый мог выбрать его, но это было просто уступкой необходимости. [123]

Главным требованием к *адвокату лос—пресоса* была его репутация и репутация его жены; его подчинение трибуналу обеспечивалось его зависимым положением, но, чтобы сделать это более абсолютным, около 1580 года Верховный суд приказал трибуналу Лимы — и, вероятно, всем другим — ознакомить своих адвокатов, что обязывало их к строжайшему повиновению. [124] Учитывая естественное преувеличение, вероятно, есть правда в описании, данном в 1559 году Антонио Ньето, заключенным в Валенсии, своему сокамернику Педро Луису Верге, который после своей первой аудиенции поздравлял себя с обещанием инквизитора Артеаги предоставить ему адвоката и прокуратора. Ньето сказал ему, чтобы он не рассчитывал на это, потому что, хотя инквизитор и мог бы дать ему адвоката, он не дал бы ему ничего хорошего, но человека, который будет делать только то, чего хочет инквизитор, и, если случайно он попросит адвоката или прокуратора не из инквизиции, они не будут служить, если они пойдут вопреки желаниям инквизитора, он выдвинет какое-нибудь обвинение в ложных убеждениях или недостатке уважения и бросит их в тюрьму. [125]

ФУНКЦИИ АДВОКАТА

Таким образом, адвокат стал одним из должностных лиц трибунала, получал надлежащую зарплату и работал в полном согласии с инквизиторами. В 1584 году мы находим его жителем Валенсии, ходатайствующим о выделении ему места в суде фе, где он мог бы быть признан таковым и спокойно наблюдать за приговором своих клиентов. Ходатайство было удовлетворено, и ему было отведено последнее место среди наемных офицеров. [126] Это стало установившимся правилом, но со временем профессиональное достоинство было ущемлено из-за того, что его низвели до положения, более низкого, чем у посыльных, привидений и тюремщиков.

В Вальядолиде и Гранаде адвокаты получили повышение по рангу, превзойдя врачей и хирургов, а в 1670 году лицензиат Хуан Маркес, адвокат севильского трибунала, направил Верховному Суду внушительный меморандум из семидесяти пяти страниц текста в кварто и пятнадцати указателей, отражающий пренебрежение, которому они были подвергнуты таким образом, и подчеркивающий достоинство юридической профессии, уважение, обусловленное

ее образованностью, а что касается адвокатов заключенных, то занимаемое ими конфиденциальное положение и преданность, с которой они служили трибуналам. Похоже, ему никогда не приходило в голову выдвигать претензии, основанные на верности своим клиентам. [127]

На самом деле, так называемый адвокат был просто официальным инструментом для получения признания вины и осуждения, для чего его мнимое положение дружественного советника давало ему особые возможности. Никакое общение между ним и его клиентом не допускалось, кроме как в присутствии инквизиторов и секретаря, который записывал все, что происходило между ними, таким образом следя за тем, чтобы он выполнял свой долг. Это правда, что он поклялся защищать заключенного со всей тщательностью, усердием и верностью, если для этого будут основания, и если не разуберять его, но его истинный долг описывается как побуждение заключенного полностью признаться перед самим собой и другими и положиться на милость трибунала, ибо отрицанием он только навредит своему делу и в конце концов пострадает. [128] Как рассматривалось любое отклонение от этого правила, видно из дела Бенито Феррера, рассмотренного в 1621 году трибуналом Толедо. В ходе совещания его адвокат Аргендона выдвинул несколько аргументов защиты, которые не понравились инквизиторам, которые немедленно приказали ему покинуть зал для аудиенций и отправили Бенито обратно в камеру, чтобы освежить его память и очистить совесть, и два дня спустя Аргендоне пришлось выступить с письменной защитой без дальнейшей возможности совещаться. Лицензиат Эгас имел более точное представление о своем долге, когда выступал адвокатом Изабель Ренье, судимой в 1571 году за протестантизм в Толедо. В официальном протоколе говорится, что после безуспешных попыток побудить ее к признанию, он спросил, есть ли у нее какие-либо враги, которых он мог бы обезвредить, на основании чего он мог бы выстроить защиту, когда она назвала нескольких, но, поскольку сеньоры инквизиторы хотели прекратить дело, он сказал ей, что это ей ничего не даст, поскольку не было предположения, что вражда привела к лжесвидетельству, и он продолжал убеждать ее, что она уже призналась в достаточном количестве, чтобы сделать ее дело безнадежным. Нетерпение инквизиторов было удовлетворено, поскольку несчастную женщину отправили на костер без того, чтобы Эгас побеспокоил их письменной защитой. [129]

Старое правило оставалось в силе, запрещая адвокату защищать нераскаявшегося еретика. Конечно, это ничего не меняло в результате, но все же разрешение сделать это спасло бы видимость. Такие случаи иногда происходили, как случай с Бенито Пеньясом в Толедо в 1641 году, безобидным сумасшедшим с какими-то смутными спекулятивными ересями. Его адвокат Хуан Диас Суэльто после совещания, на котором его клиент упрямо отверг его совет забыть о своих ошибках и молить о пощаде, сообщил, что его усилия были напрасны, так что ему было необходимо отказаться от защиты, чтобы не навлечь на себя порицания и другие наказания, налагаемые папскими протоколами, а также для более быстрого рассмотрения дела. [130] Еще в 1753 году в Валенсии то же самое произошло на процессе над мошенником-немцем по имени Хорстманн. [131]

ПРОКУРОРЫ НЕ ДОПУЩЕНЫ

Если даже в этих кандалах адвокат действительно хотел защищать своего клиента, он был лишен средств для этого. Первоначально, как мы видели, родственникам и детям было разрешено свободно общаться с ним, оказывать необходимую помощь и информацию, а также

собирать свидетелей, и ему также были предоставлены копии показаний свидетелей и другие необходимые бумаги. Похоже, что все это изменил Лусеро, злобный инквизитор Кордовы, поскольку мемориалы Хаэна и Льерены горько жалуются на такой отказ в правосудии, лишаящий *pugatory* всех средств защиты и лишаящий сородичей всякого знания о природе обвинения. [132] Однако это ускоряло дело и способствовало убеждению, а его полезность преодолевала все сомнения. В 1522 году кардинал Адриан запретил всякое общение между адвокатом и детьми или родственниками обвиняемого, и этот запрет повторялся до тех пор, пока не стал неизменным правилом. В том же духе единственным документом, который ему разрешили иметь, была копия публикации доказательств, которая сильно отличалась от первоначальных показаний. Чтобы подавить всякую инициативу с его стороны, ему было запрещено выдвигать какую-либо защиту, кроме той, которую может предложить обвиняемый на их открытых консультациях в зале для аудиенций, или вызывать каких-либо свидетелей, которых последний не назвал, а инквизиторам было приказано наказывать за любые нарушения этого правила, потому что они доставляли хлопоты и препятствовали ходу дела. [133] Если адвокат подозревался в чрезмерном рвении, инквизиторы имели право допросить его относительно мер, принятых для защиты, источников его информации и других деталей; защита во всех отношениях была вынуждена разыгрывать *карты за столом*, в то время как рука фискала тщательно охранялась, и допускалось только такое знание, которое могло запутать и ввести в заблуждение. При таких правилах казалось бы маловероятным, что адвокаты были бы виновны в реальной помощи своим клиентам, но для предотвращения такого возможного нарушения служебных обязанностей инспекторам было приказано при посещении судов выяснять, защищают ли они обвиняемых “злонамеренно” и прибегают ли к придирам по поводу задержек и, наконец, нужны ли они. [134]

В то же время, стремясь к справедливости, инквизиция настаивала на том, чтобы у обвиняемого был защитник. Когда в 1565 году Педро Эрнандеса судили в Толедо за кальвинизм, он сразу же сознался, заявил о своем обращении и взмолился о пощаде. Когда ему предложили выбрать адвоката, он отказался, пока ему не сообщили, что ему необходимо иметь адвоката для ведения своей защиты. Конечно, это была простая формальность, поскольку он был должным образом сожжен во время аутодафе 17 июня. [135] Инквизиторы, кроме того, были обязаны признать все предложенные им документы и выслушать любого, у кого могло хватить смелости выступить в защиту заключенного. [136]

Одновременно с введением ограничений в отношении адвоката исчезновение прокурора завершило систему, позволившую инквизитору контролировать как защиту, так и обвинение. Одним из последних упоминаний о прокураторе является постановление 1545 года, из которого следует, что, если обвиняемый подаст ходатайство, трибунал удовлетворит его, с оговоркой, что это не дает родственнику права помогать в защите. [137] Эта ревность к внешней помощи постоянно возрастала, и некоторые трибуналы, такие как Севилья и Кордова, начали отказывать в допуске прокураторам, за исключением случаев судебного преследования отсутствующих и умерших; сородичи могли предложить имена свидетелей инквизитору, который вызвал бы их и допросил. Наконец, инквизитор Сервантес, когда в 1560 году он делал доклад о Барселоне, воспользовался случаем, чтобы указать на недостатки таких представителей обвиняемых; через них, утверждал он, дело становится известным, они предвосхищают свидетелей, прежде чем те дадут показания, они способны идентифицировать их и представить обвиняемому причины, по которым они могут вывести их из строя. Епископ Авилы, член Верховного суда, немедленно признал силу этого решения и заявил, что прокураторов больше не следует допускать. Это

мнение возобладало, и в Инструкциях 1561 года их допуск был запрещен, хотя в случае необходимости адвокату могли быть предоставлены особые полномочия. [138] Однако их продолжали назначать на судебные процессы над отсутствующими и умершими, где это было неизбежно. Римская инквизиция не последовала примеру испанцев и разрешила нанимать прокураторов. [139]

КУРАТОР

Помимо адвоката во многих судебных процессах фигурирует персонаж, известный как *куратор*, или страж, живое свидетельство отеческой заботы инквизиции о беспомощных. Следуя традициям римского права, испанская судебная практика предусматривала, что в судебных процессах с участием лиц, не достигших совершеннолетия в двадцать пять лет, согласие куратора, постоянное или временное, *ad hoc*, было необходимо для подтверждения законности действий несовершеннолетнего. [140] Это положение, предназначенное для защиты молодых и неспособных, было сохранено в практике инквизиции, поскольку это было необходимо для придания силы различным принудительным действиям обвиняемого на последовательных этапах его судебного разбирательства, но для того, чтобы оно случайно не имело для него ценности, и для сохранения тайны Святой Канцелярии был принят обычай назначать адвоката или, предпочтительно, тюремщика, или посыльного, или какого-либо другого подчиненного трибунала куратором. Поскольку это было, таким образом, полным подрывом цели, для которой была создана функция, есть гротескный цинизм в помпезных формальностях, посредством которых куратор был вменен в процесс. Он дал торжественную клятву, что будет усердно и преданно защищать своего подопечного, заявляя обо всем, что идет ему на пользу, и предотвращая все, что приносит вред, консультируясь со своим адвокатом и делая все, что хороший опекун может сделать для подопечного. И, если последнему по его небрежности был причинен вред, он отдавал в залог свою личность и имущество, чтобы исправить это, предоставляя в качестве обеспечения другое лицо (коллегу-подчиненного), которое объединялось с ним в ответственности солидарно и по отдельности, отказываясь от всякой юридической защиты и отдавая себя и все свое имущество в руки инквизиторов. [141] Таким образом, поскольку это простая формальность или, скорее, обман, связанный с ложесвидетельством тех, кто давал грозную клятву, это может быть отклонено от дальнейшего рассмотрения, за исключением приведения случая, иллюстрирующего жесткий формализм процедуры. В 1638 году в Вальядолиде Бланка Энрикес, которую судили за иудаизм, представилась двадцатидвухлетней девушкой и, как обычно, получила звание куратора. Она призналась, что помирилась в Кордове девять или десять лет назад; голосование в *discordia* передало дело в Верховный суд, который обнаружил, что ее предыдущий судебный процесс состоялся в 1623 году, когда ей было пятнадцать, а следовательно, сейчас ей тридцать. Таким образом, куратор сделал судебное разбирательство нерегулярным, и Супрема приказал повторить его с самого начала. [142]

Обвиняемому разрешалась другая форма помощи, когда рассматриваемые вопросы касались важных теологических моментов, выходящих за рамки возможностей обычных адвокатов. Ученые врачи были вызваны под именем *patrones teólogos* для оказания помощи обвиняемому после того, как он был заслушан в защиту своих инкриминируемых утверждений. В обычной практике им зачитывались предложения и его ответы; каждому из них они говорили, удовлетворительно ли он объяснил это или нет; или должен ли он взять назад, или к какому другому выводу они могли прийти; затем все это представлялось калификадорам, которые

высказывали свое окончательное порицание. [143] Номинально покровителей выбирали обвиняемые, но в этом, как и во всем остальном, инквизиция стремилась контролировать защиту. Когда в 1574 году фраю Луису де Леону сказали, что у него могут быть покровители, он назвал четырех из разных мест. Трибунал Вальядолида передал кандидатуры в Верховный суд, который в ответ спросил, кого он привык выдвигать из числа своих *calificadores*, и, получив информацию, распорядился соблюдать обычный обычай. Протест брата Луиса о том, что он не хочет, чтобы *калификадорес*, которые уже выступили против него, был отклонен; патроны предназначались не для защиты обвиняемого в его ереси, а для того, чтобы разуверить его и сказать, во что он должен верить. Это правда, что Супрема в конце концов отступил от этой позиции, но из-за жонглирования, продолжавшегося месяцами, брат Луис был вынужден взять человека, который ему был не нужен, и который был всего лишь новым и переодетым *калификадором*; в переговорах между ними было отказано, и мнение, высказанное покровителем, было утаено от него. [144] Самым мудрым курсом для теолога, оказавшегося в руках инквизиции, был курс, принятый фраем Томасом де Нибой в 1642 году, когда его судили в Вальядолиде за определенные выводы, защищенные им в схоластических дебатах. Он отказался как от адвоката, так и от покровителей, заявив, что Церковь и ученые богословы могут исправить его, и он не собирался защищать навязанные положения. [145]

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Мы видели, что после того, как обвинение было зачитано и на него был дан ответ, заключенному было предложено выбрать адвоката. Возможно, ему были названы два имени, оба одинаково неизвестные; чаще всего только одно имя. Он не имел права отказаться, и, получив его согласие, был вызван адвокат, которого держали наготове в приемной. Ему был зачитан протокол судебного разбирательства до этого момента, и он сразу же выполнил свой долг, призвав своего клиента к признанию вины. Независимо от того, удалось это или нет, он заявил, что следующим делом было заключение; был вызван фискал, который аналогичным образом объявил, что он пришел к выводу, и инквизиторы уведомили обе стороны о заключении. После завершения этих формальностей дело было официально передано для доказывания. Налоговый инспектор попросил утвердить показания его свидетелей и опубликовать доказательства.

Ратификация, как мы видели, часто приводила к значительным задержкам, пока не был изобретен способ ратификации во время депонирования. Таким образом, когда доказательства были приведены в надлежащую форму, следующим шагом стала их так называемая публикация. Это могло быть, а могло и не быть последним этапом обвинения, поскольку никто не препятствовал привлечению новых доказательств, и могло быть с полдюжины или более последовательных публикаций, особенно когда группа иудействующих предстала перед судом и они один за другим сдавались и рассказывали то, что знали о своих сообщниках. Эффективность этого проиллюстрирована случаем с Энграсией Родригес в Вальядолиде в 1643 году. После того, как ее дело, по-видимому, подошло к концу, консультативная комиссия проголосовала за применение к ней пыток, которые были применены должным образом, без получения признания. Затем время от времени появлялись новые публикации доказательств, пока ее решимость не поколебалась, и на седьмой публикации, через одиннадцать месяцев после пыток, она призналась в иудаизме. Вероятно, она осознала, что ее родственники и друзья уступают один за другим и обвиняют ее, и что дольше сопротивляться бесполезно, с

уверенностью — о которой, несомненно, сообщил ей ее адвокат — что упорство, несомненно, закончится тем, что она сгорит заживо как нераскаившаяся *негативистка*. [146]

Поскольку эта публикация доказательств была единственным намеком обвиняемому на то, что против него было возбуждено, и поскольку предполагалось, что она предоставит ему широкие возможности для защиты, она заслуживает небольшого специального рассмотрения. Мы видели, что предлог защиты свидетелей использовался как оправдание сокрытия их имен и всех обстоятельств, которые могли бы привести к их идентификации. Даже при самой жесткой конструкции это сильно подрывало защиту, но жесткая конструкция их полномочий не была обычным явлением среди трибуналов. Когда однажды было признано, что часть доказательств может быть законно утаена, выбор того, что должно быть обнародовано, стал в значительной степени дискреционным.

Попытка установить правила для руководства на этот счет привела к бесконечному количеству инструкций, более или менее жестких или расплывчатых. В 1498 году Верховный суд обратил внимание на зло, которое до сих пор последовало за публикацией, поэтому в будущем необходимо позаботиться о том, чтобы опустить все обстоятельства, дающие ключ к разгадке личности свидетелей, и это повторилось в 1499 году. [147] Тем не менее, была признана вопиющая несправедливость сокрытия от обвиняемого сведений, которые могли бы позволить ему опровергнуть обвинения, но все инструкции, запрещающие это, были обрамлены “если”, что фактически санкционировало неправоту. Например, указание времени и места, в котором, как утверждалось, было совершено действие, было необходимо, если обвиняемый хотел иметь шанс обнаружить ложную ругань, однако такие детали, возможно, могли бы привести его к опознанию свидетеля, и эти противоположные причины привели к серии различных приказов, которые показывают, как Верховный колебался между желанием обеспечить себе преимущество и сознанием неправоты. В 1525 году он осудил практику трибунала Толедо, заключающуюся в пропуске времени и места. Было трудно заставить инквизиторов соблюдать это, и в 1527 году был издан общий приказ излагать доказательства так, как их давали свидетели, ни больше, ни меньше. В 1530 году он пошел на уступку, приказав обращаться к нему, когда возникало “неудобство” в указании месяца или года. Затем, в 1532 году, было установлено позитивное правило о том, что место, время и лица должны быть указаны, поскольку принцип, согласно которому свидетель должен быть защищен, должен был толковаться как препятствующий только прямому признанию, а не выводному. Это было снова изменено в 1537 году, когда, хотя снова предписывалось давать все показания, это было оговорено старым судебным запретом скрывать все обстоятельства, по которым свидетели могли быть опознаны. Примерно в 1560 году в некоторых инструкциях в Барселоне предписывается указывать время и место в таких общих выражениях, которые не должны выдавать свидетеля. Наконец, в окончательных Инstrukциях 1561 года предписывается указывать время и место, но в то же время предписывается умолчание обо всем, что может выдать свидетеля. Предупреждение о том, что нельзя использовать доказательства, которых нет в публикации, дает намек на другие нарушения даже более серьезного характера. [148]

Поскольку публикация была делом чрезвычайной важности, обязанностью инквизиторов было лично подготовить ее, а не поручать подчиненным, и меньше всего фискалу, который технически был прокурором. Приказы на этот счет были изданы в 1529 году; они были повторены в Инstrukциях 1561 года, но в 1568 году Верховный суд Барселоны был вынужден привлечь к ответственности трибунал Барселоны за то, что он позволил фискалам это сделать, и

более поздний автор сообщает нам, что инквизиторы продолжали уклоняться от работы и перекладывали ее на секретарей. [149]

Труд, несомненно, был велик, поскольку свидетелей было много и они были словоохотливы, а деликатная обязанность, как правило, безрассудно выполнялась подчиненными, опасавшимися упрека, если они позволят узнать слишком много. Обычай состоял в том, чтобы давать показания каждого свидетеля отдельно, как они были даны “определенным лицом”, и, когда это было практически осуществимо, разделять их на статьи, каждая из которых касалась отдельного обвинения или факта. В этом процессе было легко устранить все обстоятельства, которые могли бы дать ключ к установлению личности свидетелей, и не было никаких угрызений совести в том, чтобы ввести ответчика в заблуждение или опустить то, что, как могло бы показаться, ослабляет дело. В публикации, зачитанной Марии Гомес ла Саседе на суде в Толедо в 1544 году, показания одного свидетеля разделены и представлены двумя, с целью, как отмечено на полях, помешать ей опознать его. [150] В деле Гаспара де Торральвы, рассматривавшемся тем же судом в 1531 году, публикация содержит такие примечания, как “показания седьмого свидетеля опущены”, “показания восьмого свидетеля опущены”. [151] За этим не было никакого возможного надзора или контроля; усмотрение инквизиторов было абсолютным, и заключенный находился в их власти.

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Во многих случаях публикация была не более чем неряшливым повторением обвинения фискала и не оказывала обвиняемому никакой возможной помощи в его защите, как в случае с Хуаном де ла Барра, которого судили за лютеранство в Толедо в 1656 году. [152] Когда он был составлен более детально, он стал запутанным в высшей степени. Читаешь длинный ряд утверждений, или догадок, или сплетен, переданных двадцатью пятью или тридцатью свидетелями, расплывчато изложенных как то, что “определенный человек” сказал или подумал о другом определенном человеке, без указания времени или места, и удивляешься, как заключенный вообще смог усвоить это настолько, чтобы составить какое-либо определенное представление о характере и весомости улик против него. И поскольку его жизнь, возможно, висела на волоске, от него потребовали ответить на все это на месте, статью за статьей, и его ответы подверглись тщательному перекрестному допросу. То, что даже невиновный человек мог скомпрометировать себя в ловушках, таким образом искусно расставленных для него, не было маловероятным, и все же эта публикация доказательств была представлена как особая милость, оказанная ввиду других ограничений, налагаемых на защиту, — милость, не всегда признаваемая в светских судах. [153]

После того, как это испытание было пройдено, был вызван адвокат, которому предоставили публикацию и ответы обвиняемого. Они совещались под присмотром инквизитора и пером секретаря; если обвиняемый отвергал повторный совет адвоката признаться и оправдать свою совесть, план защиты согласовывался. Что это было, как правило, не имело большого значения. Когда в 1499 году генеральные инквизиторы сочли необходимым проинструктировать инквизиторов о том, что они должны обращать внимание на доводы защиты и исключения, на которые ссылаются обвиняемые, это указывает на то, что они были признаны обвинителями, а не судьями. Тем не менее, было открыто признано, что ввиду ограниченности возможностей защиты им следует самым ревностным образом рассмотреть все, что она представляет. [154]

Защита была настолько формальной процедурой, что авторы систематических статей в основном отмечают ее кратким замечанием о том, что ее свидетели должны быть ревностными христианами и никоим образом не связаны с обвиняемым. Симанкас, однако, рассматривает его более подробно, и его перечисление его возможностей показывает, насколько ограниченными они были. С самого начала он признает юридическую максиму о невозможности доказать отрицательный результат, что практически в большинстве случаев было задачей, возложенной на обвиняемого. Затем он переходит к определению того, что может сделать обвиняемый. Он может призвать свидетелей, чтобы доказать свою религиозность или вывести из строя из-за вражды свидетелей противоположной стороны, или показать, что в определенное время или в определенном месте он не говорил того, что ему приписывали. Затем идут общие жалобы на ослабление, крайнюю молодость, вторичное ребячество, безумие, пьянство, необдуманные речи, невежество, шутливость, давление страха перед угрозами или сильное горе. Или он может заявить отвод судье, что должно быть передано Верховному суду, а не арбитрам, которые вызывают много задержек. [155]

ЗАЩИТА—ОТВОД

Отвод судьи был правом, признанным традиционным законодательством Испании. [156] Инквизиция признала это, и мы видели в делах Каррансы и Вильянуэвы, как мало обвиняемый извлек из этого выгоды, даже когда номинально добился успеха. Это было средство, практически доступное только для сильных или обученных, в лучшем случае, но опасное средство, и по необходимости к нему приходилось прибегать в начале судебного разбирательства. Очевидно, что он использовался недостаточно часто, чтобы была предусмотрена определенная форма процедуры. Инструкции 1561 года требуют, чтобы в случае отвода инквизитора он передал дело своему коллеге; если у него таковых нет или если оба отвода отклонены, дело должно ожидать решения Верховного суда. [157] Это указывало бы на то, что судья, взявший самоотвод, ушел в отставку как само собой разумеющееся, но дела Каррансы и Вильянуэвы доказывают, что возражения заключенного должны были быть признаны законными, и это еще раз подтверждается, когда экстравагантное мариолатри беспокойного иезуита падре Хуана Баутисты Позы было осуждено в Риме и одобрено в Испании. Прошло семь лет после того, как его *Толкование деяний* было внесено в Римский указатель, в 1628 году, прежде чем нунций смог заставить испанскую инквизицию привлечь его к ответственности за мятежное неповиновение. Когда его судил трибунал Толедо, он взял самоотвод против инквизитора Сьенфуэгоса; его доводы были рассмотрены Верховным судом, который проконсультировался с другими инквизиторами, и самоотвод был поддержан. Насколько необычным было это действие, видно из хвастовства его собратьев-триумфаторов, что это было одно из замечательных событий, произошедших в Испании. [158] Тем не менее, инцидент на суде над Фраем Луисом де Леоном показывает преимущество любых препятствий для предотвращения отвода. После двух с половиной лет уединения в тюрьме от мира он попросил сообщить имена действующего генерального инквизитора и членов Верховного суда, чтобы он мог отвести любого, кого считал враждебным, однако в этой элементарной информации было отказано, несмотря на неоднократные ходатайства, к которым присоединился его адвокат, показывая, что последнему было запрещено сообщать ему о том, что имело общественную известность. [159] Строго говоря, отвод был не защитой, а лишь предварительным этапом к ней, и его редкость делает его второстепенным.

Из всех просьб о смягчении наказания, перечисленных Симанкасом, ссылка на молодость ничего не значила, поскольку, как мы видели, как только наступал ответственный возраст, преступник подлежал наказанию, и милосердия проявлялось мало. На самом деле, когда преступнику не исполнилось четырнадцати лет, существовал способ отсрочить вынесение приговора до достижения им этого возраста. [160]

ЗАЩИТА—БЕЗУМИЕ

Безумие имело гораздо большее значение. Душевнобольных признали безответственными и отправили в больницы. На это нередко ссылались, и трибуналы постоянно следили за тем, чтобы обезопасить себя от обмана, однако прошло много времени, прежде чем были приняты определенные правила в отношении этого вопроса. Согласно просвещенному взгляду инквизиции на колдовство, инструкции 1537 года указывают на склонность считать предполагаемых ведьм сумасшедшими; всякий раз, когда инквизиторы считали, что это так, все действия и слова, ведущие к такому выводу, должны были быть скрупулезно описаны в записях. В Барселоне в то время была под рукой ведьма по имени Хуана Роскуэллс, которую врач и консультанты сочли не в своем уме; не зная, что делать, они обратились в Верховный суд, который распорядился уволить ее и несколько непоследовательно потребовал внести за нее залог. [161] Еще более приблизительным был случай в Толедо в 1541 году с Хуаном Гарсией, поденщиком, удостоенным откровений самого дикого рода. На аудиенциях он невнятно отвечал на задаваемые вопросы, а когда дело дошло до консульта де фе, его вызвали и спросили, получит ли он сто ударов плетью или заключение в больницу. Он очень благоразумно отклонил и то, и другое, и заседание завершилось голосованием за то, чтобы проверить его вменяемость. Это было сделано самым поверхностным образом, совет федерации, собравшись повторно, проголосовал за его оправдание, предупредив, что если он будет упорствовать в своих диких речах, то получит сотню ударов плетью, независимо от того, сумасшедший он или нет. Соответственно, ему было велено убраться во имя Бога. [162]

Очевидно, что до сих пор не было предписано никакого метода для рассмотрения таких случаев, и несколько примечательно, что Инструкции 1561 года упоминают только те, отнюдь не редкие, случаи, когда заключенные теряли рассудок во время судебного разбирательства, и в них только приказывается предоставить им куратора, из чего следует, что судебное разбирательство должно было быть продолжено. [163] В соответствии с этим, в Гранаде в 1665 году заключенному, который сошел с ума после признания, был предоставлен куратор, под руководством которого дело было доведено до конца. Он был осужден как еретик, а его имущество конфисковано; поскольку он признался и просил о пощаде, будучи еще в здравом уме, он был освобожден от порицаний, чтобы пользоваться правом голоса Церкви, в то время как что касается епитимий, требующих здравомыслия для их исполнения, таких как примирение, отречение, изгнание и т.д., их определение было отложено до тех пор, пока к нему не вернется рассудок. [164] Когда безумие наступило после осуждения и вынесения приговора, Пенья говорит нам, что казнь следует отложить до тех пор, пока не восстановится рассудок, поскольку, возможно, преступник раскается и он достаточно наказан своим безумием. Даже если это притворство, это должно быть сделано, ибо остаться безнаказанным - меньшее зло, чем погубить его душу, предав смерти нераскаившегося. В любом случае конфискация должна быть произведена в принудительном порядке. [165]

Когда обвиняемый был признан невменяемым, был принят план перевести его в больницу, но в 1570 году Супрема потребовала консультации, прежде чем это было сделано. Больницы не всегда были готовы принимать таких пациентов, но они были вынуждены делать это, как явствует из приказа Верховного суда в 1574 году, в подобном случае. [166]

Диагноз безумия достаточно неясен для современной науки, и неудивительно, что инквизиция испытывала трудности с защитой от попыток навязывания, которые считались частыми. Пенья сообщает нам, что к безумию всегда относились с подозрением, как, вероятно, к фиктивному, но он может только предположить, что тюремщики должны были внимательно следить, а инквизиторы угрожать или применять пытки, против которых не было возражений, если только не было риска смерти, и которые были эффективным средством выявления обмана. [167] На самом деле, как мы видели, к нему без колебаний прибегали, когда другие средства оказывались безуспешными, но к чести инквизиции следует отметить, что она была готова исчерпать все свои ресурсы в сомнительных случаях, чтобы решить вопрос о вменяемости, независимо от того, насколько ее окончательные выводы могли быть искажены предрассудками.

Чрезвычайно показательным был случай с Бенито Феррером, бродячим нищим в одежде священника, арестованным в Мадриде 24 августа 1621 года архиепископской полицией и заключенным в духовную тюрьму. Его собирались выпустить, когда 20 сентября, во время мессы в молельне, он бросился вперед на возвышении Воинства, выхватил его из рук священнослужителя, смял и бросил часть на пол, воскликнув: "О Бог-предатель, теперь ты заплатишь мне!" Святотатство, конечно, вызвало величайший ажиотаж и возмущение. Архиепископальный суд принял к сведению это дело и уже собирался признать Бенито сумасшедшим, когда инквизиция заявила о его невиновности и отправила в Толедо для суда с приказом настаивать на рассмотрении дела. Перед отъездом из Мадрида его осмотрел комиссар, когда он заявил о своем полном здравомыслии и объяснил свой поступок тем, что Воинство не было освящено, поскольку священник и все остальные, кого он видел, были заколдованными демонами.

ЗАЩИТА—БЕЗУМИЕ

Бенито, несомненно, был маниакалом, поскольку на своих последующих аудиенциях он заявил, что в 1609 году был околдован, поскольку все, кого он встречал, были демонами, и много других диких разговоров. Его адвокат потребовал провести расследование на предмет его вменяемости, которое было проведено несколько небрежно, в результате чего было объявлено, что его экстравагантность была притворной. Тем не менее, совет федерации 23 ноября проголосовал в "дискордии", и Супрема распорядился продолжить изучение его послужного списка и прошлого. Двадцать лет назад, в своей родной Каталонии, он пытался принять религию; два женских монастыря отказались принять его, а два других изгнали его через несколько месяцев. Трибуналы Валенсии и Барселоны были привлечены к работе по этим слабым следам; монахи того времени были мертвы или рассеяны, но после шести месяцев поисков были найдены двое или трое, которые смутно помнили его как меланхоличного человека без особого смысла, который, казалось, был одержим. Затем последовали дальнейшие обследования товарищей по заключению и врачей, сошедшихся во мнении, что его безумие было выдумкой, и были предприняты бесплодные попытки заставить его признать это. Еще один консилиум, состоявшийся 10 сентября 1622 года, единогласно проголосовал за

смягчение наказания, но Верховный суд еще не был удовлетворен и распорядился применить пытки в качестве последнего средства. Когда ему зачитали приговор, он просто сказал, что готов к тому, что Божественному Величеству будет угодно с ним сделать. Затем в течение трех часов он подвергался невыносимым пыткам, кровь капала на пол из его разорванной плоти, но среди его воплей и стонов от него нельзя было добиться ничего, кроме “Бог страдал больше; я здесь, чтобы служить его удовольствию” и предложения, что, если они дадут ему Библию, он докажет, что все они демоны. Если пытка что-то значила как проверка, то это доказывало, что его безумие было реальным, но два дня спустя консультативная комиссия единогласно признала его послабление *отрицательным результатом*. Тем не менее, Верховный суд не был удовлетворен; он счел, что пытки были недостаточными, и приказал заключить его под стражу с доверенными лицами, которые должны были строго следить за ним. Соответственно, 23 ноября его камеру сменили, и ему дали в компаньоны двух монахов и врача, ожидающих суда, должным образом приведенных к присяге и проинструктированных. 8 февраля 1623 года они были обследованы и признали его вменяемым, но доктор Антонио Гомес, который обследовал его, счел его склонным к бреду; многие люди, по его словам, были вменяемы во всем, кроме одной темы, в которой они были безумны. Тем не менее, Верховный суд колебался и приказал продолжить наблюдения, которые были продлены до 4 ноября, с тем же результатом, когда другой консультативный совет единогласно проголосовал за смягчение. Верховный суд больше не мог сопротивляться этим неоднократным обвинениям; он подтвердил приговор, и 21 января 1624 года он был сожжен заживо как нераскаившийся. [168] *Каким бы ошибочным ни казалось нам это заключение, оно не было достигнуто без длительного и добросовестного расследования, какого ни один другой трибунал того периода не провел бы по такому делу, хотя архиепископские власти были мудрее, когда они быстро признали безумие Бенито..* [168]

ЗАЩИТА—БЕЗУМИЕ

Нимфоманка в 1688 году вызвала у трибунала Валенсии еще более длительный срок недоумения. Франциска Гарсия была арестована 28 марта как *алумбрада*- одна из мистиков— против которых инквизиция вела беспощадную войну. Она откровенно призналась в своих сексуальных излишествах, которые, по ее словам, были вызваны голосом Божьим. Во время аудиенций с длительными интервалами ее речь была настолько иррациональной, что возникло подозрение в безумии. Были вызваны врачи, которые сообщили, что она, по-видимому, страдает какой-то умственной слабостью, и алькаид сказал, что не может определить, была ли это слабость или злой умысел. Были проведены консультации с Калификадорами, которые отложили для дальнейшего решения вопрос о том, была ли она галлюцинацией, сумасшедшей или одержимой. Так продолжалось два с половиной года, пока 19 сентября 1690 года не было решено оставить ее в тюрьме, но прежде чем выдвигать обвинение, следовало провести еще одну консультацию с калификадоресом. Они осмотрели ее и сообщили, что она громко кричала, рыдала и эякулировала и прямо не отвечала ни на какие вопросы, но по-прежнему утверждала, что плотское потворство принимает Бога, поэтому они приберегли свое мнение до другого раза. Прошло восемнадцать месяцев, и в марте 1692 года она добилась аудиенции, на которой бросилась на землю и со слезами умоляла научить ее; она знала, что должна быть довольна своим мужем, и с криками и воплями заявляла, что не сможет устоять перед искушением иначе, как с помощью Божьей. Незамедлительно была проведена консультация, а в январе 1693 года еще одна, которая могла рекомендовать только ее заключение под стражу, ввиду того зла, которого можно было бы избежать, если бы ей разрешили общаться с другими. Затем прошло еще два с половиной года, время от времени поступали сообщения от алькаида и

секретаря о том, что в последнее время бедняжка больше не распутничала, ввиду чего 1 июля 1695 года было принято решение о предъявлении обвинения и о том, что калификадорес должен снова допросить ее. На сообщение об этом Верховный суд ответил в резкой форме, указав, что это всего лишь возобновление вечного раунда и что дело обещало быть бессмертным; он распорядился, чтобы судебное преследование было незамедлительно продолжено обычным способом и приговор был представлен на утверждение. Здесь запись, находящаяся перед нами, обрывается, и окончательное действие неизвестно, но очевидно, что с несчастной женщиной следовало обращаться как с ответственной, а колебания трибунала лишь привели к тому, что она была заключена более чем на семь лет в темницу (*калалоса*), где, если и не сошла с ума поначалу, то, вероятно, стала такой во тьме и отчаянии бесконечного заключения. [169] Какими бы гуманными ни были намерения, предрассудки и невежество толкнули их на жестокость.

Это знаменует собой постепенное улучшение, когда со временем вошло в обычай при получении доноса допрашивать информатора, знает ли он, был ли обвиняемый пьяницей или страдал каким-либо психическим расстройством, и в инструкциях комиссарам по сбору показаний было предписано всегда проводить такие расспросы. Это была похвальная предосторожность, и современное смягчение нравов привело к заметному улучшению обращения с душевнобольными. Это хорошо проявилось в 1818 году в деле Педро Бенито Лобариньяса, по которому Верховный судья приказал трибуналу Сантьяго относиться к нему с особой добротой и предоставить ему все удобства, совместимые с его сохранностью. К нему должны быть допущены конфиденциальные лица, а также врачи, которые в дружеской беседе могли бы составить оценку его психического состояния, в то время как по месту его жительства также должно быть проведено расследование. Тем не менее, исход дела показывает конфликт между человечностью и крайним страхом перед доктринальными ошибками. Его проступком были просто какие-то “предложения”, и, принимая во внимание его здравомыслие во всем остальном и его опыт работы в саду, он должен был быть передан садовнику какого-нибудь монастыря, обнесенного такими стенами, чтобы предотвратить его побег и запретить ему разговаривать с кем бы то ни было, чтобы у него не было возможности распространять свою ересь. [170]

Что касается других оправданий, таких как опьянение, внезапный гнев, легкомыслие, невежество, шутливость и тому подобное, то они могут быть выдвинуты только в незначительных случаях, таких как богохульство и утверждения, не включающие формальную ересь. В таких делах они часто выдвигались в качестве смягчающих обстоятельств, и им уделялось большее или меньшее внимание в зависимости от настроения трибунала, вследствие чего наказания нередко смягчались.

Защита, когда обвиняемый отрицал обвинение, была практически ограничена *тачасом* и *абоносом*— первое из них было лишением свидетелей трудоспособности путем доказательства вражды или другой нетрудоспособности, второе было накоплением доказательств, подтверждающих хороший характер и усердное соблюдение религиозных обрядов. Иногда применялся *косвенный допрос* для получения показаний, опровергающих или объясняющих конкретные обвинения, и иногда выявлялись недостатки или противоречия в инкриминирующих доказательствах, или алиби могло быть доказано, когда в публикации

указывались время и место, но эти случаи были исключительными. В огромном количестве судебных процессов по серьезным обвинениям не было предпринято ни одной попытки защиты, за исключением *тачасы* и *абонеса*. Последнему обычно уделялось мало внимания, и борьба, как правило, велась за первое.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ДЛЯ ЗАЩИТЫ

В этом деле защита столкнулась с серьезными препятствиями из-за сокрытия имен свидетелей и искажения доказательств в публикации, чтобы защитить их от признания. Хотя иногда обвиняемый мог опознать одного или двух, в целом он мог только нащупывать вслепую и указывать на людей, с которыми он поссорился, в отчаянной надежде, что они случайно окажутся теми, кто дал порочащие его показания. Какой бы призрачной ни была перспектива добиться этого, она была дополнительно затруднена из-за препятствий, возникших на пути его получения и представления своих доказательств. Ему было разрешено только сообщить имена тех, кого он подозревал, список свидетелей, на которых он полагался, чтобы доказать враждебность, и ряд вопросов, которые следовало задать последним, кто за годы его заключения мог умереть или исчезнуть. Мы видели, насколько строгими были требования к квалификации свидетелей защиты, так что инквизитор проявлял свое усмотрение в отношении того, кого он допускал, и при этом он не был обязан проводить какие—либо допросы, которые он считал неуместными или которые он не одобрял - более того, считалось, что обязанностью инквизитора было исключить допросы, и если в допросах *тахаса* было что-либо, затрагивающее репутацию замужней женщины или репутацию семьи, это должно было быть вычеркнуто. [171] Все дело было полностью в его руках, и он мог даже отказать заключенному в какой-либо защите, как в случае с Мартином де Хаэном, Мориско, сожженным в автокатастрофе в Толедо в 1606 году, или Мануэлем де Мезонесом, наказанным в 1610 году, на том основании, что то, о чем они просили, было ненужным или не относящимся к делу. [172] Когда разрешалась защита, ни обвиняемый, ни его защитник не имели привилегии допрашивать тех свидетелей, которые были допущены, или вытягивать все, что они могли бы рассказать. Если они были жителями города, инквизитор вызывал их; если на расстоянии, допросы отправлялись комиссару; свидетель на каждый прямой вопрос отвечал "да" или "нет", или, возможно, мог сообщить какие-то расплывчатые подробности или сказать, что он ничего не знает, и на этом снятие показаний заканчивалось. Если расследования проводились против сторон, которые не давали показаний, они, как правило, пресекались, хотя по инструкции следовало расследовать и их, чтобы более эффективно держать обвиняемых в неведении, а также предлагалось допросить их лично, поскольку, будучи врагами, они могли дать дополнительные порочащие показания. Когда свидетели защиты, как это часто случалось, были широко рассеяны, все это потребовало значительного времени, в течение которого заключенный в своей камере терзал свое сердце в неизвестности, а когда все было закончено, его привели в зал для аудиенций, кратко проинформировали, что то, о чем он просил, было должным образом исполнено, и спросили, хочет ли он еще что-нибудь сказать. Согласно инструкциям 1561 года, результаты допросов были тщательно утаены от него, как мы видели выше (Т. II, стр. 543).

В этой системе, в которой бремя доказывания было возложено на обвиняемого, в то время как он был лишен всех средств доказательства невиновности, несправедливость могла быть предотвращена только судьями, действовавшими фактически в качестве адвокатов защиты, вместо которых они обычно выступали в качестве сторон обвинения. Как это работало, лучше всего можно понять на нескольких примерах, с разными результатами.

В 1494 году Диего Санчес из Саморы был привлечен к ответственности за иудаизм трибуналом Толедо. С четырнадцати лет он обучался в кафедральном соборе, где двадцать лет назад дослужился до должности органиста и бенефициария. Против него было всего два свидетеля — Педро де Толедо, капеллан архиепископа, который засвидетельствовал, что видел, как он ел кабачки по субботам и яйца во время Великого поста и удалял жир с мяса. Другой была Мария де Санта Крус, служанка, сожженная за ересь, которая по пути *вкемадеро*, будучи убеждена очистить свою совесть, разоблачив своих сообщников, рассказала, что однажды, когда он был болен, его отец сказал ему, что он не выздоровеет, если не пошлет немного масла в синагогу, после чего он отправил и масло, и свечи. Она была вне досягаемости мести, но, как обычно, ее имя и обстоятельства были замалчиваемы. В попытках Санчеса и его адвоката распутать эту историю есть мрачная комедия. Они неоднократно просили отозвать умершего свидетеля и провести повторный допрос, а также назначить дату, поскольку Санчес однажды несколько дней находилась в бреду, и это могло произойти именно тогда; была составлена официальная серия допросов, которые ей предстояло провести, и восемь свидетелей должны были быть допрошены, чтобы доказать истинность бреда, все из которых инквизиторы встретили глубоким молчанием. Затем, в надежде выявить всех возможных врагов, которые могли бы дать показания, была подробно описана длинная серия ссор, которые у него были с членами его семьи и другими людьми. При этом он случайно наткнулся на Марию де ла Крус, которая была его служанкой, но оказалась воровкой и, забеременев, обвинила слугу в том, что он ее отец. Он уволил их обоих, но забрал мужчину обратно; девушка впала в дурное поведение, и ее били по улицам, что она приписывала ему и неоднократно угрожала отомстить. Ему не удалось опознать Педро де Толедо, но он доказал, что двадцать пять лет безупречно служил в соборе, и отделался отречением от престола *де леви* и отстранением на год от служения мессы - этого было достаточно, чтобы опозорить его. [173]

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ДЛЯ ЗАЩИТЫ

Эта безнадежная путаница в попытках опровергнуть доказательства, источник которых был так тщательно скрыт, проявляется еще сильнее в деле Диего де Учеды, рассмотренном в 1528 году тем же трибуналом по обвинению в лютеранстве, основанному на случайном разговоре с незнакомцем в Сересо по дороге из Бургоса в Кордову. Умолчание о времени, месте и деталях в публикации навело его на ложный след, и он вообразил, что обвинение возникло в результате разговора несколькими ночами позже в Гвадарраме с протоиереем Арджоны, и вся его энергия была потрачена впустую на попытки доказать, что последний разговор был безупречным, оставляя настоящие показания против него неоспоримыми. Это была игра с противоположными целями, в которой инквизиторы позволили ему безнадежно запутаться. Между прочим, запись дает яркую картину мучительного ожидания, которое испытывал заключенный в своей камере во время неизбежных задержек, возникающих из-за метода процедуры. Он был камергером Фернандо де Кордовы, клаверо или казначеем ордена Калатравы; как таковой он следил за судом, и его свидетели *в абоно* были неизбежно рассеяны. Шесть месяцев ушло на то, чтобы найти их и заручиться их показаниями, в течение которых он неоднократно добивался аудиенций, умоляя инквизиторов ради любви к Богу прекратить его дело. Однажды за его счет был отправлен второй гонец в Бургос и Вальядолид с длинными инструкциями, и он подсчитал дни, которые потребуются пройти, из расчета десяти миль в день - обычная норма для пеших курьеров. Наконец его вызвали на аудиенцию и сказали, что все его свидетели, за исключением четырех, были допрошены и он может назвать других вместо них. От этого он отказался; он представил достаточно свидетельских показаний о характере, но,

конечно, не смог опровергнуть показания неизвестных свидетелей, которые донесли на него. Как мы уже видели, он был подвергнут пыткам, сознался, отозван и приговорен к явке на аутодафе, к отказу от *отгорячности*, к штрафу в шестьдесят дукатов и некоторым духовным покаяниям, что сделало его обесчещенным и разоренным человеком из-за нескольких неосторожных слов, сказанных незнакомцу. [174]

К чести трибуналов следует отметить, что они, как представляется, в целом готовы приложить все необходимые усилия для получения показаний свидетелей, которых они допустили. В 1573 году Верховный суд Барселоны приказывает трибуналу посоветовать французскому заключенному, чтобы он мог получить от короля Франции охранную грамоту для лиц, которых он отправляет туда для получения доказательств для него, и получателю предписывается выплатить шестьдесят четыре дукатов на расходы комиссии - разумеется, из конфискованного имущества. [175] В 1682 году на суде в Барселоне над Маргаритой Альтамирой, никчемной женщиной, она назвала в качестве свидетеля поденщика, которого знала только как Исидро. За ним безуспешно охотились в городе, и были предприняты попытки выследить его. В Кардоне был найден и обследован Исидро Хиральт, но оказалось, что это не тот человек. Затем было высказано предположение, что он может находиться где-то в приходе Майя, и комиссару Сольсоны было приказано найти его и отправить вместе с женой в Барселону, но поиски оказались тщетными, и никого с таким именем там найти не удалось. Затем Маргариту спросили, может ли она дать какие-либо дополнительные указания, которые помогли бы найти его: она подумала, что, возможно, Мария Барранко могла что-то знать, но в ходе расследования Мария была обнаружена мертвой. Затем она упомянула других свидетелей, которые могли бы засвидетельствовать ее хорошую репутацию, и они были должным образом вызваны и допрошены. [176] Все это было так, как и должно было быть, но это зависело от настроения трибунала, и заключенный был бессилён помочь себе.

Эта обычная защита, заключающаяся в том, чтобы лишить свидетелей возможности опознать их за вражду, хотя в основном это были поиски вслепую, иногда оказывалась успешной. Наиболее широкое использование *тачи*, с которым я встречался, встречается в деле Гаспара Торральбы в Толедо в 1531 году. Его преследование за лютеранство было всего лишь попыткой избавиться от беспокойного и свирепого соседа из маленькой деревушки Вайона, недалеко от Чинчона. Против него было тридцать пять свидетелей, потому что его все ненавидели и боялись. В свою защиту он назвал не менее ста пятидесяти двух человек, включая свою жену и дочь, своими смертельными врагами, и в каждом случае привел причину, которая полностью оправдывала их вражду. В этой всеобъемлющей сети ему удалось поймать почти всех свидетелей-противников, и, кроме того, он привел *сообщения* и *косвенные*, чтобы доказать свою ортодоксальность и регулярное соблюдение религиозных обрядов. Трибунал, очевидно, признал характер обвинения; 1 июля 1532 года он был освобожден под залог и в конце концов отделался умеренной епитимьей. [177] Жизнь, должно быть, не стоила того, чтобы жить в Вайоне, когда его выпустили на свободу.

ЗАЩИТА

В Валенсии в 1604 году была целая группа случаев, свидетельствующих об успешном выведении из строя свидетелей среди морисков. Гаспар Алькади, обвиненный двумя женщинами в том, что он не верит в христианство, опознал их и доказал вражду, так что его дело было приостановлено. Одна женщина обвинила двух мужчин, Висенте Сабдона и Фэй

Висенте, и трех женщин, Анджелу Бастант, Анджелу Бардей и Херониму Аламин, но всем им удалось повесить это на нее и продемонстрировать ее враждебность, в результате чего судебное преследование было приостановлено. В 1607 году было еще несколько подобных случаев. [178] Еще более поразительный случай произошел в 1658 году в Вальядолиде, когда распутная женщина обвинила троих мужчин и тринадцать женщин из Санабрии в иудействе. Похоже, им не составило особого труда опознать ее и вывести из строя, и все они были оправданы 1 февраля 1659 года. [179] В целом, однако, записи показывают, что основное средство защиты обвиняемых, в попытке установить личности свидетелей вражды и обезвредить их, редко оказывалось успешным.

После массовых насильственных обращений евреев и мавров обвиняемый иногда выдвигал доводы в свою защиту, что он не был крещен и, следовательно, не был христианином и не подпадал под юрисдикцию инквизиции. С этим были связаны тонкие вопросы, по которым богословы не были полностью согласны, но на практике главный вопрос сводился к тому, обязан ли налоговый орган доказывать факт крещения. Против этого был выдвинут указ Павла IV в 1556 году, когда некоторые португальцы в Италии защищались этим заявлением, и он приказал продолжить судебное преследование на том основании, что, если бы они не были крещены, их не потерпели бы в Португалии. Старый инквизитор, около 1640 года, говорит, что в Сарагосе у него был случай с мориско, который выдвинул такое заявление, и, изучив его приходские книги, не удалось найти записи о его крещении, хотя там были записи о его старшем и младшем брате. Несмотря на это, в силу решения папы, судебное преследование продолжалось, и его приговор о примирении был подтвержден Верховным судом. [180]

При всем этом функция адвоката была сведена к минимуму. Он не должен был делать никаких предложений своему клиенту, кроме признания; он не должен был советовать ему вывести из строя кого-либо из свидетелей или назвать своих собственных свидетелей. Нам говорят, что его единственной обязанностью было бросить упрямого еретика и увещевать христианина говорить правду. Если ему случалось получить постороннюю информацию, он должен был сообщать ее не заключенному, а инквизиторам, и, если какой-либо друг или родственник заговаривал с ним об этом деле, он должен был сказать, что ничего об этом не знает. Таким образом, в письменной защите, которую от него требовали представить, он не мог использовать никакой собственной информации, поскольку только обвиняемый мог излагать факты, а адвокат мог только излагать их. Он ничего не мог получить ни от заключенного, ни от его друзей даже после завершения дела; трибунал установил его гонорар, который был выплачен ему получателем. [181]

При таких обстоятельствах аргумент, который он выдвинул бы, вряд ли принес бы какую-либо пользу его клиенту. Если бы он был молод, умен и амбициозен, он мог бы попытаться произвести впечатление на трибунал своими способностями, хотя строгая секретность лишала его стимула, который дала бы огласка. Однако по большей части он выполнял свои номинальные обязанности с как можно меньшей тратой энергии; он ничего не выигрывал от усердия и был осторожен, чтобы не обидеть инквизиторов и фискалов, от которых он зависел. Таким образом, хотя иногда мы сталкиваемся с тщательной и хорошо аргументированной аргументацией, представляющей дело обвиняемого в наиболее выгодном свете и указывающей на нарушения, незаконность и слабость доказательств, в целом защита носит формальный характер, не

приносит реальной пользы обвиняемому, хотя якобы предоставляет ему защиту квалифицированного юриста и позволяет трибуналу отклонить то, что может быть предъявлено в его пользу.

ДОПРОС ОБВИНЯЕМОГО

Между тем, на каждой стадии рассмотрения дела обвиняемый подвергался розыскному досмотру. По правилу, это должны были проводить инквизиторы, и если их было двое, то оба должны были присутствовать; как заявил Супрема около 1520 года, это было необходимо, чтобы дать им возможность голосовать разумно. [182] Фискалу, как и положено, не разрешили присутствовать, а нотариусам или секретарям было приказано ограничиться своими обязанностями по ведению записей и не вставлять вопросов. Общие инструкции по проведению этих экзаменов заслуживают похвалы. В 1518 году Верховный суд приказал избегать излишних допросов, поскольку это могло бы заставить обвиняемого противоречить самому себе по незнанию, а в 1529 году, в результате посещения Сарагосы, он упрекнул инквизиторов в том, что они задавали не относящиеся к делу вопросы вместо того, чтобы ограничиться предметом, как того требуют Инструкции. Вопросы должны были быть поставлены четко и вразумительно, и обвиняемый должен был категорически отвечать на них "да" или "нет". Его нельзя было обманывать или вводить в заблуждение, заставляя поверить в наличие улик там, где их не существовало, и нельзя было допрашивать о сообщниках, если только не было достаточных указаний на них. [183] В отличие от средневековой инквизиции, где допускался любой вид обмана, чтобы заманить обвиняемого в ловушку и скомпрометировать себя, окончательные правила, формально выраженные Пабло Гарсией, заключались в том, что инквизиторы должны тщательно воздерживаться от допроса заключенного по вопросам, не включенным или не указанным в доказательствах, и от того, чтобы заставить его поверить, что простые подозрения были знанием, основанным на доказательствах. [184] Тем не менее, с явной непоследовательностью, проверки, с которых начались судебные процессы, предполагали, как мы видели, вину заключенного, наличие достаточной информации об этом и то, что его признание требовалось для его собственного спасения.

Как правило, на этих более ранних аудиенциях обвиняемому не задавали никаких вопросов, кроме как спросить, что он вспомнил, и он был предоставлен спонтанному признанию, без указания того, чего от него ожидали. Иногда, однако, в более поздние периоды заказывалась специальная аудиенция *прегунтас*, которая могла длиться несколько дней, как в случае с Беатрис Лопес в Вальядолиде в 1697 году. [185] Обычно настоящие допросы начинались, когда обвиняемый отвечал на обвинение, и продолжались после его ответов на публикацию. Более того, в любое время, если он давал признательные показания или частичное признание, была использована возможность путем умелого допроса шаг за шагом подвести его к полному признанию своих преступлений. При этом наводящие вопросы были запрещены. Все проверки должны были быть тщательными, и в 1654 году Верховный судья пожаловался, что многие преступления остались безнаказанными из-за небрежности и расхлябанности, с которыми выполнялась эта обязанность. Поэтому инквизиторам в целом было приказано повторять свои вопросы снова и снова, пока не будут выяснены все детали времени, места и обстоятельств. [186]

Когда обвинение и защита, таким образом, исчерпали все свои ресурсы, от последней потребовали завершения, и дело было объявлено закрытым, хотя налоговый орган мог возбудить его снова, если появятся новые доказательства, и обвиняемый мог обжаловать это, как и все другие приговоры. Тогда дело созрело для вынесения приговора, но инквизиторы не были уполномочены выносить приговор в одиночку. Необходимость епископального согласия требовала вмешательства представителя епископа епархии заключенного, и, кроме того, сохранялось правило Старой инквизиции, согласно которому некоторые выпускники юридических и теологических факультетов собирались для обсуждения и голосования вместе с другими. Их называли консультантами, и мы видели, что они были признанной частью инквизиционной организации. Весь этот орган образовывал то, что было известно как *консультативная комиссия*, в руках которой находилась судьба обвиняемого. Количество консультантов было неопределенным. В 1488 году в Барселоне мы слышим о консультации, на которую были приглашены пять магистров богословия и пять докторов канонического права, и о другой, на которую было приглашено по двенадцать человек от каждого, но такие собрания были громоздкими, и в 1596 году Верховный суд ограничил их число двумя богословами и тремя юристами. Существовала скандальная практика, разрешенная Инструкциями 1561 года, когда фискалы присутствовали без права голоса, чтобы сообщить информацию — информацию, которая могла бы перерасти в спор. Впоследствии это, по-видимому, касалось только некоторых судебных инстанций, но во всех случаях к нему можно было обратиться для разъяснения любого сомнительного момента, устно или письменно. [187] Обвиняемому не было предоставлено такой привилегии. Даже юристы, которые служили *абогадос де лос пресос*, в 1538 году были объявлены непригодными для работы в качестве консультантов. [188]

КОНСУЛЬТАТИВНАЯ КОМИССИЯ

В несовершенных записях первых судебных процессов часто нет упоминания о консультации, хотя приговор обычно содержит обычную формулу, согласно которой он был вынесен по совету ученых и богобоязненных людей. Даже это иногда опускается, но вполне вероятно, что формальность обычно соблюдалась, хотя в спешке тех ужасных дней это было, как правило, немногим больше, чем формальность. Обычным обычаем было созывать консультацию, когда накапливалось достаточное количество завершенных дел, чтобы сделать желательным автоматическое судебное разбирательство, и у нее едва хватало времени для добросовестного изучения доказательств. Как иногда решались дела, видно из подготовки к великому автосалону в Сьюдад-Реале 23 февраля 1484 года. Среди жертв были Хуан де Фес и его жена, которым консулат вынес приговор 28 января, хотя Хуан признался в содеянном только под угрозой пыток за день до этого, и только 6 февраля он подтвердил свое признание, так что приговор был вынесен до завершения дела. [189] Однако обсуждение было не совсем желательным. В случае с Диего Гарсиа на консультации, состоявшейся 18 января 1490 года, восемь проголосовали за пытки, а трое - за бессрочное заключение, но на собрании на следующий день они были единодушны в пользу пыток, которые Диего перенес без признания вины и, таким образом, отделался умеренным покаянием. [190]

В те первые дни, как сообщают нам протоколы, была возможность ознакомиться со всем делом от начала до конца, поскольку в те спешные судебные разбирательства протоколы были краткими. В более поздние времена, когда документы судебного процесса занимали, возможно, сотни — а может быть, и тысячи — фолиантов, это было явно невозможно, и в консультацию представлялась только аннотация, содержащая то, что считалось важным, когда,

конечно, трибунал мог представить это в том виде, в каком он желал. В 1560 году Верховный суд наложил на это благотворное ограничение, запретив фискалам подготовку этих тезисов, но необходимость такого запрета наводит на мысль о существующих злоупотреблениях. [191] Иногда консулат пользовался правом вызывать и допрашивать обвиняемого, как мы видели в деле Хуана Гарсии в 1541 году, когда возникали сомнения относительно его вменяемости. То же самое было сделано с Хуаном Васкесом в Толедо в 1605 году, что привело к прекращению дела. [192]

Вопрос о том, имели ли консультанты на этих собраниях совещательный или просто консультативный голос, был предметом некоторого обсуждения. В 1515 году кардинал Адриан, а в 1518 году Супрема, проинструктировали инквизиторов, что, хотя они не должны выносить решения без консультации с юристами, им не обязательно следовать их советам, но они могут проконсультироваться с другими и изложить причины отклонения предыдущих мнений. [193] Арнальдо Альбертино, напротив, после подробного обсуждения вопроса решает, что, согласно каноническому праву, инквизиторы связаны большинством голосов. [194] При этом игнорировалась независимая организация испанской инквизиции, и Рохас положительно утверждает, что голосование советников является консультативным, а не решающим. [195] Симанкас решает, что истинное правило заключается в том, что инквизиторы не связаны мнением консультантов, хотя этот вопрос обсуждается; Верховный суд дал указание трибуналу Кордовы, что, если инквизиторы и Ординарцы согласны, их мнение превалирует над мнением всех консультантов, однако в Вальядолиде, если не будет большинства, даже если инквизиторы и Ординарцы согласны, возникает *разногласие* и дело передается в Верховный суд. [196] Все это было урегулировано Инструкциями 1561 года, в которых говорилось, что, если инквизиторы и ординарцы были единодушны, их голос был решающим против более многочисленных консультантов, но что всякий раз, когда между первыми возникали разногласия, вопрос должен был передаваться на рассмотрение Верховного суда, и в важных случаях, даже при наличии единодушия, с ним нужно было консультироваться перед проведением голосования. [197]

ЗАДЕРЖКИ

Мы видели, как постепенная централизация в Верховном суде требовала подтверждения всех приговоров, будь то пытки или судебное решение. Под этим влиянием значение консультирования снизилось, и трибуналы стали пренебрегать формальностями его созыва или даже назначения консультантов. Теоретически согласие Ординарного суда было необходимо, но этого было достаточно, и Верховный суд был вполне доволен тем, что не замечал нарушений, которые свидетельствовали об уменьшении значения трибуналов. Так, в 1717 году в Барселоне по делу доктора Эстевана Перпиньяна за препятствование инквизиции Ординарий не смог присутствовать, и инквизиторы проголосовали по нему в одиночку; они не смогли согласовать приговор, и Верховный Суд отправил дело обратно с приказом проголосовать по нему снова, совместно с Ординарием; они сделали это, но на этот раз все трое не согласились, и Верховный суд, наконец, вынес приговор. [198] Похоже, ему никогда не приходило в голову поручить им вызвать экспертов и сформировать консультативную группу. Таким образом, освященному веками институту, существовавшему одновременно с учреждением инквизиции в тринадцатом веке, пришел конец. В серии голосований Мадридского трибунала, продолжавшейся на протяжении XVIII века, нет никаких указаний на привлечение консультантов. Иногда есть два инквизитора с Ординарцем, а иногда и один; иногда два инквизитора без Ординарца, а иногда, хотя и редко, один инквизитор сам по себе. [199] При перечислении персонала всех трибуналов

примерно в середине века в малозначительном трибунале Майорки было восемь консулов, в Гранаде - четыре, в Кордове - три, в Вальядолиде, Куэнке и Сантьяго по одному, а в остальных не было ни одного. Учреждение быстро вымирало, и люди больше не стремились к чести принадлежать к нему. Итак, оно находилось на реставрации. В приговорах того периода, которые я видел, нет упоминания об этом, за исключением некоторых, вынесенных судом Канарских островов, в которых есть оговорка “без консультанта, поскольку оно объединено в Обычное”. [200]

До того, как Верховный суд превратил трибуналы в простые учреждения для сбора доказательств и соблюдения формальностей судебных разбирательств, консультации иногда могли быть полезны в предотвращении или уменьшении несправедливости. Инциденты, описанные выше, показывают, что консультанты формировали собственное мнение и что голоса часто были далеки от единодушия. Этому способствовал порядок голосования, при котором первыми голосовали консультанты, а старший инквизитор - последним, хотя, несомненно, при предварительном обсуждении мнения инквизиторов были доведены до сведения. Иногда мы встречаемся с дебатами, в которых каждый член совета сопровождает свое голосование изложением своих доводов, а иногда даже подробными письменными мнениями, демонстрирующими добросовестную трату мысли и труда. К сожалению, сомнения и разногласия, как правило, разрешались применением пыток, после чего консультации созывались повторно для вынесения окончательного приговора.

Не менее жестокой чертой инквизиционного процесса было бесконечное затягивание, которому обычно подвергалась жертва. В обычной уголовной практике, особенно в делах, караемых смертной казнью, обвиняемый, возможно, стремится отсрочить страшный день, но в инквизиции, где ему было отказано во всяком общении с внешним миром и его держали в неведении относительно хода его собственного дела, агония неизвестности относительно него самого и тех, кто ему дорог, в течение тоскливых месяцев и лет сама по себе была самым суровым и длительным наказанием. Это было вполне понятно не только по повторяющимся отчаянным крикам заключенных о том, чтобы их дела были отправлены, но и по обычному обещанию такой отправки, которое использовалось в качестве стимула для признания. Медленная пытка отсрочкой была хорошо изученным приемом Старой инквизиции для получения признания, когда интервал в пять, десять или двадцать лет между арестом и вынесением приговора не был редкостью, [201] но, за исключением особых случаев, это, по-видимому, не было мотивом в Испании. Это скорее объясняется бездушным безразличием и привычкой к прокрастинации. Заключенный предположительно был виновен, и ни один добрый христианин не должен тратить сочувствие на душевные и телесные страдания еретика, слишком упорствующего в исповеди и обращении.

В Испании трибуналам постоянно требовалось скорейшее отправление правосудия, как только безумная суeta первых лет закончилась. Пока это продолжалось, такая срочность была излишней, поскольку спешка была вызвана огромным объемом работы, которую предстояло выполнить, и стимулировалась нетерпением получить штрафы и конфискации, хотя формальности процедуры были громоздкими, и было множество дел, толкающих друг друга по мере прохождения нескольких стадий. На великом аутодафе в Сьюдад-Реале 23 февраля 1484 года, когда было совершено семьдесят шесть личных сожжений или сожжено чучело, помимо

большого количества согласований, нельзя было тратить время на рассмотрение каждого случая. Среди тех, кто смягчился, был Хуан Гонсалес Даса, суд над которым начался 1 декабря 1483 года, когда инквизиторы предоставили девять дней для представления доказательств. 10 декабря фискал попросил продлить срок ввиду его других занятий и отсутствия свидетелей, но он был вынужден принести присягу, что это были его причины, а не злой умысел. 8 декабря показания для защиты уже были представлены двум заместителям инквизиторов, а 12 декабря - показания для обвинения двум другим заместителям. Учитывая, что на карту была поставлена человеческая жизнь, работа была проведена максимально оперативно. [202]

Возможно, эта скорость вскоре замедлилась; независимо от того, произошло это или нет, Супрема был недоволен, поскольку Инструкции от 1488 года предписывали, чтобы заключенные не изнурялись в тюрьме отсрочками, а разбирательство должно быть настолько быстрым, чтобы не было повода для жалоб. Эта срочность была повторена в Инструкциях от 1498 года, которые устанавливали ограничение в десять дней между арестом и предъявлением обвинения, в течение которых должны были быть вынесены три приговора; после этого дела должны были рассматриваться со всей поспешностью и без ожидания дополнительных доказательств, поскольку это привело к длительному содержанию под стражей, причинив вред как людям, так и имуществу. И снова, в 1500 году, трибуналам было приказано действовать в ускоренном порядке и не допускать задержек — все эти инструкции показывали, что промедление было приписано обвинению, а не защите. [203]

ЗАДЕРЖКИ

Эти инструкции почти не выполнялись, и задержки были расценены обвиняемым как серьезная жалоба. В 1510 году у нас есть петиция к Фердинанду от пяти женщин с просьбой о скорейшем решении их дел, которые были “завершены”, на что он ответил, приказав инквизиторам ускорить их рассмотрение в соответствии с правосудием. [204] Итак, среди арагонских петиций, поданных в суд Монсона в 1533 году, есть жалоба на то, что узники инквизиции были недовольны длительными задержками с предъявлением им обвинения и отсрочкой публикации доказательств, поэтому к генеральному инквизитору обратились с просьбой назначить более короткие сроки. На это был дан простой ответ, что будут приняты меры для надлежащего отправления правосудия и скорейшего рассмотрения дел. [205]

Если и было какое-то намерение выполнить это обещание, то оно оказалось безрезультатным. Проволочки были обычным явлением во всех испанских судах, как мы узнаем из неоднократных протестов кастильских судов того периода, которые тщетно доказывали, что адвокаты были разорены и измучены в тщетных попытках добиться справедливости и что тюрьмы по всей стране были переполнены заключенными. [206] Инквизиция разделяла это безразличие к страданиям тех, кто находился в ее руках; были причины задержки с утверждением доказательств и поиском свидетелей защиты, и, кроме того, во всех случаях, достаточно серьезных, чтобы предстать перед судом автоматически, существовала практика накапливать их до тех пор, пока их не наберется достаточно, чтобы придать торжественности зрелищу. Это злоупотребление было запрещено Верховной Властью в 1518, 1532, 1539 и 1540 годах, но ее приказы были проигнорированы. [207] О том, что это была настоящая жалоба, свидетельствует

повестка, адресованная в 1534 году фискалом Толедо генеральному викарию Бласу Ортису, в которой говорилось, что прошло четыре года с тех пор, как трибунал отпраздновал аутодафе; из-за этого заключенные сильно пострадали лично, честь и имущество, и в результате инквизиция была опорочена. Со стороны обвиняемых и их родственников поступали горькие жалобы генеральному инквизитору и верховному судье, императору и королевскому совету, а также влиятельным лицам, и три или четыре месяца назад Верховный суд и генеральный инквизитор прибыли в Толедо, чтобы узнать, в чем дело, и приказали отправить дела и провести аутодафе. Однако, когда мы узнаем, что согласие генерального викария потребовалось только для пыток девяти человек и вынесения приговора десяти, мы видим, насколько мало забот было у трибунала в течение этих четырех лет, что делало задержку непростительной, в то время как попытка переложить вину на Бласа Ортиса была очевидной, поскольку при Клементинах инквизиторы должны были ждать обычного всего девять дней. [208] Обычай ждать аутодафе сохранялся, и если в 1570, 1571 и 1577 годах неоднократно поступали приказы о том, что дела бедных заключенных должны быть отправлены быстро, без предварительного заключения, то эта срочность отдает скорее бережливостью, чем милосердием, поскольку предполагает, что богатые, которые могли бы покрыть свои тюремные расходы, могут задержаться. [209]

ЗАДЕРЖКИ

Положение о том, что обвинение должно быть предъявлено в течение десяти дней после ареста, было повторено в 1518 году и, по-видимому, считалось все еще действующим в 1594 году, поскольку его соблюдение включено в протоколы допросов, подготовленные для посещения в том году, но Инструкции 1561 года, требуя от фискала представить его в пределах этого срока, предоставляют инквизиторам свободу действий относительно времени допроса заключенного после его ареста и не предписывают определенных интервалов между показаниями. [210] Этой свободой действий злоупотребляли в максимальной степени, и Супрема, похоже, оставила все попытки пресечь промедление, за исключением особых случаев, которые угрожали стать бессмертными. Трибуналы месяцами держали своих несчастных заключенных лежащими, прежде чем предоставить им первую аудиенцию, и, поскольку это не требовало никакой подготовки, ее отсрочка была просто бездушным безразличием, не имеющим оправдания. В группе из восьми дел в Вальядолиде в 1647 году между арестом и первой аудиенцией прошел год, а последующие интервалы варьировались от одного месяца до восьми до третьего судебного разбирательства, которое было синхронно с предъявлением обвинения. [211] Когда имела место эта бессердечная задержка с началом рассмотрения дела, не следует предполагать, что было бы какой-либо стремительностью ускорить последующие этапы громоздкой рутины или каким-либо сознательным пробуждением от бездеятельного безразличия трибуналов с их множеством должностных лиц и уменьшением объема работы. Я уже упоминал о мексиканском деле Джозефа Брюнона де Вертиса, в котором ничто не могло помешать регулярному и быстрому осуществлению действий; и краткий обзор последовательных этапов судебного процесса над ним покажет, как его замучили неизвестностью и тревогой до смерти. Между 25 января 1650 года и его кончиной 30 апреля 1656 года его лишь однажды вызвали на аудиенцию, и то только для того, чтобы спросить, хочет ли он еще что-нибудь сказать. [212] Аналогичные примеры можно привести на полуострове. Габриэль Эскобар, священнослужитель низших сословий, был арестован трибуналом Толедо в 1607 году по обвинению в иллюминизме, а в 1622 году он умер в тюрьме, оставив процесс незаконченным. [213] По аналогичному обвинению Висенте Эрнан был арестован в Валенсии 23 сентября 1592 года, а 25 августа 1695 года Верховный суд привлек трибунал к

ответственности, поскольку обвинение еще не было предъявлено, и указал, что с момента его последней аудиенции прошло два с половиной года, и дело было не ближе к концу, чем раньше. [214]

Эта проволочка продолжалась до конца. Писатель около 1750 года приписывает бесконечное затягивание судебных процессов неэффективности инквизиторов, и это опять же из-за скудного жалования, которое препятствует отбору способных людей, но сама Супрема часто была виновата в своей задержке в действиях, когда все должно было быть представлено на ее одобрение. Таким образом, когда трибунал Логроньо направил ему 9 сентября 1818 года *судебное дело* против Фернандо де ла Хосеха за непочтительность к причастию, только 9 июня 1819 года он распорядился о возбуждении уголовного дела, и, когда Вальядолид предложил 12 ноября 1818 года предоставить *аудиенцию грузов* Лазаро Матилье, это было подтверждено только 15 июня 1819 года. [215]

Преследование отсутствующих и умерших составляло, особенно в более ранний период, значительную часть работы инквизиции. Внезапное развитие систематических преследований, естественно, вызвало массовый исход тысяч *Conversos*, несмотря на произвольные меры, принятые для предотвращения их побега, в то время как детали, приведенные на судебных процессах, предоставили доказательства против других тысяч, которые погибли во внешней ортодоксии. В политику ни церкви, ни государства не входило потворствовать преступлениям беглецов или мертвых. Если вера не могла быть подтверждена сожжением их тел, она могла бы, по крайней мере, эксгумировать кости усопших для кремации и символически сжечь изображения тех, от кого нельзя было получить ни тела, ни костей, в то время как *fisc* собирала средства на конфискации, последовавшие за осуждением, включая взыскание долгов и конфискацию имущества.

СУДЕБНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ МЕРТВЫХ

В этом не было ничего противного духу эпохи или латинским системам юриспруденции. В духовной сфере Церковь давно привыкла судить тех, кто предстал перед Божьим судом, и эксгумировать останки любого еретика, похороненного в освященной земле. [216] Имперская юриспруденция была столь же неумолима в делах о *маджете*, или государственной измене, по которой мертвые могли быть привлечены к ответственности, а их имущество конфисковано, а Кодекс Феодосия распространил это действие на ересь. [217] Совсем недавно, в 1600 году, в Шотландии тела графа Гоури и его брата были доставлены в суд, чтобы присутствовать на процессе, и были должным образом приговорены к повешению, четвертованию и виселице; в 1609 году Роберт Логан из Ресталрига, через три года после смерти, был обвинен в соучастии в заговоре Гоури, когда его кости были эксгумированы для захоронения. судебный процесс, в ходе которого он был осужден, а его имущество конфисковано. [218] Что касается лиц, скрывающихся от правосудия, в континентальных системах уголовного права считалось абсурдным допускать, чтобы упорная неявка приводила к поражению правосудия. В Арагоне отсутствующий был вызван по месту жительства для явки в течение пятнадцати дней, после чего он был признан упрямым, и суд над ним продолжился, но он имел право даже после вынесения приговора вернуться и подать апелляцию при условии возмещения обвинителю его расходов. [219]

О том, какую обильную жатву таким образом собрала ранняя инквизиция, можно судить по заявлению современника о том, что на Толидо аутодафе 25 июля 1485 года были сожжены чучела более четырехсот убитых и столько же - 25 мая 1490 года. Церемония была впечатляющей. Перед сценой, занятой инквизиторами, был установлен огромный памятник, покрытый черным. Был зачитан приговор каждому преступнику, и, когда было названо его имя, памятник был открыт, и чучело, одетое в еврейские погребальные одежды, было вынесено наружу и осуждено как еретик. Затем в центре площади был разведен большой костер, и все чучела были сожжены вместе с извлеченными из земли костями. После этого их имена были объявлены в соборе с призывом к наследникам явиться в течение двадцати дней и дать отчет о своем наследстве, которое принадлежало королю. [220] Мы могли бы заподозрить в этих цифрах преувеличение, если бы не было других свидетельств масштабов проводимой работы и неформальной спешки, с которой она проводилась. В 1484 году в Сьюдад-Реале единое воззвание к детям и наследникам с требованием явиться и защитить покойного содержит имена шестидесяти одного умершего человека, находящегося под судом, и единый приговор осуждает сорок два человека с общим перечислением иудаизирующих практик, которые, как утверждается, были доказаны против них. Ни в одном из этих случаев дети и наследники не появлялись, чтобы защитить память и славу погибших. [221]

Эти безрассудные и непристойные разбирательства были основаны на Инструкциях 1484 года, которые, очевидно, отражают нынешнюю практику судебного преследования тех, кто был мертв даже тридцать или сорок лет, а их имущество вместе с его плодами должно быть изъято у любого, у кого обнаружено владение, хотя копия MS содержит пункт, опущенный в печатных изданиях, освобождающий от конфискации имущество, добросовестно удерживаемое добрыми католиками в течение пятидесяти или более лет. [222] Ввиду активности в Сьюдад-Реале и Толедо, кажется несколько излишним, что Торквемада в своих дополнительных инструкциях от 1485 года счел необходимым предупредить трибуналы о том, что преследование живых не должно заставлять их пренебрегать мертвыми, чтобы их тела могли быть извлечены из земли и сожжены, а их имущество было конфисковано *fisc*. [223] Насколько далеко в прошлое простиралась ретроактивная сила трибуналов, можно понять из дела Фернана Санчеса, который был обращен около 1416 года, жил как христианин до своей смерти в 1456 году, и который все же был раскопан и сожжен, а его имущество конфисковано трибуналом Куэнки и Сигуэнсы, вероятно, около 1525 года. [224]

СУДЕБНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ МЕРТВЫХ

Несмотря на большое количество случаев, приведенных в ссылках и приговорах, формальности этой несколько громоздкой процедуры были должным образом соблюдены. Судебные процессы не были быстрыми, но, поскольку одновременно проводилось большое их количество, каждому из них можно было уделить лишь самое незначительное внимание, и результат был предreshен заранее. Процесс будет проиллюстрирован на примере одного случая. Зарегистрировано, что в Сьюдад-Реале, 8 августа 1484 года, явился фискал и сказал, что он желает возбудить дело против определенных умерших лиц, и среди них Беатрис Гонсалес. Он просит инквизиторов разослать свои повестки, ссылки и эдикты, чтобы дети, наследники, родственники и другие лица, желающие защитить свои тела и кости, свою славу и собственность, могли появиться. В тот же день издается указ, адресованный представителям Беатрис и двум другим, при этом некоторые из адресованных родственников названы поименно, а другие включены в список заинтересованных сторон. В указе говорится, что

фискал собирается обвинить Беатрис и других в иудаизме, и просит вызвать их в защиту, для чего им предписывается явиться в течение тридцати дней после того, как указ будет зачитан им, или перед дверями их домов, или опубликован на площади, или прочитан в церкви Сан-Педро и прикреплен к одной из ее дверей; если они придут, их заслушает фискал, и правосудие будет восстановлено; если они не явятся, будет заслушан фискал, и дело будет продолжаться без них до конца. Тридцать дней составляли три срока по десять дней каждый, в конце каждого из которых фискал предстал перед инквизиторами и обвинил в *мятеже* или упрямстве упомянутых сторон, а в конце третьего, 6 сентября, он представил обвинение, копию которого было приказано передать детям, с указанием девяти дней на ответ. По истечении этого срока, 14 сентября, фискал обвинил дальнейшее восстание и завершил его; инквизиторы получили дело для доказательства и назначили на это тридцать дней. 20 октября фискал представил четырех свидетелей, которые были отдельно и тайно допрошены инквизиторами, показания которых состояли из обычных деталей соблюдения субботы путем зажигания свечей и ношения чистого белья, с намеком на обезглавливание цыплят. Затем последовал перерыв до 18 января 1485 года, когда фискал потребовал публикации доказательств. Инквизиторы удовлетворили это, приказав выдать копии ему и детям, если они попросят об этом, и назначив шестидневный срок для заключения. 24 января фискал обвиняет упорствующую ребелдию и завершает дело; инквизиторы обвиняют детей в строптивости и завершают дело, назначая вынесение приговора на третий или любой следующий день. Все это было в рамках подготовки к великому аутодафе 15 марта, на котором был зачитан приговор, массово осуждающий большое количество погибших, конфискующий их имущество и приказывающий выкопать и сжечь их кости. [225] Это была процедура, в соответствии с которой тысячи погибших были осуждены, а их имущество конфисковано у существующих владельцев; формы правосудия были надежно сохранены; ни наследники, ни дети не рискнули выступить в защиту, и с таким же успехом приговор мог быть вынесен в начале.

Это средство создавало соблазн действовать на основании недостаточных доказательств, и иногда, когда речь шла о важных персонах, возникало состязание, как, например, в Сарагосе, где 10 марта 1491 года фискал представил свою *кламозу* против ряда мертвых, представители которых с упорной энергией защищали их до декабря 1499 года, когда было вынесено восемь обвинительных приговоров и три оправдательных. [226] В реформаторских инструкциях 1498 года была предпринята попытка некоторой проверки злоупотреблений, неизбежных для системы, в соответствии с которыми судебное преследование умерших не должно начинаться, если нет доказательств, достаточно полных для осуждения; практика приостановления рассмотрения дел, когда доказательства несовершенны, запрещена ввиду трудностей, с которыми сталкиваются наследники, которые не могут вступить в брак или распорядиться своим имуществом, и, согласно при таких обстоятельствах выносятся оправдательный приговор. Промедление также запрещено, и дела должны решаться быстро. [227]

СУДЕБНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ МЕРТВЫХ

Наложение ареста при таких обстоятельствах причиняло большие страдания до тех пор, пока, как мы видели, в Инструкциях 1561 года не появился общий запрет на наложение ареста на имущество, находящееся в руках третьих лиц. К этому времени судебное преследование мертвых сократилось до незначительной части деятельности инквизиции, и это, возможно, объясняет другие улучшения в процедуре. Настаивалась на предварительной необходимости предоставить достаточные доказательства; необходимо было приложить все усилия, чтобы

выяснить, были ли потомки, чтобы указать их лично; никому из выступавших в качестве защитника не должно было быть отказано, даже если он мог быть подсудимым, который мог уполномочить представителя; если защитник не появлялся, инквизитор должен был назначить умелого и компетентного человека, который не был должностным лицом трибунала. [228] К этому времени также установилось другое правило, которое уменьшило количество судебных преследований — что они могли лгать только за формальную ересь. Преступления, связанные с подозрением в ереси, такие как заступничество, прием и защита еретиков и многие другие, были исключены по той причине, что подозрение, каким бы сильным оно ни было, считалось устраняемым смертью. [229] Также было общепризнано, что для судебного преследования мертвых требовались более веские доказательства, чем живых, потому что, как объясняет это Рохас, для последнего достаточно *полупленного* или полудоказательства - очевидно, намекая на тот факт, что мертвых нельзя пытать. [230]

Если их нельзя было пытать, то и они не могли спастись от расслабления исповедью и отречением. Это, естественно, приводило к сожжению чучела, за исключением случая смерти во время судебного разбирательства, когда, если заключенный проявлял раскаяние и добивался возвращения в лоно Церкви, его чучело торжественно примирялось на аутодафе, и эта несколько гротескная церемония, по-видимому, не вызывала чувства несоответствия. Смерть в тюрьме, как мы видели, ни в коем случае не была редкостью, и, поскольку дела, однажды начатые, продолжались до конца, они составляют в более поздний период значительную часть судебных преследований умерших. Самоубийство в тюрьме расценивалось как признание вины и упорство.

Приговор, вынесенный мертвым, был еще более впечатляющим, чем приговор живым. В нем было объявлено, что он жил и умер еретиком, его память и слава были осуждены, а его имущество конфисковано. “И мы приказываем, чтобы в день аутодафе на эшафот было водружено изображение, представляющее его личность, с митрой осуждения и санбенито, на одной стороне которого изображены знаки отличия осужденного, а на другой табличка с его именем, это изображение после оглашения этого нашего приговора должно быть передано светской службе и правосудию, а его кости должны быть извлечены из могилы, если их можно отличить от костей верующих христиан, и переданы упомянутому правосудию для публичного сожжения в знак отвращения к такому великому и прискорбному преступлению”. преступления. И если на его могиле есть какая-либо надпись или если его оружие где-либо выставлено напоказ, они должны быть стерты, чтобы на лице земли не осталось никакой памяти о нем, кроме нашего приговора и казни, которую мы прикажем в нем привести. И, чтобы это еще больше сохранилось в памяти живущих, мы приказываем, чтобы упомянутый санбенито или кто-то, подобный ему, с упомянутыми знаками отличия и именем осужденного был помещен в кафедральный собор или приходскую церковь ..., прихожанином которой он был, на видном месте, где это останется навсегда. Более того, мы приказываем, чтобы дети и внуки по мужской линии были лишены всех достоинств, льгот и общественных должностей, которыми они обладают, и были недееспособны для других, а также чтобы они ездили верхом, носили оружие и носили шелк, камлет и тонкую ткань, золото, серебро и кораллы и другие вещи, запрещенные законами ”. [231]

Мы уже видели, насколько многочисленными в первые годы существования инквизиции были судебные процессы над заочно осужденными, о чем свидетельствует сожжение их изображений на аутодафе. Это было вызвано не только бегством тех, кто был встревожен активностью преследований, но и изучением записей всех, кто за годы до этого сменил место жительства или удалился к маврам Гранады или за моря. Эта пропорция в ранний период не сохранилась после того, как прошел первый стремительный порыв эмиграции, но все же случаев по-прежнему было много. Когда арестовывали иудаиста или мориско, все, кто был связан с ним, осознавали надвигающуюся опасность и, если была возможность скрыться или покинуть страну, благоразумие советовало скрываться. Инквизиция энергично стремилась выследить тех, против кого были получены улики, и, если это не удавалось, она преследовала их *заочно*. В некоторых отношениях эта процедура отличалась от процедуры судебного преследования умерших.

СУДЕБНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ОТСУТСТВУЮЩЕГО

Инструкции 1484 года содержат мельчайшие и точные детали относительно этого, указывая на три пути, которым можно следовать. Первый рекомендуется как самый безопасный и наименее строгий, и это тот, который предусмотрен каноническим правом в *Cap. Contumaciam* (Глава 7, Раздел 2 в *Sexto Lib. v*), который предусматривает, что, поскольку упорство усиливает подозрение, человек, подозреваемый в ере, должен быть отлучен от церкви, а если он останется под порицанием в течение года, то должен быть осужден как еретик. В рамках этого процесса, который удобно превращал подозрение в формальную ересь, оправдывающую осуждение, свидетельские показания были излишними, а обвинительный приговор - несомненным, так что, хотя это стоило некоторой задержки, мы можем понять выраженное этому предпочтение. Это просто требовало, чтобы участник должен был быть вызван с соблюдением обычных требований для защиты в вопросах веры и особого обвинения в ереси под страхом отлучения от церкви. Если он не появлялся, инквизитор приказывал фискалу обвинить его в упорстве и потребовать письма с осуждением его как отлученного от церкви, а затем, если он упорствовал в своем упорстве в течение года, он объявлялся формальным еретиком. Ссылки были сделаны обычными эдиктами, провозглашенными и прикрепленными к церковным дверям его дома, и отлучение от церкви было опубликовано в церквях с обычной торжественностью.

Второй метод был более быстрым и был адаптирован к случаям, когда ересь могла быть полностью доказана. Эдиктом обвиняемому предписывалось явиться и доказать свою невиновность с помощью мер, аналогичных тем, которые использовались при вызове защитников при судебном преследовании умерших; по истечении разрешенных сроков, если доказательства были убедительными, отсутствующий мог быть осужден без дальнейших проволочек.

Третий процесс подходил для случаев, когда доказательства, хотя и неполные, оправдывали неопровержимую презумпцию. Против обвиняемого был издан указ, призывающий его явиться в установленный срок и совершить каноническое очищение, с уведомлением, что, если он не явится сам или если он потерпит неудачу в своем очищении, он будет считаться осужденным и с ним будут обращаться соответствующим образом. Это был самый простой и быстрый способ, но в Инструкциях говорится, что, несмотря на строгость, он был хорошо основан на законе, и

инквизиторы, по своему усмотрению, могли выбрать любой из трех способов, наиболее подходящий для данного случая. [232]

Первый из этих методов, использующий прием упрямства, стал использоваться почти повсеместно, когда время не имело значения, но при нетерпеливом характере раннего периода предпочтение отдавалось более быстрым процессам. Дело Санчо де Сьюдад и его жены Мари Диас рассматривалось по второму процессу и послужит иллюстрацией. Санчо был регидором Сьюдад-Реаля и хорошо известным гражданином. 14 ноября 1483 года фискал сообщил, что многие люди, обвиненные в ереси, бежали от инквизиции, среди которых, как известно, были Санчо и его жена, которых он намеревался обвинить, и он попросил инквизитора, получив надлежащие доказательства, вызвать их в суд. Затем два свидетеля заявили, что их отсутствие было печально известно, и, поскольку они уехали примерно за пятнадцать дней до начала инквизиции, это, по-видимому, было вызвано страхом. Эдикт был издан, и дело пошло своим чередом, все заявления и повестки были торжественно оглашены нотариусом перед домом Санчо, как будто он лично присутствовал на судебном процессе. Когда дело дошло до стадии доказывания, фискал представил тридцать четыре свидетеля — самым опасным из них была дочь Санчо Каталина, которая назвала имена своих братьев и многих других, привыкших собираться в доме ее отца для участия в еврейских церемониях. Все формальности судебного разбирательства были соблюдены и должным образом уведомлены перед дверью Санчо. К 22 января 1484 года совет федерации проголосовал за послабление, для оглашения которого Санчо был должным образом вызван, и оно было зачитано в зале для аудиенций 30 января, уполномочивая власти любого места, где могут быть найдены Санчо и его жена, налагать на них наказания по закону, а тем временем, поскольку их личности были недоступны, он приказал, чтобы их изображения, присутствовавшие в то время, были подвергнуты приведению в исполнение указанных наказаний. [233]

СУДЕБНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ОТСУТСТВУЮЩЕГО

Если во всем этом и есть что-то гротескное, то, по крайней мере, слушания велись пристойно, и, если бы Санчо и его жена рискнули, их можно было бы услышать. Насколько поспешным и неформальным иногда был этот процесс, свидетельствует случай в Гваделупе в 1485 году. 13 июля были заслушаны три свидетеля относительно десяти человек, которые покинули это место от двенадцати до шестнадцати лет назад и о которых ходили слухи, что они уехали в Малагу или в какой-то другой мавританский город и стали евреями. 21 июля фискал представил свое обвинение, прося приговора без предварительного цитирования или иного уведомления, потому что по закону в таких случаях и преступлениях ереси, когда доказана дурная слава, больше ничего не требуется. Это было прямо одобрено в предложении, хотя в нем и упоминалась какая-то цитата с тремя терминами, опубликованная на площади и прикрепленная к дверям церкви, а также к совещанию судей, но все это, вероятно, было мифическим, поскольку на всеобщем голосовании, состоявшемся 1 августа, семь из участников были включены в одно предложение, их изображения были переданы в руки светских властей, а их имущество было объявлено конфискованным, в то время как судьи повсюду были уполномочены арестовывать их и возбуждать против них дело. [234] Ни один из трех методов, описанных в Инструкции 1484 года, не мог быть использован в течение восемнадцати дней между доносом и казнью, но, поскольку одним из инквизиторов был Франсиско де ла Фуэнте, опытный судья трибунала Сьюдад-Реаля, мы должны предположить, что в этой быстрой отправке не было ничего необычного.

Хотя в этих приговорах осужденный отдается на сожжение любому светскому правосудию, вся процедура была направлена лишь на то, чтобы обеспечить конфискацию и усилить торжественность аутодафе дополнительным сжиганием чучел. Его недействительность в других отношениях признавалась правилом, согласно которому, если преступник, чье чучело было сожжено, спонтанно возвращался с признанием вины и раскаянием, он мог быть допущен к примирению или, если он утверждал свою невиновность, он должен был быть заслушан в свою защиту. Это было постановлено Торквемадой 10 октября 1493 года с оговоркой, что это было делом милосердия и не влияло на конфискацию. В 1494 году появилось еще одно положение, согласно которому, если осуждение было результатом лжесвидетельства, инквизиторы были обязаны отменить приговор *по должности*, не дожидаясь явки осужденного. [235]

Инструкциями 1561 года в процедуру не было внесено никаких важных изменений. На практике обычно применялось судебное преследование за несогласие; второй метод иногда использовался, когда свидетельские показания были полными, а третий - привлечение обвиняемого к ответственности - устарел. Формула приговора при первом способе избегает любых намеков на преступления, вменяемые обвиняемому, и полностью основывает осуждение на том, что он оставался в течение года под отлучением от церкви, таким образом доказывая, что он еретик-отступник, наказание за которое должно быть исполнено лично на нем, если таковое возможно, а в его отсутствие - на изображении, представляющем его. [236]

Конечно, приговор к сожжению на костре был неизбежен после начала процесса, независимо от того, были ли существенные доказательства против обвиняемого или нет. Некоторые власти считали, что всякий раз, когда его могли поймать, он должен был быть сожжен, но Симанкас выражает тактичную практику инквизиции, предполагающую, что он имеет право на слушание, независимо от того, явится ли он сам спонтанно или будет схвачен, поскольку нет срока давности для защиты; если он явится в течение года, он может ходатайствовать против конфискации, но по истечении года он может быть заслушан только как защитник, если только он явно невиновен или был задержан справедливым препятствием. [237] Можно справедливо усомниться в том, был ли когда-либо сожжен какой-либо беглец за неповиновение, и обычная практика наблюдается в случае с девятью иудействующими из Беаса, арест которых был санкционирован трибуналом Мурсии 5 апреля 1656 года. Когда ордера поступили в Беас 12 апреля, выяснилось, что они тайно отбыли примерно в конце февраля. Пятеро из них были прослежены до Малаги, а четверо, как сообщалось, отправились в Пьетрабуэну, но все попытки поймать их провалились, и 27 июля налоговая служба запросила указы о цитировании. Обычный процесс в *contumacia* продолжался неторопливо, завершаясь предложением о смягчении наказания, если виновные будут найдены, а если нет, то их изображения должны быть сожжены. Это было подтверждено Верховной властью и было произнесено 5 декабря 1659 года и приведено в исполнение 13 апреля 1660 года на аутодафе в Севилье. Почти двадцать лет спустя двое беглецов, Ана Энрикес и ее муж Диего Родригес Сильва, были арестованы в Даймиэле. Их судили заново; предыдущие записи были привезены из Мурсии и использованы, а также свидетельства, касающиеся их карьеры в течение этого промежутка. О приведении в исполнение прежнего приговора и речи не шло; совет федерации проголосовал за примирение с двумя годами тюремного заключения и санбенито, которое Верховный суд заменил на пожизненное заключение, и оно было должным образом опубликовано в автографе от 17 декабря 1679 года. [238]

СОЖЖЕНИЕ ЧУЧЕЛ

Медлителен, как шли дела в *порядке заочного производства* в этом случае их скорейшего по сравнению с некоторыми другими. Трибунал Вальядолида выдал ордер на арест капитана Энрике Энрикеса 6 июня 1650 года, но он избежал его. Суд над ним за неповиновение затянулся до 30 июля 1659 года, когда был вынесен приговор, подтвержденный Верховным судом 24 ноября и отправленный в Севилью для приведения в исполнение на аутодафе 13 апреля 1660 года. [239] Похоже, что эти задержки не понравились Верховному суду, поскольку в 1666 году он призвал трибуналы сообщить о согласованных приговорах в отношении отсутствующих и умерших и ускорить все незавершенные судебные процессы. На это Барселона ответила, что у нее на руках три дела о невыездных, виновных в “предложениях”, два дела о двоеженстве, одно дело о хрупком человеке, который, как говорили, бежал во Францию, чтобы принять протестантизм, и еще одно дело об умершем гугеноте — все это указывает на то, что эти дела составляли значительную часть сокращающейся работы судов. В этой связи Верховный суд постановил, что, если по результатам рассмотрения возникнет необходимость в судебном преследовании, за делами следует внимательно следить до голосования в консультативном совете, которое должно быть представлено ему для принятия решения. [240]

Изображения умерших и отсутствующих по-прежнему оставались одной из достопримечательностей autos de fe. Во время великого празднования в Мадриде в 1680 году процессию возглавляли тридцать четыре человека, из которых все, кроме двух, были сожжены; они несли объятые пламенем митры, на груди у них были таблички с их именами, написанными крупными буквами, а некоторые из них несли сундуки с их костями. [241] В 1721 году в Гранаде не было сожжено ни одного живого человека, но было семь чучел, и летописец того события уверяет нас, что слава католического рвения приобретает в такой же степени, когда предают огню мертвых, как и живых, и, в данном случае, инквизиторы, мэр альгуасия и секретари несли их в процессии. Воодушевленные этим примером, после оглашения приговоров министры королевской канцелярии с ликованием перенесли их со сцены в брасеро, где они были сожжены. [242] Еще в 1752 году в Льерене было шесть изображений беглецов и одно - мертвой женщины. [243]

Из этого изложения фактов из архивов будет видно, что инквизиционный процесс в том виде, в каком он был разработан в Святой канцелярии Испании, был далек от того, чтобы быть благожелательной и справедливой процедурой, о которой заявляют ее представители и которую повторяют современные апологеты, был процедурой, нарушающей все принципы правосудия. Вина обвиняемого предполагалась заранее; обвинению оказывалось всяческое содействие; защита была настолько изуродована, что служила едва ли более чем предлогом, в то время как судья, который на самом деле был обвинителем, был огражден непроницаемой тайной от какой бы то ни было ответственности, кроме как перед Верховной Властью. Многие приведенные выше случаи показывают, что предоставленной таким образом произвольной властью не всегда злоупотребляли, поскольку отдельные люди не обязательно были такими же порочными, как система, но власть существовала, и ее применение во благо или во зло зависело от темперамента и искушения. [244]

КНИГА VII.

Наказание.

ГЛАВА I.

ПРИГОВОР.

При назначении наказания инквизиция отличалась от светских судов в одном важном отношении. Публичное право предусматривало за нераскаявшуюся ересь смерть на костре и конфискацию, а также налагало на кающегося и на потомков определенные ограничения, но помимо этого, в своей обширной сфере юрисдикции в отношении кающихся в ереси, подозреваемых в ереси и других правонарушений инквизиция обладала полной свободой действий и не была связана никакими правилами. Это был единственный известный цивилизованному миру трибунал, который назначал наказания и изменял их по своему усмотрению. В этом, как и во многом другом, он сочетал законодательные и исполнительные функции. [245]

Кульминацией работы трибунала стал приговор, который воплотил в себе результат его трудов и решил судьбу обвиняемого. Во всех делах, которые рассматривались публично, приговор зачитывался публично, и не упускалась возможность внушить людям высокие обязанности Святой Канцелярии и чудовищность вины, заслуживающей такого наказания. Это дало повод для демонстрации силы, которая была использована наилучшим образом.

Существовали две формы приговора — *con meritos* и *sin meritos*. Первый подробно перечислял проступки преступника; второй был короче и просто описывал характер преступления. Судебная консультация, когда она согласовывала вердикт, обычно определяла, какую форму следует использовать, а также должен ли виновник появляться в общественном автомобиле. Это, само по себе, было тяжким наказанием, усугубленным оглашением приговора *con meritos*. В более легких случаях приговор зачитывался в *автоматическом режиме* в зале для аудиенций, которых, как будет показано ниже, было несколько.

Оглашение приговора *con meritos* началось с подробного изложения деталей судебного разбирательства на всех различных этапах трудоемкого процесса, представленного в виде судебного иска между налоговым органом и обвиняемым, и в нем были указаны преступления, доказанные против виновного или признанные им виновным. Таким образом, иногда он был невероятно длинным. В знаменитом деле Магдалены де ла Крус, мошенницы *беаты ревеландера*, чья вымышленная святость и чудеса обманывали всю Испанию на протяжении долгой карьеры, оглашение приговора в Кордове 13 мая 1546 года длилось с шести утра до четырех часов дня. [246] В приговоре дону Пабло де Сото, осужденному за двоеженство в Лиме в 1761 году, все допросы подробно описаны, включая добровольно предоставленную им информацию о лицах и вопросах, никоим образом не связанных с делом; секретарь, по-видимому, дословно скопировал протоколы последовательных аудиенций, как будто для того, чтобы продлить позор кающегося. [247] После этих пространных перечислений последовал вердикт “*Christi nomine invocato*”, в котором, если суд привел к обвинительному приговору,

инквизиторы обнаружили, что фискал должным образом доказал свои обвинения, поэтому они должны объявить обвиняемого виновным в предполагаемой ереси с соответствующими наказаниями. [248]

ОТЛОЖЕНО ДО АВТОМАТИЧЕСКОГО ОТКЛЮЧЕНИЯ

Как правило, заключенных оставляли в неведении о своей участи до тех пор, пока утром аутодафе их не готовили к ней, надевая знаки отличия, обозначающие их наказание. Их так ревностно держали в неведении, что, когда за пятнадцать дней до этого было объявлено об автопробеге с барабаном и трубой, чиновникам не разрешили приближаться к инквизиции, чтобы заключенные не слышали звуки и не догадались, что готовится. В великом аутодафе Лимы в 1639 году нам сообщили, что, когда было обнародовано воззвание, чернокожих помощников тюремщика заперли в таком месте, где они не могли его услышать, чтобы они не могли донести информацию до заключенных, а рабочим, занятым изготовлением митр, санбенитосов и крестов, выделили комнату в инквизиции, где они могли работать незаметно, под клятвой хранить тайну. [249] Эффект внезапного откровения, когда оно пришло, указан в совете, что лучше было дать тем, кто должен был появиться, их завтраки в камерах, чем ждать, пока их всех соберут для процессии, ибо тогда были стыд, замешательство и страдания, отцы видели своих сыновей, а дочери - своих матерей в санбенитосах и других знаках отличия, обозначающих их наказания. [250] Отчаяние, вызванное предшествующим длительным ожиданием, иногда находило выражение, как в случае с Диего Гонсалесом, который примирился с иудаизмом в автокатастрофе в Вальядолиде 25 июля 1644 года. Утром того дня, когда тюремщик вошел в его камеру, чтобы накормить его завтраком, он был найден бледным и ослабевшим, с кровью, обильно текущей из раны на руке, нанесенной гвоздем из изголовья кровати, под впечатлением того, что его собираются сжечь, и его пришлось нести на торжество в носилках. Льоренте рассказывает о похожем случае, очевидцем которого он был в 1791 году, когда француз по имени Мишель Маффре де Рье повесился из-за того, что его таким образом держали в неведении. [251]

Целью задержки с оглашением приговора таким образом было предотвращение апелляций в Верховный суд. Мы видели, как, возражая против апелляций в Рим, инквизиция и монархи утверждали, что они были совершенно излишни, учитывая апелляционную юрисдикцию генерального инквизитора, который всегда был готов исправить несправедливость, совершенную трибуналами, но эта номинальная возможность была по большей части иллюзорной из-за этого устройства сокрытия информации о приговоре до тех пор, пока обжалование не стало невозможным. Это происходило постепенно. Первоначально, казалось бы, трибуналы по своему усмотрению откладывали вынесение приговора до авто, хотя исключения были редки. Инструкции 1561 года, хотя и допускали право на апелляцию в некоторых случаях, аннулировали его, предписывая в таких случаях трибуналам заранее направлять разбирательство в Верховный суд, не позволяя обвиняемому знать об этом. [252] Очевидно, что были конкурирующие влияния, справедливость с одной стороны и удобство с другой, поскольку в 1568 году было приказано, чтобы в случаях, не связанных с ересью, когда наказание было произвольным, виновный должен быть уведомлен заранее об автодозвоне, и это было расширено в 1573 году инструкциями о том, что в случаях, допускающих апелляцию, стороны должны быть уведомлены в пришло время дать им возможность сделать это. Эта

уступка правосудию вызвала проблемы, и 11 апреля 1577 года трибуналам было приказано доложить о вызванном этим зле. Очевидно, инквизиторы отчитались негативно, поскольку 18 сентября им было приказано вернуться к прежней практике не уведомлять виновных до проведения аутодафе. [253]

Существовала, однако, довольно обширная категория дел, в которых право на апелляцию не было полностью прекращено этим. Это были более тривиальные дела, по которым приговор выносился в зале для аудиенций, и в них обе стороны, преступник и фискал, должны были согласиться на месте, когда любой из них мог подать апелляцию, поскольку фискал имел то же право, что и его оппонент; оно было включено в поручение, выдаваемое фискалам, в длинный перечень их полномочий и обязанностей, и этим правом нередко пользовались. [254] Хотя таким образом у виновного была возможность подать апелляцию, он был вынужден действовать без совета. В случае с Марией Касалья в Толедо 19 декабря 1534 года, когда ее попросили согласиться с вынесенным ей приговором в зале для аудиенций, она попросила отсрочки; затем, во второй половине дня, она попросила разрешить ей посоветоваться с мужем или своим адвокатом и, получив отказ, приняла приговор. [255] Тем не менее, по мере сокращения количества государственных автомобилей и увеличения числа частных *автолюбителей*, возможности для апелляций становились все более частыми и иногда были успешными.

АПЕЛЛЯЦИИ

Это было более выгодно священнослужителям, чем мирянам, поскольку, за исключением случаев, связанных с деградацией, они никогда не выставлялись на всеобщее обозрение; их приговоры зачитывались в зале для аудиенций, и они с большей вероятностью, чем обычные преступники, обладали образованием и интеллектом, необходимыми для того, чтобы воспользоваться представившейся возможностью. Следовательно, случаи обжалования с их стороны нередки. Брат Лукас де Альянде, настоятель францисканского монастыря в Мадриде, был одним из обманутых Лукрецией де Леон, самозванкой, которая притворялась, что во сне беседует с Богом и святыми. Он занялся записыванием ее откровений и предстал перед судом в Толедо, где просидел в тюрьме с июня 1590 по апрель 1596 года. Он был приговорен к выговору и предупреждению не вмешиваться в подобные дела, принять определенные определения, установленные трибуналом, и к строгому затворничеству в монастыре на год. Он энергично запротестовал, заявив, что приговор абсурден, и подал апелляцию на его отмену, на что фискал также подал апелляцию. Верховный суд рассмотрел обе апелляции и 30 июля 1596 года принял решение, подтвердив приговор в отношении выговора и предупреждения и исключив остальное. Но даже это не удовлетворило упрямого францисканца, ибо, когда 2 августа ему это зачитали, он отказался принять это и обратился к папе, но, получив предупреждение хорошенько подумать, в тот же день отозвал это обращение и подчинился. Однако не может быть никаких сомнений в том, что инквизиторы отменили часть приговора, поскольку за этим следует ходатайство от него о разрешении посетить его родную Вильярубю, прежде чем приступить к своему затворничеству, поскольку обман такого рода вполне осуществим в условиях строжайшей секретности трибуналов. [256] Более успешным был жеронимит Фрай Мартин де Казарес, привлеченный к ответственности в Вальядолиде за суеверное исцеление больных и приговоренный в 1655 году к выговору и четырехлетнему изгнанию из определенных мест. Верховный суд подтвердил приговор, и все же после его апелляции ссылка была

отменена. [257] К этому времени Супрема контролировала все действия трибуналов, и по мере того, как она постепенно превращалась во всю инквизицию, апелляции становились излишними, однако обычай откладывать приговор оставался неизменным.

Однако существовала одна категория дел, в которых уведомление о приговоре всегда делалось до аутодафе — те, в которых виновный был приговорен к смягчению наказания. Целью этого было дать ему шанс спасти свою душу путем исповеди и обращения; в более ранний период уведомление было коротким, всего лишь в полночь перед аутодафе, но впоследствии, как мы увидим ниже, оно было продлено до трех дней.

В средневековой инквизиции инквизитор, вынося приговор, всегда оставлял за собой право изменить его либо в сторону милосердия, либо в сторону суровости, либо полностью отменить. Он мог это сделать, поскольку был практически независим и безответствен по отношению к любому вышестоящему начальству, единственной властью над ним был далекий и почти недоступный Святой Престол. Испанский инквизитор занимал совершенно иное положение, находясь в строгом и постоянно растущем подчинении Верховной власти, и, поскольку замены рано стали источником большого дохода, легко понять, что трибуналам не разрешалось участвовать в поступлениях. Таким образом, уже в 1498 году Инструкции обязались ограничить полномочия инквизиторов изменять приговоры, предписав, чтобы они не допускали замен приговоров за деньги или услугу или без уважительной причины, и, когда таковая существовала, замена должна была заключаться в постах, раздаче милостыни и других благочестивых целях; не могло быть освобождения от ношения санбенито, и реабилитация потомков была оставлена за генеральным инквизитором. [258] Было трудно обеспечить соблюдение ограничений, которые признавали любое право инквизиторов изменять приговоры, и в 1513 году Хименес полностью лишил их этого права и сосредоточил власть в руках генерального инквизитора. [259] Это был исключительно вопрос финансов, и мы видели (книга V, глава iii), как они использовались в дальнейшем. Было признано, что трибунал не имеет права изменять приговор после его вынесения; как говорит опытный автор, хотя по общему праву инквизиторы и ординарии могут изменять или смягчать приговоры, в противном случае согласно Инструкциям, которые заявляют, что это относится к компетенции генерального инквизитора, причина в том, что они исчерпали свои полномочия. [260]

СЕРЬЕЗНОСТЬ Или ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ

В Индии, где расстояние сделало обращение к Верховному суду практически невозможным, суды, по-видимому, сохранили право изменять приговоры, хотя они, возможно, редко им пользовались. В 1663 году пожилая женщина, известная как Изабель де Монтойя, осужденная в Мексике за колдовство, была приговорена к явке на аутодафе с санбенито, к получению двухсот ударов плетью и пожизненному заключению в больнице. В зале для аудиенций 5 ноября ей был зачитан приговор в присутствии фискала и ее адвоката. С согласия последнего она попросила, чтобы санбенито и бичевание были опущены; она была всего лишь самозванкой и не имела никакого договора, явного или подразумеваемого, с демоном, и, учитывая ее возраст, болезнь и увечья во время пыток, она молила о пощаде. 7 ноября налоговый инспектор ответил на это, требуя ужесточения наказания, поскольку это доказало, что она не раскаивалась в отрицании своего договора и намерения. 21 ноября совет федерации собрался и единогласно подтвердил свой прежний приговор.

Аутодафе не праздновалось до 4 мая 1664 года; 6-го ее должным образом бичевали по улицам, а 15-го она была доставлена в больницу Любви Диос. Ее жалобная молитва, призывающая к старости и болезни, была оправдана, поскольку 17 июня посыльный из больницы объявил о ее смерти, и инквизиторы кратко приказали похоронить ее. [261]

Что касается жестокости, то здесь невозможно делать обобщения, поскольку в более ранние периоды трибуналам предоставлялось столько свободы действий и так много зависело от характера инквизиторов, которые могли быть суровыми или гуманными. В случае с упрямым еретиком или с *impenitente negativo* не было никаких сомнений; закон страны и всеобщее общественное мнение одинаково приговорили его к костру, но в широкой сфере деятельности раскаявшегося еретика и многочисленных правонарушений, о которых было известно инквизиции, было широкое поле для проявления суровости или великодушия. Против варварства такого дела, как дело Изабель де Монтойя, в котором было слишком много параллелей, можно привести тенденции Толедского трибунала около 1600 года. В его отчетах Верховной Раде того периода часто встречаются пояснительные замечания, как бы извиняющиеся за мягкость приговоров, которые указывают на его готовность смягчить свои суждения, — такие выражения, как “она была бедной и невежественной женщиной”, “она была простой и невежественной”, “она была избавлена от более сурового наказания, потому что ей было всего шестнадцать лет”, “она казалась очень простой и очень хорошей женщиной”, “недавнее крещение и пьянство”. Иногда, в делах о двоеженстве, связанных с бичеванием и галерами в соответствии с законом, отсутствие этих мер оправдывается возрастом или слабостью виновного. Иногда, но не часто, страдания, которые заключенный перенес во время длительного тюремного заключения, принимаются во внимание и признаются частью наказания. [262] Эта тенденция к милосердию становится более заметной в период упадка, когда гуманитарное развитие эпохи дало о себе знать даже во времена инквизиции, и это наводит на размышления о контрасте с диким фанатизмом светских судов страны, которая считалась более просвещенной, чем Испания. В 1765 году деревянное распятие на мосту в Аббевиле было изуродовано, и епископ Амьенский опубликовал меморандум, предписывающий под страхом отлучения от церкви любому, кто осведомлен об этом деле, донести на преступника. Дюваль де Соскур, советник при дворе Аббевилля, враждебно относившийся к аббатисе Вилланкур, обвинил ее племянника, шевалье де ла Барра, девятнадцатилетнего юношу. Единственным доказательством было то, что однажды он прошел мимо процессии, не сняв шляпы, что он выступал против Евхаристии и пел нечестивые и распутные песни. Несомненно, он был нерелигиозен и развратен, и его дурной репутации было достаточно в суде Аббевилля, чтобы оправдать приговор об ампутации его языка и правой руки и сожжении заживо. Была подана апелляция в парижский парламент, который пятнадцатью голосами против десяти утвердил приговор с смягчением наказания в виде обезглавливания перед сожжением, и это было должным образом приведено в исполнение 1 июля 1766 года. [263] Анналы испанской инквизиции не предлагают ничего более отвратительного, чем это, и сравнение тем более поучительно, что наказанием за святотатственное надругательство над изображением Христа, Богородицы или святых, при отягчающих обстоятельствах, было просто появление в аутодафе со знаками отличия богохульника, отречение от престола *де леви* и сотня смертей. удары плетью, или вергуэнца, или изгнание, в зависимости от характера преступления и виновника. [264]

Инквизиция хвасталась, что она не уважает людей, и, по крайней мере, в одном пункте ее правила выгодно отличаются от правил светского права. В испанском законодательстве привилегии аристократии были полностью признаны, и за многие преступления наказания, назначаемые благородной крови, были намного мягче, чем те, которые налагались на простолюдинов. Это было отменено в инквизиции, где было предписано, что в вопросах веры дворяне должны подвергаться более суровому наказанию, чем плебеи. [265] Это, несомненно, было связано с предположением, что они были более разумно обучены и менее подвержены ошибкам, помимо того факта, что их пример был более впечатляющим. Однако, с другой стороны, к духовенству, которому можно было найти меньше оправданий, относились с гораздо большей снисходительностью, чем к мирянам, и их слабости и ошибки не использовались в качестве примеров, а были максимально скрыты от общественного обозрения, чтобы не умалять народного уважения к Церкви.

НЕИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Карательные ресурсы инквизиции, как мы увидим, были безграничны. В то время как за определенные четко определенные правонарушения были предусмотрены определенные наказания, усмотрение консульта-де-фе не было связано никакими определенными ограничениями относительно того, что было известно как *экстраординарные наказания*, и они могли придумать все, что казалось подходящим для особых случаев. К бесконечным градациям и сложным комбинациям прибегали в попытке подогнать наказание к проступку каждого отдельного лица, а также, несомненно, часто для достижения единодушия в консультативном совете, так что нередко в одном предложении содержится шесть или восемь отдельных наказаний. Было бы преувеличением ожидать, что в столь сложном учреждении на протяжении более чем трехвекового существования соблюдалась строгая последовательность в осуществлении этой дискреционной власти, но, принимая во внимание слабости человеческой натуры, подверженной искушению безответственности, вряд ли можно сказать, что оно обычно злоупотребляло своей властью в соответствии с варварскими стандартами того времени, за исключением наложения денежных взысканий, от которых зависели его финансы, и в отстаивании своего авторитета против всех, кто осмеливался подвергать сомнению его превосходство. Он был бессердечен к страданиям тех, кого считал виновными; он изобрел самые жестокие процессуальные формулы; но когда он добивался признания или осуждения, он не был систематически и свирепо жесток, как это часто утверждалось.

Что касается приведения приговора в исполнение, следует отметить, что наказания сами по себе делятся на два класса. Некоторые из них, такие как послабление, конфискация, штрафы, бичевание, галеры, примирение и отречение от престола, находились во власти трибунала. Другие, такие как тюремное заключение, санбенито, ссылка и затворничество, в большей или меньшей степени зависели от воли или страхов кающегося. Теоретически, как мы видели, наказание рассматривалось как епитимья, добровольно принимаемая кающимся для спасения своей души, но инквизиция, в отличие от отца-исповедника, не полагалась полностью на покаянный пыл грешника. Наказание в достаточной степени сохранило характер епитимьи, чтобы оправдать теолога, рассматривавшего его неисполнение как доказательство того, что раскаяние было притворным и что преступник вновь впал в ересь, наказанием за которую, согласно канонам, была смерть на костре без суда. В прежние времена это соблюдалось

настолько, насколько это было возможно. Так, в 1486 году в Сарагосе Родриго де Грис, приговоренный к вечному заключению в специально отведенном доме с наказанием за рецидив за то, что покинул его, сбежал и был сожжен как рецидивист, а в 1487 году Кристофель Гельва, которому больница Нуэстра-Сеньора-де-ла-Грасиа была назначена в качестве бессрочной тюрьмы, был сожжен как чучело за побег. [266] Некоторое время это оставалось теорией, но на практике, когда беглеца вызывали как нераскаявшегося рецидивиста для вынесения приговора, было сочтено более безопасным возбудить против него дело обычным способом *заочно*, подождав год и привлекая его к ответственности за неповиновение. Таким случаем, по-видимому, является случай с Бартоломе Гальего, который сбежал в 1525 году из кающейся тюрьмы Толедо и был приговорен к послаблению в виде чучела 3 ноября 1527 года. [267] Примерно сорок лет спустя Пабло Гарсия объясняет, что подозрение, возникшее в связи с побегом, а также то, что он оставался под отлучением в течение года, предоставили достаточные доказательства для объявления беглеца рецидивистом и ослабления его изображения. Только когда можно было получить доказательства последующих актов ереси, прямое разбирательство по факту рецидива было оправдано, и это было решено в случае, когда беглецу было смягчено наказание в виде статуи, и Верховный суд отменил приговор и конфискацию. [268]

НЕИСПОЛНЕНИЕ

Теория о рецидиве, очевидно, уступала место. Симанкас говорит нам, что, хотя это и поддерживается высокими властями, это жестоко и лживо и не основано на законе; беглец не раскаялся, а не рецидивировал; если он вернется или будет схвачен, его должны выслушать, и если он готов повиноваться Церкви, его бегство заслуживает только усиления наказания. [269] О том, как быстро исчезала древняя суровость, свидетельствует случай в Валенсии в 1570 году. Педро Луис Верга был привлечен к ответственности за протестантизм по туманному обвинению в том, что во время учебы в Париже в 1555 году он общался со страшным Хуаном Пересом и разделял его взгляды, за что был примирен и приговорен к подписке о невыезде из королевства. Он не подчинился, и в 1570 году в Генуе услышали о том, что он высказывает еретические мнения. Теперь это был случай рецидива, а также неисполнения епитимьи, но он был привлечен к ответственности за неповиновение как простой беглец. [270] Свидетельством того, что старое правило устарело, были случаи, когда инквизиторы иногда предписывали в своих приговорах, что епитимья должна быть исполнена под страхом нераскаявшегося рецидива, как в случае с Хуаном Франко, приговоренным в Толедо в 1570 году к восьми годам галер за протестантизм, и Хуаном Котэ, приговоренным тем же трибуналом в 1615 году к недопустимому пожизненному заключению за ту же ересь. [271] К середине семнадцатого века Альбергини излагает различные мнения по этому вопросу и приходит к выводу, что мнение Симанкаса было общепринятым. [272]

Случаи неисполнения были нередки, поскольку, как мы увидим, дисциплина в кающихся тюрьмах была чрезвычайно слабой; любой кающийся мог отлучиться и затем сбросить санбенито, которое было обычным сопровождением тюремного заключения, но, хотя с канонической точки зрения это был рецидив, к таким случаям относились с тем, что в те дни можно было бы считать милосердием. Таким образом, Диего Гонсалес, примирившийся с иудаизмом в Вальядолиде в 1644 году и приговоренный к тюремному заключению и ношению привычки, был признан в 1645 году в Медина-де-Риосеко без санбенито. Когда его судили за это, совет федерации не был единодушен, и Верховный суд приговорил его к ста ударам плетью.

[273] То же самое было и с приговорами о ссылке. В 1667 году в Толедо Франсиско Лопес Родригес, который примирился в 1665 году и уже привлекался к ответственности за неисполнение епитимьи, предстал перед судом за это снова и был приговорен всего к ста ударам плетью и еще двум годам ссылки. Таким образом, в 1669 году Хуану Лопесу Питину за нарушение правил ссылки добавили всего два года к первоначальному сроку. [274]

Однако любопытный случай, произошедший в 1606 году, показывает, как кающиеся должны были исполнять свои епитимьи. Гаспар Года, мориско, был приговорен в Валенсии к примирению, ста ударам плетью и вечному заключению, из которых первые восемь лет предстояло провести на галерах. После пяти лет службы его галера была захвачена англичанами близ Лиссабона, и он был освобожден. Строго говоря, ему следовало бы перебраться на борт другой галеры, чтобы отбывать свой срок, но он, похоже, вообразил, что его освободили от наказания; он спокойно вернулся в свой родной Торре-де-Льовис и возобновил свою профессию хирурга. О нем, конечно, доложили трибуналу, который арестовал его в августе 1606 года и приговорил не только к отбыванию наказания, но и к сотне ударов плетью и уплате штрафа в размере двухсотен либр, хотя максимальный штраф, который по закону мог быть наложен на мориско, составлял десять дукатов. [275]

Возобновление деятельности инквизиции в начале восемнадцатого века, по-видимому, сопровождалось ужесточением рассмотрения этих дел. На автосалоне в Валенсии 24 февраля 1723 года Антонио Роджеро был примирен и приговорен к пожизненному заключению и санбенито. Он сбежал, но был схвачен, и в авто от 12 марта 1724 года он был приговорен к двумстам ударам плетью и пяти годам каторги, после чего его должны были вернуть в тюрьму, но генеральный инквизитор милостиво заменил бичевание и каторгу пятью годами *presidio*, или работ в африканском гарнизоне. Итак, в "авто Валенсии" от 25 июня 1724 года Джозеф Вентура из Феса, новообращенный мавританец, был приговорен к трем годам тюрьмы и санбенито; он бежал, был схвачен, а в "авто" от 1 июля 1725 года его тюрьма стала бессрочной и несменяемой; снова он бежал, чтобы снова быть пойманным, и в "авто" от 17 сентября 1725 года он был приговорен к пяти годам галер, после чего его должны были вернуть в тюрьму. [276]

НЕИСПОЛНЕНИЕ ЕПИТИМЬИ

Все это были случаи формальной ереси, за рецидив которой каноническим наказанием было сожжение. За менее тяжкие преступления, которые предполагали лишь подозрение в ереси, время от времени применялась практика включения в приговор наказания за неисполнение епитимьи. Это был во всех отношениях произвольный вопрос, относительно которого нельзя сформулировать никакого обобщения, поскольку часто невозможно предугадать, почему в группе схожих случаев некоторые предложения должны нести эту угрозу, а некоторые нет. Это, по-видимому, беспредметное разнообразие заметно проявилось в автокатастрофе 13 мая 1565 года в Севилье, где было большое количество кающихся, таким образом произвольно разделенных. В тех случаях, когда применялась угроза, не было никаких признаков милосердия, поскольку там, где предусматривалось пожизненное изгнание или на многолетний срок, наказание за неисполнение заключалось в том, что оно должно было завершиться на галерах. В одном случае, с Абелем Джосисом, за передачу оружия в Берберию, приговором был всего лишь запрет плавать в Берберию, но нарушение этого правила каралось пожизненными галерами. [277] Следует, однако, добавить к чести инквизиции, что она нередко высказывала угрозы, на исполнение которых у нее не хватало жестокости. Так, трибунал Толедо по

обвинению в прорицании изгнал из Испании священника по имени Фернандо Бетансас, пригрозив ему галерами за неповиновение. Вскоре после этого епископ Саламанки нашел и арестовал его, и Верховный суд 22 декабря 1636 года приказал трибуналу Вальядолида расследовать это дело, после чего Верховный суд удовлетворился депортацией его в Португалию и предупредил, что, если он вернется снова, его отправят на галеры. [278]

Случай августинского брата Диего Кабальеро в 1716 году показывает, как неисполнение епитимьи могло превратить в формальную ересь то, что было простым подозрением. За высказывание неприемлемых предложений он был приговорен трибуналом Кордовы к четырехлетнему заточению в монастыре Гуадикс. Он бежал оттуда и продолжал повторять свои ошибочные высказывания, за что трибунал Толедо признал его рецидивистом тяжкого преступления и приговорил к отречению от *отверования*, к отстранению от исполнения приказов на год, к бессрочному лишению права проповедовать, исповедоваться и права голосовать и быть избранным, к десяти годам ссылки из ряда мест, к четырем годам затворничества в специально отведенном доме, где в течение шести месяцев он должен был находиться в камере. Он также должен был носить санбенито, пока его приговор зачитывался в зале для аудиенций, а на следующий день он должен был быть зачитан собравшимся братьям его толедского монастыря, которые должны были применить к нему круговое взыскание, и он должен был лишиться половины своего имущества - и все это под страхом быть привлеченным к ответственности как нераскакаявшийся рецидивист. [279] Что здесь примечательно, так это не только серьезность этого длительного накопления наказаний, но и отречение от ответственности *de vehementi*, которое сделало повторение допущенных ошибок делом ставки.

Можно сказать, что в средневековой инквизиции оправдательный приговор был практически запрещен — возможно, был вынесен недоказанный приговор, но оправдательный приговор был признанием возможности ошибки и рассматривался как препятствие для последующего разбирательства в случае получения дополнительных доказательств. [280] Этот принцип соблюдался Римской инквизицией, хотя в восемнадцатом веке делалось исключение в тех случаях, когда было явно доказано, что неблагоприятные доказательства были сфальсифицированы. [281] Святая канцелярия Испании была не столь чувствительна, и не колебалась в отношении повторных судебных преследований, так что для нее оправдательный приговор был менее серьезным вопросом. Более того, хотя приговоры о недоказанности не были неизвестны, существовал эквивалентный способ, с помощью которого обвиняемого можно было уволить без признания его невиновности — приостановление дела и освобождение его от ответственности при условии, что оно будет возобновлено в любое время.

Яростное рвение Торквемады сделало оправдательный приговор особенно неприятным для него, и мы видели выше (Т. I, стр. 175) дело, в котором он отменил оправдательные приговоры в Медина-дель-Кампо и настаивал на вынесении обвинительного приговора, хотя по его просьбе стороны были дважды судимы и подвергались пыткам без признания вины. Такой характер с его стороны не мог не произвести впечатления на его подчиненных, и все же мы иногда встречаемся с оправдательными приговорами в это раннее время — оправдательными приговорами, которые, однако, демонстрируют странное душевное смятение и выдают нежелание признать обвинение невиновных, поскольку они сочетают оправдательный приговор с наказанием. Так, в 1485 году в Гваделупе по делу Андреса Алонсо из Трогильяно в

приговоре говорится, что фискал не доказал свое обвинение так полно, как следовало, поэтому инквизиторы оправдали обвиняемого, но, поскольку доказательства вызвали в их сердцах некоторое подозрение, для удовлетворения их совести и его собственной они приговорили его к отречению от престола *де леви* и, поскольку обвинение навлекло на него некоторый позор, они сняли его и вернули ему прежнюю добрую репутацию, а также сняли секвестр с его имени. собственность. После чего он должным образом отрекся от *де леви*, отрекаясь от всякого рода ереси, и особенно от той, в которой его обвиняли, обещая всегда быть послушным Церкви, после чего был освобожден *ad cautelam* от любого отлучения, которое он мог понести, и обо всем этом он попросил свидетельство. [282] Все оправдательные приговоры, с которыми я встречался в этот период, носят нелогичный характер, иногда даже требуя отречения от престола *de vehementi* и наложения наказаний за преступление, в совершении которого обвиняемый признан невиновным.

ОПРАВДАТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОР

В Барселоне инквизиция была учреждена за двенадцать лет до вынесения первого оправдательного приговора, и из тех записей, которые у нас есть, следует, что оправдательных приговоров было несколько — условных и безоговорочных. Таким образом, в 1499 году Джейм Кастаньер и Эуфросина Помета были оправданы, но от них потребовали публично отречься от престола 2 мая, а 5 октября был оправдан Луйс Палау. В 1500 году, 18 сентября, четыре женщины были полностью оправданы, двое мужчин были оправданы с наложением епитимьи, а две женщины и мужчина были оправданы с отречением от престола. Затем, 5 октября, память и слава Хуана де Рибес Алтеса были очищены, а 20 декабря 1501 года Бланкина Дарла была полностью оправдана. [283]

В отчетах трибунала Толедо за период с 1484 по 1531 год насчитывается восемьдесят шесть случаев оправдательных приговоров, или в среднем чуть меньше двух в год, что, учитывая интенсивную деятельность более раннего периода, указывает на то, как немногим удалось спастись, когда инквизиция наложила на них свою руку. Некоторые из этих дел показывают, как долго сохранялся условный оправдательный приговор. Таким образом, из оправданных Эрнандо Парраль был вынужден отречься от престола, а Франциска Рамирес и Каталина беата Негра отреклись *от де vehementi*. Если только переписчик не ошибся, Леонора де ла Олива из Сюдад-Реаля была оправдана и подвергнута бичеванию 3 октября 1521 года и снова получила тот же приговор 13 октября 1530 года. В 1520 году Алонсо Эрнандес был оправдан публичным покаянием, а в 1513 году Санчо де Рибера был оправдан с конфискацией имущества. Одна запись трудна для понимания — запись Инес Гонсалес, за которую проголосовали за оправдательный приговор с примирением и конфискацией, но конфискация была отменена. [284]

Практически оправдательный приговор сводился только к недоказанному приговору. В формулировке этого решения Пабло Гарсия обращает особое внимание на отсутствие слова “окончательный”, указывая, что оно не является окончательным, поскольку дело может быть возобновлено в любое время после получения новых доказательств — и даже без них, как мы видели в деле Вильянуэвы. В вопросах веры не было окончательности, не было *cosa juzgada*, и так было объявлено Пием V в булле *Inter multiplices*, аннулирующей все письма об отпущении грехов и оправдательные приговоры, выданные инквизиторами и другими духовными судьями. [285] В строгом соответствии с этим принципом существовало правило, согласно которому

оправдательные приговоры в отношении живых не должны были зачитываться на аутодафе, кроме как по их особой просьбе, во время зачитывания оправдательных приговоров в отношении мертвых; в любом случае в приговоре просто говорилось, что он был обвинен в ереси, и никаких подробностей не приводилось; если он был жив, он не появлялся на аутодафе, а если мертв, то изображения не было. [286] Все это прямо противоречило пламенному панегирику Парамо, который, как мы видели, утверждает, что инквизиторы использовали все средства, чтобы доказать невиновность обвиняемого, и, когда им это удалось, позаботились о том, чтобы он вышел победителем, увенчанным лавром и пальмой победы. [287] Тем не менее, Парамо имел некоторое оправдание в том факте, что были редкие исключительные случаи, в которых оправданный был таким образом оправдан. Единственный подобный случай, который я встретил в Испании, был упомянутым выше (т. II, стр. 561), когда четырнадцать жителей Кадиса были ложно обвинены. В Перу, однако, зарегистрировано несколько случаев. В Лиме 1728 года доктор Агустин Валенсиано появился в процессии на белом коне с пальмовой ветвью, и было объявлено о его невиновности. На великой автомобильной церемонии 23 января 1639 года семеро были удостоены такой чести после трех лет заключения, а на церемонии 19 октября 1749 года изображение дона Хуана де Лойолы, умершего в тюрьме в 1745 году, возглавляло процессию, неся пальмовую ветвь. Этот последний случай, возможно, объясняется влиянием иезуитов, поскольку он происходил из семьи св. Игнатий, и дальнейшее возмещение ущерба было произведено путем назначения его брата, дона Игнасио де Лойолы-и-Аро Альгусила, мэром трибунала, в то время как трое племянников стали фамильярами. [288]

Нежелание трибуналов выносить оправдательный приговор проиллюстрировано на примере дела Франсиско Марко, которого судили в Барселоне за двоеженство в 1718 году. Не сумев доказать обвинение, которое каралось бичеванием и галерами, трибунал приговорил его к тому, что его приговор *con meritos* будет зачитан в зале для аудиенций, ему будут сделаны выговоры и угрозы, а также он будет изгнан из Барселоны и Мадрида на шесть лет. В более ранний период этот приговор остался бы в силе, но к этому времени Верховный суд полностью контролировал ситуацию и выразил большое удивление по поводу столь несправедливого решения, наложившего столь позорное клеймо на обвиняемого. Суд объявил недействительными все действия процесса, приказал немедленно освободить Марко от должности и обязал инквизиторов покрыть из своего жалованья все расходы по его заключению. [289]

ПОДВЕСКА

Нежелание оправдываться нашло выражение в устройстве, известном как отстранение от должности. Когда попытка вынести обвинительный приговор не увенчалась успехом, дело могло быть приостановлено, таким образом оставляя дела в их нынешнем виде; обвиняемый не был ни оправдан, ни осужден, дело могло в любой момент быть возобновлено и доведено до конца, и оно висело над несчастной жертвой, пока сохраняло непогрешимость трибунала. Самый ранний намек на это, который я встретил, встречается в Инструкциях 1498 года, которые показывают, что это было уже установившееся употребление, которым злоупотребляли, поскольку оно запрещено при судебном преследовании мертвых, за исключением случаев, когда ожидаются дополнительные доказательства, и выносятся оправдательный приговор, когда доказательства несовершенны, потому что есть много случаев приостановления, которые создают трудности из-за продолжающихся в силе арестов. [290]

Временное отстранение от должности было удобным средством для трибунала, неспособного вынести обвинительный приговор, но не желающего оправдывать и желающего скрыть свою неудачу. Сначала это было сравнительно редко, но со временем стало излюбленным методом уклонения от вынесения решения, и, поскольку постепенно, по большей части, оно заменило оправдательный приговор, в своем развитии оно могло даже снять клеймо позора; в подавляющем большинстве случаев это было практически концом дела, и обычно сопровождалось снятием секвестра. Некоторые власти считали, что дело не может быть объявлено приостановленным, если в нем было достаточно фактов, оправдывающих выговор, или даже когда правонарушение было незначительным и обвиняемый был предупрежден не говорить и не действовать подобным образом, но эта жесткость определения не соблюдалась на практике. Когда было принято решение об отстранении от должности, обвиняемому не было разрешено знать об этом. Его просто привели в зал для аудиенций; если он был заключен в секретную тюрьму, его подвергли обычным расспросам о том, что он видел и слышал, и поклялись хранить тайну; ему сказали, что по справедливым причинам ему оказана милость вернуться домой и что он должен попытаться искупить свою совесть, поскольку его дело все еще находится на рассмотрении. [291] Эта тайна держала его в напряжении, но после того, как он обнаружил, что с его собственности снят арест или эмбарго, он, несомненно, смог понять ее значение. Если бы он потребовал определенного обвинительного или оправдательного приговора, он имел право это сделать, но я не встречал ни одного подобного примера, и мало кто мог бы быть достаточно отважным, чтобы таким образом искушать свою судьбу. Если бы он попросил справку о том, что он был освобожден по собственному желанию или что его дело было приостановлено, она не подлежала выдаче, но Верховный Суд мог бы предоставить ему справку о том, что он был освобожден без епитимьи или осуждения. [292]

Полное отстранение от должности без применения епитимьи было, однако, необычным, поскольку непогрешимость инквизиции обычно подчеркивалась путем применения к ней какого-либо наказания, более или менее сурового. Самыми легкими из них были выговор и предупреждение, вынесенные обвиняемому при освобождении от должности. В 1650 году трибунал Толедо в упрощенном порядке закрыл таким образом довольно много дел — четыре 18 июня, два 25-го и три 30-го, и тем повезло, кто отделался так легко. Примерно в то же время донья Габриэла Рамирес де Гусман, обвиненная в суеверном колдовстве, получила не только выговор, когда ее дело было приостановлено, но и изгнание на год из Толедо и Мадрида, и такая же епитимья была назначена Доминго де Акунья, когда суд над ним по обвинению в мошенничестве был приостановлен. [293] Насколько мало несоответствий было признано в этом, показывает случай с Мартином Миторовичем в Мадриде в 1801 году, когда один из инквизиторов проголосовал за приостановление дела и пожизненное заключение его в больнице Сеуты. [294] На самом деле, поскольку в последние годы существования инквизиции отстранение от должности становилось все более частым, оно часто сопровождалось суровыми наказаниями. Так, 30 августа 1815 года трибунал Льерены приостановил рассмотрение дела Марии дель Кармен Каваллери-и-Беррокаль, но приговорил ее к выговору, двумстам ударам плетью и трем годам заключения в больнице; в то же время, ввиду ее чистосердечного признания, бичевание было приостановлено до тех пор, пока ее поправка не заслужит прощения, и те же фразы были использованы в отношении ее сообщника Николаса Санчеса Эспиналя, который был приговорен к выговору, определенным духовным упражнениям и вечному изгнанию из провинции. [295]

ДОПУСК К ВНЕСЕНИЮ ЗАЛОГА

Однако в подобных случаях временное отстранение от должности несколько переросло свою первоначальную цель замены оправдательного приговора и было более чем сомнительным милосердием, поскольку дело оставалось нераскрытым, хотя и предусматривало полное наказание, и в любой момент могло быть возобновлено. О том, что первоначально это был всего лишь удобный способ избежать признания в судебном преследовании невиновных, свидетельствуют случаи, которыми полны протоколы. Так, в 1607 году Франсиско Дендолеа, мориско из Хеа, предстал перед судом в Валенсии на основании показаний свидетеля о том, что, будучи *лимоснеро* или раздающим милостыню в Хеа, он под предлогом подаяния бедным использовал свой офис для рассылки уведомлений о начале поста Рамадан и дачи других церемониальных инструкций. Он доказал, что никогда не был лимоснеро, и обвинение отпало само собой, но дело было просто приостановлено. Итак, в 1653 году донья Исабель дель Кастильо была привлечена к ответственности за иудаизм в Толедо. Ранее она была помирена в Вальядолиде, и было установлено, что доказательства относились к периоду, предшествовавшему примирению. Ее, конечно, следовало оправдать, но дело было приостановлено. [296] Еще более очевидным является случай с падре-бенедиктинцем Франсиско Сальвадором, которого судили в Вальядолиде в 1640 году за различные предложения, представленные на конкурсе на профессорское звание. Федеральный совет проголосовал за приостановление рассмотрения дела, и Верховный суд, подтверждая приговор, добавил, что ему должно быть выдано свидетельство о том, что не было обнаружено правонарушения, которое каким-либо образом могло бы нанести ему ущерб. [297]

Существовал также своего рода несовершеннолетний или неформальный оправдательный приговор, который заключался в освобождении обвиняемого под залог в конце судебного процесса. Это избавило трибунал от необходимости принимать решение и признавать, что обвинение было ошибочным, но это было жестоко по отношению к вовлеченной стороне, поскольку оставило его лишь частично освобожденным и с клеймом ереси. Наглядным примером его действия является дело Петронилы де Лусены, судимой в 1534 году в Толедо по обвинению в лютеранстве. После почти годичного заключения ее брат, также находившийся под судом, под пытками отказался от показаний, которые он дал против нее. Других показаний не было, однако ее не оправдали, а просто отпустили 20 марта 1535 года под залог в сто тысяч мараведи, чтобы она явилась по вызову. Охрана была обеспечена, и она была передана связанным в качестве ее тюремщиков. 27 июня она подала прошение об освобождении, об освобождении поручителей и о снятии ареста, который включал в себя некоторые предметы личной необходимости, находящиеся в руках тюремщика; она была, по ее словам, бедной и сиротой, нуждалась в имуществе и хотела свободно распоряжаться собой. Никакого уведомления об этом принято не было, и шестнадцать месяцев спустя, 20 октября 1536 года, она подала заявление снова; на этот раз был издан приказ об отмене секвестра, но нет никаких записей о том, что она была освобождена из-под залога. Таким образом, она оставалась под запретом, и в возрасте 25 лет двекарьеры, открытые для испанской женщины, — замужество и женский монастырь — были практически закрыты для нее. [298]

Существовал еще один вид оправдательного приговора, еще более неформальный, при котором обвиняемого просто освобождали от ответственности и приказывали убраться восвояси без вынесения приговора, оставляя его в ужасной неопределенности относительно того, каково могло бы быть его положение. Примером этого является дело Мигеля Мескиты,

которого судили за лютеранство в Валенсии в 1536 году. Доказательства были самыми надуманными, и инквизиторы просто приказали освободить его из тюрьмы, не принимая никаких дополнительных мер. [299]

О сравнительной частоте этих различных форм освобождения в более ранний период можно судить по отчетам трибунала Толедо за период с 1484 по 1531 год, в которых насчитывается восемьдесят шесть случаев оправдательных приговоров, всего четыре случая временного отстранения от должности, четыре случая освобождения под залог и два случая простого освобождения - последние, таким образом, ничтожно малы. [300] Пропорции быстро менялись со временем, показывая, насколько больше гармонировали с духом учреждения формы, которые ускользали от признания ошибки. Отчет того же трибунала за период с 1575 по 1610 год содержит в общей сложности тысячу сто семьдесят два дела всех видов, по которым был вынесен пятьдесят один оправдательный приговор, девяносто восемь условных приговоров и тридцать простых освобождений. [301] Эта тенденция продолжалась по мере дальнейшего развития. Архив Толедо с 1648 по 1694 год насчитывает тысячу двести пять дел, из которых только шесть завершились оправдательным приговором, одно - увольнением за ошибочную идентификацию личности и сто четыре - временным отстранением от должности, почти все последние сопровождались выговором в зале аудиенций — очевидно, выговором за то, что доставили трибуналу столько лишних хлопот. Отстранение от должности было почти в каждом случае предписано Верховной Властью, как будто инквизиторы уклонялись от признания, которое это подразумевало. [302]

КОМПУРГАЦИЯ

Это отвращение существовало до последнего. В 1806 году дон Матиас Брабо, бывший агонизанте и калификадор сарагосского трибунала, предстал перед судом в Мадриде по обвинению в высказывании определенных предположений; он был оправдан, но ввиду его беспорядочной жизни, особенно в отношении шестой заповеди, он был приговорен к выговору, к пятнадцати дням духовных упражнений и к общей исповеди в такое время, когда он мог сделать это без ущерба для репутации. [303]

Тот же дух прослеживается в инструкциях Верховного суда от 14 октября 1819 года трибуналу Куэнки, санкционирующих арест и суд над Марией Мартинес за выдвинутые обвинения. В случае, говорится в нем, если судебный процесс покажет, что она не допустила ошибок в предъявленных обвинениях или в чем-либо другом, ей следует сделать выговор, предупредить и сообщить, что трибунал следит за ее действиями. [304]

Был еще один вид отстранения от работы, безусловно, самый частый из всех. Часто случалось, особенно в более поздние периоды, что *сумария*, или сбор доказательств против предполагаемого преступника, оказывался недостаточным для оправдания судебного преследования. В таких случаях за приостановление тихо голосовали; оно было спрятано на свое место среди документов, готовое к эксгумации в любое время, когда дополнительная информация могла бы восполнить недостатки и вызвать активное разбирательство. Тысячи этих несостоявшихся процессов хранились в *секретах* трибуналов, субъекты которых не подозревали об угрожавших им опасностях или о том, что их имена были в списках подозреваемых страшного трибунала. На то, что они находились под наблюдением, указывают

случайные заметки, например, о некоем Иоганне Вегелине, кальвинисте: “есть сумария, которого отозвали, потому что он сошел с ума и вернулся в свою страну”, или, в другом случае, “временно отстранен, потому что он умер в 1802 году”. [305]

Тем не менее, если взять это в целом, если учесть, что инквизиционная система была устроена таким образом, чтобы у судей были все основания для осуждения ради конфискации, штрафов, епитимий, разрешений и смягчений, весьма похвально, что оправдательные приговоры и отстранения от должности упоминаются в протоколах так же часто, как мы их там находим, хотя, конечно, у нас нет возможности узнать, были ли те, кто таким образом избежал наказания, среди богатых или бедных.

Существовала еще одна возможная форма предложения. Варвары, свергнувшие Римскую империю, принесли с собой наследственный обычай, известный как соглашение, или, в Англии, как Судебное пари, согласно которому ответчик в гражданском или уголовном процессе мог сохранить свой титул или свою невиновность, принеся присягу и приведя определенное количество людей, которые поклялись в своей вере в ее истинность. Они были известны как фокусники или компургаторы и ни в коем случае не были свидетелями; они притворялись, что не знают фактов, а только уверены в правдивости своего руководителя. Этот грубый метод установления истины сохранялся на всех землях, занятых тевтонскими племенами, за исключением Испании, где висиготы рано поддались влиянию римского права. Оно было с энтузиазмом принято духовенством, которое нашло в нем удобное средство избежать более суровых испытаний или участия в битве, так что оно получило название канонического очищения. [306] В тринадцатом веке инквизиция обнаружила, что он использовался в суде над еретиками, и обязательно включила его в число ресурсов для рассмотрения сомнительных дел, хотя методы инквизиции были слишком тщательными, чтобы требовать его частого использования.

Испанская инквизиция естественным образом унаследовала компургацию среди других традиций этого института. Когда обвинительный приговор не мог быть вынесен с помощью доказательств или пыток, и все же подозрение было слишком серьезным, чтобы оправдать оправдательный приговор, обвиняемый мог быть приговорен к исправительным работам. Он не мог требовать этого и не мог отклонить, хотя и мог обжаловать приговор; и неудача в примирении была равносильна обвинительному приговору, в то время как успех не был оправданием, а требовал отречения от престола и епитимьи по усмотрению трибунала, потому что, хотя юридически было доказано, что обвиняемый не еретик, он должен был быть наказан за “подозрение”.

КОМПУРГАЦИЯ

В ранних Инструкциях ничего не говорится по этому вопросу, и те дела того периода, с которыми я встречался, указывают на то, что не было жестко предписанного метода процедуры, хотя, в основном, они сходятся в том, что это был своего рода суд присяжных, после того как трибунал не смог вынести решение. Общие черты процесса можно почерпнуть из дела в Сарагосе

Беатрис Бельтран, жены Хуана де ла Кабальерия, обвиняемой в соучастии в убийстве Сан-Педро Арбуеса, который умер в тюрьме и был изображен в виде статуи в авто 8 июля 1491 года. Она была привлечена к суду за иудаизм в 1489 году; улики против нее ни в коем случае не были решающими, в то время как защита дискредитировала свидетелей и многочисленными свидетельскими показаниями доказала ее преданность Церкви, регулярное посещение месс и исповеди в течение более чем двадцати лет, ее щедрость в проведении месс и долгие часы, проведенные в ежедневных молитвах. Ее нельзя было попытаться ввиду ее преклонного возраста и тяжелых недугов, и 9 августа 1492 года совет федерации единогласно проголосовал за то, чтобы, поскольку о пытках не могло быть и речи, она была приговорена к каноническому очищению по решению инквизиторов, когда, если она очистит себя, она должна публично отречься как яростно подозреваемая в ереси и иудействе, и должна понести епитимью по усмотрению трибунала. На следующий день инквизиторы объявили, что она не осуждена, но находится под сильным подозрением, а потому должна очиститься с помощью двенадцати заклинателей. Они были должным образом отобраны, и был назначен трехдневный срок, в течение которого должна была быть проведена церемония. Они собрались в Альхафери 23 августа, когда им зачитали публикацию доказательств и позицию защиты. Ее поклялись говорить правду, и ее спросили, совершала ли она эти преступления, на что она ответила отрицательно, а затем удалили из комнаты. Инквизиторы снова зачитали доказательства обвинения и защиты, обвинители были приведены к присяге говорить правду, и инквизиторы опросили их. Первый, Педро Монтерде, сказал, что, по его мнению, Беатрис поклялась искренне, поскольку он знал ее пятнадцать лет и всегда считал хорошей христианкой, остальные единодушно согласились, и очищение прошло успешно. Затем, 8 сентября, она появилась в авто как кающаяся грешница, а 17-го числа она отреклась от всех ересей, особенно от тех, в которых ее яростно подозревали, после чего инквизиторы вынесли приговор, объявив ее яростно подозреваемой в преступлениях, от которых она отреклась, и, поскольку эти подозрения и преступления нельзя было оставить безнаказанными, они наложили на нее наказание, запретив ей совершать эти преступления, оплатив все расходы по ее судебному разбирательству, налогообложение которых они оставили за собой, и наложив такую епитимью, какую они могли наложить на нее. она. В протоколе не сообщается, в чем заключалась эта епитимья, но, вероятно, суду была передана значительная часть имущества, избежавшего конфискации у ее мужа. [307]

Угроза того, что неудача повлечет за собой осуждение, ни в коем случае не была пустой. Примерно в это же время суд над братом Хуаном де Мадридом проходил в трибунале Толедо; было собрано много неблагоприятных доказательств со всеми подробностями, и единственная защита заключалась в том, чтобы лишить свидетелей возможности действовать. Это было частично успешным, но осталось достаточно, чтобы оправдать инквизиторов, заявивших в приговоре, что он мог быть осужден за это, но из великодушия и милосердия ему было предложено примирение. Он охотно принял это и назвал своих компаньонов, но половина из них отказалась поддержать его клятву отрицания, заявив, что, зная о нем, они считают его подозреваемым. Это было убедительно; он считался признанным виновным по предъявленным обвинениям, и совет федерации без колебаний проголосовал за смягчение наказания. Подобным образом, 3 февраля 1503 года Джейм Бенет был сожжен в Барселоне за то, что не выполнил предписанное ему наказание. [308]

Изменение, вероятно, связанное с растущим стремлением к абсолютной секретности, предписанное Инструкциями 1500 года, глубоко изменило преобладающую теорию

компургации, поскольку оно запрещало зачитывать составителям доказательств и защите. В их присутствии обвиняемый должен был под присягой отрицать обвинения, которые были повторены инквизиторами, а обвинителей нужно было просто спросить, верят ли они, что он поклялся говорить правду, и никаких других вопросов. [309], Похоже, возникли некоторые проблемы с отменой обычая зачитывать свидетельства, поскольку запрет пришлось повторить в 1514 году. [310]

КОМПУРГАЦИЯ

В проект, представленный Карлу V в 1520 году Конверсосом с целью сделать инквизиционный процесс менее эффективным, была включена модификация принуждения таким образом, чтобы облегчить побег. [311] Конечно, на это не было обращено никакого внимания, но то, что правосудие потребовало некоторого изменения процесса, очевидно из одной или двух незначительных реформ вскоре после этого. В 1523 году было приказано, чтобы фискал не присутствовал после приведения компургаторов к присяге, что наводит на мысль о его негативном влиянии на них. Еще более важным было постановление 1529 года, запрещавшее тем, кто давал показания против обвиняемого, выступать в качестве его компургаторов. [312] Очевидно, что одним из результатов сокрытия имен свидетелей было то, что бедняга в своем невежестве иногда призывал спасти его тех, кто добивался его уничтожения, и у инквизиторов не было достаточного чувства справедливости, чтобы исключить их, хотя они имели право отказать в приеме любому, кто, как предполагалось, был дружелюбен к нему. Существовала также благоприятная модификация древней практики, требующей единогласия со стороны заклинателей, поскольку Симанкас говорит нам, что инквизиторы, указывая количество действующих лиц, могли также указать, сколько будет разрешено дезертировать, без ущерба для результата. [313]

Однако к середине века, когда писал Симанкас, компургация стала устаревать. Он осуждает это как слепое, опасное и лживое действие и говорит, что его особенно не следует навязывать лицам еврейского или мавританского происхождения, поскольку это равносильно отправке их прямой дорогой на костер, поскольку никто не может не думать о них плохо или, по крайней мере, сомневаться в их невиновности. Кроме того, почти все люди сейчас настолько развращены, а христианское милосердие настолько холодно, что вряд ли можно найти человека, который очистит другого или у которого не возникнет дурных подозрений и который не истолкует ситуацию к худшему. Чтобы победить обвиняемого, фокусникам достаточно сказать, что они не знают, или что они сомневаются в том, сказал ли он правду, и кто из присутствующих не почувствует неуверенности, когда узнает, что никто не подвергается очищению, если его не сильно подозревают. [314]

Этому вторят Инструкции 1561 года, которые указывают на то, как компургация выходила из употребления, благодаря краткому упоминанию о ней. Оно должно выполняться в соответствии с Инструкциями, с таким количеством сопровождающих, какое может назначить консульта фе, но инквизиторы должны иметь в виду, что злоба людей в настоящее время делает его опасным, что от него мало толку и что применять его нужно с предельной осторожностью. [315]

Тем не менее, впоследствии Пабло Гарсия приводит полные и любопытные подробности процедуры, которые показывают, насколько она была ограничена, что сделало ее отчаянной мерой для обвиняемого. Обвинители должны были быть старыми христианами, ревностными к вере, которые знали обвиняемого определенное количество лет и не были родственниками или

хорошо расположены к нему. От него потребовали назвать больше, чем указано, чтобы учесть тех, кто мог умереть или отсутствовать, показывая, что ему приходилось действовать в одиночестве камеры, где, возможно, он находился в заключении в течение многих лет. Когда ему был объявлен обвинительный приговор, ему был дан определенный срок, в течение которого он мог сделать свой выбор, и, если он допустит, чтобы этот срок истек, он будет на усмотрение трибунала. Общение с обвинителями не допускалось, и когда они были собраны, каждый из них был отдельно и тайно допрошен, чтобы выяснить, не хватает ли ему какой-либо из необходимых квалификаций, каковы его отношения с обвиняемым, отдаст ли он что-либо, чтобы добиться своего освобождения, говорил ли кто-нибудь с ним и просил его служить, или он намекнул кому-либо из родственников, что готов действовать. Таким образом, тщательно оберегаясь от возможной дружбы, важно, что нет инструкции расследовать возможную вражду.

Церемония была проведена весьма впечатляюще. На стол в зале для аудиенций с большой торжественностью были водружены крест, Евангелие и две зажженные свечи. Заключенного привели, ему зачитали список избранного, и его спросили, узнает ли он их, на что он согласился и сказал, что представил их как своих компургаторов. Затем их спрашивали, хотят ли они служить или нет; если они соглашались, заключенный давал торжественную клятву говорить правду и не скрывать ее из-за страха смерти, потери имущества, чести или по любой другой причине. Затем инквизиторы зачитали обвинения, которые вызвали серьезные подозрения, и спросили его под присягой, виновен ли он в них, и после того, как он ответил, его отвели обратно в камеру. Затем, при необходимости, компургаторам объяснялась природа компургации, и они клялись отвечать правдиво и не отрицать правду из ненависти, или любви, или страха, или привязанности, или по другим мотивам. Их держали порознь, без связи друг с другом, и каждого допрашивали отдельно и тайно, понимал ли он, что произошло, и верил ли он, в соответствии с тем, что он знал об обвиняемом, что тот сказал правду, и после ответа его заставили пообещать хранить тайну под страхом отлучения от церкви. Ответы были тщательно записаны и подписаны составителями. [316]

КОМПУРГАЦИЯ

При таком подходе легко понять, почему компургацию следует характеризовать как слепую и опасную. Обвиняемый должен был делать свой выбор вслепую, и квалификация, требуемая от фокусников, почти гарантировала их неблагоприятное мнение, в то время как действия инквизиции заставляли каждого человека смотреть на своего соседа с подозрением, особенно когда этот сосед был тем, кого трибунал требовал подвергнуть компургации. Тем не менее, хотя инквизиция, таким образом, мало чем рисковала, передавая ей сомнительные дела, было достаточно причин для того, чтобы допустить ее упадок. Секретность стала основополагающим принципом всех инквизиционных разбирательств, и он был нарушен вызовом дюжины непрофессионалов для встречи с заключенным, заслушивания выдвинутых против него обвинений и участия в вынесении ему приговора. Кроме того, это было признанием того, что были случаи, в которых предполагаемое всеведение и непогрешимость Святой Канцелярии были ошибочными и должны были быть дополнены случайными мнениями нескольких человек, выбранных обвиняемым. Как веками практиковалось в церковных судах, это был простой метод для виновных избежать заслуженного наказания; измененный инквизицией, он стал ловушкой для невиновных; он полностью расходился с инквизиционным процессом, разработанным в Испании, и, хотя его место в каноническом праве препятствовало его формальной отмене, суды обладали исключительной свободой действий в отношении его применения, и эта свобода

действий была использована для того, чтобы сделать его устаревшим. Тем не менее, она сохранила свое место как юридическая форма процедуры. Даже в 1645 году среди допросов, предусмотренных для посещений, все еще сохранялся вопрос о том, соблюдались ли формы Инструкций в каноническом порядке, хотя автор того же периода сообщает нам, что к ним не следует прибегать, потому что, если обвиняемый выдержит достаточные пытки, он должен быть освобожден. [317]

В Римской инквизиции мы находим, что наказание было назначено еще в 1590 году по делу священника из Пьяченцы, обвиняемого в определенных еретических высказываниях; обвинителями должны были быть пять священников с хорошей репутацией, знакомых с жизнью обвиняемого. Если очищение проходило успешно, ему объявлялась добрая репутация в том, что касается веры, и он должен был понести спасительную епитимию за неосторожность своих высказываний. [318] Однако к середине семнадцатого века, по словам Карены, Конгрегация практически не использовала его как наиболее опасный, ошибочный и неопределенный. [319]

Из этого краткого обзора различных характеристик приговора будет видно, что инквизиция имела под рукой формулы, адаптированные ко всем возможным требованиям при отправлении своей обширной и в высшей степени разнообразной юрисдикции. До усиления власти Верховного Суда над местными трибуналами использование этих формул зависело от темперамента отдельных инквизиторов, поскольку они были защищены от ответственности секретностью и фактическим подавлением права на апелляцию, за исключением тривиальных вопросов. Более того, следует иметь в виду, что, даже когда их приговоры могут показаться милосердными, за ними всегда стояло самое тяжкое причинение позора, которое затрагивало честь и судьбу целого рода.

ГЛАВА II.

НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ НАКАЗАНИЯ

В предыдущей главе была рассмотрена общая уголовная система инквизиции, но для ее надлежащего понимания требуется краткое изложение нескольких предусмотренных в ней наказаний. При этом нет необходимости говорить о конфискации и денежном взыскании, которые уже обсуждались как составляющие финансовую основу существования Священной канцелярии.

ВЫГОВОР.

Из мелких наказаний самым распространенным был выговор. Естественно, оно отсутствует в более суровых приговорах о примирении и смягчении наказания, но, за этими исключениями, вряд ли кто-либо из подсудимых избежал его, независимо от того, насколько необоснованным было обвинение и насколько очевидной была его невиновность. О свободе, с которой оно было применено, свидетельствует фраза, часто встречающаяся в отчетах трибунала Толедо— “поскольку преступление не было доказано, он получил выговор и предупреждение на будущее”. [320] Мы видели, что некоторые строгие конструкционисты считали, что выговор несовместим с отстранением от работы, но этот принцип повсеместно игнорировался. Тот же орган утверждает, что ни один выговор не мог быть вынесен без официального приговора, но

многочисленны случаи, в которых прямо зафиксировано, что сторона получила выговор без вынесения приговора, и иногда это было сделано специальным распоряжением Верховного суда. В 1641 году в трибунале Вальядолида было рассмотрено восемь таких дел. [321] Ругать подсудимого было одной из прерогатив инквизитора, от использования которой он редко воздерживался, особенно потому, что это давало возможность распространяться о великодушии, которое налагало наказания, столь несоизмеримые с преступлениями.

Тяжесть нанесенного ущерба варьировалась в зависимости от его темперамента и силы брани, но постоянная практика сделала его искусным в обнаружении чувствительных мест и нанесении удара плетью там, где это ощущалось наиболее остро. Среди жертв были те, кто считал это более суровым наказанием, чем денежная епитимья, и неудивительно, что иногда это вызывало протесты и возражения, которые быстро пресекались наложением штрафа в счет покрытия судебных расходов. [322] Не было зафиксировано никаких замечаний, кроме факта их произнесения, но есть одно, которое, скорее всего, сохранилось, поскольку оно, по-видимому, было тщательно проработано и оформлено в письменном виде. Оно было проведено лицензиатом Хуаном де Маньоской, который был президентом канцелярии Гранады, незадачливому джентльмену, привлеченному к ответственности за то, что он сказал, что вера в вопросах веры - это хорошее воспитание. Он усугубил дело, заявив в свою защиту, что не может представить себе слова, более подходящего к данному вопросу, чем *кортесиа*, и что долгое пребывание при дворе ознакомило его со всеми тонкостями кастильского языка. За это, как за предложение, дурно звучащее и отдающее ересью, Маньоска обрушился на него десятью мелко написанными страницами жестоких насмешек. “На андалузском тунцовом промысле, - сказал он, - можно увидеть бесконечное множество тунцов, самые маленькие из них размером с вас, и все же ни в одном из них не будет ни малейшей крупинки соли, хотя они жили среди соли”. Поэтому он продолжал, цитируя Священные Писания, классических поэтов и Платона, чтобы доказать, что несчастный преступник был невеждой, вплотную приблизившимся к еретику. Такое невежество было уподоблено бесплодным колосьям кукурузы, которые, согласно Христу, годятся только для того, чтобы их сорвали и сожгли, и обличительная речь завершалась многозначительным предупреждением о том, что именно инквизиция собрала такие никчемные запасы и передала их светским властям, чтобы они могли пройти через бранный путь к вечному огню. [323] Несомненно, преступник был дураком, но его безрассудство не заслуживало такого грозного предупреждения.

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ПРЕСТОЛА.

Подозрение в ереси, как мы видели, само по себе было преступлением, требующим наказания. В обвинениях в формальной ереси, которые не были доказаны, оставалось, как правило, по крайней мере подозрение, и, кроме того, существовал ряд преступлений, которые, хотя и не были сами по себе еретическими, были переданы под юрисдикцию инквизиции на основании более или менее вынужденного предположения— что они предполагают подозрение в ереси - что никто, кто правильно верил в таинства и пункты доктрины, не мог быть виновен в них. В Старой инквизиции это подозрение классифицировалось как легкое, неистовое или насильственное, и эти различия были сохранены в Новой. Жестокое подозрение, однако, может быть исключено из рассмотрения здесь, поскольку его было достаточно для осуждения, и на практике оно не допускало никаких опровержений или объяснений, поскольку, хотя теоретически его можно было бы опровергнуть, это была лишь слабая возможность. Как говорит

Пенья, это создало презумпцию законности, например, когда человек оставался в течение года под отлучением от церкви. [324]

Различие между легким и яростным подозрением было несколько расплывчатым. Как и все остальное в туманной области морали, это не поддавалось точному определению, и каждое дело должно было решаться по существу, в соответствии с характером судей. Попытка Альбергини проверить редкое или обычное совершение действий, наводящих на подозрения, на практике полностью проваливается и, более того, оставляет нерешенными более важные и распространенные дела, когда свидетельских показаний было недостаточно для вынесения обвинительного приговора и в то же время слишком веских для оправдательного. [325] Более того, подозрение может быть изменено внешними обстоятельствами, как, например, когда Мигель Кальво говорит нам, что в отношении Мориско, какими бы слабыми ни были подозрения, к ним следует относиться как к серьезным. [326] Очевидно, что было невозможно установить какое-либо абсолютное правило, и к чести инквизиции следует отметить, что она редко объявляла подозрение яростным, в то время как легкое подозрение встречается почти во всех приговорах, за исключением примирительных. Таким образом, в летописи Толедо с 1648 по 1794 год насчитывается триста четырнадцать отречений *де леви* и только пятьдесят одно *де вементи*, или в среднем одно раз в три года. [327]

Какое бы другое наказание ни грозило по подозрению, отречение от ереси в целом, и особенно от подозреваемого в ереси, было необходимо. Это могло быть сделано либо в зале для аудиенций, либо в общественном автосалоне, и это была впечатляющая церемония. Перед лицом креста и положив руку на Евангелие, преступник поклялся, что принял католическую веру, ненавидел и предавал анафеме все виды ереси, особенно ту, в которой его подозревали. Он поклялся себе всегда хранить веру Церкви и быть послушным папе и папским указам. Он заявил, что все, кто выступает против католической веры, достойны осуждения, пообещав никогда не присоединяться к ним, но преследовать их и донести на них прелатам и инквизиторам. Он поклялся терпеливо и смиренно принять все наложенные на него епитимьи и исполнить их изо всех сил. Если отречение было вызвано легким подозрением, он соглашался и желал, чтобы, если он не справился с какой-либо частью этого, его считали нераскаявшимся, и он подчинился исправлению и строгости канонов, чтобы предписанные в них наказания были применены к нему лично, и, наконец, он призвал нотариуса зафиксировать это и всех присутствующих выступить свидетелями. Если отречение было вызвано яростными подозрениями, он соглашался и желал, чтобы в случае невыполнения им своих обещаний он был задержан и считался рецидивистом и понес наказания, предусмотренные за рецидив. В этом заключалась разница между отречением *де леви* и отречением *от вементи*, на которое так часто ссылались выше, и оно имело немалое значение в соответствии с канонами. После первого повторное совершение преступления не влекло за собой особого наказания; на усмотрение суда оставалось лишь повторить предыдущий приговор или отягчить его, в зависимости от того, чего, по-видимому, заслуживало дело. Но после последнего повторное убийство стало рецидивом, за который каноны предписали безвозвратное сожжение, *ipso facto* и без суда. Чтобы произвести впечатление на кающегося, было составлено его отречение *от веры*, и его заставили подписать его. Затем, на следующий день после аутодафе, его привели в аудиенц-зал, ему зачитали текст и предупредили соблюдать его условия, поскольку, если он

снова впадет в какую-либо ересь, с ним будут обращаться как с рецидивистом без пощады, и то же самое будет, если он не исполнит наложенную епитимью. [328]

ОТРЕЧЕНИЕ

Несмотря на эти впечатляющие формальности, я думаю, что сомнительно, что после того, как прошел первый яростный натиск преследований, крайнее наказание в виде смягчения наказания за повторное отречение от престола после отречения *de vehementi*, было обычным. Как правило, в более поздние периоды инквизиторы скорее старались избегать расслабления, и, хотя они были черствыми, они не были склонны к излишней жестокости. Мне не доводилось встречаться с таким случаем, в то время как я нашел не один, в котором каноны не были соблюдены. Фактически, ученый писатель второй половины семнадцатого века подробно аргументирует, ссылаясь на многие авторитетные источники, чтобы показать, что повторное преступление после отречения от престола *de vehementi* не влечет за собой наказания в виде рецидива, несмотря на наказания, выраженные в формуле, и это, по-видимому, было молчаливо принято, поскольку возник обычай указывать в предложении, должно ли отречение повлечь за собой наказание. Так, в 1725 году в Куэнке от доктора Сапаты, обвиненного в иудаизме, потребовали отречения от *вементи* с обязательством послабления, в то время как в 1794 году в Толедо Дамасо Хосе Лопес де Крус за еретические утверждения был приговорен к аналогичному отречению без такой ответственности. [329] Существовало еще одно различие между двумя формами отречения от престола, поскольку те, кто отрекался от *своих убеждений*, подвергались позору появления в *auto de fe* и ношения *sanbenito de media aspa*— или с одной цветной полосой поперек, спереди и сзади. [330]

В Инstrukциях 1561 года говорится, что при наличии полудоказательств или таких признаков, что обвиняемый не может быть оправдан, есть три средства правовой защиты: принуждение, пытка или отречение от престола; но это вряд ли верно, поскольку те, кто преуспел в принуждении, всегда были, а те, кто преодолел пытки, как правило, должны были отречься. В Инstrukциях добавляется, что отречение от престола, будь то из-за легкого или сильного подозрения, является скорее мерой внушения страха за будущее, чем наказанием за прошлое, и поэтому оно обычно сопровождается денежным взысканием. [331] Фактически, только в незначительных случаях или при приостановлении полномочий отречение от престола не было связано с гораздо более суровыми наказаниями. Это было неизбежно при большом количестве преступлений, которые из-за сложной конструкции вызывали подозрение в ереси. В них, когда вина была доказана, он получал соответствующее наказание, возможно, бичевание или галеры, а отречение от престола было простой формальностью для удовлетворения искусственного приписывания еретической веры. В случаях подозрения в настоящей ереси отречение, будь то *де леви* или *де вементи*, было необходимым дополнением к наказанию. Так, в суде Толедо от 7 февраля 1694 года Луис де Варгас за “подозрения в иудаизме” был приговорен к отречению от *де леви*, выплате штрафа в двести дукатов и изгнанию на шесть лет из различных мест. Итак, в 1715 году в Толедо кармелит брат Франсиско Мартинес де Салазар “за преступления, которые яростно подозреваются в ереси”, появился в зале для аудиенций с *санбенито де медиа аспа* в присутствии двенадцати священников; он отрекся от *де вементи*, получил строгий выговор и угрозы и был приговорен к длинному списку наказаний, включая лишение должностных полномочий, затворничество на шесть лет в монастыре и строгое дисциплинарное взыскание в доме кармелитов Толедо. [332] В отношении этого сложного предложения консультативная комиссия, очевидно, исчерпала свою изобретательность, и

отречение было просто формальной необходимостью для оправдания остального. И все же, хотя само по себе отречение от престола вряд ли можно назвать наказанием, оно было, даже когда применялось только к *де леви*, наказанием немалой тяжести из-за позора, который оно повлекло за собой, как мы видели в деле Вильянуэвы, где жертва и его родственники столько лет боролись в Риме за его устранение.

ИЗГНАНИЕ.

ИЗГНАНИЕ

Приведенные выше частые упоминания ссылки в приговорах указывают на то, насколько обычным явлением это было в пенитенциарной системе инквизиции. Само по себе или в сочетании с другими видами наказания оно является неизменным средством при совершении преступлений, которые не влекут за собой более сурового наказания в виде тюремного заключения. Она могла варьироваться неограниченно долго, в соответствии с особенностями каждого дела, и трибуналы пользовались самой широкой свободой действий при ее применении. В своей обычной форме он обозначал определенные места и фиксированное количество лье вокруг них, входить в которые кающемуся было запрещено. Список запрещенных населенных пунктов, как правило, включал Мадрид, или, скорее, королевские резиденции, резиденцию трибунала, жилище преступника, если оно не входило в другие, и любые другие города, иногда насчитывающие четыре или пять, где он был известен в своей преступной карьере. Хотя это было удобным средством для трибунала, это было несколько иррациональное наказание, о суровости которого трудно было догадаться, поскольку, хотя оно могло быть не более чем неудобством для одного правонарушителя, это могло быть разрушение карьеры для торговца, зарекомендовавшего себя в бизнесе, или для профессионала с гарантированной *клиентурой*. Соображения такого рода, однако, редко оказывали влияние на суды, и в толедских записях 1575-1610 годов мы находим ссылку, включенную в сто шестьдесят семь приговоров.

Продолжительность ссылки всегда оговаривалась и варьировалась от нескольких месяцев до пожизненного заключения, но обычно это был срок в несколько лет. Иногда оно делилось на две части: первая *точная* или абсолютная, вторая *добровольная* или зависящая от воли трибунала — очевидно, в качестве стимула к внесению поправок. Вариант этого имеет место в случае с Диего де Торо, приговоренным за двоеженство в Толедо в 1652 году к четырем годам абсолютного изгнания и еще четырем годам, которые он должен был отбыть всякий раз, когда трибунал сочтет нужным это приказать, таким образом удерживая его над собой на неопределенный срок. [333]

Инквизиция нечасто пользовалась правом изгнания из Испании, но она без колебаний принимала на себя такие полномочия, когда считала нужным, и обратной стороной этому был случайный запрет покидать Испанию, пример которого приведен выше (стр. 102). Другой формой, в которой проявлялась широкая свобода действий трибуналов, был запрет кающемуся приближаться к морскому побережью на определенное расстояние. Это не было редкостью в приговорах Мориско, чьи отношения с Берберией всегда вызывали опасения, но непонятно, почему трибунал Вальядолида в 1659 году, приговаривая Диего де ла Пенья за еврейские наклонности, должен был включить запрет приближаться ближе чем на восемь лиг к любому морскому порту без специальной лицензии. [334]

Опять же, иногда мы находим кающегося грешника сосланным в какое-то определенное место на несколько лет, и это часто сочетается с условиями содержания его под наблюдением. Так, трибунал Вальядолида в 1659 году приговорил Исабель Рубиа и Марию Мартин за колдовство к проживанию в течение четырех лет в указанном месте, где было официальное лицо, к которому они должны были являться ежемесячно и которое отчитывалось бы об их исправлении. [335] Иногда это была форма замены тюремного заключения, как в случае с Исабель Нуньес, приговоренной в Куэнке к тюремному заключению, и Санбенито, которая была заменена на четырехлетнюю ссылку в Сан-Клементе. 24 декабря 1657 года она предъявила нотариальное свидетельство о своем пребывании там и умоляла, чтобы, поскольку ей было 74 года, и она была очень бедна и несчастна, ее освободили в честь рождения принца (Фелипе-Проспера) или, по крайней мере, сменили место жительства на Алькалу, Гвадалахару или Пастрану, где были бы люди, которые помогли бы ей. Это жалкое ходатайство было просто одобрено для приобщения к материалам дела, что указывает на то, что в нем было отказано. [336] Более строгим примером этого, который показывает, что на усмотрение инквизиции не было наложено никаких ограничений, было пожизненное изгнание на Филиппины в 1802 году двух женщин, причастных к самозванству Изабель Марии Херрайз, известной как Беата из Куэнки. [337] И наоборот, кающемуся может быть запрещено покидать определенное место, как, например, в 1599 году Родриго Рамиресу, мориско из Йепеса, было запрещено в течение трех лет покидать Йепес без лицензии. [338]

Поскольку обычная форма ссылки легко нарушалась, приговор, как мы видели выше, часто сопровождался угрозой ужесточения наказания за неисполнение. В Толедо обычно это удвоение первоначального срока, но часто оно было более суровым, поскольку в 1604 году в Валенсии к приговору Бартоломе Поски добавилось сто ударов плетью, а в 1607 году Франсиско Синеру, приговоренному к пяти годам ссылки, грозило три года галер. [339] Вероятно, именно для того, чтобы в какой-то степени проверить легкость уклонения, Верховный суд в 1665 году потребовал от трибуналов предоставлять ему описание преступника всякий раз, когда они выносили приговор о ссылке. Поскольку это всегда касалось Мадрида и поскольку столица, вероятно, привлекала бездомных, были полезны детали, которые могли помочь в их идентификации. [340]

РАЗРУШЕНИЕ ДОМОВ.

РАЗРУШАЮЩИЕ ДОМА

В имперской юриспруденции дома, в которых еретики проводили свои собрания, были переданы Церкви, и это положение было принято в законодательстве Альфонсо X. [341] Когда судебное преследование было систематизировано в тринадцатом веке, оно было изменено на снос всех домов, в которых были обнаружены еретики, место навсегда осталось проклятым и непригодным для проживания людей. Это было принято Церковью и нашло свое применение во всех землях, признавших инквизицию. [342] Арагон принял его, и когда около 1340 года Духовный францисканец Фрай Бонанато был сожжен, а его ученики рассеяны, здание, которое они занимали в Виллафранка-дель-Панадес, недалеко от Барселоны, было сровнено с землей. [343]

В первые дни испанской инквизиции строгое соблюдение этого правила привело бы к большим разрушениям и серьезному снижению стоимости конфискаций. Таким образом, по-видимому, он был зарезервирован для зданий, в которых привыкли собираться еретики или отступники, а

затем король, как получатель конфискации, решил этот вопрос. В письме Фердинанда от 23 мая 1501 года Алиаге, его приемнику в Валенсии, говорится, что инквизиторы попросили его издать указ о разрушении дома, в котором была обнаружена синагога, на что он соглашается с наводящим на размышления дополнением, что гражданским властям должно быть приказано не оказывать сопротивления. Оказалось, что Фердинанд уже передал дом Хуану Пересу, распорядителю секвестра, после чего приказал Алиаге произвести оценку и выплатить стоимость Пересу. [344] Он, похоже, не возражал против действий Лусеро в Кордове, где было снесено несколько домов, служивших синагогами, и приказал их перестроить, когда Католическая конгрегация, собравшаяся в Вальядолиде в 1509 году, объявила судебные преследования фиктивными. [345]

Когда конфискации перешли к инквизиции, финансовые соображения, очевидно, взяли верх над рвением, поскольку, когда в 1539 году в Валенсии судебные процессы над рядом иудействующих показали, что с распятием жестоко обращались в доме, используемом для их собраний, и трибунал потребовал разрешения на его уничтожение и возведение мемориальной часовни, Верховный суд осторожно ответил на ряд вопросов относительно стоимости, местоположения и расходов, поскольку на эти цели не было средств, и он приказал провести аутодафе, оставив решение относительно дома за собой. [346] Последующие судебные разбирательства против осужденных, которые отказались от своих признаний, показывают, что дом все еще стоял четыре или пять лет спустя.

В вызванном волнении, последовавшем за открытием протестантизма в высших эшелонах власти в 1559 году, не было никаких колебаний. Когда во время авто де фе в Вальядолиде 21 мая семья Касалья была почти истреблена, дом матери, Леонор де Вибера, где обычно собиралась небольшая группа, был снесен, и на этом месте был установлен столб с надписью, которую до сих пор можно прочесть: "Во время понтификата Павла IV и правления Филиппа II Святая канцелярия инквизиции приговорила это здание Педро де Касальи и Леонор де Вибера, его жены, к сносу и сровнению с землей, поскольку здесь были разрушены дома". Лютеране собрались, чтобы провести митинги против нашей святой католической веры и Римской церкви, 21 мая 1559 года". Точно так же во время великого восстания в Севилье 24 сентября 1559 года были разрушены дома Луиса де Алерега и Изабель де Баэна, которые служили протестантскими церквями. [347]

ДУХОВНЫЕ ПОКАЯНИЯ

Бережливое отношение к сдерживанию необдуманного рвения к уничтожению вместилищ ереси было проявлено Верховной Властью в 1565 году, когда она запретила сносить дома, если только они не принадлежали преступникам и, следовательно, за них не нужно было платить. [348] Однако это ограничение не было соблюдено в случае, который, возможно, был последним, а также наиболее заметным примером подобной практики. Во время великой мадридской автокатастрофы 4 июля 1632 года, которая была отмечена присутствием Филиппа IV, среди сожженных были Мигель Родригес и его жена Изабель Нуньес Альварес, в доме которых не только проводились еврейские собрания, но и было бичевано изображение Христа, и когда оно пролило кровь и трижды заговорило с ними, они сожгли его огнем. Конечно, он был обречен, и на следующий день после казни инквизиция приказала провести оценку, чтобы владелец мог получить компенсацию. Это был лицензиат Баркерио, очень уважаемый юрист, который протестовал против его уничтожения, пока не получил хорошее обеспечение за его

стоимость. Время не было потеряно. 6-го числа инквизитор Крестоваль де Ибарра в сопровождении адмирала Кастилии, герцога Медина де ла Торреса и других джентльменов, многих приближенных и толпы рабочих, а также в сопровождении охраны из алебардщиков со знаменем и барабанами, прошествовал к месту, где секретарь зачитал прокламацию трибунала Толедо о том, что он приказал снести дом, где святой Христос подвергся бичеванию и жестокому обращению. Затем забили барабаны, и рабочие атаковали строение с таким рвением, что к девяти часам вечера от него не осталось и следа, а население охотно помогало им вынимать камни из стен и уносить бревна. Это место не было оставлено, как предписывают каноны, для того, чтобы стать вместилищем нечистот. Были собраны деньги, и был возведен монастырь капуцинок, известный как La Piedad, в память о терпении, с которым Христос переносил обрушившиеся на него унижения. [349]

ДУХОВНЫЕ ПОКАЯНИЯ.

Можно предположить, что, имея дело с духовными преступлениями и заявляя, что ее главной целью является спасение душ, инквизиция будет склоняться скорее к духовным упражнениям, чем к денежным и телесным наказаниям, что она будет стремиться наставлять и возвышать дух, а не причинять страдания телу. Религиозные преследования, однако, всегда предпочитали суровость принуждения и считали, что самый верный способ убедить душу - это мучить плоть. Поэтому нам не нужно удивляться, видя, какое незначительное место духовные епитимьи занимали в приговорах Святой Канцелярии, и вряд ли стоило бы их рассматривать, разве что отметить, насколько незначительное значение придавалось им трибуналами.

За исключением пустячных случаев, которые не заслуживали реального наказания, такие духовные покаяния, с которыми мы иногда встречаемся, сочетаются с материальными наказаниями. Возможно, от человека, приговоренного к тюремному заключению, может потребоваться поститься по пятницам в течение шести месяцев или года и читать в эти дни предписанное количество молитв "Аве Мария" и "Отче наш" или других молитв. Паломничества к таким отдаленным святыням, как святой Фома Кентерберийский или святой Иаков Компостельский, столь часто предписываемые средневековой инквизицией, были неизвестны. Верно, что формула приговора примиренным, приговаривающая их к тюремному заключению, требует, чтобы они по субботам совершали паломничество к какому-нибудь определенному святилищу поблизости, где на коленях они должны с благоговением повторять "Пять отцов", "Аве Мария", "Кредо" и "Салве Регинас", но это не часто использовалось на практике. [350] Духовные преступники, приговоренные к затворничеству в монастырях, часто включали духовные упражнения среди множества других наказаний. Хотя такая умеренность была правилом, иногда, конечно, по неограниченному усмотрению судов делались исключения, как в случае с необдуманной епитимьей, наложенной в Толедо в 1653 году на Херониму Мендес, десятилетнего ребенка, осужденного за иудаизм, который был приговорен к месячному наставлению в вере и ежедневному чтению розария в течение года. Видя, что розарий состоит из семнадцати "Отче наш", шестнадцати "Глория Отечества", ста пятидесяти трех "Аве Мария" и Символа веры апостолов, можно оценить, какое бремя ложится на ребенка такого нежного возраста и как мало это поможет воспитанию любви к вере у юного кающегося грешника. [351] Однако такое применение наказания было исключительным, и часто в отчетах трибуналов после подробного описания существенных частей приговора встречается лишь общий намек на "некоторые духовные наказания", что свидетельствует о том, насколько незначительным было оказанное им внимание. Есть один вид лучших обещаний, нередкий в более поздний период,

такой как приговор, вынесенный в Толедо в 1777 году Антонио Рубио и Диего Гонсалесу, осужденным за еретические действия и богохульство: первый к пяти годам исправительных работ в арсенале Картахены, а второй к трем годам заключения в пресидио Сеуты, оба из которых должны были, прежде чем выйти из тюрьмы, выполнять пятнадцатидневные духовные упражнения под руководством директора, который бы их инструктировал. [352]

Прослушивание мессы кающимся грешником, которое было очень частым наказанием, не может быть классифицировано как духовное покаяние — это было простое унижение, и так и было задумано, особенно когда совершалось публично в церкви.

НЕОБЫЧНЫЕ ШТРАФЫ.

НЕОБЫЧНЫЕ ШТРАФЫ

Несколько примеров покажут, как трибуналы иногда использовали свою широкую свободу действий при адаптации к тому или иному конкретному делу того, что считалось подходящим наказанием. Это правда, что когда Валенсия в 1539 году заставила священника Фрая Торреса появиться в общественном автосалоне с уздечкой во рту и охапкой соломы за спиной, Верховный суд осудил это и запретил подобные эксцентрики на будущее. [353] Итак, когда в 1568 году инквизитор Моралес сообщил, что во время своего визита в Сан-Себастьян он приговорил некоторых преступников к произнесению проповедей за их счет, Верховный судья мягко заметил, что это новинка. [354] На автосалоне в Льерене в 1579 году жила негритянка по имени Каталина, рабыня человека из Зафры. Несомненно, благодаря учету его интересов она была избавлена от телесного наказания, которому подвергались ее сообщники, но имело место явное нарушение его прав в виде запрета продавать ее без разрешения инквизиторов. [355] В 1607 году в Валенсии единственный свидетель обвинил Марию Тубарри, акушерку из племени морисков, в использовании мавританских церемоний при крещении младенцев и обрезании мужчин; доказательства против ее отрицания были сочтены недостаточными для оправдания пыток, и от нее требовалось только отречься от *де леви*, но она была пожизненно лишена права практиковать ее профессия. [356] В приговоре, вынесенном в Толедо в 1685 году Лукасу Моралесу за богохульство, была мудрость, хотя и несколько произвольная, поскольку он включал, среди прочих наказаний, запрет на азартные игры — разумное положение против рецидива, поскольку азартные игры были признаны самым распространенным источником богохульства. [357]

В мстительных наказаниях была такая же широта, как и в устрашающих. В Вальядолиде с 1635 по 1637 год было несколько иудействующих, осужденных за жестокое обращение с изображением Христа. Советники проголосовали за смягчение наказания, но Верховный суд одобрил решение инквизиторов о том, что их правая рука должна быть прибита гвоздями к столбу в форме креста, пока их приговоры будут зачитываться автоматически. [358] Менее символичным, но все же более оригинальным было зрелище, придуманное для мексиканского аутодафе 7 декабря 1664 года, когда одного из кающихся раздели по пояс, в то время как два индейца намазали его медом и покрыли перьями, в таком виде его заставили стоять на солнце в течение четырех часов на сцене. [359] Даже набор в армию не был ниже достоинства трибунала, как тогда, когда в 1650 году Толедо приговорил Андреса де Эрреру Кальдерона за богохульство к четырехлетнему участию в кампаниях против Португалии и Каталонии, где, несомненно, он обогатил свой словарный запас ругательствами. [360]

Очевидно, что не существовало определенного предела для возможности применения наказания в соответствии с инквизиционной концепцией преступления, и трибуналы широко использовали свои прерогативы.

ГЛАВА III.

БОЛЕЕ СУРОВЫЕ НАКАЗАНИЯ.

БИЧ.

ХОТЯ на первый взгляд использование плети в качестве средства убеждения для исправления религиозных убеждений может показаться несколько неуместным, следует иметь в виду, что под эвфемизмом дисциплины она всегда была заметной чертой епитимьи, особенно среди монашеских орденов, где в ежедневных или еженедельных главах она щедро применялась за все нарушения Правил или другие грехи в качестве предварительного условия для отпущения грехов. На самом деле, прикосновение священника жезлом к плечу кающегося при освобождении от отлучения является символом дисциплины, которая была необходима в древности. В Старой инквизиции это слово часто использовалось, хотя там оно использовалось в назидание священниками во время богослужения или религиозных процессий. Поэтому то, что она стала частью пенитенциарных ресурсов Святой канцелярии Испании, было естественным, хотя она утратила свой покаянный аспект и стала чисто карательной и мстительной.

Священник больше не применял эту дисциплину с помощью неопределенного количества ударов в течение неопределенной серии праздничных дней. Трибунал установил количество ударов плетью, и они были нанесены энергичной рукой общественного палача. Кающиеся, которым предстояло пострадать, появлялись на аутодафе с поводьями на шее; если на поводье был один узел, это означало сто ударов плетью, если два, то двести и так далее, причем сотня была единицей измерения и минимальным количеством. На следующий день народ был приглашен на это зрелище. Оседланных верхом на ослах, обнаженных по пояс, в недоуздках и митрах с надписью об их преступлениях и *самиго*, удерживающим голову прямо, их проводжали по знакомым улицам в сопровождении охраны из конных приближенных и нотариуса или секретаря для составления протокола, в то время как палач проводил *пенкой*, или кожаным ремнем, по обнаженному телу, пока рассказ не был завершен, и городской глашатай не провозгласил, что это сделано по приказу инквизиции за указанные преступления. Пункт в прокламации после великого Мадридского восстания 1680 года, запрещающий под страхом отлучения от церкви бросать камни в кающихся, указывает на то, что у населения была игривая привычка таким образом демонстрировать свое отвращение к ереси. [361]

В 1568 году Верховный суд Барселоны упрекнул его в том, что он приговорил к публичному бичеванию кающихся, примирившихся с ересью. Это, говорилось в нем, противоречило *уставу* инквизиции, и в будущем кнут не должен был применяться, если не было совершено какого-либо другого преступления, кроме ереси. [362] Это указывает на то, насколько полно бич стал карательным и насколько он был отделен от древней дисциплины, но если такое регулирование и существовало, оно получило скудное признание. Все преступления, которым подвергалась инквизиция, были конструктивно еретическими, и, по-видимому, между ними никогда не проводилось никакой дискриминации. Действительно, мы видели, что плеть была особенно

назначена еретикам, которые запаздывали или колебались в своих признаниях, и видно, что иудействующие постоянно подвергаются ей.

БИЧЕВАНИЕ

Бичевание было излюбленным наказанием, которое применялось щедро и часто безжалостно. В Сарагосском авто от 6 июня 1585 года из семидесяти девяти кающихся двадцать два были подвергнуты бичеванию; в 1607 году в Валенсии из сорока семи кающихся двадцать четыре получили плеть. [363] Это, однако, превышает среднее значение. Отчеты Толедо за период с 1575 по 1610 год сообщают о ста тридцати трех случаях бичевания, что с учетом перерыва в летописи дает около четырех случаев в год. [364] С другой стороны, собрание аутодафе, отмеченных между 1721 и 1727 годами, охватывающее всего девятьсот шестьдесят два случая, содержит двести девяносто семь наказаний бичеванием, или около тридцати процентов. [365] Когда мы вспоминаем, что в списке должностных лиц, опубликованном Мурсией в 1746 году, Джозеф Гарсия Бентура фигурирует как *notario de acotaciones*— нотариус бичеваний, ведущий учет нашивок, с зарплатой около 2500 реалов, мы понимаем, насколько заметной чертой это было в инквизиционной пенологии. [366] Можно легко оценить жестокое воздействие на население этих массовых выставок порки, особенно женщин.

Обычно назначалось двести ударов плетью, хотя в некоторых случаях хватало и ста. Из двухсот девяноста семи, о которых только что говорилось, двести девяносто были из двухсот ударов плетью и только семь из ста. Редко бывало, чтобы число жертв превышало двести, хотя иногда оно безжалостно дублировалось, как в севильском авто от 24 сентября 1559 года: Мартин Фернандо Салдриан, пастух, за богохульство подвергся бичеванию в Севилье и снова в своем родном городе; Алонсо Мартин из Кармоны за лютеранство был бичеван и в Севилье, и в Кармоне, а Хуан де Арагон из Малаги, который притворялся фамильяром, был бичеван в Малаге и снова на месте своего преступления. [367]

Вероятно, двести ударов плетью были пределом безопасности, особенно для тех, кто ослабел в результате длительного заключения, поскольку нанесение им было чрезмерно жестоким. Мы слышим о Маргарите Альтамира, доведенной до такой крайности после бичевания, что ей был введен виатикум. [368] Ни возрасту, ни полу пощады не было. В авто Валенсии 7 января 1607 года Изабель Мадалина Контери, 13-летняя девочка из племени морисков, выдержав пытки, получила сотню ударов плетью, Джейм Чулайла, 76-летняя мориска, подвергшаяся пыткам, получила сотню, и столько же было нанесено 86-летнему Франсиско Маркино за колдовство в поисках сокровищ, в то время как 60-летняя Магдалена Кахет, избежавшая пыток из-за болезни сердца, не избежала и сотни. [369]

По мере развития XVIII века, по-видимому, растет готовность отменить приведение в исполнение приговоров о бичевании по причине возраста, немощей и “несчастных случаев”, что, вероятно, означает нанесение увечий с помощью пыток. Затем развивается тенденция щадить женщин и, наконец, мужчин; приговоры продолжают выноситься, но они отменяются генеральным инквизитором. В 1769 году в Толедо Джеронимо Кло за двоеженство был помилован и получил двести ударов плетью, что не могло быть связано с немощью, поскольку он не был освобожден от каторжных работ в течение пяти лет на королевских заводах в Картахене. [370] С этого времени бичевание может рассматриваться как устаревшее и вскоре

выйдет из употребления. При Реставрации, с 1814 по 1820 год, в деле о тайных голосованиях не было ни одного случая, когда применялась плеть, поскольку, когда она включалась в приговоры, она всегда отменялась Верховным судом. [371]

Духовенство, конечно, не подвергалось позору публичного бичевания. В их случаях это принимало форму, известную как круговая дисциплина, применяемая в монастыре всеми заключенными по очереди.

VERGÜENZA.

Вергуэнца, или позор, был таким же, как бичевание, с опущенными плетями. Преступника, раздетого до пояса и с изображением амиго, провели по улицам со знаками отличия за совершенное им преступление, в то время как городской глашатай объявлял его приговор. Естественно, это считалось менее суровым наказанием, чем бичевание, и иногда заменялось последним, когда кающийся был слишком стар или слаб, чтобы выдержать порку. Для белдамов и хулиганов, которые часто становились его подданными, это могло не внушать особого страха, но люди чувствительной натуры испытывали к нему большой страх. Инквизиторы мало учитывали это, когда имели дело с иудействующими и морисками, у которых было острое чувство личного достоинства, и Педраза сообщает нам, что те, кто подвергался этому, считали смерть милосердием, предпочитая умереть, чем влачить бесчестную жизнь. [372] Для молодых женщин разоблачение было особенно унижительным, но в целом его можно считать более гуманным, чем позорный столб наших предков, поскольку кающиеся не подвергались обстрелам жестокого населения.

Вергуэнца была сравнительно редким наказанием. В отчетах Толедо за 1575-1610 годы это встречается всего в двадцати шести предложениях, что можно сравнить со ста тридцатью тремя бичеваниями, а в отчетах того же трибунала за период с 1648 по 1794 год на девяносто два бичевания приходится всего десять вергуэн. В очень серьезной серии автомобилей fe между 1721 и 1727 годами это соотношение составляет тринадцать к двумстам девяностосеми.

КЛЯП—ГАЛЕРЫ

MORDAZA.

The Мордаза или кляп, как мы видели, рассматривался как значительно увеличивающий тяжесть причинения вреда, частью которого он являлся. Иногда его использовали при бичевании и вергуэнце, когда так называемый кающийся был закоренелым богохульником или, вероятно, каким-то образом создавал скандал. Он также использовался в аутодафе против упорствующих и нераскаявшихся еретиков, о которых опасались, что по пути на костер они могут произвести впечатление на тех, кто не тверд в вере. [373] Его использовали нечасто, хотя из-за страха, навеянного протестантизмом, в 1559 году на большом автосалоне в Севилье 24 сентября двенадцать жертв носили мордасу. В мадридском автопробеге 1680 года также было двенадцать человек с кляпами во рту, но эти цифры были исключительными. [374]

НА ГАЛЕРЫ.

Порабощение на галерах, работа за веслом, казалось бы, еще более неуместно, чем бичевание в качестве епитимьи за духовные проступки. Это было испанское изобретение, неизвестное древней инквизиции, и зародилось оно в бережливом уме Фердинанда. Вскоре мы увидим,

насколько обеспокоены были монарх и Святая Канцелярия проблемой содержания осужденных к каноническому наказанию в виде вечного заключения, и Фердинанд, чьи сицилийские владения нуждались в мощном военно-морском флоте, подумал о целесообразности использования своих трудоспособных заключенных для укомплектования своих галер - галера, приводимая в движение веслами, пока еще является эквивалентом современного боевого корабля. Служба на галерах была признана настолько суровой, что старые фуэрос Арагона запрещали ее под страхом суровых наказаний, за исключением случаев добровольного согласия отдельных лиц, и только после ограничения древних привилегий в кортах Таразона в 1592 году судьям было разрешено использовать ее в качестве наказания для грабителей. [375] В Кастилии королевская седула от 14 ноября 1502 года, смягчающая смертный приговор преступникам в светских судах и предписывающая отправлять их на галеры. [376] Вероятно, примерно в это время Фердинанд обратился к инквизиции, которая не была связана никакими законами, за помощью в переполненных тюрьмах и на галерах с недостаточным количеством людей. Даже черствая мораль того времени, похоже, была шокирована этим, и, как обычно, на это беззаконие была запрошена санкция Святого Престола. Это, конечно, было удовлетворено, и Александр VI в кратком обращении к инквизиторам 26 мая 1503 года процитировал, что Фердинанд и Изабелла сообщили ему, что приговоренные к вечному заключению впали в ересь; что не хватает тюрем, в которых они могли бы содержаться, не развращая других, и что увеличение числа тюрем приведет к распространению ереси; что их полномочия заменять тюремное заключение другим вечным наказанием были поставлены под сомнение, и что они попросили его предоставить средство правовой защиты. Поскольку главной заботой инквизиторов должно было быть предотвращение рецидива, он поэтому уполномочил их заменить бессрочную тюрьму для кающихся другими наказаниями — высылкой в колонии или заключением на королевские галеры, где в бессрочном заключении они могли отбывать принудительную службу, или любым другим бессрчным наказанием, в зависимости от их качества и проступков. [377]

НА ГАЛЕРЫ

Не может быть никаких сомнений в том, что этим воспользовались в полной мере, что облегчило содержание тюрем и облегчило завоевание Неаполя. Нам довелось услышать о переводе в Барселоне 24 января 1505 года девятнадцати заключенных из тюрьмы инквизиции на галеры Рамона де Кардоны, что мы вполне можем принять за пример того, что происходило повсюду пешком. [378] Фактически, стремление трибуналов освободить от своих заключенных, по-видимому, привело к отправке на галеры тех, кто во всех отношениях непригоден к службе, поскольку в 1506 году Супрема был вынужден объявить, что мужчины старше 60 лет, священнослужители и женщины освобождаются от наказания на галерах. [379] Даже сам Фердинанд к концу своей карьеры, похоже, уклонился от ответственности за открытое санкционирование расширения этого бессердечного бизнеса, поскольку, когда в 1513 году инквизитор Сицилии попросил разрешения отправить на галеры тех, кто приговорен к вечному заключению, Фердинанд отменил решение за ним; строительство тюрем будет стоить большие деньги, сказал он, но галеры могут удерживать людей от признания в своей ереси; поэтому инквизитор должен обдумать этот вопрос и поступить так, как он сочтет лучшим. [380] К какому выводу пришли, неизвестно, но мы можем обоснованно предположить, что трибунал Палермо не тратил впустую свои средства на строительство тюрем.

Колебания Фердинанда, по-видимому, разделял Карл V, поскольку в 1527 году Верховный суд распорядился, чтобы кающихся не отправляли на галеры, а налагали другие епитимьи. [381] Мотив этого гуманного положения, однако, недолго выдерживал более насущные экономические соображения. В 1529 году Родриго Портуондо, генерал-капитан галер, был проинструктирован, что никто, посланный к ним инквизицией, не должен занимать никаких должностей или управлять, или отвечать за рационы, показывая, что запрет был отменен. [382] По—видимому, превосходный интеллект кающихся сделал их более полезными в качестве младших офицеров и бухгалтеров, чем в качестве рабов на веслах, но это облегчение их страданий не удовлетворяло духу преследования, и, вероятно, чтобы предотвратить это, формулировкой приговора была служба на веслах без оплаты - если, конечно, кающийся не был благородной крови, и в этом случае его можно было отправить отбывать наказание. как джентльмен или как солдат. [383]

Мы уже видели, какую выгоду извлекла инквизиция из власти, которую она взяла на себя для освобождения от этого отвратительного рабства, и случай 1558 года показывает, как она защищалась от любого вторжения в свои прерогативы. Филипп II заинтересовался делом Андреса де Фриаса, приговоренного к галерам, и попросил освободить его от оставшегося срока. На это Супрема возразил, сказав, что заявление Фриаса не соответствует действительности, поскольку в Риме он предательски зарезал прокурора инквизиции доктора Пуэнте после того, как пообедал с ним и пообещал поужинать вместе; более того, семнадцать месяцев, которые, по его утверждению, он отсидел не в качестве галерного раба, как того требует его приговор. Тем не менее, если бы он явился с повинной и выразил раскаяние, у короля могла бы появиться возможность проявить к нему милосердие, но в противном случае это сильно подорвало бы авторитет инквизиции. [384]

Филипп не склонен был заступаться за тех, кого отправляли на его галеры, поскольку галерные рабы по-прежнему пользовались большим спросом. В 1567 году венецианский посланник Антонио Тьеполо объясняет слабость испанского военно-морского флота тем фактом, что его галеры были укомплектованы рабами и *форсажами*, которых было недостаточно, чтобы удерживать много галер в море. По его словам, было бы невозможно укомплектовать их свободными людьми, как в Венеции, поскольку никто не стал бы служить добровольно, поскольку жестокое обращение с экипажами печально известно и они умирают из-за отсутствия предметов первой необходимости. [385] Это правда, что существовал любопытный источник снабжения, помимо обычных преступников и еретиков, поскольку прелаты религиозных орденов привыкли приговаривать своих грешных братьев к каторге из тех же экономических побуждений, которые двигали Фердинандом, — чтобы сэкономить на содержании их в тюрьме. [386] Тем не менее, потребности армاد были неотложными; Филипп обратился за помощью к инквизиции, и в 1567 году Верховный суд издал два указа, призванных помочь укомплектовать королевские галеры. В одном из них говорилось, что приговоры должны быть вынесены не менее чем на три-четыре года, поскольку в противном случае кающиеся обходятся королю дороже, чем услуги, которые он от них получает, и это было приведено в исполнение королевской седулой 1584 года. [387] Другое предложение — предложение, эквивалентное приказу, — что приговоры к галерам могут быть заменены приговорами к тюрьме и санбенито. Практический вывод, сделанный из этого, сформулирован автором того периода, который говорит, что, если обвиняемый признается, но не удовлетворяет показаниям, его следует подвергнуть пыткам, а если он все еще не удовлетворяет показаниям, его обычно отправляют на галеры, но это должно длиться не менее трех лет. [388] Чтобы в полной мере

оценить это зверство, необходимо иметь в виду, что пытка могла применяться только в сомнительных случаях, когда доказательства были неполноценными, так что, помимо пыток, жертву отправляли на галеры по подозрению в ереси.

ГАЛЕРЫ

Даже это не удовлетворило королевскую требовательность, и был предпринят еще один непростительный шаг. Мы видели, что запоздалые и несовершенно признания карались бичеванием, а иногда и галерами, в то время как *buen confitente*, которые признавались быстро и свободно, соблазнялись обещаниями особого внимания и милосердия. Тем не менее, в 1573 году Верховный суд издал *carta acordada*, предписывающую отправлять Конверсос, даже когда *буэн конфитентес*, на галеры, и это было повторено в 1591 году с судебными предписаниями по его исполнению. [389] Название религии не часто подвергалось более жестокой проституции, чем в этих положениях, и об их успехе можно судить по докладу инквизиторов Сарагосы Филиппу об аутодафе, отпразднованном 6 июня 1585 года, в котором они обращают его особое внимание на их усердие в предоставлении ему двадцати девяти галерных рабов на шесть лет, помимо трех, оставшихся от предыдущего аутодафе — и это в Арагоне, который запретил службу на галерах в качестве наказания за самые отвратительные преступления. [390]

Капитаны галер, естественно, не были пунктуальны в увольнении людей по истечении срока их полномочий, что приводило к постоянным трениям. Обычно приговаривали к тюремному заключению или ссылке, первые три или более лет из которых следовало провести в тюрьме, и это было указано в свидетельствах, выдаваемых кающимся. Трибуналы продолжали следить за ними и требовали их возвращения для отбытия оставшейся части наказания, но это было нелегкой задачей. Проявленная бдительность проиллюстрирована королевским указом, адресованным капитану галеры, приказывающим ему освободить двух человек, срок полномочий которых истек, и предупреждающим его, что в будущем все такие лица должны быть возвращены трибуналу, который их приговорил. [391] За этим в 1568 году последовали общие инструкции дону Джону Австрийскому как главнокомандующему морским флотом и всем капитанам галер, в которых излагались жалобы сицилийского трибунала на то, что его заявления кающихся не были выполнены, и приказывалось восстановить их в трибуналах, не дожидаясь требований. [392] Это оказалось безрезультатным, и в 1575 году мы находим, что трибуналу Барселоны было поручено привлечь к ответственности капитанов, препятствующих освобождению тех, кто отбыл инквизиционные наказания. [393] Проблема была многолетней, и в 1645 году у нас появилась формула требования о возвращении указанной партии под страхом отлучения от церкви и штрафа в пятьсот дукатов, и трибуналу порта, где стоят галеры, было предложено проследить за ее исполнением. Важное примечание, однако, добавляет, что это недостаточно вежливо по отношению к таким великим людям, как генералы галер, и что лучше попросить суд порта обеспечить освобождение путем дружеских переговоров. [394]

Нередки были случаи, когда люди, совершенно непригодные к лишениям и жестокому обращению галерных рабов, были обречены на эту тяжелую службу, и, без сомнения, многие вследствие этого погибли. Тем не менее, исключения на этом основании допускались неохотно, если мы можем судить по выговору, вынесенному в 1665 году Верховной властью трибуналу Барселоны по делу, в котором об этом просили; мнения врача и хирурга было недостаточно; необходимо было вызвать других специалистов и провести обследование состояния кающегося, когда, если окажется, что он непригоден к службе, приговор может быть заменен на

восемь лет ссылки, как предлагалось. [395] Ярким проявлением гуманитарного развития восемнадцатого века является то, что даже во время жестоких преследований первой четверти его, в 1721 году было приказано, чтобы перед вынесением приговора к каторге преступник был осмотрен врачом и хирургом, и, если проявится недееспособная слабость, при голосовании консультативного совета было указано, что вследствие этого приговор был заменен на недопустимое тюремное заключение. [396] Последующие судебные разбирательства показывают, что это принесло свои плоды в виде различных замен, хотя альтернатива в виде неотвратимого тюремного заключения не соблюдалась, и иногда заменялись менее суровыми наказаниями. [397]

ГАЛЕРЫ

В ходе шестидесяти четырех судебных разбирательств между 1721 и 1727 годами, подробностями которых мы располагаем, девяносто два приговоренных были приговорены к галерам и семь - к службе в пресидиос. Между этими двумя существовала определенная связь. В законодательстве семнадцатого века о преступлениях, связанных с чеканкой монет, галеры были предусмотрены для простолюдинов, а служба в пресидио - для джентльменов, и, когда столетие подходило к концу, мы обнаруживаем, что инквизиция больше не отправляет джентльменов служить солдатами на галеры, а в Оран, Сеуту, Гибралтар, Бадахос, Пеньон и другие королевские учреждения и гарнизоны. [398] В инквизиции восемнадцатого века галеры для всех классов постепенно были вытеснены пресидио, если мы включаем в этот термин принудительный труд на королевских верфях и арсеналах, а также в африканских гарнизонах. Галеры исчезали с моря, и во времена инквизиции их заменила *баньяс* ее различными формами тяжелой работы. В 1742 году трибунал Толедо приговорил Рафаэля Нуньеса Эрнандеса за определенные ошибки к восьми годам ссылки, из которых первые пять должны были пройти на службе королю в нездоровых ртутных рудниках Альмадена, а последние приговоры к галерам, с которыми я встречался, были вынесены в 1745 году, когда Николас Серрано был приговорен в Толедо за двоеженство к восьми годам службы на них, а Мигель Гутьеррес и Франсиско Гарсия в Вальядолиде за возвращение в иудаизм к десяти годам. После этого можно сказать, что галеры устарели даже за двоеженство, как видно из приговора трибунала Валенсии в 1781 году. [399]

Пресидио продолжало действовать в качестве наказания после Восстановления, но случаи были настолько редкими, что возник вопрос о приеме осужденных в местах их назначения. В 1818 году Севильский трибунал приговорил трех человек — двух за предложения и одного за двоеженство — к двум годам службы в Сеуте или Мелилье и попросил Верховного судью заставить военного министра отдать приказ губернаторам о их получении. Верховный судья ответил, что это входит в компетенцию трибунала; он должен действовать так же, как и в прежних случаях, и при необходимости может написать губернаторам. *Насильники* были должным образом приняты, и приятно добавить, что через шесть месяцев Верховный Суд гуманно смягчил наказание, чтобы они могли вернуться и содержать свои семьи. Для этого потребовался и был получен приказ от секретаря Военного совета. [400]

Для женщин эквивалентом каторги была бесплатная служба в больницах, исправительных домах и подобных учреждениях. Очевидно, эти женщины-осужденные не всегда считались желанными заключенными, и хотя в дореволюционные времена никто не оказывал сопротивления, при Реставрации иногда возникали трудности с обеспечением их приема. В 1819 году севильский трибунал подал апелляцию в Верховный суд, заявив, что он не смог таким

образом распорядиться Хуаной де Луна по тем же причинам, с которыми он столкнулся в делах Аны Барберо и Леонор Масиас. Инквизиция не внушала такого ужаса, как в прежние времена, поскольку Верховный суд не мог предложить никаких средств преодоления трудности и мог только поручить трибуналу разработать какой-либо метод приведения в исполнение своих приговоров. [401]

Не делает чести римской инквизиции то, что она последовала примеру испанцев и включила галеры в свой список наказаний. Карена, действительно, говорит нам, что это было самое обычное из всех наказаний за самые разнообразные правонарушения. [402]

ПРИМИРЕНИЕ.

То, что примирение с Церковью, которая была представлена как любящая мать, стремящаяся принять обратно в свое лоно своих заблудших детей, следует рассматривать как наказание, кажется противоречием в терминах, но так оно и было, и Верховный без колебаний говорил о тех, “кто был приговорен к примирению”. [403] Было бы нелегко изобрести более яркую иллюстрацию извращения духа религии путем преследования фанатизма.

Отступник или еретик, покинувший Церковь после принятия через воды крещения, мог быть реинкорпорирован, только отрекшись от своих ошибок и обратившись за примирением. В случае с Конверсосом, который тайно придерживался моисеева или магометанского закона, об этом не могло быть и речи, как и о таких еретиках, как протестанты. В какой степени другие ошибки могли представлять собой формальную ересь, требующую примирения, или могли вызывать подозрения в ереси, легкие или яростные, было проблемой для калификадоров, и иногда сложной, поскольку градации теологических ошибок бесконечны и утонченны.

ПРИМИРЕНИЕ

В бурных разбирательствах раннего периода, когда по Милостивому Указу кающиеся выходили тысячами, признаваясь в своих ошибках и умоляя о примирении, церемония, естественно, была простой. Согласно инструкциям 1484 года, должна была использоваться форма, описанная Джоаном Андреа: инквизиторы заявили, что кающийся был еретиком-отступником, который следовал обрядам и церемониям евреев и понес наказания по закону, но, поскольку теперь он говорит, что был обращен и желает вернуться к вере с чистым сердцем и непритворной верой и готов принять и исполнить налагаемую епитимью, они должны освободить его от отлучения, навлеченного в результате указанного преступления, и должны примирить его со Святой Матерью Церковью, если, как он говорит, он был обращен и желает вернуться к вере с чистым сердцем и непритворной верой, и готов принять и исполнить епитимью, которая должна быть наложена, они должны освободить его от отлучения, навлеченного в результате указанного преступления, и должны примирить его со Святой Матерью Церковью, если, как указано в он говорит, что обратился в святую веру истинно и без выдумок. [404]

Здесь не упоминается ни о каких последующих церемониях, хотя, по крайней мере, за ними, вероятно, должно было последовать отречение. Когда процедура была менее торопливой и было время для ее доработки, процесс стал впечатляющим. В приговоре говорилось, что кающийся был допущен к примирению; что в качестве епитимьи он должен был появиться на аутодафе, без пояса или шапочки, в покаянном одеянии из желтой ткани, с двумя

красными *аслами* или лентами, образующими Андреевский крест, и со свечой в руке, когда после оглашения приговора он должен публично отречься от признанных ошибок и всех других заблуждений и вероотступничества, после чего “мы приказываем отпустить ему грехи, и мы освобождаем его от любого отлучения, которое он навлек на себя, и мы объединяем и реинкорпорируем его в лоно и союз Святой Матери Католической Церкви, и мы восстанавливаем его для участия в святых таинствах и общения с верующими”, — к которому был приложен перечень различных наказаний, к которым он был приговорен. После того, как аутодафе было закончено, было совершено отречение. Это было похоже на уже данное *отречение от престола de vehementi*, и в нем он согласился, в случае рецидива, подвергнуться наказаниям канонов. В заключение ему было официально отпущено грехопадение, и на следующий день ему было зачитано его отречение от престола с предупреждением, что в случае рецидива он будет сожжен. [405]

Как описано в отчете о Мадридском аутодафе 1632 года, эта церемония была впечатляющей. Кающиеся, подлежащие примирению, предстали перед генеральным инквизитором, который председательствовал. Пока они преклоняли перед ним колени, он прочитал краткий катехизис, включающий символ веры с некоторыми дополнениями, на каждый вопрос которого они отвечали “Да, я верю”. Затем секретарь произнес отречение, и они последовали за ним. Генеральный инквизитор затем произнес обряд изгнания нечистой силы и обычные молитвы, а королевская часовня пропела *Miserere*, во время которого капелланы инквизиции били кающихся розгами по плечам. После этого генеральный инквизитор прочитал обычные стихи и молитвы, а королевская часовня спела гимн, в то время как с креста, которым он был покрыт в знак траура, сняли черную ткань, и генеральный инквизитор завершил торжественные мероприятия гимном. [406]

На первый взгляд, в этом приеме заблудшей овцы обратно в стадо нет ничего устрашающего, но серьезный аспект примирения, оправдывающий его характеристику как наказания, заключался в наказаниях, которые были практически неотделимы от него и обычно включались в приговор — тюремное заключение, санбенито, конфискация и инвалидность, иногда с бичеванием и галерами, некоторые из которых мы уже рассмотрели, а о других поговорим позже. Кроме того, был тот факт, что каноны простили еретика лишь однажды. Если после примирения он окажется виновным в рецидиве, ему не будет пощады на земле, хотя Церковь в своей доброте не закроет перед ним небесные врата и, если он действительно раскаяется, допустит его к таинствам, хотя и не избавит от костра. [407] Ключевой вопрос о рецидиве, однако, будет рассмотрен в следующей главе, а пока следует сказать, что испанская инквизиция не всегда применяла это жестокое предписание. В более поздний период повторные примирения ни в коем случае не были редкостью, и даже в более ранние времена люди иногда уклонялись от холокостов, которые вызвало бы строгое соблюдение этого правила среди населения, запуганного до внезапного отказа от веры своих предков. На Майорке, согласно Эдикту Милости, 18 августа 1488 года было проведено триста тридцать восемь примирений, за которыми последовали девяносто шесть 26 марта 1490 года. Вскоре после этого был опубликован Эдикт милосердия, в соответствии с которым были вторично примирены не менее двухсот восьмидесяти восьми ранее раскаявшихся кающихся. Одна из них, Антония, жена Феррера Пратца, даже помирилась в третий раз, 28 июня 1509 года. Многочисленные случаи повторных согласований также можно найти в других местах. [408]

ПРИМИРЕНИЕ

Существовало правило, согласно которому примиренные не должны были подвергаться бичеванию или галерам, даже если они могли заслужить их, изменив свои признания и отменив их, но я не могу найти, соблюдалось ли это, поскольку как в более ранний, так и в более поздний периоды было множество случаев, как мы видели, когда примирение сопровождалось этими телесными наказаниями. [409] С другой стороны, хотя принцип, согласно которому примирение влекло за собой конфискацию и пожизненное заключение, был абсолютным, иногда имели место случаи, когда эти наказания были смягчены. В суде Толедо от 30 ноября 1651 года было проведено девять примирений, в ходе которых сопутствующие наказания были в основном тривиальными — в одном случае санбенито был удален сразу же по возвращении инквизиции. [410]

То, что изображения умерших должны быть допущены к примирению, кажется почти пародией на торжественные религиозные обряды, но, поскольку могила не давала убежища от инквизиции, это было логичным результатом системы, когда умерший еретик отрекся и добивался воссоединения с Церковью. Поскольку он не мог примириться лично, ему пришлось примириться в образе, тем более что приговор был необходим для обеспечения конфискации его имущества. Единственным случаем этого была смерть во время суда заключенного, который исповедался, заявил о своем обращении и получил сакраментальное отпущение грехов на смертном одре. Суд над ним обязательно был бы продолжен и привел бы к примирению, и инквизиция не видела ничего неуместного в том, чтобы выставить напоказ его образ перед народом и разыграть с ним торжественный фарс примирения. На Майорке произошел несколько необъяснимый случай с тремя иудействующими, которые умерли в тюрьме во время судебных процессов в 1678 году, проявив необходимые признаки раскаяния; они не были включены в число двухсот двенадцати примирений в аутодафе 1679 года, но тринадцать лет спустя их изображения были примирены в аутодафе 2 июля 1691 года, и ни один богослов, похоже, не задавался вопросом, каково было их духовное состояние в течение этого длительного промежутка времени. [411] Это примирение в изображении не было, как утверждает Льоренте, нововведением, введенным при Филиппе III, но практиковалось с самого начала, поскольку был пример этого с Беатрикс Сенер, умершей, таким образом, примиренной 2 мая 1499 года в Барселоне. [412]

По-видимому, возраст наступления ответственности был единственным минимальным ограничением для примирения. В мадридском аутодафе 1632 года Каталина Мендес, 12-летняя девочка, примирилась с санбенито и шестимесячным тюремным заключением. В Толедо в 1659 году Беатрис Жорже и Ана Перейра, португальские иудаистки, каждой по десять лет, помирились; у первой сразу же отобрали санбенито; вторая была приговорена к конфискации и четырем месяцам тюремного заключения. [413]

Примирение принесло с собой одно облегчение, ибо примиренные, как кающиеся, имели право на фуэро инквизиции. Это произошло от покаянной системы Средневековья, которая лишала кающегося права носить оружие в течение долгого ряда лет, на которые налагалась епитимья, и нельзя было ожидать, что никто не возьмет его на себя, если Церковь не защитит его от его врагов. В этом инквизиция занимала место Церкви и распространяла свою юрисдикцию на кающихся во время их покаяния. В 1501 году мы находим некоего пана Безанте из Теруэля, примиренца, которому Фердинанд вернул свое конфискованное имущество,

жалующегося королю на то, что он подвергался преследованиям и жестокому обращению со стороны своих должников и соседей, и что инквизиторы, к которым он обращался за защитой, пренебрегли оказанием ему помощи, после чего Фердинанд немедленно приказал им прийти к нему на помощь, добиться от своих должностных лиц выплаты его справедливых требований и наказать агрессоров. [414] Это дошло до того, что в Гранаде в 1654 году примирившиеся кающиеся имели преимущество в торговле перед верующими, требуя освобождения от *алькавалы*, или королевского налога с продаж. Когда граждане пожаловались на эту дискриминацию, фискал трибунала признал, что вопрос был трудным; передача кающихся в королевскую юрисдикцию привела бы к большим затруднениям, но в то же время юрисдикция инквизиции должна быть наказанием, а не наградой. [415] В том, что это была награда, мы убедились по тому рвению, с которым на нее претендовали все, кто мог выдвинуть самый скромный предлог.

ПОКАЯННАЯ ТЮРЬМА

ВЕЧНАЯ ТЮРЬМА.

Пожизненное заключение было епитимьей, налагаемой канонами на еретика, который, используя убедительные методы преследования, стремился к примирению с Церковью. Действительно, так постановили папа и император еще до того, как была организована инквизиция, и это учреждение неустанно следило за соблюдением законов. То, что Святая канцелярия Испании приняла это, было само собой разумеющимся. Однако его расходы стали источником несчастий в тринадцатом и четырнадцатом веках, и тем не менее в Испании это было не в меньшей степени так, поскольку, какими бы большими ни были конфискации и денежные взыскания, они растрачивались так же быстро, как и накапливались. В дополнительных инструкциях Торквемады от декабря 1484 года распорядителям приказано обеспечивать содержание тюрем, что показывает, что монархи признали свою ответственность, [416] но из-за хронического финансового кризиса того времени не было выделено регулярных средств ни на их создание, ни на поддержку. Это правда, что в 1486 году по настоятельной просьбе инквизиторов Сарагосы Фердинанд приказал распорядителю построить вечную тюрьму в соответствии с их желаниями, но можно с уверенностью предположить, что он благоразумно отложил ответ на их запрос относительно содержания пленников. [417] В 1492 году, когда трибунал приговорил Брианду де Бардакси к пяти годам тюремного заключения, она была заключена в башню Салиана, а через несколько дней ее заменили на монастырь Санто-Сеполькро в Сарагосе. [418] Фактически, за отсутствием тюрем, был распространен обычай отправлять примирившихся кающихся в крепости, больницы, монастыри или даже в их собственные дома — последнее, по-видимому, было таким убежищем, которое друзья или родственники могли предоставить тем, кто был лишен свободы в результате конфискации. Инструкции 1488 года, действительно, уполномочивают инквизиторов, ввиду множества осужденных на вечное заключение и нехватки тюрем, назначать кающимся их дома, где они должны находиться под страхом наказаний, предусмотренных законами. Но это, добавлялось, должно было быть лишь временным, и к суверенам обратились с просьбой распорядиться, чтобы при каждом трибунале судебный исполнитель выделил большую ограду с маленькими хижинами и часовней, где заключенные могли слушать мессу и каждый мог работать своим ремеслом и зарабатывать себе на жизнь, и таким образом избавить инквизицию от тяжелого бремени, уделяя должное внимание разделению полов. [419] Единственным ответом на эту молитву, по-видимому, было устройство освобождения тюрем в пользу галер.

Небрежность размещения кающихся в государственных учреждениях или частных домах привела к появлению невыполнимых правил в попытке противодействовать этому злу. Инструкция, изданная примерно в это же время Верховной Властью, предписывает никого не допускать к примирению, не приговорив его к конфискации и вечному тюремному заключению, если он был еретиком, и осужденные таким образом должны самым строгим образом исполнять свою епитимью, ни с кем не разговаривая, за исключением тех дней, когда они ходят на мессу и слушают проповеди; в остальные дни, как при выходе, так и при приеме пищи, они должны показывать себя истинными кающимися, не вступая в сношения с женами и детьми. [420] Этому, похоже, мало повиновались, и в 1506 году Верховный распорядился, чтобы всем заключенным были наложены санбенитосы и чтобы они не покидали своих домов, а затем, в 1509 году, было предписано предусмотреть бессрочные тюрьмы. Очевидно, это было частично успешным, поскольку за этим последовали инструкции о том, что все, кто был или должен быть осужден, должны быть помещены в них, где они могут заниматься своим ремеслом, или их родственники могут снабжать их едой, или они могут просить милостыню для своей поддержки. Таким образом, в 1510 году Льерена выбрал для этой цели две пары домов, которые Фердинанд приказал губернатору Леона оценить. Куэнка также, по-видимому, получила тюрьму, но неадекватную, поскольку в 1511 году Верховный суд разрешил трибуналу разрешить всем больным и всем, кто находился в заключении в течение двух лет, вернуться домой. Там, где существовали такие тюрьмы, дисциплина, должно быть, была чрезвычайно слабой, поскольку в 1512 году Верховный суд издал общее положение, уполномочивающее суды разрешать обездоленным обитателям бессрочных тюрем выходить по очереди просить милостыню в городах, но они должны были носить свои санбенито и возвращаться с наступлением темноты под страхом рецидива, и это было повторено в 1513 году. Затем дальнейшие усилия по созданию тюрем, по-видимому, были прекращены, поскольку в 1514 году Хименес издал указ, разрешающий примиренным исполнять свои епитимьи в их собственных домах. [421]

ПОКАЯННАЯ ТЮРЬМА

Эта неустойчивая политика и чрезвычайная распущенность, которую она демонстрирует, не были вызваны какими-либо гуманитарными побуждениями. Это были просто постоянные попытки уклониться от ответственности за содержание тех, чье имущество было конфисковано и кто по канонам должен был быть заключен в тюрьму пожизненно. Инквизиция получала добычу, она причиняла своим жертвам инвалидность, что чрезвычайно увеличивало трудности с самообеспечением, она делала их ненавистными для населения, заставляя их носить санбенито, она была обязана предоставлять тюрьмы, где их можно было замуровать и не допустить заражения общества, но она пренебрегла этим долгом и фактически сказала им, что они могут просить милостыню или умереть с голоду. То, что смерть от голода действительно не была редкостью, утверждается в проекте реформы, составленном в 1518 году по приказу Карла V.

Тем не менее, трибуналы, похоже, добились некоторого прогресса в обеспечении себя каторжными тюрьмами, поскольку в 1524 году Верховный суд счел целесообразным распорядиться, чтобы их проверяли ежемесячно, а результаты заносились в книгу, которая должна храниться для этой цели. [422] Однако далеко не все это сделали. Барселона, которая занимала королевский дворец, в 1489 году нашла там место для своих кающихся, а в 1544 году мы слышим о Херонимо де Квадрасе в роли алькайда с жалованьем в пятьдесят дукатов, из которых он должен был заплатить человеку, который проводил заключенных к мессе и вернул их

обратно. Валенсия была менее развитой страной, поскольку в 1540 году в ней не могло быть тюрьмы, когда она приговорила трех женщин содержать в качестве тюрьмы то место, которое должно быть им отведено, но в 1546 году она заручилась услугами Херонимо де Квадраса в качестве алькаиды с зарплатой в тридцать дукатов. Однако в 1550 году он пожаловался, что так и не получил своего жалованья, и в 1554 году мы обнаруживаем, что бессрочная тюрьма Брианды де Гарсете заменена заключением в ее собственном доме или другом специально отведенном месте, что указывало бы на то, что попытка создать тюрьму была оставлена. [423] В 1553 году в Логроньо, по-видимому, их не было, поскольку он был передан Хуану Пребосту, Бильбао и двум лигам вокруг в качестве тюрьмы вместе с санбенито. [424] Это не должно нас удивлять, поскольку, если в некоторых трибуналах и предпринимались попытки обеспечить бессрочное заключение, это было исключением. В 1537 году Верховный суд официально заявил, что было бы в новинку поддерживать кающихся за счет *fisc*; этого нельзя и не должно было делать; не было никаких возражений против того, чтобы они исполняли свою епитимью в своих собственных домах, и трибуналы могли организовать это соответствующим образом. Несколько месяцев спустя это повторилось; примиренных могли отправить по домам для исполнения епитимьи, если у них не было других средств к существованию. [425]

В конце концов Инструкции 1561 года попытались ввести какую-то систему в это скандальное положение вещей. Приговор о примирении приговаривал кающегося к тюремному заключению и санбенито на определенный срок, в течение которого он должен был носить *абито* публично поверх другой одежды; он должен был находиться в бессрочной тюрьме, посещать мессу и проповедь по воскресеньям и праздничным дням, а по субботам совершать определенные богослужения в специально отведенном храме. [426] Для обеспечения соблюдения этой дисциплины в Инструкциях говорилось, что, поскольку во многих трибуналах нет бессрочной тюрьмы, для этой цели следует покупать дома, поскольку без них невозможно узнать, исполнили ли примиренные свое покаяние. Алькаид должен помогать им в их нужде, предоставляя материалы для работы по их ремеслам и помогая содержать самих себя, а инквизиторы должны посещать тюрьму несколько раз в год. [427] За этим, по-видимому, последовала попытка побудить суды предоставить тюрьмы, поскольку в 1562 году Толедо был привлечен к ответственности за то, что в нем их не было. Это не только не восполнило недостаток, но и опровергло предположение о том, что оно должно, по крайней мере, предоставить человека, который следил бы за тем, чтобы кающиеся исполняли свою епитимью, и было сказано, что за три или четыре тысячи мараведи дополнительной платы носильщик мог бы позаботиться об этом. [428]

ПОКАЯННАЯ ТЮРЬМА

В 1570 году Верховный суд возобновил попытку провести эту столь необходимую реформу. В нем трибуналам было сказано, что они могут арендовать дома до тех пор, пока не смогут их приобрести, и они должны назначить соответствующих лиц в качестве помощников для присмотра за кающимися. [429] Результат этого давления был постепенным. В 1577 году цистерцианский монастырь Санта-Фе в Сарагосе подал официальную жалобу папе на количество раскаявшихся грешников, расквартированных в нем, и кардинал Савелли, глава римской инквизиции, обратился к Верховному суду, чтобы освободить его от этого гнета. [430] Только в 1598 году мексиканский трибунал, спустя почти тридцать лет после своего основания,

построил просторную тюрьму, примыкающую к его собственному зданию. [431] В 1600 году в записях Толедо впервые упоминается “карцер для исполнения наказаний”, а в 1609 году Валенсия была занята возведением одного из них стоимостью 5110 либр; планировалось, что в нем будет три этажа, но экономически его сократили до двух. [432] Невозможно сказать, все ли трибуналы уступили давлению и учредили исправительные тюрьмы, но они, вероятно, сделали это, хотя бы каким-то формальным образом, который оправдывал назначение алькайда. Одновременно с этим произошло изменение названия, и *карцель перпетуи* стал известен как *каса-де-ла-пененсия* или *мизерикордия*.

Из этого не следует, что создание тюрем сопровождалось каким-либо ужесточением дисциплины. Инквизиция упорно отказывалась брать на себя бремя содержания своих заключенных и предоставляла им самим заботиться о себе. Там, где существовали тюрьмы, в них было мало кающихся, хотя приговоры к тюремному заключению были частыми, и в 1641 году Филипп IV задумал освободить их всех. Супрема направил свой указ трибуналам с приказом сообщить, есть ли у них заключенные и каковы их дела, на что Валенсия ответила, что у нее есть один заключенный, заключенный в тюрьму за упорное колдовство, после чего Супрема приказал смягчить приговор и освободить заключенного. [433]

Королевский проект провалился. Не все тюрьмы были такими пустыми, как в Валенсии, и дискуссия, произошедшая в 1654 году в Гранаде, на которую уже делался намек, иллюстрирует характер тюремного заключения, ставшего необходимым из-за отказа содержать заключенных. Они зарабатывали себе на жизнь главным образом тем, что продавали товары по городу; это, в конце концов, возбудило лавочников, и коррехидор представил суду, что скандалы были вызваны тем, что они входили в дома и совершали непристойности; король понес убытки, поскольку, как кающиеся, они не были облагаемы *алькавалой* и другими налогами; таким образом, облагодетельствованные, они недооценивали лавочников, которые потеряли половину своей торговли, в то время как кающиеся разбогатели, потому что они вышли из тайной тюрьмы почти голыми и за короткое время со временем они были хорошо одеты и обогатились. Трибунал признал законность этого и 24 декабря 1654 года издал приказ, согласно которому в течение двух недель они могли выставлять свои товары на продажу на улицах, но не входить в дома, а впоследствии были ограничены продажей в магазинах. При этом заключенные горько жаловались на лишение привилегии длительного пребывания во всех местах, где существовал трибунал, поскольку без этого они не могли зарабатывать на жизнь или содержать своих жен и семьи. Вслед за этим фискал, доктор Джозеф Франсиско Креско де Эскобар, видя, что обе стороны обратятся к Верховной Власти, напечатал для своего просвещения мемориал, который раскрывает нам характер покаянного заключения. Он заявляет, что в соответствии с Инструкциями 1488 года трибуналы предусмотрели пенитенциарные тюрьмы, одна из которых в Гранаде была достаточно вместительной для соблюдения Инструкций 1561 года. Он цитирует каноны и соборные постановления, чтобы показать, что отрекшиеся еретики должны быть замурованы пожизненно, откуда он утверждает, что тюрьма должна быть мучительной и карательной. Теперь, однако, это только номинально; так называемые заключенные выходят на улицу в любое время дня, без ограничений, без компаньонки, без труда, за исключением того, что они предпринимают добровольно, и все это является свободой, а не неволей. Они свободно бродят по городу и пригородам, развлекаются в домах своих друзей, проводят, если хотят, только часть ночи в тюрьме, которая служит им комфортабельным ночлежным домом, бесплатным в аренду. Инструкции требуют, чтобы алькаид следил за тем, чтобы они исполняли свое покаяние, но это стало невозможным, и нет

никаких средств ограничить их общение с верующими. Что касается их просьбы покинуть тайную тюрьму, подорвав здоровье и лишившись имущества, что у них нет возможности учиться ремеслам и они должны поддерживать свои семьи торговлей, ответ заключается в том, что только по милости Святой Канцелярии они избежали сожжения, и они должны быть благодарны за то, что им сохранили жизни; их бедность - незначительное наказание за их преступления, и их дети разделяют наказание только за отцовскую ересь. [434]

ПОКАЯННАЯ ТЮРЬМА

При всей этой небрежности делался вид, что сохраняется старая строгость, согласно которой побег из тюрьмы рассматривался как рецидив, но настоящее преступление заключалось в том, что беглец сбрасывал санбенито. Похоже, что было мало желания возвращать тех, кто скрылся, поскольку формула мандата на розыск и арест скрывающихся от правосудия лиц касается только тех, кто сбежал из секретной тюрьмы и, следовательно, все еще находится под судом, [435] но когда по какой-либо причине кающиеся были возвращены трибуналу, примером обращения с ними является дело Хуана Гонсалес, сбежавший из *пенитенциарного дома* в Вальядолиде, 3 июля 1645 года. Его история заключалась в том, что, отправившись за причитающимися ему деньгами, он проиграл их, напился, лег спать под стенами монастыря кармелиток в пригороде и, проснувшись на следующее утро и опасаясь наказания, побрел прочь, сбросив санбенито и отправившись на поиски работы. Таким образом, он добрался до Ируна и намеревался проехать во Францию, но был узан священником, который видел его в Вальядолиде; его передали комиссару и передавали от знакомого к знакомому, пока он не был помещен в секретную тюрьму Вальядолида. Фискал утверждал, что его бегство и отказ от санбенито доказали, что он был нераскаившимся и упорствующим рецидивистом иудаизма, которого следует смягчить; но его приговором было всего двести ударов плетью и пожизненное заключение. [436]

Приговоры к тюремному заключению продолжались в обычном режиме, но растущее безразличие к обеспечению их исполнения подтверждается перепиской между Барселоной и Suprema в 1718 году. В то время на рассмотрении трибунала находилось всего четыре дела; он все еще находился в древнем королевском дворце, но после того, как он приговорил Марию Менесес за иудаизм к несогласию, а ее дочь Каталину де Солис - к вечному заключению, он не знал, что с ними делать, и обратился за инструкциями. В нем говорилось, что никакой кающейся тюрьмы не существует и не может быть установлено, что она когда-либо существовала, как не было и алкайда; у него не было дома, который можно было бы использовать для этой цели, и ни один чиновник не мог быть освобожден от других своих обязанностей. Верховный ответил, спросив, есть ли тюрьма для фамильяров, в которой можно было бы использовать комнату для женщин, или же можно найти какой-нибудь маленький домик рядом с дворцом, и какой-нибудь чиновник или фамильяр мог бы служить алькайдом. Трибунал вновь отклонил предложение об использовании тюрьмы для фамильяров; он хотел бы посмотреть, можно ли найти дом, но для этой цели не было денег; что касается должностных лиц, то все они были полностью заняты, и никто не согласился бы занять эту должность без зарплаты. На это Верховный ответил безапелляционным приказом снять небольшой дом и назначить помощника за обычную плату. Под этим давлением, должно быть, были приняты какие-то меры для того, чтобы в постановлении от 31 января 1723 года трибунал приговорил четырех иудействующих к несвоевременному тюремному заключению. [437]

Во время рецидива преследований в этот период число приговоренных к тюремному заключению было большим; в деле Гранады от 21 декабря 1720 года их было двадцать семь, а в шестидесяти четырех делах между 1721 и 1727 годами - семьсот сорок. [438] Как размещались эти многочисленные заключенные, было бы трудно догадаться, поскольку запущенность пенитенциарных тюрем прогрессировала и, по данным переписи всех трибуналов, около 1750 года, но сообщается, что в трех из них были алькаиды — Кордове, Гранаде и Мурсии. [439] Из этого не следует, что у других не было тюрем, а только то, что у них не было заключенных и они стремились к тому, чтобы их не было. Например, в 1794 году, когда Верховный суд спросил Валенсию, подойдет ли ее тюрьма для священника Хуана Фернандеса Сотело, состояние здоровья которого требовало переезда из монастыря, где он был затворником, трибунал хитро ответил, что его тюрьма была построена с камерами и темницами и что в глазах людей заключение в ней вызвало позор, так что помещение для Сотело лучше найти в каком-нибудь монастыре в пригороде. Очевидно, оно забыло обо всем этом, когда в 1802 году пожаловалось, что жалованье его секретарей не было повышено в 1795 году, в то время как жалованье алькайда кающейся тюрьмы было увеличено со ста двадцати до двух тысяч реалов, хотя ему нечего было делать, и он пользовался домом в тюрьме не хуже, чем у инквизиторов. [440]

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Фактически, к этому времени каторжное заключение практически устарело. После прекращения активных преследований иудаизма трибунал Толедо, который в 1738 году вынес двенадцать приговоров к тюремному заключению, не вынес ни одного до 1756 года. Затем наступает длительный интервал в тридцать восемь лет перед следующим, который касался еретических положений. [441] Возможно, было бы небезопасно утверждать, что в последние годы инквизиции эта форма наказания была совершенно неизвестна, но я не наблюдал ни одного подобного случая.

Продолжительность тюремного заключения была сокращена так же, как и его суровость, предположительно по тем же экономическим мотивам. Как мы видели, средневековая церковь признавала только пожизненное заключение подходящим наказанием для еретика, который спас свою загубленную жизнь путем отречения, и, признавая это, покаянная тюрьма в Испании была официально известна как бессрочная тюрьма, приговоры в которой всегда предусматривали бессрочное заключение. Однако в очень ранний период было четко осознано, что буквальное выполнение этого было физически невозможно. Бернальдес рассказывает нам, что в Севилье до 1488 года было пять тысяч примиренных и приговоренных к вечному тюремному заключению, но через четыре или пять лет они были освобождены вместе с санбенитос, и впоследствии их убрали, чтобы предотвратить распространение позора по всей стране. [442] Едва был учрежден трибунал в Барселоне, как мы обнаружили, что он проводит различие в приговорах к пожизненному заключению, некоторые из которых были *cum misericordia*, а другие *absce misericordia* — таким образом, предвосхищая так называемое “недопустимое” пожизненное заключение - и из приговоров следует, что “без пощады” было исключением. [443]

Эта неизбежная распушенность вызвала противодействие со стороны более жестких властей, и в 1509 году, когда Хименес находился в Оране, в Suprema состоялась дискуссия по этому вопросу, когда нам сообщили, что его временный представитель, архиепископ Гранады Рокас,

выступил в одиночку против других членов. [444] Характер решения не зафиксирован, но оно, вероятно, благоприятствовало более мягкой точке зрения, поскольку Хименес и Супрема в 1516 году сочли необходимым распорядиться, чтобы все приговоры к тюремному заключению и санбенито были бессрочными в соответствии с каноническим правом; если, в любом случае, инквизиторы считали, что должно быть смягчение, это должно быть оставлено на усмотрение суда. генеральный инквизитор. [445]

Тенденция к сокращению срока была непреодолимой; консерваторам пришлось уступить, и к середине XVI века, по словам Симанкаса, пожизненное заключение обычно определялось как трехлетний срок, если кающийся раскаивался, в то время как приговоренные к несвоевременному тюремному заключению обычно освобождались через восемь лет. [446] Термин “бессрочная тюрьма” стал настолько чисто техническим, что инквизиторы не видели ничего неуместного в таких приговорах, как “бессрочная тюрьма сроком на один год” или “на шесть месяцев”, которые постоянно встречаются, а также в “бессрочной тюрьме”, за которой следуют сроки ссылки. Следовательно, реальное наказание было гораздо менее суровым, чем указано в записях, и когда предполагались сроки более восьми лет, они указывались, как, например, когда Сальвадор Резо за молинизм был приговорен судом Гранады от 4 июля 1745 года к десяти годам, из которых первые пять он должен был провести на галерах — лишение свободы, отмененное из-за его немощи. [447]

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Сроки тюремного заключения часто сокращались, более того, иногда из гуманных побуждений, но чаще из финансовых соображений, поскольку распределение полномочий при этом, как и при других наказаниях, было источником прибыли. Так, 13 января 1551 года мэр Гарсия, мориска из Даймиэля, приговоренная аутодафе Толедо 21 сентября 1550 года к пожизненному заключению сроком на шесть месяцев, обратилась в трибунал с ходатайством об освобождении, “как это было принято у других”, заявив, что ее муж заплатит столько, сколько потребуют инквизиторы. Дело было быстро улажено с инквизитором Алонсо Пересом за четыре дуката, чтобы помочь соорудить декорации для аутодафе — довольно крупная плата за двухмесячную отсрочку. [448] Это распределение полномочий было предметом длительной борьбы между трибуналами и Верховной властью. В ранний период в Барселоне первые пытались обеспечить это с помощью системы дискреционных приговоров, которые инквизиторы могли сокращать или продлевать по своему желанию, и это было признано в письме Верховного суда от 4 октября 1499 года, разрешающем им при таких приговорах обходиться без тюремного заключения, но не без санбенито. [449] Однако в 1513 году Хименес запретил это без его согласия, и повторение приказа в 1514 и 1516 годах показывает, что его было трудно выполнить. [450] Несмотря на это, когда трибунал Валенсии 25 февраля 1540 года приговорил пятерых морисков к “тюремному заключению на такой срок, какой мы определим”, Супрема настаивал на том, что, когда указывалось усмотрение, оно должно принадлежать только генеральному инквизитору, мандат, который должен был повторяться более одного раза, даже в 1592 году. [451]

Вопрос об этом, как и о всех других заменах, был неизбежно решен, как мы видели, в пользу генерального инквизитора. Во многих случаях никто не скрывал, что это была чисто сделка по продаже, но приятно отметить, что часто это было продиктовано гуманностью. Петиции об уменьшении епитимьи были многочисленными и обычно направлялись во время больших

праздников, которые рассматривались как причина для милосердия в дополнение к страданиям кающегося. В качестве примера таких петиций можно упомянуть дело Виоланты Родригес, которая вместе со своим мужем Дуарте Валентином была арестована за иудаизм 15 марта 1664 года. После трехлетнего судебного разбирательства она была приговорена в Гранаде 24 февраля 1667 года к двум годам тюремного заключения, в то время как ее муж был аналогичным образом приговорен в Куэнке. Примерно 10 августа она подала прошение о смягчении наказания, утверждая, что у нее восемь маленьких детей, лишенных обоих родителей. Верховный суд незамедлительно направил в Гранаду запрос о деталях дела, но трибунал отложил рассмотрение до 8 октября, когда сопровождал свой отчет предложением освободить ее с наложением духовной епитимьи по истечении первого года, поскольку она проявила истинное раскаяние. Теряя терпение, 24 декабря она снова обратилась с петицией к Верховному Правителю, ссылаясь на своих семерых детей, показывая таким образом, что один из них тем временем умер. В том, что она была должным образом выписана в феврале, не может быть никаких сомнений, и в переписке нет никаких следов какого-либо денежного вознаграждения. Некоторые прошения об освобождении, по правде говоря, были хорошо рассчитаны на то, чтобы вызвать сострадание, например, прошение Симона Мендеса Сото в 1666 году, в котором он описывает себя как 84-летнего слепого, глухого, искалеченного с обеих сторон множеством недугов и без гроша в кармане, и он умоляет освободить его, чтобы он мог искать лечения. [452]

По-видимому, не было никакого минимального возраста для тюремного заключения, кроме как за безответственность. Трибунал Толедо приговорил Гарсию, сына Педро гончара из Агуды, одиннадцатилетнего мальчика, к пожизненному заключению за иудаизм. В суде Куэнки от 29 июня 1654 года за то же преступление 12-летняя Эсколастика Гомес и 14-летний Исавель Диас Жорже понесли одинаковое наказание, а в суде Толедо от 30 октября 1701 года 16-летний Хосе де Леон был приговорен к несвоевременному тюремному заключению. [453]

САНБЕНИТО.

Санбенито, или одежда для покаяния, была неизменным сопровождением примирения и тюрьмы, составляя вместе “*carcel y abito*” приговоров, хотя и не предназначалась исключительно для подобных случаев. Его изобрела не испанская инквизиция, хотя мы вряд ли можем согласиться с писателем-энтузиастом, который прослеживает его происхождение до Грехопадения, когда Бог заставил преступников облачиться в шкуры для покаяния, соответствующие *сакос бендитос*, которые сейчас используются в трибуналах. [454]

САНБЕНИТО

Покаянный обычай носить вретисце, посыпанное пеплом, принятый в ранней Церкви, вошел в поговорку. То, что кающиеся инквизиции должны были носить такую одежду, было неизбежно, и с момента основания этого учреждения в тринадцатом веке они отличались от других кающихся двумя желтыми крестами, одним на груди, а другим на спине. От Эймериха мы узнаем, что в Арагоне это одеяние было похоже на наплечник, который носили религиозные ордена. [455] Этот *сако бендито* стал известен как санбенито или, чаще, *абито* и был обязательно унаследован новой инквизицией. В 1486 году на автосалоне в Толедо 11 декабря двести кающихся, примиренных в соответствии с Эдиктом Милосердия, были обязаны носить на публике такую одежду в течение года под страхом рецидива. [456] Для тех, кто примирился после суда, причинение вреда было более серьезным. В 1490 году Торквемада приказал, чтобы

они носили при жизни *санбенитильо* из черной или серой ткани, восемнадцати дюймов в длину и девяти дюймов в ширину, наподобие небольшого плаща, висящего на груди и спине, с красным крестом спереди и сзади, занимающим почти все поле. Он висел поверх верхней одежды и был заметным указанием для всех зрителей на позор владельца, что делало его наказание чрезвычайно суровым. [457] В 1514 году Хименес заменил крест на *аспа-де-Сан-Андрес*, Андреевский или косой крест, перекладыны которого пересекали по диагонали грудь и спину. [458] Наконец, Инструкции 1561 года описывают *пениitenciарий abito* как сделанный из желтого льна или ткани с двумя красными *аспами*, хотя в некоторых частях Арагона существуют особые обычаи в отношении цветов, которые необходимо соблюдать — вероятно, это относится к использованию зеленой ткани вместо желтой, что, по-видимому, имело место в Валенсии и на Сицилии. [459] В некоторых трибуналах для тех, кто отказался от *дела*, также использовался санбенито *de media aspa*, или полукрест, состоящий из одной диагональной полосы. Те, кто должен был расслабиться, появлялись на аутодафе в черном санбенито, на котором были нарисованы языки пламени, а иногда и демоны, отправляющие еретика в ад. [460] Льоренте сообщает нам, что отречение от престола *де леви* проводилось в *замарре*, или желтом санбенито без аспаса, но я не встречал никаких упоминаний о его использовании. [461] Различие между санбенито *де дос аспас* и санбенито *де медиа аспа* было сохранено, и первое понималось как указание на то, что владелец был виновен в официальной ереси, что он и его дети были подвержены последующей инвалидности и что он был приговорен к костру в случае рецидива. Последнее надевалось только во время аутодафе, после чего было отложено в сторону. [462]

Хотя в ранний период санбенито применялось бессрочно, это выражение следует понимать в том же смысле, что и тюремное заключение. Как правило, эти двое были одинаковыми, и приговоры почти неизменно были “привычка и тюремное заключение сроком на два года”, или бессрочными, или несменяемыми, в зависимости от обстоятельств. Там, где, действительно, ересь была тривиальной или технической, а не реальной, или обращение казалось подлинным и спонтанным, санбенито был просто символом, который можно было носить только во время аутодафе или даже в течение более короткого периода, хотя, тем не менее, он оставлял свое неизгладимое клеймо. Существовали градации, подходящие для каждого случая, что хорошо проиллюстрировано в автографе Гранады от 27 мая 1593 г., где в трех случаях наказание было снято после прочтения приговора, в двух - после возвращения инквизиции, в двух - по истечении двадцати четырех часов (одним из них был лицензиат Хуан Фернандес, который тридцать шесть лет был иудействующим), в одном случае оно было назначено на два года, а в другом - на три, а Леонор Фернандес получила два года санбенито и четыре года тюрьмы. Это было даже нанесено на изображение доньи Инес де Торрес, с которого было снято после прочтения приговора, потому что она исповедалась и умерла как католичка, с достаточными признаками раскаяния. [463] Таким образом, трибунал мог изменять меру наказания по своему усмотрению и не был связан правилом совместного *рассмотрения дела*. В суде Толедо 15 марта 1722 года две девочки 14 лет, Мануэла Диас и Мария де Мендоса, были приговорены к шести месяцам тюремного заключения и двум месяцам санбенито, в то время как 24 февраля 1723 года Мануэль Хименес был приговорен к пожизненному заключению и одному году санбенито. [464]

Из того факта, что в приговорах кающимся говорится, что они не должны выходить из своих тюрем или домов без санбенито, можно сделать вывод, что его не носили в дверях. Отказ от него, как мы видели, был тяжким преступлением, наказуемым как неисполнение епитимьи, и в

Эдиктах Веры требовалось осуждение этого, как и других нарушений. Однако был один случай, когда это было сделано в больших масштабах и безнаказанно, поскольку во время восстания в Палермо 1516 года против инквизиции произошло всеобщее изгнание санбенитоса. Когда порядок был восстановлен и трибунал был восстановлен, были предприняты бесплодные усилия по их повторному назначению. В 1522 году Супрема написал инквизиторам Кальвете и Сервера, обратив внимание на это как на большую медвежью услугу Богу и тяжелое бремя для душ кающихся, которые должны быть вынуждены возобновить их, и всем светским и церковным властям было приказано оказать им помощь. С другой стороны, в 1525 году генеральный инквизитор Манрике настоял на возобновлении санбенитос, но в то же время он предостерег инквизиторов не устраивать скандалов или неприятностей, и мы можем предположить, что попытка была практически прекращена. [465]

САНБЕНИТОС В ЦЕРКВЯХ

Каким бы жестоким ни было введение санбенито, это было наказание, унаследованное от древней инквизиции, но испанская изобретательность изобрела еще более жестокое его применение, чтобы вызвать отвращение к ереси. Это было сохранение санбенито с соответствующими надписями, выставленных на видном месте в церквях, таким образом увековечивая будущим поколениям память о преступлении и наказании правонарушителя. Происхождение этого, возможно, можно проследить до церемоний, соблюдавшихся в ранний период, когда кающихся освобождали от *abito*. Как описано, в 1490 году в Барселоне они были собраны в инквизицию, и инквизитор прочитал им проповедь. Две недели спустя они собрались в приходской церкви Санта-Мария-дель-Пино и прослушали мессу; затем они прошли процессией в часовню Монсерратской Богородицы, снова прослушали мессу, предложили Пресвятой Деве по двенадцать закусок и провели там ночь, после чего их санбенито сняли и повесили на видном месте у двери. [466] Конечно, в случае с теми, кто был сожжен, санбенито вешали сразу, и это оставалось правилом, как мы узнаем из Инструкций 1561 года — санбенито примиренных вешали, когда его снимали, будь то во время аутодафе или после нескольких лет тюрьмы; санбенито расслабленных - сразу после аутодафе. [467]

Этот обычай, должно быть, развивался постепенно. В старинных инструкциях нет никаких упоминаний об этом, и я не нашел никаких указаний относительно времени, когда это стало обязательным, за исключением того, что в 1512 году было принято решение Верховного суда, выражающее волю короля и кардинала, о том, что санбенитос расслабленных и примиренных Кампо-де-Калатрава должны быть повешены в церквях, за исключением санбенитосов примиренных во время Благодати, и что, если какие-либо из последних были повешены, они должны быть удалены. [468] Это указывает на распространяющийся обычай, одобряемый властями, но пока еще подлежащий сомнению. Это уже перекинулось на Сицилию, где одним из эпизодов восстания 1516 года было снесение санбенитос в церквях, и народное отвращение к этому было настолько велико, что в конце столетия восстановить эту практику не представлялось возможным. [469]

Для потомков мало имело значения, что санбенито жертв в первые годы избежали такой огласки. Порочность, которая вдохновляла это, переросла в такую злобу, что в 1532 году Верховный суд приказал трибуналам составить из своих записей списки всех сожженных или примиренных, даже в соответствии с Указами Милосердия, и приостановить в церквях все

санбенитосы, которых, как было обнаружено, не хватает. Непростительная жестокость включения добровольных примирений в Эдикты Милосердия привела к отмене этой части приказа в 1538 году, но в 1539 году это было объявлено неприменимым к тем, которые уже были повешены — если они были сняты, их необходимо заменить. Этот вопрос был вновь поднят в 1552 году, и мнения разделились, но решение сохранить их возобладало. Тем временем, в 1548 году Верховный суд побудил трибуналы заполнить все вакансии, будь то возникшие из-за упущений или тайного удаления старых, и приказал повесить новые, как только были задержаны автомобили, чтобы предвидеть жалобы и назойливость пострадавших и их родственников. Затем, как будто трибуналы не справлялись со своими обязанностями, в 1555 году был возрожден и повторен приказ 1532 года. [470] На умышленную порочность этого указывают Инструкции 1561 года, в которых указывается, что, поскольку те, кто примирился во Время Благодати, освобождаются от ношения санбенито, поэтому их санбенито не следует подвешивать в церквях. [471]

САНБЕНИТОС В ЦЕРКВЯХ

Цель была жестокой - увековечить позор жертвы и сделать его как можно более оскорбительным для его родственников и потомков. Поскольку санбенитос со временем изнашивались или становились неразборчивыми, их заменяли желтыми льняными салфетками, на которых были указаны полные сведения об имени, происхождении, преступлении и наказании преступника. [472] Первоначально они были повешены в кафедральном соборе города инквизиции, но это не сделало позор достаточно близким потомкам, и, по крайней мере, в некоторых местах, их было приказано перенести в приходские церкви преступников, чей позор, таким образом, сохранялся в памяти их соседей. Единственный пример проиллюстрирует дух, побудивший к этому. В 1519 году Верховный суд Куэнки распорядился о такой передаче, но приказ был выполнен вяло, и его повторили в 1529 году. Затем потомки Лопе де Леона и Альвара Эрнандеса де Леона, жителей Бельмонте, обратились с петицией к Верховному судье, заявив, что жены Лопе и Альвара помирились; они были уроженцами Кинтанара, где совершили свою ересь, и теперь потомки умоляли, чтобы санбенитос повесили в церкви Кинтанара, а не Бельмонте. На это Верховный ответил 15 апреля 1529 года, приказав трибуналу повесить санбенитос в резиденции потомков, в таком людном месте, чтобы примирение женщин было печально известно всем. Это правда, что потомки добились отсрочки до 1548 года, когда 9 ноября в церкви Бельмонте были повешены женские санбенитосы. [473]

Такая политика распределения не могла быть универсальной, поскольку, когда Толедский собор пожелал избавиться от огромного скопления санбенито, Верховный суд запретил это, добавив, что если требуется разместить их в приходских церквях, это должно быть сделано с использованием новых, оставив оригиналы в соборе. Наконец, в 1538 году инквизиторы Яньес и Лоайса распределили их по приходским церквям, когда Себастьян де Ороско рассказывает нам, что это принесло бесконечные страдания потомкам, заставив их всех или почти всех сменить фамилии, так что в Толедо имена, которые на самом деле носили Конверсос, исчезли. [474]

Смена имени была не единственным средством, к которому прибегли потомки, поскольку они постоянно работали, тайно устраняя свидетельства своей позорности. Еще в 1518 году трибуналу Сарагосы было приказано строго преследовать в судебном порядке тех, кто отвлек их

отдоминиканской церкви. [475] Их рвение стимулировалось тем фактом, что инквизиторы при составлении протоколов включили в них всех, кто был примирен в соответствии с эдиктами Милосердия, что дало законные основания для жалоб, как показала длительная борьба во Фреженале. В 1556 году доктор Рамирес, инквизитор Льерены, подал протест в Верховный суд против усилий жителей Фреженала по удалению имен тех, кто примирился в Период Благодати; это привело бы к тому, что осталось бы совсем немного, поскольку в 1491 году там было проведено триста пятьдесят семь примирений, из которых триста пятьдесят четыре были в соответствии с Эдиктом. Чтобы сделать позор предков более доступным для общественности, помимо санбенито, имена и подробности были начертаны на пергаментной табличке. Оно порвалось и стало почти неразборчивым, и 23 августа 1563 года его торжественно заменили другим, написанным крупными буквами типографской краской и покрытым лаком для гарантии сохранности. Тайная война, ведущаяся против этого увековечения позора, описана в 1572 году в показаниях знакомого Родриго Карвахо. Жители города, по его словам, в основном были потомками Конверсос, прибегавших к лжесвидетельству и любым другим средствам, чтобы скрыть свое происхождение. Ризничими, как правило, были Conversos, которые потворствовали методам, применяемым для уничтожения улики, и санбенитосы были украдены; раньше их было пятьсот девяносто девять, а теперь их осталось всего десять или дюжина, изношенных и порванных и расположенных так, что их нельзя было прочитать, в то время как табличка с именами постепенно стиралась и становилась неразборчивой. Так продолжалось до 1576 года, когда инквизитор Монтойо принес Фреженалу новый набор санбенито, приготовленных на основе записей, которые были должным образом приостановлены, и табличка с именами и подробностями была помещена так, чтобы все могли ее прочитать. Этот список показывает упрямую настойчивость, с которой сохранялись имена спонтанно примирившихся. В нем содержалось сто шестьдесят два расслабленных и четыреста девять примирившихся, все, за очень немногими исключениями, в период с 1491 по 1495 год. Между 1499 и 1511 годами их не было, и ни одного позже 1511 года. [476] Столкновения, подобные этому, несомненно, происходили во многих других местах.

САНБЕНИТОС В ЦЕРКВЯХ

Сами церкви, похоже, не отнеслись благосклонно к такому осквернению их священных пределов. В Куэнке, по-видимому, была предпринята попытка скрыть санбенитос, на которые трибунал жаловался в 1571 году, когда Верховный суд приказал ему следить за тем, чтобы перед ними ничего не ставили, даже в праздничные дни. [477] Приходская церковь Сан-Сальвадора в Сифуэнтесе пошла дальше и в 1561 году обратилась к Пию IV, объяснив ему испанский обычай и заявив, что привлекательность церкви не только омрачена известностью, придаваемой санбенитос, но и что они привели ко множеству скандалов, все из которых можно было бы предотвратить, если бы их убрали в какое-нибудь менее заметное место или его вообще убрали, но для этого требовалось разрешение Святого Престола. Папа дал требуемую лицензию при условии согласия инквизиции на изъятие, что, конечно же, сделало ее недействительной. [478] Кафедральному собору Гранады повезло больше, поскольку, когда в 1610 году генеральный инквизитор Сандовал посвятил в сан архиепископа Педро Гонсалеса де Мендосы, последний попросил его в качестве особого одолжения своей невесте освободить ее от санбенитос. Сандовал согласился, и разрешение пришло вскоре после того, как Мендоса прибыл в Гранаду. Это праздновалось с большим ликованием и колокольным звоном; санбенито морисков были переданы церкви Сан-Сальвадор в Альбайсине, в то время как санбенитосы иудействующих были повешены в церкви Сантьяго, которая была приходской церковью инквизиции. [479] Даже

когда не было этого открытого антагонизма, имело место пренебрежение, которое было практически более разрушительным. В 1642 году трибунал Валенсии узнал, что некоторые из находившихся в соборе упали, и им было позволено лечь. Было проведено расследование, и, судя по отчету, казалось бы, что каждое доступное место было таким образом украшено и что все требовало внимания для их сохранения. Ризничие пообещали сделать все необходимое, но, по-видимому, они были вполне готовы увидеть, как они исчезнут. [480]

Сознавая это церковное безразличие и постоянные усилия заинтересованных лиц уступить место видимым свидетельствам своего позора, Верховный был постоянно активен, чтобы противодействовать результатам. Инструкции 1561 года настоятельно требуют вешать новые санбенитосы и обновлять старые, чтобы память о позоре еретиков была сохранена навсегда, и инквизиторам при их посещениях предписывается следить за тем, чтобы в приходских церквях сохранялись непрерывные ряды *мантет и инсиний* их прихожан-преступников. [481] Филипп II был не менее настойчив. В своих инструкциях Манрике де Лара от 1595 года он обращает особое внимание на этот предмет; есть санбенитосы, которых сейчас нужно повесить, и другие, которые никогда не были повешены, очевидно, из-за фаворитизма, за что инквизиторы заслуживают строгого наказания, поскольку это самое суровое наказание, которое Святая Канцелярия может наложить на еретиков и их потомков, и Манрике должен позаботиться о том, чтобы все недостатки были исправлены. [482]

На самом деле, самым неотложным делом инквизитора при посещении своего округа было позаботиться об этом. В 1569 году Верховный повелел каждому перед отправлением составить полные списки расслабленных и примиренных жителей региона, который предстоит пересечь, и в каждом месте эти списки должны были сравниваться с существующими санбенито, и все, что исчезло, должно было быть заменено. В 1600 и 1607 годах эти инструкции повторялись с еще большей настойчивостью, как дело, которым нельзя пренебрегать ни на один день, ввиду того зла, которое за этим последует. [483] То, что ничто не должно было мешать выполнению этого благочестивого долга, стало очевидным, когда у Валенсии не было денег, чтобы покрыть расходы на продление, и ей было велено занять их у *Депозитария претендентов*— священных вкладов тех, кто стремится доказать свою чистоту, которые, таким образом, использовались для сохранения боеприпасов, которые могли разрушить их надежды. [484]

Как, на самом деле, санбенитос использовались для этой цели, указано в расследовании, проведенном в Тортосе в 1577 году инквизитором Хуаном де Суньигой. Были тщательно изучены дела *sanbenitos* и составлены списки, классифицированные, во-первых, на те, по которым можно было идентифицировать судебные процессы, и те, по которым в протоколах не было обнаружено никаких следов, и, во-вторых, по применяемым наказаниям. Затем были вызваны двое старейших жильцов — нотариус и священник; вместе с ними были просмотрены списки и взяты их показания относительно потомков преступников, особенно о том, изменил ли кто-нибудь свои имена, чтобы избежать инвалидности. Таким образом, за ними велось пристальное наблюдение, и было предпринято все возможное, чтобы позор их предков сохранялся надолго. [485]

САНБЕНИТОС В ЦЕРКВЯХ

По мере того как шел семнадцатый век, казалось бы, рвение трибуналов в деле санбенитоса ослабевало. Генеральная хартия акордада от 27 февраля 1657 года предполагает это, привлекая их внимание к Инструкциям 1561 года и последующим приказам аналогичного значения. Поскольку недавно было проведено много аутодафе и поскольку стало понятно, что в некоторых местах санбенито не были вывешены в церквях, трибуналам было приказано немедленно составить списки расслабленных и примирившихся и повесить соответствующие санбенитов в церквях, а также обновить старые, которые пришли в негодность. Ввиду важности этого для служения Богу было настоятельно необходимо представить полный отчет с подробностями в течение четырех месяцев. Возможно, это подтолкнуло суды к резкой активности, но, если так, его влияние было лишь временным, поскольку в 1691 году мы находим, что Супрема приказал составлять отчеты о времени, прошедшем с тех пор, как санбенитос перестали развешивать в церквях; были запрошены списки недостатков; старые санбенитос должны были быть изучены и должны были быть составлены заявления о том, чего не хватало и что стало неразборчивым, чтобы Супрема мог принять необходимые меры. [486]

Похоже, что этот обычай пришел в упадок, но от него ни в коем случае не отказались, и уже 26 августа 1753 года, когда в Валенсии было сожжено чучело умершего преступника по имени Хорстманн, было приказано приостановить действие двух санбенито, одного в соборе и одного в приходской церкви Сан-Лоренцо. [487] Все тот же трибунал представил в 1783 году освежающее свидетельство ослабления нетерпимого рвения по мере постепенного распространения просвещения. В соборе шла реставрация, во время которой санбенитосы бережно хранились в помещении инквизиции. По завершении работы трибунал предложил генеральному инквизитору Бельтрану, что их повторное повешение не пойдет на пользу Богу или обществу, с чем Бельтран согласился; если капитул не просит о них, трибунал не должен поднимать этот вопрос или предпринимать что-либо в этом вопросе, и, исходя из одобрения в письме, можно сделать вывод, что санбенито разрешили упокоиться без помех. [488]

Не следует предполагать, что, когда суд Кадиса 22 февраля 1813 года отменил инквизицию, он удовлетворился тем, что разрешил дальнейшее существование санбенитос, которые увековечили так много ужасных воспоминаний. В указе от того же дня говорилось, что статья 305 Конституции предусматривает, что никакое наказание не должно распространяться за пределы преступника на его семью; что средства, с помощью которых в общественных местах сохранялась память о наказаниях, наложенных инквизицией, навлекали позор на семьи и даже подвергали дурной репутации лиц с таким же именем. Следовательно, все портреты, рисунки или надписи, фиксирующие наказания, налагаемые инквизицией, существующие в церквях, монастырях и других местах, должны были быть удалены или стерты в течение трех дней после получения указа. [489]

Положение Испании было не таково, чтобы гарантировать сколько-нибудь широкое выполнение этого указа, хотя маловероятно, что французские армии оставили много повешенных санбенито в городах, оккупированных ими во время войны. О том, что произошло в других местах, вероятно, можно догадаться на примере Майорки, когда Конституция Кадиса была принята с энтузиазмом и санбенитос были убраны из церкви Сан-Доминго, но они были предусмотрительно убраны и снова повешены после реставрации в 1814 году. Однако во время революции 1820 года они были снесены и сожжены, а инквизиция сровнена с землей. [490]

Обычай подвешивать в церквях *habitelli* или *sanbenitos* примиренных и расслабленных, по-видимому, был заимствован Италией из Испании, по крайней мере в некоторых местах. К чести римской инквизиции следует отметить, что она не одобряла эту варварскую практику, как явствует из указа 1627 года, предписывающего вынести их из собора Фаэнцы и тайно сжечь. [491]

ИНВАЛИДНОСТЬ.

Инвалидность уже рассматривалась в связи с финансами инквизиции, возникающими в результате продажи разрешений, но она составляла слишком важную часть пенитенциарной системы, чтобы не требовать дальнейшего лечения в этой связи. Однако они отличались от других наказаний тем, что, хотя и оговаривались в приговорах, были неотделимыми последствиями осуждения за ересь и, таким образом, в некотором смысле действовали самостоятельно, поскольку суровость законов о пресечении неверия не ограничивалась конфискацией имущества тех, чьи жизни были спасены. Примирившийся еретик был не только брошен на произвол судьбы без гроша в кармане, но и подвергнут ограничениям, лишавшим его возможности зарабатывать на жизнь. Поскольку эта утонченная жестокость не могла быть применена к тем, кто был сожжен, она обрушилась на их потомков.

ИНВАЛИДНОСТЬ

Это последнее положение было заимствовано из имперского законодательства о борьбе с государственной изменой, которое лишало детей предателей права занимать должности и наследовать залоговое имущество. [492] Фредерик II в своем равеннском указе от 1232 года применил это правило к детям и внукам еретиков, которое было охотно включено в законодательство Александра IV и Гонория IV, хотя Бонифаций VIII немного смягчил его, освободив внуков по женской линии. [493] Как часть канонического права, это, конечно, регулировало испанскую инквизицию, и, если и были те, кто сомневался в справедливости наказания православных детей за ересь их родителей, они были торжествующе заставлены замолчать Альфонсо де Кастро, который указал на Первородный грех как на неопровержимое доказательство того, что это соответствовало закону Божьему. [494]

Применение этих ограничений к примирившимся кающимся, по-видимому, началось с Совета Безье в 1246 году, который постановил, что кающиеся не должны занимать государственные должности, работать врачами или нотариусами, носить шелковую одежду, золотые и серебряные украшения или другие предметы тщеславия - короче говоря, что их одежда должна соответствовать тем, чья жизнь должна быть конструктивно проведена в покаянии. [495] Эти положения не были включены в каноническое право, но, по-видимому, стали традиционными в Священной канцелярии.

В Инstrukциях 1484 года ничего не говорится об инвалидности потомков, но инквизиторам было поручено приказывать кающимся после завершения их епитимьи никогда не занимать государственные должности или бенефиции, а также не служить прокурорами, сборщиками налогов, сборщиками податей, бакалейщиками, аптекарями, врачами, хирургами, кровопускателями или брокерами, запрещая таким образом профессии, которые они специально сделали своими собственными. Более того, они не должны были носить золото или

серебро, кораллы, жемчуг или другие драгоценные камни, одежду из шелка, батиста или других украшений, ездить верхом или носить оружие, и все это при жизни под страхом рецидива. [496]

Очевидно, существовали сомнения относительно применения этих ограничений к потомкам тех, кто был ослаблен, но о том, что были предприняты усилия в этом направлении, свидетельствует то, что в 1486 году они получили от Иннокентия VIII распоряжение, позволяющее им распоряжаться доходами церквей. [497] В ассамблее инквизиторов в 1488 году этот вопрос вызвал значительные дебаты, в результате чего были приняты инструкции о том, что каждый трибунал в своем округе должен обеспечивать, под угрозой суровых наказаний, лишение детей и внуков возможности занимать любые должности или достоинство, которое можно считать общественным, а список запрещенных профессий был расширен за счет включения профессий торговцев, нотариусов, писцов, адвокатов, собирателей доходов и некоторых других. На них не распространялись ограничения на роскошь, поскольку они не были кающимися грешниками, но им было запрещено носить знаки отличия любого достоинства, светского или церковного. [498] Это упущение было исправлено в указе, изданном Торквемадой 22 апреля 1494 года, но исполнялось оно настолько вяло, что, когда в 1502 году монархи распорядились о его приведении в исполнение, они дали определенное время тем, кого это коснулось, ознакомиться с его положениями. [499] Сам Фердинанд имел возможность осознать трудности правления, поскольку в 1500 году мать Перо Руиса, члена его королевской гвардии, была осуждена, и, следовательно, он был лишен возможности ездить верхом и носить оружие. Не желая терять его, Фердинанд написал Торквемаде, чтобы посольный вернул ему разрешительные письма. [500]

Мы видели, как в борьбе за выгоды от диспенсации монархи передали инквизиции *cosas arbitrarias*, или ограничения на роскошь, и присвоили себе, согласно *pragmáticas* 1501 года, контроль над неспособностью занимать должности и заниматься определенными профессиями, которые так сильно ограничивали способность примиренных, а также детей и внуков осужденных обеспечивать себя. [501] Однако в 1502 году было сделано гуманное исключение, согласно которому дети, помирившиеся в возрасте до 14 лет, были освобождены от действия программы *pragmáticas*. [502] Поскольку это были муниципальные законы, они подчинялись светским чиновникам, которым было приказано обеспечивать их соблюдение под страхом конфискации и потери должности за халатность.

ИНВАЛИДНОСТЬ

Издавать указы было легче, чем добиваться их исполнения. Гражданские власти, похоже, уделяли мало внимания прагматике, в то время как инквизиция делала все, что могла, в пределах отведенной ей сферы. Верховный суд отдал приказ трибуналам со всей строгостью наказывать тех, кто пренебрегал денежными ограничениями, которых, как говорили, было много, что являлось большим неуважением к Священной Канцелярии. Вероятно, чтобы стимулировать рвение, в 1509 году он изменил наказание за рецидив на денежную епитимью, которую разрешил инквизиторам налагать по своему усмотрению, принимая во внимание тяжесть дела и богатство преступника. [503] Вырученные таким образом суммы были достаточно значительны, чтобы возбудить алчность придворных, ибо 9 мая 1514 года мы видим, что король передал четырем своим приставам штрафы, наложенные на сыновей Алонсо Галло из Толедо, а 1 апреля он приказал Васкесу де Бусто, альгвасилу из Толедо, взыскать все епитимьи такого рода, половину выплатить судебному исполнителю, а другую половину разделить между

фискалом Мартином Хименесом и слугой секретаря Кальчены. [504] Наказания, установленные в "прагматике", также были изменены на штрафы, как мы узнаем из письма от 20 июня 1515 года, в котором расходы, понесенные в Севилье, распределялись между Кальценой и Агирре, после выделения трети для трибунала, и из другого письма от 8 января 1516 года, в котором Фернандо де Ойос, портеро трибунала Куэнки, возмещались штрафы, понесенные женами Педро де Вагуэра, Кирос и Джейме Ботикарио за занятие профессией аптекаря. [505]

В конце концов было признано, что инквизиция была единственным инструментом, на который можно было положиться в обеспечении соблюдения прагматики, и Карл V седулой от 30 марта 1528 года передал все дело в ее руки. Он процитировал законы Фердинанда и Изабеллы с их суровыми наказаниями для нерадивых чиновников, несмотря на то, что ему сообщили, что во многих местах ими пренебрегали, поэтому он предоставил инквизиции все необходимые полномочия и приказал ей следить за исполнением закона. Возможно, светские власти оказали некоторое сопротивление этому вторжению в их юрисдикцию, что потребовало повторения седулы 2 марта 1543 года. В соответствии с этим Верховный суд в постановлениях 1548, 1549 и 1566 годов обратил внимание трибуналов на количество лиц, занимающихся запрещенными занятиями или носящих запрещенные предметы, и призвал их проявлять активность в выявлении и наказании правонарушителей. [506]

Формулировка законов была строгой. Возник хороший вопрос, были ли дети подвержены инвалидности, когда родителя *заочно* осудили как непокорного, когда ересь была предполагаемой и не доказанной. Фариначчи утверждал, что это не так, поскольку отсутствующий, даже если его сожгут в виде чучела, всегда может вернуться и доказать свою невиновность. Пенья представляет более строгую испанскую точку зрения, согласно которой беглец был осужден как еретик, а его дети были недееспособны. Этот вопрос был решен в случае с сыном Антонио Переса, которого лишили пенсии за счет церкви Куэнки. Это было окончательное решение Роты после полной аргументации; оно послужило прецедентом, и приговор отсутствующему содержал тот же перечень инвалидности, что и приговор тому, кто был сожжен лично. [507] Возникли некоторые сомнения относительно того, запрещают ли *pragmáticas* торговлю вообще; все подобные вопросы оставались за королем, и когда в 1566 году было предложено привлечь к ответственности некоторых торговцев, Верховный суд распорядился приостановить рассмотрение дел до тех пор, пока с ним не проконсультируются. Он был менее осторожен, когда в 1542 году запретил всем примирившимся кающимся содержать школы или даже учить детей грамоте. Возник вопрос, распространяется ли запрет на езду верхом на мулах, но Симанкас решает его утвердительно и даже желает включить транспортные средства, поскольку всем таким лицам подобает ходить пешком. [508] Даже пределы канонического права были проигнорированы в панике, вызванной открытием протестантизма в 1559 году, поскольку в автокатастрофе в Севилье 24 сентября, когда был сожжен Хуан Понсе де Леон, инвалидность его потомков по мужской линии была распространена до четвертого поколения. [509]

Церковная карьера была закрыта для кающихся и их потомков, которым было запрещено вступать в священный сан. Был поднят некоторый вопрос о том, могут ли те, кто состоял в орденах, получать или сохранять льготы, но решение было принято отрицательно. Практика, как было заявлено около 1640 года, заключалась в том, что инквизиторы при посещении в кратком порядке рассматривали дела, касающиеся *арбитражных дел*, в то время как те, которые касались получения бенефиций или государственной должности, направлялись в трибунал для

судебного разбирательства. [510] В Эдиктах веры, которые они публиковали, допускались доносы, и от всех лиц требовалось сообщать о любых нарушениях законов, о которых им было известно. [511]

ИНВАЛИДНОСТЬ

Поскольку каждый, кто имел несчастье попасть в руки инквизиции, впоследствии становился отмеченным человеком и был подвержен подозрению в том, что он стал инвалидом — подозрение, способное со временем усиливаться и влиять на его потомков, — для тех, кто не был таким образом затронут, стало важным иметь какие-либо доказательства этого факта. В прежние времена инквизиция с осторожностью относилась к предоставлению этой помощи, но не отказывалась от нее полностью, когда страдалец обращался к Верховной Власти. Однако не каждый мог добиться вмешательства Верховного Суда; народные предрассудки были сильны, и никто не знал, что происходило в стенах трибуналов. Таким образом, загубленных карьер было множество. Эскобар в своей работе о Лимпьеze рассказывает нам, что при зарождении инквизиции самые легкие правонарушения карались с особой суровостью, и это по прошествии полутора веков все еще оказывало катастрофическое воздействие на потомков; бесчеловечно было, чтобы слово, случайно сказанное по легкомыслию, гневу или в шутку, навлекало позор на преступника и его потомство без ограничения по времени. [512] В мемориале 1623 года, написанном членом Suprema, обсуждается то же зло. Автор говорит, что инквизиция окружена врагами, которые ежедневно множатся за счет тех, от кого страдают трибуналы. Это не просто те, кто расслабился, примирился или был вынужден отречься от *своей горячности*, но есть много благонамеренных старых христиан, наказанных более легкими наказаниями, которые, если они остаются опороченными, а их потомство лишено почестей, неизбежно должны пополнить число врагов, и поэтому прискорбно причинять им страдания по пустяковым причинам. [513]

Суды не перестали причинять людям страдания, но некоторое облегчение принесла постепенно вошедшая в обиход практика включения в приговор за легкие преступления или оправдательный приговор пункта, объявляющего, что участник и его потомки не являются инвалидами и что он может иметь соответствующее свидетельство. Достаточно будет двух примеров этого, произошедших в Вальядолиде в 1638 году. В случае с Агустином Лопесом, которого судили за богохульство, консульта фе не смогла согласиться, и Верховный суд приговорил его к выговору и ссылке, добавив, что приговор не должен препятствовать работе на почетных должностях или в инквизиции. Итак, приговор, снимающий с Мигеля Руиса обвинение в колдовстве, гласит, что его тюремное заключение не должно стать препятствием для него и его детей, и что у него должно быть соответствующее свидетельство. То, что Руиса заключили даже не в секретную тюрьму, а в общественную, показывает, насколько чувствительным было общественное мнение. [514] Эти сертификаты *об отсутствии препятствий*, как их называли, как правило, выдавались только по специальному запросу, и все же о том, насколько они были важны для человека и его потомства, свидетельствует петиция, поданная 17 января 1818 года лицензиатом Мариано де Сантандер-и-Альваресом, в которой говорилось, что двадцать лет назад, в 1798 году, его отец был арестован и привлечен к ответственности трибуналом Вальядолида за то, что в своей профессии книготорговца он продавал запрещенные книги. В окончательном приговоре было заявлено, что его тюремное заключение и судебное

преследование не нанесли ущерба ему или его потомкам в осуществлении их гражданских прав, но тайна инквизиции и потеря свидетельства, выданного отцу, помешали заявителю представить доказательства, необходимые для его допуска в качестве адвоката в королевскую канцелярию, поэтому он просил предоставить надлежащее свидетельство. Верховный суд проверил это заявление и распорядился должным образом выдать справку. [515]

Из этого, а также из мемориала 1623 года следует, что не просто примирение, но даже отречение от престола или меньшие наказания приводили к инвалидности, если не в отношении *арбитражных дел*, то, по крайней мере, в отношении достижения почетной карьеры. В последние годы инквизиции это иногда приводило к милосердному смягчению приговора, как, например, в том, который был вынесен 27 августа 1817 года Франсиско Москере Вильямарино из Сантьяго, “Классическому учителю и профессору 6-й школы канонов Реального университета” за определенные утверждения. Он отделался выговором в зале аудиенций и без отречения от престола, при этом было прямо заявлено, что с ним обращались так доброжелательно, чтобы не нанести ущерба его карьере, хотя его и предупредили, что инквизиция будет следить за ним. [516]

ИНВАЛИДНОСТЬ

Народные предрассудки, как мы видели, усилили жестокость жестоких законов. Насколько закоренелым это было, видно на примере Жозефа Калота, который в 1791 году добивался женитьбы на дочери Пабло Бордо, купца из Валенсии. Родители отказались дать согласие, и влюбленные сбежали. Бордо вынес дело на рассмотрение королевской аудиенции, показав, что Калот был правнуком Клары Муньос, которая в возрасте 19 лет примирилась с иудаизмом на авто де фе в Барселоне 2 апреля 1724 года и была приговорена к неслыханному “тюремному заключению”, хотя через два года ее муж, Антонио Антонелли, добился ее освобождения. Принимая во внимание это происхождение, аудиенция решила, что противодействие Бордо браку было разумным и справедливым, тем самым нанеся несмываемое клеймо Калоту и его потомству. Каким-то образом дело дошло до Верховного суда, который написал в Валенсию за подробностями, и, передавая их, инквизиторы добавили выражение сочувствия к Калоту в постигшем его бесчестии; наказание его прабабушки не лишило его профессии, но было бы трудно восстановить его добрую славу, не поставив под сомнение справедливость приговора Аудиенции. [517] Даже инквизиция не рискнула исправить несправедливость, вызванную усердным воспитанием у населения необоснованного отвращения к ереси.

Наказание за игнорирование инвалидности свелось к скромному штрафу. Что касается мер, налагаемых прагматиками, то в 1531 году Верховный суд ответил на запрос трибунала Авилы и Сеговии, что, хотя законы предписывают конфискацию за правонарушения, все же практика заключается в наказании виновных в соответствии с их богатством, положением и степенью тяжести преступления. Итак, в отношении *арбитражных дел* в 1536 году было постановлено, что, хотя Инструкции 1484 года предусматривали наказание за рецидив, они не требовали от инквизиторов осуждать нарушение как таковое, и практика заключалась в наложении денежных и духовных епитимий. [518] Случаев судебного преследования за правонарушение в архивах не так уж много, главным образом, как мы можем предположить, из-за обычной продажи реабилитаций; в суде Толедо их насчитывается всего девяносто один, и из них примечательно, что существует только три после 1586 года — два в 1600 году и один в 1616 году.

[519] Когда они происходили, наказание оставалось на усмотрение трибунала, и Толедо применял это с большой умеренностью в 1579 году, когда Бернардино де Альдана, ткачиха лент, спонтанно донес на себя. Его мать, Исабель Альварес, была сожжена трибуналом Куэнки, однако он носил бархатную шапочку, носил шпагу и ездил верхом на муле с седлом; он был женат и сделал это, чтобы удовлетворить свою жену и ее родственников, и, кроме того, его брат сказал ему, что они реабилитированы. Его бесхитростный рассказ, похоже, тронул судей, поскольку он отделался выговором и штрафом в два дуката. [520] В 1703 году Мадридский трибунал был более суров к Симону де Андраде, раскаявшемуся кающемся, который носил запрещенные предметы. Он получил строгий выговор, был оштрафован на пятьдесят дукатов, сослан на год и от него потребовали сдать *козас арбитрариас*, но нам сказали, что ему разрешили оставить одежду, которая была на нем, чтобы прикрыть наготу, тем более что она была из обычной ткани. [521]

ЦЕРКОВНЫЕ ПРЕСТУПНИКИ.

В стране, где теократическое влияние было так сильно, было неизбежно особое благоволение к заблудшим церковникам. Церковь всегда стремилась скрыть от общественности информацию о слабостях, которые могли бы уменьшить уважение к ее служителям, и скандала боялась больше, чем греха. Инквизиция установила свою юрисдикцию как надсветским, так и над обычным духовенством, но она осуществляла эту юрисдикцию в соответствии с общей политикой Церкви. Было предпринято все возможное, чтобы сохранить клерикальные правонарушения в тайне от общественности, за исключением случаев формальной ереси или совершения таинств теми, кто принадлежал только к низшим сословиям. Как правило, вместо заключения в секретную тюрьму во время судебного процесса их размещали в каком-нибудь удобном монастыре, где их присутствие не должно вызывать удивления. После вынесения приговора они не были выставлены на всеобщее обозрение, но их приговоры были зачитаны в зале для аудиенций при закрытых дверях, хотя в некоторых случаях для присутствия в качестве свидетелей вызывалось определенное количество других священнослужителей; даже тогда они не носили покаянных одеяний, как миряне. [522]

ЦЕРКОВНЫЕ ПРЕСТУПНИКИ

За преступления приотягчающих обстоятельства обычным наказанием было заключение в специальный монастырь на определенный срок, причем наказание могло быть бесконечно разнообразным. Возможно, шесть месяцев или год предстояло провести в камере; виновный должен был быть последним на хоре и в трапезной; он мог быть отстранен на срок или навсегда от некоторых или всех своих функций и права голосовать или быть избранным; могли быть наложены духовные епитимьи или, при его поступлении, он мог быть подвергнут *зурра де руэда*, или круговой дисциплине, в которой принимали участие все члены палаты, включая братьев-мирян. Все эти большие или меньшие отягчающие обстоятельства могли варьироваться или накапливаться в соответствии с точными оттенками вины. Это монастырское затворничество было принято, возможно, отчасти для сокрытия, а отчасти как более мягкая форма заключения, но милосердие было сомнительным, если мы можем доверять истории, рассказанной Льоренте о капуцине, виновном в жестоком обращении с исповедником при отягчающих обстоятельствах, который, будучи приговоренным к пяти годам затворничества в монастыре своего Ордена, умолял заменить его заключением в секретной тюрьме; он был, по его словам, провинциалом и опекуном, он знал, как братья относились к тем, кого навязывали им как

преступников, и это стоило ему жизни. Его молитва была отклонена, и его предвидение оказалось верным, поскольку он умер в течение трех лет. [523] Однако я встречался со случаями, когда отшельники выдерживали более длительные сроки; как правило, без сомнения, жизнь не становилась приятной, но это зависело от обстоятельств. Францисканец Франсиско Ортис, приговоренный к двухлетнему заключению в келье монастыря Торрелагуна без общения со своими братьями, отказался покинуть свой покой по истечении срока и оставался там до своей смерти, двенадцать лет спустя, объектом почитания всех окружающих. [524] Сочувствие к кающемуся могло быть, а могло и не быть, и обращение с ним, естественно, соответствовало.

Однако, когда преступление было формальной ересью, влекущей за собой примирение или смягчение, священнослужитель был обязан явиться на аутодафе, как и любой другой преступник. Подобные случаи были достаточно распространены в ранний период, когда многие конверсос входили в Церковь, но после тщательного отсеивания инквизицией они стали редкостью. Важным предварительным шагом было отстранение от священства, которое было двух видов: словесного и формального - первого было достаточно для случаев примирения, в то время как для расслабления требовалось второе. Словесная деградация стерла приказы, но *нехарактер* священника, и в более поздний период публичности часто избегали, приводя приговор в исполнение в зале для аудиенций, как в толедских делах Хасинто Васкеса Арансо, священника, осужденного за иудаизм и отправленного на галеры 4 декабря 1688 года, и Буэнавентуры Фрутоса, куры Мочехона, приговоренного 19 февраля 1722 года. [525] Первоначально служения одного епископа было достаточно для словесной деградации, в то время как для формальной требовались два, пока Григорий IX, чтобы облегчить деятельность инквизиции, не постановил, что в случаях ереси епископ виновного может совершать церемонию в присутствии некоторых аббатов и других ученых мужей, и, наконец, в 1551 году Собор Святого Петра постановил, что в случае ереси епископ виновного может совершать церемонию в присутствии. Трент разрешал одному епископу совершать богослужения во всех случаях формального унижения, а его генеральному викарию - в случаях словесного унижения. [526]

Церемония публичного формального унижения была впечатляющей. Преступник шествовал в процессии, неся митру и санбенито расслабления, которые были сняты на сцене, чтобы его можно было увидеть в его священническом облачении и тонзуре. В случае с братом Джозефом Диасом Пимиенто, закоренелым иудействующим, сожженным на Севильском аутодафе 25 июля 1720 года, нам говорят, что собралась огромная толпа, поскольку с 1623 года там не было зафиксировано ни одного случая деградации. Похороны прошли в церкви Сан-Пабло, но как только был зачитан приговор брату Джозефу, несколько чиновников повели его на эшафот на площади Сан-Франциско, где епископ Ликополиса, помощник архиепископа, совершил церемонию. Его язык, ладони и кончики пальцев были выскоблены и натерты паклей, тонзура стерта путем стрижки волос, и он был лишен своих орденов одного за другим в порядке, обратном их вручению. Затем он был передан своему начальству из Ордена наемников, которое сняло с него рясу, после чего на нем были заменены митра и санбенито с нарисованными языками пламени, и он был доставлен *vjuizado*, или светский суд, и доставлен заместителю помощника города для вынесения официального приговора и препровождения в *brasero*. [527]

ГЛАВА IV.

КОСТЕР.

Приговорение человека к смерти на костре как наказание за духовную ошибку настолько противоречит нравственному чувству и учению Христа, что современные апологеты, естественно, попытались освободить Церковь от ответственности за такое зверство. На первый взгляд, можно привести довольно правдоподобный аргумент. Служители религии, духовные суды, сама инквизиция не выносили кровавых приговоров. Любой священнослужитель, который мог быть замешан в них, сталкивался с “нарушениями”, требующими разрешения, прежде чем он мог законно выполнять свои функции или получить привилегию. Казнь еретиков была делом чисто светского права, и сжигание их заживо не предписано ни канонам, ни декретом. Самым ранним зарегистрированным примером конкретизации является то, что было введено Робертом Благочестивым из Франции для катаров Орлеана в 1017 году, и его воплощение в позитивном праве было найдено не ранее, чем в указах против Вальденсов Педро II Арагонского на совете Жероны в 1197 году. В 1231 году Фредерик II включил его в Конституции Сицилии, а в 1238 году своим кремонским указом распространил на всю империю, в то время как Альфонсо Мудрый Кастильский в 1255 году принял его для христиан, ставших евреями или маврами. [528] Таким образом, оно стало частью публичного права христианского мира не столько по инициативе правителей, сколько в результате признания того, что стало обычаем благодаря спонтанной свирепости народного фанатизма.

Инквизиция, через посредство которой еретики были отправлены на костер, сама не приговаривала их к этому, а просто объявила их еретиками, на обращение которых не было никакой надежды; она отрезала их от Церкви, которая больше не имела к ним никакого отношения, и передала или “расслабила” их в руки светских властей для надлежащего наказания. Суд исходил из того, что он осудил преступление, а гражданский судья - преступника, и, смягчая его наказание, заклинал судью сохранить ему жизнь и не проливать его кровь. Это последнее было приемом, изобретенным Иннокентием III еще до существования инквизиции, чтобы уберечь духовные суды от нарушений, связанных с унижением достоинства священнослужителей, виновных в подлоге, и передачей их светским властям для казни. [529]

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЦЕРКВИ

Это перекладывание ответственности на гражданскую власть не было вызвано каким-либо чувством жестокости или несправедливости законов, карающих ересь сожжением, поскольку Церковь учила, что это акт настолько в высшей степени благочестивый, что она предоставляла снисхождение любому, кто подбрасывал дрова в кучу, таким образом принимая на себя ответственность и расходуя Сокровище Заслуг Христа на стимулирование народной жестокости. О том, что эта индульгенция была хорошо известна в Испании, свидетельствуют показания на процессе Яна Антверпенского по обвинению в лютеранстве в Толедо в 1561 году. [530] Фактически, когда Лютер утверждал, что сожжение еретиков противоречит воле Духа, Лев X включил это в число своих ересей, осужденных в булле *"Exsurge Domine"*. [531] Следовательно, у светской власти не было выбора относительно того, что ей делать с доставленными ей еретиками; ее действия были чисто министерскими, и если она прислушивалась к лицемерной мольбе о пощаде, она подлежала судебному преследованию как сторонник ереси и лишению своих функций. [532] Церковь обеспечила это, включив в

каноническое право положение о том, что князья и их должностные лица должны должным образом и незамедлительно наказывать всех еретиков, доставляемых к ним инквизиторами, под страхом отлучения от церкви, которое становилось ересью, если его терпели в течение года; и инквизиторы были обязаны возбудить против них дело, но им было рекомендовано говорить только об исполнении законов, не упоминая о смертной казни, чтобы избежать нарушений. [533]

Как и везде, так и в Испании. Инквизиция передавала нераскаявшегося еретика в руки светских властей, которые должны были вынести ему приговор и казнить. В торопливой неформальности раннего периода, по-видимому, было безразлично, вынесет судья приговор или нет. Современный отчет об автокатастрофе в Толедо от 14 августа 1486 года описывает оглашение приговоров инквизиторами и немедленное отправление осужденных на Вегу для казни, где их сжигали до тех пор, пока не оставалось ни одной кости, без каких-либо намеков на формальное вмешательство светской власти. [534] Однако, когда алькальд вынес приговор в форме приговора, как в Кордове в 1484 году, он произнес его в силу приговора инквизиторов, который делал ненужным что-либо большее, чем сожжение преступника заживо, поэтому он приказал мэру альгвасила привести его в исполнение. [535] В приговорах инквизиции того периода просьба о помиловании, как правило, отсутствует. В деле Менсии Алонсо, осужденной в Гваделупе 21 ноября 1485 года, оно не только отсутствует, но и обязанности светских должностных лиц рассматриваются как чисто министерские, поскольку оно заканчивается “Как член дьявола, проклятая и отлученная от церкви, она должна быть доставлена на место сожжения, чтобы светское правосудие этого города или другие миряне свершили над ней правосудие в соответствии с обычаями этих королевств”. [536]

То, что функция мирового судьи не была судебной, проявляется в отказе сообщить ему о ходе судебного разбирательства. Когда жители Брешии в 1486 году отказались приводить в исполнение приговоры инквизитора, не присутствуя на судебных процессах, Иннокентий VIII приказал инквизитору отлучить их от церкви, если они задержатся более чем на шесть дней, какими бы ни были местные законы, поскольку ересь была чисто церковным преступлением. [537] В соответствии с этим утверждается из *"Реперториума Правитариов"*, напечатанного в Валенсии в 1494 году, что магистрат не имеет права показывать ему процесс, чтобы он мог судить о справедливости приговора; инквизиторы не должны уступать такого права, поскольку его единственная обязанность - привести его в исполнение без промедления, и если он замешкается, то подлежит лишению должности и осуждению как еретик. [538] Этот принцип был полностью принят самими светскими юристами. Торребланка, который был прикреплен к королевской канцелярии Гранады, заявляет, что обязанности гражданского судьи носят чисто исполнительный характер, и он не имеет права рассматривать дело по существу или действовать в судебном качестве. [539]

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЦЕРКВИ

Фактически, от светской власти можно было бы вообще отказаться. Венецианская синьория не всегда была так оперативна, как следовало бы, в подавлении ереси, поэтому, чтобы избежать задержек и неудобных вопросов, тамошний папский нунций со своими фискалами, аудиторами и другими должностными лицами имел право приговаривать к увечьям и смерти всех еретиков без каких-либо нарушений или других церковных наказаний, несмотря на все каноны и

декреталии, утверждающие обратное. Такие положения были изданы в 1547 году Павлом III и в 1550 году Юлием III и, несомненно, были обычным делом. [540] Пенья сводит это к общему принципу, поскольку, не ссылаясь на особые папские полномочия, он утверждает, что вмешательство светского судьи необязательно и что, если он недоступен, трибунал может приговорить еретика к смертной казни; если он доступен, он должен привести приговор в исполнение, если хочет избежать сурового наказания в виде признания вины и противодействия инквизиции. [541]

В Испании было мало опасности подобного нежелания со стороны светских чиновников, где присяга, которую требовала от них инквизиция, обязывала их приводить в исполнение любые приговоры, которые мог потребовать трибунал. [542] Фактически, единственное указание, с которым я столкнулся, на возможные колебания, связанные с наказанием, содержится в постановлении трибунала Толедо от 5 сентября 1725 г., предписывающем, чтобы при аутодафе первыми зачитывались предложения о смягчении наказания — таким образом, отменяя обычный порядок, — чтобы осужденные могли быть немедленно доставлены королевскому судье, не допуская задержки в приведении приговора в исполнение. приговоры под любым предлогом, поскольку трибунал обладал полной юрисдикцией принуждать его посредством порицаний и других наказаний к их точному исполнению. [543]

Инквизиция расценила приговор магистрата как простую формальность. Врачи убедительно указали, что ересь была преступлением, над которым он не имел юрисдикции, и если бы он стал утверждать это, то сделал бы иллюзорным приговор епископа или инквизитора. [544] Следовательно, при подготовке к судебному разбирательству трибунал заранее передал светским властям список осужденных, чтобы можно было составить приговоры и подготовить дрова, кол и удавки для немедленного приведения их в исполнение. [545] Это правда, что бережливость вызвала определенную двусмысленность, когда в 1579 году королевские альгуазилы Сарагосы потребовали выплаты из конфискации за свои услуги и стоимость древесины, и Филипп II решительно отклонил это требование как беспрецедентное, добавив, что инквизиторы не могли назначить такую выплату без нарушений и что казни проводились на основании приговоров светских судей, а не инквизиторов. [546] Это, однако, была всего лишь придирка. В *генеральных судах* магистратов попросили присутствовать для приема осужденных и “исполнения над ними наказаний, налагаемых каноническим правом королевства”. В *частных судах*, проводимых в церквях, которые не должны быть осквернены приговорами о крови, Верховный суд указал в консультациях от 7 апреля 1690 г., что светские судьи могут ждать в назначенном месте, когда достаточно, чтобы нотариус сообщил им в письменной форме, что “N. был объявлен еретиком по приговору Святой Канцелярии”, одновременно доставляя осужденного, когда они должны согласиться с этим утверждением и без промедления привести приговор в исполнение, если только они не хотят, чтобы Святая канцелярия преследовала их как покровителей еретиков и нарушителей ее свободной юрисдикции. В то же время судьи должны продолжать, как обычно, выносить официальный приговор. [547]

Тем не менее, *estilo* инквизиции требовало ужасной комедии просьбы о пощаде. В официальной формулировке приговора пункт, объявляющий послабление гражданскому судье, гласит: “которого мы просим и поручаем самым нежным образом обращаться с ним благожелательно”. В приговорах об отсутствующих и умерших, где только изображение было отдано на растерзание мирским властям, нет мольбы о пощаде, поскольку не было излияния крови, которое могло бы создать беспорядок. [548] В условиях жесткого формализма инквизиционной

процедуры, после того как Верховная власть установила свой тщательный контроль, можно с уверенностью предположить, что этой официальной формуле следовали повсеместно.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЦЕРКВИ

Все это служит достаточным доказательством того, что недопущение нарушений было единственным мотивом, побуждавшим инквизицию в этом вопросе, но если требуются дополнительные доказательства, то они представлены тем фактом, что еще большая щепетильность существовала при осуществлении временной юрисдикции, приобретенной Святой Канцелярией Испании по всем вопросам, касающимся ее должностных лиц, поскольку такие случаи не были предусмотрены комиссиями генеральных инквизиторов, которым были делегированы полномочия трибуналов. В 1514 году этот вопрос возник, когда Микер Кастильо, ассессор трибунала Сарагосы, был убит, а двое из его убийц, Жоан Угэ и Пер Гаско, предстали перед судом и были осуждены. Инквизиторы не осмелились передать их светским властям для казни, и были обсуждены различные способы, но вопрос был решен путем получения от Льва X его *motu proprio Cum sicut acceptimus* от 28 января 1515 г., в котором он предоставил инквизиторам право арестовывать, судить и передавать для наказания светским властям любого, кто ударил, искалечил или убил должностное лицо инквизиции, даже если это повлекло за собой кровотечение, увечья или смерть, без каких-либо нарушений. [549] В соответствии с этим суды действовали, когда возникали подобные случаи, особенно в Гранаде, около 1545 года, когда таким образом были смягчены семь человек — шесть морисков и старый христианин, — которые, находясь в тюрьме, убили алькайда и его помощника и которые были повешены перед сожжением. [550]

Со временем кардиналы Римской инквизиции были охвачены подобными угрызениями совести, и, чтобы облегчить их совесть, Пий V 9 октября 1567 года издал указ, уполномочивающий их участвовать в вынесении кровавых приговоров без каких-либо нарушений. [551] Это относилось только к Италии, но иначе обстояло дело с ужасной буллой *Si de protegendis* от 1 апреля 1569 г., предписывающей передать светской власти для наказания за государственную измену любого, кто жестоко обращается с должностным лицом инквизиции или даже угрожает ему, уничтожает или изменяет его записи. Это было приказано опубликовать по всему миру; испанская инквизиция заявила о пользе этого, и каждый год публиковалась его кастильская версия. Это не создавало иллюзий относительно нарушений, молчаливо предполагая, что таковых не было, и в Испании на это часто ссылались. [552] Тем не менее, когда в 1579 году трибунал Толедо потребовал смертной казни для Франсиско де ла Бастиды за выдачу себя за должностное лицо инквизиции, а светского закона на этот счет не существовало, от Григория XIII было получено специальное предписание, уполномочивающее признать его виновным в смертной казни и передать светским властям для казни без каких-либо нарушений. [553]

Похоже, около 1605 года возникло новое чувство незащищенности. Дело Льва X было почти забыто; у некоторых трибуналов были его копии, но у большинства из них их не было, и булла *Si de protegendis* конкретно не касалась возникающих дел. Поэтому к Павлу V было подано прошение распространить на Испанию указ 1567 года Пия V, который он удовлетворил кратким распоряжением от 29 ноября 1605 года, повторенным в 1607 году. При этом он наделил самыми широкими полномочиями не только инквизиторов, но и всех их должностных лиц, во всех делах веры или нет, входящих в их компетенцию, участвовать в вынесении приговоров о пытках, нанесении увечий или смертной казни без каких-либо нарушений. [554] Этого казалось бы

достаточно, чтобы устранить все возможные угрызения совести, и все же впоследствии иногда возникали непредвиденные обстоятельства, которые возбуждали дебаты или требовали вмешательства папы, чтобы успокоить чувствительную совесть. [555]

В работе по искоренению ереси правила, которыми руководствовалась испанская инквизиция, были более безжалостными, чем те, которые были установлены ее предшественницей. Сначала в средневековых трибуналах на костер отправляли только упорного и нераскаявшегося еретика; тот, кто отрекался и заявлял о своем обращении, даже в последний момент допускался к примирению. Затем постепенно, по мере того как обнаруживалось, что эти принудительные обращения часто были неискренними, рецидив рассматривался как доказательство нераскаянности и упорства и безвозвратно карался смертной казнью, и это включало тех, кто отрекся от себя из-за яростных подозрений. Примером такого обращения является случай с Фраем Бонато, главой небольшого сообщества духовных францисканцев в Каталонии. Он был упорен до тех пор, пока пламя не поджарило его с одной стороны, когда его решимость поколебалась; он заявил о своем обращении и был спасен, но несколько лет спустя выяснилось, что он все еще лелеет свою ересь, и в 1335 году он был сожжен заживо. [556]

ОТРЕЧЕНИЕ

Такого количества сожжений в испанской инквизиции за первые полвека ее существования никогда не могло быть при старых правилах. Действительно, в первом порыве и ярости, случае с Хуаном Шиншиллой в 1483 году (Т. II, стр. 468) указывает на то, что даже чистосердечное признание не смогло спасти от костра тех, кто стремился к примирению в течение Льготного периода, но им помешали независимые от них причины. Даже когда начали формироваться правила, Инструкции 1484 года оставляли жизнь подсудимых на усмотрение трибунала, поскольку они требовали, чтобы перед вынесением окончательного приговора были выражены раскаяние и просьба о примирении, чтобы дать преступнику право на помилование; хотя даже тогда, если инквизиторы считали, что раскаяние было притворным, и у них не было справедливой надежды на подлинное обращение, они были уполномочены объявить его нераскаявшимся и передать его в руки светских властей — все это оставалось на их совести. [557]

Изложенное таким образом правило отражает два момента, развитие которых требует отдельного рассмотрения. Что касается времени признания вины и просьбы о пощаде, которое Инструкции ограничивают периодом, предшествующим вынесению приговора, то оно было продлено до момента оглашения приговора на аутодафе. Тем не менее, это было неохотно признано Инструкциями 1561 года, в которых говорится, что часто, когда осужденные на этапировании заявляют о своем обращении, инквизиторы примиряют их, но это следует делать редко, поскольку это очень опасная вещь, которая, как можно заподозрить, исходит скорее из страха смерти, чем из истинного раскаяния. [558] Тем не менее, несмотря на это предупреждение, было принято приостанавливать разбирательство в отношении тех, кто на аутодафе, до оглашения приговора, утверждал, что раскаялся. Они были переданы инквизиции, и, если они полностью признавались в содеянном себе и другим, их ожидало соответствующее наказание. Такие случаи происходили постоянно; в суде Кордовы от 12 апреля 1722 года их

было четыре. Даже во время зачитывания приговора возникли сомнения в пользу виновного, как в деле *Murcia auto* от 17 мая 1722 года, когда Инес Альварес Перейра, осужденная как нераскаявшаяся иудейка, попросила пощады во время зачитывания своего приговора, заявила, что хотела исповедаться и обратиться, и была отправлена обратно в тюрьму, где с ней помирились. [559] Фактически, в общественных автозак, где находились осужденные для расслабления, под этапированием всегда была оборудована комната, куда сразу переводили раскаявшегося преступника, и один из инквизиторов спускался, чтобы взять у него признание, прежде чем у него будет время изменить свои благие намерения. В таких случаях примирение сопровождалось конфискацией, несвоевременной тюрьмой и санбенито, а также, как правило, одной-двумя сотнями ударов плетью за несвоевременное признание. [560]

Инструкции 1561 года были оправданны, утверждая, что на полученные таким образом преобразования мало полагались. По большей части ужасный опыт заставлял кающихся, которым таким образом удавалось спастись, хранить свои убеждения в тайне, но иногда находились те, чья совесть не могла простить слабость, приведшую к предательству веры. Диего Лопес Дуро, скромный розничный торговец табаком, осужденный за иудаизм, во время постановки отрекся от своих слов и смирился с тюремным заключением. Однажды в 1700 году, слушая мессу, он встал в стороне от своих товарищей по заключению и громким голосом заявил священнику, что тот лжет, ибо Закон Моисея был единственно верным. Он был бы убит на месте, если бы его не поспешили спасти от народного гнева, но для него не могло быть пощады. Инквизиторы долго трудились, чтобы спасти его душу, заставляя его отречься, но безуспешно; он был упорен до последнего и был сожжен заживо в севильском аутодафе 28 октября 1703 года — один из тех мучеников, чье постоянство объясняет, почему иудаизм был нерушим. [561]

УДУШЕНИЕ ПЕРЕД СОЖЖЕНИЕМ

После завершения зачитывания приговора отречение не предотвратило смертной казни, как в старой инквизиции, но было заменено удушением перед сожжением, поскольку считалось принципом, что христианин не должен быть сожжен заживо. Это было признано, по крайней мере, еще в 1484 году, когда в автокатастрофе в Сарагосе преступник был задушен перед сожжением “*porque murió reducido*”. [562] В дополнение к этому традиции Старой инквизиции поначалу вводили определенные нарушения на практике, и из этого не следовало, что передача в руки светской власти неизбежно влечет за собой казнь. В списке *quemados y relaxados* в Сьюдад-Реале есть несколько дел, вплоть до 1523 года, о тех, кто был “расслаблен”, но все же налагал различного рода епитимьи, что свидетельствует о том, что они отказались от своих показаний после передачи их магистрату и все же были избавлены от смертной казни. [563] Фактически, в течение некоторого времени продолжались дебаты, в ходе которых мнения разделились, может ли человек, возвращенный светским судьей инквизиторам, потому что он отрекся и пообещал полное признание, быть снова освобожден для казни. Старшие врачи склонялись к милосердной точке зрения, и Симанкас рассказывает нам о подобном случае в Куэнке, который был передан на рассмотрение Верховного суда, когда многие эксперты пришли к выводу, что преступника нельзя было снова смягчить, поскольку он сделал истинное признание, а светская власть отказалась от своих прав. Даже в 1640 году инквизитор говорил, что суровая казнь человека, который раскаивается после передачи магистрату, не является обычным делом в Испании. [564]

В этом он, по-видимому, ошибается. Я никогда не встречался со случаем, более поздним, чем упомянутые, когда обращение в веру после вынесения приговора обеспечивало примирение. Тенденция к строгости была слишком сильной. Инструкции 1561 года не содержат никаких намеков на такую возможность, поскольку они неохотно допускают помилование за более раннее признание. Пенья запрещает это; он признает, что таков был древний обычай, но подобным обращениям доверять нельзя, и опыт показывает, что от таких кающихся становится только хуже. [565] Это была всеобщая практика - удушать тех, кто заявлял о раскаянии после вынесения приговора, и ужасная альтернатива смерти на костре, когда она надвигалась так неотвратимо, привела к такому количеству обращений на пути к *бразеро*, даже среди тех, чья решимость до сих пор сохранялась, что сожжение заживо стало сравнительно редким явлением. На первых трех аутодафе, состоявшихся в Барселоне в 1488 и 1489 годах, все новообращенные заявили о желании умереть в христианской вере, и все они были задушены перед сожжением. [566] Во время великой аутодафе 21 мая 1559 года в Вальядолиде, где пострадали доктор Касалья и другие протестанты, было лично освобождено четырнадцать человек, из которых только один, Бакиллер Херресуэло, характеризуется как упорствующий еретик и, следовательно, сожжен заживо, остальные были задушены как раскаявшиеся новообращенные. [567] В 1571 году в приходской церкви Логроньо были повешены 157 санбенитос, из которых 101 были примиренными и 56 - расслабленными. Из последних девять были изображены в виде чучела и 47 - лично, из которых только четверо сгорели заживо. [568] Слабость человеческой природы давала лишь редкие примеры тех, кто мог выдержать последнее испытание огненным мученичеством.

Несмотря на практику казни всех, кто откладывал обращение в веру до вынесения им приговоров, все еще находились те, кто утверждал, что они должны быть допущены к примирению, основывая свое утверждение на древнем правиле и на молчании Инструкций 1561 года по этому вопросу. В 1674 году Верховный суд почувствовал себя призванным развеять сомнения трибунала Гранады, настаивая на том, что такая строгость была неизменным обычаем Святой Канцелярии. Тем не менее, этот вопрос обсуждался до тех пор, пока хартия акордада от 24 мая 1699 года не разрешила его авторитетным образом. В нем говорилось, что вследствие существующих сомнений Верховный суд тщательно изучил этот вопрос, придя к выводу, что технически передача дела светскому суду совпала с оглашением приговора; таким образом, инквизиция осталась без юрисдикции, которая перешла к королевскому правосудию для приведения приговора в исполнение. Следовательно, если осужденный не был обращен до оглашения приговора, он не должен был быть помилован или допущен к примирению, даже если бы он умолял об этом, но королевское правосудие должно было привести приговор в исполнение. Если обращение было настоящим, а не притворным — последнее в такое время вполне вероятно, — любой из духовников, помогавших преступнику, мог примирить его с церковью и исповедать таинственным образом. [569] Таким образом, его тело было безвозвратно утрачено, хотя его душу можно было спасти.

После столь формального определения невозможно привести никаких аргументов в пользу милосердия. В шестидесяти четырех аутодафе, между 1721 и 1727 годами, было зафиксировано в общей сложности семьдесят семь случаев личного расслабления. В отношениях не всегда четко указывается, была ли жертва сожжена заживо или задушена, но, судя по приведенным деталям, оценка не может быть сильно ошибочной: не более тринадцати, или примерно каждый шестой, подвергся более суровому наказанию. В суде Гранады 21 января 1722 года было освобождено одиннадцать человек, все из которых заявили о своем обращении после того, как

были зачитаны приговоры, и все они были удушены перед сожжением. Толкование этого правила было настолько жестким, что без него нельзя было обойтись даже для удовлетворения сильного стремления к искуплению, которое иногда овладевало новообращенным на одиннадцатом часу. В суде Кордовы от 12 апреля 1722 года Антонио Габриэль де Торре Завальос, непричастный к иудаизму, был обращен после оглашения приговора. В бразеро, с обильными слезами и знаками раскаяния, он громко провозгласил свою христианскую веру, восхваляя милосердие Божье и Святую Канцелярию и требуя, чтобы его сожгли заживо, чтобы принести Богу удовлетворение за свои грехи, но в этом было отказано; его должным образом задушили, и “он отдал свою душу Богу к великому утешению и назиданию всего народа”. [570]

НАСТОЙЧИВОСТЬ

Возникает неприятное сомнение, действительно ли во всех случаях предварительное удушение избавляло пострадавшего от смерти в огне. Говорят, что испанские палачи обладают такой ловкостью в обращении с гарротой, что могут часами продлевать смертную агонию, если их не подкупают за скорейшее освобождение. При всеобщей продажности того периода вполне возможно, что те, чьи друзья не смогли заслужить благосклонности министра юстиции, отнюдь не были бесчувственными, когда к хворосту подносили факел. Возможно, в инциденте на автосалоне в Куэнке 29 июня 1654 года, который дал Бартоломе Лопесу возможность проявить свои нервы, было нечто большее, чем просто отсутствие мастерства. Он отложил заявление об обращении в христианство до зачитывания приговора и, следовательно, был освобожден от наказания за удушение и сожжение. В брасеро, увидев, что палач Педро де Алькала неумело задушил Виоланту Родригес и Ану де Гевару, он сказал ему: “Педро, если ты не будешь обращаться со мной лучше, тебе лучше сжечь меня заживо”. [571]

Согласно судебной практике инквизиции, существовало несколько причин, которые влекли за собой расслабление. Первым из них было упорство — упрямство, которое заставляло еретика или вероотступника признавать и защищать свои ошибки и сопротивляться благонамеренным усилиям его судей спасти его душу, побудив к обращению. Этот героический темперамент, предпочитавший мученичество отрицанию того, что он считал правдой, не был обычным явлением, но анналы инквизиции иллюстрируются случаями неизвестных и забытых жертв, чье упорство в пытках и убеждениях вплоть до огненной смерти в бразеро облагораживает человеческую природу, были ли они мусульманами или евреями, протестантами или мистиками. Это была слепая извращенность, которая отказывалась видеть в этом что-либо, кроме жестокосердия, вдохновленного сатаной, и с помощью пустой риторики пыталась провести различие между этим и истинным мученичеством. Таким образом, Симанкас говорит нам, что мы не должны удивляться, видя, как еретиков иногда с ликованием ведут на костер. Это не истинная готовность, а безумие, не терпение, а свирепость, и есть большая разница между варварской свирепостью и скромным постоянством истинного мученика. Кроме того, есть те, кто с помощью определенных искусств настолько умиротворяет тело, что оно не чувствует мук; есть также те, кто лишает разум здравомыслия, так что они встречают смерть без страха, но ту мягкость и безмятежность, это возвышенное смирение и безропотную возвышенность мы видим только в мучениках Христа. [572]

И все же, надо отдать ей справедливость, инквизиция — по крайней мере, после того, как была израсходована первая ярость в ее карьере — искренне стремилась спасти своих жертв, а не отправлять их через преходящее на вечный огонь. Мы видели, что в случае с приговоренными к смягчению наказания оно опережало уведомление об их участии, чтобы расширить возможности призрачных советников, которых оно назначило работать с ними. Еще до этого расширения Инструкции 1561 года предписывают инквизиторам делать все, что в их силах, чтобы побудить к обращению, чтобы, если ничего другого нельзя сделать, преступник не умер без ведома Бога.

[573] В течение двух недель, предшествовавших аутодафе, приговоренных к смягчению наказания должны были вызывать на повторные аудиенции, на которых их должны были настойчиво умолять признаться и отречься с обещаниями милосердия, и требовалось присутствие ученых богословов для оказания помощи в увещеваниях. [574] Еще до консульта де фе благочестивые инквизиторы не жалели усилий, чтобы убедить заблуждающихся в их ошибках. Один из них рассказывает, как в 1630 году ему пришлось иметь дело с двумя протестантами, англичанином и французом, которые были настойчивы, говоря, что они воспитаны в своей мнимой реформатской религии и ничего не знают о католицизме. Их простота доходила до того, что они просили разрешить им вернуться в их родные земли или чтобы люди, сведущие в обеих религиях, спорили перед ними, чтобы они могли узнать, какая из них лучше, поскольку, будучи неграмотными, они сами не могли спорить. Инквизитор поручил богословам поработать над ними, когда после значительных усилий они были обращены; им были розданы религиозные книги, которые они с жадностью проглотили; суд был отложен, и к тому времени, когда показания свидетелей были подтверждены, еретики были добрыми католиками. [575]

НАСТОЙЧИВОСТЬ

Когда за три дня было получено уведомление о предстоящем расслаблении, это время было использовано по максимуму. В Севильском аутодафе 10 декабря 1719 года пострадал упрямый еретик - мавританский раб, крещенный под именем Франсиско Андрес, который перешел на другую сторону и был упорен, когда ему сообщили о вынесенном приговоре. Затем двенадцать калификадоров — по двое от орденов наемников, минимов, францисканцев, доминиканцев, августинцев и иезуитов — с восемью приближенными были приставлены к его обращению. Они увенчались успехом, и он избежал тюрьмы и санбенито на четыре года. [576] Примечательный случай, произошедший в севильском суде 5 июля 1722 года, однако, показывает, что после передачи дела светскому подразделению инквизиция сочла, что ее функции закончились. Там было четверо упрямых евреев, двое мужчин и две женщины. Девять калификадоров и одиннадцать приближенных напрасно трудились с ними в течение трех дней; они настаивали на оглашении приговоров и были доставлены к светскому судье. Двое мужчин и старшая из женщин скончались при последнем обращении в веру, были задушены и сожжены. Молодая женщина, известная как Ла Альмиранта, в бразеро попросила аудиенции у помощника шерифа, сказала ему, что она желает признаться и дать показания против других евреев, и была отправлена в королевскую тюрьму. Сообщение было направлено в трибунал, который ответил, что это больше не имеет к ней никакого отношения. Ее продержали до 7-го числа, и когда ее доставили в бразеро, она была более настойчива, чем когда-либо, говоря, что, поскольку ее товарищи умерли католиками, они были прокляты и что она притворилась сдающейся, чтобы ее

прах, который был святым, не смешался с их прахом. Конечно, у нее было мученичество, которого она жаждала. [577]

В исключительных случаях упорству, по-видимому, предоставлялась привилегия предварительного удушения. В автокатастрофе в Вальядолиде 29 мая 1691 года были осуждены за иудаизм пять настойчивых женщин, описанных как очень красивые, в возрасте от 24 до 27 лет, которые вызвали всеобщее сострадание. Когда их доставили к магистрату, двое из них ослабли, в то время как трое упорствовали в своей вере, но все они были задушены перед сожжением. [578]

Большая часть случаев упорства была вызвана смертью в тюрьме, во время судебного разбирательства, тех, кто не просил на смертном одре утешения в религии и у кого не было возможности получить милосердие путем обращения. Так, в деле "Гранада ауто" от 13 мая 1725 года из семи сожжений чучел шесть принадлежали тем, кто умер в тюрьме. [579] К самоубийцам в тюрьме относились сурово, поскольку Симанкас говорит нам, что самоубийца должен быть осужден как полностью осужденный и нераскаявшийся, даже если он ранее признался и раскаялся, к чему Рохас добавляет, что, хотя его изображение подлежит сожжению, его наследникам разрешено доказать невинность, как бы сложно это ни было. [580]

ОТРИЦАНИЕ—УМЕНЬШИТЕЛЬНОЕ

The *Negativist*- человек— отрицавший свою ересь перед лицом того, что считалось компетентным свидетельством вины, — был классифицирован как нераскаявшийся еретик и обречен на послабление. Такова была неизбежная логика инквизиции, хотя она и привела к самой трагической из всех ситуаций — к тому, что страдалец был замучен до смерти во имя веры. В рамках инквизиционной системы было невозможно позволить возможному еретику сбежать только потому, что он непоколебимо отстаивал свою ортодоксальность, и все же, когда человек заявлял об этом до суда, зная, что это ему не поможет, было невозможно не признать в нем истинно верующего, который не стал бы спасать свое тело ценой ложного признания в отступничестве. Трое таких были обнаружены в Гранаде 27 мая 1593 года, сожжены как негативы и, следовательно, сгорели заживо. [581] Такие люди были настоящими мучениками, особенно потому, что жесткие конструкционисты отказали им в религиозном утешении в их последние минуты. На автосалоне в Толедо 28 октября 1723 года Диего де Кирос находился в таком положении, и иезуит, слушавший его сакраментальную исповедь, был подвергнут суровому порицанию за это, в то время как он упорно настаивал на своей невинности. Снова этот вопрос возник в судебном процессе Толедо от 1 июля 1725 года. Фернандо де Кастро был смягчен как нераскаявшийся негативист и приговорен к сожжению заживо. Из-за жары казнь отложили до полудня, а осужденного тем временем поместили в государственную тюрьму. С криками он искренне умолял о таинственной исповеди, но присутствовавшие при этом хрупкие люди отказались, если только он не признает свою ересь, чего он упорно отказывался делать, утверждая, что свидетели лжесвидетельствовали, а суд был несправедливым. В этот момент появился отец-иезуит, который уступил отчаянным мольбам бедняги и выслушал его исповедь, после чего судья взял на себя ответственность изменить приговор на предварительное удушение. Фрейлы громко осудили иезуита, и к ним присоединилась публика, разочарованная обещанным зрелищем сожжения заживо ближнего. Последовали значительные дебаты, и священник по имени Кандидо Муньос написал аргумент в оправдание иезуита, но его труд был

излишним, поскольку, пока его трактат был в печати, 11 октября Верховный суд издал *carta acordada*, приказав, чтобы в таких случаях священник выслушивал исповедь и даровал отпущение грехов или нет, в зависимости от проявленного расположения, но в будущем никто, кроме назначенных богословов, не должен был сопровождать осужденного до последнего. [582]

Таким образом, допуск умирающей жертвы к таинствам был отложен до столь позднего времени, вероятно, мы можем предположить, исходя из доктрины, что кровь мученичества является наиболее действенным из всех таинств. Такие случаи не могли быть обычными, но их, должно быть, было множество, когда несправедливо осужденный негативно терял решимость при приближении к расере и, чтобы избежать сожжения заживо и получить причастия, ложно признавался в том, что исповедовал ересь, которая претила его душе.

Был также *диминуто*, который сделал признание, которое “не удовлетворяло доказательствам” и, следовательно, было признано несовершеннолетним. Неполное признание считалось фиктивным; оно предполагало нераскаянность и, следовательно, влекло за собой расслабление. Мы видели, как в соответствии с ранними Эдиктами Благодати любые пропуски в поспешных признаниях истолковывались как делающие их несовершеннолетними и подвергающие кающегося преследованию и смягчению наказания. Особенно несовершеннолетний донос на сообщников рассматривался как *диминуцио*; если обвиняемый признавался во всем, что было доказано против него, и опускал действия сообщников, которые, как было доказано, были с ним, или если он называл только тех, кто отсутствовал, умер или уже осужден, это было доказательством злого умысла и нераскаянности; он не был по-настоящему обращен и подлежал смягчению после пыток в *капате отчуждения*. [583] Отрицание еретического намерения в признанных деяниях, которое часто встречалось у тех, против кого были доказаны иудейские или мавританские обычаи, составляло для обвиняемого отрицание существенной части ереси, которая является намерением, или уменьшением, подразумевающим, согласно общему мнению, нераскаянность и упорство, предполагающие смягчение. [584] Так, Эрнандо де Пальма, уроженец Мориско, обвиняемый в обучении и проведении мавританских церемоний, отрицал это и выдержал жестокие пытки, после чего совет федерации проголосовал за явку с повинной и отречение от престола *де Леви*. Не зная об этом, он попросил аудиенции и признался, что в течение семи или восьми лет исполнял некоторые мавританские обряды, не считая их противоречащими вере. В этом он упорствовал и был сожжен во время Толедского восстания 1606 года. Отзыв признания был таким же нераскаянным и настойчивым, как и в случае с Мануэлем Томасом, который признался в иудаизме после предъявления обвинения, затем отозвал признание и настаивал на отзыве, за что был смягчен судебным решением Толедо 1585 года. [585]

Когда Реформация ввергла Церковь в борьбу за жизнь, исход которой никто не мог предсказать, возникла потребность в более жестких репрессивных мерах. Догматик или ересиарх — тот, кто не только обрек свою собственную душу на гибель, но и стремился увлечь за собой других, распространяя свои пагубные доктрины, — мог отречься и примириться с Богом, но не с Божьими земными служителями. Симанкас хорошо выражает ненависть, усиленную страхом, которую вызывали учителя новых доктрин. Ересиарх, говорит он, мастер ошибок, должен быть расслаблен и ни при каких обстоятельствах не должен быть принят обратно в Церковь. Тот

недостоин прощения, кто ввел других в заблуждение, подобно убийце, погубившему многих. Это коварный человекоубийца, который ежедневно проливает кровь душ. Тот, кто учит ереси, убивает не мечом, но ядом своего учения; он убивает не тело, но душу, не временной, а вечной смертью, а потому он достоин самого сурового наказания. И уж тем более учителям лютеранской ереси никоим образом не должно быть помилования. [586]

ЕРЕСИАРХИ

Однако Церковь всегда заявляла, что приветствует примирение своих заблудших детей, которые отрекаются от своих ошибок и молят о пощаде, при условии, что они не повторятся, и инквизиция с момента своего создания действовала по этому принципу. На этом были основаны полномочия, переданные ему, и когда в 1558 году открытие протестантов Вальядолида было настолько использовано, что повергло Испанию в волнение, и было желательно поставить в пример доктора Агустина Касаллу, было сочтено необходимым дальнейшее предоставление факультетов. В Павле IV не было ничего отвратительного. В 1555 году он, очевидно, хотел показать, что Женева не уступит Ригоризму в преследовании строгости и что, если Кальвин в 1553 году сжег Сервета за отрицание Троицы, он мог быть столь же ревностным к вере. Буллой *Cum quorundam* он постановил, что со всеми, кто отрицает Троицу, божественность Христа, его зачатие через Святого Духа, его смерть ради спасения человечества или вечную девственность Пресвятой Девы, и кто не признался инквизиторам и не отрекся от своих ошибок в течение трех месяцев, и со всеми, кто в будущем будет поддерживать эти ереси, следует обращаться так, как если бы они были рецидивистами, и как таковые должны быть немедленно переданы в руки светских властей. [587] Таким образом расширив список непростительных ересей, он был вполне готов предоставить дополнительные полномочия, которых добивалась испанская инквизиция. Кратким указом от 4 января 1559 года он наделил генерального инквизитора и Супрему полномочиями расслаблять всех ересиархов и других еретиков, даже если у них не было рецидива и хотя они желали отречься от своей ереси, когда было правдоподобно, что отречение не было искренним, а было сделано только для того, чтобы избежать наказания. [588] Фактически это была не более чем власть, принятая в Инstrukциях 1484 года, но под ее властью, как мы увидим ниже, были ослаблены некоторые видные еретики, такие как доктор Касалья в Вальядолиде и Хуан Понсе де Леон в Севилье, хотя они отказались от своих ошибок и искали примирения перед референдумом.

Таким образом, в инквизиционной юриспруденции стало принципом, что генеральный инквизитор и Верховный суд могут ослаблять догматизаторов, независимо от упорства или рецидива. [589] Это касалось не только протестантов. Около 1600 года Верховному суду пришлось рассматривать дело некоего Мориско альфаки, обвиняемого в том, что он был учителем ислама, который признался в обучении своей жены, но отрицал другой прозелитизм. Консультация, представленная Верховному Судье, утверждала, что, хотя по закону догматик все же должен быть смягчен, если он спонтанно осудит себя и искренне раскается, с ним можно примириться, поскольку его обращение и смирение служат примером для тех, кого он ввел в заблуждение. Однако в данном случае альфаки признался лишь частично, чтобы спасти себя, поэтому он должен быть смягчен — и с этим согласился Верховный. [590] Однако у этой суровости были исключения. В "Севильском авто" от 5 июля 1722 года Педро де Альпуин, примиренный с пожизненным заключением и санбенито, получил пять лет галер за то, что был учителем Закона Моисеева, и даже они были освобождены с учетом его немощей. [591]

Рецидив был самым плодотворным источником расслабления, по крайней мере, после того, как первый приступ ярости инквизиции исчерпал себя. Уже говорилось, что после примирения или отречения *от веры* любое отступление от веры рассматривалось как указание на то, что обращение было фиктивным, что преступник был нераскаявшимся и упорствующим и что его следовало передать в руки светских властей без надежды на пощаду. Это был неизменный принцип канонического права. Верховный суд в деле, переданном на его рассмотрение в 1536 году, заявил, что он не может обойтись без того, что предписано законом, и поэтому он бессилён освободить рецидивиста от его наказания. [592] Симанкас столь же категоричен: рецидивист подлежит осуждению без надежды на помилование. [593] На первой аудиенции обвиняемого инквизитор должен был сказать ему, что, если он очистит свою совесть, его дело будет рассмотрено быстро и милосердно, но, если обвинение повторится, слово "милосердие" следует опустить, поскольку милосердие не может быть проявлено. [594] Даже быстрое и полное признание было бесполезно; закон был абсолютен и неумолим. [595]

РЕЦИДИВ

Эта тяжесть была значительно усилена эластичным определением, данным рецидиву. Примиренный кающийся должен был ходить осторожно, ибо любого бессознательного возвращения к привычкам предков было достаточно, чтобы осудить его. Около 1500 года Верховный суд постановил, что кающиеся, общающиеся с непримиримыми еретиками, должны рассматриваться как рецидивисты, и все доказательства, поступающие в суды, должны были тщательно изучаться в поисках доказательств, которые оправдали бы судебное преследование — очевидно, тех, кто случайно мог быть упомянут в нем, — а затем, если этого окажется недостаточно для осуждения, любое признание обвиняемого, не содержащееся в его прежнем признании, может быть использовано для осуждения его как фиктивного новообращенного. [596] Как это было истолковано на практике, мы узнаем от Симанкаса, который говорит, что рецидивистом считается тот, кто после отречения от ереси разговаривает с еретиками, или посещает их, или делает им подарки, или оказывает услуги и общается с ними, так что его нельзя не обвинить в этом как следствие его ереси. [597] Человек, который примирился таким образом, жил в постоянной опасности, что в любой момент какой-нибудь знакомый может быть привлечен к суду и осужден, а его имя может фигурировать в свидетельских показаниях как находящийся с ним в хороших отношениях. Безопасность, действительно, можно было обеспечить, только решительно изолировав себя от своей семьи и своей расы.

То же самое было и с теми, кто отрекся от престола только из-за яростных подозрений. Инструкции 1561 года категорически заявляют, что, если они признаются или будут осуждены, им должно быть смягчено наказание, поскольку инквизиторы не властны примирить их, хотя они не настоящие, а только фиктивные рецидивисты. [598]

Тем не менее, были и некоторые исключения. Было признано, что самоосуждение в связи с рецидивом требует смягчения наказания по закону, но утверждалось, что такое повторное признание на самом деле не является обвинительным приговором, поскольку оно показывает, что кающийся не был неисправимым и должен быть помилован. [599] Такие случаи, должно быть, были чрезвычайно редкими, но мы видели один из них в случае с Урсулой де ла Круа (Vol. II, стр. 572), где, как следует помнить, третье самоотречение было наказано колом.

Морискос пользовался особым исключением. Массовое насильственное обращение мавров Кастилии в 1502 году и королевств Арагона в 1525 году наполнило страну номинальными христианами, чье крещение не служило никакой другой цели, кроме как подвергнуть их инквизиции. В основном они были вассалами знати, для которой их услуги были незаменимы, и подвергать целые народы неизбежному рецидиву было перспективой, которая вполне могла ошеломить государственного деятеля, если не церковника. При беспощадной строгости канонического права избежать этого можно было только в Риме, и в марте 1510 года Фердинанд потребовал буллу, позволяющую обращенным избежать наказания за рецидив. [600] Просьба, несомненно, была удовлетворена, и за ней последовали многочисленные папские записки, изданные в течение оставшейся части столетия, которые имели форму наделения генеральных инквизиторов полномочиями назначать исповедников, наделенных полномочиями отпускать грехи кающимся мориско с помощью тайного отпущения грехов и епитимьи, даже если у них были неоднократные рецидивы, или объявлять сроки отсрочки, в течение которых можно было получить отпущение грехов независимо от рецидива, вместе с другими уловками, тщетность всего этого мы увидим ниже. [601]

Это была лишь одна из многих попыток решить растущие трудности проблемы Мориско, и ее единственное отношение к общей политике инквизиции состоит в том, чтобы доказать, как легко при наличии достаточных мотивов можно было отбросить беспощадную жестокость канонического права. Согласно этому закону, мы можем легко представить, насколько большая часть казней была вызвана рецидивами. Отсутствуют подробные сведения о более раннем периоде деятельности, но более поздних записей достаточно, чтобы показать, насколько эффективным агентом это было в приобретении жертв. Во время великого мадридского восстания 1680 года восемнадцать иудействующих были освобождены лично, из них десять - за рецидив, шесть - за упорство и двое - за отрицание или несовершенно признанное. [602] В ужасных Майоркинских терактах 1691 года все расслабленные — тридцать восемь человек лично и семь в виде изображений - были осуждены за рецидив, после примирения в 1679 году, и из них только трое были сожжены заживо как упорствующие. [603] На аутодафе в Гранаде 31 января 1723 года из одиннадцати иудействующих, ослабевших, все были рецидивистами; на аутодафе в Кордове 23 апреля 1724 года рецидивировали семь из восьми, и то же самое произошло со всеми шестью, ослабевшими на аутодафе в Куэнке 23 июля 1724 года. [604] В этих последних трех аутодафе только один человек проявил упорство; все остальные заявили о раскаянии и обращении и отделались бы примирением вместо удушения, если бы не строгость в лечении рецидива.

РЕЦИДИВ

Случай, на который уже ссылались, иллюстрирует это, и его стоит рассказать более подробно, хотя бы из-за его психологического интереса. Брат Джозеф Диас Пимиенто родился на Кубе в семье старых христиан в 1687 году. Он был воспитан в Церкви, и его жизнь была примером вседозволенности, царящей в колониях. Он дрейфовал вдоль берегов Карибского моря, участвуя во всевозможных сомнительных авантюрах. В Мексике он подделал свидетельство о крещении, чтобы получить рукоположение по достижении совершеннолетия. В голландской колонии Кюрасоа он принял иудаизм и был обрезан в надежде получить от евреев несколько сотен долларов. После невероятных испытаний он попал в руки инквизиции Картахены-де-лас-Индиас, где отрекся от престола, примирился и был отправлен в Испанию для затворничества в монастыре. Находясь в епископальной тюрьме, он сбежал из тюрьмы, но был схвачен в Хересе и

помещен в монастырь, закованный в тяжелые кандалы, где он пытался получить помощь от некоторых новых христиан, находившихся под подозрением, но в этом ему это не удалось, хотя, чтобы вызвать у них сострадание, он написал комиссару инквизиции, что он еврей. Затем он снова сбежал и бежал в Лиссабон, где работал на голландского судоводителя, который пообещал перевезти его в Голландию, откуда он мог отплыть на Ямайку. Затем им овладел внезапный порыв, который привел его в Севилью, где он предстал перед инквизицией. Сначала он называл себя христианином, но через несколько дней сказал алкаиду, что он еврей, и настаивал на этом, упрямо отказываясь оправдываться. Неизбежно, как рецидивист, он был приговорен к послаблению в аутодафе 25 июля 1720 года, и в течение трех дней, предшествовавших аутодафе, вся ученость и благочестие Севильи были привлечены к его обращению, в то время как молитвы за его душу возносились во всех церквях. Затем пришло другое отвращение, и через два дня он объявил, что благодать Божья коснулась его и что он христианин. Если бы не его рецидив, это спасло бы его; как бы то ни было, это привело к его предварительному удушению, и от этого он стремился отказаться, поскольку на костре он умолял сжечь его заживо, чтобы доказать, что его обращение было результатом убеждения, а не страха. Этого нельзя было допустить, и помощник шерифа приговорил его к удушению и сожжению, а его прах, как обычно, развеял. Костер был подожжен в 5 часов вечера; потребовалось до рассвета, чтобы превратить тело в пепел, и было замечено, что обычное зловоние отсутствовало. Затем Эрмандад де ла Каридад попросил забрать прах, чтобы похоронить его по—христиански, поскольку он умер христианином, но ассистент отказался и приказал развеять его по полям в соответствии с королевской прагматикой и апостольскими конституциями - все это, как нам сказали, было сделано к великой чести святой католической веры. [605]

Тем не менее, несмотря на каноны, запрещающие милосердие к рецидивистам и лишаящие даже генерального инквизитора права помилования, нередки случаи, как было указано выше (стр. 148), когда рецидивисты допускались ко второму примирению. Еще в 1486 году мы слышим о Микере Гонсало де Санта-Мария, из знатной семьи конверсо из Бургоса, который трижды подвергался покаянию инквизиции и в конце концов умер, но не на костре, а в тюрьме, приговоренный к пожизненному заключению. [606] Некоторые отдельные случаи покаяния после примирения произошли в Барселоне между 1491 и 1502 годами, смешанные с другими, в которых было применено полное смягчение наказания, хотя причины для такого различия не указаны. [607] В 1511 году в Куэнке Леонор и Хуана Родригес, которые были помирены во время Благодати, были помирены снова за новые правонарушения. [608] В более поздний период случаи такого же великодушия происходят чаще, хотя и сопровождаются достаточно суровым наказанием, чтобы показать, что тривиальные доказательства, необходимые для доказательства упорства, были значительно превышены. Так, в суде Толедо от 27 декабря 1654 года Гаспар де лос Рейес был приговорен как нарушитель Закона Моисея к отречению от *де вехементи*, к шести годам каторги и штрафу в тысячу дукатов, в то время как его жена Изабель Родригес и его мать Мария Лопес, оба совершившие рецидив, получили тот же приговор, за исключением того, что ссылка заменила каторгу и штраф составил шестьсот дукатов каждому. Более необычным случаем был случай с Мануэлем Родригесом Морейрой, который был освобожден из-за рецидива в автокатастрофе в Толедо 8 сентября 1704 года после того, как отклонил предложение о помиловании. Известен даже случай, когда 8 декабря 1681 года был вынесен примирительный приговор, *citra poenam relapsi*— без наказания за рецидив, но это

объясняется нежным возрастом преступника, Диего де Кастро, которому было всего десять лет. [609]

РЕЦИДИВ

Помня осторожный намек инквизиторам, что иногда штрафы более эффективны, чем конфискация, тяжелые наказания, применяемые к рецидивистам, которые были помилованы, предполагают, что, возможно, в особых случаях для милосердия были финансовые причины. Мы видели количество казней за рецидив в Майоркинских аутодафе 1691 года. Кроме того, было зарегистрировано двадцать два случая, когда те, кто примирился в 1679 году, не были смягчены, а подверглись различным наказаниям, включая штрафы в размере от одной до пятисот либр, а в совокупности - всего шестьдесят пятьсот либр. [610] Трудно не распознать в этом спекулятивное проявление строгости или милосердия.

По мере того, как шел восемнадцатый век, казалось бы, каноническое наказание в виде послабления стало применяться только к рецидивистам, которые были упорны или отказывались признаваться и молить о пощаде. В автографе Вальядолида от 13 июня 1745 года есть три показательных случая. Луис де ла Вега, который примирился в 1701 году, был смягчен как нераскаявшийся рецидивист, который упорно отрицал свою вину. Мигель Гутьеррес, помирившийся в 1699 году, и Франсисо Гарсиа, помирившийся в 1706 году, были снова допущены к примирению, с неотвратимой тюрьмой исанбенито, десятью годами галер и двумя сотнями ударов плетью — несколько сомнительное милосердие, но, если приговор был оправданным, преступление, несомненно, согласно канонам, требовало смягчения. [611]

Только в формальной ереси рецидив влек за собой послабление, поскольку, как мы видели, костер предназначался еретикам. Там, где ересь была просто умозаключением, как в случае двоеженства, богохульства, домогательств на исповеди, чтения запрещенных книг и других преступлений, отнесенных к компетенции инквизиции, рецидив рассматривался только какотягчающее обстоятельство, подлежащее наказанию с такой дополнительной строгостью, на которую могли указывать обстоятельства. Даже рецидив преступления, заключавшегося в совершении таинств без членства в орденах, которое римская инквизиция рассматривала как эквивалент ереси, карался в Испании лишь обычными наказаниями в несколько более строгой мере. Таким образом, Хуан Висенте Эскирель—и-Моралес - человек с несколькими псевдонимами, бывший пехотинцем, — был наказан за это преступление в Гранаде в 1727 году. Он упорствовал в своих злодеяниях, и в суде Кордовы от 4 марта 1731 года ему запретили носить одежду священнослужителя и приговорили к двумстам ударам плетью и десяти годам галер. [612]

Вторая половина восемнадцатого века стала свидетелем постепенного исчезновения расслабленности. Льоренте рассказывает нам, что во время правления Карлоса III (1759-1788) он нашел отчеты только о десяти аутодафе, в которых было всего четыре случая. [613] Вероятно, последним случаем была смерть Изабель Марии Эррайс, самозванки, известной как *Беата де Куэнка*, которая умерла в тюрьме без признания и, таким образом, будучи неспособной отречься и просить пощады, была сожжена в виде чучела в 1802 году. [614] Однако, когда дело доходило до расслабления живого собрата, инквизиция к этому времени искренне желала избежать необходимости. Падре Мигель Сорано, настоятель церкви Эско в Арагоне, был

неуправляемым еретиком, который отвергал традицию и отцов церкви и считал, что Священное Писание является единственным авторитетом; чистилище и лимб были изобретениями человека; плата за мессы была симонией; десятина была мошенничеством; папа не был наместником Христа, а его декреты были всего лишь средством сбора денег. Все это он воплотил в книге, которую смело представил своему епископу и другим богословам. Судимый трибуналом Сарагосы, он был упрямо нераскаявшимся, одинаково невосприимчивым к аргументам и угрозам, и не было другого выхода, кроме как проголосовать за смягчение наказания. Затем Верховный распорядился запросить новые показания и возобновить усилия по обращению, но все оказалось безрезультатным, и снова было проголосовано за смягчение. В качестве последнего средства Верховный распорядился провести расследование его вменяемости. Было обследовано все население окрестностей, и выяснилось, что один врач сказал, что несколько лет назад он был опасно болен, что, возможно, повлияло на его мозг, и с тех пор он свободно говорил об этих еретических доктринах. Воспользовавшись этим, были предприняты новые усилия, чтобы обратить его в свою веру, не прибегая к голосованию. Пока это продолжалось, на него напала смертельная болезнь, и по прошествии двадцати дней ему сказали, что конец близок. Он просто сказал, что находится в руках Божьих; он отказался от всех утешений религии и скончался нераскаявшимся в 1805 году, чтобы быть похороненным в неосвященной земле, когда Верховный Суд распорядился закрыть дело, не вынося приговора и не сжигая чучело. [615] Мы увидим, что двадцать лет спустя епископальная инквизиция была менее милосердна.

ГЛАВА V.

АВТО ДЕ ФЕ.

Акт веры — Auto de Fe — так Святая канцелярия Испании называла *Сермо* Старой инквизиции. В своем полном развитии это было тщательно продуманное публичное торжество, тщательно продуманное для того, чтобы внушить благоговейный трепет перед таинственной властью инквизиции и внушить населению здоровое отвращение к ереси, представляя, насколько это было возможно, грандиозную драму Судного дня. [616] Это считалось в высшей степени благочестивым долгом. Фердинанд в 1499 году, поздравляя инквизиторов Сарагосы с сообщениями об их убийствах и последующим назиданием народа, призывает их продолжать служить Богу и оправдывать свою совесть и его совесть. В подобном настроении кардинал Адриан в 1517 году призвал сицилийский трибунал отпраздновать его как можно раньше, поскольку, помимо служения Богу, это послужило бы большим назиданием для людей. [617] Старое обозначение *Sermo* произошло от проповеди, с которой началось разбирательство — первоначально произнесенной одним из инквизиторов, но впоследствии каким-то красноречивым человеком, который распространялся о высшей важности сохранения веры в ее чистоте и уничтожения ереси и еретиков. Чтобы обеспечить большую посещаемость, всем присутствующим на благочестивом служении предоставлялась индульгенция, обычно на сорок дней.

На пике своего могущества инквизиция не жалела ни труда, ни средств, чтобы придать внушительность *всеобщему* суду, как демонстрации его авторитета и успеха, с которым он выполнял свои функции. В более ранний и оживленный период выставка была проще и ограничивалась текущей практической работой. Так, во время первого из них, отмечавшегося в

Толедо 16 августа 1486 года, жертв выводили пешком на площадь со связанными веревками на груди руками, в санбенитосах из желтого полотна с их именами и надписью “herege condenado” и с митрами на головах. На площади они были расставлены ярусами на сцене, в то время как инквизиторы и их чиновники занимали другую сцену напротив. Был зачитан приговор каждому из них, и, хотя виновных было много, дело, начавшееся в 6 часов утра, закончилось к полудню, когда осужденных повезли в *брасеро* или *квемадеро* для сожжения. Очевидно, выставка состояла только из тех, кто был приговорен к сожжению на костре, за исключением тех, кто примирился или иным образом покался. [618] Автомобили того периода, кроме того, использовались не только в местах расположения трибуналов. Мы слышим о них в небольших городах, и из письма Фердинанда от 21 ноября 1498 года следует, что осужденных распределили по нескольким епископствам, где празднование и казнь, хотя и в меньших масштабах, более непосредственно донесли бы ужас инквизиции и опасность ереси до людей. [619] Однако к 1515 году мы можем предположить, что они были централизованы в городах-трибуналах, поскольку королевская седула того года приказывает трибуналу Мурсии ограничить свои автопробеги городом Мурсия и не отмечать их в Ориуэле. [620] Очевидно, было желательно придать им большее впечатление, и примерно в то же время это было достигнуто, потребовав, чтобы все кающиеся появлялись в них, поскольку в 1517 году мы находим, что Верховный суд Наварры дал указание трибуналу Наварры, что в будущем отречения *де Леви* должны были совершаться не в частном порядке, а в общественных местах, которые должны были отмечаться со всей торжественностью. [621] В этом была жестокость, поскольку появление в автомобиле само по себе было суровым наказанием, и мы увидим, что впоследствии были введены *частные автомобили*, или частные автомобили, которые позволяли виновным в более легких правонарушениях скрыться без публичного унижения.

ВНУШИТЕЛЬНАЯ ТОРЖЕСТВЕННОСТЬ

До сих пор аутодафе проводились по усмотрению трибуналов, которые отмечали их всякий раз, когда накапливалось количество завершенных судебных процессов, требующих облегчения для тюрем. Будет созвано консультативное совещание, приговоры будут согласованы, и будет назначен день. Вероятно, нечасто допускалось какое-либо внешнее вмешательство, как в Куэнке в 1520 году, когда трибунал настолько возбудил народные страсти, арестовав заместителя коррехидора в связи с каким-то столкновением юрисдикций, что был вынужден издать королевский указ, предписывающий коррехидору не допускать, чтобы инквизиторам препятствовали в выполнении их функций. [622] Однако постепенно в этом, как и во многом другом, Верховная власть взяла на себя контроль. Начало этому видно в 1537 году, когда было приказано, чтобы всякий раз, когда предлагалось использовать автомобиль, об этом сообщали раньше всех, но даже Инструкции 1561 года оставляют решение за трибуналами. [623] Однако вскоре после этого стало необходимым разрешение Верховного суда, поскольку в 1585 году мы находим, что инквизитор Куэнки Хименес де Рейносо написал 3 сентября письмо о решении определенных дел и о полномочиях на проведение аутодафе, поскольку было тридцать кающихся, многие из которых, будучи бедными, были обвиняемыми в *fisc*. Супрема задержал свой ответ, и 14 октября Рейносо отправил специального курьера с просьбой вернуть ему ответ; авто было необходимо в интересах больных заключенных, поскольку бушевала эпидемия, а также для пополнения казны; только по особой просьбе получатель оплатил расходы за последний месяц, заявив, что средств нет. Это принесло быстрый ответ с желаемым

разрешением. [624] Наконец, обычная процедура заключалась в том, что трибунал отправлял список готовых дел и запрашивал лицензию на владение автомобилем; если Верховный суд одобрял, он приказывал отпраздновать авто без промедления. Очевидно, в ходе активной работы восемнадцатого века была предпринята попытка восстановить контроль над этим вопросом, поскольку carta acordada от 5 июня 1720 года предписывает не проводить никаких всенародных выборов без уведомления Верховного суда и в ожидании его приказов. [625]

По мере того, как общественные автомобили становились все реже, они утратили простоту более раннего периода и превратились во внушительную демонстрацию авторитета инквизиции. Главная площадь города была захвачена, и были возведены две огромные сцены: одна для кающихся и их призрачных слуг, а другая для инквизиторов с их чиновниками и всеми церковными и светскими властями, в то время как окна окружающих домов были заполнены местной знатью и их семьями. Участие прелатов и магистратов в процессиях и зрелищах было обязательным, поскольку, хотя, как правило, они с гордостью занимали свои места, причины для ссор были слишком частыми и ожесточенными, чтобы они не желали таким образом оказать честь своим властным противникам. В 1486 году местные власти Валенсии не присутствовали на автопробеге, и, когда об этом доложили Фердинанду, он отчитал их и приказал впредь всегда присутствовать, ибо ничто не было так важно, как служение Богу. [626] Подобные команды приходилось повторять нередко. Примерно в 1580 году королевский седула вице-королю и должностным лицам Майорки поручает им передать весомость своей власти инквизиции, сопровождая инквизиторов в процессии до постановки, а затем проводив их обратно во дворец. В 1588 году президент Королевского совета Кастилии издал общий приказ всем судьям королевских судов участвовать в процессиях, а в 1598 году инквизиторы были уполномочены требовать отлучения от церкви присутствия всех государственных должностных лиц. [627]

Постановка по большим поводам была сложной и дорогостоящей, и вопрос о покрытии расходов решался по-разному. В 1553 году мы обнаруживаем, что Верховный суд урегулировал этот вопрос в Куэнке, потребовав от города возвести его, как это было принято в Толедо. Эти два города и Мадрид по-прежнему обвинялись в этом, но в других местах это было оплачено трибуналами. На великой Мадридской автосалоне 1632 года Филипп IV приказал городу построить сцену в соответствии с планами, составленными его главным архитектором, и тот же курс был применен в 1680 году, где у нас есть подробные описания сложного сооружения, возведенного под руководством комиссаров высокого ранга, которые считали свой долг честью. [628]

ПОЛИЦЕЙСКАЯ ВЛАСТЬ ТРИБУНАЛА

Было важно, чтобы присутствовали оба инквизитора, и одному инквизитору было запрещено отмечать публичное мероприятие в отсутствие своего коллеги. Выбранный день должен быть праздничным — обычно воскресенье, — чтобы обеспечить большую посещаемость. Однако из-за эксцентричности духовной юрисдикции иногда случалось, что в назначенный день на город накладывался интердикт, и в таком случае инквизиции приходилось уступать. В 1582 году Супрема дал указание трибуналам, что, когда это произойдет, они должны попытаться отменить интердикт по этому случаю, но, если те, кто наложил его, откажутся, инквизиторы не должны предполагать, что отменят его своими силами, и должны отложить аутодафе или сделать все, что в их силах. [629]

Во всех остальных отношениях инквизиторы были хозяевами положения. Неоднократные королевские указы, начиная с 1523 года, адресованные городским властям, сделали инквизиторов фактическими правителями на то время. Им было разрешено возводить сцены на общественных площадях, регулировать работу полиции в городах и даже назначать светским и духовным чиновникам такие места и старшинство, какие они считали подходящими. Кульминационный момент, по-видимому, был достигнут, когда Филипп II уполномочил их распределять по своему желанию окна частных домов, выходящих на сцену. Против этого в 1595 году протестовали президент и судьи аудиенции Гранады, умоляя разрешить домовладельцам сдавать в аренду свои окна и указывая на трудности, связанные с тем, что джентльмен высокого положения обеспечил использование окна для своей семьи и был изгнан, потому что инквизиторы решили передать его нотариусу для использования его женой. Филипп, однако, держался молодцом, за исключением того, что дал инквизиторам инструкции проявлять особое внимание к домам судей и алькальдов. [630] Примером того, как трибуналы использовали предоставленные им таким образом полицейские полномочия, является севильский аутодафе от 24 сентября 1559 года, когда они запретили кому бы то ни было между предыдущей полночью и окончанием церемонии носить оружие или ездить верхом по городу под страхом наказания для простых людей в виде ста ударов плетью, а для джентльменов - конфискации лошади или мула, тридцати дней тюремного заключения и штрафа в размере пятидесяти тысяч мараведи. [631]

Сохранились многочисленные упоминания в печатных изданиях и рукописях великих *публичных собраний*, в которых более или менее подробно излагается сложный церемониал, который сложился сам по себе в попытке произвести впечатление на эти венчающие проявления благочестия, считавшего высшим служением Богу истребление тех, кто упорствовал в поклонении ему в соответствии со своей совестью. Они показывают, что мода несколько менялась со временем и местом; они дают точку зрения зрителя, и мы предпочтительно можем взять в качестве руководства мемуары семнадцатого века, показывающие внутренний механизм, согласно обычаю Толедо, разработанный для обучения последующих инквизиторов. [632] Детальность предписанных правил показывает, какое значение придавалось внушительному зрелищу и демонстрации подчиненности гражданской власти, в то время как забота о точном указании места каждого человека или группы людей указывает на то, насколько бесплодными были полномочия, предоставленные трибуналу в этих вопросах для предотвращения застарелых споров о старшинстве. На великом Мадридском автопробеге 1632 года францисканцы, возмущенные положением, отведенным им в процессии, после оживленных препирательств угрюмо удалились в свой монастырь, за что Супрема подвергла их судебному преследованию. Эти недостойные дразги были настолько обычным делом, что наш автор, описывая отчет, который должен быть представлен Верховному суду, предполагает, что в нем должно быть отведено место и для них, и для причин, которыми руководствовался трибунал в своих решениях.

Когда накапливается дел, достаточных для возбуждения уголовного дела, трибунал сообщает о них Верховному суду, который приказывает провести разбирательство. Затем инквизиторы назначают день праздника, который должен быть отложен по крайней мере на месяц, чтобы дать достаточно времени для приготовлений. Затем коррехидору и декану кафедрального капитула направляется приказ созвать свои соответствующие органы в девять часов

следующего утра, чтобы получить сообщение от инквизиции, и в назначенный час некоторые из высших должностных лиц со своими приближенными объявляют им и епископу об ожидаемом праздновании. Затем, в назначенное время, конные слуги и нотариусы с барабанами, трубами, клиросами и знаменем инквизиции процессией движутся по улицам, и в указанных местах звонарь звонит в колокол, а городской глашатай провозглашает: “Знайτε, все жители этого города, что Святая Канцелярия инквизиции, во славу и честь Бога и возвышения нашей святой католической веры, проведет публичное аутодафе в таком-то месте в такой-то день”.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ

На приготовление не теряется время. Назначаются уполномоченные по возведению и украшению сцены, а также предоставляется воск для свечей в процессии Зеленого Креста вечером перед автопробегом. Все нищенствующие ордена и приходские церкви приглашаются принять участие в процессии и автопробеге. Рассылаются письма о созыве, призывающие всех фамильяров, нотариусов, комиссаров, консультантов и калификадоров округа, подвергающихся наказанию и порицанию, прибыть в день, предшествующий шествию Зеленого Креста. [633] Отбираются и уведомляются хрупкие, которые должны помогать осужденным в их последнюю ночь на земле. Заказываются *Корозы* (конические митры высотой около трех четвертей локтя) с пламенем для тех, кто должен быть расслаблен, и в обычной форме для двоеженцев, колдунов и лжесвидетелей; также санбенитосы с пламенем для расслабленных, с двумя аспами для примиренных и с одной аспой сзади и спереди для тех, кто отказывается от *ярости*; также поводья для расслабленных и для тех, кого нужно бичевать. Если есть чучела, их делают в половину длины, чтобы носильщики несли их на шестах; если есть кости, ящики с ними черного цвета, которые следует класть у подножия тех, кому они принадлежат; на чучела надеты митры с языками пламени и санбенитосы с языками пламени на одной стороне, а на другой - имя, место жительства и преступление преступника. [634] Также предусмотрены зеленые кресты для ношения расслабленными, желтые восковые свечи для кающихся и пучки ивняка для церемоний примирения. Также должна быть коробка для хранения приговоров из малинового бархата с золотой бахромой и позолоченным замком и ключом, в то время как список освобожденных и изображения передаются магистратам, чтобы они могли подготовить приговоры. Кроме того, есть большой зеленый крест, который должен нести доминиканский приор, и белый крест, который должен нести майордом Кофрадии во время процессии предыдущего вечера. Знамя, которое будет нести фискал, должно быть изготовлено из алого дамаста, богато расшитого с одной стороны королевским гербом, зеленым крестом, поднимающимся из короны, и мечом и оливковой ветвью справа и слева, с другой стороны - щитом с гербом Сан-Педро Мартира; древко должно быть позолоченным, заканчиваться крестом, с подвесными шнурами с золотыми и серебряными кистями. Для мулов, на которых едут официальные лица, должны быть предоставлены изысканные попоны, а для приближенных, возглавляющих процессию, - посеребренные жезлы. Приходская церковь обычно поставляет ковры, драпировки и другие украшения для постановки, а также певцов для вечернего шествия и церемоний примирения. Затем назначается проповедник — обычно доминиканский калификадор, — хотя в Галисии обычно избирается епископ, а в Мадриде - королевский духовник. За день до автопробега украшают алтарь на сцене, а вокруг места, где должен быть установлен зеленый крест, расставляют факелы и свечи. Инквизиторы устанавливают все окна, выходящие на площадь; они приказывают, чтобы кареты не проезжали по улицам, и решают, где должны быть установлены заграждения; муниципальные власти сдают им город и делают все, что они потребуют.

ПРАЗДНОВАНИЕ

Вечером, предшествующим автопробегу, проходит процессия Зеленого Креста — торжественное мероприятие, во время которого знамя несет толпа знакомых и джентльменов; за белым крестом следуют религиозные ордена, крест приходской церкви с ее духовенством, Зеленый крест несут доминиканский настоятель и его фрейлины с факелами и скандированием Miserere. Процессия петляет по обозначенным улицам к площади, где над алтарем установлен Зеленый Крест, который доминиканцы охраняют ночью. Белый крест переносится в брасеро, где его охраняет организация, существующая в некоторых городах и известная как солдаты Зарзы, в функции которой входит охрана брасеро и площади и заготовка дров для сожжения. [635] Саму инквизицию ночью охраняют солдаты, которые перед рассветом будят чиновников барабанным боем. Внутри здания санбенито и знаки отличия расставлены по порядку, и собраны носильщики, готовые нести чучела и кости, а также тех кающихся, которые были лишены возможности ходить. В 9 часов вечера старший инквизитор с секретарем посещают тех, кто должен быть освобожден, и сообщают им об их приближающейся участи; с каждым из них он оставляет двух хрупких людей для руководства. Если кто-либо из упорствующих или негативистов обращается, они должны быть немедленно заслушаны и получены их признания, когда инквизиторы вместе с Ординарцами решат, допускать ли их к примирению, и то же самое делается с обращенными на этапе постановки.

Перед рассветом в зале для аудиенций, а также у алтаря Зеленого Креста совершается месса. К рассвету завтрак подается всем, кто должен появиться в машине, а также слабым, назначенным для расслабленных. [636] Их не выводят из камер до часа формирования процессии, когда кающиеся выстраиваются вдоль стен зала для аудиенций в порядке их шествия; все они одеты в свои санбенито с необходимыми знаками отличия.

Процессия начинается с солдат Зарзы во главе; затем проносится крест приходской церкви, окутанный черным, с послушником, который время от времени скорбно звонит в колокол. Затем идут кающиеся, один за другим, у каждого по знакомому с обеих сторон; первыми идут самозванцы, затем персонажи чиновников инквизиции, за ними по порядку следуют богохульники, двоеженцы, иудействующие, протестанты, изображения и сундуки с костями и, наконец, те, кого нужно расслабить, у каждого по два слабака. За ними следуют конные чиновники, затем парами приближенные, знамя инквизиции, и, наконец, инквизиторы замыкают шествие. Таким образом, процессия движется по обозначенным улицам, заполненным плотно сбитой толпой, отгороженной оградой, к площади, где виновные рассаживаются в том же порядке, самые легкие правонарушители - на самых низких скамьях.

Сцена оборудована двумя кафедрами, с которых предложения читаются поочередно. Между ними возвышается скамья на двух ступеньках, на которую поочередно приводят кающихся, чтобы они сели лицом к трибуналу и выслушали зачитывание приговоров; скамья снабжена перилами, любезно предоставленными им, чтобы они могли держаться за них в случае обморока, ибо, за исключением расслабленных, это первое определенное сообщение им об их участи. Под трибунальными местами есть прекрасно оборудованная комната для угощения, в которую время от времени прибегают инквизиторы, официальные лица, муниципальные служащие и духовенство, и аналогичная комната предусмотрена для приближенных и известных лиц. В первую приводят любого упорствующего осужденного, который может быть обращен на этапе, предшествующем оглашению приговора, и там инквизитор и секретарь

принимают его признание, после чего инквизиторы и ординарцы рассматривают дело: если он должен быть допущен к примирению, его отправляют обратно в инквизицию в карете или кресле, или заменяют на этапе, чтобы вернуться с остальными кающимися. Если какой-либо преступник умирает на сцене, если он приговорен к смягчению наказания, его приговор зачитывается, и его тело передается светским властям; если он один из тех, с кем нужно примириться, он освобождается, и приходская церковь хоронит его в освященной земле; если просто кто-то наложил епитимью, он освобождается *ad cautelam* и церковь хоронит его.

После произнесения проповеди секретарь поднимается на кафедру и громким голосом зачитывает обычную клятву, подробно обещающую всем должностным лицам и присутствующим людям повиноваться Святой Канцелярии и активному преследованию еретиков и ереси, на что каждый отвечает "Аминь!". Если король присутствует, старший инквизитор выходит на его балкон и на кресте и Евангелиях дает ему клятву защищать веру, преследовать еретиков и оказывать инквизиции всю необходимую поддержку. [637]

ПРАЗДНОВАНИЕ

Затем приговоры зачитываются с чередующихся кафедр, мэр альгуасиля представляет каждого виновного, чтобы тот выслушал его приговор. В этом не должно быть перерывов, поскольку все предложения должны быть прочитаны, если это продлится до наступления темноты, для чего факелы и факелоносцы должны быть наготове. [638] Хотя предложения смягченных оставляются напоследок, все же, если автозатягивание затягивается на ночь, они вводятся раньше, поскольку важно, чтобы сжигание производилось при ярком дневном свете. Пока зачитываются эти приговоры, чучела и сундуки с костями расставляются по одну сторону сцены, а живые осужденные - по другую. Затем они передаются в светский орган, и судья, который выносит приговоры, делает это либо на сцене, либо за столом секретарей, либо за пределами сцены. Если существует *компания Защиты*, она марширует эскадроном на площадь, когда зачитываются приговоры и мужчины разряжают свои аркебузы. Они окружают осужденных и идут с ними к бразеро, чтобы защитить их от населения, которое в некоторых местах привыкло жестоко обращаться с ними и даже убивать, против чего инквизиторы дают особые инструкции. Магистраты предоставляют ослов, на которых они ездят, и дрова для их сжигания. Ответственные за них хрупкие люди сопровождают их до последнего вздоха и прилагают все усилия, чтобы добиться их покаяния и обращения.

Публичные торжества завершаются церемониями отречения и примирения, после чего мэр альгуасиля и приближенные проводят кающихся обратно в инквизицию, где они ужинают и запираются по трое или четверо в камере. Священники приходской церкви снимают черное покрывало со своего креста и забирают его обратно, в то время как доминиканцы несут зеленый крест инквизиции, распевая псалмы и сопровождаемые муниципальными чиновниками. На следующее утро примиренным зачитывают условия их приговоров; они и другие кающиеся дают клятву хранить тайну, и алькаид препровождает их в кающуюся тюрьму. В десять часов мэр альгуасиля с секретарем и приближенными, все верхом, с государственным палачом и городским глашатаем, вывозят приговоренных к бичеванию и вергуэнце, и наказание должным образом приводится в исполнение на обычных улицах. По возвращении те, чьи приговоры включают каторгу, получают справку о выслуге лет и переводятся в королевскую тюрьму, и этим завершается величественная церемония, которой Святая канцелярия на пике своего могущества наводила ужас на население.

Место сожжения — кемадеро или брасеро - как правило, находилось за пределами города. К этому трибунал не имел никакого отношения, за исключением того, что присутствовали секретарь и альгуасиль, которые удостоверяли исполнение приговоров и докладывали об этом. [639] Следовательно, документы инквизиции не содержат подробностей, но некоторые могут быть почерпнуты из реляции мадридского суда 1632 года. Для этого случая город построил брасеро за Пуэрта-де-Алькала; поскольку предстояло сжечь семь человек, его сделали квадратным в пятьдесят футов и снабдили необходимыми кольями с гарротами. Смятение и толпа были велики, как и пожар, который продолжался до одиннадцати часов вечера, к тому времени тела превратились в пепел, чтобы память о нечестивцах исчезла с лица земли. [640] Развеивание пепла над полями или в проточную воду было давним предписанием, чтобы помешать ученикам ересиархов сохранять фрагменты для почитания как реликвии. Это было нелегким делом, поскольку полное обжигание человеческого скелета требует длительного нагрева, который вряд ли поддерживался бы там, где древесина была дорогой, и кости, найденные вместе с золой на месте старого кемадеро в Мадриде, когда примерно в 1868 году в нем была прорублена улица Карранса, указывают на то, что, по крайней мере, части останков жертв было позволено лежать там, где они погибли.

АВТОМАТИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

The *Всеобщее общественное движение*, хотя и занимало видное место в народном воображении, на самом деле представляло собой лишь малую часть инквизиционной деятельности. Это было торжественное мероприятие большого масштаба, во время которого Святая канцелярия преувеличивала свое значение, но гораздо большее количество дел было направлено в *автоматическом режиме* или *autillos*, проводившихся в церквях, или в зале для аудиенций, или где угодно, что могли диктовать обстоятельства. В записях Толедо за период с 1575 по 1610 год содержится всего двенадцать общих судебных разбирательств, в которых фигурировали триста восемьдесят шесть виновных, в то время как семьсот восемьдесят шесть дел были урегулированы в особом порядке. [641] Как указывалось выше, появление в общественном авто было само по себе суровым наказанием, и в приговоре всегда указывалось, должен ли преступник подвергнуться унижению, влекущему за собой последствия для него и его семьи, которых он так боялся, что 13 декабря 1627 года в автосалоне в Толедо богатый португалец Хуан Нуньес Саравиа, тщетно предлагал двенадцать тысяч дукатов за побег. это. [642] Подавляющее большинство случаев не заслуживало такой серьезности. Юрисдикция инквизиции простиралась на широкую область; она была, в определенном смысле, *нравственным законом* и рассматривала огромное количество сравнительно тривиальных правонарушений — неосторожные речи, богохульства, всевозможные высказывания, непристойные писания и произведения искусства, колдовство и заклинания, более или менее невинные и тому подобное, — от которых она избавлялась, не привлекая в качестве зрителей все население. Более того, как мы видели, клерикальные преступники, если только их не унижали за формальную ересь, были защищены от скандальной огласки в зале для аудиенций.

The *Авто-партикул*, или частное авто, часто праздновалось в церкви, куда духовные и гражданские власти не приглашались, но где могла свободно присутствовать та часть публики, которая могла найти место. Чаще всего оно проводилось в *sala*, или зале для аудиенций, и здесь снова было различие, поскольку приговор определял, должно ли оно проходить с

открытыми дверями или с закрытыми, и в первом случае часто звонили в колокол, чтобы пригласить любопытную толпу зрителей. Даже апартаменты старшего инквизитора иногда использовались таким образом, как, например, когда 23 марта 1680 года трое альгуазилей коррехидора Толедо за жестокое обращение с поставщиком трибунала были приговорены в этих апартаментах к различным срокам ссылки. Когда преступниками были монахини, в их монастыре обычно совершался *аутизм*, как в случае с сор Хосефой де Вильегас, 8 августа 1658 года, за суеверия и колдовство, которая была приговорена к различным епитимьям через решетку августинского женского монастыря Сан-Торквато в присутствии монахинь, а 13 февраля 1685 года сор Дионисия де Рохас была приговорена в хоре францисканского дома Санта-Исабель в присутствии настоятельницы и четыре пожилые сестры. [643]

Поскольку в семнадцатом веке финансовые трудности становились все более и более острыми, трибуналы воздерживались от больших расходов, связанных с тщательно продуманными демонстрациями больших общественных автомобилей, которые, какими бы тешащими их гордость, слишком сильно нагружали их уменьшающиеся ресурсы, поскольку они были подвержены королевским поборам. В Барселоне, по-видимому, не было общественного транспорта между 1627 годом и восстанием 1640 года; в Вальядолиде - ни одного между 1644 и 1667 годами. В Толедо после длительного рассмотрения был проведен 1 января 1651 года один из них, число виновных в котором показывает, что это избавило тюрьмы от длительного накопления; это был последний публичный автопробег в Толедо, и между 1656 и 1677 годами его не было даже в церкви. [644] В 1631, 1643, 1648, 1656 годах в Севилье, по-видимому, было меньше препятствий, и она праздновала генеральные аутодафе в 1631, 1643, 1656 и самое впечатляющее в 1660 году, когда менее удачливые трибуналы освободили своих осужденных, поскольку было совершено семь послаблений лично, двадцать семь в виде статуй и пятьдесят два кающихся, но это, похоже, последнее в своем роде. [645]

АВТОМОБИЛИ С ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТЬЮ

Фактически, от общественного транспорта отказались бы и раньше, если бы не правило, согласно которому суды по крови не должны выноситься в церквях. Еще в 1568 году Верховный суд постановил, что во время послаблений автопробег должен проводиться на площади, а не в церкви, что соответствовало древним законам. [646] Когда общественные автомобили стали непосильным бременем, мы можем себе представить, что это привело к колебаниям при вынесении смертных приговоров, поскольку, когда это было неизбежно, осужденный становился неприятным персонажем. Показательным был случай с Хуаном Лопесом, приговоренным к послаблению за иудаизм в Вальядолиде в 1633 году; после того, как он пролежал в тюрьме тридцать месяцев без надежды избавиться от него, Верховный суд приказал подвергнуть его пыткам и провести еще одно голосование, в результате которого 1 сентября 1637 года был вынесен пересмотренный приговор о примирении с суровыми наказаниями. [647] Способом, менее наносящим ущерб чистоте веры, была передача осужденного из одного трибунала в другой для казни. Таким образом, когда в Валенсии Мориско Херонимо Буэнавентура был осужден за упорство, не было автомобиля, в котором можно было бы привести приговор в исполнение. 19 ноября 1635 года Супрема приказал отправить его в Вальядолид, очевидно, полагая, что там его могут сжечь, но через два года Вальядолид сообщил, что у него нет общественного автомобиля, на котором его можно было бы отправить, поэтому в 1638 году Супрема приказал перевести его в Сарагосу. [648] Встретил ли он там быструю смерть, мы не имеем возможности узнать, но есть что-то особенно отвратительное в

том, что таким образом отправляют беднягу из одного уголка Испании в другой, чтобы найти какое-нибудь место, где его можно сжечь экономно.

Когда какому-либо трибуналу удавалось отпраздновать общественный автопробег, это использовалось для высадки остальных. Таким образом, на толедском автомобиле 1651 года были изображены скульптуры, сделанные Куэнкой, Кордовой и Севильей. В 1655 году Сантьяго отпраздновал общественный праздник, на который Вальядолид отправил для отдыха одного живого человека и четыре чучела, два из которых хранились в ожидании с 1644 по 1648 год. Федеральный совет Мурсии 18 июля 1658 года проголосовал за смягчение наказания девяти беглым иудействующим из Беаса, но формальный приговор был отложен до 5 декабря 1659 года в связи с подготовкой к великому всенародному торжеству в Севилье, 13 апреля 1660 года, когда чучела были должным образом кремированы. [649] Внушительный мадридский автомобиль 1680 года выпуска — последний в своем роде — был отправкой в общую тюрьму, для которой все трибуналы предоставляли своих позорных осужденных.

Не было никакой перспективы улучшения ситуации, хотя для инквизиции было в высшей степени унижительно, что она не могла позволить себе сжигать тех, кого она осудила, быстро и на месте их преступлений, в качестве альтернативы принудительному помилованию. Необходимо было найти какое-то облегчение, и частичная попытка была предпринята в carta acordada от 4 сентября 1657 года, разрешающей расслаблять изображения в autos particulares в церквях. Толедо быстро воспользовался этим, разместив 9 декабря восемь изображений беглецов в таком автомобиле, [650] но другие суды, похоже, не одобрили это устройство. Дальнейший шаг, заключающийся в отмене традиционного запрета на произнесение кровавых приговоров в церквях, по-видимому, рассматривался в 1664 году, когда Верховный суд обратился к трибуналам за информацией относительно послаблений лично или в виде изображения in autos particulares. В ответ Валенсия сообщила, что приговор Гаспару Лопесу, вынесенный в 1641 году, так и не был опубликован из-за отсутствия автомобиля, хотя соответствующий приговор о конфискации был приведен в исполнение, что Верховный суд признал крайне неправильным. [651]

Потребовалось время, чтобы приучить сознание к столь революционной мере, и проект затих на четверть века, но желание избавиться от бремени общественных автомобилей усилилось, и Suprema наконец победила свои угрызения совести. В хартии акордада от 23 сентября 1689 года указывалось, что ввиду сокращения средств от конфискации и увеличения расходов на проведение этих общественных мероприятий с должной торжественностью их старались избегать, насколько это было возможно, и было уже нецелесообразно резервировать для них расслабленных, число которых, к сожалению, с каждым днем увеличивалось. Их нужно было кормить, пока они лежали забытые в своих камерах, после того как их дела были закончены; даже расходы на перевод их из одного трибунала в другой были значительными, и было любезно добавлено, что их душам угрожало столь долгое содержание в неведении об их судьбе. Взвесив все это и принимая во внимание тот факт, что были случаи послаблений в церквях как до, так и после Инструкций 1561 года, и что Констанцский собор, заседавший в соборе, осудил Иеронима Пражского, Верховный суд пришел к выводу, что решение о послаблении может быть вынесено в церквях при условии, что приговор гражданского судьи был произнесен снаружи. Поэтому трибуналы были проинструктированы о том, что они могут освобождаться от своих осужденных в специальных автомобилях в церквях, передавая их светским властям за пределами священных пределов. На такие мероприятия не должны были приглашаться

гражданские и соборные капитулы, и необходимо было соблюдать правило относительно времени, чтобы сожжение могло быть произведено при дневном свете. [652]

АВТОМОБИЛИ, УДЕРЖИВАЕМЫЕ В ЦЕРКВЯХ

Против этого возник протест со стороны светских магистратов, которые почувствовали себя ущемленными из-за того, что их не пригласили и не выделили им места. Чтобы ответить на это, Супрема 7 апреля 1690 года обратился к королю с консультацией, в которой выразил сожаление по поводу невозможности отпраздновать авто с прежним церемониалом и впечатляющестью. Но в большинстве трибуналов скопилось большое количество тех, кто заслуживал послабления; не было средств содержать их в тюрьме или отправлять их в обычных автомобилях, и их объединение вызвало бы ужас, как это произошло в автомобиле 1680 года. Поэтому было предложено разместить светских должностных лиц за пределами церкви, где осужденные могли бы быть доставлены к ним, но это не было приемлемо для гражданских властей, и 20 июля был достигнут компромисс, в результате которого было назначено единственное должностное лицо, которое должно было представлять светскую власть. Трибунал должен был послать ему сообщение, назначив время и место; он должен был быть у дверей церкви, когда прибудет процессия; он должен был следовать за инквизиторами, фискалами и ординарцами, и занять место рядом с ними, а после того, как будут вынесены смягчающие приговоры, он должен был покинуть церковь в согласованном месте, куда к нему должны были привести осужденных, когда он вынесет им приговор и приведет приговоры в исполнение. [653]

Так пришел конец великолепным общественным автомобилям, в которых в свои более процветающие дни инквизиция производила столь глубокое впечатление на воображение людей. Отныне, независимо от того, сколько живых существ и чучел было отправлено в кемадеро, церемония проводилась в священных пределах церкви более простым и экономичным способом. Великие автомобили Майорки в 1691 году, в которых погибло так много несчастных, проводились в церкви Сан-Доминго. Тем не менее, была разработана экспозиция. Писатель, в 1724 году рассказывающий об автопробегах, отмечаемых в Севилье с 1719 года, гораздо больше озабочен перечислением имен должностных лиц и приближенных, описанием церемониала и подчеркиванием алых бархатных кресел, подушек и балдахин, расшитых золотом и серебром, и бриллиантовых значков, которые носили чиновники, чем реальной работой трибунала, какой бы мрачной и жестокой она ни оставалась. [654]

Эти действия могли бы удовлетворить тщеславие инквизиторов, но прежняя привлекательность внушительного публичного церемониала исчезла. Население больше не стекалось сюда со всех окрестностей, разбивая палатки в полях, огромными толпами, которые с такой гордостью описываются в рассказах о великих автомобилях. Когда мы вспоминаем тысячи приближенных и чиновников в Логроньо, а также вельмож, которые страстно боролись за почетные места в процессиях, мы можем оценить перемены, вызвавшие жалобу севильского трибунала в 1729 году. Он осудил чрезмерную теплоту фамильяров, сопровождавших его шествия, из-за чего он терял уважение народа, и поставил в невыгодное положение по сравнению с публичными демонстрациями Публики и гражданских властей. Именно с этой целью число хранителей было так значительно увеличено и им было предоставлено так много привилегий и изъятий. Помимо случайных выездов на автомобилях, трибунал устраивал *салиды*, или процессии, на пяти главных праздниках года, и он приказал Эрмандаду Сан-Педро Мартин назначить восемь приближенных, из которых он выберет четырех: двух для сопровождения в обычных салид и

двух для автомобилей, под угрозой штрафа и тюремного заключения за пренебрежение служебным положением. [655]

Однако из этого было бы небезопасно делать вывод, что фанатизм вымер. В Льерена-ауто 25 июня 1752 года было сожжено шесть изображений беглецов и одно изображение мертвой женщины с ее костями. Всегда существовал обычай, чтобы их несли во время процессии и к бразеро носильщики самого низкого класса, нанятые из больницы для бродяг, которым платили за эту услугу, но в данном случае случилось так, что ничего из этого достать было нельзя. Инквизиторы были очень взволнованы и, в качестве последнего средства, они объяснили вице-губернатору дону Мануэлю де ла Фуэнте-и-Давила, что это высокий религиозный долг, исполнением которого благороднейшие могли бы гордиться, и они предложили, чтобы чиновники инквизиции отнесли изображения в церковь, а затем светскому судье, если дон Мануэль и другие дворяне отнесут их оттуда в брасеро. Дон Мануэль согласился, и его примеру последовали губернатор, маркиз Торре Мехиа и другие вельможи; чиновников убедили внести свою лепту, и таким образом, как нам сказали, старый обычай, столь унижительный для святости исполнения обязанностей, был успешно отменен. Шествие к бразеро представляло собой триумфальное шествие под звуки труб в сопровождении всех войск, которые только можно было собрать. [656]

ВПЕЧАТЛЯЮЩИЕ АВТОМОБИЛИ

Несмотря на такие случайные вспышки рвения, слава инквизиции быстро угасала, и с истреблением немногих оставшихся иудействующих ее функции постоянно сокращались. В суде Толедо последнее судебное заседание, состоявшееся в церкви, состоялось 7 марта 1778 года для одного кающегося, приговоренного к вергуэнце за колдовство. После этого, к концу столетия, в нем было всего девять аутий, и все они проводились в зале для аудиенций, иногда с открытыми, а иногда и с закрытыми дверями, и в каждой из них был только один кающийся. Пять дел касались предложений, два - домогательств на исповеди, одно - двоеженства и одно - совершения таинств без разрешения священника. [657] К этому привела сокращение деятельности некогда выдающегося трибунала и вместе с этим сокращение возможностей поражать воображение населения своими впечатляющими демонстрациями.

Есть один аспект аутодафе, который самым красноречивым образом отражает интенсивность испанского фанатизма. Когда испанец рассматривал это как праздник, достойный дня веселья, или как захватывающее развлечение, приемлемое для выдающихся гостей страны, он делал это в убеждении, что это высшее проявление благочестия и служение Богу, прославляющее страну, которая его организовала, и стимулирующее преданность всех участников. Вероятно, в честь Фердинанда и Изабеллы не устраивалось автопробегов, поскольку суровая и быстрая работа того периода едва ли допускала пышность, необходимую для приспособления зрелища к королевской придворности, а бургундская мода не вытеснила древнюю кастильскую простоту. Однако ни один из их преемников из Дома Габсбургов не был лишен такого свидетельства благочестивой лояльности. Когда в 1528 году Карл V проезжал через Валенсию, в его честь был устроен автопробег, в котором лично расслаблялись тринадцать мужчин и женщин, не считая десяти статуй. [658] В 1560 году трибунал Толедо внес свой вклад, с несколькими смягчениями, в радостное празднование брака Филиппа II с Изабель де Валуа, дочерью Генриха II Французского. Это было примечательное зрелище, поскольку королевская свадьба и собрание

кортов для принесения присяги на верность молодому дону Карлосу собрали в Толедо все самое выдающееся в Испании. [659] Когда в феврале 1564 года Филипп был в Барселоне на заседании каталонского суда, в его честь был устроен автопробег, на котором было восемь личных послаблений и многочисленные приговоры к галерам. В основном это были французы, которых Сен-Сюльпис, французский посол, тщетно пытался защитить. [660]

ВПЕЧАТЛЯЮЩИЕ АВТОМОБИЛИ

Восшествие на престол Филиппа III было отпраздновано автосалоном в Толедо 6 марта 1600 года в присутствии короля, его королевы Маргариты Австрийской, герцога Лермы и всего двора, где Филипп принес клятву защищать и благоволять Святой Канцелярии. В Толедо было немного виновных, поскольку годом ранее он задержал авто, но в общей сложности их было сорок шесть, привлеченных из Кордовы, Гранады, Куэнки, Льерены, Вальядолида и Севильи. Было всего два послабления в изображении и одно лично — последним был гугенот по имени Жак Пинзон, которого трибунал Гранады в течение пары лет неторопливо пытался отучить от ереси. Он был нужен для завершения привлечения к ответственности в Толедо, и суд над ним был завершен так поспешно, что Верховный суд распорядился перевести его туда до того, как получил для утверждения приговор, осуждающий его, поэтому приговор был составлен бланком и отправлен за ним на подпись толедским инквизиторам. Поскольку его характеризуют как упорствующего, он, вероятно, был сожжен заживо. [661] Великий автосалон в Мадриде в 1632 году был проведен там по специальному распоряжению короля в честь выздоровления из заключения Изабель де Бурбон, жены Филиппа IV, и был удостоен присутствия обеих сторон и их сына Дона Карлоса. Всего было тридцать семь кающихся, не считая семи смягчений лично и двух в изображении. [662] Восставшие каталонцы, сдавшиеся Франции, воспользовались тем же способом почтить вице-короля Конде накануне его отъезда в Париж автопробегом, отмечавшимся 7 ноября 1647 года, на котором было два послабления лично и два в виде изображения. [663] Предполагаемой целью торжественной церемонии в Мадриде 30 июня 1680 года, которая завершила длинную серию всеобщих автографов, было отметить брак молодого Карлоса II с Луизой Марией Орлеанской. Всего было совершено шестьдесят семь раскаяний и пятьдесят одно смягчение наказания, из которых девятнадцать были совершены лично. Была сформирована *компания де ла Зарса*, насчитывавшая двести пятьдесят членов, с Франсиско де Сальседо в качестве капитана. 28 июня их отвезли на пуэрта-де-Алькала, где каждому мужчине выдали по хворосту. Затем они направились к королевскому дворцу, где Сальседо взял хворост, специально приготовленный для этой цели, и вручил его герцогу Пастранскому, который отнес его королю. Карлос собственноручно отнес его своей королеве и выставил напоказ, а затем отправил обратно через Пастрану с сообщением, что его следует отнести от его имени в брасеро и что он будет первым, кто будет брошен в огонь. [664] Религиозным воспитанием молодого монарха, очевидно, не пренебрегали. Это был признак того, что Испанию ждут лучшие дела, когда в 1701 году Филипп V отказался присутствовать на автосалоне, который предложили провести в честь его восшествия на престол, и проект был заброшен. [665]

Таким образом, мы рассмотрели организацию инквизиции и ее общие методы действий. Нам остается изучить применение этих методов к различным категориям правонарушителей, подпадающих под его обширную юрисдикцию.

КНИГА VIII.

СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ.

ГЛАВА I.

ЕВРЕИ.

ПОСКОЛЬКУ отступничество насильственно обращенных из иудаизма было непосредственной причиной создания Святой канцелярии Испании, они продолжали оставаться почти исключительным объектом ее энергии, пока подобное обращение с маврами не создало среди морисков класс, еще больше претендующий на ее заботу. Искоренение последних, однако, в первые годы семнадцатого века было настолько полным, что они практически исчезли из отчетов трибуналов, в то время как иудейские новые христиане остались и еще более столетия выполняли основную часть их более серьезной работы.

С 1391 года было легко принудить к крещению, выбрав альтернативу изгнанию или смерти, но никогда не считалось необходимым дополнять это наставлением в новой вере или усилиями по настоящему обращению. Когда Фердинанд и Изабелла осознали тот факт, что конверсос были христианами только по названию, терроризм стал единственным предложенным методом выполнения великой задачи по обеспечению желаемого единства веры. Итак, когда изгнание в 1492 году наполнило страну новым множеством неофитов, имело место такое же пренебрежение долгом убеждения и наставления. Единственные высказывания на эту тему, по-видимому, предполагают, что они каким-то образом проинструктируют и укрепят себя в своей новой религии. Когда в 1496 году королевская прагматика запретила им в течение трех лет обрабатывать королевские доходы, предполагаемая причина заключалась в том, что такое занятие отвлекло бы их от получения должного обучения христианскому вероучению. В 1499 году Верховный Суд распорядился, чтобы конверсос до 1492 года жили рассеянно среди старых христиан, в то время как недавние должны быть отделены от своих раввинов, жить отдельно в городах и укреплять свою веру пунктуальным посещением богослужений. [666] Только в 1500 году до него дошло, что все вернувшиеся изгнанные евреи, утверждающие, что они крещены, должны предъявить свидетельства о крещении для себя и своих детей; они должны соблюдать праздники и посещать мессы и проповеди, а все дети старше шести лет должны в течение шести месяцев выучить четыре молитвы, семь смертных грехов и исповедание веры. [667] Когда насильственное обращение морисков привело к появлению еще большего числа номинальных христиан, было выпущено несколько одинаково неэффективных инструкций в отношении обоих классов, которым уделялось мало внимания. Простота веры в адекватность этих мер, по-видимому, основывалась на вере в эффективность инквизиционного процесса, множество примеров которого мы, кстати, видели в ранний период.

Эта уверенность не ослабевала, и за соблюдением единообразия таким образом следили энергично, лишь с такими перерывами, которые могли возникнуть из-за нехватки доступного материала или из-за лени в его поиске. Там, где было рвение, не было и угрызений совести, как явствует из письма, адресованного около 1540 года трибуналом Льерены всем инквизиторам Испании и Португалии. Суд арестовал двадцать одного человека, в дополнение к трем

скрывающимся от правосудия лицам и двум умершим, по подозрению - вероятно, потому, что они направлялись в Португалию, — и теперь потребовал, чтобы все реестры полуострова были перерыты в поисках доказательств, оправдывающих их судебное преследование. [668] У нас была возможность убедиться, насколько слабыми были доказательства, необходимые для этого — достаточно было малейшего соблюдения любого из обычаев предков иудаизма, независимо от того, имели они религиозное значение или нет, и списки этих обрядов были тщательно составлены для руководства инквизиторами. Наиболее очевидные, такие как отказ от свинины и свиного сала, удаление жира из мяса, соблюдение субботы путем смены белья, зажигания ламп и воздержания от работы, умерщвление домашней птицы путем разделки, соблюдение установленных постов, употребление мяса в Великом посту и тому подобное, были известны всем людям, и старые христиане постоянно следили за семьями Конверсосо, так что обо всех подобных проступках охотно докладывали трибуналам, как того требуют Эдикты веры. Они давали достаточную почву для подозрений, оправдывая арест и суд, в то время как методы инквизиции гарантировали, что никакие скрытые иудейские тенденции не смогут ускользнуть от обнаружения.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ИУДАИЗМА

Показательным было дело Эльвиры дель Кампо, судимой в Толедо в 1567 году. Она была по происхождению конверсо и была замужем за Алонсо де Мойей, мадридским писцом, который, по-видимому, был старым христианином. По словам свидетелей, которые жили с ней в качестве прислуги или были ее ближайшими соседями, она ходила к мессе и исповедовалась и внешне проявляла все признаки доброй христианки; она была доброй и милосердной, но не ела свинину, а когда готовила ее для домочадцев, вытирала ее тряпкой, чтобы не прикасаться к ней, что она объяснила тем, что у нее были проблемы с горлом, из-за чего свинина ей не нравилась, и от того, что при обращении с ней ее руки пахли. Было немного накопившихся свидетельств о том, что по субботам надевали чистое белье и не работали, но это было незначительно, и дело упиралось в свинину. Главными свидетелями были двое служащих ее мужа, Педро де Лиано и Алонсо Колладос, которые жили в доме, и их показания были очень подробными относительно того, что они шпионили на кухне, заглядывали в шкафы и наблюдали за всеми деталями ее домашнего хозяйства. Лиано показал, что однажды они с Колладосом поговорили о том, как она опускала баранью ногу в воду, чтобы замочить на ночь, когда Колладос сказал, что, по его мнению, в этом есть какой-то еврейский обряд, и ему было бы очень приятно узнать об этом, потому что он обвинил бы ее перед инквизицией, поскольку был с ней в плохих отношениях. Тем не менее, Колладос завершил свои показания перед трибуналом, сказав, что он желал ей добра за ее хорошее отношение к нему, что он считал ее хорошей христианкой, потому что она ходила на мессу, ни о ком не говорила плохо и была очень замкнутой, редко выходила из дома и мало с кем разговаривала.

Эльвиру арестовали в начале июля, и сначала суд над ней продвигался быстро, поскольку она была беременна, но ее роды 31 августа затянулись на три месяца. Она призналась, что не ела свинину, но объяснила это рекомендациями врача из-за болезни, сообщенной ей мужем, которую она хотела скрыть. Другим обвинениям придавалось небольшое значение, и она усиленно отстаивала свою ортодоксальность. Из двенадцати свидетелей против нее она опознала шестерых, но ее попытка обвинить их во вражде потерпела неудачу, за исключением

двух наиболее опасных свидетелей, Колладоса и Диего Эрнандеса. Из тринадцати свидетелей, состоящих из священнослужителей и соседей, все, кроме одного, который заявил о своем невежестве, дали решительные показания о том, что она была хорошей христианкой, внимательной и исправной во всех религиозных обязанностях, послушной предписаниям Церкви и никоим образом не являлась объектом подозрений. Очевидно, ничего не оставалось, как мучить ее. Это, как мы видели выше (стр. 24), было сделано дважды, и в результате она заявила, что, когда ей было одиннадцать лет, ее мать говорила ей не есть свинину и соблюдать субботу, и она знала, что это противоречит христианскому закону, но, поскольку ее мать умерла, когда ей было одиннадцать лет, мы не можем необоснованно сомневаться в ее правдивости. На следующий день было получено подтверждение того, что она не ест свинину, не меняет сорочку и не соблюдает Субботу в соответствии с Законом Моисея, которому ее научила мать; она никогда никому не упоминала об этом, потому что ее отец убил бы ее, а она боялась своего мужа.

Исходя из этого, в консульта-де-фе был один фанатик, который проголосовал за ее смягчение, но остальные согласились на примирение со своими недостатками, конфискацию и три года тюремного заключения и санбенито, которые были должным образом назначены постановлением от 13 июня 1568 года, но чуть более чем через шесть месяцев тюремное заключение было заменено духовной епитимьей, и ей сказали идти, куда она пожелает. Таким образом, помимо ужасов своего судебного процесса, она была разорена на всю жизнь, и неизгладимое пятно легло на ее родню и потомков. Что стало с младенцем, родившимся в тюрьме, не зафиксировано, но, предположительно, ему посчастливилось умереть. Какими бы тривиальными ни казались детали такого судебного процесса, они не лишены важности как образец того, что занимало суды всей Испании, и они поднимают интересный вопрос, действительно ли инквизиторы верили в то, что они предполагали в публичном приговоре, что они трудились, чтобы спасти Эльвиру от ошибок и тьмы ее отступничества и спасти ее душу. Мельчайшие детали, от которых может зависеть судьба обвиняемой, проиллюстрированы настойчивостью, с которой они останавливаются на ее воздержании от свинины, на ее отказе есть пироги с маслом, на том, что она использовала две кастрюли для тушения и на времени, когда она меняла сорочку и пекла хлеб. [669]

ИСКОРЕНЕНИЕ ИУДАИЗМА

Подвергаясь, с одной стороны, непрерывному шпионажу слуг и соседей, а с другой - безжалостному рвению трибуналов, даже героическое упрямство иудаизма, одержавшего победу над бесчисленными бедствиями Рассеяния, постепенно уступило этому всепроникающему преследованию, применявшемуся столь непрерывно и безжалостно. По мере того, как поколение сменяло поколение, без надежды на облегчение, это непрекращающееся давление, казалось, постепенно достигало своей цели. Преследования за иудаизм начали заметно ослабевать. В Валенсии проживало большое количество конверсо, и в течение первой четверти шестнадцатого века судебные процессы проводились в среднем от тридцати до сорока раз в год. Затем последовало насильственное крещение мавров, которые в течение некоторого времени составляли преобладающий контингент. Последние были временно освобождены от юрисдикции инквизиции в 1540 году, и в течение трех лет, 1541, 1542 и 1543, не было ни одного судебного процесса по обвинению в ереси. В 1546 году они снова были освобождены от инквизиции, и в последующие шестнадцать лет, до 1562 года, общее количество судебных процессов по обвинению в ереси составило всего сорок восемь -

фактически, за десять лет между 1550 и 1560 годами их было всего два, что показывает, что иудаизм там почти перестал быть объектом деятельности инквизиции. [670] В Толедо, который включал Мадрид, за шестнадцать лет, 1575-1590 включительно, было зарегистрировано всего двадцать три случая. [671] В 1565 году на авто в Севилье было представлено семьдесят четыре кающихся без одного иудействующего, а на авто в Куэнке 1585 года, в котором фигурировал двадцать один мориско, не было ни одного. [672] Еще в 1558 году, когда Suprema преувеличивала свои заслуги, чтобы получить от Павла IV разрешение пребенды, она признала, что в течение нескольких лет было обнаружено лишь несколько иудействующих, но это туманно намекало на некоторые недавние их находки в Мурсии, которые вскоре будут наказаны. [673] Фактически, вскоре после этого Паоло Тьеполо, венецианский посланник, ссылается на арест в Мурсии большого количества евреев. [674]

Одновременно с этим уменьшением поводов для преследований, по-видимому, появилась склонность прибегать к более мягким методам, что, возможно, объясняется ожиданием того, что иудаизм вскоре исчезнет. В 1567 году Пий V по просьбе Филиппа II уполномочил генерального инквизитора Эспинозу на три года отпустить иудействующим новым христианам Мурсии и Алькараса грехи, публично или частным образом, наложив на них благотворительную, но не денежную епитимью; однако священнослужители не должны были обучаться для получения орденов или пособий. [675] Существует история о том, что дом Жуан Соареш, епископ Коимбры, после Тридентского собора совершил паломничество в Иерусалим, в ходе которого на Кипре он встретил многих испанских и португальских беженцев, от которых он собрал информацию, которую передал трибуналу Льерены, в результате чего в Эстремадуре было обнаружено много иудействующих. [676] К ним относились так же, как к студентам из Мурсии, поскольку Филипп в 1573 году получил от Григория XIII краткое изложение, аналогичное тому, что было в 1567 году, в пользу иудействующих района Льерена, за исключением того, что срок обучения был ограничен одним годом. [677] В кратком отчете, полученном Филиппом в 1597 году, иудействующим Эсихи и ее района были предоставлены еще большие привилегии, поскольку не только они должны были быть освобождены, как жители Мурсии, но и все находящиеся под судом заключенные должны были пользоваться преимуществами помилования без каких-либо пометок о позоре для них самих или их потомков, и это льготное время должно было продлиться четыре года. [678] Возможно, это были не единственные случаи подобных одолжений, и они указывают на тенденцию к полному изменению политики. О том, что существовала надежда на то, что инквизиция завершает свою работу, свидетельствует тщательный государственный документ, составленный для Suprema в 1595 году выдающимся прелатом Хуаном Баутистой Пересом, епископом Сегорбе, который считал оправданным предположение, что крещеные евреи, оставшиеся в Испании после изгнания в 1492 году, теперь стали добрыми христианами, за исключением одного кое-где, и что их Закон был забыт. [679]

ИНКВИЗИЦИЯ ПОРТУГАЛИИ

При этом добрый епископ постарался ограничить свою похвалу потомками тех, кто был крещен столетием ранее, три полных поколения прошли под карающими руками Святой Канцелярии. Он, очевидно, осознавал, что в религиозную проблему был введен новый фактор — фактор, который должен был дать инквизиции занятие еще почти на полтора столетия. Это произошло из-за завоевания Португалии Филиппом II в 1580 году. Хотя союз двух королевств был чисто династическим и их отдельные организации были сохранены, легкость общения, которая

последовала за этим, привела к массовой эмиграции новых христиан из более бедных стран в более богатые. Они не так долго подвергались строгости инквизиции, как их испанские братья, и, по большей части, были криптоевреями. Новое оправдание, которое они предоставили деятельности инквизиции после подавления бурного протестантизма и изгнания морисков, и роль, которую они сыграли в испанском иудаизме, по-видимому, требуют краткого обзора любопытной истории ранней португальской инквизиции. Это также дает представление об отношениях между Новыми христианами и Святым Престолом и, таким образом, проливает свет на борьбу Фердинанда и Карла V с курией. [680]

Мы видели (Т. I, стр. 137, 140) прием Жуаном II множества людей, которые стекались в Португалию во время изгнания, и любезное обращение с ними короля Мануэля при его восшествии на престол в 1495 году. Однако при заключении брака с Изабеллой, дочерью Фердинанда и Изабеллы, на него было наложено условие изгнания всех беженцев, осужденных испанской инквизицией, и, руководствуясь этим побуждением, поддержанным его духовником Фраде Джорджо Вогадо, он издал общий эдикт об изгнании, за исключением детей моложе четырнадцати лет, которых оторвали от родителей, — мера, которая вызвала самые прискорбные страдания, многие евреи убивали своих отпрысков, вместо того чтобы отдать их на воспитание христианам. Различными способами отъезд изгнанников откладывался до тех пор, пока они не становились альтернативой рабству, и таким образом их принуждали принять крещение. Чтобы смягчить это, 30 мая 1497 года Мануэль постановил, что в течение двадцати лет они должны быть освобождены от преследования; что впоследствии все обвинения в иудаизме должны быть предъявлены в течение двадцати дней с момента совершения инкриминируемых деяний; что судебный процесс должен проводиться по обычной светской процедуре и что конфискации должны достаться наследникам. Более того, он пообещал никогда не издавать законов, выделяющих их в отдельную расу. [681]

Это последнее обещание вскоре было нарушено указами от 21 и 22 апреля 1499 года, запрещавшими им покидать королевство без королевского разрешения и запрещавшими покупать у них земли или переводные векселя. Народное отвращение усилилось и достигло кульминации в ужасной Лиссабонской резне 1506 года. Это вызвало отвращение; в 1507 году ограничительные законы 1499 года были отменены; новым христианам было разрешено свободно торговать и приходить и уходить; они были во всем ассимилированы с местными жителями и имели право на общее право страны. В 1512 году двадцатилетний срок был продлен до 1534 года, и хотя в 1515 году дом Мануэль обратился к Льву X с просьбой о введении инквизиции, из-за задержки рассмотрения просьбы дело было прекращено и не возобновлялось. Таким образом, до смерти Мануэля в 1521 году новые христиане пользовались терпимостью и соответственно процветали. Они разбогатели, они вступали в браки с самыми знатными семьями и в значительной степени принадлежали к Церкви. Внешне их религиозные обряды были безупречны, и Португалия, естественно, стала убежищем для испанских конверсов, и маловероятно, что ограничения на подобную иммиграцию, введенные в 1503 году, строго соблюдались. [682]

ИНКВИЗИЦИЯ ПОРТУГАЛИИ

Его преемник, дом Жуан III, 20-летний юноша, был фанатиком узкого ума, но влияние советников Мануэля, которые продолжали управлять делами, обеспечило между 1522 и 1524 годами подтверждение привилегий, предоставленных покойным королем. Церковное давление

и народные предрассудки, однако, дали о себе знать, и в 1524 году тайное расследование принесло показания приходских священников о том, что новые христиане подозревались в том, что они христиане только номинально. [683] Затем женитьба Жуана в 1525 году на Каталине, сестре Карла V — единственной португальской королеве, допущенной к членству в Государственном совете, — оказала мощное влияние; растущая сила этих тенденций постепенно взяла верх над соображениями обещанной веры, и в начале 1531 года доктору Брасу Нето, послу в Риме, было поручено тайно раздобыть у Климента VII документы о создании в Португалии инквизиции по испанскому образцу. Мы видели в Испании возражения Святого Престола против королевского контроля над учреждением и отказа от всякого участия в конфискациях, и это, вероятно, объясняет задержки, которые отложили до 17 декабря вопрос о кратком наделении королевского кандидата Фраде Диого да Силвы необходимыми полномочиями генерального инквизитора. За этим, 13 января 1532 года, последовал приказ ему вступить в должность; они прибыли в Лиссабон в феврале, но, похоже, опасались, что их публикация приведет к немедленному исходу новых христиан, и их держали в секрете до тех пор, пока не были приняты законы, возрождающие с дополнительной строгостью эдикты 1499 года, запрещающие в течение трех лет выезд из королевства, продажу недвижимости и ведение переговоров по переводным векселям. Они были выпущены 14 июня, после чего наступила пауза, объяснимая только щедрым использованием денег как в Лиссабоне, так и в Риме. Новые христиане, очевидно, были осведомлены об угрожающей мере; большая часть действующей столицы королевства была в их руках, и опасность требовала энергичной работы и жертв. Подходящий эмиссар в Рим был найден в Дуарте да Пасе, собеседнике незаурядных способностей, энергии и дерзости; король доверил ему миссию за границей, под прикрытием которой он пробрался к папскому двору, где в течение десяти лет продолжал действовать в качестве агента своих товарищей. Затем, в сентябре, прибыл Марко делла Ровере, епископ Синигальи, посланный в качестве нунция по этому особому делу, который был быстро подкуплен Новыми христианами, и они, вероятно, тем же путем привлекли на свою сторону Фраде Диого да Силву, который непоправимо осложнил дело, отказавшись принять должность генерального инквизитора. Дуарте да Пас тоже не сидел сложа руки, и неразбериха стала неразрешимой, когда 17 октября Климент VII своим указом временно приостановил действие указа от предыдущего декабря и запретил не только да Силве, но и всем епископам проводить инквизиторские расследования против новых христиан. [684]

Как мы видели в Испании, курия осознала, что здесь существует многочисленный и богатый класс еретиков, которым она могла продать защиту, а затем оставить их до тех пор, пока их страхи или страдания не принесут новую жатву. Эта спекуляция на человеческих муках была тем более неприкрытой и прибыльной, что Португалия была сравнительно слабым королевством, с которым можно было обращаться гораздо менее церемонно, чем с Испанией, а Жуан III был человеком совершенно иного типа, чем Фердинанд или Карл V, в то время как его непобедимая решимость ввести инквизицию в своих владениях продлевала борьбу и делала особенно продуктивной игру поочередного склонения на ту или иную сторону. Это было настолько самоочевидно, что Жуан почти открыто упрекнул в этом Климента VII, и комитет кардиналов, которому было поручено вести это дело, возразил, что инквизиторы были служителями сатаны, а инквизиционная процедура - отказом в правосудии. [685]

Упреки Жуана были оправданны, когда Климент в записке от 7 апреля 1533 года даровал то, что было фактически прощением за все прошлые проступки, без права занимать должности в Церкви или государстве, в то время как те, кого обвинили в ереси, могли оправдываться перед

нунцием — функция, к которой он обратился, чтобы отчитаться, когда его отозвали в 1536 году, говорили, что он привез с собой в Рим около тридцати тысяч крон. Жуан чинил препятствия на пути исполнения этого приказа, который потребовал от Клемента в июле и октябре строгих распоряжений о его исполнении, за которыми последовал еще один от 18 декабря, приостановивший его действие. Это стало предметом активных переговоров, и кардинал Пуччи, или Сантикатро, “протектор” Португалии, предложил изменить его и под видом штрафов вымогать у новых христиан около двадцати или тридцати тысяч дукатов для раздела с папой римским. Передавая это предложение, Энрике де Менесес, португальский посол, добавил, что в курии ничего нельзя было сделать без денег, поскольку это было все, чего они хотели, и что Климент был недоволен Жуаном, потому что он ничего не получил от него. Климент, однако, который быстро приближался к своему концу, 26 июля приказал нунцию преодолеть отлучением от церкви все возражения против помилования и запретил любое судебное преследование за прошлые ереси, к этому подтолкнул, как сказал Сантикатро Павлу III, его духовник, который настаивал на том, что, поскольку он получил деньги от Новых христиан, он обязан их защищать. [686]

ИНКВИЗИЦИЯ ПОРТУГАЛИИ

Климент умер 25 сентября 1534 года, и борьба возобновилась при Павле III, который передал дело в комиссию, а тем временем приостановил процедуру помилования, но приказал прекратить все судебные преследования, поскольку была организована активная епископальная инквизиция, которая продолжала свою деятельность, несмотря на приказы папы. Комиссия высказалась в пользу прощения о помиловании и инквизиции с ограничениями, с апелляциями в Рим. Жуан отказался принять это, и в переговорах наступило затишье, во время которого нунций делла Ровере заключил договор с Новыми христианами от 24 апреля 1535 года, в соответствии с которым они обещали выплатить Павлу III тридцать тысяч дукатов, если он запретит инквизицию, ограничив судебное преследование епископами, которые должны быть ограничены обычным уголовным процессом; более того, были предоставлены меньшие суммы за менее желательные уступки. Курия честно пыталась заработать деньги и сделала Жуану несколько предложений, которые он отклонил; затем, 3 ноября, в Риме была торжественно опубликована булла, возобновляющая процедуру помилования, отменяющая все судебные процессы, освобождающая всех заключенных, отзывающая всех изгнанников, лишаящая всех инвалидности, приостанавливающая все конфискации, запрещающая любое судебное преследование в будущем за прошлые преступления и подкрепляющая эти положения отлучением от церкви. [687]

При этом Рим считал, что выполнил свою часть сделки, но Новые христиане думали иначе; они отказались выплатить всю сумму, и делла Ровере не смог — по крайней мере, так он сказал — перечислить более пяти тысяч дукатов. Такая скупость проявилась в неудачный момент. Карл V находился в Риме, сияя славой своего тунисского завоевания и горячо поддерживая требования своего шурина. Результат этого был виден в сводке от 23 мая 1536 года, которая представляла собой инквизицию по испанскому образцу, за исключением того, что в течение трех лет должны были соблюдаться формы светского права, а в течение десяти лет конфискации должны были переходить к наследникам осужденных. Диогу да Силва должен был стать генеральным инквизитором с правом короля назначать помощника. 5 октября Диого был торжественно введен в должность, а 22 числа был опубликован отчет. [688]

Это, вероятно, преподавало новым христианам урок несвоевременной экономии, поскольку краткое сообщение от 9 января 1537 г., адресованное Джироламо Реканати Каподиферро, новому нунцию, назначенному в Португалии, дало ему полные апелляционные полномочия, даже для возбуждения дел в суде и принятия по ним решений, в то время как дополнительное краткое сообщение от 7 февраля разрешило ему приостановить инквизицию. Его инструкции также требовали от него энергично работать над отменой закона, запрещающего экспатриацию, и это было подчеркнуто кратким сообщением от 31 августа, в котором угрожало отлучение от церкви и временное отстранение от должности за любое вмешательство в деятельность тех, кто покидает королевство, чтобы передать свои жалобы и апелляции в Рим. [689] Эти апелляции были источником большой прибыли для курии, которая продавала по кругленьким ценам отпущения грехов всем заявителям; трибуналы чинили все возможные препятствия на пути этой торговли, и Риму было важно сохранить открытым русло золотого потока. В данный момент это представляло меньший интерес для новых христиан, поскольку Каподиферро был таким же продажным, как и его предшественник, и максимально использовал свои огромные полномочия, продавая отпущения грехов за то, что мог получить. Как утверждал Жуан в письме от 4 августа 1539 года, его скандальная торговля сделала иудействующих настолько уверенными в безнаказанности, что они грешили дерзостью. Требуя его отзыва, король попытался обуздать его, назначив своего брата дома Энрике, молодого человека 27 лет, на вакантную должность дополнительного генерального инквизитора. Энрике был архиепископом Браги, с поста которого он ушел в отставку в пользу Диого да Силвы, который ушел в отставку с поста генерального инквизитора, и Энрике оставался во главе инквизиции до своей смерти в 1580 году. На данный момент от этого плана было мало толку, поскольку Каподиферро обращался с ним с властным высокомерием и даже поставил под сомнение его полномочия из-за преклонного возраста, а Павел III отказался утвердить его. [690]

ИНКВИЗИЦИЯ ПОРТУГАЛИИ

Пол уступил настойчивости Жуана настолько, что пообещал, что Каподиферро покинет Португалию 1 ноября. В то же время, когда истекали три года, в течение которых инквизиция была ограничена светскими процедурами, он прислушался к мольбам новых христиан и в булле *Pastoris æterni* от 12 октября 1539 года он во многом изменил инквизиционный процесс, чтобы ограничить его несправедливость и предоставить широкие возможности для апелляций в Рим. Основным пунктом было то, что имена свидетелей должны были скрываться только в том случае, если предполагалась серьезная опасность для них. Из-за предательства курьера, нанятого Новыми христианами, эта булла прибыла в Лиссабон только 1 декабря. Каподиферро отложил свой отъезд до 15 декабря, а затем покинул Лиссабон, не опубликовав его, потому что, как сообщил португальский посол Маскареньяс, "Новые христиане" отказались заплатить за него грабительскую цену. Маскареньяс намекает, что папа был посвящен в это, что не маловероятно, поскольку Каподиферро был принят со всей благосклонностью. Он и делла Ровере были назначены ответственными за дела португальской инквизиции; вскоре после этого он получил высокую должность Датария и в конце концов дослужился до кардинала. Его нунциатура оказалась не такой прибыльной, как он ожидал, поскольку он потерял в море пятнадцать тысяч крузадо и привез с собой в Рим ровно столько же. По прибытии в Португалию он потребовал от Новых христиан для начала две тысячи крузадо, и во время своего пребывания они регулярно выплачивали ему тысячу восьмисот фунтов стерлингов в год, и это в дополнение к его помилованию. В этом не было ничего необычного. В 1554 году Юлий III в порыве гневной

откровенности сказал португальскому послу, что нунции были направлены туда, чтобы обогатиться в награду за предыдущие заслуги. [691]

С возвращением Каподиферро, после небольшой дипломатической перепалки, Павел III отложил этот вопрос почти на два года. Жуан был вполне доволен; трехлетний срок давности для светских процедур истек, булла "Пастырское дело" так и не была опубликована, инквизиция была в полном разгаре, и ее активность начала соперничать с испанской. Его первое аутодафе было отпраздновано в Лиссабоне 20 сентября 1540 года двадцатью тремя кающимися без каких-либо послаблений, за ним быстро последовали другие. [692] Только 2 декабря 1541 года Кривованан де Соуза, тогдашний посол, упоминает о новых христианах, которые, по его словам, усердно добивались отправки другого нунция, и он провел тысячу бесед по этому поводу с папой, чье намерение было неизменным, потому что очень многие были сожжены и еще столько тысяч оказались в тюрьмах. Новые христиане предложили платить восемь или десять тысяч крузадо папе и двести пятьдесят в месяц нунцию. На последующей аудиенции Павел сказал, что нунций будет получать жалованье в размере ста крузадо в месяц, к которому Новые христиане могут добавить еще сто пятьдесят, что поднимет его над искушением подкупа, на что Соуза ответил, что это превратит его из их судьи в их защитника. Затем, позже, он зачитал протест короля, столь энергичный, что папа прошелся взад и вперед по комнате, перекрестился и сказал, что это дело рук дьявола. Суза ответил, подробно остановившись на проступках предыдущих нунциев, и даже предложил отменить инквизицию, если это избавит королевство от зла, исходящего от нунция. [693]

ИНКВИЗИЦИЯ ПОРТУГАЛИИ

Дальнейшее обсуждение было внезапно прервано взрывом. Мигель да Силва, епископ Визеу и министр Жуана, человек высокой культуры, был послом в Риме во времена Льва X и завязал прочные дружеские отношения с будущими Климентом VII и Павлом III. Недавно он попал в немилость при дворе и был близок к аресту, когда бежал и нашел убежище в Италии. Жуан пытался переманить его обратно лестными письмами, одновременно наняв, как говорит Сильва, "браво", чтобы выследить и убить его. Павел не мог ранить короля в более чувствительное место, чем объявив, как он это сделал 2 декабря 1541 года, о назначении Сильвы кардиналом. Ярости Жуана не было предела; он немедленно лишил нового кардинала не только его должностей и временных полномочий, но и гражданства, тем самым объявив его вне закона, и 24 января 1542 года специальный курьер доставил в Сузу императивный приказ покинуть Рим, как только он сможет предъявить свои отзывные письма. Его отчет о том, как было воспринято это резкое прекращение отношений, указывает на то, что это породило опасения, что Португалия вот-вот выйдет из-под власти Рима. [694]

Это лишило новых христиан той помощи, которую они приобрели в Риме, и оставило Энрике в мирном владении инквизицией, которую он усовершенствовал, учредив шесть трибуналов — в Лиссабоне, Эворе, Коимбре, Ламеги, Порту и Томаре, — из которых первые три оставались постоянными, а остальные впоследствии были упразднены за ненужностью. [695] С другой стороны, Павел III упорствовал в своем намерении назначить другого нунция в Португалии и назначил на этот пост Луиджи Липпомано, коадьютора-епископа Бергамо. Перехваченное письмо Диого Фернандеса, римского агента "Новых христиан" от 18 мая 1542 года, показывает, с какой тревогой ожидали его прихода, и проливает свет на их отношения с курией. Он ожидает денег, чтобы выплатить тысячу крузадо нунцию, который требует их немедленно, хотя ему было

приказано не выплачивать их до тех пор, пока Липпомано не окажется за стенами Рима. Каждый требует денег, пока не оказывается на грани потери рассудка. Он согласился выплатить по сто сорок крузадо каждому за помилование Перо де Нороньи и Марии Томаз, которые он отправляет, и просит немедленно перевести деньги. Затем, 19-го числа, он добавляет, что в тот день был вынужден выплатить нунцию тысячу крузадо; он увеличил сумму, предоставив обеспечение, и, хотя он не подчинился приказу, он молится, чтобы деньги были отправлены, поскольку без этого весь их труд и расходы были бы потрачены впустую. Постскрипtum 20-го числа намекает на всеобщее помилование, которое папа согласился даровать в будущем. Люди, по его словам, впустую тратят свои деньги на получение специальных писем; папа предпочитает, чтобы все это делалось в рамках общего положения, в которое все должны вносить свой вклад, и это самое важное из всех дел, которые необходимо выполнить. Из дела Антонио Фернандеса из Коимбры следует, что, когда были получены письма об освобождении от ответственности, король немедленно изгнал получателей, которые затем раздобыли новые письма, требующие от короля предоставить им охранные грамоты и разрешение продать их имущество, реальное и личное. [696]

Жуан написал Липпоману, чтобы тот не приезжал, и тот настоял на этом, несмотря на уговоры Карла V. Тем не менее нунций отправился в путь, и мы слышим о нем в августе в Арагоне, где он столкнулся с португальским казначеем, посланным задержать его. Последний был полностью осведомлен о выплате тысячи дукатов и ежемесячного пособия, относительно всего этого нунций заявлял о своем простодушном неведении, и он далее заявил, что перехваченные письма показали, что кардинал Сильва должен был получать двести пятьдесят крон в месяц за то, что выступал в качестве “защитника” евреев. Тем не менее казначея в конце концов убедили написать своему хозяину благоприятное письмо, и Липпомано возобновил свое путешествие в Вальядолид. [697] Жуан отказался уступать. Узнав, что нунций достиг Кастилии, он написал письмо, приказывающее ему не продвигаться дальше, пока он не получит известий от папы, которому 18 сентября он направил энергичное письмо, требуя, чтобы ни один нунций не был направлен для вмешательства в инквизицию; по его словам, им двигала не жадность, поскольку не было конфискации, и действительно, из другого источника мы имеем утверждение, что содержание инквизиции обходилось ему в десять или одиннадцать тысяч дукатов в год. [698]

ИНКВИЗИЦИЯ ПОРТУГАЛИИ

Липпомано заверил португальского казначея, что он приехал не для того, чтобы вмешиваться в деятельность инквизиции; что его приказ был только для того, чтобы проверить, соблюдают ли инквизиторы справедливость; если они этого не сделают, совесть потребует от папы принятия необходимых мер. Однако его секретные инструкции носили совсем другой характер. Ему сказали, что он должен, не колеблясь, действовать энергично, соблюдая внешнюю вежливость, поскольку Португалия смертельно ослаблена и приближается к разорению; король полностью обнищал, обременен долгами дома и за границей, ненавидим своим народом и полностью под влиянием монахов, в то время как его отношения с Францией и с императором были недружественными. Что касается инфанта Энрике, то, если он не хочет быть лишен звания генерального инквизитора, он должен, по крайней мере, ходатайствовать о помиловании по причине отсутствия возраста, просить отпущения грехов за прошлое и утвердить или аннулировать все предыдущие судебные процессы. Что касается инквизиции, то было бы самым святым делом упразднить ее и передать юрисдикцию епископам; нунций был наделен полномочиями сделать это или приостановить ее действие, и он должен был открыто показать

это, чтобы все знали, что это по его усмотрению. Тем временем он мог бы разослать письма всем, кто их попросит, об их оплате, и даже если бы цена была небольшой, общая сумма была бы большой, поскольку их было пятьдесят тысяч. Декларативная булла от 13 ноября (*sic*) 1539 года, запрещенная Каподиферро, должна была быть опубликована без консультации с королем; ее не нужно было прикреплять к дверям церкви, но копии могли быть предоставлены всем, кто попросит, чтобы они могли использовать ее на суде, и Энрике должен был быть уведомлен, что вся процедура должна соответствовать ей; если он будет протестовать, ему должны были сказать, что такова воля папы, и он мог написать папе, если пожелает. В конце концов Липпомано сказали, что на него будут оказывать всевозможное давление, но он должен быть твердым и напомнить им, что у него есть власть упразднить весь институт. Что бы мы ни думали о слепом фанатизме Жуана, мы не можем удивляться его возражениям против принятия в свое королевство эмиссара, который прибыл, чтобы бросить ему вызов и расстроить все его самые заветные планы. С другой стороны, декабрьское письмо представителя "Новых христиан" их римскому агенту, в котором ему перечисляются две тысячи крузадо, отражает их мучительную тревогу в связи с приездом нунция; это будет их спасением, а его отсутствие - их гибелью; бесполезно тратить деньги на судебные иски, когда некому их обеспечить. [699] Они вполне могли впасть в отчаяние, поскольку инквизиция была активной и беспощадной. На аутодафе, состоявшемся в Лиссабоне 14 октября 1542 года, явились сто преступников, из которых двадцать были освобождены, и Жуан де Меллу, докладывая об этом королю, пожаловался, что в результате тюрьмы все еще переполнены теми, кого судят. И это было еще не все, поскольку Эркулано рисует ужасную картину, полную отвратительных деталей, творимых повсюду зверств, подобных тем, которые мы видели в мемориалах Льерены и Хаэна. [700]

Несмотря на то, что Жуан не знал инструкций нунция, он упорно отказывал ему в приеме до тех пор, пока не получит ответ на свое письмо от 18 сентября. Этого ждали долго, и Липпомано тщетно жаловался на неуважение к Святому Престолу, проявленное из-за того, что его заставляли бродить из одной таверны в другую. Некоторое время он оставался в Саламанке, а затем, получив ложное известие о том, что его примут, отправился в Бадахос, но обнаружил, что граница для него закрыта, и там он был вынужден оставаться несколько месяцев, потеряв надежду и недовольный. [701] Тем временем Франсиско Ботельо, которого послали с письмом Жуана, совещался с папой римским, который вежливо заверил его, что миссия Липпомано заключалась лишь в том, чтобы уведомить короля о приближающемся созыве Тридентского собора. В конце концов было решено, что он ограничится этим и другими вопросами, которые разрешит король. Соответствующая записка, удовлетворяющая португальских агентов, была составлена и отправлена из Рима 3 ноября. Вряд ли он достиг Португалии раньше первых месяцев 1543 года, поскольку в письме Жуана от 2 марта упоминается о его прибытии и его удовлетворении урегулированием, в котором он надеется, что действия папы могут соответствовать его словам. Липпомано, таким образом, лишенный своих полномочий и не имевший перед собой финансовых перспектив, очень хотел, чтобы его отозвали, но ему не разрешили вернуться до конца 1544 года; он подчинился последним инструкциям и воздержался от помощи новым христианам. [702]

Возможно, уступчивость Павла в этом вопросе можно объяснить пешими переговорами в начале 1543 года. Через кардинала Бургоса Жуану было предложено, чтобы папа предоставил Португалии инквизицию, идентичную инквизиции Кастилии, если в течение нескольких лет половина конфискаций будет принадлежать Святому Престолу. Это хладнокровное предложение продать новых христиан показывает, насколько чисто меркантильной была

неустойчивая защита, предоставляемая им до сих пор, и Жуан встретил его в том же духе. Заявив, что он никогда не стремился к наживе в своих усилиях служить Богу, он проинструктировал своего посланника, что тот может согласиться на три года, но должен постараться сократить папскую долю до четверти. [703] Попытка заключить сделку ни к чему не привела, но Рим опасался, что Португалия может последовать примеру Англии, и Жуан был умиловивлен повторным предложением кардинальской шапки для инфанта Энрике. На это он сначала угрюмо ответил, что, когда он просил об этом, оно было отдано Сильве, а теперь, когда он не просил, ему кажется неуместным принимать его. Впоследствии, однако, он согласился, и в декабре 1545 года Энрике получил эту честь. Более того, в октябре 1543 года инквизиции была оказана знаковая милость в виде бессрочного распоряжения, дающего должностным лицам право пользоваться плодами бенефиций *заочно*, хотя, как мы видели, в Испании субсидия предоставлялась всего раз в пять лет. Правда, это было не совсем безвозмездно, поскольку стоило двести пятьдесят крузадо в дополнение к обычным гонорарам в семьдесят. [704]

ИНКВИЗИЦИЯ ПОРТУГАЛИИ

Инквизиции помогали и другим способом. Через субсидируемого кардинала Парижа португальский посол Бальтазар де Фариа получил возможность ознакомиться со всеми папскими грамотами, выданными новым христианам. В письме от 18 февраля 1544 года он описывает использование этой информации, поскольку он выступал против каждого из них, и за это велась ожесточенная борьба, несчастный папа подвергался нападкам с обеих сторон и был вынужден неоднократно менять свои решения, поскольку влияние соперников преобладало. Более того, информация была заранее отправлена Энрике, чтобы позволить ему опередить папскую милость или сделать ее неэффективной. Энрике было поручено тайно игнорировать все, чего не видел Фариа, обратиться к папе и доложить Фариа, поскольку именно так поступали кастильские инквизиторы. Это была своего рода партизанская война в промежутке между более масштабными сражениями. [705]

Один из таких конфликтов был уже близок. Павел III решил послать другого нунция, которому было поручено лишить короля временных полномочий кардинала Сильвы и смягчить суровость инквизиции. Для этого он выбрал Джованни Риччи да Монтепульчано, который в то же время был возведен в сан архиепископа Сипонто. Фариа льстил себя надеждой, что ему удалось отсрочить отъезд нунция до получения известий от короля, но, несмотря на это, Риччи приступил к работе 17 июля 1544 года. [706] Он путешествовал неторопливо и добрался до Вальядолида только 5 ноября, где обнаружил ожидающего его Крестована де Кастро с письмами от короля, запрещающими его въезд. Ему удалось заставить де Кастро поверить, что у него не было никаких инструкций относительно Сильвы или инквизиции, которые могли бы оскорбить короля, который соответственно написал 28 ноября, осторожно признав его виновным в этих предположениях. Однако случилось так, что, прежде чем курьер отправился с этим письмом, Липпомано, который все еще исполнял обязанности нунция, получил и прикрепил к дверям церкви папское предписание от 22 сентября, запрещающее всем инквизиторам и церковным судьям приводить в исполнение любые приговоры, вынесенные новым христианам, или выносить приговоры по любым делам, пока не прибудет Риччи, не проведет расследование и не доложит о поведении инквизиции, после чего должно быть объявлено о воле папы. Это решило вопрос; копии дела были отправлены де Кастро, чтобы

оправдать перед испанским судом абсолютный отказ принять Риччи до тех пор, пока Жуан не получит ответа на письма с требованием объяснений и возмещения ущерба, отправленные специальным курьером. В то же время бриф был соблюден, поскольку после июня 1544 года автомобилей больше не было до 1548 года. [707]

Учитывая все, что произошло за последние десять лет, во всем этом было непростительное обострение, которое трудно понять в отсутствие информации о тайной деятельности Новых христиан в Риме, если только это не было сделано для того, чтобы убедить Жуана в том, что ему придется щедро заплатить за удовольствие преследовать своих подданных. Он излил свой гнев в одном или двух письмах Бальтазару де Фариа, а 13 января 1545 года в спешке отправил Симао да Вейгу с инструкциями потребовать учреждения инквизиции в ответ на королевские претензии; недавнее судебное разбирательство должно быть отменено, а Риччи должен подпадать под ограничения, наложенные на его предшественника, и ничего не должен говорить о кардинале Сильве. Пространное письмо папе римскому, которое должно было быть зачитано в консистории, было вольным, но не несдержанным и, учитывая провокацию, было гораздо более умеренным, чем того заслуживало папское двуличие. [708]

ИНКВИЗИЦИЯ ПОРТУГАЛИИ

Это письмо оставалось без ответа почти шесть месяцев, в течение которых над доверчивостью Жуана был проведен еще один эксперимент. Кардинал Сфорца, один из папских внуков, написал от имени папы, что, если нунций будет допущен, все, о чем он просил инквизицию, будет удовлетворено, и кардинал Крессенцио подтвердил это устно. Однако с естественным недоверием король попросил, чтобы Павел сам подтвердил это перед Фариа, и тогда он допустил бы Риччи. Еще 22 июня 1545 года он писал в этом смысле, не зная, что 16 июня папа ответил на его письмо кратким письмом, в котором с раздражающим наигранным великодушием он простил резкость Жуана; против утверждений Жуана о порочности новых христиан и мягкости инквизиции он противопоставил постоянные жалобы, доходившие до него, на ее жестокость и несправедливость, а также многочисленные сожжения невинных; поскольку это находилось под его юрисдикцией, он нес ответственность и не мог отказаться от долга инквизиции. расследование истинности этих противоречивых утверждений; имело место также похищение кардинала Сильвы, которое должно быть исправлено. Брифинг завершился многозначительной угрозой, что, если эти проблемы не будут устранены, он не сможет подвергнуть себя перед Всемогущим Богом обвинению в халатности в столь важном деле. [709]

Трудно следовать окольным путям папского двора. За четыре дня до даты этого брифинга, 12 июня, кардинал Сфорца отправил Жуану требуемое письменное заверение, пообещав, что, если он допустит нунция, папа предоставит инквизиции все, что тот пожелает. Получив это в августе, король сразу же ответил, что, полагаясь на заверения кардинала, он разрешит Риччи въезд в Португалию, и попросил подготовить необходимую буллу и отправить ее Симао да Вейга. В то же время он разрешил Риччи приехать, осторожно добавив, что это должно быть в рамках ограничений, наложенных на Липпомано. Риччи, задержанный по болезни, прибыл только 9 сентября, а затем он был предъявителем приказа о помиловании от 16 июня. Вполне можно поверить, что Жуан был поражен громом, и он написал своим послам, что не знает, что сказать. [710]

Папа пошел на компромисс, предложив отменить распоряжение от 22 сентября 1544 года и что после доклада нунция он оставит все в руках короля, но он отказался выполнять обещания

кардинала Сфорца. Ответа на это дано не было, но протокол об отзыве был составлен и дошел до Риччи 18 января 1546 года, сопровождаемый документом, уполномочивающим его действовать в случае, если он обнаружит злоупотребления в инквизиции, но единственное расследование, которое разрешил бы Жуан, заключалось в том, что он должен изучить бумаги по четырем или пяти делам и допросить инквизитора относительно них. Первым представленным случаем был случай семидесятилетнего старика, сожженного несколько лет назад. Он был одним из тех, кого обратили силой; он сразу признался в большем, чем было засвидетельствовано против него, и взмолился о пощаде. Риччи спросил инквизитора Жуана де Меллу, почему тот сжег его, поскольку это не был случай рецидива, на что Мелло ответил, что его раскаяние было симулированным, потому что он внес изменения в три экзамена, но при изучении протокола различия были признаны незначительными. Риччи попросил копию процесса для отправки в Рим, и она была обещана, но не передана. Его отчет, естественно, был враждебен инквизиции, и папа, предполагая, что судебный акт 1536 года устанавливал его только на десять лет, уведомил Жуана, что срок истек: из уважения к нему он был продлен на год, но ему сказали, что в течение этого времени вопрос о новых христианах должен быть окончательно решен; было высказано предположение, что может быть даровано всеобщее помилование или что он может изгнать их всех из своего королевства. [711]

Мы можем справедливо предположить, что в такой кризис, как этот, золото Новых христиан не пощадили ни в Лиссабоне, ни в Риме. Жуан, очевидно, чувствовал, что наступил переломный момент и что необходимо предпринять какие-то невероятные усилия, чтобы превзойти своих подданных в цене. Со своей стороны, он не проявил скупости, откликнувшись на настоятельные призывы своих послов к щедрости по отношению к кардиналам. Кардинал Фарнезе, любимый внук Павла III и самый влиятельный член Священной коллегии, получал от него пенсию в размере тридцати двухсот крузадо, назначенную в 1544 году поровну епархиям Браги и Коимбры для обеспечения ее продолжения: в критический момент, в 1545 году, ему была выплачена задолженность за два года вперед единовременной суммой в тринадцать тысяч крузадо. В этих вопросах было так мало сдержанности, что после смерти кардинала Сантикатро, “протектора” Португалии, Жуан фактически предложил нанять Павла III своим преемником, указав на большие “прописки”, которые могли бы помешать ему принять определенные положения относительно епископов, которых добивался король. Для этого и для выплаты Фарнезе он отправил переводные векселя на тридцать три тысячи крузадо. Юлий III был таким же корыстолюбивым, как и его предшественник. В 1551 году Жуан, в ответ на намек на желательность подарка, прислал ему великолепный бриллиант, оцененный римскими ювелирами в сто тысяч крузадо. Юлий был очень доволен и заявил, что сделает это семейной реликвией в своей семье, но когда на следующий год он намекнул, что был бы приемлем другой подарок, Жуан, который в то время был им недоволен, отказался отвечать, сказав, что, когда папа согласится на его требования сделать Энрике вечным легатом, настанет время подумать о том, чтобы подарить ему что-нибудь. Это привело Юлиуса к соглашению; в 1553 году встреча была назначена, а в 1554 году Жуан прислал ему брошь. [712]

В таких вопросах подданным было трудно соперничать со своим монархом. Под давлением, столь умело применяемым Римом, Жуану пришла в голову блестящая идея, и в письме Бальтазару де Фариа от 20 февраля 1546 года он предположил, что в обмен на свободную инквизицию он предоставит кардиналу Фарнезе управление и доходы епархии Визеу, которые он удерживал у кардинала Сильвы, таким образом сразу получив объект своих желаний и удовлетворив свою злобу против этого несчастного прелата, лишив его папской поддержки. [713] Эта ослепительная взятка преодолела сомнения Пола относительно его ответственности перед Всевышним и его дружбы к Сильве. Святой Престол был запятнан многими примерами кумовства и алчности, но в его истории было мало случаев более бесстыдного бесстыдства, когда приносились в жертву те, кого он был обязан защищать. Тем не менее, Павел стремился сохранить некоторое подобие приличия, отказываясь от новых христиан, и выдвинул требование о всеобщем прощении прошлых преступлений и предоставлении срока, в течение которого желающие эмигрировать могли бы покинуть Португалию. Жуан был полон решимости добиться всего, что мог, и состоялась серия запутанных переговоров, занявших весь 1546 и 1547 годы, в ходе которых каждая сторона пыталась перехитрить другую, не обращая особого внимания на последовательность. Дело осложнялось вопросом о накопленных доходах Визеу, которые Жуан не хотел возвращать и которые Пол потребовал за удобное использование ткани собора Святого Петра. Игнатий Лойола вмешался в драку, как и два члена Тридентского собора, Фраде Джорджо де Сантьяго, инквизитор, и кармелит Бальтазар Лимпо, епископ Порту, честный и свободомыслящий фанатик, который был сильно шокирован, узнав, что было тайно выдано предписание о безопасности, приглашавшее португальских новых христиан в Италию с заверением, что их не потревожат из-за их религии. Таким образом, как сказал епископ, те, кто был крещен при рождении, пришли, были немедленно обрезаны и заполнили синагоги прямо на глазах у папы римского — отсюда следует вывод, что он желал свободной эмиграции из Португалии, чтобы Италия могла воспользоваться умом и трудолюбием отступников, аргумент, который широко использовался, и на который было нелегко ответить. [714]

ИНКВИЗИЦИЯ ПОРТУГАЛИИ

Весной 1547 года, когда дело, казалось, приближалось к урегулированию, были последовательно составлены необходимые сводки. Один из них от 11 мая даровал всеобщее помилование за прошлые преступления; все заключенные должны были быть освобождены, все конфискации возвращены, все инвалидности устранены, а повторное происшествие не должно было повлечь за собой наказания в виде рецидива. В письме от 1 июля, адресованном кардиналу Энрике, сообщалось, что папа предоставил инквизиции все процессуальные полномочия. Однажды, 5 июля, Жуану сообщили, что предъявитель, кавалер. Джованни Уголино (племянник покойного кардинала Сантикатро) принес буллу инквизиции и призвал его следить за тем, чтобы инквизиторы проявляли свою власть с умеренностью. Уголино также был уполномочен передать во владение Фарнезе престол Визеу и другие бенефиции Сильвы, а также взыскать задолженность по доходам за ткани собора Святого Петра. От 15 июля было подано два иска: один о назначении Фарнезе пожизненным администратором престола и бенефиций; другой отозвал и аннулировал все письма об освобождении от инквизиции, которые Новые христиане в течение стольких лет покупали дорогой ценой. Наконец, под датой 16 июля вышла долгожданная булла, *Meditatio cordis*, учреждающая в Португалии свободную и ничем не стесненную инквизицию. В нем говорилось, что папа, желая сурового наказания за чудовищное преступление ереси, отменил все предыдущие ограничения его полномочий и наделил его всеми полномочиями, когда-либо предоставленными инквизиторам. Чтобы

добиться эффективного отзыва освобождающих писем, он направил папе все дела, находящиеся на рассмотрении других судей, кроме кардинала Энрике, и передал их ему и его заместителям со всеми полномочиями. О том, что Павел не без угрызений совести отказался таким образом от новых христиан, которые так щедро пожертвовали в курию, свидетельствует последующее сообщение от 15 ноября, в котором он сообщил королю, что, поскольку он предоставил Португалии свободную инквизицию, он искренне призвал его следить за тем, чтобы инквизиторы действовали с милосердием, а не с судебной строгостью, принимая во внимание слабость неофитов, ибо это было бы для него самым приятным. [715]

Стремление папы сохранить видимость видно в инструкциях Уголино. В письмах от Пола говорилось, что его пожелания заключались в том, чтобы в соответствии с прошением о помиловании все заключенные были освобождены; те, кто должен был отречься от престола, должны были сделать это перед нотариусом, а не самовыдвиженцем; что в течение года никто не должен был быть освобожден от ответственности, не должны были производиться аресты, кроме как за публичные и скандальные преступления, и судебное преследование должно было проводиться так же, как и за другие преступления, в то время как, если закон, запрещающий эмиграцию, не может быть отменен, об этом следует молчать в течение года — таким образом, скрывая в течение года свое предательство тех, у кого нет друзей. [716] Инструкции Фарнезе были более откровенно циничными. Чтобы обезоружить недоверие Жуана, он согласился не вступать во владение временными владениями Сильвы до тех пор, пока не будет улажено дело инквизиции, в то время как посол Фариа и епископ Порту пообещали, что Жуан не будет создавать никаких трудностей; именно на этом условии папа предоставил разрешение инквизиции, будучи уверенным, что и то, и другое должно быть улажено вместе. Следовало убедить Жуана согласиться на всеобщее прощение и милости, о которых просили вместо разрешения на эмиграцию, поскольку это позволило бы папе ответить на призывы и жалобы новых христиан, сказав им, что этого достаточно. Папа был озабочен тем, чтобы в течение года инквизиция не применяла строгости и чтобы процедура соответствовала светскому законодательству; это имело незначительное значение, но им показалось бы важным делом. Им также должны были сказать, что, как и в предыдущих случаях, папа мог бы получить от них двадцать тысяч крузадо за помилование, в то время как он даровал его, не получив ни единого фартинга. Еще более важно было то, что и Уголино, и нунций Риччи были предупреждены быть особенно осторожными и ничего не требовать от Новых христиан. [717]

О том, как Жуан отнесся к этим ходатайствам в защиту жертв, говорится в письме Фариа после урегулирования. По его словам, он принял условия инквизиции, зная, что дальнейшие протесты приведут только к ухудшению условий, но он намеревался, чтобы инквизиция продолжалась в форме, предусмотренной буллой. Лица, помилованные в соответствии с прошением о помиловании, если они совершили ересь в течение года, могут быть немедленно арестованы и привлечены к ответственности, но не должны быть приговорены или смягчены до истечения года. В течение года инквизиторам следует дать указание действовать мягко, но что касается отношения к ереси как к другим преступлениям, то это было бы неразумно, потому что папа в самой булле распорядился иначе. Что касается запрета на эмиграцию, то отмена закона, как того желал папа, не была направлена на служение Богу. Помилование должно быть опубликовано, а заключенные освобождены; те, кто должен был отречься от престола, должны были сделать это не на сцене, а публично у дверей церкви. [718] Таким жестоким образом была сброшена маска, под которой Павел пытался скрыть свое отречение от Новых христиан.

ИНКВИЗИЦИЯ ПОРТУГАЛИИ

С мая 1547 года Уголино ежедневно ожидал приказа трогаться в путь, но только 1 декабря он покинул Рим с буллами, решившими судьбу Португалии. Вероятно, в январе 1548 года он добрался до Лиссабона, где произошли новые задержки с урегулированием деталей, и только 24 марта было подписано соглашение, касающееся временных полномочий Сильвы; Жуан ворчал по поводу распределения накопленных доходов на строительство собора Святого Петра; он не соглашался их отдавать и не собирался этого делать, но в конце концов подчинился. Помилование было опубликовано в Лиссабоне 10 июня, тюрьмы были опустошены, и, как нам сказали, отречения по большей части были частными. [719] Таким образом, после борьбы, длившейся семнадцать лет, инквизиция сосредоточилась на Португалии, и, рассматривая калейдоскоп перипетий борьбы, мы не можем проследить ни в одном действии Святого Престола более возвышенный мотив, чем низменный - создание на человеческих страданиях рынка для приобретения силы ключей и продажи ее тому, кто больше заплатит.

ИНКВИЗИЦИЯ ПОРТУГАЛИИ

Новые христиане незамедлительно попытались спасти фрагмент от крушения, добившись публикации имен свидетелей, основываясь на каноническом положении, согласно которому они должны были быть подавлены только в случае могущественных преступников, которые могли отомстить обвинителям. С этой целью они получили от Павла III краткое распоряжение от 8 января 1549 года, определяющее, что новые христиане и другие лица могут считаться только влиятельными людьми в отношении сообщения имен свидетелей, при условии, что они были дворянами, осуществляющими юрисдикцию над вассалами, государственными магистратами или офицерами королевского дворца. Похоже, с публикацией этого была некоторая задержка, но, когда об этом стало известно королю, он отправил 13 августа 1550 года копию этого документа Юлию III со срочной просьбой об его отмене, поскольку это доказало бы полное уничтожение инквизиции. [720] Между португальскими послами и Новыми христианами завязалась долгая борьба, в которой последние в течение некоторого времени добивались успеха. В эти подробности не стоит вдаваться, но заключительные инциденты слишком хорошо иллюстрируют ход дел при папском дворе, чтобы их игнорировать. Павел IV вступил в понтификат 23 мая 1555 года; еще будучи кардиналом, он выразил несогласие с брифингом, и послу Афонсо де Ленкастро при содействии Великого инквизитора кардинала Алессандрино — будущего Пия V — не составило особого труда склонить его на свою сторону. Уведомление об отзыве было составлено, одобрено и отправлено в *dataria* для отправки. Тамашний заместитель случайно оказался кастильским новым христианином, и когда секретарь посла позвонил для брифинга, ему сказали, что Павел III совершил справедливый и святой поступок и что в Португалии инквизиторы хотели сжечь всех. Отчет был утаен, и, когда папе была подана жалоба на то, что его датарий отказался подчиняться приказам, он пообещал разобраться с этим. В то время от него больше ничего нельзя было добиться, и его безрассудная война с Филиппом II дала ему достаточно занятий на следующие несколько лет. Однако Ленкастро продолжал свои усилия, пока в апреле 1559 года его не сменил Лоренсу Пирес де Тавора, который принес срочные инструкции по получению приказа об отзыве лицензии. Мир с Филиппом был провозглашен 5 апреля 1559 года, но Павел IV на 84-м году жизни был нарушен и, более того, был поглощен преследованием кардинала Мороне. Ленкастро и Пирес, однако, сотрудничали с Конгрегацией инквизиции, которая 22 июля одобрила отзывное заявление. Они сразу же отнесли его папе и с помощью кардинала Алессандрино добились обещания подписать. К

своему ужасу, на следующий день они узнали, что документ не был подписан. Пол достал свой перстень с печаткой, достал его из сумки и уже собирался приложить к письму, когда пробежал глазами краткое изложение; преамбула его не устроила, потому что нелегко было назвать причину отзыва, не выдвигая обвинения. Он отложил его в сторону, и это был почти его последний поступок, поскольку он умер 18 августа, и в течение трех недель никаких судебных разбирательств не было. Конклав был продлен, и Пий IV был избран только 26 декабря. Пирес не терял времени даром и во время своего поздравительного визита 2 января 1560 года, перед коронацией, обратился с этим вопросом к папе. Послали за кардиналом Алессандрино, который дал свое согласие. Секретарю Арагонии было поручено составить сводку, и, как считал Пирес, она была первой, подписанной после коронации. Пирес объяснил свой успех глубокой секретностью, которая скрывала эту меру от ее противников, и в разгар своего самовосхваления дважды торжественно предупредил кардинала Энрике, чтобы он использовал свои полномочия умеренно, поскольку в соответствии с инструкцией будет легко сжечь новых христиан. Тщетно они добивались его отмены; их агенты и их меморандумы были одинаково проигнорированы, и сокрытие имен свидетелей стало устоявшейся практикой как в Португалии, так и в Испании. Более того, всякая надежда на облегчение угасла, когда в сентябре Просперо де Санта-Кроче был отправлен нунцием, а кардинал Энрике был вновь назначен *позднеелегатом* по всем вопросам, касающимся веры, что положило конец любым апелляциям и вмешательству в Святую Канцелярию. [721] Настойчивость, с которой добивались разрешения не разглашать имена свидетелей, показывает, насколько серьезным препятствием для осуждения оказалась их публикация, и это, вероятно, объясняет тот факт, что во время действия запрета деятельность инквизиции была ограничена. Список аутодафе, настолько полный, насколько смогли собрать исследования, указывает на то, что из трех учрежденных трибуналов ни в Лиссабоне не было аутодафе до 1559 года, ни в Коимбре до 1567 года. Возможно, в архивах есть какой-то дефект, объясняющий это, и, возможно, они лучше сохранились в Эворе, поскольку там мы находим авто, записанные в 1551, 1552, 1555 и 1560 годах. После этого они участились и стали более суровыми, но вплоть до завоевания Филиппом II в 1580 году общее количество авто, зарегистрированных в трех трибуналах, составляло всего тридцать четыре, в которых было сто шестьдесят девять смягчений лично, пятьдесят одно в виде изображения и тысяча девятьсот девяностовосемь кающихся. [722] Незначительное количество рельефов на изображении по сравнению с множеством, которое фигурирует на ранних испанских автомобилях, по-видимому, указывает на то, что это были просто те, кто сбежал из тюрьмы или умер во время суда, и что в отсутствие конфискации португальские инквизиторы не были серьезны в отслеживании ереси предков или в отслеживании записей о беглецах.

Вопрос о конфискации, по сути, был оставлен Павлом III в руках короля, который нашел в этом финансовый ресурс для своей обанкротившейся казны, предоставив за вознаграждение десятилетние периоды освобождения — практика, продолженная регентством после смерти Жуана. Вероятно, в 1568 году Новые христиане не решались заплатить требуемую цену, поскольку в записке Пия V, датированной 10 июля того же года, говорится, что последний срок полномочий истек 7 июня и что король Себастьян не продлил его, сочтя, что это послужило стимулом для ереси, и что он просил папу не слушать апелляции. Этот Пий охотно пообещал и отменил все привилегии, которыми могли пользоваться новые христиане. Несомненно, это побудило их прийти к соглашению, поскольку освобождение было возобновлено. По прошествии этого десятилетия Себастьян снова предоставил его, пытаясь обеспечить свою неудачную африканскую экспедицию, но Энрике, вступив на престол, почувствовал, что его

совесть сильно обеспокоена этой уступкой отступничеству. Он обратился к Григорию XIII, который своим указом от 6 октября 1579 года продлил действие приказа 1568 года и разрешил Энрике отозвать грант, выданный Себастьяном. [723] Поскольку Португалия в следующем году перешла в руки Филиппа II, мы больше ничего не слышим об освобождении от конфискации.

Несколько примечательно, что Жуан пренебрег распространением благословения инквизиции на свои колониальные владения. Новые христиане в значительной степени воспользовались возможностями, предоставленными колониальной торговлей, и обосновались в Гоа и его зависимых районах. Сравнительная свобода там, несомненно, побудила их соблюдать меньшую осторожность, чем дома, поскольку святой Франциск Ксаверий едва начал свои миссионерские труды, как был шокирован увиденным и 30 ноября 1545 года срочно написал королю о необходимости инквизиционного трибунала. Никакого ответа на его обращение получено не было. Жуан умер 11 июня 1557 года, оставив корону своему внуку Дому Себастьяну, ребенку третьего года жизни, под регентством вдовствующей королевы Каталины, которая отказалась от нее в 1562 году в пользу кардинала Энрике. Регентство больше заботилось о духовных потребностях Индии, чем покойный король, и в марте 1560 года Энрике отправил в Гоа инквизитора Алейшо Диаса Фалькао, который к концу года основал трибунал, со временем снискавший зловещую славу самого безжалостного в христианском мире. [724] Когда Лоренсу Пирес, посол в Риме, узнал через Египет об этом учреждении, он выразил Регентству свои опасения, что такое религиозное рвение окажет медвежью услугу Богу и королевству, поскольку это приведет в Бассору и Каир многих, кто будет помогать врагу как в финансах, так и в войне. [725] Его предвидение оправдалось более полно, чем он ожидал, поскольку к деятельности трибунала в значительной степени был отнесен упадок некогда процветавших индийских владений Португалии. Измотав новых христиан, она обратила свое внимание на местных христиан, которые так щедро вознаграждали миссионерские труды иезуитов, поскольку Португалия не последовала мудрому примеру Испании в освобождении новообращенных коренных жителей от инквизиции. Для этих бедных людей было невозможно полностью отказаться от суеверных обычаев своих предков, и к любому их повторению, каким бы незначительным оно ни было, относились с той же строгостью, с какой относились к подобным промахам конверсос полуострова. Даже Филипп II признал нелицеприятность этого, и в 1599 году он добился от Климента VIII краткого разрешения инквизиторам смягчать наказания в виде послабления и конфискации за рецидив, вплоть до третьего рецидива, но не более, и срок полномочий был ограничен пятью годами. [726]

Примечательно, что в Бразилии не было учреждено трибунала, хотя новые христиане, которых там было предостаточно, оказались очень беспокойным элементом, судя по тому, что они поощряли голландцев в их попытках закрепиться. [727] Там был комиссар, но его полномочия были ограничены сбором доказательств и передачей их с обвиняемыми в Лиссабон, где их судили и наказали. [728] Возможно, стоит отметить, что в договоре 1810 года с Англией Португалия обязалась никогда не учреждать инквизицию в своих американских владениях. [729]

В целом, можно сказать, что португальская инквизиция была создана по образцу Кастильской. Серия эдиктов, изданных доном Себастьяном и доном Энрике и подтвержденных более поздними королями, предоставляла должностным лицам и приближенным привилегии, изъятия и иммунитеты, которыми они пользовались в братском королевстве. Это привело к подобным ссорам *иразногласиям*, а также к умножению привилегированного класса, даже большему, чем

в Испании. В 1699 году мы находим, что дом Педро II пытался провести в жизнь указ 1693 года, который ограничивал число фамильяров, разрешенных в крупных городах, шестьюстами четырьмя, в то время как количество небольших мест должно было быть сокращено до одного или двух в каждом. [730] Основное различие в организации инквизиций двух королевств заключалось в португальских чиновниках, известных как *deputados*, из которых по меньшей мере четверо были назначены генеральным инквизитором в качестве помощников трех инквизиторов, составляющих каждый трибунал. От них требовалось обладать квалификацией, дающей право на продвижение по службе в качестве инквизиторов; они выполняли те обязанности, которые могли быть возложены на них, и в консульта де фе они заменили испанских консультантов с тем отличием, что они подавали решающие, а не просто совещательные голоса. Для признания приговора законным требовалось не менее пяти голосов помимо Обычного. [731] Окончательный приговор обжалованию не подлежал по той причине, что он не был доведен до сведения виновного до того, как он был вынесен в автокатастрофе, в которой он был вынесен, но все промежуточные приговоры и промежуточные разбирательства подлежали обжалованию, и Верховный совет стал осуществлять тщательный надзор за каждым действием судов даже раньше, чем мы видели в Испании. [732] Действительно, мельчайшие детали, предписанные в *Регламенте* генерального инквизитора де Кастро, напечатанном в 1640 году, мало оставляли на усмотрение инквизитора, и их систематическое расположение в авторитетном процессуальном кодексе резко контрастирует с громоздкими и часто противоречивыми *картами ордадас*, которые громоздил *secreto* испанских трибуналов.

ИНКВИЗИЦИЯ ПОРТУГАЛИИ

Хотя целью инквизиции было очищение страны от иудаизма, этим дело не ограничивалось, и она рано доказала, что может оказывать свое пагубное влияние как на интеллектуальное развитие, так и на материальное процветание Португалии. Среди ученых иностранцев, которых Андре де Гувеа по просьбе Жуана III привез в Португалию в 1547 году, чтобы основать колледж искусств в своем университете Коимбры, был Джордж Бьюкенен, профессор греческого языка. Гувеа умер в течение года, и вскоре после этого иностранцы были изгнаны, их заменили иезуиты, которые становились доминирующей силой в стране. Процесс был простым. Бьюкенен и двое других были привлечены к уголовной ответственности инквизицией и брошены в тюрьму. Обвинение против первого заключалось в том, что он написал стихотворение против францисканцев, что он неуважительно отзывался о монахах, что он ел мясо в Великий пост, что он сказал, что св. Взгляды Августина на Евхаристию были сродни тем, которые осуждались Римом, и в целом считалось, что он плохо относится к Святому Престолу. После восемнадцатимесячного заключения он был приговорен к затворничеству в монастыре для обучения монахами, которых он описывает как достаточно добродушных, но совершенно невежественных. После освобождения Жуан предложил оставить его у себя, но он воспользовался первой возможностью, чтобы сбежать в Англию. [733]

Еще более эффективным подавлением интеллектуальных устремлений было преследование Дамиана де Гоша, выдающегося ученого Португалии XVI века. Когда ему было 22 года, его отправили во Фландрию секретарем на португальскую фабрику. Только в 1528 году в нем пробудилась жажда познания, он изучил латынь, отправился в Падую и быстро стал известен ученым по всей Европе. В 1545 году Жуан отозвал его в Португалию, где между ним и

провинциалом-иезуитом Симоном Родригесом возникло соперничество, который встретил его в Падуе и теперь обвинил инквизицию в еретических высказываниях, сделанных там девять лет назад, деталей которых он не мог вспомнить, но у него сложилось общее впечатление, что они были лютеранами. Из этого ничего не вышло, и в 1550 году Родригес повторил свое обвинение с тем же результатом. Гоус нажил врагов за свою литературную карьеру, и в 1571 году донос на Родригеса, сделанный двадцать шесть лет назад, был возобновлен. Сейчас ему было семьдесят лет, он был инвалидом в течение двадцати лет и едва мог стоять, но 4 апреля 1571 года его бросили в темницу, и суд над ним затянулся. Больше никаких свидетельств против него найти не удалось, но он свободно признался, что, когда он поехал во Фландрию, он впал в заблуждение, считая индульгенции малоценными, и этого общего признания было достаточно, что после изучения латыни и учебы он отказался от этих ошибок и с тех пор был строго ортодоксальным, по просьбе кардинала Садолето он написал Меланхтону в надежде привлечь его на свою сторону, и он дал рекомендательное письмо к Лютеру фрею Роке де Алмейде, целью которого было получить знания о ереси, чтобы опровергнуть ее. Это. Исключительно на этом признании был основан приговор, в котором он объявлялся еретиком-лютеранином, но, учитывая, что это было, когда он был невежественным юношей 21 года и что, изучив латынь, он отказался от своих заблуждений, он был милосердно приговорен только к примирению, конфискации и вечному тюремному заключению, причем отречение должно было быть частным ввиду его качества и репутации за границей. Монастырь да Баталья был назначен его тюрьмой, и свидетельство о его доставке туда датировано 16 декабря 1572 года; 9-го жуэс-ду-фиско уже получил свидетельство о конфискации. “Бессрочная” тюрьма португальской инквизиции, должно быть, была временной, как и испанская, поскольку, как говорят, Гоес умер в своем собственном доме либо от апоплексического удара, либо от рук собственных слуг, дата, которая неизвестна. [734] Если сорок лет ортодоксальности не смогли искупить юношеские колебания по одному или двум пунктам веры, то легко можно оценить, насколько мощным инструментом была Святая Канцелярия в задержке развития португальского интеллекта.

ИНКВИЗИЦИЯ ПОРТУГАЛИИ

Когда в августе 1578 года кардинал Энрике унаследовал корону своего внучатого племянника Себастьяна, он не покидал пост генерального инквизитора в течение пятнадцати месяцев. Однако ранее, 24 февраля 1578 года, по причине возраста и немощи он добился назначения коадьютором с правом наследования епископа Коимбры Манозеля, но последний исчез вместе со своим сувереном во время катастрофического разгрома Алькасар-Кибера, и только 27 декабря 1579 года Григорий XIII по просьбе Энрике заменил его Жорже де Алмейдой, архиепископом Лиссабона. [735] Вскоре последовала смерть Энрике, 31 января 1580 г., когда он скончался, вызывая всеобщую ненависть и сожаление только потому, что соперничество претендентов на трон и истощение страны голодом и мором открыли путь к легкому завоеванию Филиппом II. В ходе реорганизации под руководством испанской короны инквизиция не была объединена с инквизицией Кастилии, а была оставлена как независимое учреждение при архиепископе Лиссабона, поскольку Григорий XIII ненадолго отклонил просьбу Филиппа II о включении ее в юрисдикцию генерального инквизитора Испании. [736] Однако выдвижение было возложено на испанскую корону, и в 1586 году, после смерти Алмейды, пост был передан кардиналу-эрцгерцогу Альбрехту Австрийскому, который также был губернатором Португалии. [737] С его приходом активность инквизиции возросла. За двадцать лет, с 1581-1600 годов, три трибунала рассмотрели все пятьдесят судебных дел. Записи о пяти из них утеряны, но в остальных сорока пяти было сто шестьдесят два послабления лично, пятьдесят девять в виде

изображения и две тысячи девятьсот семьдесят девять кающихся. [738] Поскольку кающиеся, по большей части, должны были подвергнуться конфискации, мы можем оценить серьезность преследований в столь ограниченном населении.

Какими бы большими ни были с самого начала поступления, полученные от конфискации у богатых Новых христиан, их было недостаточно для удовлетворения его потребностей, поскольку они были перенаправлены на выплаты короне. Себастьян, продолжая эту практику, удовлетворил свою совесть, представив Григорию XIII, что доход инквизиции не превышал 5000 крузадо, чего было недостаточно для ее содержания, поэтому папа предоставил ей две трети плодов первого пребенда, освободившегося в каждом из соборов Лиссабона, Эворы и Коимбры, и половину одного в каждом из других престолов королевства. Вероятно, это вызвало сильное сопротивление со стороны церквей, поскольку оно так и не было приведено в исполнение, и, когда Филипп II стал хозяином Португалии, хотя конфискации больше не увеличивались, он возобновил запрос, заявив, что требуется 14 000 крузадо в год, в то время как доходы не превышают 10 000 дукатов. Григорий ответил кратким сообщением от 28 июня 1583 года, в котором он возобновил грант, в то же время сократив его до половины пребенды в Лиссабоне, Эворе и Коимбре и одной трети в других епархиях, и маловероятно, что при суровом правлении Филиппа грант был разрешен к выплате. [739]

Нетрудно понять импульсы, которые привели к массовой эмиграции в Испанию тех, кто чувствовал себя чужаками на земле своего рождения. Под испанским владычеством положение Португалии было плачевным, как описал в 1595 году венецианский посланник Франческо Вендрамини. Лиссабон, который когда-то был богатым и густонаселенным городом, был почти необитаем; раньше он владел семьями кораблями, но пятьсот были захвачены врагом (в основном англичанами) и только двести остались. Все это, по его словам, не было неприятно королю, который желал сохранить их в нищете, потому что они были невольными подданными. [740] Таким образом, выгоды от коммерческой деятельности были более многообещающими в Испании, и эмигрант мог надеяться, что при отсутствии сведений о своем прошлом опасность преследования будет меньше. Таким образом, иммиграция была большой, и вскоре ее последствия начали проявляться в отчетах испанской инквизиции. Число обвинительных приговоров за иудаизм, которых стало сравнительно немного, быстро росло, и там, где случайно указывалось происхождение преступников, термин "португальский" встречается со зловещей частотой. В 1593 году в Толедо перед судом предстали семеро португальцев, но, поскольку был всего один свидетель и они не признались под пытками, их дела были приостановлены. В следующем году тот же суд рассмотрел дело, в котором лично фигурировали пятеро португальцев, и были сожжены девять изображений других лиц, либо скрывшихся, либо мертвых. [741] В 1595 году в Севилье произошла автокатастрофа, в ходе которой были наказаны восемьдесят девять иудействующих, не считая четырех сожженных изображений, и вскоре после этого в Кинтанар-дель-Рей (Куэнка) было обнаружено тридцать человек, из которых упрямые были сожжены, а остальные примирились. [742]

Португальские новые христиане, как дома, так и в Испании, проявляли растущее беспокойство под растущим давлением; они были богаты и могли позволить себе заплатить за отсрочку в виде общего прощения за прошлые преступления, включая дела, находящиеся на рассмотрении суда. В 1602 году были начаты переговоры с Филиппом III для получения папского брифинга на

этот счет; португальская ортодоксальность забила тревогу, и архиепископы Лиссабона, Браги и Эворы поспешили в Вальядолид, где находился двор, чтобы высказать свои протесты. Испанское благочестие, для которого подобные сделки были в новинку, проявлялось не менее активно, и делались страшные предсказания относительно бедствий, которые это принесет на землю. Филипп и его фаворит Лерма, однако, отчаянно нуждались в наличных деньгах, и все угрызения совести были преодолены ошеломляющей взяткой в 1 860 000 дукатов королю, помимо пятидесяти тысяч крузадо Лерме, сорока тысяч Жуану де Борхе и тридцати тысяч Педро Альваресу Перейре, членам Верховного совета, и тридцати тысяч его секретарю Фернанду де Маттошу. Папское распоряжение было опубликовано 23 августа 1604 года, но в последний момент сделка едва не сорвалась из-за требования Новых христиан дать восемь лет на сбор суммы. Однако угрозы приостановить исполнение судебного приказа было достаточно, чтобы образумить их. [743]

Он уполномочивал португальского генерального инквизитора, архиепископа Лиссабонского и папского сборщика налогов, или любых двух из них, или их заместителей примирять всех португальских новых христиан, где бы они ни поселились, предписанием только о наложении духовной епитимьи. В него были включены все, кто находился под судом или был осужден при условии, что их приговоры не были опубликованы. Он освободил от всех конфискаций, которые не были предусмотрены *fisc*, и дал португальцам в Европе год, а тем, кто находится за пределами Европы, два года, в течение которых они могли заявить о себе и воспользоваться его положениями. Достигнутое таким образом примирение не должно было повлечь за собой послабления в случае рецидива, и всем инквизиторам было запрещено вмешиваться. [744]

ПОМИЛОВАНИЕ 1604 ГОДА

Краткое изложение было получено в Вальядолиде около 1 октября, но опубликовано в Лиссабоне только 16 января 1605 года. Однако была получена королевская седула, запрещающая публикацию или приведение в исполнение любых приговоров до вступления в силу настоящего постановления, таким образом, включая в его действие всех португальцев, которые находились в руках испанских трибуналов, а также трибуналов Португалии. [745] Эффект от этого был продемонстрирован без промедления. 20 октября севильский трибунал объявил большое аутодафе на 7 ноября. Возведенные сцены были необычайно масштабными; вечером 6-го числа состоялось шествие Зеленого Креста, в котором приняли участие более пятисот фамильяров; люди стекались со всей страны в количестве, превышающем возможности города вместить их. Ночью исповедников ввели в камеры приговоренных к послаблению, и, завершив все приготовления к церемонии, младший инквизитор Фернандо де Асебедо около одиннадцати часов отправился спать. Внезапно прибыл курьер, вооруженный приказом допустить его к инквизиторам, где бы они ни находились, будь то в своих домах или постелях, в консульта-де-фе или на сцене автосалона. Он покинул Вальядолид в полночь третьего числа и на бешеной скорости преодолел расстояние до Севильи за семьдесят два часа, миновав закрытые ворота городов по дороге и прибыв вовремя, чтобы вручить инквизиторам королевскую седулу, запрещающую празднование ауто. Некоторые считали, что королевскому указу нельзя подчиняться, если только это не будет определено Верховной Властью, но это мнение еще не было устоявшимся, и после кратких консультаций были поспешно приняты меры по приостановке празднования, к полному изумлению всей Севильи. Предположения были разными, одни объясняли это недавним договором с Англией, по которому англичан в Испании не должны были беспокоить из-за ереси; другие приписывали это

планетам; третьи думали, что среди осужденных был кто-то высокого положения и влияния, чьи друзья смогли спасти его, но предположение, нашедшее самое широкое признание, заключалось в том, что это произошло благодаря португальским новым христианам, многочисленным и богатым, которые предложили большие суммы, оцениваемые в восемьсот тысяч дукатов, чтобы предотвратить это, и это подтверждалось тем фактом, что полуночный всадник, прежде чем отправиться в путь, инквизиции, остановился в доме Этора Отуньеса, богатого португальского купца, который дал ему пятьдесят дукатов за добрые вести. [746]

Согласно этому генеральному указу, три трибунала в Португалии освободили четыреста десять заключенных одновременно 16 января 1605 года, [747] и не может быть никаких сомнений в том, что большая часть португальских иудействующих в Испании получила действительное отпущение всех прошлых грехов в течение двенадцати месяцев его действия, хотя инквизиция чинила на их пути все возможные препятствия. В 1605 году в Толедо Антонио Фернандес Паредес, португалец, проходивший по делу с тремя свидетелями против него, был вынужден настаивать на своем праве на помилование и утверждать, что его жена Исабель Диас была освобождена в Коимбре на основании этого, пока трибунал не передал дело в Верховный суд, который распорядился о его освобождении, хотя впоследствии, в том же году, шесть других португальцев были судимы и приговорены без каких-либо ссылок на это. [748] Тем не менее, руки инквизиции были связаны, и она направила свои силы на выявление португальцев в новых преступлениях. Суд разослал сводку трибуналам 15 апреля, а 20 апреля 1606 года обратил их внимание на тот факт, что год истек 16 января, поэтому они должны были немедленно изучить свои записи о португальцах, которые были уволены на основании сводки, и возбудить дело против всех, кто не воспользовался ею, а также против тех, кто был виновен в ереси после ее истечения. [749] Несмотря на это, преследование, должно быть, на несколько лет заметно прекратилось. В 1611 году один писатель отмечает, что в Севилье замок Триана использовался как каторжная тюрьма, поскольку там никого не судили, все иудействующие были помилованы, мориски изгнаны, а протестанты подавлены. [750]

Этот эпизод, однако, не мог иметь постоянного влияния, и его главный интерес заключается в том, что он демонстрирует численность и богатство нового класса преступников, выступающих на смену изгнанным Мориско, в предоставлении материалов для autos de fe и в стимулировании активности с перспективой штрафов и конфискаций. После этого мы мало слышим о старых испанских конверсос; почти все иудействующие - португальцы, и все португальцы предположительно являются иудействующими - подозреваемые, которые существовали только благодаря терпению. В 1625 году в Саламанке коррехидор во время своего ночного обхода зашел в таверну, чтобы арестовать священника, совершившего убийство. Он переговорил с группой португальцев и немедленно арестовал их всех, обвинив в том, что они скрываются от португальской инквизиции. Он сообщил об этом Верховному суду, который связался с трибуналом Коимбры, и все они были отправлены туда для суда. [751] Когда в 1633 году была предпринята попытка устранить ограничения, в условиях которых трудились новые христиане, лицензиат Хуан Адан де ла Парра в качестве аргумента против этого привел в качестве основной причины упрямство португальских неофитов: даже сторонники этой меры признавали, что она неприменима к ним, и Парра указал на невозможность провести различие между ними и кастильцами. [752]

ПОРТУГАЛЬСКИЕ ЕВРЕИ

Были предприняты определенные усилия, чтобы сдержать этот приток и предотвратить транзит через Испанию во Францию и Голландию, где беженцы оказывали материальную помощь врагам нации. В 1567 году, во время совершеннолетия дома Себастьяна, были возрождены старые законы, запрещающие новым христианам покидать королевство, отправляться в колонии или продавать недвижимость без специального королевского разрешения. Впоследствии Себастьян отменил это правило, но оно было возобновлено Филиппом II в 1587 году и оставалось, по крайней мере номинально, в силе, хотя и с трудом поддавалось исполнению. Частичное облегчение было получено в 1601 году, когда они заплатили Филиппу III двести тысяч дукатов за безотзывное разрешение посещать колонии обеих корон и продавать земельную собственность, но из-за вероломства, обычного в отношениях с запрещенной расой, это безотзывное разрешение было отозвано в 1610 году, а в 1611 и 1612 годах Супрема направил вице-королю Гоа королевское постановление, предписывающее ему изгнать всю еврейскую кровь, чему он отказался подчиниться, заявив, что вся торговля находится в их руках и колонии будут разорены их изгнанием. [753]

Другой указ Филиппа III от 20 апреля 1619 года привлек внимание генерального инквизитора к злу, вызванному тем, что множество португальцев переезжают со своими семьями и имуществом во Францию. Все, кто не мог предъявить разрешение португальской короны на выезд из этого королевства, подлежали аресту, а их имущество - секвестру без дальнейших распоряжений, в соответствии с чем Верховный суд незамедлительно отдал необходимые инструкции своим уполномоченным в морских портах и приграничных городах. [754] Это, несомненно, привело к усилению ограничений на эмиграцию в Португалии, и к этому, вероятно, можно отнести красноречивый меморандум без даты от португальских новых христиан, в котором они просят снять все ограничения. Джентльмены из самых благородных домов, утверждали они, вступали с ними в браки как в Португалии, так и в колониях, и они расточали свое состояние на благую работу по основанию церквей, украшению кофрадий, пожертвованию часовен и щедрой раздаче милостыни. Свободное разрешение на въезд в Испанию не нанесло бы вреда религии, поскольку инквизиция была повсюду, и выгода, проистекающая из неограниченных контактов, проявлялась в доходах, получаемых от пограничных городов, которые раньше обрабатывались на тринадцать миллионов мараведи, выплачиваемых нерегулярно, а теперь обрабатывались на тридцать шесть миллионов, приходящихся на специи, духи, фарфор, ткани и другие товары, ввозимые ими. То же самое было и с испанскими товарами, экспортируемыми через Бискайю, — шерстью и тканями из Сеговии, шелками и другими товарами. Единственным возражением против свободных сношений было то, что они могли воспользоваться этим для поиска других запрещенных земель, и на это был дан достаточный ответ в другом месте, в дополнение к тому факту, что в Португалии было так много портов, что эмиграции нельзя было воспрепятствовать, поскольку двух часов было достаточно, чтобы добраться до моря и сесть на корабль, в то время как путешествие по суше было медленным и дорогостоящим и могло быть остановлено в приграничных городах. Новые христиане своими трудами значительно обогатили королевство и колонии. В Бразилии, где они могли владеть недвижимостью, почти все сахарные плантации были в их руках, и они постоянно увеличивали их, что приносило большую прибыль колонии и увеличивало доходы. Поскольку по закону они были лишены всех должностей и званий, коммерция была их единственным ресурсом. [755] Возможно, эти утверждения были убедительными, поскольку запрет был снят, чтобы впоследствии быть возобновленным, как мы увидим.

ПОРТУГАЛЬСКИЕ ЕВРЕИ

Если они хотели сбежать из Португалии, то Португалия была не менее озабочена тем, чтобы избавиться от них, путем истребления или иным способом. Благочестивая сила ненависти к ним находит выражение в 1621 году в жестоком произведении Висенте да Коста Маттоса, заявленной целью которого было изгнать их с земли. Все старые истории об их злобе по отношению к христианам были собраны воедино и изложены как неоспоримые истины. Они были врагами человечества, странствующими, как цыгане, по миру и живущими за счет других. Они владели всей торговлей, обрабатывая земли частных лиц и королевское достояние, не имея никакого капитала, кроме трудолюбия и отсутствия совести. Они живут только ради гибели мира; в старину Бог наказывал тех, кто плохо обращался с ними, но теперь он наказывает тех, кто их терпит; упадок испанских королевств был наказанием, посланным Богом за то, что он терпел их. Все они были идолопоклонниками и содомитами, и куда бы они ни пошли, они заражали землю своими мерзостями и постоянно пытались обратить христиан в свою нечестивую веру. Лютер начал с иудаизации; все еретики были либо евреями, либо потомками иудействующих, как это было видно в Англии, Германии и других частях, где они процветали; Кальвин называл себя Отцом евреев, как и многие другие отрицатели Троицы, а Буцер в своем завещании заявил, что Христос не был обещанным Спасителем. Их извращенное упрямство было в достаточной степени доказано большим числом людей, которых сжигали каждый день, и еще большим числом тех, кто спасался епитимьей после вынесения приговора. [756] Этот безумный всплеск невежественной ненависти так хорошо соответствовал предрассудкам того времени, что в 1633 году потребовалось второе издание; в 1629 году оно было переведено на кастильский язык братом Диего Гавиланом Вера, а в 1680 году переиздано.

Ненависть, действительно, была неутолимой, она не была удовлетворена тем, что делала инквизиция. В 1623 году нам довелось услышать об аресте трибуналом Эворы сотни новых христиан маленького городка Монтемор-о-Ново. [757] Массовые убийства часто проводились в масштабах, неизвестных в современной Кастилии. Трибунал Коимбры провел одно заседание 16 августа 1626 года с участием двухсот сорока семи кающихся и *расслабившихся*, другое - 6 мая 1629 года с участием двухсот восемнадцати и еще одно - 17 августа 1631 года с участием двухсот сорока семи. Статистика между 1620 и 1640 годами неполна, поскольку было совершено десять автопробегов, подробности которых не сохранились, но даже без них устрашающая совокупность составляет двести тридцать освобожденных лично, сто шестьдесят одно изображение и сорок девятьсот девяносто пять наказанных - и это в дополнение к нескольким сотням заключенных, освобожденных в соответствии с двумя помилованиями, дарованными в 1627 и 1630 годах, за которые, без сомнения, были щедро заплачены. [758] Помимо этих помилований в 1622 году был опубликован Указ о помиловании, но, как мы видели, такие милости были отягощены невыносимыми условиями, и только шестнадцать человек выступили в соответствии с ним — двенадцать в Лиссабоне и четыре в Эворе — и все они уже были осуждены. [759] В 1630 году королевский духовник Сотомайор сообщил, что, беседуя с депутатами от "Новых христиан", он обнаружил, что они больше не хотят эдиктов Благодати; последний, по их словам, не принес им ничего хорошего, кроме большого вреда, поскольку вызвал бесконечные обвинения против них и наполнил тюрьмы. [760] Весьма вероятно, что есть преувеличение, но не более чем преувеличение, в утверждении Луиса де Мело о том, что в этот период деятельность инквизиции практически обезлюдела города Коимбра, Оporto, Брага, Ламего, Браганса, Эвора, Бежа и часть Лиссабона, а также города Сантарен, Томар, Транкозу, Аверо, Гимараэнш, Винаис, Виллафлор, Фундан, Монтемор-о-Велью и о-Ново и многие другие

места, в то время как тюрьмы трех трибуналов были закрыты. всегда переполненный, а автопробеги были такими частыми, что каждый трибунал отмечал их почти каждый год. Один из них в Коимбре занимал два дня, и каждый день там бывало более сотни человек, и среди них профессора, каноники, священники, юре по исцелению душ, генеральные викарии, хрупкие женщины, монахини, рыцари, включая некоторые военные ордена, родственные высшим в стране, и был даже францисканец с обесцвеченным ртом, настолько упорный, что его сожгли заживо. [761]

ПОРТУГАЛЬСКИЕ ЕВРЕИ

Несмотря на эти сверхчеловеческие усилия, инквизиторы жаловались, что их труды были напрасны; иудаизм неуклонно распространялся; несчастья страны были приписаны идолопоклонству этого злобного сброда, и они требовали более решительных мер. Верховный совет 17 января 1619 года обратился к Филиппу III с консультацией, призывая принять срочные меры ввиду осквернения и бесконечных святотатств, совершенных на позор верующим. Королю, говорилось в нем, нужны не только вассалы, но и хорошие вассалы, и поэтому предлагалось, чтобы, когда кающийся был приговорен к конфискации, он также был изгнан; таким образом, он был бы лишен всего и не брал бы богатства для обогащения врага, как это было сейчас. В нем также говорилось, что всеобщее посещение было пешим, что уже дало большой результат; предположительно, в Мадриде было много людей, которых следовало расследовать, и короля попросили распорядиться о посещении там. Один из членов совета, Мендо де ла Мота, пошел еще дальше и потребовал изгнания для всех, кто должен был отречься от власти из-за явных подозрений. Филипп отреагировал на это с леденящим безразличием; если бы те, кто отрекся от подозрений, были изгнаны, они забрали бы свои деньги с собой; это была сомнительная мера, и он хотел, чтобы совет рассмотрел ее дальше; что касается португальцев в Кастилии, то, если бы был представлен список с пометками об основаниях для подозрений, он приказал бы провести расследование. Список был должным образом предоставлен, но расследование не проводилось. [762]

Работа была возобновлена в следующем году. 30 апреля 1620 года трибуналы Лиссабона и Эворы направили Филиппу отчеты об авторах, задержанных ими 29 сентября прошлого года, чтобы он мог увидеть, как большое количество людей было наказано в этих случаях, и признать необходимость более активных репрессивных мер. Среди них были три каноника Коимбры, три фрейлы и несколько юристов. Шесть каноников Коимбры, все новые христиане, были арестованы; все они были назначенцами папы, и королю было предложено попросить его закрыть дверь для всех претендентов на бенефиции этой расы; также приказать, чтобы никто не был допущен в Церковь ни в качестве светских, ни постоянных членов, и никто не занимал государственных должностей — что указывает на то, как мало соблюдались запрещающие законы. [763]

Юный Филипп IV едва успел взойти на трон, когда в 1622 году Фернандо Маскареньяс, епископ Фаро, призвал его обеспечить какое-либо средство защиты от политических опасностей, исходящих от новых христиан. По его словам, это свидетельствовало о том, что все они тайно были евреями, и государство находилось в большой опасности из-за них, поскольку их было

очень много. Не было города, в котором они не были бы могущественны благодаря своему богатству и занимаемым ими важным должностям, в то время как опасность обнаружения и наказания могла привести к тому, что они создадут серьезные проблемы из-за союза с врагами. Было установлено, что они тайно инвестировали свой капитал в сделки с голландцами и в голландские коммерческие компании, и, если бы они рисковали своим состоянием с этими повстанцами, они вступили бы в сговор с ними, тем более что инквизиция сильно давила на них, арестовывая их всех, и у них не было другого средства правовой защиты. [764] Израиль редко получал более лестную дань своему интеллектуальному превосходству, чем опасения, вызванные этим остатком, пережившим почти столетие безжалостных преследований.

Несомненно, были и другие срочные предупреждения, которые до нас не дошли, и в 1628 году Филипп потребовал официального выражения мнения от своих португальских прелатов. По его приказу они собрались в Томаре и призвали к себе на помощь всех, кто наиболее отличался в королевстве ученостью и добродетелями. После продолжительных дебатов они представили ему ряд предложений, на которые он ответил последовательно. Ввиду провала всех предыдущих попыток уменьшить зло, творимое и угрожаемое Новыми христианами, средством, которое они предпочли, было полное изгнание всей расы; если это было практически невозможно, по крайней мере, те, кто были чистокровными евреями, за исключением тех, кто мог доказать свое христианство, должны были быть изгнаны, а их имущество конфисковано; что касается полукровок или четвертаков, все должны были уйти, кто был, или кто в будущем должен быть примирен, или приговорен к насильственному отречению, если инквизиторы не убедятся в их истинном раскаянии и обращении. На это Филипп ответил, предложив отложить рассмотрение дела чистокровного Конверсуса и согласившись на изгнание примирившегося и яростно подозреваемого. Для дальнейшего облегчения положения королевства епископы предложили, чтобы все желающие могли в течение года безвозвратно эмигрировать, продав свое имущество и забрав с собой вырученные средства, но не в драгоценностях или металлах. На это королевский ответ заключался в том, что уже существует неограниченная свобода выезда, но поскольку из-за их возвращения возникло зло, в будущем это должно быть запрещено. Следующее предложение было важным; чтобы остановить распространение иудейской инфекции, вызванной смешанными браками, которые уничтожали блеск знати, ни одно приданое в таких союзах не должно превышать двух тысяч крузадо, а муж должен быть лишен права занимать почетные должности. С первым пунктом король согласился; со вторым он сказал, что существующие законы в пользу дворянства должны быть приведены в исполнение. Чтобы предотвратить постоянную профанацию таинств, было предложено издать папские указы, запрещающие любой вход в Церковь всем новообращенным христианам, даже десятой степени. На это король пообещал ходатайствовать о таких полномочиях, а тем временем епископы должны отказаться назначать лиц, обладающих диспенсациями, и отчитываться перед ним, а также представлять папе зло, сопутствующее такому назначению. Следующее предложение состояло в том, чтобы король ратифицировал и ввел в действие запрет занимать светские должности и сановные чины, на что он ответил, что он должен строго соблюдаться. Наконец, епископы предложили, чтобы новые христиане были полностью отстранены от торговли или, если это невозможно, по крайней мере, от того, что касается королевских доходов, но на это Филипп довольно кратко ответил, что это не их дело. [765]

Таковы были взгляды христианских прелатов, и даже частичных уступок короля казалось достаточным, чтобы угрожать новым христианам фактическим исчезновением, но вся эта зловещая сделка послужила лишь для того, чтобы зафиксировать крайности, до которых мог

дойти фанатизм. Как многозначительно говорит Луис де Мело, после предоставления документов в полном объеме приказы короля не были выполнены, и было бы излишним объяснять причину этого любому человеку, знакомому с методами правления того периода. И все же это имело один результат, поскольку Новые христиане, опасаясь грозящих последствий, заплатили королю Филиппу восемьдесят тысяч дукатов за привилегию покинуть Португалию, и в соответствии с этим около пяти тысяч семей эмигрировали в Кастилию, не считая бесчисленного количества отдельных отставших, так что было бы чудом найти в Испании хоть одно место, не заполненное португальскими евреями. [766] Они чувствовали себя в полной безопасности, поскольку кастильские трибуналы отказались удовлетворить требования Португалии. [767] Также были предприняты попытки добиться изменения процедуры, но тщетно. Седулой от 20 декабря 1633 года Филипп выразил свое одобрение существующим правилам и отказался от каких-либо изменений; более того, он передал генеральному инквизитору де Кастро все представленные ему меморандумы, петиции и аргументы, таким образом предоставив инквизиции имена тех, на кого она должна обрушить свою месть. [768]

Вопрос о транзите во Францию снова возник в 1632 году, когда Супрема уведомил Филиппа, что комиссар в Пампелуне сообщил, что во Францию въезжают войска португальских семей, многие из которых были богатыми людьми, на носилках и каретах, и инквизиция им не препятствовала, поскольку последние инструкции заключались в том, что им не следует препятствовать. Результатом этого представления стало повторение приказов 1619 года. [769] Не довольствуясь удержанием тех, кто хотел сам эмигрировать, когда адмирал Кастилии в 1636 году захватил Сен-Жан-де-Люз, и были надежды завоевать Гиенну, которая созрела для восстания, инквизиция предприняла шаги по захвату беженцев, которые могли там поселиться, хотя у нее не было доказательств того, что они были иудействующими. Это предполагало, что они были отступниками и как таковые не входили в обещания, данные жителям в целом, и что в любом случае дело веры было привилегированным. Поэтому короля попросили приказать адмиралу отправить на границу всех, кого могли бы указать его агенты, чтобы их можно было схватить, не привлекая внимания. [770] Вполне возможно, что некоторые жертвы могли быть получены таким образом за то короткое время, пока испанцы удерживали свое преимущество.

ПОРТУГАЛЬСКИЕ ЕВРЕИ

Беженцы, однако, в основном направлялись в Голландию, где они пользовались свободой веротерпимости и могли работать на собственное развитие в ущерб своим угнетателям. Это было основной причиной усилий по предотвращению эмиграции, и это вызывало большую озабоченность. Луис де Мело говорит, что в Голландию переехало более двух тысяч семей, и в этих мятежных государствах они купили право основывать синагоги. Те, кто публично обращался там в иудаизм, были такими же, как и те, кто, покинув Португалию в качестве *санбенитадос*, опубликовали, что их исповедание иудаизма было под давлением инквизиции. Многие из тех, кто жил в нищете в Португалии, были богаты в Голландии; они платили контрибуции этим мятежным государствам и помогали содержать их флоты и армии; они вкладывали значительные средства в Ост-Индскую компанию и, таким образом, поглощали значительную часть испанской торговли и, под вымышленными именами и на судах Соединенных провинций, вели крупную торговлю контрабандными товарами. [771] Короче говоря, их коммерческие наклонности приводили к обнищанию Испании и обогащению ее врагов. Автор неосознанно указывает на то, какую большую роль нетерпимость сыграла в упадке государства.

И это было не единственное зло, причиненное их враждебностью к земле, которая выгнала их отсюда. В 1634 году капитан Эстебан де Арес Фонсека в мемориале Супреме представляет беженцев в Голландии как активно помогающих врагам Испании и ведущих постоянную переписку со шпионами, проживающими там под видом торговцев. Голландская Вест-Индская компания, по его словам, контролировалась евреями, которые были крупными акционерами, и ее основные прибыли были получены от пиратства в колониях, особенно в Португалии на бразильском побережье, где новые христиане были многочисленны и вели переписку с врагом. Именно два еврея, Нуньо Альварес Франко и Мануэль Фернандес Драго, жители Баии, спланировали и осуществили захват этого места голландцами в 1625 году. Франко, добавляет он, сейчас живет в Лиссабоне в качестве шпиона по приказу Голландии, а его брат Якоб Франко разносит разведданные туда и обратно под видом фламандца из Антверпена. Драго все еще в Баии; он великий раввин и учитель евреев, и, более того, шпион, который в прошлом году послал голландцам весточку о возвращении туда. Захват Пернамбуку был делом рук амстердамских евреев, главным среди которых был Антонио Ваес Энрикес, известный как Коэн, который жил там, разрабатывал планы и сопровождал экспедицию; сейчас он проживает в Севилье как торговец, но является не кем иным, как шпионом. В прошлом году он отправился в Амстердам с планом захвата Гаваны, где у него есть корреспондент по имени Мануэль де Торрес. В настоящее время большой флот из восемнадцати кораблей снаряжается для освобождения Пернамбуку под командованием еврея Давида Пейшото, который предполагает зайти в Буаркос и проникнуть в Коимбру, где должна быть сожжена инквизиция и освобождены заключенные. Амстердамский еврей по имени Франсиско де Кампос захватил остров Фернандо-де-Норонья; его легко можно было отбить, так как его гарнизон состоял всего из тридцати четырех человек при четырех пушках. В Сан-Себастьяне есть еврей по имени Абрахам Гер, который называет себя Хуаном Жилем, работающий на жалованье у голландцев; он причиняет много вреда Испании и содержит человека по имени Рафаэль Мендес, который постоянно разъезжает туда-сюда. [772]

Нам нет необходимости принимать все это как истину буквально, но в основе этого был несомненный факт. В 1640 году трибуналы Лимы и Картахены-де-лас-Индиас сообщили, что в ходе недавних судебных разбирательств было обнаружено, что многие иудействующие португальцы в колониях вели переписку с синагогами Голландии и Леванта, помогая голландцам и туркам информацией и деньгами. Чтобы убедиться в этом, был отдан приказ вскрывать в определенный день все письма, адресованные португальцам по всей Испании. Эта информация оказалась правдивой; был обнаружен шифр, использовавшийся в переписке с синагогами Голландии, и, кроме того, из Испании было обещано полтора миллиона денег. Дело было надлежащим образом передано для расследования генеральному инквизитору и двум инквизиторам. [773] Каков был результат, у нас нет возможности узнать, но мы можем быть достаточно уверены, что слухи, приписывавшие Новым христианам Португалии участие в восстании 1640 года, были не совсем беспочвенны.

ПОРТУГАЛЬСКИЕ ЕВРЕИ

Поначалу смена хозяев, безусловно, принесла им пользу. Это правда, что Жуан IV примирил инквизицию, вмешавшись в ее пользу в ссоре, которая у нее была в 1643 году с иезуитами Эворы, и посетив со своей семьей и двором два аутодафе, состоявшихся в Лиссабоне 6 апреля 1642 г. и 25 июня 1645 г., на одном из которых было шесть личных и четыре чучела с участием семидесяти пяти кающихся, а на других одиннадцати личных и двух чучела с участием

шестидесяти одного кающегося, [774] но мы можем предположить, что это было скорее вопросом политики, чем убеждений, поскольку его склонности были либеральными. Говорят, что он даже рассматривал возможность предоставления свободы совести и проживания евреям, но был вынужден отказаться от этой цели из-за упорного сопротивления генерального инквизитора Франсиско де Кастро, епископа Гуарды, [775] но это, вероятно, испанское преувеличение намерения изменить строгость инквизиционной процедуры, от которой он был вынужден отказаться через суд. невозможность получения необходимого папского подтверждения. [776] Испанского влияния в Италии было достаточно, чтобы помешать Святому Престолу признать или поддерживать отношения с Домом Браганса, пока по Лиссабонскому мирному договору 1668 года Испания не отказалась от своих тщетных усилий по отвоеванию — позиции, в результате которой освободились португальские кафедры, поскольку епископы прекратили свое существование, пока не остался только один, Франсиско де Сотомайор, доминиканец, который случайно стал епископом Тарги в *partibus* и был поставлен епископом Ламего в 1659 году. [777]

Эта невозможность переговоров с Римом сделала необходимым косвенный метод реализации его желания отменить конфискацию, которую он признавал серьезным препятствием для коммерческого кредита и процветания, особенно путем наложения ареста на имущество. Поскольку это было предусмотрено канонами, это могло быть отменено только папским рескриптом, и, чтобы избежать этой трудности, в своем указе от 6 февраля 1649 года он отказался от всякого намерения вмешиваться в функции Святой канцелярии, которая должна продолжать включать конфискацию в свои приговоры, но после этого заявления он безвозмездно передал виновным их конфискованное имущество, которым они могли распоряжаться по своему усмотрению, при условии, что это было в пользу католиков, и он также отменил секвестр при аресте. Но это был не только бесплатный дар, но и обязательный к исполнению контракт, по которому купцы обязались создать торговую компанию, чтобы обогатить страну колониальной торговлей и предоставить за свой счет тридцать шесть военных кораблей для сопровождения торговых судов, что было невозможно до тех пор, пока капитал компании подвергался опасности в результате секвестра и конфискации, наложенных на акционеров. Генеральному инквизитору было приказано занести этот указ в тайну трибуналов и обеспечить его соблюдение, в то время как Жуан взял на себя обязательство никогда его не отменять. [778] Инквизиция впоследствии хвасталась, что отлучила от церкви всех, кто советовал королю принять эту меру, и ей действительно удалось получить от Иннокентия X справку от 25 октября 1650 года, в которой он благодарил Бога за то, что он сделал, и призывал его продолжать. [779] Несмотря на это, Компания Болса была организована, и с ее помощью Пернамбуку был возвращен голландцам. Существовала лестная перспектива восстановления португальской торговли, но когда Жуан IV умер в 1656 году, оставив королевство под регентством его вдовы Лусии де Гусман, во время несовершеннолетия Афонсо VI инквизиция не только возобновила конфискацию, но и продолжила взыскивать задолженность с 1649 года. В общей сложности, по словам падре Виейры, примерно в 1680 году они собрали к тому времени около двадцати пяти миллионов, из которых в королевскую казну поступило не более полумиллиона крузадо. [780]

ПОРТУГАЛЬСКИЕ ЕВРЕИ

Когда епископ де Кастро умер в 1653 году, отношение Святого Престола к Португалии препятствовало назначению преемника, и Генеральный совет действовал с этой даты до 1672

года, когда был назначен Д. Педру де Ленкастре, архиепископ Сиде, *in partibus*. Отсутствие головы, по-видимому, скорее стимулировало, чем подавляло его энергию, и трудно понять, как после столетия такой серьезной работы столь маленькая территория могла обеспечить столь неиссякаемый запас жертв. Аутодафе проводились в каждом трибунале почти каждый год с таким большим количеством обвиняемых, что иногда они занимали два дня, а на одно в Коимбре в феврале 1677 года потребовалось три дня, чтобы отправить девять личных послаблений и двести шестьдесят четыре кающихся. Мир или война, похоже, не имели никакого значения. 23 июня 1663 года Эвора отпраздновал аутодафе со ста сорока двумя кающимися, хотя дон Иоанн Австрийский с враждебной испанской армией оккупировал город. [781]

Объяснение этого неисчерпаемого запаса материала для производства автомобилей следует искать в строгости, с которой считалось заражение крови, без ограничения поколений; все, у кого была хоть малейшая примесь, считались новыми христианами и считались евреями в душе. Смешанные браки были частым явлением, и таким образом была заражена столь значительная часть населения, что иностранцы обычно считали португальцев евреями. [782] Таким образом, поле деятельности инквизиции было почти неограниченным, и каждый, кого она наказывала, становился источником более сильной инфекции. Смерть Жуана IV устранила те небольшие ограничения, которые он, возможно, осмеливался проявлять, и в 1662 году угнетенное население, составляющее столь значительную часть богатства и интеллекта королевства, предприняло попытку купить облегчение страданий. Новый христианин по имени Дуарте, подвергшийся епитимье, от имени своих товарищей щедро предложил деньги и войска для защиты страны в обмен на всеобщее помилование, публикацию имен свидетелей и разрешение основать синагогу, в которой могли бы совершать богослужения исповедующие иудаизм. Учитывая, что в Риме была синагога, есть некоторая непоследовательность в энергичном послании Александра VII от 17 февраля 1663 года, осуждающем проект и призывающем инквизицию сопротивляться ему изо всех сил. [783] Конечно, попытка оказалась безуспешной. Затем, в 1671 году, новым христианам внезапно угрожала катастрофа. В церкви Оривеллас была украдена икса с освященным воинством. Мы видели, с каким хладнокровием римская инквизиция отнеслась к этому преступлению, но в Португалии все королевство было повергнуто в ужас. Регент Педро и двор объявили траур; указ предписывал, что в течение нескольких дней никто не должен покидать его дом, чтобы каждый мог быть вынужден дать отчет о себе в ту роковую ночь. Все попытки идентифицировать вора-святотатца оказались бесплодными, предполагалось, что виновны Новые христиане, и регент подписал указ о высылке их всех из Португалии — мера, против которой выступила инквизиция, несомненно, потому, что ее оккупация прекратилась бы. Однако, прежде чем изгнание могло быть приведено в исполнение, случилось так, что молодой вор недалеко от Коимбры по имени Антонио Феррейра был арестован, и у него была найдена коробка с ее содержимым. Самое тщательное расследование не смогло обнаружить в нем ни капли еврейской крови; он был должным образом сожжен, а Новые христиане были спасены. [784]

После этого чудом спасшегося бегства забрезжил проблеск надежды. Немногие члены Общества Иисуса в то время были более выдающимися людьми, чем Антонио Виейра, который заслужил имя Апостола Бразилии. Он долгое время относился к новым христианам с состраданием и убеждал Жуана IV не только отменить конфискацию, но и устранить различия между ними и старыми христианами. Он нажил врагов, и инквизиция с готовностью взялась за его наказание; его труды в пользу угнетенных были осуждены как опрометчивые, скандальные,

ошибочные, отдающие ересью и хорошо приспособленные для извращения невежества. [785] После трех лет заключения он был наказан в зале для аудиенций в Коимбре 23 декабря 1667 г., и его сочувствие к жертвам Святой Канцелярии усилилось после того, как он побывал в ее нездоровых тюрьмах, где, по его словам, пятерых несчастных нередко запикивали в камеру девять на одиннадцать футов, откуда исходил единственный свет. узкое отверстие под потолком, где сосуды менялись только раз в неделю, и было лишено всякого духовного утешения. [786] Затем, в безопасном убежище Рима, он возвысил свой голос за помощь угнетенным в многочисленных трудах, в которых он охарактеризовал Святую канцелярию Португалии как трибунал, служащий только для того, чтобы лишать людей их состояния, их чести и их жизней, при этом неспособный отличить вину от невиновности; было известно, что она свята только по названию, в то время как ее дела были жестокостью и несправедливостью, недостойными разумных существ, хотя она всегда провозглашала свое высшее благочестие. [787]

ПОРТУГАЛЬСКИЕ ЕВРЕИ

Общество Иисуса не могло не возмутиться оскорблением, нанесенным одному из его самых выдающихся членов; оно все еще оставалось силой в Португалии и давало о себе знать. Новые христиане воспрянули духом и в 1673 году предприняли организованные усилия, чтобы получить облегчение. Они просили изменить процедуру инквизиции по сравнению с римской и, чтобы новая система могла иметь справедливое начало, обеспечить всеобщее помилование тех, кто находится под судом. [788] Масштабы соображений, предложенных в обмен на эти весьма умеренные уступки, показывают, насколько отчаянным было положение пострадавших, поскольку они предлагали разместить в течение года четыре тысячи военнослужащих в Индии, а затем ежегодно отправлять тысячу двести человек или полторы тысячи в случае войны, помимо ежегодной выплаты двадцати тысяч крузадо и различных других значительных взносов, включая некоторые важные вопросы, которые были причины держать в секрете. [789] Против этого предложения инквизиция выступила в двух тщательно продуманных протестах, раскрывающих характер, с которым она обычно осуществляла свои полномочия. Он не мог подобрать слишком сильных слов, чтобы описать нечестие новых христиан, чья непоколебимая приверженность своим заблуждениям показывала, что наказание, а не прощение было единственным средством, которое можно было использовать; вместо смягчения законов их следовало ужесточить, поскольку ересь неуклонно росла, а просить о римской процедуре было скандально и само по себе заслуживало наказания. Регенту сказали, что у него нет власти ниспровергать законы, и ему пригрозили, с одной стороны, народным восстанием, а с другой - обращением к папе римскому. В конце концов, предлагаемая реформа принесет опустошение на землю и приведет к тому, что Португалия превратится в Иудею. С другой стороны, это соглашение было горячо поддержано многими священнослужителями, чему, несомненно, способствовало влияние иезуитов. Это одобрял не только архиепископ Лиссабона, но и тридцать магистров и докторов богословия, профессора Университета Коимбры, семь служителей инквизиции и многие люди высокого положения как среди обычного, так и светского духовенства. Регент и его совет одобрили это, и вопрос был передан папе для принятия решения. [790]

ПОРТУГАЛЬСКИЕ ЕВРЕИ

Таким образом, дебаты были перенесены в Рим, где в 1674 году обе стороны представили свои аргументы комиссии кардиналов, созданной для этой цели. Защитники Новых христиан представили резкое обвинение инквизиции, несомненно, одностороннее и преувеличенное, но все же дающее представление о злоупотреблениях, неизбежных, когда тайная и безответственная власть попадает в недостойные руки. Подавляющее большинство жертв, по их утверждению, были ревностными и лояль-ными христианами, которые либо были сожжены за отрицание иудаизма, либо добились примирения путем ложного признания. Только годом ранее, в 1673 году, в Эворе произошел случай с двумя монахинями, сожженными как *негативы*. Одна из них прожила сорок лет в своем женском монастыре с незапятнанной репутацией и по очереди занимала все официальные должности; исповедники, слушавшие ее перед аутодафе, были поражены ревностным благочестием, которое она проявляла, и, когда процессия выстроилась, она узнала среди кающихся свою родную сестру и племянниц, которые спасли им жизни, донеся на нее. Она простила их и закончила самым образцовым образом, воззвав к Христу своим последним вздохом, когда была применена гаррота. Действительно, многие исповедники свидетельствовали о том, что большая часть тех, кому они служили в ауто, были истинными и ревностными христианами, и это было подтверждено Университетом Эворы, падре Манозлем Диасом, S.J., духовником наследного принца, и многочисленными высокопоставленными священнослужителями. [791]

Торговля лжесвидетельствами процветала как ради наживы, так и ради удовлетворения вражды. Существовали регулярные ассоциации клятвопреступников, которые зарабатывали на жизнь шантажом богатых новых христиан, обвиняя тех, кто отказывался от их требований, так что несчастный класс жил в постоянном страхе и покупал временную безопасность уступчивостью. Дело было сведено к тонкому искусству. Свидетель обвинения называл вымышленные имя и адрес, чтобы обвиняемый никогда не смог узнать его и вывести из строя. Действительно, иногда, когда требовались дополнительные доказательства, свидетель менял свое имя и одежду и давал необходимые подтверждающие показания. [792]

В качестве иллюстрации произвольного злоупотребления властью был сделан намек на печально известный случай, произошедший в Эворе в 1643 году. Согласно обычаю, надзирать за рынком был назначен студент иезуитского колледжа. Слуга инквизитора хотел купить партию меда, чтобы продать его в розницу за аванс, но студент вмешался, потому что мед уже был куплен для нужд колледжа и позволял слуге иметь его только для того, чтобы накормить стол своего хозяина. За это его заключили в тюрьму, судили, потребовали отречься от престола и наказали как нездорового в вере. Когда приговор был зачитан в присутствии ряда священнослужителей, профессор богословия, иезуит высокого положения, обратился к Святому Престолу, на что один из инквизиторов ответил, что от этого святого трибунала можно обратиться только к Святой Троице, и незадачливый апеллент был заключен в тюрьму и подвергнут суровому обращению. Иезуиты не привыкли к такому обращению; дело было передано Урбану VIII, который вызвал инквизиторов предстать перед ним, но в неразберихе войны с Испанией дело было закрыто. [793]

Заявления о конфискации объясняют упорство инквизиции в отстаивании своей позиции. Корона поддерживала инквизицию и имела право на результаты ее деятельности, но получала мало. Наложение ареста находилось в руках трибуналов во время судебных процессов, которые затянулись на пять, десять или двенадцать лет, к большому огорчению заключенных. В течение этого времени управление имуществом было безответственным; никаких отчетов не

проводилось, и из огромных полученных сумм государству производились лишь случайные незначительные выплаты. Генеральный инквизитор имел право делать пожертвования инквизиторам, и это щедро использовалось в виде предоставления им сумм в шесть, или восемь, или даже четырнадцать тысяч крон единовременно. Торговля пострадала самым катастрофическим образом, поскольку, когда торговец, имеющий иностранных корреспондентов, был арестован, а его имущество конфисковано, его иностранные отправители или кредиторы тщетно требовали принадлежащих им товаров или долгов, и, поскольку это была участь, нависшая над каждым человеком, португальская торговля соответственно пострадала. Короче говоря, хотя мы можем и не принимать буквально утверждение о том, что инквизиция принесла Португалии непоправимые разрушения, мы не можем не рассматривать ее как один из факторов, в значительной степени способствующих быстрому упадку королевства. [794]

Борьба в Риме была упорной, но Новые христиане постепенно получили преимущество, и 3 октября 1674 года Климент X в предварительном порядке издал краткое изложение их жалоб, ввиду чего он отозвал к себе все незавершенные дела и передал их римской инквизиции, запретив дальнейшие действия в Португалии под страхом лишения должности и других наказаний для всех должностных лиц, включая генерального инквизитора. Коимбра восприняла это как всеобщее помилование и 18 ноября освободила всех тех, кто находился под судом, но другие трибуналы, похоже, оставили своих заключенных под стражей. Вероятно, именно с целью их освобождения в 1676 году Иннокентий XI поручил своему нунцию разрешить инквизиторам завершить судебные процессы, но не выносить приговоров о смягчении наказания, конфискации или вечных галерах. Если это и был объект, то он был неудачным. Инквизиция была угрюмой и не проводила аутодафе в период с 1674 по 1682 год, за исключением трех частных аудиенций в лиссабонском зале для аудиенций, в каждой из которых было всего по одному кающемуся. [795]

Агенты инквизиции в Риме опровергли утверждения о произвольной несправедливости процедуры и принуждении добрых христиан к исповеданию иудаизма ужасной альтернативой послаблению как негативос. В связи с противоречием утверждений было высказано предположение, что истина может быть установлена путем изучения записей, и Иннокентий, следовательно, распорядился передать в Рим документы по некоторым образцам дел осужденных негативистов. Генеральный инквизитор Вериссимо де Ленкастре, архиепископ Браги, отказался повиноваться на том основании, что это раскрыло бы секреты процедуры. Папа, естественно, назвал причину несерьезной и отнесся к этой имитации курса Арсе-и-Рейносо в деле Вильянуэвы с большей решимостью, чем его предшественник. Столкнувшись с неоднократными отказами, он безапелляционно распорядился кратким письмом от 24 декабря 1678 года, чтобы в течение десяти дней после уведомления четыре или пять из предписанных случаев были переданы нунцию Марчелло под страхом *ipso-facto* отстранения генерального инквизитора и всех его подчиненных; если они продолжат действовать, генеральному инквизитору будет запрещено входить в церковь, а остальные подвергнутся отлучению, снимаемому только Святым Престолом, в то время как во время отстранения ordinarii епископальной церкви были восстановлены в своих правах. юрисдикция со всеми полномочиями. Даже это не сломало упорство инквизиции, и 27 мая 1679 года еще одно судебное разбирательство официально приостановило их деятельность, в то время как в письмах от той же даты нунцию было поручено привлечь их к ответственности и сообщить о результате. Это решительное действие, наконец, привело к частичному заявлению о том, что

португальскому послу были отправлены два процесса для передачи папе римскому, но, очевидно, этого было сочтено недостаточным, поскольку приостановление было отменено только в 1681 году, когда в сводке от 22 августа в качестве причины указывалось, что ординарии епископальной церкви из-за различных препятствий не смогли осуществлять юрисдикцию, и заключенные страдали из-за задержки. Продление срока приостановления, однако, было обусловлено соблюдением в будущем многочисленных изменений процедуры под угрозой повторного применения ранее предписанных наказаний. Новые христиане особенно просили изменить правило, касающееся негатива, но это, как мы видели, к сожалению, было неотъемлемой частью системы, и их желание не было удовлетворено. Принятые изменения имели второстепенное значение и интересны лишь как свидетельство некоторых особо незаконных практик, против которых они были направлены, и было предписано лучшее обращение с заключенными. [796]

Были ли эти изменения соблюдены и смягчили строгость процедуры; была ли инквизиция унижена и ослаблена своим поражением в борьбе с папством или материал для ее аутодафе истощился, сейчас определить невозможно, но нет сомнений в том, что после ее возобновления в 1681 году число ее жертв заметно уменьшилось. Возобновление деятельности было отпраздновано autos de fe, состоявшимся в первые месяцы 1682 года, процессиями, иллюминациями и другими демонстрациями ликования, но за девятнадцать лет, включая 1682 и 1700 годы, было только пятьдесят девять освобожденных лично, шестьдесят один изображенный и тысяча триста пятьдесят один наказанный - совокупность прискорбная сама по себе, но обнадеживающая по сравнению со своими предшественниками. [797]

ПРЕДРАССУДКИ РАЗГОРЕЛИСЬ

Из этого очерка португальской инквизиции мы можем легко оценить ее эффективность в обеспечении испанского института материалами по мере того, как местное население обращалось в христианство. Не в последнюю очередь печальным следствием этого было его влияние на поддержание предрассудков, которые в противном случае могли бы исчезнуть и которые, следовательно, стали предрассудками расы в такой же степени, как и религии. Яд, который мы видели в работе да Коста Маттоса, был, по возможности, превзойден в *"Сентинеле против правосудия"* падре Фрай Франсиско де Торрехонсильоса, опубликованной еще в 1673 году и переизданной в 1728 и 1731 годах. В этом популярном изложении христианской злобы нет ни одной истории, слишком дикой и неестественной, чтобы не заслуживать доверия, если она иллюстрирует врожденную и неискоренимую порочность еврея и его неутолимое желание причинять зло христианину. Басни о *Fortalicium Fidei* повторяются как неоспоримые истины, и придумываются новые, чтобы доказать, что вирус так же активен, как и прежде. Не имеет значения, крещен ли еврей, ибо это не меняет его натуры и его веры, и он остается тем же непримиримым врагом. [798] Тот же настрой проявляется в меморандуме, составленном примерно в это же время инквизитором в ответ на предложение смягчить суровость инквизиционной процедуры. Автор, очевидно, был человеком образованным и культурным, но его статья представляет собой горькую тираду против евреев, настаивающую на их дьявольской природе и утверждающую, что сейчас они намного хуже, чем когда они распяли Христа. Зло у них в крови, заставляя их ненавидеть и неистовствовать против Христа, Пресвятой Девы и всех, кто исповедует христианскую веру. [799] Распространенные представления о том, что у них

были хвосты, и что их можно было отличить по специфическому запаху, который они выдыхали, и что, будучи врачами, они убивали одного из пяти своих пациентов-христиан, были стойкими следствиями насаждаемой таким образом ненависти. [800] Даже называть человека евреем было преступлением, подлежащим наказанию инквизицией, поскольку, когда в 1646 году падре Боил, королевский проповедник, в проповеди заклеил как еврея Фрая Энрикеса из его собственного Наемнического Ордена, трибунал Толедо немедленно послал за ним и, продержав его шесть месяцев, приговорил к двум годам заключения' изгнание из двора, во время которого ему было запрещено проповедовать. [801]

Когда примерно в 1632 году Новые христиане предприняли попытку добиться устранения своих недостатков, Хуан Адан де ла Парра, который, хотя и был инквизитором, был поэтом и культурным человеком, выступил против этого в подробном эссе, осторожно изложенном на латыни, поскольку вопрос был слишком деликатным для публичного обсуждения. Он не потворствовал вульгарным предрассудкам, а обратился к аргументам государственной политики, которые являются любопытной иллюстрацией того, что по подобному вопросу интеллигентный человек считал убедительным. Он сожалеет о сокращении численности населения, сельского хозяйства, судоходства и механического искусства, которое он приписывает коварным практикам евреев, их избеганию физического труда и пристрастию к ростовщичеству. Посмотрите на Португалию, говорит он, где эта предательская раса разжигала пыл иностранных завоевателей, пока не охватила Ост-и Вест-Индию, а затем хитроумно развратила местную добродетель приобретенным таким образом богатством и роскошью, пока им не удалось уничтожить героев и героический дух, который сделал Португалию такой грозной. Именно эта тяга к восточной роскоши, искусно поощряемая новыми христианами, подрывает незыблемость испанской добродетели; полезным пренебрегают из-за излишества, и, таким образом, сельское хозяйство приходит в упадок. Кажется, он едва ли осознает дань уважения, которую отдает высшей одаренности евреев, когда в заключение предсказывает, что, если будут сняты ограничения, налагаемые на новых христиан, они приобретут такую власть, что приведут старых христиан к подчинению. [802]

Были некоторые основания опасаться, что барьеры между расами будут устранены. Источив испанские финансы, Оливарес в 1634 году начал переговоры с евреями Африки и Леванта, и были выданы королевские лицензии на въезд отдельных лиц. В 1641 году отношения были возобновлены; они послали представителей, которых он принял и держал при себе в течение значительного времени, заглушая протесты Верховного утверждением, что они находились там на службе у короля. Было предложено разрешить им проживать в пригороде Мадрида, в отдельном квартале с синагогой, как в Риме. Он привлек к своим планам некоторых членов Королевского совета и некоторых богословов, но инквизиция была неумолима, и кардинал Монти, нунций, сказал королю на публичной аудиенции, что Оливарес должен быть уволен, если мы хотим очистить жатву Господню от плевел и предотвратить риск разрушения веры Испании. Случайно Оливарес вмешался в работу инквизиции, потребовав документы в определенных случаях; генеральный инквизитор Сотомайор отказался, но, обнаружив, что не в силах сопротивляться, положил документы к подножию распятия, откуда они были доставлены Оливаресу, который сжег их и освободил несколько заключенных. Говорят даже, что он рассматривал возможность упразднения инквизиции, но Филипп IV был слишком глубоко убежден в ее необходимости как для Церкви, так и для государства, чтобы принять этот проект, и вполне может быть правдой утверждение, что его ссора со Святой Канцелярией способствовала его падению. Это положило конец всем переговорам, и в 1643 году мы находим,

что Верховный суд дал указание трибуналу Валенсии запретить высадку евреев, прибывавших из Орана. [803]

ПРОЗЕЛИТИЗМ

Некоторый переполох вызвали в 1645 году два еврея, Саламон Запортас и Бейл Запортас, которые прибыли в Валенсию с королевским разрешением, датированным 1634 годом, и с разрешением от маркиза Вианы, губернатора Орана. Они обратились в трибунал за разрешением заниматься своими делами в городе и носить христианскую одежду, чтобы не подвергнуться нападению толпы. Трибунал был озадачен и приказал им не покидать город под страхом штрафа в двести песо, пока он консультируется с Верховной властью. Последний представил королю опасность, нависшую над верой из-за игнорирования его приказов министрами, выдававшими лицензии, на что он ответил инструкциями отправить их обратно в Оран: причин, приведших к седуле 1634 года, больше не существовало; если в будущем их приезд будет сочтен необходимым, губернатор Орана должен доложить и дожидаться королевского решения и специальной лицензии. [804] Нет никаких оснований предполагать, что предприимчивые израильтяне имели в виду что-то более важное, чем частный бизнес.

Одной из наиболее весомых причин создания и увековечения инквизиции было рвение криптоевреев в обращении в свою веру и опасность, которой таким образом подвергалась чистота религии — аргумент, который достиг своей цели, однако дискредитирующий твердость испанской веры. Случаи, однако, никогда не приводились в доказательство, да и не могли приводиться, поскольку иудаизм — это вопрос расы в такой же степени, как и догмы; евреи никогда не стремились обращать язычников, и в Испании из всех стран было явно нелепо, что люди, которые могли существовать, только скрывая свою веру, были бы наверняка разоблачены и безжалостно наказаны за непростительное преступление — стремление к отступничеству своих соседей-христиан. Те обращения, которые там происходили, были спонтанными, и они усиливали ужас перед иудаизмом и поддерживали чувство опасности, возникающее из-за присутствия тех, кого подозревали в приверженцах древней веры. Говорят, что фрай Диого да Ассумпсао, сожженный в Лиссабоне в 1603 году за обращение в Закон Моисея, был вынужден пойти на этот роковой шаг, став свидетелем постоянства мученичества тех, кто пострадал за свою веру. [805] Более примечательным случаем был случай с Лопе де Вера, который вызвал всеобщий интерес по всей Испании и указал на мораль, согласно которой безопасность религии заключается в невежестве верующих, тем самым оправдав дальновидность Вальдеса, когда он поместил в первый испанский указатель перевод "Иудейских древностей" Иосифа Флавия. [806]

Лопе де Вера был сыном дворянина из Сан-Клементе, благородной крови и лимпиезы. В возрасте девятнадцати лет он был студентом в Саламанке и так глубоко изучил иврит и арабский, что в июле 1638 года боролся за место на кафедре иврита. Учеба привела его к принятию иудаизма, и с рвением новообращенного он стремился расположить к себе сокурсника, который донес на него инквизиции. Был второй свидетель, и все же совет федерации Вальядолида не был единодушен в голосовании за его арест; это должно было быть сделано по приказу Верховного суда, и оно было приведено в исполнение 24 июня 1639 года. Он свободно признал истинность обвинения и многое другое, но отрицал свои намерения, предполагая, что то, что он сказал, было сказано ради аргументации, и утверждая, что он ходил на исповедь и причастие и носил с собой четки. В его последовательных аудиенциях были

вариации и двусмысленности; со стороны инквизиции были задержки и сомнения, и судебный процесс затянулся. 16 апреля и 23 мая 1641 года он отменил все, в чем исповедовался, а затем внезапно, 29 мая, объявил, что хочет быть евреем и придерживаться всего, во что верят евреи, ибо это была истина, открытая им Богом, которую он будет защищать ценой своей жизни. До сих пор он верил в то, чему учила Церковь, но теперь он придерживался Закона, данного Богом Израилю; религия Рима и все другие религии были ложными; он никогда не практиковал еврейские обряды, но будет делать это в будущем; никто не учил его этому, но Бог, по своей милости, привел его к истине. Были вызваны ученые люди, чтобы отучить его от ошибок, но они объявили его упорство ужасным и что с его знанием иврита он будет очень опасен. Он отказался иметь адвоката или выступать в защиту, настаивая на том, что он еврей и готов умереть за Закон Моисея. 8 августа алкаид сообщил, что он сделал себе обрезание костью, и врач, посланный осмотреть его, подтвердил это и сообщил, что он сказал, что надеется быть сожженным заживо, поскольку ищет чести мученичества и попадет в рай.

ПРОЗЕЛИТИЗМ

Были предприняты серьезные и продолжительные попытки вернуть его, но тщетно. Затем его попросили изложить еврейские тексты, на которые он опирался, чтобы калификадоры могли их опровергнуть. Чтобы он мог это сделать, 23 декабря ему предоставили Библию, бумагу, чернила и гусиное перо, но последнее он отверг, сказав, что это запрещено Законом Моисея, и ему дали бронзовое перо (*pluma de bronce*). Последовали дальнейшие конференции, и было проявлено много терпения, пока он наотрез не отказался выступать в аудиториях. Сбитый с толку трибунал обратился к Верховному судье, который назначил пятьдесят ударов плетью; он стойко перенес их 17 июня 1642 года и хранил нерушимое молчание. Это было самым большим препятствием, поскольку ему необходимо было подтвердить свои признания, но, когда ему зачитали их и показания, он закрыл уши пальцами и отказался даже слушать. Было предложено подвергнуть его пыткам, но Верховный суд гуманно отбросил формальности и распорядился закрыть дело и поставить его на голосование. 27 января 1643 года было проведено голосование за смягчение наказания с конфискацией, но, подтвердив это, Верховный распорядился приложить дополнительные усилия для его обращения. В исполнении приговора не было спешки. В январе 1644 года он все еще хранил молчание, за исключением того, что, когда инквизиторы наносили свои еженедельные визиты, он кричал “Да здравствует лей де Мойзен”, после чего из него нельзя было вытянуть больше ни слова. Наконец, 25 июня 1644 года, он был сожжен заживо, сохранив до конца свое неизменное постоянство. Инквизитор Москозо в письме графине Монтерей заявлял, что он никогда не видел такого горячего желания смерти, такой совершенной уверенности в спасении или такой непобедимой твердости. Его судьба произвела глубокое впечатление на его единоверцев. Несколько лет спустя Хуан Перейра, юноша, которого судил трибунал Вальядолида, неоднократно ссылался на него и заявил, что видел его после смерти верхом на муле, блестящим от пота, который был на нем, когда его доставили в кемадеро. [807]

Лопе де Вера был самым нежелательным новообращенным, поскольку его дело не могло не вызвать нового страха перед инфекцией и побудить инквизицию к повышенной активности. Тем не менее, такой стимул вряд ли был нужен, поскольку он был постоянно бдителен и не испытывал особых угрызений совести, когда шел по следу подозреваемого. Показательный

случай напрашивается сам собой, когда в сентябре 1642 года трибунал Галисии написал в Вальядолид, что находящийся под судом заключенный дал показания о том, что Антонио Лопес в Мансанеда-де-Трайменс исповедовал иудаизм, и потребовал его ареста. Некий Антонио Лопес был легко найден в Вальядолиде и 16 сентября был немедленно брошен в тюрьму. Он отрицал обвинение; никаких других свидетельств против него найти не удалось, и суд над ним затянулся до тех пор, пока 3 февраля 1644 года не состоялось голосование *в дискордии*. Дело было передано в Верховный суд, который распорядился провести дальнейшее расследование в галисийском трибунале, когда выяснилось, что заключенный никогда не был в Мансанеде. Это должно было стать окончательным, но, когда 13 августа было проведено еще одно голосование, дело снова было в дискордии, и Супрема снова приказал провести расследование, которое оказалось безрезультатным. Третье безрезультатное голосование было проведено в 1645 году, а затем Верховный суд распорядился арестовать второго Антонио Лопеса, художника, который был обнаружен в Санабрии. Он был арестован в декабре 1645 года и легко доказал, что является старым христианином строгого соблюдения, но безрезультатно, поскольку 30 апреля 1646 года бестолковый консультативный совет проголосовал в дискордии, и Супрема приказал подвергнуть его пыткам под угрозой применения. Его раздели и привязали к козлам, но нервы у него не сдали, и он неуклонно отстаивал свою ортодоксальность. Ресурсы сбитого с толку трибунала были теперь исчерпаны, и 14 июля Верховный суд распорядился приостановить рассмотрение дел, когда двое Антонио Лопесов были освобождены - но не оправданы — после того, как один провел в тюрьме почти четыре года, а другой подвергся агонии неминуемых пыток, просто потому, что они носили имя, которое случайно было упомянуто в далеком суде как имя иудействующего. Не таким тяжелым было дело Гаспара Родригеса, арестованного трибуналом Вальядолида 4 октября 1648 года на основании рекомендаций из Куэнки и освобожденного 2 октября 1649 года, поскольку с опозданием было признано, что он не соответствует описанию настоящего преступника. [808]

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ПРЕСЛЕДОВАНИЮ

Насколько скудными были доказательства, которые требовались, когда речь шла о португальце, видно из другого дела в Вальядолиде. Когда инквизитор Педро Муньос посетил Овьедо в 1619-20 годах, две женщины показали, что Лусия Нуньес, португалка, поселившаяся в Бенавенте, по субботам надевала чистые сорочки. Когда 5 марта 1620 года трибунал проголосовал по делам, возбужденным Муньосом, рассмотрение этого дела было приостановлено, но Верховный суд распорядился отправить ему документы, а 17 августа 1621 года дал указание трибуналу арестовать Лусию и наложить арест на ее имущество. Соответственно, 30 октября 1621 года она была доставлена в Вальядолид и брошена в секретную тюрьму. На своей первой аудиенции в ответ на обычный вопрос, знает ли она причину своего ареста, она сказала, что это произошло потому, что она меняла белье по пятницам и субботам, как делала каждый день, ради чистоты, особенно когда кормила грудью своих детей, и она не знала, что совершает какое-либо правонарушение. Это правда, что она родилась в Португалии, но оба ее родителя были кастильцами и древними христианами. Судебный процесс шел своим чередом; больше против нее ничего не было найдено, и 15 марта 1622 года совет де фе проголосовал за ее оправдание и отмену секвестра, что было сделано соответствующим образом на следующий день, после почти пяти месяцев тюремного заключения. [809]

Когда такого рода работа шла полным ходом по всей Испании, легко понять, как неумолимая бдительность инквизиции с ее сетью трибуналов, постоянной перепиской, ее комиссарами и

приближенными повсюду несла вахту, от одного убежища к другому выслеживали несчастных португальцев. Эта бдительность поддерживалась частыми обнаружениями более или менее многочисленных общин иудействующих, на судебных процессах над которыми выявлялись имена многочисленных сообщников. Трибунал Льерены с 1635 по 1638 год занимался "соучастниками Бадахоса", группой португальцев, которых он обнаружил в Бадахосе, и, когда Верховный суд потребовал список тех, кого обвиняли заключенные, которых он не смог арестовать, их было сто пятьдесят. [810]

В 1647 году Хуан дель Серро из Сьюдад-Родриго был заключенным в королевской тюрьме Вальядолида. Очевидно, надеясь на освобождение, он донес на себя инквизиции и рассказал историю о собрании евреев в Сьюдад-Родриго, которое собиралось каждую пятницу в доме президента Пабло де Эрреры, казначея армии на португальской границе, когда проводилась церемония бичевания изображений Христа и Богородицы, а затем, во время Страстной недели, они были сожжены. Были произведены многочисленные аресты, и судебные процессы затянулись до 1651 года; применялись пытки, родители и дети, братья и сестры давали показания друг против друга, но не было ни упорных нераскаявшихся, ни отрицательных, и никто не был смягчен. То, что история Хуана дель Серро о надругательстве над священными изображениями была признана вымышленной, видно из приостановления рассмотрения десяти дел, включая дела так называемых должностных лиц конгрегации, но трибунал добился удовлетворительного числа обвинительных приговоров, а также штрафов в размере трех тысяч семисот дукатов. Хуан дель Серро ничего не добился своим изобретением, поскольку, хотя он и не был привлечен к ответственности за лжесвидетельство, по окончании судебных процессов в 1651 году он был возвращен королевскому суду. [811] Толедо был столь же активен, поскольку в автопробеге, проведенном в том же году, было тридцать два еврея лично и тридцать изображений беглецов. [812] Почти все они были португальцами, поскольку к этому времени кастильские иудаисты встречались сравнительно редко. Во время великого севильского восстания 1660 года из восьмидесяти одного иудействующего, почти все португальцы, группа из тридцати семи человек была из Осуны, а еще одна из восьми - из Утреры. Сорок семь человек примирились, семеро расслабились лично и двадцать семь - в изображении. [813]

Многочисленные изображения, изображенные на автомобилях, указывают на тех, кто был скомпрометирован признаниями кающихся и кому на какое-то время удалось избежать ареста. Как правило, можно сказать, что это была лишь временная передышка от всепроникающей бдительности инквизиции. Рано или поздно это собирало их, несмотря на смену места жительства и имени, а также на все предосторожности преследуемого против охотника. Это хорошо проиллюстрировано превратностями судьбы португальской колонии, насчитывающей около двадцати или тридцати человек, в маленьком городке Беас (Хаэн), которые проливают яркий свет на страдания этих несчастных. Им удалось незаметно прожить там десять или более лет, зарабатывая на жизнь тем, что они могли освоить, когда какая-то неосторожность или бдительность кого-то из соседей привлекли к ним внимание трибунала Куэнки, который арестовал тринадцать из них. Из них были получены имена еще девяти человек, на которых были выданы ордера на арест, но, когда они были отправлены на казнь в апреле 1656 года, было обнаружено, что они тайно покинули Беас в феврале, бросив свое имущество. Пятеро из них были прослежены до Малаги; говорили, что остальные четвероотправились в Пьетрабуэну, но там след был потерян. Все они были должным образом привлечены к ответственности заочно, и их изображения стали частью севильского автосалона 1660 года.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ПРЕСЛЕДОВАНИЮ

Группа, отправившаяся в Португалию, была семейной группой из пяти человек — Диего Родригес Сильва, его жена Ана Энрикес, ее отец Антонио Энрикес Франсия, а также ее брат и невестка, Диего Энрикес и Изабель Родригес. Они без остановок добрались до Риосеко, где отдыхали четыре дня, а затем, наняв проводника, пересекли горы Португалии, передвигаясь только ночью. Поселившись на Вилле Пинхель, они попытались поправить свое разбитое состояние: Ана Энрикес - открыв лавку, а Диего Родригес — занявшись всем, чем только мог найти занятие - однажды мы слышали, что он пригнал тысячу овец в Лиссабон на продажу. Очевидно, в целях предосторожности они спонтанно предстали перед трибуналом Коимбры, который обошелся с ними милосердно, не наложив штрафов, но приказав им не покидать Пинхель без разрешения. Несчастья преследовали Диего, и в 1671 году он вернулся в Испанию, остановившись в Талавера-де-ла-Рейна, откуда послал за своей женой, детьми и тестем, велел остальным оставаться. Он взял фамилию дель Агила для себя и де лос Риос для своей жены и на два года поселился в Севилье, где умер его тесть. Оттуда они перебрались в Даймиэль, где инквизиция, наконец, нашла их и арестовала 18 февраля 1677 года, примерно через семнадцать лет после того, как их чучела были сожжены в Севилье. Поскольку двое или трое из бежавших в Малагу Беас предстали перед судом в Толедо в 1667 году, вполне вероятно, что никому не удалось спастись, кроме тех, кто остался в Португалии. Два с половиной года ушло на судебные процессы над Диего и Аной, закончившиеся приговором к несвоевременному тюремному заключению и санбенито. Эта бродячая жизнь, полная непрекращающихся превратностей и тревог, сломила Ану; она стала жертвой эпилепсии, меланхолии и ипохондрии, когда безжалостные судьи отправили ее в тюрьму на пожизненное заключение в защиту религии бесконечной любви и милосердия. [814]

Еще более печальную иллюстрацию страданий, перенесенных этими несчастными под неумолимой бдительностью инквизиции, дает случай с Изабель, женой Франсиско Палоса из Сьюдад-Родриго. В 1608 году, когда ей было 22 года, ее судил трибунал Вальядолида. Впоследствии ее дважды судили, в 1621 и 1626 годах, в Льерене, дважды в Куэнке, в 1653 и 1655 годах, и, наконец, в 1665 году в Толедо. В общей сложности на эти судебные процессы ушло около восемнадцати лет; последнее, в ходе которого ее трижды пытали, продолжалось до 1670 года, когда ей было восемьдесят четвертый год, и она ускользнула от своих мучителей, умерев в тюрьме, чтобы ее чучело было сожжено вместе с костями в качестве наказания. [815]

Часто обнаруживались небольшие португальские колонии, подобные колонии Беаса. Симон Муньос из Пастраны на суде в Толедо в 1679 году назвал имена двадцати девяти сообщников, проживавших там, почти все из которых фигурировали в автокатастрофе от 21 декабря 1680 года. Им долгое время удавалось ускользать от бдительности инквизиции, поскольку одна из них, Мария Энрикес, которой тогда было шестьдесят лет, показала, что родители привезли ее сюда из Лиссабона, когда она была маленьким ребенком, и она всегда жила там. [816]

Аналогичная группа португальцев в маленьком городке Берин (Оренсе) была судима между 1676 и 1678 годами трибуналом Сантьяго и передана мадридскому суду 1680 года двум жертвам, расслабленным как упрямые евреи — Бальтасару Лопесу Кардосу и Фелису Лопесу, его двоюродному брату. Всего их было более двадцати, и они давно обосновались там; Антонио Лопес, один из них, сказал в 1677 году, что ему было тридцать два года и он родился в Берине. [817]

УПАДОК ИУДАИЗМА

Только благодаря самой строгой осторожности можно было поддерживать существование в этих условиях. Гаспар де Кампос, один из группы Пастраны, в своем признании дает некоторый отчет о средствах, используемых для сокрытия информации. В субботу мать и девочки сидели с катушками или прялками перед собой и, если кто-нибудь входил, делали вид, что заняты работой. В дни поста служанку отправляли с поручением; во время ее отсутствия из оллы доставали еду, смазывали тарелки и ложки маслом, затем они шли в дом соседки-еврейки, и, когда служанка следовала за ними, ее отправляли обратно за обедом, говоря ей, что они поужинали, а затем соседка делала то же самое. Даже в самом тесном семейном кругу часто практиковалась крайняя сдержанность. Детям не разрешалось ничего знать об иудаизме до достижения возраста, когда на их благоразумие можно было положиться. Родители, действительно, часто воспитывали своих детей как католиков и предоставляли другим случайно обратить их в свою веру. Педро Нуньес Маркес, судимый в Мадриде в 1679 году, показал, что он был обращен в иудаизм в Вильяфлоре (Португалия) Марией Пинто, женой Альваро де Моралеса. После того, как он вернулся в дом своего отца в Торре-де-Монкорво, он месяцами колебался, сообщать ли родителям о своем обращении, наконец, в 1653 году он рассказал об этом своей матери, когда она одобрила это и сказала, что и она, и его отец, Франсиско Нуньес Рамос, были евреями. У них было восемь детей; он знал, что все они евреи, но не мог сообщить никаких подробностей, за исключением трех сестер: все они принимали друг друга за евреек, но каждая занималась своими делами, зарабатывала на жизнь и жила с предельными предосторожностями. Как выразилась его сестра Анхела Нуньес Маркес, все они знали друг друга как португальцев; этого было достаточно, и дальнейшие откровения были излишни. [818]

Как само собой разумеющееся, скрупулезное соблюдение всех католических обрядов — мессы, исповеди и причастия, праздничных дней и постов. Умиравшие были должным образом пострижены и имели виатикум, умерших хоронили по-христиански в церквях. Живя таким образом рассеянно, небольшими группами или изолированными семьями, с величайшей тщательностью скрывая свою тайную веру и постоянно опасаясь предательства, неудивительно, что особые еврейские обряды постепенно были сведены к минимуму и в значительной степени были забыты. У них не было раввинов, которые разъясняли бы им бесчисленные предписания Устного Закона и количество дней его соблюдения. Об обрезании, конечно, не могло быть и речи; оно было слишком компрометирующим, и некому было его совершить, если только какой-нибудь особенно ревностный юноша не отправится с этой целью во Францию или Италию. Мы ничего не слышим ни об испытаниях по поводу воздержания от свинины, ни об удалении жира с мяса, ни о захоронении мертвых в морге. Была предпринята попытка поститься в день царицы Есфири, когда это было известно, и, возможно, в другие дни, не имеющие особого значения, как духовное упражнение; мы слышим о мытье рук перед едой и вознесении благодарности Богу Израиля; лампы можно было зажигать в пятницу вечером, но достаточно было зажечь одну и дать ей гореть, пока она не погасла. Суббота должна была соблюдаться путем прекращения работы, но даже это соблюдалось не всегда, и редко упоминается о смене нательного белья. Анхела Нуньес Маркес сказала, что Ана де Нибес и Мария де Мурсия научили ее Закону Моисея и его церемониям, которые заключались в том, чтобы отдыхать в субботу и соблюдать двадцатичетырехчасовой пост без еды и питья, однако за двадцать лет своего проживания в Пастране она соблюдала только пятнадцать суббот, опасаясь разоблачения со стороны мужа и слуг. Изабель Мендес Корреа, появившаяся в "Мадридском авто" в 1680 году, когда несколько лет назад заболела, поклялась, что, если выздоровеет, будет

отдыхать по субботам и зажигать лампы по пятницам, поскольку считала свою болезнь наказанием за пренебрежение Законом Моисея. Короче говоря, иудаизм, похоже, ограничился соблюдением субботы с периодическим постом и надеждой на спасение в Законе Моисея, отрицая Христа и христианскую доктрину. [819]

Все это увеличивало сложность обнаружения и терзало души инквизиторов как в Испании, так и в Португалии. В увещевании, обращенном к Новым христианам в 1640 году в Гранаде маэстро Габриэлем Родригесом де Эскабиасом, они резко осуждаются за то, что таким образом предали свою веру. Поэтому в лиссабонском автосалоне 6 сентября 1705 года, где проповедь произносил Диого да Аннунсиасам, архиепископ Кранганора, он начал с обращения к шестидесяти шести кающимся перед ним— “Жалкие пережитки иудаизма! Несчастные развалины синагоги! Последние остатки Иудеи! Скандал католиков и отвратительные объекты презрения даже для самих евреев!... Вы отвратительные объекты презрения для евреев, ибо вы настолько невежественны, что не можете соблюдать сам закон, по которому вы живете” — истинно христианское приветствие раскаявшимся грешникам, которое было сочтено достойным увековечения печатным станком. [820] Однако в этом двуличии, столь предосудительном в глазах инквизиции, таилось обещание окончательного успеха работы, столь неустанно преследуемой в течение двух столетий. Молот постепенно подтачивал наковальню; только удивительное постоянство иудаизма позволило ему сохраниться в таких условиях, и в конечном итоге португальские иудаисты должны были быть включены в Церковь, как это уже сделали по большей части их испанские братья.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЙ

Тем не менее, деятельность инквизиции продолжала вознаграждаться обильным успехом, и действительно, мы можем сказать, что, если бы не иудаизм, ей было бы нечем заняться. В общественных автосалонах Кордовы с 1655 по 1700 год из трехсот девяноста девяти человек и изображений, вынесенных вперед, триста двадцать четыре были за иудаизацию. В Толедо с 1651 по 1700 год было рассмотрено восемьсот пятьдесят пять дел любого рода, как тривиальных, так и важных, из которых пятьсот пятьдесят шесть были связаны с одним и тем же преступлением. К концу столетия, по-видимому, наблюдается решительное сокращение численности, как будто бдительность ослабевает или усилия трибуналов увенчиваются успехом; но, согласно отчету о незавершенных делах в Вальядолиде, сделанному 8 июля 1699 года, из восьмидесяти пяти семьдесят восемь были иудействующими. [821] Однако эта деятельность, по-видимому, в значительной степени ограничивается Кастилией, как будто португальцы не находили королевства Арагон привлекательными. Отчеты о делах, рассматривавшихся в Валенсии в 1694-5-6 годах, показывают все, кроме шестнадцати, среди которых нет ни одного иудействующего. [822] Возможно, стоит мимоходом отметить, что в договоре 1668 года, которым Испания признала независимость Португалии, статья 4 предусматривает, что подданные каждой державы на территориях другой пользуются привилегиями и иммунитетами, предоставленными британским подданным договорами 1630 и 1667 годов. [823] Это гарантировало им защиту от преследования по вопросам совести, при условии, что они не давали повода для скандала, но из того, что мы видели выше, не похоже, чтобы инквизиция какой-либо страны обратила на это внимание, и маловероятно, что какое-либо правительство жаловалось на нарушение.

В течение этого периода законы, ограничивающие эмиграцию новых христиан, по-видимому, в основном не действовали, но когда в 1666 году лжемессия Забатия Цеви появился в Палестине и привлек большое количество последователей из введенных в заблуждение евреев, Верховная власть забила тревогу. Суды морского порта были предупреждены, что некоторые португальцы попытаются присоединиться к нему, так что, если кто-либо из португальцев прибудет и попытается сесть на борт, они должны быть задержаны под каким-нибудь предлогом, их имущество должно быть арестовано и осмотрено, а отчет отправлен Верховному судье. Примерно четыре месяца спустя Барселона передала показания, полученные по делу четырех задержанных таким образом португальцев, когда Верховный суд распорядился об их освобождении и что в будущем, когда доказательства покажут, что они не скрывались от правосудия и не направлялись в какое-либо подозрительное место, им следует разрешить продолжить. В том же году погонщик мулов по имени Франсиско Нуньес Редондо был наказан в Толедо как иудействующий, и за то, что он вывез иудействующих из страны, к его приговору к примирению и тюремному заключению были добавлены двести ударов плетью, что, очевидно, было наказанием за это особое преступление. [824] В 1672 году был еще один подобный сигнал тревоги. Верховный суд проинформировал суды о том, что многие семьи португальцев договариваются о переезде через Байонну во Францию. Поэтому все дороги и тропинки должны были охраняться, и все португальцы, которые, по-видимому, стремились покинуть королевство, должны были быть арестованы вместе со своим имуществом. Каждый человек должен был быть тщательно изучен, составлена его генеалогия, записана его прошлая жизнь, должен был быть указан пункт назначения и мотивы его путешествия со всеми другими деталями, необходимыми для досконального знания его прошлого и целей, и эта информация должна была быть направлена Верховному судье с заключением трибунала. Аналогичные меры предосторожности были приняты в портах Средиземного моря, но цель этих действий не была указана. [825]

Трибунал Мальорки

Вальядарес, который был генеральным инквизитором с 1669 по 1695 год, похоже, придерживался иного взгляда на эту удивительно порочную политику предотвращения эмиграции недовольных отступников. 12 августа 1681 года он отправил кому-то из приближенных короля анонимный меморандум, в котором излагалось непобедимое упрямство евреев; епитимья и наказание оставили их такими же порочными, как и прежде, что привело ко многим порокам, таким как привлечение в благородные дома еврейских кормилиц, которые заражают детей своим молоком, использование конверсос маленьких детей, которых они растлевают, святотатство совершаемых над ними таинств и тому подобное. Средством от этого было немедленное изгнание всех, кто подвергся епитимье, или, если им разрешалось остаться, нанесение им клейма на лоб гербом инквизиции. Вальядарес, вероятно, был автором мемориала, поскольку он выдвигает это отвратительное предположение самостоятельно, настаивая на нем со всем авторитетом инквизиции и призывая небесный суд на своего корреспондента, если тот не представит документ королю. Карлос отправил его в Верховный суд для выяснения его мнения, и дальше дело не пошло, но документ небезынтересен как откровение методов, которые преследователи были готовы применить, чтобы избежать последствий своих собственных действий. [826]

Хотя именно португальская иммиграция поставляла, по-видимому, неисчерпаемый урожай преступников на протяжении всего семнадцатого века, был один уголок Испании, который избежал наплыва и где старые конверсос продолжали лелеять свою тайную веру практически без посягательств. Выше неоднократно упоминалась катастрофа на Майорке в 1691 году, и, как эпизод испанского иудаизма, ее детали заслуживают рассмотрения. Во время резни 1391 года некоторые из майоркинских евреев бежали в Берберию, но большинство осталось. Губернатор Франсиско Сагарига был ранен, пытаясь защитить их; их склонил к обращению страх смерти и обещание властей дать им двадцать тысяч либр для уплаты долгов — обещание, которое, по-видимому, так и не было выполнено. Они продолжали населять *колл*, или еврейский квартал, и, хотя альджама прекратила свое существование в 1410 году, ее члены оставались отдельной общиной. [827] Обращение было столь же поверхностным, как и следовало ожидать, и хотя, как номинальные христиане, они не пострадали от изгнания 1492 года, когда была введена инквизиция, мы видели по количеству прибывших по Эдиктам Благодати, что все они, должно быть, в душе были евреями, поскольку между 1488 и 1491 годами их было не менее пятисот шестидесяти. -восемь примирений, не считая тех, кто по особой милости был примирен дважды. После этого некоторое время трибунал был довольно активен. Между 1489 годом, когда он начал свою деятельность, и 1535 годом он приговорил сто шестьдесят четыре человека к примирению, девяносто девять - к послаблению лично и четыреста шестьдесят - к послаблению в изображении, все из которых предположительно были иудействующими, за исключением пятерых морисков, которые были послаблены в 1535 году. [828] После этого преследование стало инертным, расслабления исчезли, а примирений стало мало. Трибунал стал настолько незначительным, что, когда в 1549 году освободились должности фискала и распорядителя, Вальдес написал, чтобы спросить, в чем необходимость их заполнения. [829] Он вполне мог бы задать вопрос: между 1552 и 1567 годами у трибунала было всего два примирения, а за оставшуюся часть столетия - только тридцать, вместе с одним смягчением, и из этих немногих виновных большинство не были иудействующими. В семнадцатом веке летопись была еще более скудной. Занятые, по большей части, как мы видели, непримиримыми конфликтами с церковными властями, они пренебрегали обязанностями по преследованию, и еретики и вероотступники жили сравнительно спокойно. За примирением Марии Диес, состоявшимся 6 сентября 1579 года, последовало столетие, в течение которого не примирился ни один иудаист, хотя в 1675 году один из мадридцев был смягчен. Обитатели *коллы* вполне могли считать себя в безопасности, тем более что церковники были вольны в своих обвинениях трибунала. В 1668 году инквизитор пожаловался Верховному суду на то, что священники епископальной партии говорили об инквизиции как о тайной ереси и что это было логово разбойников, которое должно быть упразднено, и все это привело к большой вольности высказываний среди подозреваемых лиц, которые жили “в отдельном квартале”. [830]

Трибунал Мальорки

От этого чувства безопасности произошло грубое пробуждение. В 1677 или 1678 году внимание инквизитора привлекла встреча, состоявшаяся в саду за городом. Она была обозначена как синагога, и, несомненно, имела место некоторая неосторожность. Тайное расследование выявило доказательства, оправдывающие массовые аресты, и вскоре тюрьма была переполнена. Результат появился в четырех автопробегах, отмеченных в 1679 году, в которых было проведено не менее двухсот девятнадцати согласований. Не было никакого духа мученичества; во всех случаях это было первое осуждение, и когда все сознавались и молили о пощаде, не было никакой возможности расслабиться. Примечательной особенностью было

отсутствие судебных преследований умерших, которых могло бы быть множество, если бы трибунал был склонен взять на себя труд, но это, несомненно, объясняется тем фактом, что, поскольку в дело была вовлечена вся община Новых христиан, все ее имущество было конфисковано, и в поиске наследственных ересей не было бы никакой выгоды. Конфискации были огромными; виновниками были торговцы и банкиры, чьи дома и земли, цензы, товары и кредиты были уничтожены. Реализованная сумма заявлена в размере 1 496 276 песо, что, вероятно, намного ниже реальной стоимости изъятых активов. Мы видели, как король постепенно лишался своей доли добычи; трибунал получил значительную часть, на которую перестроил дворец инквизиции в таком роскошном стиле, что он считался одним из лучших в Испании, пока его не снесли в 1822 году, а на его месте не превратили в общественную площадь. [831]

Трибунал приказал всем новым христианам пребывать *впризыве* и потребовал, чтобы они во все праздники предписания посещали мессу в соборе всем скопом, перед которым выступал министр инквизиции и отвечал за альгвасил. Положение обедневших, опозоренных и под наблюдением стало невыносимым. Несколько человек решили эмигрировать и тайно договорились с английским кораблем, стоявшим в гавани, чтобы их увезли. Деньги за проезд были выплачены, и им удалось сесть на борт, но плохая погода задержала судно; они не получили необходимых разрешений на выезд из Испании, их схватили и бросили в тюрьму вместе с членами их семей. Это произошло в 1688 году, и на их испытания ушло три года. Результат был виден на четырех автопробегах, состоявшихся в марте, мае и июле 1691 года. Для тех, кто примирился в 1679 году и теперь был осужден за рецидив, помилования быть не могло. Огромный костер площадью восемьдесят футов и высотой восемь футов с двадцатью пятью кольями был приготовлен на берегу моря, в двух милях от города, чтобы людям не мешало зловоние. Всего было освобождено тридцать семь человек, из которых только трое упорствовали до последнего и были сожжены заживо. Восемь человек были смягчены в виде изображений, из которых четверо были беглецами и четверо были мертвы - трое из последних умерли в тюрьме. Было проведено пятнадцать примирений лично и три в виде изображений. Наконец, было двадцать четыре человека, которые, хотя и были среди примирившихся в 1679 году, отделались отречением от престола *де леви* и штрафами в размере шестидесяти четырехсот либр. [832] Это показывает, что маленькая община уже начала восстанавливать свое пошатнувшееся состояние, и делает вероятным, что конфискации расслабленных и примирившихся щедро вознаградили трибунал за его труды. Урок, по-видимому, был достаточно суровым, чтобы послужить своей цели. Мы больше ничего не слышим об иудаизме на Майорке; в разгар преследований в других местах трибунал дважды отмечал аутодафе, 31 мая 1722 года и 2 июля 1724 года, на которых явились девять кающихся, но ни один из них не был иудействующим. [833] Хотя новые христиане все еще были ограничены своим отдельным кварталом, со временем, как мы видели, они стали полностью католиками.

С началом восемнадцатого века казалось, что победа над иудаизмом фактически одержана. Война за престолонаследие, конечно, должна была вмешаться в деятельность инквизиции, но этого недостаточно, чтобы объяснить заметное сокращение числа иудействующих в аутодафе, насколько это видно из имеющихся у меня записей. В Каталонии, которая продержалась еще долго после того, как остальная Испания была умиротворена, инквизиция была практически восстановлена в 1715 году, после чего в течение трех лет в барселонском трибунале из

двадцати пяти дел рассматривалось только три дела евреев - мать и две дочери, которые бежали из Севильи и были выслежены в Каталонии. [834] В Кордове записи несовершеннолетние, но, насколько они охватывают период с 1700 по 1720 год, они показывают всего пять случаев. [835] В Толедо за те же двадцать один год из восьмидесяти восьми судебных процессов только двадцать три были за иудаизм. [836]

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЙ

Однако огонь преследований только затухал и внезапно вспыхнул с новой силой. Возможно, это связано с открытием в Мадриде организованной синагоги, состоящей из двадцати семей, которые с 1707 года привыкли собираться для своих богослужений, а в 1714 году избрали раввина, чье имя они послали в Ливорно для подтверждения. Сравнительная невосприимчивость привела к безрассудству, и нам рассказывают, что они соблюдали христианский пост с танцами и игрой на гитаре. Пятеро из них были освобождены во время аутодафе 7 апреля 1720 года. [837] Вероятно, именно это открытие побудило другие трибуналы возобновить деятельность, которая была щедро вознаграждена, поскольку, похоже, в то время иудействующие мало что скрывали. В автографе Толедо от 19 марта 1721 года утверждается, что Себастьян Антонио де Пас, *администратор табако*, женился на дочери своей жены, а Франсиско де Мендоса-и-Родригес - на своей двоюродной сестре "согласно Закону Моисея". [838]

В течение нескольких лет это возрождение преследований бушевало с яростью, соперничающей с яростью более раннего периода. В коллекции из шестидесяти четырех судебных разбирательств, проведенных в период с 1721 по 1727 год, всего было восемьсот шестьдесят восемь дел, из которых восемьсот двадцать касались иудаизма, и суды не допустили ошибки на стороне милосердия. Было произведено семьдесят пять послаблений лично и семьдесят четыре в виде изображения, в то время как бичевание, галеры и тюремное заключение были щедро назначены. [839] Заслуживает внимания географическое распределение преступников. В королевствах Арагонской короны мало следов иудаизма. В Валенсии зарегистрировано всего двадцать случаев, в Барселоне — пять, в Сарагосе - один, а на Майорке - ни одного, или всего двадцать шесть. Среди трибуналов кастильской короны Логроньо в эти годы не имел права голоса; Сантьяго представил только четыре дела, в то время как в Гранаде было двести двадцать девять, в Севилье - сто шестьдесят семь и Кордове - семьдесят восемь. 1722 и 1723 годы были годами, когда преследования были наиболее активными, а затем их число быстро уменьшилось. [840] Однако это все еще продолжалось с перерывами. В Кордове были автокатастрофы в 1728, 1730 и 1731 годах, в которых всего было двадцать шесть случаев исповедания иудаизма; затем был перерыв до 1745 года, когда произошло только два случая. [841] В Толедо после 1726 года не было ни одного случая исповедания иудаизма до 1738 года, когда их было четырнадцать. На этом, по-видимому, материал для судебного преследования исчерпан, поскольку до тех пор, пока толедская летопись не закончится в 1794 году, был лишь один последующий случай, который произошел в 1756 году. [842] В Мадриде в 1732 году были освобождены несколько евреев, обвиненных в бичевании и сожжении образа Христа в доме на улице Калле-де-лас-Инфантас. [843] В Вальядолиде, на авто, 13 июня 1745 г. один иудействующий расслабился, а четверо примирились, в то время как в Севилье, 4 июля, хотя мусульман было четверо, не было ни одного еврея. [844] В Льерене в 1752 году мы слышим о расслаблении шести изображений

беглецов и одного изображения мертвой женщины, которые, очевидно, относились к иудаизму. [845]

ИНОСТРАНЦЫ ИСКЛЮЧЕНЫ

Эти разрозненные подробности не могут претендовать на полноту, и все же их достаточно, чтобы показать, что иудаизм, наконец, был в значительной степени искоренен на испанской почве после непрерывной борьбы, длившейся три столетия. Насколько полным было это искоренение, видно из краткого списка всех дел любого рода, рассматривавшихся всеми трибуналами с 1780 года до подавления инквизиции в 1820 году, охватывающего в общей сложности более пяти тысяч. За эти сорок лет общее количество судебных преследований, связанных с иудаизмом, составило всего шестнадцать, и из них десять были иностранцами, которые обошли законы, запрещающие въезд евреям, в то время как из шести местных жителей четверо были привлечены к ответственности за подозрения и предложения. Последний случай произошел в Кордове в 1818 году, когда Мануэль Сантьяго Вивар был обвинен в иудаизме — финальная сцена долгой трагедии, которая обеспечила единство веры ценой стольких крови и страданий. [846]

В этот более поздний период исключение иностранных евреев осуществлялось Священной Канцелярией гораздо чаще, чем выявление местных. Следует помнить жестокий закон, по которому в 1499 году Фердинанд и Изабелла запретили возвращение изгнанных евреев или въезд иностранцев под страхом смертной казни и конфискации. [847] Хотя этот закон был сохранен в своде законов, он, вероятно, не соблюдался во всей своей жестокости, но сохранение исключения было неизбежно, когда предпринимались такие неустанные усилия по уничтожению иудаизма. Когда были организованы *visitas de navíos*, или досмотр всех кораблей, прибывающих в испанские порты, евреи не допускались в той же степени, что и еретики-лютеране и книги; если на борту обнаруживался еврей, его допрашивали; если он признавался в крещении, его арестовывали, а его имущество конфисковывали; если некрещеный и он не предпринимал попыток высадиться на берег, ему разрешалось отплыть вместе с кораблем. [848] Тем не менее, неутомимая меркантильная энергия евреев и продажность чиновников в ограниченной степени нейтрализовали эти меры предосторожности. В 1656 году судебный процесс в Мурсии над Энрике Перейрой, который проживал в Лукке и был арестован во время торговли в Беасе, показывает, что между португальцами в Испании и их братьями в Италии существовали сношения; испанцы отправлялись морем в Ниццу или куда-либо еще, чтобы пользоваться свободой вероисповедания, в то время как итальянские евреи приезжали в Испанию торговать, несмотря на бдительность инквизиции. [849] Эти тайные попытки, с их опасностями, были лишь заманчивыми для тех, кто с тоской смотрел на заманчивый испанский рынок; лицензии на продажу были гораздо более желанными, и мы видели, что в 1634 году, при Оливаресе, они иногда выдавались. Они были неохотно признаны трибуналами, как в упомянутом выше деле 1645 года. Еще более неудачливым в 1679 году был Сэмюэль де Жакоб, которого бросили в тюрьму, хотя у него была лицензия, и нам говорят, что, хотя те, у кого были лицензии, не могли быть привлечены к ответственности как еретики, все же, если они богохульствовали или высмеивали веру, они могли быть наказаны штрафами, бичеванием или галерами, в зависимости от возникшего скандала, в то время как попытки обратить в свою веру

влекли за собой смертную казнь. [850] В 1689 году были изданы специальные приказы игнорировать соглашение, которое дон Педро Ронкильо по поручению короля заключил с английским евреем, позволив ему высадиться в любом порту Испании. [851]

ИНОСТРАНЦЫ ИСКЛЮЧЕНЫ

Была предпринята такая осторожность, чтобы предотвратить любую опасность загрязнения испанской земли еврейской ногой, что, когда в 1713 году по Утрехтскому мирному договору Гибралтар был передан Англии, это было при условии, что ни евреям, ни маврам не будет разрешено там проживать. [852] Несоблюдение этого со стороны Англии было предметом жалобы, но маловероятно, что многие злоумышленники подвергались опасностям, которые сопровождали попытку иностранного еврея въехать в Испанию. В январе 1697 года Абрахам Родригес, путешествовавший из Франции в Португалию под именем Антонио Маседо, был арестован в Ледесме и предстал перед трибуналом Вальядолида. Два с половиной года спустя его суд все еще продолжался, но, хотя мы не знаем результата, опыт был не таков, чтобы вызывать подражание. [853]

Когда в условиях общего расслабления восемнадцатого века от суровости этих законов молчаливо отказались, неловкие предосторожности сделали пребывание здесь непривлекательным. В 1756 году Абрахам Салусокс, иерусалимский еврей, отправился в Валенсию со львом на продажу. Шкипер доложил о нем, и был назначен знакомый, который сопровождал его днем и ночью, на борту и на берегу, никогда не выпускал его из виду и ни с кем не общался. Граф Альменара купил льва, и Салусоксу разрешили побыть в доме графа несколько дней, пока для зверя не соорудили клетку, после чего он вернулся на корабль. Тому же примеру последовал в 1759 году еврей, прибывший с товарами из Гибралтара; знакомый не отходил от него до тех пор, пока его товары не были проданы и он не уехал, в то время как его книги и бумаги были тщательно изучены, чтобы убедиться, что в них нет ничего предосудительного. Были и другие, пришедшие в 1761 и 1762 годах, с которыми обращались таким же образом. Затем, в 1795 году, через Верховный суд был издан королевский приказ о том, что еврейский подданный бея Марокко приедет в Валенсию и останется там на восемь или десять дней, и его никоим образом не следует беспокоить; следовательно, трибунал не обратил внимания на его приезд и отъезд. [854]

Это были все случаи, которые удалось найти в архивах Валенсии за период с 1645 по 1800 год, и их малочисленность показывает, как редко евреи отваживались на опасности, посещая Испанию. Те, кто пытался сделать это тайно, рисковали быть обнаруженными. В 1781 году Якобо Перейра высадился в Кадисе под вымышленным именем и скрывая свою веру, но его разоблачили, арестовали, и севильский трибунал сразу же начал его судебное преследование. [855] Это правда, что королевский указ от 25 апреля 1786 года разрешал въезд евреям, имеющим разрешение от короля, но они предоставлялись редко и только в особых случаях. Вопрос о большей либеральности возник в 1797 году, когда министр финансов дон Педро де Варела в качестве средства возрождения торговли и промышленности Испании предложил разрешить евреям открывать фабрики в Кадисе и других портах, но Совет министров отклонил этот проект как противоречащий законам. [856] По-видимому, дискуссия продолжилась, и в 1800 году Верховный суд обратился ко всем трибуналам с просьбой представить отчеты об их обращении с евреями, добывающимися приема, и результат появился в королевском указе от 8 июня 1802 года, объявляющем в полной силе все ранее изданные законы и практические

рекомендации и предписывающем строгое исполнение предусмотренных в них наказаний, в то время как любое неисполнение обязательств по кредитованию евреев, добивающихся приема, Должная помощь инквизиции в достижении этой святой цели оказалась под угрозой королевского негодования.

Неразбериха наполеоновских войн предоставила предприимчивым евреям возможности, которые вряд ли можно было упустить из виду, и Фернандо VII счел необходимым 16 августа 1816 года издать указ, возобновляющий и подтверждающий седулу 1802 года. [858] Опубликовать указ было легче, чем привести его в исполнение. Севильский трибунал 12 июня 1819 года представил Верховному Суду свои недоумения, вызванные наплывом евреев в Альхесирасе, Кадисе и Севилье, которые пришли в трибунал с просьбой о крещении. Они были нищими и, вероятно, скрывающимися от правосудия преступниками, но, поскольку иногда среди них мог оказаться тот, чьей целью действительно было спасение, лишить его этого было бы тяжелым бременем для совести, и поэтому трибунал запросил инструкций. [859] Это привело к приказу генерального инквизитора от 10 июля всем трибуналам, настаивающему на строгом исполнении указов 1786 и 1802 годов; за теми евреями, которые получили королевское разрешение, следовало бдительно наблюдать, и, если светские чиновники проявляли недостаток рвения в сотрудничестве, генеральный инквизитор должен был быть уведомлен. [860]

СОВРЕМЕННАЯ ТЕРПИМОСТЬ

В то же время комиссарам во всех портах были разосланы приказы строго соблюдать старые инструкции относительно *визитов в море* и сообщать о текущей практике. Барселона ответила, что визиты совершались только тогда, когда на борту были евреи. Аликанте сообщил, что неиспользование визитов привело к быстрой иммиграции евреев в Мурсию. Картахена заявила, что никаких визитов не производилось, но что, если прибывали подозрительные лица, сотрудники таможни уведомляли комиссара. Кадис и Альхесирас ответили, что санитарный врач уведомил комиссара о прибытии евреев, ренегатов и других запрещенных лиц, когда тот предпринял необходимые шаги, чтобы предотвратить зло. Мотриль сказал, что визиты совершались только тогда, когда на борту был еврей. Сантьяго просто ответил, что у него есть королевские указы 1786 и 1802 годов и недавние инструкции Верховного. [861] Очевидно, что как королевские, так и инквизиторские чиновники уделяли мало внимания соблюдению законов, но правительство было преисполнено решимости добиться исключения евреев, и всем королевским чиновникам был незамедлительно разослан приказ о том, что ни одному еврею не должно быть разрешено ступить на территорию Испании, если у него нет королевского разрешения; если у него оно было, он должен был явиться в полицию. Инквизиции или ее уполномоченному, чтобы о нем можно было составить протокол, и трибуналу было поручено держать его под строгим надзором. Министерство изяществ и юстиции сообщило об этом 31 августа 1819 года Верховной раде, которая, в свою очередь, 6 сентября разослала его всем трибуналам с приказами о его строгом соблюдении. [862]

Инквизиции пришел конец через несколько месяцев после этого, но предрассудки, которые она так много поощряла, отложили исключение из свода законов законов, представляющих яростную нетерпимость прежних времен. В 1848 году нам сказали, что, хотя они и не были обнародованы, они не соблюдались и что евреи могли беспрепятственно путешествовать и

торговать в Испании, [863] но когда в 1854 году Конституционные суды были собраны для разработки новой конституции, и немецкие евреи послали доктора Людвига Филипсона, раввина из Магдебурга, с миссией обеспечить свободный въезд для представителей их расы, его красноречие было бесполезно. Только пятнадцать лет спустя, когда революция, свергнувшая Изабеллу II с трона, потребовала принятия нового органического закона, Конституция 1869 года провозгласила свободу вероисповедания и гарантировала ее всем жителям Испании, и это также было применимо к местным жителям, исповедующим другие религии, кроме католической. Этот принцип был сохранен в Конституции 1876 года, которая запрещала любое вмешательство в религиозные убеждения, но в то же время не допускала публичных церемоний, отличных от католических. [864] Это было замечательное доказательство обращения от древнего заблуждения, когда в 1883 году еврейские беженцы из России, присланные организационными комитетами Германии, были приняты с энтузиазмом, хотя эксперимент закончился катастрофическим провалом. [865] Наследственная антипатия, с которой им пришлось столкнуться, была, однако, все еще активна, как выразил благочестивый францисканец, заявивший, что их приведение было грехом моральной и политической измены, и что они поглотят всю испанскую нацию. [866]

ГЛАВА II.

МОРИСКИ. [867]

Мы видели, что в ходе Отвоевания мавританских территорий их жителям в основном разрешалось оставаться при гарантиях свободного следования своей религии и обычаям. Эти мудехаре, как их называли, составляли наиболее полезную часть населения благодаря своей трудолюбивости и мастерству в области искусств и ремесел. Когда в 1368 году Шарль ле Мове из Наварры предоставил мудехарам Туделы освобождение от уплаты половины налогов на три года в награду за их помощь во время его войн, особенно в фортификации и инженерном деле, это показывает, что раса-победитель зависела от них не только в ручном труде, но и в высших отраслях прикладных знаний. [868] Как правило, они были верны в мирное время и на войне, в течение долгих веков внутренних раздоров между христианами и борьбы со своими единоверцами.

Именно против евреев была направлена растущая нетерпимость пятнадцатого века, и в произошедших массовых убийствах, по-видимому, не было проявлений враждебности по отношению к мудехарам. Когда Альфонсо де Борха, архиепископ Валенсии (впоследствии Каликст III), поддержанный кардиналом Хуаном де Торквемадой, призвал Хуана II Арагонского к их изгнанию, хотя тот и назначил срок для их изгнания, он пересмотрел этот вопрос и оставил их в покое. [869] Итак, когда в 1480 году Изабелла приказала изгнать из Андалусии всех евреев, отказавшихся от крещения, и когда в 1486 году Фердинанд сделал то же самое в Арагоне, они оба уважали старые капитуляции и оставили Мудехаресов в покое. [870] При завоевании Гранады проводилась освященная временем политика, и ничто не могло быть более либеральным, чем условия, на которые согласились сдавшиеся города и районы. Окончательной капитуляцией Гранады стало торжественное соглашение, подписанное 25 ноября 1491 года, по которому Фердинанд и Изабелла за себя, за своего сына инфанта Хуана и за всех своих преемников получили мавров всех мест, которые должны были вступить в

соглашение, в качестве вассалов и естественных подданных, находящихся под королевской защитой, и как таковых заслуживающих почета и уважения. Религия, собственность, свобода торговли, законы и обычаи - все это было гарантировано, и даже отступники от христианства среди них не подлежали жестокому обращению, в то время как христианки, выходящие замуж за мавров, были свободны выбирать свою религию. В течение трех лет те, кто желал эмигрировать, должны были быть перевезены в Берберию за королевский счет, а беженцам в Берберии было разрешено вернуться. Когда после заключения этого соглашения мавры с вполне естественным недоверием захотели дополнительных гарантий, монархи сделали торжественное заявление, в котором они поклялись Богом, что все мавры должны иметь полную свободу работать на своих землях или ездить по королевствам, куда они пожелают, и поддерживать свои мечети и религиозные обряды, как и прежде, в то время как те, кто желает эмигрировать в Берберию, могут продать свое имущество и уехать. [871] Это была мудрая традиционная политика включения покоренного населения в состав государства наравне с другими подданными и доверия времени, чтобы объединить их всех в общую массу, придерживающуюся одной веры и присягающую одной стране.

ОБРАЩЕНИЕ ГРАНАДЫ

То ли недоверие к доброй вере христиан побудило их, то ли естественное желание покинуть место своего поражения, но значительная часть гранадских мавров, включая большинство знати, быстро воспользовалась правом эмиграции. Еще до истечения 1492 года государям было доложено, что абенсерраги ушли почти целиком и что в Альпухаррасе мало кто остался, кроме рабочих и чиновников. Эмиграция продолжалась, и в 1498 году письмо Фердинанда указывает на то, что он был склонен стимулировать ее. [872] Хотя могли быть веские причины для уменьшения численности недавно побежденных, которые предположительно могли лелеять надежды на независимость и не забыли горечь безуспешной борьбы, это сопровождалось готовностью увеличить число мудехаресов, которые приспособились к ситуации и которые считались во всех отношениях желанным элементом в сообществе. Когда Мануэль португальский изгнал мавров, отказавшихся от крещения, Фердинанд и Изабелла приветствовали их в Испании. 20 апреля 1497 года были изданы королевские грамоты, разрешающие им въезд со всем их имуществом либо для поселения, либо транзитом в другие страны; они были взяты под королевскую защиту, и любое приставание к ним было запрещено. [873] По крайней мере, до этого времени не признавалась политическая необходимость единства веры, что впоследствии служило оправданием жестокой нетерпимости и неразумной государственной мудрости.

Однако государственные деятели того времени, если и не были еще готовы рассматривать единство веры как политическую необходимость, то считали это политически выгодным, в то время как благочестивое рвение неизбежно стремилось к спасению множества душ, таким образом попавших под власть христиан. “Третий король Испании” Гонсалес де Мендоса, кардинал-архиепископ Толедо, и другие придворные прелаты убеждали монархов, что благодарность Богу требует от них предоставить своим новым подданным альтернативу крещения или изгнания. Фердинанд и Изабелла, однако, остались глухи к этому совету, либо не желая нарушать веру, столь недавно данную, либо провоцировать новую войну; работа по обращению уже была начата с хорошими перспективами успеха, и ее можно было смело оставить на время. [874] Духовник Изабеллы, святой Эрнандо де Талавера, был назначен архиепископом Гранады; он посвящал свои доходы и неустанные труды миссионерской работе,

насаждая христианство примером, более действенным, чем наставления. Он облегчал страдания, он проповедовал и учил всех, кто хотел его слушать; он требовал, чтобы его помощники выучили арабский, и сам овладел им. Он завоевал множество обращенных, и была лестная перспектива, что его апостольские методы приведут в лоно церкви массу населения.

[875]

ОБРАЩЕНИЕ ГРАНАДЫ

Однако процесс шел слишком медленно из-за нетерпения, которое требовало немедленных результатов. Фердинанд и Изабелла находились в Гранаде с июля по ноябрь 1499 года и призвали Хименеса на помощь Талавере. Его необычайная энергия и властный нрав вскоре дали о себе знать; щедрыми подарками он завоевал расположение главных мавров; он провел совещания с альфаку, которых убедил наставлять их народ, и, как говорят, 18 декабря три тысячи человек приняли крещение, а мечеть Альбайсина, или мавританского квартала, была освящена как церковь Сан-Сальвадора. Наиболее строгие мусульмане встревожились и попытались остановить движение убеждением, после чего Хименес заковал их в цепи; он призвал альфакиес сдать все свои религиозные книги, пять тысяч из которых — многие из них были бесценными образцами искусства — были публично сожжены. Ситуация становилась напряженной; мавры проявляли беспокойство из-за пренебрежения их гарантиями, а Хименес становился все более и более импульсивным. Разрыв в этих условиях был неизбежен, и Хименес вскоре осуществил его. Христианские ренегаты, известные как *эльчи*, были защищены капитуляциями, но он утверждал, что это не распространялось на их детей, которые, если и не были крещены, то должны были быть крещены и которые, таким образом, подлежали инквизиции. От генерального инквизитора Дезы он получил делегацию полномочий для борьбы с ними и использовал это для их ареста. Случилось так, что юная дочь арестованного таким образом ренегата, когда ее волокли по площади Биб-эль-Бонута, закричала, что ее насильно крестят в нарушение капитуляций. Собралась толпа, и вскоре разговор перешел к драке; альгвасил был убит булыжником, а его товарищ спасся только благодаря мавританке, которая увела его и спрятала под кроватью. Волнение усилилось; мавры схватились за оружие, вступили в стычку с христианами и осадили Хименеса в его доме. У него была охрана из двухсот человек, которые защищали это место до утра, когда капитан-генерал Тендилья спустился из Альгамбры с войсками и разогнал толпу. В течение десяти дней Талавера, Хименес и Тендилья вели переговоры с маврами, которые настаивали на том, что они восстали не против монархов, а в защиту королевской веры; что официальные лица нарушили капитуляции, соблюдение которых восстановило бы мир. Затем Талавера со своим капелланом и несколькими безоружными слугами отправился на площадь Биб-эль-Бонут, где мавры, как в старину, целовали подол его одежды. Тендилья последовал за ними и пообещал прощение, если они сложат оружие, поскольку следует понимать, что они не бунтовали, а лишь стремились сохранить капитуляции, которые должны строго соблюдаться в будущем. В городе воцарилось спокойствие; те, кто убил альгвасила, были сданы, и четверо из них были повешены; мавры побросали оружие и вернулись к работе.

При таком населении для достижения желаемого результата требовались только доброта и справедливое обращение, но непреклонный нрав Хименеса пробудился, и он был полон решимости добиться своей цели силой. Слухи о беспорядках сильно встревожили севильский двор, и Хименеса жестоко упрекнули, но он поспешил туда, изложил свою версию событий и указал, что мавры поплатились жизнью и имуществом в результате мятежа, так что

помилование должно быть обусловлено принятием крещения или изгнанием. С фатальной легкостью были приняты его доводы; обещания Тендильи были проигнорированы; капитуляции были отменены; маврам предстояло показать, как мало следует полагаться на христианскую веру; недоверие и ненависть должны были стать неискоренимыми, и им должна была быть навязана религия, которая не могла не быть отвратительной, как видимый признак их подчинения. Этот ложный шаг привел к неизлечимой беде, которая ослабила Испанию до такой степени, что государственные деятели не смогли придумать никакого средства, кроме прискорбного изгнания наиболее полезной и работоспособной части ее населения. Недаром восхищенный биограф Хименеса признает, что его нрав был настолько властным, что иногда он действовал скорее из ярости, чем из благоразумия, как это было видно при обращении гранадских мавров и при попытке завоевать Африку. [876]

Он вернулся в Гранаду, вооруженный всеми полномочиями, и предложил народу альтернативу крещения или наказания, в то время как королевский судья, посланный с этой целью, усилил их опасения, казнив или заключив в тюрьму наиболее активных участников беспорядков. Выбор был сделан с готовностью, и они тысячами приходили к спасительным водам крещения. Обучение новой вере было невозможно, да и не требовалось. Когда они попросили сделать это на их родном языке, а у Талаверы были службы и части Евангелий, напечатанные на арабском, Хименес возразил; по его словам, это было бы метанием жемчуга перед свиньями; в природе простолудинов презирать то, что они могли понять, и благоговеть перед тем, что было таинственным и за пределами их понимания. Его мало заботило искреннее обращение, пока он мог обеспечить внешнее соответствие. Число людей, таким образом грубо обращенных в веру в городе и на Веге, оценивалось от пятидесяти до семидесяти тысяч, и процесс их обращения мог привести только к неугасимой ненависти к религии, навязанной им таким образом. [877]

Хотя во время этой насильственной миссионерской работы не произошло никаких вспышек, недовольство, которое она вызвала, было угрожающим, и Фердинанд вернулся в Гранаду, где не скрывал своего недовольства неосмотрительным рвением Хименеса, особенно потому, что это мешало его планам в отношении Неаполя. Их пришлось отложить, чтобы встретить неминуемую опасность дома, поскольку, хотя эмиграция была большой, многие нашли убежище в Альпухаррах и подстрекали горцев к восстанию. В ответ на это он написал 27 января 1500 года лидирующим маврам, заверив их, что все сообщения о том, что они будут обращены в христианство силой, были ложными, и поклялся королевской верой, что не будет совершено ни одного обязательного крещения. Чтобы примирить тех, кто был крещен, и привлечь других, он издал 27 февраля всеобщее прощение всем новым христианам за преступления, совершенные до крещения, и отказался от своих требований о конфискации. [878] Тем временем он был занят формированием армии такой численности, как будто завоевание должно было повториться, и с этим он был занят в течение оставшейся части года подавлением восстаний, которые вспыхивали в одном месте за другим, дополняя военные операции отправкой монахов через горы для обучения новообращенных. Резня и крещение шли рука об руку, пока альпухарры не были усмирены и армия не была распущена 14 января 1501 года. [879]

ОБРАЩЕНИЕ ГРАНАДЫ

Затем начались беспорядки в западных районах Ронды и Сьерра-Бермехи, где восставали альпинисты, опасаясь насильственного обращения. Была сформирована еще одна армия,

которая потерпела тяжелое поражение при Каладуи. Это привело к паузе, во время которой повстанцы попросили разрешить им эмигрировать. Фердинанд заключил с ними жесткую сделку, потребовав десять добл в качестве платы за проезд и потребовав от тех, кто не мог заплатить эту сумму, остаться и принять крещение. Крещеным жителям низменностей, ушедшим в горы, было разрешено вернуться домой, сдав свое оружие и подвергнувшись конфискации. Большое количество бежало в Африку, но еще больше осталось проклинать навязанную им таким образом веру. Этим Новым христианами, как мы видели, экспатриация была запрещена. Крещение накладывало неизгладимый характер, а присоединение к Церкви подчиняло их юрисдикции, от которой невозможно было избавиться.

Было жизненно важно, чтобы эти Новые христиане смешались с остальным населением с теми же правами и привилегиями, чтобы со временем они могли образовать довольное целое, но этому не суждено было сбыться. Одна ошибка всегда порождает другую. Пренебрежение договорами и насильственные методы обращения неизбежно делали их объектами подозрений, и эдикт от 1 сентября 1501 года запрещал новообращенным носить оружие, публично или тайно, под страхом конфискации и двухмесячного тюремного заключения за первое преступление и смертной казни за второе — эдикт, который был повторен в 1511 и снова в 1515 годах. [880] Это было не только горьким унижением, но и серьезным причинением вреда в то время, когда оружие было необходимостью для самозащиты. Однако существовало еще одно различие между классами, благоприятствующее новым христианам, поскольку было предусмотрено, что в течение сорока лет они не должны подвергаться инквизиции, чтобы у них было достаточно времени для приобретения знаний о своей новой вере. [881] Однако, как и все другие обещания, это было сделано только для того, чтобы быть нарушенным. Таким образом, менее чем через десять лет после капитуляции мавры Гранады оказались христианами вопреки столь торжественно данным обещаниям. Такое начало могло бы иметь только один результат, и мы увидим его результат.

В качестве смягчения этой насильственной пропаганды можно было бы кое-что сказать о том, что она была непреднамеренной и была вызвана турбулентностью урегулирования между враждебными расами и религиями, и что тем, кто отвергал обращение, было позволено уехать. Всего этого не хватало для следующего шага на пути к укреплению единства веры. Мы видели, что мудехаре Кастилии были лояльными и довольными подданными, живущими в соответствии с многовековыми договорами, которые гарантировали им полное соблюдение их религии и законов. Нарушать это и обращать их путем вопиющего нарушения веры в заговор внутренних врагов, даже без веского предлога, казалось бы актом безумия. И все же именно к этому принудили Изабеллу под влиянием ее призрачных советников, среди которых Хименеса, вероятно, можно считать самым влиятельным. Добиваясь обращения Гранады, он мало заботился о чем, кроме внешнего соответствия, и это могло быть обеспечено среди разрозненных и мирных мудехарцев, без риска, связанного с покушением средигорцев Альпухаррас, в то время как впоследствии на инквизицию можно было положиться в том, что могло отсутствовать в религиозных убеждениях. Бог больше не должен был оскорбляться неверующими обрядами в Испании, и земля не могла не быть благословлена, когда таким образом объединилась в истинной вере. Мы можем предположить, что именно такие рассуждения привели Изабеллу к столь катастрофическим мерам. О том, что практический смысл Фердинанда не одобрял этого, можно заключить из того факта, что, когда он говорил о подобных действиях в Арагоне, он с готовностью уступил увещеваниям своей знати.

Сначала было применено убеждение, подкрепленное угрозами. Королевским чиновникам были разосланы инструкции о том, что мудехаре должны принять христианство, и, когда коррехидор Кордовы ответил, что потребуется сила, монархи ответили 27 сентября 1501 года, что это недопустимо, поскольку это их возмутит; им следовало сказать, что это для блага их душ и служения королю и королеве, и, если этого окажется недостаточно, им можно сообщить, что им придется покинуть королевство, поскольку было решено, что неверных здесь не должно остаться. [882] Но прошло четыре года с тех пор, как маврам-беженцам из Португалии было предложено поселиться в Кастилии, и это внезапное изменение политики показывает, какое влияние оказали на Изабеллу за этот короткий промежуток времени.

ОБРАЩЕНИЕ В ВЕРУ В КАСТИЛИИ

Эта предварительная мера, по-видимому, увенчалась столь незначительным успехом, что более строгие методы были признаны необходимыми, и 12 февраля 1502 года была выпущена *pragmática*, искусно оформленная, чтобы придать ожидаемому обращению хотя бы видимость добровольного действия. В нем говорилось о скандале, вызванном разрешением неверным остаться после обращения Гранады; о благодарности Богу, которая должным образом проявилась бы в изгнании его врагов, и о защите новых христиан от скверны. Поэтому всем маврам было приказано покинуть королевства Леон и Кастилия к концу апреля, бросив своих детей, мужчин моложе четырнадцати и женщин моложе двенадцати лет, которые должны были быть задержаны. Изгнанникам разрешалось брать с собой свое имущество, за исключением золота, серебра и других запрещенных предметов. Ничего не было сказано об альтернативе крещения, но условия выезда сделали эмиграцию настолько трудной, что было самоочевидно, что не было намерения терять столь ценную часть населения. Под страхом смертной казни и конфискации изгнанники должны были отплывать только из портов Бискайи; им не разрешалось отправляться в Наварру или королевства Арагон; поскольку шла война с турками и маврами Африки, им не разрешалось искать убежища ни у тех, ни у других, но им сказали, что они могут отправиться в Египет или в любую другую страну, которую они выберут. Они никогда не должны были возвращаться, и мавры никогда не должны были допускаться в кастильские королевства под страхом смертной казни и конфискации, и любому, кто укрывал их после апреля, грозила конфискация. Одно исключение было сделано в пользу хозяев мавританских рабов, которые не были лишены их, но их должно было отличать постоянное ношение оков. [883]

Добровольный характер последовавшего обращения проявляется в том факте, что когда ревностные мусульмане, несмотря на почти непреодолимые препятствия, предпочли подвергнуться опасностям эмиграции, им не разрешили этого сделать, но заставили стать христианами. [884] В течение разрешенного короткого промежутка времени имело место некоторое подобие проповеди и наставлений, и по мере того, как оно приближалось к концу, мудехарцы массово крестились. В сообщении из Авилы, адресованном государям, от 24 апреля говорится, что вся альджама, состоящая из двух тысяч душ, будет обращена, и никто не уйдет. [885] В Бадахосе нам говорят, что епископ Альфонсо де Манрике — будущий генеральный инквизитор -покорил их добротой, так что все они были крещены и взяли его имя Манрике. [886] Таким образом, по крайней мере внешне, королевства кастильской короны пользовались единством веры, но это не сопровождалось желаемой ассимиляцией населения. Новообращенные продолжали образовывать отдельный класс и стали известны под характерным именем Морискос.

Номинальное христианство, таким образом навязанное тем, кто воспитан на догматах ислама, было только началом задачи, взятой на себя государством. Оставалась более трудная работа по превращению их в истинных христиан, если нужно было добиться преимущества от объединения несогласованных рас в однородное сообщество, которое одно могло оправдать принятые насильственные меры. Единство веры, которое было идеалом в то время как для церковников, так и для государственных деятелей, означает нечто большее, чем просто внешнее соответствие; это означает, что все должны образовать единую нацию, воодушевленную одинаковыми стремлениями и надеждами здесь и в будущем, и сознательно разделяющую общую веру. В такой стране, как Испания, населенной различными расами, эта цель стоила многих жертв; если ее невозможно было достичь, принудительное крещение могущественного меньшинства только усиливало расхождения и увековечивало раздоры.

ОТСУТСТВИЕ ИНСТРУКЦИЙ

Достижение желаемого результата путем применения силы через инквизицию не могло не усилить отвращения к религии, которая, хотя и исповедовала всеобщую любовь и милосердие, была известна только как оправдание угнетения и жестокости. И все же единственной альтернативой был медленный и кропотливый процесс снятия уже возникших предрассудков и завоевания невольного новообращенного мягкостью и убеждением, добрым наставлением и демонстрацией того, что истины христианства - это не просто теологические абстракции, не имеющие силы в практической жизни. Мы видели воплощение этих двух методов в Хименесе и Талавере, и фатальной ошибкой тех, кто вершил судьбы Испании, было то, что у них не хватило терпения и самоотречения решительно следовать последнему. Запинаясь и судорожно, они пытались сделать это, проявляя упорство, достаточное лишь для того, чтобы поставить себя в неловкое положение и лишиться оправдания одновременное применение более легкого процесса принуждения. По той или иной причине, как мы еще увидим, периодические и неэффективные попытки убедить с треском проваливались, в то время как постоянное раздражение из-за преследования неизбежно приводило к хроническому раздражению.

Прошло пять лет с момента принудительного крещения, которому, согласно предписаниям церкви, должно было предшествовать компетентное понимание тайн веры, когда Хименес в 1507 году получил звание генерального инквизитора. Одним из первых его действий было обращение ко всем церквям, предписывающее поведение в религиозных вопросах новых христиан и их детей, включая регулярное посещение мессы, обучение основам веры и избегание иудейских и магометанских обрядов. [887] Предположительно, это мало чего дало, и в 1510 году Фердинанд обратился ко всем своим прелатам, указав на пренебрежение конверсов христианскими обрядами и приказав епископам обеспечить их присутствие на мессе и обеспечить их обучение вопросам, которым приходские священники должны уделять особое внимание. [888] Севильский собор в 1512 году отреагировал на это, обратив внимание на количество новообращенных, которые остро нуждались в религиозном наставлении. Прелатам, ответственным за спасение душ, было приказано направить для этой цели ученых людей, которые должны были специально исследовать их образ жизни и совершение ими грехов, относящихся к их старой вере. Всем приходским священникам было приказано составлять списки обращенных и следить за тем, чтобы они соответствовали предписаниям церкви, и были составлены специальные списки тех, кто был примирен инквизицией, с приказом посещать мессу по воскресеньям и праздничным дням, чтобы привести приговоры в исполнение. [889] Из того, что мы знаем о провале последующих мер такого рода, мы можем с уверенностью

предположить, что они привлекли мало внимания со стороны тех, кто был бы вынужден тратить деньги и труд на их выполнение.

Одновременно со своими письмами от 1510 года Фердинанд обратился к Юлию II, заявив, что с 1492 года было обращено много евреев и мавров, которые из-за недостаточного обучения были склонны к совершению многих еретических преступлений; он приказал их проинструктировать, но было бы бесчеловечно посещать их со всей строгостью канонов, и поэтому он попросил факультеты опубликовать Указ о помиловании, согласно которому поступающие могли быть приняты без конфискации и публичного отречения, чтобы в случае рецидива они могли избежать послаблений. [890] Условия, приложенные к эдиктам Милосердия, настолько снизили их эффективность, что это имеет значение только как указание на то, что Фердинанд, как мы увидим в другом месте, был скорее склонен сдерживать инквизиторский пыл в преследовании Морисков, но он искупил это на смертном одре пунктом в своем завещании, предписывающем его внуку Карлу назначить инквизиторов, ревностно стремящихся уничтожить секту Магомета. [891] Это было излишним, поскольку по мере сокращения числа иудействующих их место заняли мориски, а инквизиции требовалось обуздание, а не стимулирование. То, что Чарльз признавал это, видно из различных Милостивых эдиктов, изданных в их пользу для определенных округов между 1518 и 1521 годами, эдиктов, которые освобождали их от конфискации и санбенито, но не защищали от рецидива или освобождали от доноса на сообщников. [892]

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

От таких мер можно было ожидать небольшого практического облегчения, но, по крайней мере, они свидетельствуют об убежденности правителей в том, что было несправедливо и невежливо обращаться со строгостью канонов с теми, кто был насильно принят в Церковь и не получил духовного наставления. Тем не менее, каноническое право было положительным фактом; для его обеспечения был создан сложный механизм, без соответствующей организации, которая сделала бы новую религию привлекательной, а не одиозной, и была создана ситуация, из которой не существовало радикального решения. Единственным ресурсом было смягчение последствий, и это было предпринято, хотя принятая неустойчивая политика только усилила зло в будущем. Во исполнение этого кардинал Адриан 5 августа 1521 года издал приказ о том, что никакие аресты не должны производиться, кроме как на основании доказательств, прямо свидетельствующих о ереси, и даже тогда они должны быть сначала представлены Верховному суду. Это, по-видимому, вызвало столь слабое послушание, что архиепископ Манрике 28 апреля 1524 года повторил это в более решительной манере. Он рассказал об обращении морисков Фердинандом и Изабеллой, которые пообещали им милости и свободы, во исполнение чего кардинал Адриан издал множество постановлений в их пользу, приказав трибуналам не преследовать их по пустяковым поводам, а в случае ареста таковых они должны быть освобождены от должности и им должно быть возвращено их имущество. Несмотря на это, инквизиторы продолжали арестовывать их по тривиальным обвинениям и на основании показаний единственных свидетелей. Поскольку они были невежественными людьми, которые не могли легко доказать свою невиновность, эти аресты сильно шокировали их, и они подали прошение об освобождении, поэтому Верховный Суд приказал инквизиторам не арестовывать их без убедительных доказательств ереси, а когда возникали сомнения, с ними следовало консультироваться. Все, кто был задержан за дела, не являющиеся явно еретическими,

подлежали немедленному правосудию, смягченному таким милосердием, какое только позволяла совесть. [893]

Насколько полностью игнорировались эти инструкции, видно из судебных процессов над морисками, где, как и в случае с иудействующими, любого соблюдения обычаев, которые на протяжении поколений были частью повседневной жизни, было достаточно для ареста и судебного преследования. Это было не просто соблюдение поста в Рамадан, практика обрезания, Гвадок или омовение, сопровождаемое ритуалом, или Таор, другой вид омовения, используемый перед Залой, или определенные молитвы, произносимые с лицом, обращенным к Востоку, на восходе, в полдень, на закате и ночью. Это были четко определенные религиозные церемонии, не допускающие объяснения, но существовало множество других, невинных сами по себе, которые предполагали подозрение в ереси, а подозрение само по себе было преступлением. При умелом управлении, включая свободное применение пыток, арест за эти простые действия мог привести к дальнейшим признаниям, и эту возможность нельзя было упускать. Воздержания от свинины и вина было вполне достаточно для оправдания судебного преследования, и мы слышим о случаях, когда окрашивание ногтей хной, отказ от употребления в пищу животных, умерщвленных естественной смертью, умерщвление домашней птицы путем обезглавливания, *замбры* и *лейлы*, песни и танцы, используемые на весельях и свадьбах, и даже чистоплотность серьезно приводились в качестве доказательств отступничества. [894]

В соответствии с этой политикой были составлены подробные списки всех мавританских обычаев для руководства инквизиторами; выдержки из них были включены в Эдикты веры, где каждый, кто видел или слышал о таких вещах, должен был под страхом отлучения от церкви донести на них; мориски подвергались постоянному шпионажу, и любое неосторожное высказывание, которое могло быть истолковано как указание на еретические наклонности, подлежало донесению и могло привести к аресту и вероятному наказанию. Это правда, что, судя по этим скудным признакам, инквизиционный процесс часто приводил к полному признанию, но это не делало положение мориско менее невыносимым, а стеснение и тревога в значительной степени способствовали усилению его отвращения к религии, которую он знал только как причину преследований. Епископ Перес Сегорбский в 1595 году, перечисляя пятнадцать препятствий на пути обращения морисков, включил в них их страх перед инквизицией и ее наказаниями, которые заставили их возненавидеть христианство. [895] Во всяком случае, это обеспечивало внешнее соответствие, по крайней мере в Кастилии, где они постепенно ассимилировались со старыми христианами; они давно отказались от своей национальной одежды и языка; они усердно посещали мессу и вечерню, исповедь и таинство алтаря; они участвовали в процессиях и погребениях и обычно считались христианами, каковы бы ни были тайны их сердец. [896]

ГРАНАДА

Несомненно, со временем многие были привлечены на свою сторону и искренне привязались к своей новой вере, но время от времени на свет появлялись небольшие общины отступников. Так, в 1538 году Хуан Яньес, инквизитор Толедо, пригласил Даймиэля посетить его. Здесь проживало население мориско, которое было крещено в 1502 году, и, по-видимому, на него так долго не обращали внимания, что оно стало несколько беспечным. Одна женщина сообщила Яньесу, что прожила с Морисками двенадцать лет и заметила, что они не употребляют свинину или вино, ссылаясь на то, что эти блюда им не нравятся. Этого было достаточно, чтобы начать

расследование, которое настолько переполняло секретную тюрьму, что мы слышим о девяти женщинах, запертых в одной камере, и о том, что зал инквизиции использовался в качестве места заключения. Однако эта энергичная работа не искоренила зло, поскольку в 1597 году трибунал Толедо был занят еретиками из Даймиэля. [897] Более шокирующим был случай, в котором фигурировала Мария Паес, дочь Диего Паеса Лимпати из Альмагро, поскольку она обвинила всех своих родственников и друзей. Ее отец был сожжен в 1606 году как нераскаявшийся негативист; ее мать, которая призналась, была примирена и заключена в тюрьму, и всего пострадали двадцать пять морисков из Альмагро, из которых четверо были освобождены. В документах Толедо за период с 1575 по 1610 год насчитывается сто девяносто дел морисков против ста семидесяти четырех иудействующих и сорока семи протестантов, что показывает, что, несмотря на приток португальцев, мориски были самыми многочисленными еретиками, с которыми приходилось иметь дело трибуналу. [898] Старые Мудехаре Кастилии переживали тяжелые времена, но впереди их ждало еще худшее.

Гранада представляла собой более сложную и опасную проблему, требующую самой проникательной государственной мудрости, чтобы согласовать политическую безопасность с требованием единства веры, однако к этой деликатной ситуации относились с грубым пренебрежением здравым смыслом, характерным для Филиппа II. Население почти полностью состояло из мориско, а местность была суровой и гористой, предлагая множество убежищ для отчаявшихся. Так называемое обращение 1501 года не привело к изменению их веры. Они были трудолюбивы, нравственны, честны в своих поступках и милосердны к своим беднякам, но в душе они были мусульманами; если они ходили к мессе, то только для того, чтобы избежать штрафа; если они крестили своих детей, то сразу же смывали миро и делали обрезание мужчинам; если они исповедовались во время Великого поста, то только для того, чтобы получить свидетельство; если они выучили церковные молитвы, то только для того, чтобы жениться, после чего о них забывали со всей возможной скоростью. Им было обещано сорокалетнее освобождение от инквизиции, но они были недовольны злоупотреблениями судебной алчности и наглым господством чиновников, светских и церковных. [899]

В 1526 году Карл V был в Гранаде, где от имени морисков, трех потомков старых мавританских королей, Фернандо Винегаса, Мигеля де Арагона и Диего Лопеса Бенексары, обратился к нему за защитой от жестокого обращения со стороны священников, судей, альгуасилей и других должностных лиц, после чего он назначил комиссию для расследования и отчета. Брат Антонио де Гевара, вскоре ставший епископом Гуадикса, был одним из уполномоченных, и в письме другу он описывает мориско как предлагавших так много, что требовало исправления, что это лучше было делать тайно, а не путем публичного наказания; их так плохо учили, а магистраты так закрывали глаза на их ошибки, что исправления этого в будущем было бы достаточно, не нарушая прошлого. [900] Это показывает дух, с которым комиссия выполняла свою работу; обвиняемые священники и чиновники поменялись ролями со своими обвинителями, которые теперь были подсудимыми. Отчет комиссии подтвердил жалобы на жестокое обращение, но заявил, что среди морисков было не более семи истинных христиан. Это было передано хунте под председательством генерального инквизитора Манрике, и результатом стал эдикт, известный как указ 1526 года. Оно не давало облегчения от угнетения, но занималось отступничеством морисков, которое стремилось излечить, не наставляя их, а делая их положение еще более невыносимым. В нарушение обещаний инквизиция Хаэна была

переведена в Гранаду. Была объявлена амнистия за прошлые преступления, и для тех, кто признавался добровольно, был предусмотрен льготный срок, после чего законы против ереси должны были строго соблюдаться, хотя в течение нескольких лет штрафы заменялись конфискацией, и было предоставлено время, в течение которого кающиеся могли их заработать. [901]

ГРАНАДА

Это было дополнено серией самых досадных постановлений, запрещающих использование арабской и мавританской одежды и бань; христианские акушерки должны были присутствовать при всех родах; разоружение обеспечивалось строгой проверкой лицензий; двери морисков должны были оставаться открытыми по праздникам, пятницам, субботам и во время свадеб, чтобы предотвратить использование мавританских церемоний; в Гранаде, Гвадиксе и Альмерии должны были быть открыты школы для обучения детей кастильскому языку: мавританские имена не должны были использоваться, и мориски не должны были хранить свои имена. *гачи* или некрещенные мавры, свободные или рабыни. [902] Это, естественно, вызвало большое волнение; мориски созвали общее собрание и собрали восемьдесят тысяч дукатов, которые должны были быть предложены Карлу за отмену эдикта. Его советники, несомненно, были умиловлены, и, прежде чем покинуть Гранаду, он приостановил ее действие на время своего удовольствия и разрешил носить меч и кинжал в городах, а копье - на открытой местности. Примерно к этому периоду, вероятно, относится специальный налог, известный как *фарда*, в соответствии с которым было разрешено использование мавританской одежды и языка, и в 1563 году, как мы случайно узнали, он составлял двадцать тысяч дукатов в год. [903]

Кажется, что какое-то время инквизиция мало беспокоила морисков, поскольку на ее первом всеобщем слушании, состоявшемся в 1529 году, из восьмидесяти девяти преступников, в то время как за иудаизм было семьдесят восемь, за магометанство было всего трое, и один из них был изображен. [904] Тем не менее, это вызвало беспокойство, и в 1532 году генерал-капитан Мондехар предложил Шарлю приостановить его действие, поскольку оно ничего не сделало и не могло найти ничего против морисков. Это было прискорбно, поскольку побудило трибунал к большей активности против них, что привело к многочисленным предложениям с их стороны Карлу, а после его отречения - Филиппу II о щедрых выплатах в качестве помощи. Потребности Карла побудили его прислушаться к этим предложениям, но инквизиции удалось предотвратить их успех, в то время как Филипп, конечно, остался глух к ним. Даже генеральный инквизитор Вальдес в 1558 году, во время своей немилости при дворе, похоже, приложил руку к этим переговорам, поскольку мы находим, что он обещал *субсидию* в размере ста тысяч дукатов от гранадских морисков. [905]

Состояние семьи Мориско неуклонно ухудшалось, и ситуация в Гранаде становилась опасно взрывоопасной. Инквизиция была активнее, чем когда-либо; все старые притеснения со стороны священников и судебных чиновников продолжались бесконтрольно, и новым источником сильного раздражения стало постепенное разграбление их земель "межевными судьями", которые от имени короля лишали их собственности, унаследованной или купленной — короче говоря, они были *благородными долгожителями и фабрикантами*- лишенными друзей и беззащитными. [906] Затем, в 1563 году, был восстановлен старый приказ о представлении генерал-капитану всех лицензий на ношение оружия под страхом наказания в виде шести лет галер. [907] В 1565 году был создан новый источник проблем из-за

распространения королевской юрисдикции на земли знати, в которых многие мориски, совершившие в прошлые годы преступления, попросили убежища. Стремясь к гонорарам, нотариусы и судьи просматривали записи и производили аресты, пока не осталось почти ни одного мориско, который не жил бы в ежедневном страхе. Многие ушли в горы, присоединившись к бандам *монфиес*, или разбойников, и совершали бесчинства, в то время как меры, принятые для их подавления, только усилили беспорядки. [908]

Положение Гранады требовало твердости и примирения, но при дворе Филиппа возобладало страстное увлечение, и был использован случай, чтобы невыносимо обострить раздражение. Герреро, архиепископ Гранады, возвращаясь из Трента в 1563 году, задержался в Риме, где посетовал Пию IV, что его паства христианская только по названию. Пий отправил через него срочное послание Филиппу, подкрепленное приказами своему нунцию, епископу Россано, на тот же счет. Герреро, вернувшись домой, собрал провинциальный совет в 1565 году, на котором он попытался обуздать притеснение морисков церковью, но его капитул обжаловал постановления собора, и усилия оказались тщетными. Ему удалось добиться большего успеха в том, чтобы склонить епископов присоединиться к убеждению короля принять меры, чтобы помешать морискам скрывать свое отступничество, и он написал Филиппу, умоляя его очистить страну от этой грязной секты; по его словам, можно легко найти настоящих христиан, запретив то, благодаря чему их обряды скрывались от посторонних глаз. [909]

ГРАНАДА

Филипп отнес мемориал Герреро к хунте под председательством Диего де Эспиносы, недавно ставшего президентом Кастилии и вскоре ставшего генеральным инквизитором. В нем сообщалось, что, предполагая, что мориски являются христианами по крещению, они должны быть вынуждены быть таковыми на самом деле, для чего от них необходимо потребовать отказаться от языка, одежды и обычаев мавров, восстановив эдикт 1526 года, и это было торжественно возложено на королевскую совесть. Вслед за этим Филипп конфиденциально проконсультировался с доктором Отадуи, профессором теологии в Саламанке, а вскоре ставшим епископом Авилы, который в своем ответе сказал королю, что, если кто—либо из сеньоров морисков процитирует старую кастильскую пословицу “Чем больше мавров, тем больше прибыли”, ему следует вспомнить более старую и верную пословицу “Чем меньше врагов, тем лучше” и объединить их в “Чем больше мертвых мавров, тем лучше, потому что врагов будет меньше” - совет, который, как нам сказали, очень понравился монарху, вместо того, чтобы о том, чтобы открыть ему глаза на политику, которая превращала его подданных во врагов. [910]

Была быстро оформлена прагматика, воплотившая в себе самые раздражающие черты эдикта 1526 года, и Педро де Деза, член Верховного суда и хунты Эспиносы, был назначен президентом канцелярии Гранады и отправлен туда 4 мая 1566 года с приказом опубликовать и привести его в исполнение, не слушая возражений. То, что генерал-капитан Мондехар, хотя и находился при дворе, даже не был проинформирован об этой мере, иллюстрирует метод правления Филиппа, пока ему через Эспинозу не был передан приказ вернуться в Гранаду и присутствовать при публикации. Он был капитан-генералом по наследству, будучи внуком Тендильи, помещенного туда во время конкисты; он жил в Гранаде с детства, он был капитан-генералом в течение тридцати лет и был досконально знаком с ситуацией. Он заявил, что

Гранада лишена войск и боеприпасов, и умолял либо приостановить действие этой меры, либо предоставить ему силы для подавления восстания, которое, по его предвидению, было неизбежным. Это было напрасно; Эспиноса коротко велел ему идти на свой пост и заниматься своими делами, и, хотя Военный совет поддержал его, ему выделили всего триста человек для охраны побережья, где ему было приказано проживать в течение определенных месяцев и часто бывать. [911]

Деза прибыл в Гранаду 25 мая 1566 года, где он сразу же собрал свой двор и приказал напечатать "прагматику", чтобы она была готова к публикации 1 января 1567 года, в годовщину сдачи города, как бы для того, чтобы вызвать дополнительное раздражение. Его положения были достаточно раздражающими сами по себе. Через три года использование арабского языка было категорически запрещено в устной и письменной речи; то же самое было с мавританской одеждой через год для шелка и два года для шерсти; двери домов должны были оставаться открытыми по пятницам днем, в праздничные дни и на бракосочетаниях; замбры и лейлы, хотя и не противоречащие религии, были запрещены по пятницам и праздничным дням; использование хны для окрашивания было прекращено; мавританские имена не должны были использоваться; все искусственные бани, общественные и частные, должны были быть уничтожены, и никто в будущем не должен был ими пользоваться. [912] Отсутствие положений для наставления морисков в вере бросалось в глаза.

Все это могло показаться им только бессмысленным вмешательством в привычки, ставшие их второй натурой, и когда 1 января 1567 года эдикт был опубликован, это вызвало неопишемое волнение. В качестве залога его исполнения все бани были немедленно разрушены, начиная с королевских. Аль-джамы по всему королевству посоветовались с лидерами Альбайсина, или квартала мориско в городе, и было решено, что, если нельзя добиться помощи мольбами, следует прибегнуть к восстанию, поскольку жизнь при такой тирании невыносима. Даже Деза осознал угрожающую перспективу и написал суду, что следует принять меры предосторожности против восстания; в течение 1567 года он в некоторой степени смягчил исполнение закона и не назначал никакого наказания в соответствии с ним. Мориски обратились к Филиппу, но, когда он передал мемориал Эспиносе, последний ответил, что ни о каком временном отстранении не может быть и речи; религиозные деятели обвинили совесть короля, сказав ему, что он несет ответственность за души отступников. В Государственном совете герцог Альва и комендадор Алькантары высказались за приостановление полномочий, и Совет предложил постепенно вводить в действие по одной статье в год, но Эспиноса и Деза имели больше влияния, чем солдаты и государственные деятели — это был религиозный вопрос, к которому последние не имели никакого отношения. [913]

ГРАНАДА

1 января 1568 года был издан приказ отказаться от всех мавританских шелковых одежд, а священникам было приказано забрать всех детей мориско в возрасте от трех до пятнадцати лет и поместить их в школы, где они должны изучать кастильское и христианское вероучение. Это усилило волнение, и была отправлена депутация, чтобы выразить протест Дезе, который заверил, что у них не отнимут детей, но что король полон решимости спасти их души и обеспечить соблюдение прагматики. [914] Перед ними стояла голая альтернатива подчинения или восстания.

Каким бы отчаянным ни казалось восстание, оно не было полностью безнадежным. Мориски подсчитали, что они могли бы собрать сто тысяч бойцов, прискорбно слабых в оружии, это правда, но выносливых и приученных к лишениям. Они в значительной степени рассчитывали на помощь из Берберии, надеясь, что тамошние правители не упустят возможности нанести смертельный удар своему традиционному врагу. Разумно было бы ожидать, что и их собратья в Валенсии, которые также подвергались угнетению, восстанут и сбросят испанское иго. Более того, они не могли не знать, что импозантная испанская монархия на самом деле была исчерпана, что ее внутренняя сила никоим образом не соответствовала ее внешнему виду. Фактически, все венецианские посланники того периода описывают отсутствие военных ресурсов в Испании, трудности с набором войск и незнание оружия теми, из кого получались такие великолепные солдаты, будучи дисциплинированными и обученными. Именно в этом самом году Антонио Тьеполо, комментируя странное пренебрежение, которое подвергло южное побережье опустошительным набегам берберийских корсаров, выражает опасение, что вторжение из Африки при поддержке морисков может подвергнуть Испанию участи, которую она испытывала в старину. [915] Карл V обескровил его до изнеможения, и Филипп продолжал этот процесс. Как и с мужчинами, так было и с деньгами. Карл оставил после себя такое количество долгов, что Филипп, вступив на престол, всерьез подумывал об отказе от них, и он шатался под все возрастающим бременем, от которого сокровища Нового Света не могли избавиться. Его доходы были израсходованы заранее, и во время восстания с величайшим трудом удавалось собрать умеренные суммы на самые насущные нужды. Монархии очень повезло, что надежды повстанцев на внешнюю помощь были обмануты, поскольку объединенные усилия Полумесяца против Креста могли бы изменить судьбу полуострова. Как бы то ни было, мориски Валенсии хранили молчание; султан держался в стороне; берберийские князья разрешали авантюристам отправляться туда только в качестве добровольцев, и примерно пятьсот или шестьсот человек небольшими отрядами перебрались через море. И все же ресурсы Испании были до предела истощены для подавления изолированного восстания, спровоцированного таким необдуманном образом.

Были сделаны приготовления к восстанию в Страстной четверг (18 апреля 1568 г.), но секрет был раскрыт, и замысел был отложен. Но даже это не заставило принять меры предосторожности и перевести Гранаду в состояние обороны, и когда 23 декабря вспыхнуло восстание, христиане оказались совершенно неподготовленными. Мондехар преодолел кризис с большой энергией и умением. Поспешно собрав отряд в несколько тысяч человек, он выступил из города 2 января 1569 года и в ходе трудной зимней кампании среди горных снегов к середине февраля практически подавил сопротивление. Однако Деза, поддержанная теми, кто жаждал грабежа, отравила разум короля; соглашения Мондехара о подчинении повстанцев были отменены; Филипп отправил своего сводного брата, донна Джона Австрийского, тогда неопытного юношу, принять командование при содействии военного совета, у каждого члена которого был свой собственный план кампании, при этом никакие действия не должны были предприниматься без одобрения короля. Этот метод ведения войны *оперы буфф* имел свой естественный результат. Восстание возродилось и стало сильнее, чем когда-либо, совершая набеги на Вегу, почти до самых ворот города, в которых дон Джон и его совет были практически осаждены.

ГРАНАДА

Подробности последовавшей войны нас здесь не интересуют, за исключением того, что она велась со свирепой жадностью и жестокостью. Военные экспедиции часто были просто охотой на рабов, в ходе которой мужчины подвергались резне, в то время как женщин и детей тысячами привозили на аукцион и продавали тем, кто предлагал самую высокую цену. Пострадали не только мориски, поскольку корты 1570 года горько жаловались на грабежи и бесчинства войск по пути к месту боевых действий. [916] Военные действия продолжались до первых месяцев 1571 года, и, когда сопротивление было окончательно подавлено, Испания была почти истощена. Умиротворение было таким же безжалостным, как и ведение войны. При дворе заранее было предложено переселить все население в горы Северной Испании, и Деза, злой гений Гранады, никогда не упускал из виду это предложение. [917] По его настоятельной просьбе это было начато с Альбайсина еще в июне 1569 года. Не делалось никакого различия между лоялистами и повстанцами. Мужчин заперли в церквях, а затем перевели в большой госпиталь Реал, расположенный на расстоянии ружейного выстрела от города, где их разделили на банды, связали им руки веревками, как галерным рабам, и под охраной отправили к месту назначения. Женщин на время оставили в их домах, чтобы они продали свои пожитки и последовали за ними. Таким образом было уничтожено около семи или восьми тысяч человек, и даже летописцы проникнуты состраданием, описывая страдания и отчаяние тех, кого таким образом без предупреждения оторвали от своих домов и поспешили в неизвестность. Многие умерли в дороге от усталости, отчаяния или голода, были убиты или ограблены и проданы в рабство теми, кто был призван их защищать. Нам говорят, что это избавило христиан от страха, но было прискорбно видеть разрушение процветания и пустоту, оставшуюся там, где было так много жизни и промышленности. [918]

Эта политика проводилась повсеместно, поскольку сокращался один округ за другим. Последние инструкции Филиппа дону Джону от 25 октября 1570 года предписывали депортацию всех и указывали провинции, в которые они должны были быть доставлены, некоторые из них доходили до Леона и Галисии. Семьи не должны были разлучаться; они должны были передвигаться группами по полторы тысячи человек, со своими женщинами и детьми, под эскортом из двухсот пеших и двадцати конных, с комиссаром, который составлял списки тех, кто находился в его ведении, обеспечивал их продовольствием и распределял их по местам назначения. Эти приказы были выполнены. Дон Джон пишет 5 ноября из Гуадикса в Руй Гомес, что число вывезенных из этого района было большим; последняя группа была отправлена в тот день, и это было самым несчастным событием в мире, потому что был такой ураганный ветер, дождь и снег, что мать теряла свою дочь по дороге, жена - своего мужа, а вдова - своего младенца. Нельзя отрицать, добавил он, что сокращение численности населения королевства - это самая жалкая вещь, которую только можно себе представить. Это было более чем прискорбно в некоторых округах, где недисциплинированные солдаты, которым была поручена эта задача, превратили ее в грабеж, резню и порабощение женщин и детей. [919] Таков был результат обещаний, данных восемьдесят лет назад Фердинандом и Изабеллой, но цель очищения Гранады от населения мориско была в значительной степени достигнута. На аутодафе, устроенном там в 1593 году, появился восемьдесят один преступник, осужденный за иудаизм, и только один обвинялся в магометанстве. [920]

Страдания изгнанников не закончились депортацией. Леонардо Донат, венецианский посланник, который был очевидцем, рассказывает нам, что многие погибли из-за невзгод, что, по сути, было неизбежно в тех условиях. [921] Их распространение было поручено специальному *собранию почетных гостей*, и подробный указ из двадцати трех разделов,

изданный 6 октября 1572 года, определял правила, согласно которым им разрешалось существовать. Они рассеяли их среди христиан, держали под пристальным и постоянным наблюдением и низвели их почти до статуса первобытных крепостных, привязанных к земле. Никакое оружие не было разрешено, за исключением бесполезного ножа, и за исполнение предписаний были предусмотрены суровые наказания. Дети должны были воспитываться, насколько это возможно, в христианских семьях и обучаться чтению, письму и христианскому вероучению. Была объявлена вступившей в силу прагматика 1566 года с дополнительными наказаниями за использование арабского языка; любой, кто писал или говорил на нем, даже в собственном доме, подвергался за первое преступление тридцатидневному заключению в цепях, за второе - двойному, за третье - ста ударам плетью и четырем годам галер. [922] Суровость этого последнего положения потрясла даже городской совет Кордовы, который проявил себя отнюдь не благосклонно к изгнанникам. Алькальд показалось, что только Бог может дать им возможность говорить на языке, которого они не знали, тем более что альгвасилы постоянно арестовывали и наказывали их, и в нем содержалась просьба приостановить действие до тех пор, пока не будут организованы школы для их обучения, но алькальд ответил, что у него нет выбора и он должен выполнить указ. [923]

ГРАНАДСКИЕ ИЗГНАННИКИ

Несмотря на эти ограничения для изгнанников, внезапно брошенных на произвол судьбы, без гроша в кармане в незнакомых местах, их неукротимое трудолюбие и бережливость вскоре сделали карьеру, вызвавшую завистливую враждебность ленивого населения, среди которого они оказались. Сервантес в своем *"Коллоквиуме лос-перрос"*, клеймя их как вялотекущую лихорадку, которая убивает так же верно, как и буйная, выражает чувства, с которыми испанец, единственным стремлением которого была должность в армии, Церкви или на государственной службе, и который был потребителем, смотрел на производителя и завидовал ему за результат своего труда. [924] Уже в 1573 году корты забили тревогу и обратились к Филиппу с петицией о том, чтобы им не разрешалось выступать в качестве архитекторов или строителей, а также занимать государственные или судебные должности. [925] По правде говоря, всего через десять лет после изгнания в официальном отчете жалуется, что число депортированных морисков увеличивается, потому что никто не идет на войну или не обращается в религию, и они настолько трудолюбивы, что, приехав в Кастилию десять лет назад, не владея ни пядью земли, они теперь зажиточны, и многие из них богаты, так что, если так будет продолжаться и дальше, то, если так будет продолжаться и дальше, число депортированных морисков увеличится. в течение двадцати лет туземцы будут их слугами. Со временем это недовольство только усилилось. В 1587 году Мартин де Сальватьерра, епископ Сегорбский, перечисляя злодеяния морисков, упоминает тот факт, что изгнанники из Гранады уже стали фермерами королевских доходов Кастилии, внося наличные деньги в качестве обеспечения вместо предоставления поручителей; что в Пастране, Гвадалахаре, Саламанке и других местах были люди стоимостью более ста тысяч дукатов и что, если король не придумает какое-нибудь средство, они вскоре значительно превзойдут старых христиан как по численности, так и по богатству. [926] Эта ревность нашла официальное выражение в кортах 1592 года, которые сообщили Филиппу, что предыдущие просили его исправить зло гранадских изгнанников, разбросанных по Кастилии. Это зло постоянно возрастало; они овладели торговлей и стали настолько богатыми и могущественными, что контролировали светские и церковные суды и открыто жили, пренебрегая религией. Ответом на это стал указ, предписывающий всем магистратам строго соблюдать ограничительное законодательство 1572 года. [927] Это ничего не дало, поскольку

1595 году венецианский посланник описывает их как постоянно увеличивающихся в численности и богатстве, поскольку они никогда не участвовали в войнах и посвятили себя исключительно торговле. [928] В 1602 году архиепископ Рибера свидетельствует о том же; они были трудолюбивы и бережливы, и поскольку они мало тратили на еду, питье или одежду, они работали за то, что не могло прокормить старого христианина, поэтому работодатели и потребители отдавали им предпочтение; они монополизировали механическое искусство и торговлю, а также повседневный труд. [929] Завистливые предрассудки, которые таким образом нашли выражение, были немаловажным фактором среди причин, приведших к изгнанию.

Однако не все изгнанники вели такой мирный труд. Примерно в 1577 году появились жалобы на семь или восемь банд морисков, которые жили грабежами и убийствами и терроризировали районы, в которых они действовали. Был также известный центр беззакония в Хорначосе, недалеко от Бадахоса, населенном морисками. За тридцать тысяч дукатов они купили у Филиппа привилегию носить оружие; у них была постоянная организация, казначейство и монетный двор, на которых работало тринадцать человек для чеканки фальшивых денег, в то время как путем разумного подкупа судов они защищали своих преступников, когда их ловили. В 1586 году трибунал Льерены совершил на них набег с таким успехом, что был вынужден нанять дома для размещения своих заключенных, но эффект от этого был временным, и в октябре 1608 года туда был направлен придворный алькальд Грегорио Лопес Мадера для расследования и наказания. Придворные алькальды славилась беспощадным правосудием, и Мадера не опровергал эту репутацию. Его расследование привело к обнаружению восьмидесяти трех трупов в окрестностях; он повесил десять членов городского совета и его палача; он отправил сто семьдесят человек на галеры, избил большое количество бичевателей и оставил это место мирным на короткий промежуток времени, прежде чем оно обезлюдело в результате изгнания. [930]

АРАГОН

В королевствах Арагонской короны положение морисков отличалось от положения в Кастилии. В основном они были вассалами знати, поселившимися на землях, на которых они владели *dominium utile*, в то время как их лорды владели *dominium directum*. За эти земли они платили дань деньгами, натурой или службой, и нам говорят, что эти поборы были вдвое больше того, что могло быть взыскано с христиан. [931] Легко понять старую пословицу “Чем больше мавров, тем больше прибыли”, а также то, что знать была жизненно заинтересована в защите своих вассалов от внешнего вмешательства. Их способность делать это была во многом обусловлена твердой независимостью, с которой сохранялись древние фуэро и привилегии.

Рано была поднята тревога, поскольку в 1495 году кортес Тортосы получил от Фердинанда фуэро заверение, что он никогда не выгонит мавров из Каталонии и не согласится на них, а после событий в Кастилии кортес Барселоны в 1503 году представил разрушения, которые это вызовет, и добился повторения обещания. [932] На курфюрстах Монзона в 1510 году он повторил это, добавив, что не будет предпринимать никаких попыток обратить их силой или чинить какие-либо препятствия на пути их свободного общения с христианами, и для соблюдения этого он принес торжественную клятву, повторения которой потребовали от Карла V при его вступлении на престол в 1518 году. [933] При таких гарантиях и мавры, и их лорды вполне могут считать себя в безопасности.

Как мы видели, юрисдикция инквизиции не распространялась на некрещеных до тех пор, пока они не совершали преступлений против религии. Однако он без зазрения совести пренебрегал своими ограничениями, и в Валенсии еще в 1497 году он обязался запретить ношение мавританской одежды и послал чиновников в Серру арестовать нескольких женщин за неповиновение. Их не узнали, и с ними жестоко обращались, в то время как женщин увезли. Мы видели, как трибунал произвольно отомстил за себя, арестовав всех жителей Серры, которым посчастливилось приехать в Валенсию, и что, когда Фердинанду была подана апелляция, он выразил свое неудовольствие и приказал проявлять большую умеренность в будущем — однако лидеры сопротивления в Серре были заключены в тюрьму на три года и подверглись конфискации и изгнанию, что привело к обширной переписке, в которой Фердинанд пытался смягчить суровость трибунала. Он проявил такое же расположение к мавританскому альхама из Фраги, который был замешан в конфискации некоего Гальчерана де Абеля, а также к маврам Сарагосы, когда у них возникли проблемы с этим трибуналом из-за укрывательства рабыни, сбежавшей из Борхи. [934]

После насильственного обращения кастильских мавров арагонский трибунал превысил свои полномочия, попытавшись, косвенно, если не прямо, принудить их к крещению. Герцог и герцогиня Кардона, граф Рибаторца и другие магнаты пожаловались в 1508 году Фердинанду, который резко отчитал инквизиторов за превышение их юрисдикции, что вызвало большой скандал среди мавров и нанесло ущерб их сеньорам. Никто, сказал он, не должен быть обращен или крещен насильно, ибо Богу служат только тогда, когда исповедуются от всего сердца, и никто не должен быть заключен в тюрьму за то, что просто говорил другим не обращаться в христианство. В будущем ни один мавр не должен был креститься, если он не обращался с просьбой об этом; любой, кто был заключен в тюрьму за советы против обращения, должен был быть немедленно освобожден, а документы должны были быть отправлены генеральному инквизитору Энгуэре за инструкциями, и аресты не должны были производиться без его приказа. Поскольку сообщалось, что другие бежали, опасаясь насильственного обращения в другую веру или тюремного заключения, необходимо предпринять шаги, чтобы вернуть их домой с полной гарантией от насилия. [935] В том же духе в 1510 году, когда некоторые мавры в Арагоне были обращены в христианство и, следовательно, были брошены своими женами и детьми, Фердинанд приказал инквизиторам разрешить им вернуться, а не оказывать на них давление или крестить насильно. [936] Фердинанд понимал своих арагонских подданных и научился уважать их фуэро.

ВАЛЕНСИЯ

Эти инциденты указывают на то, что имело место пешее движение, которое иногда выходило за рамки убедительности. Фактически имел место процесс добровольного обращения, дающий надежду на то, что со временем желаемое единство веры может быть достигнуто без принуждения. Каталонец альфаки по имени Джейкоб Теллез был крещен и привел с собой несколько альджам, чтобы принять христианство, когда Фердинанд, чтобы помочь ему, предоставил ему разрешение путешествовать повсюду и иметь доступ во все альджамы, члены которых должны были собираться и слушать его. [937] Мавры Каспе приняли крещение в 1499 году; в округе Теруэль и Альбаррасин в 1493 году мечеть была преобразована в церковь Троицы, а в 1502 году все население приняло христианство. [938] Массовые обращения, подобные этим, могли привести к появлению отступников, и когда инквизиция взялась наказывать жителей Теруэля и Альбаррасина, Карл V вмешался в 1519 году; по его словам, он понимал, что многие из

отпавших детей Конверсос желали вернуться к вере, но их удерживал страх наказания, поэтому он предоставил им отсрочку сроком на год, в течение которого они могли выйти вперед и признаться без конфискации, и аналогичные уступки были сделаны в Тортосе и других городах. [939]

Валенсия, где проживало самое многочисленное и густонаселенное мавританское население, также была ареной значительного обращения в свою веру и энергичных действий инквизиции. Влиятельный альфаки по имени Абдалла был обращен в христианство, принял сан священника под титулом маэстро Моссен Андрес и посвятил себя завоеванию расположения своих братьев. Он написал работу, оспаривающую Коран, главу за главой, которая была напечатана и распространена. [940] Маленький городок Манисес, должно быть, был обращен почти массово, поскольку у нас случайно есть приговор, произнесенный в тамошней церкви инквизиторами Валенсии 8 апреля 1519 года двумстам тридцати присутствовавшим в то время мориско, которые пришли по Эдикту Милосердия, признавшись и отрекшись от ошибок, в которые они впали вновь. Они были приняты для примирения, по-видимому, без конфискации, и предписанные епитимьи были чисто духовными, хотя вдобавок они были подвергнуты обычным суровым ограничениям. Должно быть, это была немалая жестокая предварительная работа, поскольку в списке этих кающихся не менее тридцати двух женщин указаны как жены или дочери сожженных мужчин. [941] Теперь нам легко понять, насколько серьезным препятствием был этот метод сохранения чистоты веры, препятствующий желаемому обращению, поскольку мудехарцы, отказавшиеся от крещения, могли поздравить себя с тем, что они не попадают под юрисдикцию, которая с такой суровостью наказывала приверженность традициям предков, ставшим их второй натурой.

ВАЛЕНСИЯ

Миссионерская работа, которой препятствовали таким образом, получила неожиданный импульс от восстания, известного как Germanía или Братство, которое внезапно вспыхнуло в 1520 году. Это было восстание народа против гнета знати, которое в своем мирном начале получило одобрение Карла и его представителя, кардинала Адриана. Это быстро переросло в гражданскую войну, в которой дворяне прибегли к помощи своих мавританских вассалов; они составляли значительную часть сил, с которыми герцог Сегорбский одержал победы при Оропесе и Альменаре в начале июля 1521 года, и они составляли треть пехоты под командованием вице-короля Мендосы при катастрофическом разгроме Гандии 25 июля. Чтобы нанести ущерб знати, лидеры Германии задумали насильно крестить мавров, тем самым придав им статус христиан и освободив их от вассальной зависимости. [942] Уржельес, главный капитан, смертельно раненный при осаде Хативы, которая сдалась 14 июля, уже был усердно занят принуждением к крещению мавров в местах, находящихся под его контролем; и его преемник Висенте Перис, одержавший решающую победу при Гандии, придерживался той же политики. Полная информация о действиях в различных городах и деревнях была получена комиссией, созданной в 1524 году для выяснения, были ли крещения добровольными или принудительными, и доказательства в ее отчете показывают, что банды *агерманадос* пересекали территорию между Валенсией и Оливой, терроризируя мавров и предлагая им альтернативу крещения или смерти. Несколько убийств сопровождали их команды, и беспомощные неверные стекались к купели для крещения в поисках безопасности. Конечно, не было никакой претензии на обучение или выяснение того, что неофиты знали о религии, навязанной им таким образом; их крестили, окропляя их группами, а когда святой воды не было

под рукой, использовали воду из текущих ручьев. Единственной спасительной чертой в свидетельствах являются частые упоминания о дружеских отношениях между христианами и маврами и о приюте и защите, добровольно предоставляемых перепуганным жертвам, показывающие, как постепенно утихал расовый антагонизм и как можно было надеяться на его исчезновение, если бы событиям было позволено развиваться естественным путем. [943]

Также предпринимались попытки превратить мечети в церкви. В нескольких местах они были освящены; в некоторых других были повешены или прикреплены к двери только бумажные изображения Христа или Богородицы. Время от времени совершались богослужения, которые неопиты посещали более или менее регулярно, но их приверженность своей новой вере продолжалась лишь до тех пор, пока сохранялось впечатление ужаса. В некоторых местах они чувствовали себя в безопасности, возвращаясь к своей старой религии через три недели, в других они номинально оставались христианами в течение нескольких месяцев, но везде, как только они чувствовали, что опасность миновала, они возобновляли свои мусульманские обряды и молились в своих мечетях, как и прежде. В этом, по большей части, их поощряли их лорды, которые заверяли их, что принудительное крещение недействительно и что они вольны вернуться к своей вере. Другие, более благоразумные, воспользовались возможностью бежать в Африку, и, по оценкам, не менее пяти тысяч домов остались пустыми, что свидетельствует об эмиграции примерно двадцати пяти тысяч душ. [944]

Подавление восстания в Германии в 1522 году позволило инквизиции начать действия против тех, кто попал под ее юрисдикцию путем крещения. Инквизитор Чуррукка из Валенсии не испытывал никаких сомнений относительно действительности таинства, но проблема заключалась в том факте, что поспешное разбирательство не позволило составить протоколы, которые позволили бы идентифицировать личности. Когда исполняющие обязанности священники составили списки, он потребовал их сдачи и ближе к концу 1523 года был занят получением показаний от очевидцев. Некоторые фрагментарные документы показывают, что он добился частичного успеха и что он преследовал тех, кого мог признать отступниками, но у него не было склонности обращаться с ними сурово. Похоже, действительно, что кардинал Адриан придерживался политики терпимости, которая после его восшествия на папский престол позволила сторонникам Морисков утверждать, что они получили разрешение. [945]

Ситуация, на самом деле, была запутанной. В Кастилии принудительное обращение было повсеместным под угрозой изгнания; все были крещены конструктивно и могли по закону отвечать за последствия. Однако в Валенсии Германия оккупировала лишь часть территории, и даже там работы были частичными и выполнялись настолько нерегулярно, что идентификация была невозможна, за исключением единичных случаев. Как только давление было снято, все вернулись к своей изначальной вере, и суверен дал торжественную клятву, что не будет применено никакого принуждения. Самым простым решением, которое предлагалось, было завершить работу и обратить в христианство все мавританское население, заручившись согласием знати, признав, что их права не должны быть затронуты и что обращенным не следует разрешать менять свое место жительства. [946] Поэтому для испытания эффекта убеждения были отправлены миссионеры, видным среди которых был брат Антонио де Гевара. В письме от 22 мая 1524 года он говорит, что в течение трех лет трудился над этой задачей, ничего не делая, кроме споров в альджамах, проповедей в Морериас и крещения в домах. [947] Какими бы благими ни были эти усилия, их успех был несоизмерим с их достоинствами; вопрос отказывался быть решенным, и претензии инквизиции осуществлять юрисдикцию над так

называемыми отступниками неизбежно вызвали дискуссию относительно законности принудительного крещения, степени принуждения со стороны агерманадос и достаточности обряда, совершаемого столь нерегулярно.

ВАЛЕНСИЯ

Мы видели выше (Т. I, стр. 41), что, когда готы принуждали своих еврейских подданных к крещению, четвертый Толедский собор провозгласил принцип, согласно которому, хотя акт был неправильным, крещение было неизгладимым и крещеный должен быть вынужден оставаться в Церкви, принцип, который был воплощен в каноническом праве. Тем не менее оставался вопрос о степени принуждения, и Бонифаций VIII, предполагая освободить тех, чье принуждение было абсолютным, позаботился определить, что страх смерти не был таким принуждением. [948] В уточнении схоластического богословия были выделены два вида принуждения — условное или интерпретативное и абсолютное; было решено, что принудительная воля по-прежнему остается волей, а абсолютное принуждение было сведено к утверждению, что, если человек, связанный по рукам и ногам, крестился, протестуя, обряд был бы недействительным. [949] Такова была общепринятая практика Церкви, хотя несколько ученых с высокой репутацией отрицали действительность таинства под принуждением, скорее как академический вопрос, поскольку Церковь предполагает согласие и принуждает так называемого новообращенного соблюдать навязанную ему веру. [950]

Было неизбежно, что новообращенные германцы должны были выполнять свои обязанности как христиане. Карл V уже определился со своей политикой и обратился к Клименту VII с просьбой освободить его от клятвы не насаждать христианство маврам, но действия инквизитора Чуррукки вызвали оживленный ропот, и было желательно провести достойное предварительное расследование. Карл сначала приказал сделать это губернатору Валенсии совместно с инквизиторами и некоторыми теологами и юристами, но это был недостаточно авторитетный орган, чтобы оправдать рассматриваемые далеко идущие меры, и Манрике предложил 23 января 1524 года сформировать хунту под его председательством ввиду оппозиции знати, которые боялись потерь, понесенных ими в результате христианизации своих вассалов. [951] То, что это было сделано просто для сохранения видимости, очевидно из того факта, что, когда Карл 11 февраля отдавал приказы о создании хунты, он в тот же день написал Жермен, вице-королеву Валенсии, инструктируя инквизиторов и генерального викария принять надлежащие меры к отступнику Мориску. [952] Девять дней спустя Манрике поручил Чуррукке и его эксперту Андресу Паласио провести полное расследование всех обстоятельств обращения и отступничества мориско — выбор, который указывает на предрешенный вывод, поскольку они уже взяли на себя обязательства по всем затронутым вопросам. Два других комиссара — Мартин Санчес и Хуан де Бас — были присоединены к ним, когда в ноябре они приступили к своей работе, а тем временем инквизиторы снимали показания за свой счет. [953]

Расследование длилось только с 4 по 24 ноября, поскольку комиссия переезжала с места на место, в маленький район между Альсирой и Дени. Сто двадцать восемь свидетелей были допрошены по серии вопросов, составленных Манрике, и их показания не вызывали сомнений в том, что принятие крещения произошло под влиянием смертельного ужаса. Отчет комиссии состоял просто из показаний, записанных секретарем, но он был дополнен учеными аргументами в схоластической форме, приведенными фискалом трибунала Фернандо Лоазесом, будущим архиепископом Валенсии. При этом он не делал вид, что крещение было

добровольным. Насилие, которое он признал преступлением, за которое действующие лица должны быть наказаны, но эффект был хорошим и его следовало поддерживать; это был способ, которым Бог превращает добро в зло. Мавры были спасены от гибели и от рабства демону, и, поскольку это было общественным благом, новообращенных нужно было принудить придерживаться католической веры, а те, кто поддерживал их в отступничестве, должны были подвергаться судебному преследованию как пособники и защитники ереси. Все врачи согласны с тем, что, когда существует опасность заражения верой, принц может принудить к единообразию или изгнать неверующих. [954]

ВАЛЕНСИЯ

Доклад был представлен внушительному собранию, состоявшему из представителей Советов Кастилии, Арагона, инквизиции, Военных орденов и Индии, а также выдающихся теологов, и оно проходило под председательством Манрике.

Очевидно, единодушия не было, поскольку дискуссия длилась двадцать два дня, и некоторые теологи во главе с Хайме Бенетом, самым выдающимся канонистом Испании, отрицали действительность крещений. Тем не менее, неизбежным выводом было то, что, поскольку неопиты не оказывали сопротивления или жалоб, они должны были придерживаться веры, вольно или невольно. 23 марта 1525 года император присутствовал на совещании, на котором Манрике объявил ему о решении, которое он подтвердил и приказал принять меры для его приведения в исполнение. В соответствии с этим королевская седула 4 апреля, после изложения внимания, проявленного к этому вопросу, и достижения единогласного решения, объявила крещеных мавров христианами и приказала крестить их детей, в то время как церкви, в которых служилась месса, не должны были использоваться в качестве мечетей. [955]

Было бы трудно преувеличить значение этого поступка для судьбы морисков, поскольку все, что последовало за ним, было его необходимым следствием. Не теряя времени, была организована внушительная следственная комиссия во главе с Гаспаром де Авалосом, епископом Гвадикса, и свитой советников и приближенных. 10 мая они прибыли в Валенсию, и в воскресенье, 14-го, епископ в проповеди приказал опубликовать королевскую седулу с эдиктом, предоставляющим тридцать дней, в течение которых отступники могут вернуться с сохранением жизни и имущества, после чего они лишатся и того, и другого. [956] Вряд ли это могло быть предназначено для приведения в исполнение этой чудовищной угрозы, и, по-видимому, никаких попыток к этому предпринято не было. Отступников нелегко было отличить от их некрещеных братьев, среди которых они составляли, возможно, десять процентов., но уполномоченные пытались идентифицировать их, путешествуя по стране, составляя списки и подтверждая всех, кого они могли обнаружить, в качестве предварительного шага к судебному преследованию отступников. [957] Их количество указывало на умеренность, для которой требовалась папская власть. Было получено краткое сообщение Климента VII от 16 июня 1525 года, в котором говорится, что Карл обратился к нему за средством правовой защиты; множество правонарушителей призывали к мягкости и милосердию, поэтому они должны были преследоваться с благожелательной суровостью; те, кто должен был вернуться к свету истины, публично отречься от своих ошибок и поклясться никогда не повторяться, могли быть освобождены, не навлекая на себя обычного позора и инвалидности. [958]

Угрозы и обещания мало что дали. Десять или пятнадцать тысяч морисков, прошедших через руки Агерманадос, не стали дожидаться, чтобы испытать на себе благожелательную суровость

комиссии, а укрылись в Сьерра-де-Берния, и дворяне, далекие от попыток вытеснить их, благоволили к ним в надежде, что их сопротивление заставит Карла отказаться от своей цели. Он пришел в негодование, услышав, что магистраты Валенсии умоляли комиссию не обращаться плохо с альфакиес, поскольку процветание страны зависело от мавров, и теперь он упрекнул дворян, приказав им отправиться в свои поместья и учить своих вассалов быть хорошими христианами. Наконец, были предприняты приготовления к нападению на беженцев из Бернии, которые держались с апреля по август; они сдались под обещание неприкосновенности и были доставлены в Мурлу, где с ними отпустили грехи и любезно обошлись. [959]

Комиссия, утомленная своими бесплодными трудами, уже собиралась покинуть поле боя, когда получила письмо от Карла, в котором говорилось, что, поскольку Бог даровал ему победу при Павии, он не может выразить свою благодарность более эффективным способом, чем принудив всех неверных в его владениях принять крещение; поэтому им было приказано остаться и предпринять это новое обращение вместе с новым коллегой, фраем Кальценой, впоследствии епископом Тортосы. [960] Мы видели, что, готовясь к этому, он ближе к концу 1523 или в начале 1524 года обратился к Клименту VII с просьбой освободить его от клятвы, данной в 1518 году, не изгонять и не прибегать к насильственному обращению, и, как говорят, Климент сначала отклонил просьбу, объявив ее скандальной. [961] Однако настойчивость посла, герцога Сесского, возобладала над угрызениями совести Климента, и 12 мая 1524 года был опубликован отчет, хотя какое-то время он держался в секрете.

ВАЛЕНСИЯ

Оно начиналось с изложения скорби папы, узнавшего, что в Валенсии, Каталонии и Арагоне у Карла было много мавританских подданных, с которыми верующие не могли поддерживать сношения без опасности и которые служили шпионами для своих братьев в Африке. Поэтому его призвали приказать инквизиторам прочитать им проповедь, а в случае упорства назначить срок, по истечении которого они должны быть изгнаны под страхом вечного рабства, что должно строго соблюдаться. Десятина, которую они никогда не платили, должна в будущем достаться их господам в качестве компенсации за ущерб, причиненный изгнанием, при условии, что господа должны снабжать церкви всем необходимым для богослужения, в то время как доходы мечетей должны обеспечивать пожертвования на благотворительные цели. Судьбоносное судебное разбирательство завершилось формальным освобождением Чарльза от его клятвы 1518 года, освобождением его от всех наказаний и порицаний за лжесвидетельство и предоставлением ему любого разрешения, необходимого для надлежащего исполнения вышеизложенного, а также предоставлением инквизиторам достаточных полномочий для подавления оппозиции, несмотря на все апостольские конституции и все законы страны. [962]

Таким образом, Чарльз был свободен исполнять свою волю, невзирая на клятвы и законы. И все же в течение восемнадцати месяцев он держал дело в руках, не используя его, возможно, ожидая решения вопроса о крещении и того, что волнения в Валенсии утихнут. Наконец, 13 сентября 1525 года, он направил дворянам письма, информируя их о своем бесповоротном решении не позволять мавру или неверному проживать в его владениях иначе, как в качестве раба; он признал, что изгнание затронет их интересы, и, следовательно, он призвал их

отправиться в свои поместья и сотрудничать с уполномоченными в обеспечении обращения и обучения своих вассалов. К этому прилагалось краткое письмо маврам, информирующее их о решимости, на которую его вдохновил Всемогущий Бог, чтобы Его закон восторжествовал по всей стране, и о его желании их спасения, поэтому он увещевал и повелевал им принять крещение; если они сделают это, им будут предоставлены свободы христиан и хорошее обращение; если они откажутся, он найдет другие средства. На следующий день к маврам была обращена прокламация, в которой настойчиво повторялись эти угрозы и обещания и запрещалось любое вмешательство в обращение или оскорбления обращенных под страхом штрафа в пять тысяч флоринов и королевского гнева. В тот же день в письме королеве Жермене молчаливо признавалась тщетность лишения морисков их религии без предоставления замены. По его словам, он узнал, что во многих деревнях новообращенных нет священников, которые могли бы давать наставления или служить мессу, и он приказал ей проследить, чтобы их проинструктировали и им служили, бережливо добавив, что в землях, находящихся под королевской юрисдикцией, необходимо позаботиться о том, чтобы оставить покровительство новым церквям за короной. [963]

Уполномоченные, вооруженные всеми полномочиями инквизиторов, не теряя времени, объявили маврам о бесповоротном решении императора со сроком отсрочки в восемь дней, после чего они приведут указы в исполнение. Перепуганные альджамы отправили двенадцать альфакиесов умолять Карла отменить эдикт. Королева Жермена выдала им охранную грамоту, и они были приняты при дворе, прихватив с собой пятьдесят тысяч дукатов для умиловления важных персон, и, хотя в данный момент они ничего не добились, в конце концов, как мы увидим, они добились заключения Конкордии, которая, как обычно, была дарована только для того, чтобы ее нарушили. [964]

ВАЛЕНСИЯ

Тем временем, 3 ноября Карл направил инквизиторам папское послание с инструкциями привести его в исполнение без промедления. В то же время он уведомил власти, светские и церковные, что это аннулирует все *fueros*, привилегии и конституции, которым он присягал; что он поручил инквизиции обеспечить их соблюдение и что местные магистраты под страхом штрафа в десять тысяч флоринов должны исполнить любое постановление инквизиторов. [965] Таким образом, дав маврам понять уготованную им судьбу, 25 ноября он издал общий указ об изгнании. Все жители Валенсии должны были покинуть Испанию к 31 декабря, а жители Каталонии и Арагона - к 31 января 1526 года. Как и в 1502 году, не было обещано никаких исключений для обращения в другую веру, но точно так же препятствия, возникшие на пути экспатриации, показали истинную цель эдикта. Валенсийцам было приказано зарегистрироваться и получить паспорта в Сиетеагусе, на границе с Куэнкой, а затем проделать свой утомительный путь до Ла-Коруньи, где они должны были сесть на корабль под страхом конфискации и рабства, в то время как дворянам пригрозили штрафом в размере пяти тысяч дукатов за каждого, кого они смогут удержать. В то же время было опубликовано краткое папское распоряжение, предписывающее всем христианам под страхом отлучения от церкви помогать в исполнении императорских указов, а всем маврам слушать евангельские поучения, не отвечая на них. Еще один эдикт, предписывавший всем маврам креститься к 8 декабря или быть готовыми покинуть страну, косвенно указывал на то, что обращение в христианство избавит их от изгнания. Тогда инквизиция объявила, что готова действовать, и опубликовала

страшные порицания со штрафом в тысячу флоринов всем, кто не помогал ей в борьбе с теми, кто упрямо сопротивлялся сладости Евангелия и благим планам императора. [966]

Когда альфакиес сообщили о провале своей миссии, подавляющее большинство валенсийских мавров приняли крещение. Брат Антонио де Гевара, который был первым в этой работе, хвастается, что он крестил двадцать тысяч семей, но мориско впоследствии утверждали, что это массовое обращение было совершено путем загона их в загоны и обливания водой, когда одни пытались спрятаться, а другие кричали: “Меня вода не касалась!” Они сказали, что терпели это, потому что их индейцы заверили их, что обман допустим и что им не обязательно верить в религию, которую они были вынуждены исповедовать. [967] Многие спрятались; некоторые нашли убежище в Бенагуасиле, который сдался 27 марта после пятимесячной осады, но Сьерра-де-Эспадан была ареной более грозного восстания, которое не было подавлено до 19 сентября, сопровождавшегося значительной резней. Другие снова отправились в Сьерра-де-Берния, в Гуадалете и Конфридас, но в основном им удалось бежать в Африку. Так была обращена и умиротворена Валенсия; мориски, как мы можем теперь называть их, были разоружены, кафедры их альфакиес были снесены, их Кораны сожжены, и были отданы приказы компетентно наставлять их в вере — приказы, которые, как мы увидим, постоянно переиздавались и никогда не исполнялись. [968]

ВАЛЕНСИЯ

В Арагоне, еще до эдиктов, предчувствия будущего вызывали большое волнение. Мавры перестали работать на полях и в лавках, вызывая большое беспокойство по поводу надвигающегося голода. Дипутадо были призваны действовать, и, готовясь отправить послов к Карлу, они передали графу Рибаторса, случайно оказавшемуся при дворе, памятную записку, адресованную ему. Это апеллировало к торжественным клятвам, данным им и Фердинандом; это означало, что вся промышленность и процветание страны покоились на маврах, которые собирали урожай и производили мануфактуры, в то время как доходы церквей и монастырей, бенефиций и дворянства, вдов и сирот были получены от их цензов или займов. Они были практически рабами своих феодалов, которым они были послушны, и никогда не было известно, чтобы они развращали христиан или устраивали скандалы; они жили вдали от побережья, так что не могли поддерживать никаких сношений с Берберией, и закон карал порабощением все попытки покинуть королевство; их изгнание привело бы к разорению, в то время как, в случае обращения, они получили бы избирательные права и возможность уехать за границу. Поскольку они перестали засеивать свои земли, необходимо было немедленно развеять их страхи, чтобы предотвратить массовый голод. Влияние Рибаторсы привело к небольшой отсрочке, но практическим ответом Карла стало объявление, опубликованное в Сарагосе 22 декабря, запрещающее любому мавру покидать королевство, запрещающее любую покупку у них собственности, закрытие их мечетей и отмену публичных беспорядков. [969] Это усилило тревогу, и в некоторых местах произошли восстания, за которыми последовали другие после публикации указа об изгнании, но они не были серьезными. Дата изгнания была отложена до 15 марта 1526 года, и по мере ее приближения произошли другие восстания, но они были с готовностью подавлены; мавры были разоружены и в целом приняли крещение. [970]

Все население мориско теперь находилось во власти инквизиции, но все соображения, как политические, так и благотворительные, диктовали терпимое применение власти до тех пор, пока их не удастся проинструктировать и склонить к их новой вере. Это признал Верховный

Господь, приказав обращаться с ними с большой умеренностью. [971] Возможно, это может объяснить отсутствие судебных процессов по обвинению в ереси трибунала Валенсии в 1525 и 1527 годах, но в промежуточные и последующие годы его деятельность не ослабевала, что выражалось не только в неподчинении приказам Верховного, но и в прямом нарушении Конкордии, согласованной 6 января 1526 года, хотя и не опубликованной до 1528 года.

Эта Конкордия была результатом трудов альфакиес, присланных ко двору в 1525 году. Он был предоставлен с согласия генерального инквизитора Манрике; он был торжественно подтвержден Карлом в корте Монзона в 1528 году, когда было объявлено, что он охватывает все королевства короны Арагона, но когда он был опубликован генеральным прокурором Валенсии по приказу Карла, Манрике упрекнул его за это. Его основные положения стоит процитировать хотя бы для того, чтобы показать возникающие вопросы и как пример неверия, обычно проявляемого по отношению к морискам, поскольку едва ли была соблюдена хоть одна из статей, благоприятных для них.

В нем говорилось, что новообращенные не могли сразу отказаться от мавританских церемоний, которые они соблюдали скорее по привычке, чем намеренно, и что преследование инквизицией привело бы к их полному уничтожению, поэтому инквизиция не должна была возбуждать против них никаких действий в течение сорока лет, как это было предоставлено маврам Гранады. Что касается их одежды, то они могут изнашивать уже имеющиеся, но новые должны быть сшиты по христианскому образцу. Поскольку большинство мужчин и все женщины говорили только по-арабски, они могли пользоваться им в течение десяти лет, за это время они должны были выучить кастильский или валенсийский. Для них должны были быть освящены новые кладбища рядом с мечетями, ныне превращенными в церкви. Легат или папа должны были предоставлять разрешения на все существующие браки и обручения в пределах запрещенных степеней, но будущие должны были соответствовать канонам. На просьбу о том, чтобы вернуть оружие, ответом было, что с ними следует обращаться так же, как с другими христианами. На аргумент о том, что они не могли бы платить старые подати, если бы им было запрещено работать в праздничные дни, и не было бы разумно препятствовать им менять место жительства, двусмысленный ответ заключался в том, что с ними следует обращаться как с другими христианами, но без ущерба для третьих сторон. Было также разрешено продолжать работу старых *Moreñas* в качестве корпораций на королевской территории. Все это Карл гарантировал для себя и для принца Филиппа и приказал всем должностным лицам, от высших до низших, строго соблюдать под страхом королевского гнева и штрафа в три тысячи дукатов.

[972]

ВАЛЕНСИЯ

Однако инквизиция была законом сама по себе и не была связана никакими договорами. Через несколько месяцев после обнародования Конкордии Верховный суд повсюду опубликовал декларацию о том, что она касается только тривиальных обычаев и не потворствует использованию мавританских обрядов и церемоний, и что те, кто их выполняет или отходит от веры, должны быть должным образом привлечены к ответственности, со всеми из которых, согласно заявлению, согласился император. [973] Поэтому, когда в 1529 году арагонская знать обратилась с увещаниями к Карлу и Манрике, последний ответил, что речь шла об их спасении, а не об их ущербе, и что он надеется, что Бог возложит на них свои руки, чтобы все закончилось хорошо. [974] Рука Божья, возложенная на них инквизицией, не была

милосердной, поскольку в 1531 году трибунал Валенсии провел пятьдесят восемь судебных процессов по обвинению в ереси, причем около тридцати семи человек были сожжены лично, большинство из которых, предположительно, были морисками. Сарагоса была несколько мягче, поскольку в 1530 году сообщалось, что в прошлом году она примирила ряд морисков, заменив конфискацию и тюремное заключение штрафами, а в некоторых случаях и бичеванием; что штрафы были назначены священнослужителю, который должен был наставлять кающихся, но получатель отказался вернуть деньги, после чего Супрема предложила взимать штрафы отдельно и выплачивать их инструкторам. [975] Таким образом, инквизиция невозмутимо продолжала свой путь, и, когда суды трех королевств пожаловались на печально известное отсутствие попыток наставить морисков или предоставить им церкви, и что было большим злоупотреблением преследовать их как еретиков, кардинал Манрике елейно ответил, что с ними обращались со всей умеренностью и великодушием и что в будущем, с согласия императора, будут приниматься меры, наилучшим образом соответствующие служению Богу и спасению их душ. [976]

Еще более вызывающе своевольным было поведение инквизиции в отношении конфискации. Мы видели, что они были собственностью короны и что, когда инквизиции было разрешено удерживать доходы, это была уступка, зависящая от воли суверена. Тем не менее, он решительно отменил законы страны и приказы императора и упорствовал в конфискации имущества своих кающихся. Самое раннее фуэро Валенсии, дарованное Хайме I после завоевания, предусматривало, что в особо тяжких случаях ереси и государственной измены аллодиальные земли и личная собственность должны переходить к королю, в то время как феодальные земли и те, которые находятся под арендной платой или другой службой, должны возвращаться сеньору. Новая инквизиция проигнорировала это, и в 1488 году суды Ориуэлы потребовали его соблюдения, на что Фердинанд согласился. Тем не менее инквизиция упорствовала, и он согласился на требования кортеса 1510 года о том, что он должен возместить все незаконно полученные таким образом земли. Это было столь же безрезультатно, и в 1533 году корты Монзона повторили жалобу; именно лорды и церкви пострадали от конфискации, которым подверглись их вассалы, и следовало достичь некоторого компромисса относительно прошлых нарушений фуэро. На это ответ был двусмысленным; конфискации не было, и, с Божьей помощью, учитывая предпринимаемые усилия по обучению новообращенных, в будущем в этом не будет необходимости, но, если таковая возникнет, будут приняты меры для защиты лордов, а тем временем комиссия сможет решить, что будет справедливо для прошлого. [977]

Карл, фактически, в следующем году в Сарагосе издал прагматический указ, согласно которому, когда новообращенные подвергаются конфискации, имущество должно переходить к законным католическим наследникам без ущерба для лордов-правонарушителей. Инквизиция, однако, оказалась на высоте случая; она подчинилась закону по букве, но не по духу, поскольку в 1547 году суды пожаловались генеральному инквизитору на то, что вместо конфискации трибунал Сарагосы наложил штрафы, превышающие богатство кающихся, которые, чтобы удовлетворить их, были вынуждены продать все свое имущество и разорить своих родственников. На это был дан презрительный ответ, что если кто-то страдает, он может обратиться к инквизиторам или к Верховному судье. [978]

В Валенсии борьба была более продолжительной. Суды 1537 года повторили старые жалобы и попросили Карла приказать трибуналам подчиняться закону, что он и обещал сделать. На

консультации Верховный суд возразил, что конфискация является наиболее эффективным наказанием за пресечение ереси; виновный может избежать сожжения путем примирения, а без конфискации ересь останется безнаказанной. Соответственно, инквизиция продолжила конфискацию, и в 1542 году, под настоятельными жалобами кортов, Карл согласился с законом о том, что *владычество* преступника должно вернуться к *прямому владычеству* сеньора и что королевские чиновники под страхом штрафа в тысячу флоринов должны передать его во владение сеньору. К папе, по-видимому, обратились с просьбой заставить инквизицию подчиниться, поскольку в записке от 2 августа 1546 года, которая фактически приостановила ее действие, он постановил, что в течение десяти лет и во время благоволения Святого Престола в деле Морисков не должно быть ни штрафов, ни конфискации. [979]

Королевские и папские заявления были одинаково напрасны. В 1547 году суды возобновили жалобу на настойчивость инквизиции и ввели новую функцию - просить генерального инквизитора присоединиться к подписанию фуэро, тем самым признавая его независимой властью в государстве. Принц Филипп пообещал получить его подпись, но этого сделано не было. Снова в 1552 и 1564 годах была разыграна та же комедия, но обещание Филиппа в последнем году было нейтрализовано конкретными инструкциями Верховного суда Валенсии конфисковать имущество мориско, не обращая внимания на то, что люди могут сказать о привилегии против конфискации. [980]

ВАЛЕНСИЯ

Наконец компромисс был достигнут. В 1537 году суды предложили выплачивать инквизиции четыреста дукатов в год в обмен на безнаказанность мориско от денежного наказания, но Супрема отклонил это предложение как неадекватное и оказывающее медвежью услугу Богу. [981] В 1571 году переговоры были возобновлены, в результате чего была издана королевская седула от 12 октября, в которой говорилось, что генеральный инквизитор Эспиноса снизошел до предоставления Мориско Валенсии представленных ими предметов. Они предусматривали, что с учетом ежегодной выплаты трибуналу пятидесяти тысяч суэльдо, или двух с половиной тысяч дукатов, имущество тех, кто вносит в него взносы, должно быть освобождено от конфискации. Более того, предупреждение было взято из опыта Арагона, и штрафы были ограничены десятью дукатами, но ответственность за их уплату несли альджамы виновных. От альджамы зависело, вступать в соглашение или нет, но так много из них так и поступили, что с тех пор о нем говорили как о действительном по всей Валенсии. [982]

Это устраивало инквизицию, поскольку обеспечивало ей стабильный доход; это избавляло морисков от вездесущего страха пауперизма и страданий секвестра, а также доставляло удовольствие знати и церкви, ограждая их от отчуждения их земель и обнищания их вассалов. Однако для строгого церковника это было соглашением со злом и поощрением ереси. Архиепископ Валенсии Рибера протестовал против этого, а епископ Перес Сегорбский в 1595 году выступал за его отмену, но Филипп II постановил, что оно должно продолжаться в течение периода, согласованного для обучения морисков. [983]

Трибунал, естественно, позаботился об увеличении своего гарантированного дохода, максимально используя оставшуюся у него возможность налагать штрафы, и он сделал это, практически не обращая внимания на ограничение. В 1595 году альджамы пожаловались на эти нарушения. [984] То, что такая жалоба по-прежнему была обоснованной, следует из автографа от 7 января 1607 года, упомянутого выше (Vol. II, стр. 395), где на морисков было наложено

двадцать штрафов по десять дукатов каждый, из которых только восемь были урегулированы, не считая других штрафов, одного из двадцати, одного из тридцати и одного из пятидесяти.

Таблица в Приложении показывает, что, хотя активность инквизиции, казалось, несколько снизилась после Конкордии, к концу столетия она значительно возросла: в 1591 году было зарегистрировано двести девяносто одно дело, а в 1592 году - сто семнадцать. Летопись, приводящая эти цифры, заканчивается 1592 годом, и у нас нет возможности установить, что происходило в последующие годы, но жестокие преследования продолжались. В авто от 5 сентября 1604 года было двадцать восемь отречений *де леви*, сорок девять *де вементи*, восемь примирений и два послабления - все мориски, за исключением француза, наказанного за богохульство. В нем от 7 января 1607 года фигурировали тридцать три мориска, из которых одному было смягчено наказание, не считая шестерых, чьи дела были приостановлены, и в ходе судебных процессов пытки применялись пятнадцать раз. [985] Колебания в количестве дел могут быть объяснены доказательствами, которые иногда позволяли трибуналу совершать набег на какую-нибудь деревню мориско, когда, поскольку все они в душе были маврами, там собиралась вся община. Так, в 1589 и 1590 годах в маленьком поселении Мислата, недалеко от Валенсии, было поставлено сто ящиков, и нам сообщили, что в городке Карлет насчитывалось двести сорок семей, соблюдавших пост в Рамадан. [986]

Фактически, поскольку мавританская вера морисков пользовалась дурной славой, все население находилось во власти инквизиции, и сравнительная умеренность, о которой свидетельствуют записи, возможно, может быть объяснена системой тайного подкупа или составами, посредством которых приобретался иммунитет. На возможность этого указывает случай, который проливает значительный свет на то, каким образом осуществлялась инквизиторская власть.

ВАЛЕНСИЯ

Семья дона Косме, дона Хуана и дона Эрнандо Абенамир из Бенагуасиля считалась одной из первых среди старых мавров Валенсии; братья были богаты и влиятельны; у них были лицензии на ношение оружия, и инквизитор Миранда назначил их фамильярами — должность, от которой они отказались по настоянию герцога Сегорбе, на землях которого они проживали, поскольку он сказал, что они не нуждаются в такой защите, поскольку им достаточно обратиться к нему, если их обидают. В мае 1567 года, во время отсутствия инквизитора Миранды, фискал представил другому инквизитору, Херонимо Манрике, *clamosa* против братьев. Было проголосовано за их арест, но, ввиду важности дела, были проведены консультации с Верховным судом, который подтвердил голосование, и 1 июля были выданы ордера. Обвиняемых найти не удалось; были опубликованы указы о их вызове, и 12 января 1568 года дон Косме явился сам. Сохранился именно его судебный процесс, но, предположительно, остальные пошли тем же путем, за исключением того, что имя дона Эрнандо исчезает ближе к концу, вероятно, вследствие смерти.

На первой аудиенции дон Косме сказал, что, как он предполагал, его крестили в детстве, однако он считал себя не христианином, а мавром; всю жизнь он исполнял мавританские обряды и ходил на исповедь только для того, чтобы соответствовать эдиктам, но в будущем он хотел быть христианином и делать все, что могли потребовать инквизиторы. Он не предлагал никакой защиты на различных этапах судебного разбирательства, но 15 июля из-за переполненности секретной тюрьмы ему передали город в качестве тюрьмы под залог в две тысячи дукатов.

Несмотря на это, он посетил Мадрид, где за семь тысяч дукатов приобрел для себя и своих братьев помилование у короля, генерального инквизитора и Верховного суда, а также оказал важное влияние на заключение Конкордии 1571 года. Его пребывание в столице было продлено, когда после почти трехлетнего перерыва трибунал внезапно возобновил его дело 25 мая 1571 года, а 6 июня он вызвал его поручителей, чтобы выдать его в течение девяти дней, срок был продлен до двенадцати дней из-за их протеста против того, что общеизвестно, что он находился в Мадриде по делам с Супремой. Этот иск вызвал у Верховного суда краткое письмо, в котором говорилось, что дон Косме жаловался на то, что после усложнения его дела оно было возобновлено, и предписывалось трибуналу прекратить это дело и объяснить его мотивы. Это он сделал и получил от Верховного второй приказ ничего не предпринимать, но отправить бумаги и ждать инструкций. Впоследствии дон Косме вернулся в Валенсию и предъявил свидетельства о помиловании себя и своих братьев Хуану де Рохасу, тогдашнему инквизитору, который велел ему отправляться в *энхорабуэну*, поскольку они были помилованы и инквизиция больше не имела с ними ничего общего.

Прошло шесть лет, когда внезапно, без дополнительных доказательств, 3 сентября 1577 года Верховный суд вернул трибуналу документы по делам дона Косме и дона Хуана и приказал ему вызвать их, изучить, проголосовать по ним и доложить Верховному суду о его решении. Дон Косме к тому времени, по-видимому, обнищал и зарабатывал на жизнь тем, что обрабатывал доходы в Дженевесе; после некоторой задержки 24 декабря его доставили в тюрьму, и суд над ним возобновился. Сначала он отказался от допроса, ссылаясь на свое помилование, но ему было подробно объяснено, что целью было не вмешательство в это дело, а приведение его в действие, для чего ему необходимо было отречься от своих ошибок и примириться, для чего он должен был полностью признаться как перед самим собой, так и перед своими сообщниками; если бы он отказался, это показало бы, что он хотел остаться при своих старых ошибках и под отлучением от церкви. После некоторого препирательства он подчинился и рассказал, как примерно в возрасте двенадцати лет его мать научила его выполнять залу и поститься в Рамадан и верить в единого Бога; что Санта—Мария была девственницей и святой, но не Матерью Бога; что Господь Иисус Христос был сыном Божьим и пророком Божьим, который всегда говорил правду, и грех не верить в то, что он говорил, но что Магомет также был пророком Божьим, чьим высказываниям следует верить; его также учили не совершать убийств, не желать чужого, дочь своего соседа и не лжесвидетельствовать - все это, по-видимому, указывает на то, что среди морисков развивалась промежуточная вера, которая со временем стала бы христианской, если бы представилась такая возможность. Дон Косме далее заявил, что с момента своего первого ареста он всегда был христианином и желал жить и умереть в вере во Христа; он точно повторял все христианские молитвы, как на латыни, так и на романском, и жалел, что не родился среди христиан, поскольку это было бы лучше для него, как для тела, так и для души. Это продолжалось до 21 февраля 1578 года, когда ему разрешили использовать город в качестве тюрьмы под залог, а 26 марта ему разрешили вернуться домой, оставаясь при вызове в суд.

ВАЛЕНСИЯ

Затем прошло пятнадцать месяцев, пока 17 июля 1579 года его дело не было рассмотрено на голосовании в *discordia*, потребовав передачи его в Верховный суд, который 2 октября приказал пытать дона Косме и дона Хуана по своему усмотрению. Предварительные аудиенции, однако, были назначены для того, чтобы они могли очистить свою совесть и удовлетворить показания,

особенно в отношении сообщников, дав им понять, что это было необходимо для того, чтобы они могли воспользоваться помилованием 1571 года. В соответствии с этим судебный процесс был возобновлен, но запись заканчивается до того, как была достигнута стадия пыток, и архивариус дон Хулио Мельгарес Марин, который скопировал ее, предполагает, что рассмотрение дела оставалось приостановленным. Вероятно, либо двум братьям удалось собрать сумму, достаточную для удовлетворения Верховного Суда, либо они были признаны слишком бедными, чтобы заслуживать дальнейшего судебного преследования. [987]

Из такого случая, как этот, легко понять, насколько эффективным инструментом была инквизиция в возбуждении и увековечении среди морисков отвращения к религии, навязанной им силой и едва известной им, кроме как как оправдание жестокости и поборов. В какой-то степени это было признано правящими державами. После того, как мудрая терпимость была отброшена, что сделало мудехаров довольными подданными, отступничество неопитов стало источником серьезной озабоченности в духовной сфере, а их известная враждебность стала причиной еще большего беспокойства в сфере государственного управления. На протяжении более чем трех четвертей века это было предметом постоянной серии усилий и экспериментов, чередующихся между умеренностью и суровостью. При эффективной и честной администрации последовательной политикой можно было бы чего-то добиться, но нерешительность, некомпетентность и жадность привели только к росту раздражения. История длинная и запутанная, и здесь должно быть достаточно самого краткого изложения, чтобы указать на ее основные черты и причины неудачи в ассимиляции рас, от которых зависели мир и процветание Испании. Мы видели ошибочную политику, принятую в Гранаде; в Валенсии она была менее неразумной по духу, но с треском провалилась в исполнении.

После Германии и эдикта 1525 года были предприняты некоторые тщетные попытки миссионерской работы среди так называемых новообращенных, но ситуация 1526 года правильно описана Навигеро, венецианским посланником, который говорит, что об их обучении заботились так мало, главной целью были достижения священнослужителей, что они либо были такими же маврами, как и раньше, либо вообще не имели религии. [988] Было самоочевидно, что для обращения в христианство большого населения, рассеянного по всей стране, по большей части в замкнутых сообществах, потребуется полная организация приходских церквей со школами и всем необходимым оборудованием. Основанием для этого служила собственность мечетей, которые Климент VII в 1524 году приказал преобразовать в церкви, и десятина, которая теперь стала новым бременем для новообращенных. Это была добыча, за которую поспешили ухватиться все, кто увидел возможность поживиться. Чтобы возместить лордам ожидаемую потерю дани от их вассалов, с которыми было обещано обращаться во всем как с христианами, им была передана десятина, в обмен на которую они должны были обеспечивать церкви всем необходимым для богослужения, в то время как доходы мечетей, как ожидалось, пойдут на финансирование благотворительных организаций, покровительство которым было предоставлено лордам. Для этого, как мы видели, были предоставлены необходимые папские полномочия, но эта мера была атакована бесчисленными исками, некоторые из которых были переданы в римскую Роту с последующими бесконечными задержками. [989] Так или иначе, двести тринадцать мечетей были преобразованы в церкви в архиепископстве Валенсии, четырнадцать - в епархии Тортоса, десять - в Сегорбе и четырнадцать - в Ориуэле, но целью были доходы, а не религиозное обучение морисков. [990]

ВАЛЕНСИЯ

Прошло почти десять лет, но ничего не было достигнуто. Была признана необходимой тщательная реорганизация, и были получены папские полномочия, уполномочивающие кардинала Манрике предоставлять лиц для обучения новообращенных, возводить и объединять церкви, назначать и увольнять священников, регулировать десятину и в кратком порядке решать все иски, которые ожидалось от архиепископов, епископов, капитулов, аббатств, священников и светских лордов, что делало его и его делегатов независимыми от епископов, которые до сих пор ничего не предпринимали. [991] В соответствии с этим в 1534 году Манрике отправил уполномоченных с подробными инструкциями, включая положения об основании колледжа для обучения детей мориско, которые, в свою очередь, должны были обучать своих родителей. [992] Однако эта схема, хотя и была задумана с благими намерениями, потерпела крах из-за денежного вопроса, который, в конце концов, оказался препятствием, препятствующим всей разумной работе по конверсии. Доходы мечетей, десятина и первые плоды, похоже, исчезли - их поглотили аристократы и прелаты, и, хотя они получали свои доходы в значительной степени от труда морисков, казалось невозможным выжать из них то, что было необходимо для поддержки нового истеблишмента. В 1544 году святой Фома Вилановский, в то время архиепископ Валенсии, призвал императора назначить ревностных и образцовых настоятелей в деревнях мориско с достаточным жалованьем, чтобы они могли раздавать милостыню, но ему, похоже, не приходило в голову, что это было частью его долга и долга Церкви. [993]

Уполномоченные Манрике учредили сто девятисто приходов, которым выплачивалась нищенская стипендия в тридцать крон в год. Было невозможно найти подходящих священников для такой жизни, и ходили всеобщие жалобы на то, что они по большей части были невежественны и развращены, вызывая скорее отвращение, чем влечение к религии, которую они предполагали проповедовать. Многие были иногородними и полностью пренебрегали своими обязанностями или находили себе замену викариями с еще более низкой зарплатой. Некому было их проверять или поддерживать в порядке. Архиепископству Валенсии была назначена пенсия в размере двух тысяч дукатов в год для содержания проектируемого колледжа для молодежи мориско, но две трети этой суммы направлялись на содержание приходских домов, а остальное составлялось из различных источников, не всегда достаточных, поскольку некоторые обладатели пособий отказывались выплачивать назначенные им умеренные взносы. [994]

Напрасно предпринимались одна попытка за другой исправить эти недостатки. Безразличие церковных властей или их противодействие, когда их просили о выделении средств, парализовывало каждый разработанный план. В 1564 году корты Монзона указали на провал всех попыток наставить новообращенных, которые были наказаны за свое невежество, и внесли несколько предложений по исправлению положения. Филипп в ответ собрал хунту под председательством Вальдеса, выводы которой были воплощены в королевской седуле. Это передало инструкции морисков епископам в нескольких их епархиях, которые должны были назначать соответствующих лиц и держать их под наблюдением, относясь к неофитам с предельной добротой, вознаграждая хороших по их заслугам и назначая наиболее выдающихся из них на дружеские отношения. Архиепископ Айала, вернувшись из этой хунты, созвал провинциальный совет, но епископы не предприняли никаких действий для выполнения положений седулы, удовлетворившись наложением крупных штрафов на тех, кто не крестил

своих детей при рождении в лучшей одежде, которую они могли себе позволить; на альфакиес, посещавших больных, и на светских чиновников, которые пренебрегали мавританскими обрядами. Была выражена благочестивая надежда, что, заставив их посещать мессу в Пепельную среду, Чистый четверг, Страстную пятницу и День всех Святых, они могут быть привлечены к христианскому богослужению, и об их спасении позаботились, приказав им на смертном одре пожертвовать что-нибудь на благо их душ, в противном случае наследники должны отслужить для них по крайней мере три мессы. [995]

ВАЛЕНСИЯ

Именно в таком духе прелаты понимали свои обязанности по отношению к тем, кого клерикальное давление сделало их духовными детьми и кому они были обязаны значительной частью своих доходов. Хуан де Рибера, который в 1568 году унаследовал архиепископство Валенсии, был человеком иного склада. Он предпочитал радикальное лечение - изгнание, но до тех пор, пока мориски оставались, он считал своим долгом трудиться над их обращением. В 1575 году он провел конференцию с епископами Тортосы и Ориуэлы (Сегорбе был вакантен), когда было решено, что стипендии ректора были недостаточными, поскольку у алтаря не было подношений, что заставило многих отказаться от лечения, в то время как те, кто согласился бы занять эту должность, в основном были непригодны из-за невежества и характера. Поэтому было решено увеличить стипендию до ста крон. Король сделал взнос, и епископам и тем, кто пользовался десятиной морисков, была начислена сумма в размере семи тысяч дукатов в год (или 7350 либр). Доля Рибера в этой сумме составляла три тысячи шестьсот дукатов, взимаемых с дохода его "стола", который составлял сорок тысяч дукатов, так что налог составлял 9 процентов. Остальное легло на плечи священнослужителей, за исключением ничтожной суммы, которую должны были выплатить пять мирян. От Григория XIII была получена справка от 16 июня 1576 года, подтверждающая эту договоренность, и Рибера пунктуально внес свою долю в таулу или банк Валенсии, но другие церковники были непокорны. Доля его кафедрального капитула составляла восемьсот либр в год, которые он не только отказался платить, но и организовал лигу для оспаривания всей меры; ресурсы для затягивания судебных разбирательств были безграничны, и в 1597 году Филипп отправил в Валенсию лиценциата Коваррубиаса, чтобы по возможности урегулировать этот вопрос. В течение трех лет он трудился и, наконец, убедил капитул подчиниться папскому приказу, но под каким-то предлогом тот отказался соблюдать соглашение, и судебный процесс продолжился. Капитул Сегорбе, хотя его доля составляла всего семьдесят либр в год, пригрозил поднять бунт, если его заставят платить, и отправил своего казначея в Рим добиваться отмены брифа; в 1604 году он добился запрета на исполнение брифа, но, наконец, в 1606 году дело было решено не в пользу капитулов. К этому времени их задолженность составила сто пятьдесят тысяч крон, которые Филипп III им простил, и в течение нескольких оставшихся лет они выплачивали свои взносы. Тем временем вклад Рибера продолжал накапливаться с процентами, пока не составил 157 482 либры 13 шилл. 11 д. Из них около тридцати двух тысяч либр было израсходовано на приходские дома; в 1602 году шестьдесят тысяч были выделены колледжу для молодежи мориско, а в 1606 году тридцать одна тысяча была выделена на содержание женского колледжа; часть пошла на расходы, а в 1607 году остаток в размере более тринадцати тысяч был передан Коллегиальной семинарии Корпус-Кристи, которую он основал. [996] Таким образом, этот благонамеренный план провалился, как и все другие попытки, из-за алчности и безразличия тех, чьи обязанности и интересы в равной степени требовали их искреннего сотрудничества.

О том, чего могли бы достичь ревностные христианские прелаты, можно почерпнуть из опыта Фелисиано де Фигероа, епископа Сегорбского. Он долгое время был секретарем Риберы и был досконально знаком с этим вопросом. Возведенный в сан епископа Сегорбе в 1599 году, он пишет в 1601 году, что в его епархии было двадцать деревень мориско; за свой счет он назначил в них постоянных настоятелей *сдоктринеро*, или религиозными учителями, и двенадцатью проповедниками, сам руководя всей работой. Он уже сообщает о заметном преобразовании взрослых, в то время как дети проявляли привязанность и готовность принять веру; более того, за последние сорок лет многие мавританские церемонии вышли из употребления. Снова, в 1604 году, он описывает свои постоянные труды без уныния, хотя и жалуется на препятствия, воздвигнутые на его пути светскими властями, которые помогали альфакиесам противодействовать его усилиям. [997]

Это указывает на серьезную трудность, которая способствовала возникновению катастрофы. Лордами-вассалами Мориско двигали самые чисто эгоистичные мотивы. Максимально эксплуатируя своих иждивенцев, они боялись, что, если последние станут христианами не только номинально, но и фактически, они не смогут взимать налоги и дань, которые они взимали почти по своему усмотрению, поскольку мориски были беспомощны и беззащитны, и обещания, что с ними должны обращаться как с христианами, были забыты. Поэтому лорды препятствовали любой миссионерской работе и, насколько могли, защищали своих вассалов от инквизиции. Когда последний получил доказательства этого вмешательства в обращение, он, не колеблясь, подал в суд на высшую знать. В 1570 году суд приговорил дону Санчо де Кардону, адмирала Арагона, к отречению от престола *де Леви*, к штрафу в две тысячи дукатов и к затворничеству в монастыре по воле Верховной власти — затворничеству, которое оказалось вечным, поскольку он умер в монастыре во время своего заточения. Он заслуживал гораздо большего, если бы правдивы были показания, утверждавшие, что он посоветовал своим вассалам обратиться к королю, папе римскому и, наконец, к Великому турку, чтобы побудить его пригрозить преследованием христиан в его владениях, если морисков не оставят в покое, и далее, что он посоветовал им восстать и пообещал вооружить их, если они это сделают. Это был не единственный случай, поскольку в 1571 году магистр Монтесы и двое других дворян предстали перед судом за то же преступление, а в 1578 году еще двое стали объектами расследования. [998] Лорды еще больше сделали себя несносными, стремясь защитить своих вассалов от непрекращающихся поборов альгуазилей, приставленных к ним следить за тем, чтобы они регулярно посещали мессу, и штрафовать тех, кто этого не делал или кто работал в праздничные дни. Этим дворянам платили половину или треть их сборов; их положению нельзя было позавидовать, поскольку им угрожали как лорды, так и мориски в отдаленных округах, и было невозможно занять эту должность людьми с подходящим характером. [999]

Эти судорожные и бесплодные попытки обратить так называемых новообращенных сопровождалась частыми смягчениями жестких канонов борьбы с ересью, интересных тем, что они предполагают смутное представление о том, что терпимость, в конце концов, может быть более практичным методом завоевания человеческих душ, чем угнетение и гонения. К сожалению, эта неустойчивая политика была самой иррациональной из всех, которые только можно было придумать. Морисков так усердно учили ненавидеть христианство и не доверять своим завоевателям, что снисходительность могла рассматриваться только как продиктованная

страхом и дающая право более открыто следовать обрядам своей древней веры, в то время как чередование суровости только усиливало их ненависть к религии их угнетателей.

ВАЛЕНСИЯ

Эдикты милосердия были излюбленным средством, когда существовала склонность проявлять умеренность, но они, как мы видели, были, по большей части, необязательными, поскольку зависели от зарегистрированных признаний и обязательства изобличать сообщников. Записанное признание подвергало кающегося ужасному наказанию в виде рецидива, и, поскольку последнее было неизбежно, мориско, естественно, не решался брать на себя ответственность. Чтобы устранить это возражение, была сделана беспрецедентная уступка в приостановлении действия канонов, касающихся рецидива. Это могло быть сделано только папской властью, и это неоднократно пытались сделать. Самым ранним примером, по-видимому, является послание Климента VII от 5 декабря 1530 года, уполномочивающее Манрике назначать исповедников, способных отпускать грехи кающимся, даже если они неоднократно впадали в рецидив, с тайным отпущением грехов и епитимьей, и освобождать их и их потомков от всех наказаний, инвалидности и конфискации, предполагаемой причиной такого либерального попустительства отступничеству является нехватка священников в округах Мориско, которые могли бы наставлять новообращенных в вере. Однако только в 1535 году Манрике передал это в трибунал Валенсии с приказом привести его в исполнение, и даже тогда это, похоже, не оказало большого влияния на количество судебных процессов, хотя, если бы оно было честно запущено, оно заменило бы их. [1000] Этой политике продолжали следовать эпизодически, и до конца столетия неоднократно выдавались гранты, освобождающие от наказания за рецидив. [1001]

Кроме того, в Эдиктах Милосердия говорилось о необходимости изобличать сообщников, на что мориски, к их чести, редко могли заставить себя пойти. Епископ Сегорбский Фигероа указал на это Филиппу III как на дело чрезвычайной важности, поскольку это требовало от них обвинить своих родителей, своих жен и своих детей, что даже светские законы запрещали как дело, столь ужасное для человеческой природы. [1002] Тем не менее, это требовалось каноническим правом и не могло быть опущено без специального разрешения папы. Филипп II был настолько убежден в его неблагоразумии, что, когда необходимо было предпринять решающие усилия, чтобы проверить, могут ли мориски быть обращены в христианство в качестве альтернативы изгнанию посредством эдикта милосердия на самых благоприятных условиях, он попытался отменить это условие, но Климент VIII, как мы видели (Т. II, стр. 462), издавая в 1597 году эдикт, касающийся рецидива и допускающий, что признание может быть сделано ординариям епископальной церкви, настаивал на том, что признание должно включать полное осуждение отступничества других. [1003]

По разным причинам публикация эдикта была отложена до 1599 года, после того как Филипп III вззошел на престол. К нему были сделаны большие приготовления, как к последнему эксперименту; ректоры, проповедники и уполномоченные были разосланы по стране под подробными инструкциями Риберы, который сказал им, что работа трудная, но не невозможная; средства Риберы были использованы для колледжей; бароны должны были основать школы для обучения маленьких детей, и был организован *эрмандад* для помещения девочек в монастыри или в семьи старых христиан. [1004] Указ был должным образом опубликован в Валенсии 22

августа 1599 г.; срок его действия составлял всего один год, но был продлен до восемнадцати месяцев. Филипп III с нетерпением ожидал результата, который был доведен до него трибуналом в отчете от 22 августа 1601 года. По словам инквизиторов, за восемнадцать месяцев действия эдикта только тринадцать человек вышли вперед, чтобы воспользоваться им, и они сделали такие фиктивные признания и так защищали своих сообщников, что те заслуживали осуждения, а не отпущения грехов; некоторые из них, действительно, уже были донесены инквизиции, так что ими, очевидно, двигал скорее страх, чем желание обращения. Инквизиторы продолжали описывать морисков как мавров, которые всегда будут маврами, и, если инквизиция не обратила их в свою веру, это, по крайней мере, вынудило их грешить с меньшей оглаской и, таким образом, уменьшило их дурной пример. [1005] Эту неудачу можно рассматривать как фактически решающую судьбу мориско. Архиепископ Рибера подчеркнул это в двух решительных памятных записках, адресованных Филиппу III, и высылка была признана единственным выходом из ситуации, хотя колебания и нерешительность суда на несколько лет отложили приведение этой меры в исполнение.

ВАЛЕНСИЯ

Беглый взгляд на таблицы в Приложении покажет, как мало влияли последовательные Эдикты Милосердия на деятельность инквизиции, которая пожинала свои плоды независимо от них. Тем не менее, эти таблицы показывают, что между 1540 и 1563 годами были периоды, в течение которых трибунал бездействовал, по крайней мере, в отношении дел о ереси. Эти интервалы представляют собой замечательные попытки испытать эффект умеренности, который, хотя и нейтрализуется отсутствием совместной работы по привлечению новообращенных, заслуживает рассмотрения как мера, не имеющая примера в карьере Святой Канцелярии Испании.

Дворяне Валенсии яростно жаловались на беспокойство, вызванное среди их вассалов действиями инквизиции, и корты ходатайствовали о том, чтобы им было предоставлено тридцать или сорок лет для обучения, в течение которых они должны быть освобождены от судебного преследования. Карл собрал хунту прелатов и богословов, которая предложила различные планы умеренности и примирения, из числа которых он выбрал тот, который предусматривал предоставление отсрочки за прошлые преступления, разрешение им исповедоваться перед духовниками и что для их обучения должен быть предусмотрен период, в течение которого инквизиция не должна преследовать их в судебном порядке. Этот срок был либерально установлен в двадцать шесть лет с предупреждением, что в зависимости от того, будут ли они использовать его или злоупотреблять им, он будет продлен или сокращен. Мы видели, что им не удалось обеспечить церкви и инструкторов, и неудивительно, что они начали открыто жить как мавры, заявив, что, поскольку у них было тридцать лет, в течение которых они могли делать все, что им заблагорассудится, они в полной мере воспользуются этим. [1006] Этого нельзя было допустить, и усилиям по обращению путем терпимости пришел быстрый конец. Трибунал, у которого не было дел в 1541, 1542 и 1543 годах, возобновил свою деятельность и имел 79, 37 и 49 дел в 1544, 1545 и 1546 годах, часть из которых, однако, несомненно, были иудействующими, привлеченными к ответственности за отзыв признаний (Vol. II, стр. 584).

Затем, в 1547 году, произошел возврат к более мягкой политике. От Павла III была получена записка, датированная 2 августа 1546 года, настолько либерального характера, что она

фактически заменила инквизицию, предоставив право назначать исповедников с полной властью отпускать грехи *in utroque foro* — как сакраментально, так и в судебном порядке — даже тем, кто был осужден инквизицией, и освобождать их и их потомков от всех недостатков. [1007] К сожалению, право назначать исповедников было предоставлено Антонио Рамиресу де Аро, который в течение нескольких лет исполнял обязанности “апостольского комиссара” в Валенсии с обширными полномочиями во всем, что касается морисков, но в 1545 году он покинул Валенсию по вызову в качестве епископа Сеговии для участия в Тридентском соборе, и по этому вызову он преуспел добивался своего оправдания — и не принижал своих полномочий. По словам архиепископа Святого Томаса Вилановского, это не имело большого значения, потому что краткое изложение было неэффективным, поскольку требовало отречения *de vehementi*, влекущего за собой смягчение последствий рецидива, которому ни один из новообращенных не подвергнет себя. Поэтому он предположил, что следует приобрести более широкие возможности для освобождения от грехов без юридических форм, учитывая, что эти люди были насильственно обращены, что их никогда не учили и что их общение с Берберией не располагало их к христианству. [1008]

То, что последовало за этим, является поразительной иллюстрацией проволочек и пренебрежения, которые сделали испанскую администрацию столь неэффективной. Поручение епископа Сеговии вытеснило как инквизиторскую, так и епископальную юрисдикцию, и его отсутствие привело все в замешательство. Архиепископ Томас писал 12 апреля 1547 года принцу Филиппу, что с тех пор, как епископ уехал, мориски с каждым днем становились все смелее в исполнении своих мавританских церемоний, поскольку некому было их сдерживать; епископ не оставил никого, кто представлял бы его интересы, и нельзя терять времени на то, чтобы заставить его назначить кого-нибудь, кто мог бы прийти немедленно. Были даны обещания, что человек вскоре будет отправлен, но обычная маньяна отложила это на неопределенный срок. 10 ноября архиепископ снова заявил о полной свободе, которой пользуются конверсос, поскольку никто не уполномочен их исправлять, но его заявлениями пренебрегли, и в 1551 и 1552 годах он все еще призывал кого-то, уполномоченного поддерживать порядок в семье Морисков. Даже когда в 1551 году епископ Сеговии, который все еще сохранял свой сан, назначил инквизитора Грегорио де Миранду уполномоченным, он не предоставил ему инквизиторской власти, и мориски Валенсии еще на десять лет оставались свободными от преследований. [1009]

УГНЕТЕНИЕ

Это аномальное состояние объясняет, почему таблицы показывают лишь несколько случаев в 1547, 1548 и 1549 годах, а затем полное прекращение вплоть до 1562 года включительно, причем первое, вероятно, является незавершенной работой предыдущих лет. В 1561 году Павел IV уполномочил Вальдеса предоставить архиепископу Валенсии и его ординарию полномочия тайно примирять новых христиан: в тех случаях, которые могли быть доказаны в судебном порядке, признания должны были быть сделаны нотариусу и переданы в трибунал, где они оставались зарегистрированными как против кающегося, так и против его сообщников, в то время как в случаях, которые не могли быть доказаны, епитимьи должны были быть чисто духовными. [1010] Этот свежий эксперимент указывает на возрождение интереса к вопросу Мориско, за которым обязательно последует возврат к старым методам. Соответственно, в 1562 году трибунал начал действовать в Теруэле, где город Хеа имел репутацию убежища для злоумышленников; это были исключительно мориско, и ни одному старому христианину не

разрешалось там проживать. Наконец, все ограничения были сняты, и в 1563 году инквизиция энергично взялась за работу, расследовав шестьдесят два дела, и задержала два авто, в которых фигурировали девять дел из Хеа. [1011] После этого больше не было вмешательства в его функции, и он продолжал до конца вносить свою лепту в то, чтобы сделать христианство одиозным. О том, что архиепископ Айала думал о его влиянии в этом направлении, свидетельствует его предложение в 1564 году взять на себя обучение морисков за свой счет, но только при условии, что инквизиция не должна иметь с ними ничего общего, за исключением случаев открытого и вызывающего греха. [1012]

Даже без вмешательства инквизиции состояние морисков было плачевным. В обмен на крещение им было обещано, что они получают все привилегии христиан, но это, как и все другие обещания, было дано только для того, чтобы быть нарушенным. Принудительное обращение усугубило их бремя и не принесло никакой компенсации — они были христианами в том, что касается обязанностей, но оставались маврами в том, что касается ответственности и неравенства перед законом. В 1525 году синдики альджамов указали, что для того, чтобы наслаждаться своей религией, они были подвергнуты своими лордами многим поборам и подневольному труду, которые они не могли выполнять как христиане, поскольку им не разрешалось работать по воскресеньям и праздничным дням, поэтому они просили взимать налоги только как христиане. На это был дан ответ, в Конкордии 1528 года, что с ними следует обращаться как с христианами и что, во избежание нанесения ущерба сторонам, следует провести расследование для предотвращения несправедливости. Их сеньоры, однако, не признали этого, и в том же году корты Валенсии заявили, что они сохраняют все свои права на своих вассалов, которым было запрещено менять место жительства. [1013] Лорды приняли десятину и первые плоды в качестве компенсации, но просто добавили это новое бремя своим вассалам, которые были бессильны сопротивляться.

ВЗЫСКАНИЯ

Карл осознавал эту несправедливость и свою ответственность за нее, но не осмеливался вступать в конфликт со знатью и стремился прикрыться ужасным авторитетом инквизиции. Поэтому он добился от Климента VII 15 июля 1531 года примечательного краткого упоминания о том, что, когда сарацины были обращены, бароны и рыцари в качестве компенсации за нанесенный им ущерб были уполномочены взимать со своих вассалов десятину и первые плоды, но они не только наслаждались этими новыми поборами, но и продолжали вымогать личные услуги *иашофры* [1014] и другие требования периода, предшествующего конверсии. Таким образом, новообращенные, неспособные вынести это накопившееся бремя, утверждают, что оно оправдывает сохранение ими своих старых обычаев и пренебрежение христианскими праздниками и церемониями. Поскольку Чарльз попросил у него средства правовой защиты и поскольку он ничего не знал об этом деле, он поручил это Манрике, наделенному полномочиями рассматривать жалобы и вершить правосудие, подкрепляя свои решения порицаниями. [1015] Роль защитника морисков была новой для инквизиции, и Манрике соблюдал ее до января 1534 года, когда, отправляя брата Антонио де Кальчена и Антонио Рамиреса де Аро в качестве уполномоченных по организации церковей морисков, он сообщил им, что король приказал привести в исполнение Конкордию; новые христиане должны были во всем соблюдать ее. с ними обращались как со Старыми; они должны были тайно провести

расследование и сообщить, так ли это на самом деле. [1016] По-видимому, инквизиция уклонилась от непривычной задачи; нет никаких следов ее вмешательства в защиту угнетенных морисков, и ее единственные преследования дворян были за то, что они защищали своих вассалов от ее преследований. Что касается кортов, то их единственные усилия были направлены на то, чтобы увеличить бремя вассалов и, в случае их осуждения, извлечь выгоду из конфискаций.

Таким образом, они были безжалостно разграблены. Помимо раздела урожая, треть или половина которого шла господу, и помимо десятины и первых плодов, существовали бесчисленные всевозможные поборы и принудительные займы или милостыни. В 1561 году в одной из многочисленных консультаций по вопросу о мориско упоминается о трудностях, связанных с принуждением их жить как христиане и платить как мавры. Король, добавлялось в нем, должен освободить их от этих несправедливых поборов, но это повергло бы все королевство в смятение и затруднило бы работу по обращению, поэтому уполномоченным следует подумать, как добиться того, чтобы они платили не больше, чем христиане. Так продолжалось до самого конца. В 1608 году падре Антонио Собрино, S. J., утверждал, что одним из главных препятствий к обращению была тирания сеньоров, и, в дополнение к денежным поборам, он ссылается на принудительный труд, налагаемый на них, на мизерную заработную плату и еще более скудную пищу, или часто вообще без заработной платы. [1017] Фактически, они были фактически *хвостатыми и корчеванными в условиях мизерикорда*, и их угнетение смягчалось только постоянным опасением восстания, а в прибрежных районах - возможностью сбежать в Африку. Даже их церковные преследователи были почти тронуты жалостью к их безнадежной участи, но нам говорят, что к этому не испытывали сострадания, поскольку обычно считалось целесообразным держать их в нищете и порабощении. [1018]

Контроль сеньоров над своими вассалами был дополнительно усилен прагматикой Карла V в 1541 году, запрещавшей мориско Валенсии под страхом смерти и конфискации менять место жительства или сеньора, и любой, кто принимал их в качестве вассалов без специального королевского разрешения, подвергался штрафу в пятьсот флоринов или бичеванию за отсутствие денег. Гранадану и кастильским морискосам угрожали смертью за вторжение в Валенсию, и в 1545 году эта мера была распространена на жителей Арагона. Этот жестокий закон был повторен в 1563 и 1586 годах. [1019]

Сродни этому была самоубийственная политика запрета эмиграции тех, кто был признан опасными внутренними врагами. Это, как мы видели, было начато Фердинандом и Изабеллой и жестко продолжалось — отчасти, без сомнения, из благочестивых соображений, не позволяющих крещеным вероотступничать в Берберии, а отчасти для защиты сеньоров от потери их вассалов. Со временем это было введено в действие в Арагоне инквизицией, которая опубликовала указы на этот счет, включая руководство христианами через горы эмигрантов. В авто от 6 июня 1585 года трибунал наказал двоих, пытавшихся покинуть страну, и двоих, служивших проводниками, бичеванием и галерами для троих мужчин и бичеванием и тюремным заключением для женщины. [1020] Это было не только тяжким испытанием, лишившим угнетенных всякой надежды на облегчение, но и фатальной ошибкой, поскольку, если бы недовольным было позволено эмигрировать самим, с остальными можно было бы обращаться лучше, и вопрос о мориско, который в течение полувека отвлекал испанское

государственное руководство, мог бы разрешиться сам собой без отчаянного средства изгнания.

Разоружение было еще одной мерой предосторожности, вызвавшей недовольство, которое остро ощущалось. Мы видели это в Гранаде, и что в Валенсии это было благоразумной подготовкой к принудительному крещению в 1525 году. В Конкордии 1528 года мориски попросили вернуть им оружие, и им сказали, что с ними будут обращаться как с древними христианами. Это обещание, как и все остальные, было нарушено. Прагматика 1541 года, среди прочих ограничений, включала в себя ношение оружия. Это не было приведено в исполнение, и в 1545 году были разосланы приказы привести это в исполнение, но предложенные методы показывают, что это считалось опасным занятием, и от этой цели отказались. В 1552 году святой Фома Вилановский настаивал на том, чтобы это было сделано, и то же самое сделал инквизитор Миранда в 1561 году. Наконец, в 1563 году работа была завершена внезапными одновременными действиями лордов, когда составленные описи показали, что в 16 377 домах морисков было изъято 14 930 мечей, 3454 арбалета и длинный список другого оружия, свидетельствующий о том, насколько усердно мориски добывали себе пропитание. [1021]

РАЗОРУЖЕНИЕ—LIMPIEZA

В Арагоне это дело было передано инквизиции. Трибунал Сарагосы 4 ноября 1559 года издал указ, запрещающий морискам носить оружие, но дворяне обратились к Верховному суду и добились его приостановления на неопределенный срок. [1022] Вопрос был возобновлен в 1590 году, но ссора с архиепископом по вопросу приоритета отложила его рассмотрение, а затем неприятности Антонио Переса отвлекли внимание. Наконец, в 1593 году Филипп II отдал приказ о разоружении, исполнение которого было поручено трибуналу. Два инквизитора обошли страну и собрали 7076 мечей, 3783 аркебузы, 489 арбалетов, 1356 копий и алебард, а также большое количество другого оружия. Ножи были разрешены, но они увеличивались в размерах, пока не стали устрашающими; после того, как два или три чиновника инквизиции были убиты ими при проведении арестов, королевский эдикт 1603 года ограничил их длину до трети локтя и потребовал, чтобы они были бесполезны. [1023] Результат этих мер предосторожности был виден, когда указ о высылке был приведен в исполнение и отчаявшиеся негодяи, оказавшие безнадежное сопротивление, были убиты.

Рост абсурдного культа лимпьезы принес еще одно немаловажное затруднение. Сначала было намерение освободить Мориско от его исключительности. Когда в 1565 году Филипп II пытался примириться, он приказал назначить ведущих и влиятельных морисков приближенными, и мы видели, что инквизитор Миранда давал поручения братьям Абенамир. Павел IV запретил принимать в священный сан потомков евреев до четвертого поколения, а в 1573 году Григорий XIII распространил это правило на морисков, но кортес Монзона в 1564 году постановил, что тем, кто обучался в колледже Мориско в Валенсии, должно быть разрешено проводить бенефиции и исцелять души среди своего народа, и нам говорят, что он выпустил несколько хороших священников, проповедников и докторов богословия. [1024] Однако со временем исключение стало общим, и по всей Испании не проводилось различия между потомками евреев и мудехарцев. В стране, где карьера на посту, светском или церковном, была мечтой каждого человека, имевшего хоть какое-то образование, этот барьер обрек на безвестность способных людей, которые, естественно, посвящали свою энергию разжиганию недовольства и

провоцированию бунта. Наваррете, как мы видели, даже считает, что необходимости изгнания можно было бы избежать, если бы не это; что морисков можно было бы обратить в христианство, если бы у них была возможность идентифицировать себя с нацией и участвовать в ее общественной жизни, вместо того чтобы доводить до отчаяния и ненависти к религии из-за несмываемого клейма, наложенного на них. [1025]

Крещение детей мориско служило постоянным источником раздражения. Были предписаны строгие правила для обеспечения отправления таинства, поскольку это было необходимо для их спасения и для передачи их под юрисдикцию инквизиции. Ни одной женщине из племени мориско не разрешалось выполнять функции акушерки, но в каждой деревне была христианская акушерка, тщательно отобранная и проинструктированная. Она следила за всеми беременными женщинами, подвергаясь штрафу в сто реалов за каждое пропущенное дело. После того как она приложила младенца к груди, ее первым долгом было уведомить священника и альгуазиля, после чего она не должна была отходить от постели, за исключением выполнения необходимых домашних обязанностей. Крещение совершалось в тот же день или на следующий, и велись тщательные записи, чтобы можно было обеспечить идентификацию личности. Несомненно, есть истина во всеобщем утверждении, что, вернувшись домой, отец соскреб и промыл пятна, которых коснулось миро, в уверенности, что тем самым он стирает причастие. [1026]

ЗАПРЕЩЕННЫЕ БРАКИ

Брак был источником бесконечных неприятностей. Церковь запретила союзы в пределах четвертой степени родства и, изобретя духовную близость, усложнила и расширила сферу кровосмешения, в то время как, присвоив папе выгодную власть продавать разрешения, она признала, что ограничение было чисто искусственным. Среди мавров разрешались браки между двоюродными братьями и сестрами, и, поскольку мориски жили взаперти в своих морериасах или в небольших изолированных деревнях, не имея права менять место жительства, смешанные браки на протяжении поколений создавали такую сложность отношений, что союзы, законные в соответствии с каноническим правом, должны были быть исключительными. Мы видели вопрос, поднятый в Конкордии 1528 года, в результате чего существующие браки и помолвки были запрещены, но будущие должны соответствовать канонам. Это было практически невозможно; ректоры пытались заставить своих подданных покупать разрешения, но нам сказали, что они редко делали это; что в некоторых местах они просто говорили лорду, что стороны состоят в родстве и что, если он не будет возражать, брак состоится — безразличие, за которое не один дворянин был привлечен к ответственности и публично наказан. [1027] При таких обстоятельствах не могло быть никаких христианских брачных обрядов, и союз был юридически чистым наложничеством или, в лучшем случае, тайным браком, который Тридентский собор в 1563 году признал недействительным. [1028] Вероятно, именно соборные определения побудили кортесов Монсона в 1564 году ходатайствовать о том, чтобы были предоставлены возможности для получения разрешений от комиссара Санта-Крусасы, который обладал необходимыми способностями, и, кроме того, чтобы потомки таких союзов были юридически законными. На эту вполне обоснованную просьбу епископы Собора Валенсии в 1565 году ответили угрозой отлучения от церкви и других наказаний всем, кто вступает в брак в пределах запрещенных степеней, и всем, кто причастен к уклонению от канонов. [1029]

Все признавали, что этот вопрос имеет первостепенную важность, но относились к нему с обычной небрежностью и проволочками. Наконец, в 1587 году Филипп II представил это Сиксту V, но тот добился лишь краткого разрешения от 25 января 1588 года, предоставляющего епископам Валенсии только на шесть месяцев полномочия подтверждать такие браки, узаконивать детей и отпускать грехи родителям *в утробе форо*, наложив на них спасительную епитимию, за которую не требовалось взимать никакой платы. Маловероятно, что чиновники проявляли большой интерес к выполнению этой безвозмездной работы или что мориски, даже если они случайно слышали о записке, подвергали себя неприятностям, которые это влекло за собой. Последнее зарегистрированное действие по этому вопросу - это то, что Филипп в 1595 году решил подать заявку на другую справку того же характера. Он, несомненно, получил ее с тем же неожиданным результатом. [1030]

Мавританское правило не есть мясо, зарезанное необрезанными, было использовано как предлог для некоторых неприятных вмешательств. В гранадском декрете 1526 года Карл V запретил всякое забой скота морисками в местах, где были старые христиане; там, где их не было, священник должен был назначить человека для исполнения этой обязанности. [1031] Этому вопросу, по-видимому, уделялось мало внимания, пока архиепископ Рибера не издал указ, запрещающий морискам есть мясо, которое не было зарезано старым христианином. Это было нарушением юрисдикции инквизиции, и в 1579 году Верховный суд обратился в трибунал Валенсии за отчетом, в том числе о том, что сделал епископ Галло из Ориуэлы по тому же делу. Трибунал ответил, что эдикту подчинились, но что мориски не будут есть мяса, зарезанного старыми христианами, за исключением нескольких мест, где их заставляют их лорды. Эдикт должен быть увековечен, поскольку отказ есть мясо христианского мясника был доказательством подозрительности, требующим судебного преследования инквизицией. В Ориуэле возникли сомнения в том, что корова, убитая в Аспе, была должным образом зарезана; мориски отказались есть ее, за что трибунал Мурсии наказал некоторых из них, что побудило епископа Галло распорядиться, чтобы в Аспе и Нобельде забоем мяса занимались старые христиане. Вероятно, именно это привело к тому, что был принят общий закон, запрещающий мориско заниматься мясным ремеслом или даже убивать птицу для больного человека, закон, повторенный еще в 1595 году. [1032]

РАЗРУШЕНИЯ НА ПОБЕРЕЖЬЕ

Подвергаясь постоянному раздражению из-за вмешательства в их привычки и обычаи, притеснению своих лордов и преследованиям инквизиции, лишенные всякой возможности подняться по социальной лестнице, лишенные возможности наслаждаться верой своих предков, в то время как их усердно приучали ненавидеть навязанную им религию и отчаивались в облегчении в будущем, неудивительно, что мориски были недовольными подданными, стремящимися сбросить невыносимое иго и восстать против своих угнетателей. Однако их было немногим более полумиллиона душ, безоружных и необученных, при населении в восемь или десять миллионов человек — ничтожно малое количество в энергичные дни Фердинанда и даже в первые годы правления Карла V. Испанская монархия, однако, растратила свои силы на отдаленные предприятия; еще до страшной утечки ресурсов в Нидерландах изнурительные усилия, потребовавшиеся для сокрушения гранадских морисков, показали, что она уже обанкротилась в ресурсах. Этот эпизод был предупреждением, которое испанские

государственные деятели вполне могли принять близко к сердцу, и год от года рос страх перед тем, какой может быть судьба Испании, если внутренние враги объединятся с внешними.

Опустошительные действия мавританских корсаров на южном побережье, ответственность за которые несли мориски, долгое время были источником унижения и раздражения, хотя сами по себе и не представляли опасности. Несомненно, они помогали, передавая информацию, поддерживая отношения с Берберией и пользуясь услугами раззий, чтобы бежать туда, когда могли, но главная ошибка заключалась в невероятной глупости политики, настолько озабоченной иностранными амбициями и роковым бургундским наследством, что она пренебрегала защитой испанских берегов, пока не вошло в поговорку, что это были Острова турецких и мавританских мореплавателей.

Жалобы на эти разрушения начались с обращением Гранады в христианство и продолжались непрерывно более столетия, в то время как меры по защите от этих нападений были спазматическими и прискорбно недостаточными. Боронат приводит список из тридцати трех походов в период с 1528 по 1584 год, но сюда не входят бесчисленные высадки с небольших судов, увозивших банды морисков, и такие грабежи, какие удавалось наспех собрать, - небольшие набеги, подобные тому, что живописно описал Сервантес, с его характерной чертой — укрепленной церковью, в которой защищались христиане прибрежной деревни, в то время как мориски с нетерпением спешили погрузиться. [1033] В более крупных экспедициях мориско иногда сбегали в значительном количестве. В 1559 году Драгут увел две с половиной тысячи человек; в 1570 году были взяты все жители Пальмеры; в 1584 году алжирский флот увел две тысячи триста человек, а в следующем году другой флот увел все население Каллозы, и все это нанесло огромный ущерб лордам, потерявшим своих вассалов. [1034]

Этим набегам практически не оказывалось сопротивления, и они оставались неотмщенными, поскольку побережье не охранялось ни с суши, ни с моря. Иногда, как в 1519 году, мы слышим об отправке нескольких сотен солдат, когда поступали известия об ожидаемом вражеском флоте: иногда между центральным правительством и незащищенными провинциями велись переговоры о сохранении сил на воде, но неадекватность этих мер предосторожности иллюстрируется переговорами 1547 года, когда каталонский суд пожаловался на непоправимый ущерб, нанесенный мавританскими корсарами, и попросил отправить туда на зимовку шесть из кастильских галер. Принц Филипп только пообещал, что сделает то, что сочтет нужным, что привело к предложению о том, что Каталония снарядит и укомплектовает экипажем одну галеру, в то время как Валенсия пообещала одну или две, и Филипп согласился на просьбу о том, чтобы кастильские галеры сотрудничали с ними. [1035] Другой способ был основан на предполагаемом сговоре морисков с корсарами, и казалось, что проще полностью исключить их доступ к побережью, чем эффективно охранять его. Еще в 1507 году Фердинанд предпринял попытку переселить население от Гибралтара до Альмерии, но эксперимент оказался неудачным. [1036] В соответствии с различными дикарскими законами морисков неоднократно пытались запретить им удаляться от моря на предписанные расстояния и поддерживать связь с корсарами, но это, естественно, ни к чему не привело. [1037] В 1604 году корты Валенсии даже предложили заручиться сотрудничеством морисков, предложив им выкупить всех христиан, захваченных в плен и поработанных на валенсийском побережье, в обмен на то, что строгость инквизиции должна быть ослаблена и от них не должны требоваться показания друг против друга, но нет необходимости говорить, что план был отклонен. [1038]

Хотя вопрос о корсарах сам по себе был сравнительно тривиальным, он занимал непропорционально большое место в обсуждениях вопроса о мориско и, несомненно, оказал влияние на окончательное решение. Результат, действительно, показал, что между морисками и корсарами существовала связь, поскольку одним из преимуществ, полученных в результате изгнания, было облегчение положения на побережье. [1039] Однако в глазах государственных деятелей гораздо большей была надвигающаяся опасность восстания, совпадающая с нападением берберийцев, турок или, в более поздние годы, Франции.

ЗАГОВОРЫ

Еще в 1512 году Питер Мартир, описывая беспокойное положение Гранады, заявил, что, если какой-нибудь отважный главарь пиратов отправится в глубь страны, население вырастет, а поскольку Фердинанд будет занят завоеванием Наварры, все пойдет прахом. [1040] В 1519 году в Валенсии поднялся переполох из-за сообщения о том, что алжирские мавры собираются захватить королевство совместно с морисками. [1041] Несколько примечательно, что, когда в 1528 году был раскрыт заговор, стремление трибунала Валенсии защитить свою юрисдикцию фактически привело его к защите заговорщиков. Власти арестовали отца де Альба и его тещу Изабель как руководителей заговора. Трибунал признал их вероотступниками, и когда они были отправлены к нему для допроса, он бросил их в свою тюрьму и отказался выдать, хотя вице-король потребовал их как необходимые для раскрытия деталей заговора. Кардиналу Манрике пришлось отправить специального курьера с письмом, в котором выражалось его удивление, поскольку безопасность государства была первоочередным соображением, но даже тогда трибунал выдал их только с предупреждением, что они не должны пострадать живыми или невредимыми. [1042]

Когда Филипп II вернулся в Испанию в 1559 году, он потребовал отчета о морисках, и представленная ему информация включала отчет о заговоре с турками с целью вторжения. [1043] В 1565 году был произведен ряд арестов по обвинению в изменнической переписке с турками, и ходили слухи, что тридцать тысяч морисков были зачислены в армию, ожидая только захвата Мальты, чтобы выступить на помощь вторжению. Французский посол, сообщивший об этом, впоследствии добавил, что история заговора опровергалась, но инквизиция так плохо обращалась с морисками, что отчаяние могло легко побудить их взяться за оружие, чтобы помочь турку. [1044] В 1567 году на процессе над Херонимо Рольданом трибуналом Валенсии были обнародованы свидетельства посланников правителя Алжира с письмом, призывающим морисков восстать, а также планы их организации и вооружения. [1045] Верно, что восстание в Гранаде показало, что не было такого стремления вторгнуться в Испанию, как предполагалось, но, с другой стороны, если с помощью пяти или шести сотен мавров и турок повстанцы до предела истощили мощь королевства, каковы были перспективы, если мощный флот, господствующий на море, высадит тяжелые силы обученных и хорошо вооруженных бойцов? Во время восстания венецианский посланник Сигизмондо Кавалли указал, что помощь из Берберии поставит королевство в тяжелейшее положение, поскольку на помощь захватчику пришло около шестисот тысяч морисков. Так, в 1575 году Лоренцо Приули, оценив их в четыреста тысяч, описал как источник постоянной опасности. [1046] Опасность постоянно возрастала со временем. Было общепризнано, что из-за оттока населения в колонии, внешних войн и роста безбрачия духовенства численность старых христиан постоянно уменьшалась, в то время как морисков быстро увеличивалось; материальные и особенно военные ресурсы Испании постепенно истощались, и испанские государственные деятели с тревогой ожидали

того времени, когда, как рассказывает нам Фрай Бледа, мориски надеялись в конечном итоге отвоевать землю с помощью мавров и турок. [1047]

ЗАГОВОРЫ

Но это было еще не все, поскольку после умиротворения Франции под умелым контролем Генриха IV перед ними замаячил новый и более опасный враг. Генриху предстояло выплатить давний долг мести, и он только ждал удобного случая. Он был в союзе с турками и не испытывал никаких угрызений совести в отношении мусульманской помощи. Еще в 1583 году, когда он был всего лишь королем Наварры, были опасения по поводу предполагаемого сговора между ним и турками для вторжения в сочетании с морисками, что побудило Супрему в январе 1584 года потребовать от трибунала Сарагосы отчета обо всех имеющихся в записях доказательствах заговора с целью восстания. [1048] Это было подробно изложено и показывает непрекращающуюся бдительность и постоянную тревогу, начиная с 1565 года, к которым привело недовольство морисков, и их переписку не только с берберийскими государствами и турками, но и с французскими гугенотами. Часть улик, несомненно, была сфабрикована шпионами, нанятыми инквизицией, но их было достаточно подлинных, чтобы показать, что среди морисков постоянно существовали заговоры и интриги. Генрих IV был вполне готов использовать их недовольство для реализации своих планов по свержению испанской монархии, и в 1602 году он вступил с ними в переговоры через маршала герцога де ла Форса, своего губернатора в Беарне и Наварре. Они пообещали собрать восемьдесят тысяч человек и освободить три города, один из них - морской порт, и в подтверждение своей решимости выплатили ла Форсу в По в 1604 или 1605 году сто двадцать тысяч дукатов, но Генрих решил, что момент неподходящий, и план был отложен. [1049]

Затем, в 1608 году, возникла новая тревога из-за переговоров валенсийских морисков с Мулей Сиданом, претендентом на трон Марокко, которому они пообещали двести тысяч человек, если он приведет двадцать тысяч и захватит морской порт, в то время как некоторые голландцы согласились предоставить транспорт. Филипп III был настолько впечатлен этим, что, отправляя отчет в Королевский совет, приказал ему рассмотреть этот вопрос, исключив все остальное. Он признал незащищенное положение Испании; Мулей Сидан был ее объявленным врагом; султан Ахмед I освободил руки от войны с Персией и подавил своих собственных повстанцев; итальянские владения Испании были истощены и созрели для восстания, в то время как дома мориски с нетерпением ждали освобождения. Поэтому Совету было приказано рассмотреть способы сохранения мира, за исключением того, чтобы перебить их всех. [1050]

Эта паника прошла; Мьюли Сидан отверг предложения мориско, и Ахмед направил свой флот к берегам Италии. Однако впечатление осталось; окончательный толчок был дан, и отныне изгнание морисков было лишь вопросом средств и возможности. Вряд ли можно сказать, что его исполнение было преждевременным, поскольку, хотя жители Валенсии были депортированы осенью 1609 года, а жители Арагона - весной 1610 года, Генрих IV все еще полагался на тех, кто остался, чтобы помочь ему в его планах уничтожения Испании. Частью его плана было вторжение ла Форс с десятью тысячами человек, рассчитывающих на сотрудничество морисков, с которыми переговоры были возобновлены. Ла Форс консультировался с ним и находился в его карете 14 мая 1610 года, когда на улице Ферронери нож Равайяка дал Испании передышку. [1051] Очевидно, предполагалось, что высылка была несовершенной и что Испания все еще оставалась легкой добычей. Барон де Салиньяк,

французский посол в Константинополе, писал Генриху 2 мая 1610 года, что независимо от того, сколько морисков было изгнано, осталось достаточно, чтобы доставить испанцам неприятности; война, которая в другом месте могла стоить кроны, там не будет стоить мараведи, и когда она начнется, Испании будет труднее собрать мараведи, чем собрать дублон в другом месте. [1052] Как развернулись события, это были напрасные домыслы, но они представляют интерес, поскольку показывают, как, по мнению ее врагов, Испания смертельно искалечила себя из-за неправильного управления своими подданными-мориско. Для испанских государственных деятелей того времени ситуация стала такой, из которой необходимо было выбраться любой ценой.

Легко поверить, что этот вопрос задолго до этого вызвал серьезную озабоченность Филиппа II и его советников. Еще в 1581 году, когда в Лиссабоне укреплялось его правление Португалией, он сформировал хунту из своих главных советников, чтобы сформулировать определенный вывод. То, чего они достигли, было милосердным отправлением в море всех морисков, которые не прошли катехизацию или не пожелали остаться, погрузив их на никчемные корабли, которые подлежали затоплению, поскольку было сочтено неразумным увеличивать население Африки; было решено, что, когда флот вернется с Азорских островов, план должен быть выполнен Антонио де Лейвой, но, когда флот прибыл, он понадобился во Фландрии, и от проекта отказались. Когда в 1602 году Филиппу III сообщили об этом, он выразил свое удовольствие, потому что это оправдывало то, что тогда рассматривалось. [1053]

ОБСУЖДЕНИЯ

Поскольку брат Диего де Чавес, духовник Филиппа II, был членом хунты, не могло быть никаких угрызений совести по поводу этого массового убийства. Церковь веками учила, что смерть является наказанием за ересь; это уже не обсуждалось и принималось как нечто само собой разумеющееся, так что все, кроме этого, было незаслуженной милостью — рабство, галеры, рудники, кастрация были милостями, за которые виновные должны чувствовать благодарность. Так учили все богословы, и так со знанием дела изложил Фрай Бледа в своей отвратительной книге *"Защита веры"*, которая была одобрена в Риме после тщательного изучения и напечатана на средства Филиппа III. [1054] Тем не менее, ради чести человечества, следует сказать, что было несколько редких душ, которые считали, что религию следует распространять с помощью любви и милосердия — по крайней мере, мы можем так предположить из мемориала, представленного лиссабонской хунте, в котором говорится, что надлежащие средства обращения еще никогда не были испробованы; что лечение не удалось с применением насилия, поскольку болезнь не была неизлечимой, и вина лежала в том, что религия была распространена с помощью насилия. принятые методы; Христос послал апостолов обратить мир, проповедуя Евангелие, и усилия должны быть направлены на то, чтобы найти учителей образцовой жизни, которые проповедовали бы с любовью и кротостью. В мемориале спокойно и сдержанно перечислялись ошибки, которые были допущены при использовании принуждения и отсутствии инструкций и убеждения, и предлагался ряд мер, которые показывают, что автор был знаком с трудностями задачи, существенным условием которой было то, что те, на кого это было возложено, должны были убедить себя, что это невозможно. Хунта ограничилась предложением, чтобы, если того пожелает король, мемориал был

отправлен прелатам Валенсии, Арагона и Гранады для изучения и составления отчета. Кажется, оно было отправлено таким образом, но в записи есть только два ответа. Архиепископ Рибера ответил альтернативой немедленного изгнания или, что было бы лучше, прореживания морисков путем назначения группы специальных инквизиторов, которые должны вершить быстрое правосудие до тех пор, пока их не останется так мало, что их можно будет изгнать без проблем, таким образом спокойно предложив сжигать мужчин и женщин сотнями тысяч. Чуть менее жестоким было предложение инквизитора Валенсии Хименеса де Рейносо, который выступал за высылку на Ньюфаундленд под охраной солдат, которые должны были получить земельные наделы и вассалов, аналогичные тем, что были у конкистадоров в Новом Свете.

[1055] Такое изгнание предотвратило опасность увеличения численности африканского населения и было рекомендовано, с характерно диким дополнением, Мартином де Сальватьеррой, епископом Сегорбским, когда в 1587 году к его совету обратился Филипп. Он ответил долгим и жестоким нападением на морисков и предложил депортировать их на Ньюфаундленд, где они быстро погибнут, особенно если принять меры предосторожности и кастрировать всех самцов, старых и молодых. [1056]

К чести Филиппа II и его советников следует отметить, что после провала Лиссабонского проекта 1581 года они отказались принять бесчеловечные предложения своих церковных советников. Этот вопрос продолжал обсуждаться снова и снова, в повторяющихся хунтах и советах, в бесчисленных консультациях и в системе, доведенной Филиппом до совершенства, бесконечных разговоров и писанины, которые служили оправданием бездействия. Обсуждался один план за другим, например, обращение всех морисков в рабство или отправка трудоспособных на галеры, но идея изгнания постепенно выдвигалась на первый план. В этом запутанном клубке предрассудков, страстей и фанатизма приятно познакомиться с более государственной точкой зрения, выраженной в письме королевского секретаря Франсиско де Идиакеса от 3 октября 1594 года по поводу документа, представленного ему королем каким-то ревностным, но непрактичным человеком, который утверждал, что существующий дефицит возник из-за перенаселения, которое будет устранено изгнанием морисков. По словам Идиакеса, это далеко не так, но в Испании проживает меньше жителей, чем за последние два-три столетия. Если бы присутствие этой мерзкой расы было столь же безопасным, сколь и прибыльным, не было бы ни одного клочка земли, который не был бы отдан в их руки, ибо только они своими умениями и бережливостью принесли бы плодородие и изобилие, что снизило бы цены на провизию, а вместе с ней и на другие продукты. Дешевизна была вызвана не скудостью населения, а плотностью, если люди хотели работать; высокие цены были результатом порока, праздности, роскоши и чрезмерных излишеств, которым предавались все классы. [1057]

ОБСУЖДЕНИЯ

Панический страх, испытываемый семейством Морисков, отражен в тщательно продуманном памятнике, подаренном Филиппу III при его восшествии на престол в 1598 году маркизом Веладой, который был его наставником *имайордомом-мэром*, серьезно призывающим сицилийскую вечерню не допустить того, чтобы они применили тот же прием. [1058] Тем не менее, более простое решение, заключающееся в том, чтобы позволить непримиримым уйти, не обошлось без сторонников, и одно время оно было близко к принятию. В 1598 году дон Мартин Гонсалес де Селлориго представил секретарю Идиакесу предложение разрешить или потребовать от них покинуть Испанию, остальных рассеять по Кастилии, чтобы они отреклись от своей ереси и подвергли их ограничениям, налагаемым на изгнанников из Гранады. [1059] Еще

в 1607 году *Хунта де Трес*, которой было поручено все дело морисков, на консультациях от 1 января одобрила план, позволяющий всем, кто не примет христианство, переселиться в Берберию, указав на тщетность возражений, что это увеличит власть мавров, и это вполне возможно. повторил 29 октября, добавив предложение о том, что кастильские мориски должны быть рассеяны и ограничены сельскохозяйственным трудом, и во всем этом Филипп выразил свое согласие. [1060]

Это было слишком разумно и гуманно, чтобы удовлетворить духовенство, которое стремилось избавиться от несносных отступников путем изгнания или истребления, и Испании нельзя было позволить так легко разрешить трудности, возникшие в результате столетия фанатизма и беззакония. В условиях нерешительной и колеблющейся политики двора, как мы видели, была предпринята последняя попытка примирить и проинструктировать в Эдикте милости 1599 года на условиях, которые сделали его неприемлемым. За его провалом в 1601 году последовали памятные записки архиепископа Риберы, призывающие к изгнанию, и любые последующие попытки обратить в христианство, такие как хунта епископов, состоявшаяся в 1608 и 1609 годах, были просто направлены на то, чтобы развлекать морисков и держать их в неведении о предлагаемых более радикальных мерах в течение тех лет, когда Филипп III и его советники обсуждали и переосмысливали этот вопрос, обдумывали детали и избегали принятия бесповоротного решения.

Когда под давлением тревоги по поводу Мьюли Сидана Филипп призвал свой Государственный совет к немедленному принятию решения, тот признал, что было слишком много задержек и что этот вопрос нельзя оставлять на усмотрение следующего поколения, поскольку христиан из-за войн, религии и распутной жизни постоянно становилось все меньше, в то время как морисков из-за мира и бережливости становилось все больше, пока со временем они не составят большинство. Альтернативы резне, или рабству, или галерам, или разрешению недовольным эмигрировать почти не упоминались, и изгнание было в умах всех. Внешние связи Испании предоставили благоприятную возможность, и ее не следовало упускать. Работу следовало начать с Валенсии, которая была самым опасным центром, а другие королевства можно было успокоить, заверив, что изгнание не зайдет дальше. Оппозицию знати можно было бы подкупить, предоставив ей реальную и личную собственность их вассалов, и следовало подготовиться к тому, чтобы к концу весны иметь мощный флот у побережья и достаточные силы на суше, чтобы подавить сопротивление. Поскольку инквизиция имела обыкновение производить множество арестов, она могла легко схватить влиятельных морисков, чтобы лишить остальных их руководства. Это в общих чертах обрисовало план, которому в конечном итоге последовало, и единственным частично несогласным был королевский духовник, кардинал Фрай Херонимо Ксавьерро, который ссылаясь на насильственное крещение и тщетные попытки наставить министров, многие из которых вели настолько развращенный образ жизни, что своим дурным примером приносили вред; он просил, чтобы усилия по обращению продолжались, и если ко времени, установленному для исключения, не будет никаких перспектив улучшения, предлагаемая строгость будет оправдана. Затем инквизиция могла бы инициировать процесс относительно их отступничества, когда они могли бы быть осуждены за измену Богу или, если мятеж будет доказан, за измену королю. [1061]

Это последнее предположение относится к характерной щепетильности. Рибера упоминал об этом в своем втором меморандуме о том, что изгнание будет вторжением в церковную юрисдикцию, лишая ее возможности применять канонические наказания, но это, по его

предположению, может быть отменено путем обращения к папе римскому. [1062] Несомненно, ввиду этих сомнений и во избежание вмешательства инквизиции, которая была заинтересована в сохранении существующей ситуации, эдикт об изгнании представлял меру как чисто светскую, вызванную изменнической перепиской морисков с врагами Испании и необходимостью умиловить Бога за их ересь. [1063]

ИЗГНАНИЕ

Все еще оставались нерешительность и задержки, и жребий не был брошен до тех пор, пока в апреле 1609 года Государственный совет не представил консультацию, единогласно согласившись с изгнанием и фактически определив, что работы должны начаться осенью, причем интервал был использован для организации ополчения, переброски войск из Италии и сбора эскадр для командования побережьем. В начале мая вице-королям Сицилии, Неаполя и Милана были отправлены приказы привести галеры в готовность, а в конце июня эскадрам было приказано собраться на Майорке 15 августа. Даже после этого были признаки колебаний, но план был выполнен. [1064]

В начале августа дон Агустин де Мехиа, офицер высокого ранга, отличившийся при осаде Остенде, был отправлен в Валенсию якобы для осмотра укреплений, но вооружен всеми полномочиями для осуществления высылки. Он привез Рибере письмо от короля, в котором тот подробно рассказывал о влиянии, которое тот оказал, приведя его к решению. Рибера получил больше, чем рассчитывал. Его несколько эгоистичная теория заключалась в том, что, изгнав морисков с остальной территории Испании, можно было бы контролировать Валенсию и Арагон, и он боялся потерь и страданий, которые могли быть причинены его ближайшему окружению. Еще 19 декабря 1608 года он отстаивал эту точку зрения в письме королевскому секретарю, утверждая, что они нанесут ущерб Кастилии и Андалусии, в то время как их удаление приведет к разорению Валенсии и Арагона, ныне самых цветущих королевств Испании. Более крупные города, по его словам, жили за счет провизии, приносимой морисками; церкви, больницы, монастыри, братства, благочестивые наследники, знать, джентри и горожане зависели от их услуг и поддерживались цензурой, взимаемой с их общин; он часто желал скорее умереть, чем стать свидетелем такого разрушения. [1065] Итак, когда 20 августа Мехиа прибыл в Валенсию и после совещания с вице-королем Карасеной был вызван Рибера, который прочитал королевское письмо, он повторил эти аргументы и предложил, чтобы все трое присоединились к призыву к королю начать с Андалусии. Когда конференция закончилась в 4 часа дня, он все еще был тверд, и ему сказали, что курьер в Мадрид отправится в полночь, когда он сможет написать то, что сочтет нужным. Поразмыслив, он пришел к выводу, что королю нужно послушание, а не совет, и вовремя отправил во дворец курьера с письмом королю и вестью в Мексику и Карасену, в которой говорилось, что королевское решение пришло с небес, и он будет продвигать его всеми своими силами. И все же он не мог примириться с перспективой бедности. 23 августа он написал секретарю де Прада, в котором повторил свою настоятельную просьбу начать переговоры с Кастилией и Андалузией, а 3 сентября обратился к брату Бледе и приору доминиканца Алкосеру: “Падре, вполне возможно, что в будущем нам придется есть хлеб с зеленью и самим чинить обувь”. [1066]

Секрет хранился превосходно, но миссия Мехии, столь несовместимая с его рангом, вызвала подозрения, которые росли день ото дня. Мориски начали укреплять свои дома, перестали работать и доставлять провизию в город, который в результате пострадал; дворяне перевезли

свои семьи в город, чтобы быть готовыми к худшему, а действия Риберы по усилению охраны и созданию запасов провизии усилили волнение. *Военное сословие*, или Дом знати, провело два или три бурных собрания, на которых было решено направить депутацию к королю, чтобы представить разорение, которое изгнание принесет каждому классу в королевстве, где одиннадцать миллионов дукатов были вложены в цензуру, взимаемую с общин морисков. Послы отправились в путь, но когда они достигли Мадрида, король сказал им, что было слишком поздно, поскольку эдикт уже был опубликован в Валенсии. [1067]

На самом деле все сработало с точностью. К 17 сентября флот, состоящий из шестидесяти двух галер и четырнадцати галеонов, перевозивший около восьми тысяч дисциплинированных солдат, достиг своих станций в Аликанте, Дении и Альфакес-де-Тортоса и приступил к высадке людей. Во владение была взята Сьерра-де-Эспадан, в то время как кастильская кавалерия охраняла границы. Когда все было готово, были зачитаны королевские письма Хурадо, Дипутадо и Военному ведомству, и 22 числа эдикт был опубликован.

ИЗГНАНИЕ

Сравнительная либеральность условий и короткое уведомление позволили проявить ощущение ослабления власти. Под непреодолимым страхом смерти в течение трех дней после публикации в нескольких городах и деревнях все мориско должны были отправиться в порт посадки, указанный уполномоченным. Они могли бы взять с собой столько портативного имущества, сколько смогли бы унести на спине; они нашли бы суда, готовые доставить их в Берберию, и были бы сыты в пути. В течение трех дней все должны были оставаться дома в ожидании распоряжений уполномоченных, а после этого любой, отсутствующий по месту жительства, мог быть ограблен первым встречным и доставлен к мировому судье или убит, если окажет сопротивление. Поскольку король отдавал лордам все недвижимое и личное имущество, которое не было унесено, любой поджог домов, урожая или сокрытие портативных вещей наказывались казнью всех жителей этого места. Чтобы сохранить дома, сахарные заводы, урожай риса и оросительные каналы, шести процентам. Мориско разрешили остаться. Такое же разрешение было дано тем, кто в течение двух лет жил среди христиан, не посещая собраний альджамы, а также тем, кто был допущен к причастию их священниками. Дети в возрасте до четырех лет, желающие остаться, могут сделать это с согласия родителей или опекунов. Дети до шести лет, чьи отцы были старыми христианами, должны были остаться вместе со своими матерями-мориско: если отец был мориско, а мать старой христианкой, он должен был уехать, а дети до шести лет должны были остаться со своей матерью. Укрывать беглецов было запрещено под страхом шести лет каторги, и всем солдатам и старым христианам было строго запрещено оскорблять морисков словом или делом. В качестве доказательства добросовестности после того, как каждая партия была отправлена в Берберию, десяти из них было разрешено вернуться и сообщить своим товарищам, как с ними обошлись. [1068]

За публикацией последовали дни тревожного ожидания. Нам рассказывают, что народ ликовал, ибо ненавидел как морисков, так и знать, и появились признаки восстания противпоследних. Лорды скорбели о разорении своих земель, а религиозные общины - о потере своих огромных инвестиций в проведение цензуры. Мориски сначала были склонны сопротивляться и, после тщетного предложения крупных сумм вице-королю, попытались вооружиться, перековав орала и жатвенные крюки в пики, которые вместе с пращами были их единственным оружием. [1069] Затем внезапно их назначение изменилось. Они испытывали

благоговейный трепет перед большими отрядами дисциплинированных войск и кавалерией на границе. Была проведена встреча их предводителей, на которой было решено, что сопротивление безнадежно и что в случае поражения их дети будут воспитываться как христиане, в то время как обсуждались пророчества, обещавшие неожиданное благословение. Следовательно, было решено, что все должны уйти, включая шесть процентов. разрешено остаться, и что любой, кто останется, должен рассматриваться как отступник. Это произвело такой эффект, что те, кто предлагал большие суммы за включение в шесть процентов. теперь отказались оставаться, хотя их попросили назвать свои собственные условия. Герцог Гандии, у которого был огромный урожай сахара и который не мог нанять другую квалифицированную рабочую силу для работы на своих мельницах, тщетно предлагал все, что они могли попросить. Единственным условием, которое они приняли бы, было свободное исповедание своей религии; герцог обратился к вице-королю, но Рибера заявил, что это уступка, не зависящая от короля или папы римского, поскольку они были крещены. [1070]

Дворяне, по большей части, лояльно приняли ситуацию и помогли в исполнении указа. Герцог Гандийский, у которого, после герцога Сегорбского, было наибольшее количество вассалов, написал королю 9 октября, что 28 сентября маркиз Санта-Крус посадил на корабль для него пять тысяч из них, которых он хотел видеть первыми, чтобы успокоить опасения остальных относительно безопасности путешествия. Чтобы защитить и успокоить своих вассалов, несколько дворян — герцог Гандийский, маркиз Альбайда и другие — сопровождали их и проводили в целостности и сохранности на борту корабля, а герцог Македы даже доплыл с ними до Орана, места высадки. [1071] Не все, однако, были настолько самоотверженны. Епископ Балагер из Ориуэлы сообщил 31 октября, что некоторые удерживают своих вассалов угрозами или силой, и что, если не будут посланы энергичные уполномоченные, многие будут удержаны. [1072]

Мориски возражали против того, чтобы оставлять свои личные вещи своим господам, и стремились превратить то, что у них было, в деньги. Гандия и некоторые другие разрешили это, но многие настаивали на своих правах, и 1 октября вице-король издал прокламацию, запрещающую любые продажи, но это привело к неминуемой опасности восстания и было мудро оставлено. Земля превратилась во всемирную ярмарку, на которой скот, продукты и предметы домашнего обихода продавались за малую часть их стоимости и, наконец, раздавались даром. Грао, или порт Валенсии, пока изгнанники ждали попутного ветра, превратился в базар, на котором за бесценок покупались изысканные мавританские одежды, редкие вышивки, богатые золотые и серебряные кружева и тому подобное. [1073]

ИЗГНАНИЕ

Как только прошел первый шок от оставления дома и имущества, перспектива добраться до страны, где они могли бы открыто исповедовать свою веру и избежать парализующего гнета, побудила их к сильному стремлению покинуть Испанию. Они боролись за места при первой посадке, и комиссарам не составило труда собрать их и отвести в назначенные порты. Их сопровождали войска, чтобы защитить от дикой жадности старых христиан, которые собирались в банды, грабя и часто убивая тех, с кем сталкивались. Были изданы королевские указы, предписывающие быстрое правосудие, вдоль обочин дорог были установлены виселицы, казней было множество, но предотвратить безобразия было невозможно. Несмотря на это, мориски продвигались вперед, к берегу. В Аликанте они прибыли с музыкой и пением,

благодаря Аллаха за счастье вернуться на землю своих отцов, что наводит на мысль о том, насколько простым решением вопроса было бы разрешить эмиграцию недовольных. Действительно, многие, не доверяя королевской вере, предпочитали фрахтовать корабли и оплачивать транспортировку, что поощрялось введением тщательно продуманных правил, обеспечивающих, насколько это возможно, их безопасный проход и справедливое обращение. Всем испанским портам было приказано направить свои суда к берегам Валенсии, даже разгрузив те, которые были загружены, и все прибывшие были задействованы в работе. Видя такое рвение, обещание бесплатного проезда было нарушено после первой посадки, и королевские галеры взимали ту же плату, что и частные суда — семьдесят пять реалов с человека для всех старше шестнадцати и тридцать пять для тех, кто моложе. Всего было произведено три посадки, занявшие около трех месяцев и включавшие, согласно спискам, хранящимся в портах, более ста пятидесяти тысяч душ. [1074]

Это стремление уйти было, однако, не всеобщим. Было много тех, кто, и не без оснований, не испытывал особого доверия к королевской вере и предпочитал шансы на сопротивление. Собравшись в группы, они искали убежища на двух легко обороняемых позициях: одной на вершине в Валь-дель-Агуар, где их численность составляла от пятнадцати до двадцати пяти тысяч человек, а другой в Муэла-де-Кортес, где, по слухам, их было девять тысяч. Мексия не обращала на них внимания, пока дело с посадкой не было почти завершено, когда их с готовностью сократили. В Валь-дель-Агуар это была скорее резня безоружных негодяев, чем сражение; были убиты три тысячи морисков и только один испанец, Баутиста Креспо, который был убит своим собственным огнестрельным оружием. Выжившие, измученные голодом, замерзшие и умирающие от жажды, сдались по собственному усмотрению 28 ноября и были доставлены в порт посадки, но многие погибли от истощения в дороге, а многие женщины и дети были украдены солдатами и проданы в рабство, в то время как из тех, кто сел на корабль, лишь немногие добрались до Африки. В Муэла-де-Кортес они сдались под обещанием сохранить жизнь и имущество при условии, что погрузятся на корабль в течение трех дней, но солдаты, разочарованные потерей ожидаемой добычи, напали на них. Только три тысячи были доставлены в морские порты, а более двух тысяч рассеялись по горам, где в течение года или двух они доставляли много хлопот. Они избрали королем Висенте Турикси, которого выследили в пещере и привезли в Валенсию, где 18 декабря он был предан жестокой смерти. Он умер как добрый христианин и закончил жизнь весьма поучительно, ибо, как нам говорят, он был самым щедрым подателем милостыни и был предан Пресвятой Деве и религиозным орденам. [1075] Это положило конец единственному открытому сопротивлению высылке во всей Испании.

ИЗГНАНИЕ

Неожиданная легкость дела в Валенсии, считавшейся самым опасным районом, ускорила приготовления в других королевствах. До сих пор считалось, что это касается исключительно Валенсии, но остальные чувствовали, что настанет их черед, и на правительство посыпались упреки, которые встретили их двусмысленными опровержениями и заверениями. Маска постепенно сбрасывалась. Ближе к концу октября маркиза Сан-Хермана отправили в Севилью готовиться к изгнанию из Мурсии, Гранады и Андалусии. Мурсии удалось добиться приостановления действия указа, который был опубликован для других провинций 12 января 1610 года, после того как галеры и войска были доставлены из Валенсии. Он дал ссыльным тридцать дней — впоследствии сокращенных до двадцати, — по истечении которых им пригрозили смертью и конфискацией без суда и следствия. Их земли были конфискованы у

короля для служения Богу и обществу, но им было разрешено продавать движимое имущество и уносить вырученные от продажи товаров товары, купленные у испанских подданных, но им было запрещено брать с собой переводные векселя, драгоценности, слитки или деньги сверх того, что было необходимо для транспортировки. Они могли взять с собой своих детей при условии, что те отправятся в христианские земли, что побудило многих нанимать суда якобы для Франции, но на самом деле для Африки. Несмотря на сообщения о жестокостях, учиненных в Алжире над изгнанниками из Валенсии, говорят, что они уехали с радостью, и многие из них отправились в Марокко. К апрелю поступили сообщения о том, что Андалусия очистилась от Морисков и что несколько человек остались на побережье Гранады в ожидании судов. Общее число участников оценивалось от восьмидесяти до ста тысяч, не считая двадцати тысяч тех, кто добровольно ушел вперед. Сообщалось, что они привезли с собой много богатств, что не является невероятным, поскольку многие, особенно жители Севильи, были богаты и преуспевали и занимали почетные должности. Важным инцидентом стало желание Кордовы сохранить за собой шесть процентов акций. из них, и, когда в этом было отказано, оно ходатайствовало о найме двух шорников-мориско, о поощрении мастерства верховой езды, тем более что они были старыми и бездетными. Очевидно, не было испанцев, способных изготавливать сбрую. [1076]

Однако поначалу были сделаны некоторые исключения. Королю было сообщено, что многие потомки Мудехареса, добровольно обратившиеся до принудительного крещения, были испанцами по одежде, языку и религии, включая многих *битас* и лиц, давших обет целомудрия. Соответственно, 7 февраля 1610 года был издан приказ епископам рассматривать все подобные случаи и сообщать Сан-Герману о тех, кого они сочли достойными быть оставленными. Это, однако, означало лишь краткую отсрочку. Их дела были переданы в Королевский совет, и на тех, кто в невероятно короткий срок в тридцать или шестьдесят дней не добился положительного решения, охотились, как на диких зверей, и насильно увозили. [1077]

Решение об изгнании из Кастилии было принято Государственным советом 15 сентября 1609 года, но было отложено для ожидания результата в Валенсии. В ходе подготовки в октябре была предпринята попытка организовать ополчение путем набора каждого пятого трудоспособного мужчины - мера, дважды безуспешно предпринятая Филиппом II, — но она встретила сопротивление, которое вынудило от нее отказаться, поскольку в Испании не было воинского рвения даже для местной службы. Затем было приказано перечислить мориско, что в связи с событиями в Валенсии вызвало большой ажиотаж. Обращения в суд остались без ответа, в то время как распоряжения магистратам, направленные на то, чтобы утихомирить тревогу, только усилили ее. Многие начали продавать свои земли, и это уменьшение числа предполагаемых конфискаций было компенсировано к концу октября запретом продаж, но они продолжались с помощью различных уловок. [1078]

3 ноября граф Салазар был назначен руководить изгнанием из Старой и Новой Кастилии, Ламанчи и Эстремадуры. Исходя из их стремления продать свои земли, он предположил, что в основном они уедут добровольно, и предложил предоставить разрешение на эмиграцию. Это было принято, и королевский указ от 28 декабря разрешил им покинуть Испанию в течение тридцати дней на тех же условиях, что и в Андалусии. Такое множество людей организовало проход через Бискайю во Францию, что срок был продлен на тридцать дней, и 19 января 1610 года Салазар был отправлен в Бургос, чтобы зарегистрировать их и выдать сертификаты. В соответствии с этим соглашением 16 713 человек из 3972 семей были зарегистрированы до 1

мая, когда намеки на то, что в дальнейшем въезде во Францию будет отказано, повернули поток в Картахену, где 10 642 человека отправились, номинально в христианские земли, чтобы сохранить своих детей. [1079]

Запрет на ношение денег или драгоценностей, естественно, обходился, насколько это было возможно, и за его нарушение в Бургосе было повешено более тридцати человек. Были также под рукой услужливые португальские брокеры, которые брались за передачу запрещенных ценностей и которые были обнаружены и привлечены к ответственности. Более надежный канал был найден через французского посла в Мадриде, который получал очень крупные суммы для выплаты в различных городах Франции. Его управляющий был отправлен с документами, но испанские власти были начеку; он был арестован в Буитраго и доставлен обратно в Мадрид, после чего посол пригрозил, что, если письма будут вскрыты, с тех пор ни один испанский курьер не должен проезжать через Францию без изъятия его бумаг. После гневной переписки испанцы уступили, и стюарду было разрешено продолжить свое путешествие. [1080]

ИЗГНАНИЕ

Следующими в руки были взяты Арагон и Каталония. Там было много беспокойства, которое не смогли развеять глосинговские заверения суда. Старые христиане начали жестоко обращаться с морисками, которые прекратили свою работу и начали продавать свое движимое имущество, в то время как их кредиторы и держатели ценно встревожились и приступили к взысканию своих требований со всей строгостью. Из Арагона к королю были отправлены послы с тщательно продуманным меморандумом, в котором подробно описывался огромный ущерб, нанесенный изгнанием, и неразумность сокращения численности населения Испании. Филип предпринимал бесплодные попытки предотвратить приезд миссии, а когда она прибыла, ее отложили с обнадеживающими общими фразами. [1081]

Указы для Арагона и Каталонии были такими же, как и для Валенсии, за исключением двух пунктов. Каталонская семья сохранила детей в возрасте до семи лет, чьи родители направлялись в земли неверных, что привело их через Францию в Берберию. Другое исключение, вызванное расходами на изгнание из Валенсии, стоимость которого была увеличена до восьмисот тысяч дукатов, возлагало на изгнанников все расходы, не только на проезд, но и на жалованье управляющим чиновникам и по полреала на душу населения в качестве экспортной пошлины на то, что они везли с собой, все это составляло двадцать четыре реала в Альфакес-де-Тортоса. Богатые должны были платить за бедных, и уполномоченные были безжалостны в своих требованиях, заставляя их платить за воду в ручьях и тень деревьев во время их долгих летних путешествий, к тому же требуя с них в качестве заработной платы гораздо больше, чем полагалось. [1082]

Указы были опубликованы одновременно в Сарагосе и Барселоне 29 мая 1610 года. Никто не пытался оказать сопротивления, но раздался крик отчаяния, который вызвал сострадание даже у их преследователей; они протестовали, что они христиане и умрут как таковые, даже если их разорвут на куски, но было уже слишком поздно для этого, и их покорно вели группами от одной до четырех тысяч душ, без охраны, хотя они жестоко страдали от разбоя старых христиан. Эта апатия отчаяния была самой удачной для Испании, поскольку сопротивление было бы преодолено с трудом. Войскам, высадившимся в Альфакес-де-Тортоса, не платили жалованья с тех пор, как они покинули Италию; после тщетных требований вернуть им деньги, они распустились, не оставив никого, кроме офицеров, которые были рады собрать вместе таких

необученных рекрутов, каких только могли найти. Число изгнанников из Арагона оценивалось в семьдесят пять тысяч, а из Каталонии - в пятьдесят тысяч. [1083]

Франция была наводнена эмиграцией. Генрих IV предвидел это и в феврале издал ордонанс, разрешающий тем, кто будет исповедовать католическую веру, селиться на землях за Гаронной и Дордонью, в то время как для желающих отправиться в Берберию должны быть предоставлены суда. [1084] При этом об иммиграции из Кастилии позаботились, но его убийство в мае привело все в замешательство, и не было никакой подготовки для двадцати или двадцати пяти тысяч человек из Арагона, которые прошли через Наварру или пытались перебраться через горы. Ла Форс, после некоторой задержки, организовал прием их группами по тысяче человек в каждой, чтобы не притеснять население стерильного района, через который им предстояло пройти, и таким образом они с трудом продвигались к Марселю и другим портам, где надеялись найти суда. [1085]

Было одно тело из примерно четырнадцати тысяч душ, которым было отказано во въезде во Францию после того, как они достигли Канфрана, последнего испанского городка на горной дороге через Пиренеи. Они заплатили сорок тысяч дукатов за разрешение выехать во Францию, не считая экспортных пошлин на то, что они везли, и расходов ответственных за них уполномоченных. Вынужденные повернуть назад по долгому пути к альфакам, так много из них заболели и умерли в летнюю жару, что возникло опасение, что они принесут мор на корабли. [1086] Короче говоря, история исхода из Арагона - это история бессердечной жадности и безрассудной бесчеловечности.

ИЗГНАНИЕ

Опасность, которая так сильно нависала над испанской государственной мудростью, таким образом, была устранена, но фанатизм и расовая ненависть еще не были утолены, и было решено искоренить все следы древнего мавританского населения. Эдикт от 10 июля 1610 года изгнал всех морисков из Гранады, Валенсии и Арагона, которые были поселены в кастильских королевствах, и за этим, 2 августа, последовало аналогичное положение для королевств Арагона. Эти эдикты освобождали от ответственности тех, кто жил как добрые христиане, но этот пункт было трудно установить, и претензии, вытекавшие из него, были многочисленными и смущающими. Чтобы избавить от хлопот по их решению, делу был положен конец путем изгнания всех, кто до сих пор был освобожден от ответственности, включая даже *морисков антигуос*, потомков старых Мудехаресов. Это было осуществлено приказами коррехидорам от 22 марта и 3 мая 1611 года, в которых говорилось, что для служения Богу и королевству необходимо довести дело до конца, поэтому всем, кто ранее был освобожден, и всем, кто после изгнания вернулся, было дано два месяца, чтобы покинуть королевство, под неотвратимым наказанием в виде смертной казни и конфискации, единственными исключениями были священники, монахи и жены старых христиан с их детьми. [1087]

Это окончательное искоренение доставило бесконечные хлопоты. Часто ничто не отличало этих морисков от старых христиан ни по языку, ни по одежде, ни по образу жизни, и не было недостатка в людях, которые могли бы приютить их, будь то из сострадания или для того, чтобы воспользоваться их услугами. В разные провинции были разосланы уполномоченные с инструкциями о том, что никакие привилегии или древность не должны приносить им пользы, в то время как судам было категорически запрещено вмешиваться; было добавлено, что те, кто носил репутацию старых христиан, могли апеллировать к королю, но его представители вскоре

устали от множества запутанных дел, которые им таким образом навязывали. Число изгнанных таким образом составило около шести тысяч, не считая маленьких детей, которых отдали на воспитание старым христианам. Трудность осуществления этого окончательного разрешения была увеличена из-за числа изгнанников, которые упорствовали в возвращении, несмотря на указ от 12 сентября 1612 года, который приговаривал их всех к каторге. Работа казалась бесконечной, и в конце концов ее доверили графу Салазару. Над этим он трудился долго и упорно. В Альмагро он нашел более восьмисот вернувшихся изгнанников, из которых одних отправил на галеры, других - на ртутные рудники Альмадена, а остальных отправил за границу за счет магистратов, которые проявили небрежность в их розыске и наказании. Нам сказали, что его самая большая проблема заключалась в разрешении многочисленных исков тех, кто утверждал, что они не были включены в эдикты, и, короче говоря, 26 октября 1613 года он издал от имени короля эдикт, предписывающий всем морискам покинуть королевство в течение пятнадцати дней; любому лицу, получавшему их или укрывавшему, угрожала конфискация, и, поскольку он включил в это феодалы, замки, вассалов и королевские пожалования, это показывает, что дворяне укрывали их. Наконец, была предложена награда в десять дукатов за информацию, которая приведет к поимке мориско. [1088] В этой безумной решимости очистить землю от всех следов мавританской крови и в неразберихе процесса многие католики, столь же искренние, как и их преследователи, должно быть, были отправлены в земли неверных.

Наконец-то пришло время мориско из Мурсии и Валь-де-Рикоте разделить судьбу своих собратьев. Было оказано влияние, чтобы добиться приостановления действия эдикта от 9 декабря 1609 года и последующего эдикта от 8 октября 1611 года, но после того, как работа была завершена в другом месте, герцог Лерма и королевский духовник Фрай Алиага направили следователей, которые, конечно, сообщили, что они христиане только по названию. Лерма настаивал, Филипп уступил, и седьмого октября 1613 года приказал Салазару привести в исполнение указы. 20 ноября его срочно вызвали из Мадрида с инструкциями не терять времени, и в январе 1614 года около пятнадцати тысяч человек были депортированы, хотя многим старикам и инвалидам было разрешено остаться. Многие женщины выходили замуж за старых христианок, чтобы получить освобождение, и многие мужья и жены благородного происхождения приняли религию, к большому обогащению монастырей, на что епископы и настоятели орденов охотно давали разрешение. В начале февраля Салазар вернулся в Мадрид, выполнив свою работу, хотя некоторые из них бежали в Валенсию и вернулись, будучи изгнанными оттуда. В 1615 году Салазар сообщил, что послал своего помощника Манрике в Мурсию, чтобы завершить изгнание, но в Таррагоне и на Балеарских островах все еще оставалось несколько морисков, и он знал о других на Сардинии и Канарах. [1089]

ИЗГНАНИЕ

Еще в течение нескольких лет продолжались попытки обнаружить и изгнать тех, кто скрывался среди старых христиан, — усилия, осложнявшиеся большим количеством тех, кто упорно возвращался после того, как испытал негостеприимный прием, оказанный им в Африке. Они предлагали себя в рабство тем, кто хотел их принять, и таким образом многим удавалось остаться. Чтобы предотвратить это, неоднократно издавались королевские приказы, но они были неэффективны, и Королевский совет в конце концов устал повторять их, так что Бледа, писавший в 1618 году, сожалеет о том факте, что он умрет, не увидев, как его земля очистится от

этого злого семени. Полное очищение, по сути, было невозможно. Нам говорят, что в Валенсии, Ламанче и Гранаде все еще существуют общины, которые по одежде, обычаям и тенденциям могут рассматриваться как мориски с едва заметными следами христианства, и падре Боронат приписывает этому элементу рост современного скептицизма и смешанного фанатизма и суеверия, которые поражают определенные части Испании. [1090]

Как бы то ни было, с точки зрения инквизиции изгнание было успешным. В тех его записях, которые я смог изучить, *козас де Морос* практически исчезли, за редкими исключениями, которых было более чем достаточно, чтобы показать, что бдительность не ослабевала. Правда, какое-то время там были рабы-мориско, за которыми нужно было присматривать. Письмо комиссара из Дении от 14 марта 1616 года с просьбой дать инструкции относительно некоторых крещеных рабов-морисков, которые замыслили побег в Берберию, показывает, насколько тщательно за ними наблюдали. [1091] Затем изгнанники, случайно попавшие в плен к мавританским корсарам, или привезенные в Испанию в качестве рабов, или находившиеся на королевских галерах, подвергались судебному преследованию как вероотступники, потому что они были крещены, пока в 1629 году Верховный Суд милостиво не постановил, что к ним не следует приставать, если они не дают повода для скандала. [1092] Редкие случаи магометанства, фигурирующие в судебных процессах, последовавших за изгнанием, в основном касаются христианских ренегатов, захваченных в море, или мавританских рабов, захваченных в ходе непрекращающихся войн в Средиземноморье, которые были крещены в соответствии с законодательством 1626 года, повторенным в 1638 и 1712 годах. [1093] Однако иногда мы слышим о мориско, таком как Херонимо Буэнавентура — вероятно, одним из детей, задержанных в 1609 или 1610 годах, приговоренных трибуналом Валенсии к смягчению наказания, переведенных в 1635 году в Вальядолид, а в 1638 году в Сарагоссу, на сожжение за упорство. [1094]

И все же, несмотря на неусыпную бдительность инквизиции, нашлись потомки Старых морисков, которым удалось сохранить организацию для увековечения своей веры. В 1727 году такой автомобиль был обнаружен в Гранаде, и их было так много, что их было сорок пять в автомобиле от 9 мая 1728 года, за которыми последовали еще двадцать восемь в автомобиле от 10 октября. Должно быть, они были богаты, поскольку конфискации оказались настолько прибыльными, что инквизиция назначила главному доносчику и его наследникам бессрочную пенсию в размере ста дукатов. [1095] Вероятно, одним из этих гранадцев, сбежавших в Хаэн, была Ана дель Кастильо, осужденная судом Кордовы 4 марта 1731 года как *истинная магометанка* примирению, конфискации и несвоевременной тюрьме. [1096] Последние упоминания об этих настойчивых мориско встречаются в отчете инквизиции Карлосу III от 1769 года о том, что она подтвердила существование в Картагене мечети, поддерживаемой новыми христианами. [1097] Подробности отсутствуют, но, если были судебные преследования и обвинительные приговоры, можно с уверенностью предположить, что они были последними, вынесенными Мориско. В полном отчете о деятельности всех трибуналов с 1780 по 1820 год нет ни одного дела о мориско, и единственными магометанами являются ренегаты. [1098]

ИЗГНАНИЕ

Современные оценки числа изгнанников варьируются от трехсот тысяч до трех миллионов, а представленные статистические данные слишком фрагментарны, чтобы их можно было точно подсчитать. [1099] В наше время Льоренте предполагает, что общая численность составляет миллион, в то время как Джанер оценивает в ту же цифру общее население мориско, из которых сто тысяч погибли или были обращены в рабство, оставив девятьсот тысяч изгнанников. Висенте де ла Фуэнте сокращает их число до ста двадцати тысяч, в то время как Данвила-и-Колладо, после тщательного сравнения всех официальных статистических данных, достигает оценки примерно в пятьсот тысяч душ, с которой соглашается падре Боронат. [1100] Вероятно, это несколько преувеличено. Наиболее близким к современному официальному заявлению является заявление Себастьяно Джильи, посланника Луккезе, от 12 августа 1610 года, в котором указывается цифра в шестьсот тысяч. Это он, несомненно, раздобыл в штаб-квартире, поскольку, добавляет он, министры заверили его, что это гораздо больше, чем они предполагали. [1101] Учитывая, насколько многочисленным было население мудехар и его печально известную плодовитость, эти цифры показывают, сколько людей были обращены в христианство и влились в общую массу. Нельзя не прийти к выводу, что со временем и при разумном подходе не возникло бы вопроса о мориско, который ставил бы в тупик государственных деятелей Испании.

Судьба изгнанников была аналогична судьбе евреев в 1492 году, и на самом деле была еще хуже, поскольку они были изгнаны более поспешно, и им было категорически запрещено возвращаться даже в качестве христиан. Они были втянуты в открывшуюся перед ними новую и странную жизнь в самых бесперспективных условиях, усугубленных бесчеловечным приемом, оказанным им в домах, которых они добивались. Переход в Африку на королевских кораблях, несомненно, был достаточно безопасным, но капитаны зафрахтованных ими судов без зазрения совести грабили и убивали их, несмотря на правила, принятые для обеспечения их безопасности. Многие из отпльвших так и не были учтены как прибывшие. Нельзя сказать, что испанские власти были безразличны. Фонсека рассказывает, что в Барселоне 12 декабря 1609 года он стал свидетелем казни капитана и команды барки, которая плыла с семьюдесятью мориско. Столкнувшись с неаполитанской фелуккой, объединенные экипажи сговорились убить пассажиров и поделить добычу в размере трех тысяч дукатов. Под обещание помилования недовольный моряк раскрыл преступление, когда не только испанцы были наказаны, но и вице-король написал в Неаполь с подробностями, которые позволили тамошним властям схватить и казнить экипаж фелуки. [1102]

Во Франции ла Форс, без сомнения, делал все возможное, чтобы свести к минимуму страдания отверженных, но их трудности были таковы, что вызвали энергичные протесты со стороны посла Салиньяка и самого Ахмеда I. Кардинал Ришелье сообщает нам, что некоторые чиновники, которым было поручено следить за их прохождением, были виновны в большом количестве воровства и даже допустили убийство, но они были наказаны с такой суровостью, что бесчинства прекратились. [1103] Франция, однако, была лишь местом транзита. Некоторые из тех, кто проходил через это место, искали убежища в Италии, где их приняли отнюдь не гостеприимно. В 1610 и 1611 годах Святой Престол отказался разрешить тем, кто прибывал в Чивита-Веккья, остаться, но в 1612 году около семидесяти человек, которые достигли Реканати и попросили разрешения жить как христиане, получили разрешение поселиться вдали от побережья, разделившись на небольшие группы и находясь под пристальным наблюдением. [1104]

Однако Берберия была местом назначения подавляющего большинства изгнанников, будь то непосредственно из Испании или через Францию, и их прием единоверцами был ужасным. Их высадили в Ороне, откуда они должны были направиться в мавританские государства; у них была репутация тех, кто привозит с собой деньги, и после того, как первая посадка была благополучно доставлена, щедро заплатив за охрану, они были безжалостно разграблены и убиты, а их женщин отобрали. Еще до истечения 1609 года граф Агилар, генерал-губернатор Орона, писал, что из-за страха перед арабами многие остались и голодали; двадцать их главных людей пришли к нему, называя себя христианами, ибо они не знали, во что верить, пока не увидели мерзости мавров, и теперь они желали остаться и умереть христианами. В своем замешательстве Агилар бросил их в тюрьму и обратился за инструкциями. Что ему было дано, мы не знаем, но, несомненно, есть правда в заявлении комендатора Нуэстра сеньоры де лас Мерседес из Орона о том, что из-за болезней и зверств арабов погибло две трети изгнанников. Действительно, по общей оценке, эта доля составляла по меньшей мере три четверти. [1105]

ИЗГНАНИЕ

Эти ужасы усиливаются тем фактом, что в решительном стремлении искоренить все остатки ислама и в жестокой поспешности процесса многие, кто действительно были христианами, были отданы на милость неверных. Дискриминация была трудной задачей, и сомнения разрешались неблагоприятным образом. Типичный случай представлен в петиции от 26 ноября 1609 года Гаспара Галипа, священника и викария главного госпиталя Валенсии, в пользу двух его зятьев, Франсиско Кастильо и Висенте де Алькасара. Сам Галип был сыном отца-мориско и старой матери-христианки; его сестры были христианками, как и их мужья и дети, по двое в каждой семье, причем последние даже не подозревали, что в них течет кровь мориско. Однако Рибера был безжалостен, и обе семьи были депортированы, несомненно, чтобы погибнуть среди неверующих. [1106] Эсколано рассказывает нам, что в Тунисе некоторые кастильцы продолжали посещать мессу и жить как христиане, и он печатает письмо валенсийца из Алжира, выражающее его решимость упорствовать в вере. [1107] Если бы те, кто верил, что они оказывают услугу Богу, могли испытывать угрызения совести, их могли бы почувствовать инициаторы изгнания, когда они узнали, что в Тетуане сосланные мориски, твердые в вере, были увековечены или иным образом преданы смерти, потому что они решительно отказались входить в мечети. [1108] Это были настоящие мученики, и Церковь вполне могла бы канонизировать их вместо беатификации их гонителя Риберы. [1109]

Среди аргументов, выдвинутых в пользу высылки, было то, что конфискация имущества мориско принесет казне постоянное облегчение и позволит ей погасить огромную и постоянно растущую задолженность. Несомненно, суммы, вырученные от хищнического захвата имущества изгнанников, были большими. Уже в октябре 1610 года Финансовый совет сообщил, что в Окане и Мадриде она в основном была продана и что было внесено двести тысяч дукатов. [1110] Каким бы ни был размер поступлений, они были быстро расточены жадным придворным, которые наживались на безрассудной расточительности Филиппа. Сэр Фрэнсис Коттингем, английский посол, в письмах от 4 марта и 16 мая 1610 года сообщает, что уполномоченные были отправлены в провинции для продажи домов и ферм изгнанников, но король не собирался облегчать бремя государства, поскольку он заранее делил выручку между своими фаворитами со скандальной щедростью. Лерме были назначены двести пятьдесят тысяч дукатов, его сыну, герцогу Учеда, -

сто тысяч, его дочери, графине Лемос, - пятьдесят тысяч и ее мужу - сто тысяч. [1111] Поэтому нам не нужно удивляться, когда в 1611 году Филипп, обращаясь к кортам за помощью, перечислял среди причин своей бедности изгнание морисков, в результате которого он перенес проценты казны на служение Богу и государству. [1112]

Таким образом, через девятьсот лет после свержения готской монархии Испания очистила свою землю от захватчиков ударом, который кардинал Ришелье назвал самым смелым и варварским в истории человечества. [1113] Стремление к единству веры было удовлетворено, и тревога о нападении извне развеялась. То, что заплаченная цена была тяжелой, видно по преждевременному одряхлению, которое постигло монархию до конца столетия. Причин упадка было много, но не последней среди них следует считать жестокую нетерпимость, которая привела к эмиграции наиболее экономически ценных слоев населения.

ГЛАВА III.

ПРОТЕСТАНТИЗМ.

Неудивительно, что судьба небольшой группы испанских протестантов вызвала искреннее сочувствие современных студентов. О них много написано; их работы были собраны и переизданы с благочестивой тщательностью, а важность реформаторского движения была в значительной степени преувеличена. Никогда не существовало ни малейшей реальной опасности того, что протестантизм мог произвести такое неизгладимое впечатление на глубокие и неразумные религиозные убеждения Испании шестнадцатого века, чтобы вызвать возмущение в политике; и волнения, возникшие в Вальядолиде и Севилье в 1558 и 1559 годах, были всего лишь мимолетным эпизодом, не оставившим следа в народных верованиях. И все же, придя в то время, когда это произошло, оно оказало непреходящее влияние на судьбу инквизиции и на развитие нации. В настоящий момент может показаться, что карьера Святой канцелярии подходит к концу, поскольку ей почти удалось искоренить иудаизм в Испании, в то время как приток новых португальских христиан так и не начался, и ее операции против морисков Валенсии были приостановлены. Паника, умело вызванная появлением лютеранства, возродила его к новой жизни и значимости и дала ему право на благодарность государства, что позволило ему доминировать на земле в течение семнадцатого века, в то время как его дерзкие действия против Каррансы показали, что никто не занимал столь высокого положения, чтобы оказаться вне его досягаемости. Кроме того, она получила более прочную финансовую основу, чем пользовалась ранее, и в то же время генеральный инквизитор Вальдес был спасен от изгнания и позора. Но даже более важным, чем все это, был внушаемый страх перед ересью, который послужил причиной изоляции Испании от остальной Европы, исключения всех иностранных идей, остановки развития культуры и науки и продления средневековья до наших дней. В этом заключалось истинное значение небольшого протестантского движения и его подавления, и именно это заслуживает внимания исследователя, а не ужасные драмы самовластия.

До лютеранского восстания во всей католической Европе была большая свобода мысли и слова. Ни Эразм, ни популярные писатели и проповедники не стеснялись высмеивать и вызывать отвращение к суевериям народа, порокам, жадности и развращенности духовенства,

а также к продажности и угнетению Святого Престола. Францисканец Томас Мурнер, впоследствии ставший самым яростным клеветником Лютера, критиковал духовенство, как обычное, так и светское, с большей энергией, хотя и с меньшим мастерством, чем Эразм. Сам Эразм в своем *Enchiridion Militis Christiani*, или Руководстве для христианского солдата, без колебаний заклеил как новый иудаизм опору на внешние обряды, которые вытеснили истинное благочестие, в результате чего учением Христа пренебрегли — и Энхиридион был одобрен Адрианом VI, в то время главой Лувенского университета.

НАЧАЛИСЬ РЕПРЕССИИ

Когда, однако, стало необходимо, чтобы излечить это общепризнанное зло, нанести удар по догмам схоластического богословия, результатом которого это зло было; когда Северная Европа почти единодушно встала в поддержку Лютера и когда курия осознала, что имеет дело не с простыми схоластическими спорами между монахами, а с быстро развивающейся революцией, вскоре почувствовалась необходимость жесткого определения ортодоксии, в то время как распущенность, которую добродушно терпели, пока она не угрожала потерей власти и богатства, превратилась в ересь, подлежащий тщательному расследованию и безжалостному наказанию. Люди, считавшие себя добрыми католиками и не помышлявшие о выходе из повиновения Святому Престолу, оказались обвиненными в ереси и подлежали наказанию за нее. До принятия определений Тридентского собора существовала определенная дискуссионная площадка, в рамках которой еще ни одно авторитетное решение не превращало спекуляции схоластов в символы веры. Эразм, например, не был привлечен к ответственности за утверждение, что таинственное исповедание не соответствует божественному закону, но по мере того, как конфликт становился все более отчаянным, и Церковь считала необходимой защиту своих внешних сооружений, подвергать сомнению божественное происхождение исповеди стало еретическим даже до того, как Собор *утвердил это*. Затем мы обнаружим, что главные пострадавшие от действий инквизиции разделены на два класса. До середины века они в основном состояли из бессознательных еретиков — людей, которые до осуждения Лютера считались бы несомненно ортодоксальными. После 1550 года, за некоторыми исключениями, такими как Карранса, это были те, кто сознательно и в большей или меньшей степени воспринял доктрины Реформации. Помимо них, можно выделить другой, и ни в коем случае не наименее многочисленный класс тех, кто навлек на себя более или менее серьезные подозрения в ереси из-за простой небрежности при постоянно возрастающей строгости внешнего соблюдения. Несомненно, к первой из этих категорий мы можем отнести самую раннюю жертву так называемого лютеранства, которую я обнаружил в записях, - Гонсалво, художника из Монте-Алегри в Мурсии, проживающего на Майорке, освобожденного в 1523 году этим трибуналом как лютеранин. Немыслимо, чтобы лютеранские заблуждения могли проникнуть в то время на Майорку или чтобы инквизитор мог иметь какое-либо четкое представление о том, что это такое, и, поскольку Гонсалво описывается как *негативист*, он, несомненно, считал себя добрым католиком и погиб, потому что не хотел признавать себя иным. [1114]

Только в 1521 году курия осознала необходимость предотвращения распространения в Испании новых доктрин, содержащихся в трудах Лютера. Нунций Алеандр в письме из Вормса от 18 февраля того же года упомянул, что во Фландрии испанские версии книг Лютера были опубликованы усилиями марранов и что Карл V отдал приказ о их запрете. [1115] Незамедлительно отреагировав на это, Лев X 21 марта направил записки констеблю и адмиралу

Кастилии — губернаторам в отсутствие Карла — с призывом не допустить распространения подобных произведений, и кардинал Адриан, не теряя времени, приказал 7 апреля трибуналам изъять все вызывающие отвращение тома, которые они смогли найти, приказ, который он повторил 7 мая 1523 года вместе с другими официальными лицами. инструкции коррехидорам обеспечить передачу книг инквизиторам. [1116] 12 и 13 апреля 1521 года собранием вельмож, президентом и Государственным советом Карлу V были также написаны очень серьезные письма, призывающие его принять решительные меры для предотвращения распространения лютеранства, которое было введено в Испании и угрожало развиваться. [1117]

ЭРАЗМИСТЫ

Это можно рассматривать скорее как меры предосторожности, чем того требуют существующие обстоятельства. Насколько я мог судить по архивам инквизиции, в течение нескольких лет не было обнаружено никаких следов судебного преследования за лютеранство, за исключением единственного случая, упомянутого выше. С возвращением Карла в Испанию в 1522 году влияние Эразма, казалось, обещало увековечение свободы и даже распушенности слова, главным действующим лицом которой он был. Император был его поклонником, и он вошел в моду среди придворных и церковников, претендующих на культурность. Генеральный инквизитор Манрике открыто защищал его, как и примас Альфонсо Фонсека, архиепископ Толедо. Его огромная репутация, иммунитет, дарованный ему покровительством сменявших друг друга пап, от мстительности религиозных Орденов, вызванной его безжалостными насмешками, и тщетность осуждений со стороны схоластических факультетов казались гарантией для тех, кто просто повторял мнения, которым он так широко распространялся. Так продолжалось до тех пор, пока в 1527 году Алонсо Фернандес де Мадрид, архидиакон Алькора, не опубликовал перевод его Энхиридиона. Она была посвящена архиепископу Манрике, который должным образом изучил ее и санкционировал публикацию; она имела немедленный успех, и ее прочитали все. Однако с точки зрения схоластического богословия она была слишком уязвима, чтобы не вызвать нападения со стороны религиозных орденов. Кафедры, которые они практически монополизировали, гремели их обвинениями до тех пор, пока Манрике не почувствовал себя обязанным вмешаться. Многие видные деятели были вызваны к Верховному судье и подвергнуты резкому порицанию за возбуждение народа против Эразма вопреки неоднократным указам; если они находили ошибки в книге, они должны были донести на них инквизиции. Вызов был незамедлительно принят, и при содействии английского посла Эдварда Ли, впоследствии архиепископа Йоркского, был составлен список из двадцати одной статьи, варьирующийся от арианства до непочтительного отношения к Деве Марии и отрицания различных основ священства. Они были представлены собранию из двадцати теологов и девяти монахов, которые в течение месяца спорили по первым двум статьям; дебаты обещали быть бесконечными, и Манрике приостановил их, одновременно издав абсолютный запрет писать против Эразма. Однако, как мы видели, он впал в немилость в 1529 году и был отправлен на свою севильскую кафедру; Карл покинул Испанию в том же году, увозя с собой некоторых из самых могущественных защитников эразмистов, а инквизиторы, которые по большей части были слабоумными, стремились обнаружить ересь, скрытую в широте речи, которая стала обычным явлением среди тех, кто гордился своей культурой. [1118]

Типичным случаем такого рода является случай Диего де Учеды, о котором уже упоминалось в других сообщениях (*выше*, стр. 68). Он был кордовским идалго незапятнанного старого христианского происхождения. Несмотря на то, что он был придворным, он был прилежным и глубоко религиозным, даже подумывал о вступлении в орден иеронимитов. Глубоко восхищаясь Эразмом, провал попытки инквизиции осудить его дал уверенность в том, что его работы были одобрены, и Диего заслужил некоторые порицания, постоянно цитируя его мнения и пытаясь внушить их другим. В феврале 1528 года он направлялся из Бургоса в Кордову и однажды вечером в Корезо вступил в беседу с человеком по имени Родриго Дуран, который вместе со своим слугой Хуаном де Авелья направлялся в Севилью, чтобы отплыть в Вест-Индию. Разговор зашел об исповеди, а затем о образах, в которых Диего цитировал взгляды Эразма; затем о чудесах, когда он выразил неверие в историю раба-христианина в Африке, который молился об избавлении Богоматери Гваделупской; его хозяин подслушал его, поместил в сундук, постелил сверху свою постель и спал там, в результате чего на следующее утро сундук был в Гваделупе с хозяином внутри и христианином сверху. Кое-что также было сказано о Лютере, чье имя перепутали с именем Эразма. Дюран, прибыв в Толедо, донес на Диего в трибунал, его слуга предоставил необходимые *доказательства* и продолжил свой путь в Индию. Диего выследили в Кордове и отправили обратно в качестве пленника в Толедо, где он тщетно протестовал против своей ортодоксальности и предлагал подчиниться Церкви, хотя его частые упоминания об Эразме, вероятно, не пошли ему на пользу. Он доказал свидетелями, что обычно исповедовался четыре раза в год, что принимал все послабления и что он был человеком непорочной жизни и твердых религиозных убеждений, но все это было напрасно. Я уже показал, как его пытали, он признался, а затем отрекся, и как 22 июля 1529 года он был приговорен к унижительной епитимье, разрушившей его карьеру и оставившей несмываемое пятно на семье, которая хвасталась своей лимпъезой. [1119]

ЭРАЗМИСТЫ

Опасность, нависшая над эразмистами, еще более убедительно проиллюстрирована на примере человека, который считался, возможно, самым выдающимся среди них в Испании. Ни один человек не стоял выше в плане образования и культуры, чем доктор Хуан де Вергара. Он был секретарем Хименеса в качестве архиепископа Толедо, а затем Фонсеки, который унаследовал первосвященнический сан в 1524 году. Хименес сделал его профессором философии в Алкале, где он перевел "Мудрость Соломона" для комплутенского полиглота и трактаты "Об аниме", "о физике" и "о метафизике" для планируемого издания Аристотеля. Он был элегантным латиноамериканским поэтом, и Менендес-и-Пелайо говорит нам, что он был отцом исторической критики. Манрике благосклонно относился к нему и горячо защищал Эразмуса в борьбе за Энхиридион. [1120] Позже у нас будет возможность рассказать о приключениях *алюмбрады* Франциски Эрнандес и мужчин, которых она запутала в своих сетях; среди них был Бернардино де Товар, также эразмист, сводный брат Вергары, который навлек на себя ее вражду, спасая его от нее. сцепления. Чтобы отомстить, на суде в 1530 году она обвинила Вергару в том, что она придерживалась всех доктрин Лютера, за исключением исповеди, и в обладании некоторыми работами Лютера — последнее обвинение было справедливым, но когда в 1530 году Манрике приказал выдать все такие книги, Вергара, после некоторой задержки, передала их в трибунал. Другой ученик Франциски, Фрай Франсиско Ортис, на суде также обвинил Вергару в отрицании эффективности индульгенций и злоупотреблении

Парижским университетом за осуждение трудов Эразма, в которых, по его словам, Церковь не нашла еретических ошибок. Трибунал собрал еще несколько улик против Вергары и усердно искал новые, вплоть до Фландрии. В мае 1533 года был найден добровольный свидетель в лице Диего Эрнандеса, шутовского священника, которого Мария Касалья нанимала духовником, пока не уволила его за совращение монахини и утверждение, что в этом не было греха. Этот достойный человек составил список из семидесяти еретиков-лютеран, квалифицированных в соответствии со степенью их вины, среди которых Вергара фигурировал как *фино лютерано эндиозадо* (мистически отвлеченный). Однако какие бы колебания ни были при аресте такого человека, они исчезли, когда в апреле 1533 года было обнаружено, что он общался с Товаром в тюрьме путем подкупа чиновников. Фискал представил свою "кламозу" 17 мая, обвинив Вергару в том, что он был сторонником и защитником еретиков, клеветником инквизиции и подкупом ее должностных лиц, а 24 июня последовали его арест и тюремное заключение.

Это вызвало всеобщее удивление. Архиепископ Фонсека был глубоко тронут и пытался добиться его освобождения под залог в пятьдесят тысяч дукатов или заключить в дом под охраной, но единственным результатом его усилий стало то, что трибунал закрыл окна камеры Вергары, превратив ее в темницу и серьезно повливав на его здоровье. Судебный процесс проходил по обычным этапам. Он отказался от услуг адвоката и 29 января 1534 года представил свою защиту, отрицая почти все приписываемые ему ошибки и объясняя остальное в католическом смысле. После этого было выдвинуто новое обвинение, основанное на его дружбе и переписке с Эразмом, которому он убедил архиепископа Фонсеку назначить пенсию. Фонсека умер 24 февраля, так что его доказательства были недостижимы, но Вергара заявил, что история о пенсии была ложной, хотя, если бы это было правдой, она была бы невинной. Все знали, что у Эразмуса не было ни дохода, ни пособия, он никогда не был готов принять ни то, ни другое, и что его поддерживали щедрые джентльмены, которые помогали ему со всех сторон. Фонсека предложил ему доход только в том случае, если он переедет жить в Алькалу, предложение, которое ранее сделал Хименес. Это правда, что, когда Эразм посвятил ему свое издание книги Св. Августин, Фонсека прислал ему двести дукатов, чего было недостаточно для такого большого произведения, чтобы дать печатникам их обычную *настойку*. Фонсека почувствовал это и, когда услышал о смерти архиепископа Кентерберийского Уорхэма († 1532), который привык щедро помогать Эразму, сказал, что должен заплатить за печатание книги, после чего Вергара написал, что что-нибудь пришлет, но этого сделано не было. Что касается переписки с Эразмом, папы, короли и сам император были рады получать от него письма, и в печатных сборниках его посланий можно было найти его ответы Вергаре, показывающие, что последний убеждал его написать в опровержение Лютера.

На следующий день после представления этой защиты поступили самые серьезные доказательства, которые когда-либо были представлены против него. Это было от другого выдающегося эразмониста, находившегося тогда под судом, Алонсо де Вируеса, который свидетельствовал, что четыремя годами ранее, обсуждая, работает ли таинство *opere operato*, Вергара высмеял это как фантастическое мнение, и далее, что он не придерживался, как следовало, определенных благочестивых и католических доктрин. Это правда, что Тридентский собор еще не провозгласил, как это было в 1547 году (Сессия. VII, De Sacramentis, can. viii) самостоятельное действие таинства должно быть *de fide*, но доктрина была ровесницей развития теории сакраментов в двенадцатом веке и была незаменима для подтверждения ее действительности в оскверненных руках против донатистской ереси. Отрицание этого, даже в споре, не могло не нанести ущерба делу Вергары, которое затянулось, несмотря на усилия его

друзей и даже императрицы ускорить его. Наконец, 21 декабря 1535 года он был приговорен явиться в качестве кающегося на аутодафе, отречься от *отгорячности*, безвозвратно удалиться в монастырь на год и выплатить штраф в размере полутора тысяч дукатов. Однако через три месяца Манрике милосердно перевел его в кафедральный монастырь, и 27 февраля 1537 года его заключению пришел конец. [1121] Он не понес никаких увечий; его репутация, похоже, не пострадала, поскольку он сохранил каноническое звание Толедо и, как мы видели, в 1547 году навлек на себя неудовольствие архиепископа Силицио, выступив против статута лимпьезы.

ЭРАЗМИСТЫ

Вируес был такой же жертвой отвращения к Erasmus. Это был бенедиктинский настоятель Сан-Зойло, ученый-востоковед и любимый проповедник Карла V, который привез его в Германию. Зависть к его благосклонности при дворе вызвала его донос; отдельные отрывки из его проповедей цитировались против него, и в 1533 году он был брошен в тюрьму. Его заключение длилось четыре года, несмотря на усилия Карла добиться его освобождения; тщетно он ссылался на то, что примерно четырнадцать лет назад Эразм считался ортодоксальным, и что он привел аргументы, которые использовал против Меланхтона на Ратисбонском сейме. В 1537 году его объявили подозреваемым в лютеранстве, потребовали отречься от престола и заточили в монастырь на два года с отстранением от проповеди еще на два. Карл был настолько заинтересован в нем, что, несмотря на свое решительное несогласие с вмешательством папы, он добился от Павла III распоряжения от 29 мая 1538 года, которым приговор был отменен и Вируэс был объявлен способным к любому назначению, даже епископскому. Когда Хуан де Сарвиа, епископ Канарских островов, умер в 1542 году, Вируес был назначен его преемником и умер в 1545 году. [1122]

Современником этих случаев был Педро де Лерма, член одной из ведущих семей Бургоса. Он был каноником кафедрального собора и настоятелем Алькалы, известным как проповедник и человек высочайшего уважения. Он пятьдесят лет проработал в Парижском университете, где Сорбонна назначила его деканом своего факультета. Случайно прочитав некоторые работы Эразма, он был настолько впечатлен, что они повлияли на его проповеди. Он был донесен инквизиции, которая заключила его в тюрьму, и после долгого судебного разбирательства в 1537 году от него потребовали публично отречься от одиннадцати положений во всех городах, где он проповедовал, признавшись, что он учил им по наущению дьявола, чтобы распространять заблуждения в Церкви. Он был настолько унижен, что уехал из Испании в Париж, где его тепло приняли как декана факультета и где он умер в 1541 году. Нам рассказывают, что жители Бургоса, относившиеся к нему с величайшим почтением, были настолько впечатлены этим, что те, кто отправил своих сыновей учиться за границу, сразу же вспомнили о них. [1123]

Эта атмосфера всепроникающей подозрительности и эта преувеличенная чувствительность к возможной ошибке подвергали каждого судебному преследованию за самое невинно неосторожное замечание. Мигель Мескита, дворянин из Формиче (Теруэль), предстал 19 января 1536 года перед трибуналом Валенсии, повинувшись цитате, и, следуя обычной формуле, когда ему велели разобраться в своей совести, он интуитивно обратился к Эразму и рассказал о разговоре, который у него состоялся примерно пять или шесть лет назад с доминиканцем, в котором он защищал Энхиридион на том основании, что он был подвергнут экспертизе без осуждения. Однако оказалось, что причиной его вызова было не это, поскольку Педро Форрер,

священник из Теруэля, обвинил его в том, что он сказал, что Лютер проповедовал Евангелие и поэтому назывался евангелистом, в то время как последователи папы назывались папистами, и что Лютер был прав, утверждая, что в Писании сказано, что Христос дал силу не святому Петру, а всем апостолам. Мескита объяснил, что он несколько раз бывал в Италии и был направлен во Фландрию; священник спросил его, что говорят о Лютере, и он просто удовлетворил свое любопытство, повторив то, что слышал за границей в обычных разговорах. Он искренне умолял освободить его, потому что у него было восемь детей, четверо из них учились в Саламанке, и, когда его внезапно увезли из дома, в его доме осталось всего шесть суэлько. К счастью для него, инквизиторы были благоразумны, и 29 января ему разрешили вернуться к своей семье, но дело оставалось в протоколах, чтобы быть возбужденным против него, если какой-нибудь недоброжелательный сосед сочтет нужным исказить какое-нибудь неосторожное высказывание. [1124]

Мистицизм и иллюминизм, которые примерно в это время начали свое развитие в Испании, послужили еще одним источником обвинений в адрес лютеранства из-за их общей тенденции отвергать обряды священства и приводить грешника в прямые отношения с Богом, но эта область инквизиторской деятельности требует отдельного рассмотрения. Между тем приведенных выше случаев, вероятно, будет достаточно, чтобы показать, каким образом католики, у которых и в мыслях не было отходить от веры, попали под подозрение в участии в новых ересь и, следовательно, подверглись более или менее жестоким преследованиям. Вряд ли стоило бы подробно следить за длинной чередой тех, кто имел подобный опыт. Случай с Каррансой уже обсуждался. Брат Хуан де Регла, духовник Карла V в Сан-Юсте и один из свидетелей против Каррансы, был заключен в тюрьму трибуналом Сарагосы и должен был отказаться от восемнадцати заявлений. Фрай Франсиско де Вильяльба, произнесший надгробную проповедь по Карлу V, был обвинен в лютеранстве и спасся только благодаря покровительству Филиппа II. Мигель де Медина, один из богословов Тридентского собора, был настолько ортодоксален, что в своем *Диспуте об индульгенциях* он приписывает индульгенциям достоинство настолько великое, что без них христианство потерпело бы неудачу, однако это не помешало его судебному преследованию за защиту определенных положений, которые, как считалось, отдают лютеранством, и после четырехлетнего заключения он умер в тюрьме, так и не завершив судебный процесс. [1125]

ЛЮТЕРАНСТВО

Все это были дела добрых католиков, судебное преследование которых объясняется гиперестезией ортодоксии. Что касается настоящего протестантизма, то на нем неизбежно лежали двойные обязанности: одна - по отношению к его литературе, а другая - по отношению к его профессорам. Первое будет обсуждаться в следующей главе, а здесь достаточно указать, что, хотя организованной цензуры в прессе еще не существовало, владение или чтение любых книг Лютера было запрещено под страхом отлучения от церкви Львом X в булле "*Exsurge Domine*" в 1520 году, и это было распространено на работы всех его последователей в редакции буллы "*in Cœna Domini*" Адриана VI. [1126] Мы видели волнение, вызванное в 1521 году страхом перед распространением этой литературы в Испании, и, по-видимому, на нее был спрос или что немецкие еретики пытались создать ее, поскольку в 1524 году мы слышим, что корабль из Голландии в Валенсию, захваченный французами и отбитый, был доставлен в Сан-Себастьян, когда два в ее грузе были обнаружены бочки с лютеранскими книгами, которые были публично сожжены. Примерно восемь месяцев спустя три венецианских шторма доставили большое

количество подобных книг в порт Гранады, где коррехидор конфисковал и сжег их, а капитанов и команды заключил в тюрьму. [1127] Однако, пока, похоже, не было определенного наказания, за исключением папских порицаний, за хранение этой запрещенной литературы. Мы видели, как Хуан де Вергара просто отказался от того, что у него было; в 1527 году нам довелось найти распоряжение Верховного суда об освобождении слабого от навлеченного таким образом отлучения, а в 1528 году аналогичное распоряжение в пользу лиценциата Фрая Диего де Астудильо. [1128]

Что касается еретиков лично, то отношения Испании с Нидерландами и Германией в этот период были слишком тесными, чтобы избежать их вмешательства. Самый ранний случай, с которым я столкнулся, произошел в 1524 году, когда трибунал Валенсии осудил немца по имени Блэй Эстеве. [1129] Снова тот же суд в 1528 году судил Корнелиса, художника из Гента, за утверждение, что Лютер не был еретиком, и за отрицание существования чистилища, полезности месс, исповеди и т.д. У него не было духа мученичества, но он сослался на опьянение и на то, что в Испании он отказался от заблуждений, которым предавался во Фландрии; он был приговорен к примирению и пожизненному заключению, и в документах судебного процесса есть намек на судебное преследование Джейкоба Торреса, по-видимому, другого лютеране. В Валенсии в 1529 году был еще один случай в лице Мельхора де Вюртемберга, который прибыл туда через Неаполь. Он проповедовал на улицах, говоря, что тщетно искал по всему миру истинного последователя Христа, и предсказал, что через три года мир утонет в крови. Вероятно, он был анабаптистом и на суде признался, что посещал Мартина Лютера, чтобы узнать, владеет ли лютеранская секта истиной. Трибунал передал дело в Верховный суд, который ответил, что, если он допускал какие-либо лютеранские ошибки, правосудие должно свершиться; если нет, то дело пустяковое и достаточно ста ударов плетью. Документы несовершенны, и мы можем только предположить, что он отрицал лютеранство и избежал бичевания. [1130]

ОРГАНИЗОВАННОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Дела такого рода, несомненно, рассматривались в различных трибуналах, но прошло еще некоторое время, прежде чем инквизиция предприняла систематические действия. 8 мая 1526 года Климент VII обратился с кратким посланием к францисканцам-наблюдателям, уполномочив их принимать всех лютеран, желающих вернуться в Церковь, которые должны были быть реинкорпорированы после принятия спасительной епитимьи и быть освобожденными от всех наказаний, назначенных Львом X и другими. [1131] Это, очевидно, было разработано для временного применения в Германии и, хотя было отправлено в Испанию, слишком подрывало исключительную юрисдикцию инквизиции, чтобы быть замеченным там. Самым ранним действием Супремы по защите Испании от распространения новых ересей, по-видимому, было письмо 1527 года провизору Луго и тамошнему доминиканскому провинциальному и францисканскому опекуну о еретиках, прибывающих в галисийские порты, с приказом им навести справки о лютеранских книгах, которые они должны были изъять. [1132] Корунья была одним из главных торговых портов с северными морями, что требовало особой бдительности, и, хотя недавно для Галисии был создан трибунал, по-видимому, в связи с этим, он, похоже, не работал. Тем не менее еретики продолжали прибывать, и 27 апреля 1531 года Верховный суд издал *carta acordada*, предписывающую трибуналам публиковать специальные указы о вере, требующие доноса лиц, подозреваемых в придерживании лютеранских взглядов. [1133] По-видимому, пришло время, когда необходимо было занять какую-то определенную

позицию в отношении растущей опасности; похоже, возникли сомнения относительно полномочий инквизиции по борьбе с ней и относительно политики, которой следует придерживаться по отношению к этим еретикам, поскольку 15 июля того же года Климент VII предоставил Манрике полномочия и его заместители должны были возбудить дело против последователей Мартина Лютера, их наставников и защитников, и соответствующий пункт впоследствии продолжал включаться в поручения генерального инквизитора. Кроме того, краткое изложение расширило личную юрисдикцию Манрике в отношении этой ереси на архиепископов и епископов, хотя они не должны были подвергаться аресту и тюремному заключению; нераскаившиеся должны были быть смягчены в соответствии с канонами, в то время как те, кто стремился к примирению, должны были быть допущены с должным наказанием и даже могли быть освобождены от ответственности за нарушение правил и быть лишены всех ограничений и записки о позоре. [1134] Очевидно, что тогда еще существовала склонность относиться к этим новым еретикам с особой нежностью.

Еще некоторое время труды инквизиции по подавлению лютеранства были ограничены иностранцами, наиболее заметным из которых был Гуго де Сельсо, ученый бургундец, доктор обоих законов и автор полезного *отчета де лас Лейеса*, который увидел свет в Вальядолиде в 1538 году и снова в Алькале в 1540 году. В 1532 году он, по-видимому, был привлечен к уголовной ответственности без вынесения обвинительного приговора в Толедо, но снова попал под подозрение и, наконец, был сожжен в 1551 году. [1135] Это правда, что королева Венгрии Мария, сестра Карла V, не избежала подозрений, [1136] но самым ранним зарегистрированным несомненным еретиком испанской крови, по-видимому, является Франсиско де Сан Роман из Бургоса. Будучи еще молодым человеком, он занимался бизнесом в Нидерландах, и дела привели его в Бремен, где он обратился в веру и стал настолько ревностным прозелитом, что после различных приключений взялся обратить Карла V в свою веру в Ратисбоне. Упорствуя в своей попытке, он был отправлен в цепях в Испанию, и, поскольку он отказался отречься, с ним ничего не могли поделать, кроме как предать его огненной смерти, которой он добивался, — первого из немногих испанских мучеников протестантизма. Карранса присутствовал при казни на костре и убеждал его подчиниться Церкви, но разъяренная толпа пронзила его своими мечами — не редкое явление на аутодафе. У нас нет дат, но намек на экспедицию Карла в Тунис, по-видимому, относит его карьеру примерно к 1540 году. [1137]

Почти в то же время появился другой, которого причисляли к лютеранам, хотя он, по-видимому, самостоятельно выработал свою ересь. Все, что мы знаем о Родриго де Валеро, основывается на ненадежных свидетельствах Гонсалеса де Монтеса, который описывает его как богатого юношу из Лебрихи, недалеко от Севильи, внезапно обратившегося от мирской суеты к усердному изучению Священного Писания и убежденного, что он новый апостол Христа. Его особые ереси не зафиксированы, но они привели к суду над ним севильского трибунала, который конфисковал его имущество и признал его невменяемым. Он продолжил свое апостольство и на втором судебном процессе был приговорен к пожизненному заключению и санбенито. Здесь, при обязательном воскресном посещении мессы, он противоречил священнику до тех пор, пока, чтобы заставить его замолчать, его не заточили в монастырь в Сан-Лукар-де-Баррамедас, где он пролежал до самой смерти. [1138]

УМЕРЕННОСТЬ

Валеро был не лишен значимости, поскольку он был извращенцем Хуана Хилья, или доктора Эджидио, основателя маленькой протестантской общины Севильи, которая, как мы увидим, безвременно скончалась. Эджидио был магистральным каноником собора и человеком высочайшего уважения к учености и красноречию; действительно, Карл V назначил его на престол Тортосы, который был вакантен с 1548 по 1553 год. На его посмертном процессе в 1559 году доказательства показали, что еще в 1542 году он проповедовал монахиням Санта-Клары о бесполезности внешних работ, отрицал избирательные права святых и клеймил поклонение образам как идолопоклонство. [1139] Письмо Карла Вальдесу из Брюсселя от 25 января 1550 г. показывает, что Эгидио в то время находился под судом в Севилье; Карл приказал Вальдесу лично расследовать дело в Севилье и проконсультироваться с ним, прежде чем завершить его, все это должно быть сделано быстро, поскольку церкви (Тортоса) должен быть предоставлен прелат. [1140]

Заботливость Чарльза показывает, что этот вопрос считался важным. На самом деле Эджидио был центром небольшой группы лютеран, которых инквизиция с нетерпением выслеживала. 30 июля 1550 года Suprema написала Вальдесу в Севилью, призывая его ускорить расследование дела, и добавила, что она написала Чарльзу об аресте в Париже и Фландрии лиц, причастных к доктору Эджидио, и о докторе Сапате, который доставил лютеранские книги Антонио де Гусману. [1141] Однако, когда суд над Эгидио закончился 21 августа 1552 года, с ним обошлись на редкость сдержанно. Он был вынужден публично отречься от десяти утверждений, которые, по его признанию, были высказаны, как еретические, подвергнув себя наказанию в виде рецидива за повторное преступление. Еще от восьми положений он отказался как от ложных и ошибочных, а семь объяснил в католическом смысле — все они были более или менее лютеранскими. Он был приговорен к годичному заключению в замке Триана и никогда не покидал Испанию; в течение года после освобождения он не должен был служить мессу и на десять лет был отстранен от проповеди, исповеди и участия в диспутах. [1142] Смерть в 1556 году спасла его от более суровой участи, хотя, как мы увидим, его кости были эксгумированы и сожжены в 1560 году.

Мягкость инквизиции показывает, что до сих пор не было никакой тревоги, способной вызвать суровость, да и не было для этого никаких причин. Мы много слышим о миссионерских усилиях немцев или других еретиков, но до настоящего времени сохранилось мало следов такой работы. Единственным свидетельством — и притом весьма сомнительным, — с которым я встречался о подобных попытках, является дело Габриэля де Нарбонна, рассматривавшееся трибуналом Валенсии в 1537 году. Он был французом, который изучил ересь за четыре года, проведенные в Германии и Швейцарии. Будучи странствующим нищенствующим монахом в Испании, он свободно рассказывал о своих верованиях всем, кого встречал. При аресте он полностью признался во всех ведущих догматах лютеранства и просил пощады; после года заключения под угрозой пыток он заявил, что был послан швейцарскими еретиками в Испанию в качестве миссионера; было еще трое, одного звали Бельтран, который также находился в Испании, одному было суждено отправиться в Венецию, а другому - в Савойю. По его словам, он два года бродил пешком по всему полуострову, от Каталонии и Наварры до Лиссабона, распространяя свои ереси везде, где мог найти слушателей, особенно среди духовенства. Если бы трибунал поверил его рассказу, он был бы подвергнут жестоким пыткам, чтобы обнаружить своих новообращенных; как бы то ни было, он просто смирился с тюремным заключением, в то время как его племянник, другой Габриэль де Нарбонн, который спонтанно заявил, что был извращен

своим дядей, был смирился с духовной епитимьей и ему запретили покидать королевство.
[1143]

СЕВИЛЬСКАЯ ГРУППА

Может показаться, что Святой Престол хотел пробудить в испанской инквизиции осознание ее инертности в борьбе с этими опасными нововведениями, поскольку в 1551 году Юлий III направил генеральному инквизитору Вальдесу краткое распоряжение, уполномочивающее его наказывать лютеранство независимо от положения нарушителя - совершенно излишнее разрешение, поскольку он уже обладал всеми необходимыми полномочиями, за исключением полномочий епископов, и дело Каррансы показывает, что они не были включены в краткое изложение. [1144] Если целью было стимулировать, то она потерпела неудачу, поскольку случаев принятия лютеранства в течение некоторого времени оставалось мало, и в основном это были иностранцы. 1558 год можно считать поворотным моментом в истории испанского протестантизма, и до этого времени кропотливые исследования доктора Эрнста Шефера в архивах всех судебных инстанций привели лишь к выявлению совокупности из ста пяти дел, из которых тридцать девять касаются местных жителей и шестьдесят шесть - иностранцев. [1145] Конечно, в хаосе архивов никакая подобная статистика не может считаться полной, но, с другой стороны, у трибуналов была привычка квалифицировать как “лютеранство” любое отклонение, даже в незначительной степени, от догмы или соблюдения, или любые неосторожные высказывания, подобные тем, примеры которых мы приводили выше. В целом, приведенные цифры свидетельствуют о том слабом впечатлении, которое до сих пор производило на испанскую мысль сильное религиозное возбуждение за пределами Пиренеев. Несколько человек — в основном те, кто побывал за границей, — это все, кого можно считать действительно зараженными новыми доктринами. До сих пор не было никакой организации, небольших ассоциаций или конвентов, в которых люди общей веры собирались для богослужения, взаимного поощрения или планирования мер по распространению своей веры, но нечто подобное начало развиваться в Севилье, где учение Родриго де Валеро и доктора Эджидио постепенно распространялось по все более широкому кругу. После смерти Эджидио, в 1556 году, ведущей фигурой был доктор Константино Понсе де ла Фуэнте, который был избран капитулом на вакантную должность магистрального каноника и который был человеком высочайшего уважения, поскольку служил Карлу V во Фландрии в качестве исповедника и капеллана. Другой важной персоной был маэстро Гарсиа Ариас, известный как доктор Бланко, настоятель дома иеронимитов Сан-Исидро, все братья которого стали новообращенными, а также некоторые обительницы женского монастыря иеронимитов Санта-Паула. Влиятельный бенефициар церкви Сан-Висенте по имени Франсиско де Зафра также присоединился к группе, которая, хотя и состояла в основном из священнослужителей, светских и обычных, содержала много мирян. Мы слышим о двух сборщиках тряпья, Франсиско и Антонио де Карденас, а также о дворянине высочайшего ранга, доне Хуане Понсе де Леоне, из великого дома герцогов Аркос. В маленькой группе, насчитывавшей в общей сложности более ста двадцати человек, были представлены все классы общества, не считая доктора Хуана Переса де Пинеды и Хулиана Эрнандеса, которые спаслись бегством, вероятно, примерно во время ареста доктора Эджидио. [1146]

ВАЛЬЯДОЛИДСКАЯ ГРУППА

В 1557 году по какой—то причине возникло подозрение, и трибунал начал тайное расследование, которое, по-видимому, достигло ушей некоторых обвиняемых, и одиннадцать иеронимитов Сан-Исидро обратились в бегство, среди которых были двое заслуживших внимания - Сиприано де Валера и Кассиодоро де Рейна. [1147] Это усилило подозрения, и некоторые труды доктора Константино были подвергнуты экспертизе; они проходили проверку без каких-либо изменений в течение десяти лет, но в 1557 году на них обратила внимание carta acordada, адресованная всем трибуналам, за которой 2 января 1558 года последовал список книг, подлежащих сожжению, [1148] к которому были добавлены три его вещи, подлежащие изъятию, но не сожжению. Наконец, трибунал смог получить положительные доказательства против отдельных лиц. Хуан Перес, находившийся в убежище в Женеве, был занят подготовкой пропагандистских работ. [1149] Переправить их в Испанию было опасной задачей, но за нее взялся Хулиан Эрнандес, который провел несколько лет в Париже, затем побывал в Шотландии и Германии и стал дьяконом в валлонской церкви Франкфурта. История о том, что он прибыл в Севилью с двумя большими бочонками с Завещанием Переса, Псалмами и Катехизисом, вероятно, является преувеличением, но он привез их с собой и прибыл в Севилью в июле 1557 года. Книги хранились за стенами и были тайно доставлены ночью или были привезены доном Хуаном Понсе де Леоном в его седельных сумках. Джулиан допустил роковую ошибку с письмом и копией *Имаджен дель Антихристо*, адресованными священнику, которые он передал человеку с тем же именем, который был добрым католиком. Когда последний увидел на фронтисписе папу, преклоняющего колени перед сатаной, и прочитал, что добрые дела бесполезны, он поспешил передать опасное дело инквизиции, которая хорошо использовала предоставленную таким образом подсказку. Дон Хуан немедленно бежал в Эсиху, а Хулиан - в Сьерра-Морену, но их выследили и вернули 7 октября. Вскоре последовали другие аресты, и тюрьмы начали заполняться. [1150] Со своим обычным неутомимым терпением трибунал проследил все последствия еретического соглашения, арестовывая одного за другим по мере получения от заключенных доносов на сообщников. Доктор Константино и его друг доктор Бланко были схвачены только в августе 1558 года, а первое аутодафе было отпраздновано только 24 сентября 1559 года.

Между тем, почти одновременно аналогичное объединение протестантов было обнаружено в Вальядолиде, тогдашней резиденции двора. Итальянский джентльмен, Дон Карлос де Сесо, который, как говорят, был сыном епископа Пьяченцы, был обращен в христианство около 1550 года, по-видимому, благодаря трудам Хуана де Вальдеса. Он приехал в Испанию, привезя с собой еретические книги и страстно желая распространять реформатскую веру. Сначала он поселился в Логроньо, где обратил в свою веру нескольких новообращенных, а затем, под влиянием своей жены, Изабель де Кастилья, королевской крови и пользовавшейся большим уважением, около 1554 года он был назначен коррехидором Торо. Там он обратил в свою веру крестьянина Антонио де Эрресуэло и его жену Леонор де Сиснерос, донью Ану Энрикес, дочь Эльвиры, маркизы Альканьисес, Хуана де Ульоа Перейру, комендатора Сан-Хуана, и других более или менее выдающихся людей, в то время как в Педресе, городке, расположенном между Торо и Вальядолидом, приходской священник Педро де Касалья также попал под его влияние и, в свою очередь, стал миссионером. Среди его новообращенных был ризничий Хуан Санчес, чье неосмотрительное рвение сильно встревожило Касалью; в 1557 году Санчес уехал из Педросо в Вальядолид, где поступил на службу к донье Каталине де Хортега, которую вскоре обратил, а вместе с ней и к донье Беатрис де Виверо, сестре Касальи. Благодаря им семь монахинь цистерцианского дома Нуэстра-Сеньора-де-Белен были обращены в новую веру, но

величайшее завоевание было совершено примерно в мае 1557 года, когда Беатрис де Виверо и Педро Касалья покорили своего брата, доктора Агустина де Касаллу. Ни один священнослужитель не пользовался большей репутацией или влиянием среди всех классов; он был любимым проповедником Карла V, который привез его в Германию в 1543 году, где, возможно, его споры с еретиками бессознательно подорвали его веру. Рядом с ним среди новообращенных можно было бы поставить доминиканца фрая Доминго де Рохаса, чья репутация ученого и красноречивого была самой высокой. Он был сокурсником Педро де Касалья; в 1552 году он сопровождал Каррансу в Трент, где столкнулся с еретиками, и с тех пор некоторые из его высказываний вызвали подозрения у его братьев-доминиканцев, но, когда Беатрис де Виверо впервые попыталась обратить его в свою веру, он был тверд и даже подумывал о том, чтобы осудить ее. Однако осенью 1557 года Агустин Касалья и Карлос де Сесо склонили его к ереси, и он, в свою очередь, привлек к делу своего брата дона Педро Сармьенто и своего племянника дона Луиса де Рохаса, наследника маркизата Посо. Таким образом, как и в Севилье, среди реформаторов были люди самого высокого положения в социальном и церковном плане, а также представители низших классов. И все же их численность была невелика; дикие оценки в пятьсот или шесть тысяч беспочвенны, поскольку их было не более пятидесяти пяти-шестидесяти, совершенно неорганизованных, разбросанных от Логроньо до Саморы, хотя дом доньи Леонор де Виверо, овдовевшей матери Касальяс, иногда служил местом встреч. Из ее десяти детей четверо сыновей, Агустин и Педро Касалья, Франсиско и Хуан де Виверо, и две дочери, Беатрис и Констанца, были вовлечены в это дело; остальным, похоже, удалось спастись. Сама она после начала судебного преследования находилась только в своем доме; она быстро умерла и была похоронена по-христиански, но впоследствии ее кости были эксгумированы и сожжены. Несмотря на это, один из сыновей, Гонсало Перес де Касалья, 12 мая 1560 года получил разрешение от *арбитражных судов*. [1151]

ВАЛЬЯДОЛИДСКАЯ ГРУППА

Было неизбежно, что такая пропаганда должна была быть раскрыта, и единственным источником удивления является то, что она должна была вестись в течение двух или трех лет без предательства, но, наконец, это пришло почти одновременно из нескольких источников. В Саморе Кристоаль де Падилья, управляющий маркизы Альканьисес, был неосторожен в своих выступлениях; ближе к Пасхе 1558 года публикация Эдикта веры привела к двум доносам, по которым епископ арестовал его и бросил в государственную тюрьму. Поскольку он не был *инкоммукадо*, он смог известить своих сообщников, и Эрресуэло немедленно сообщил об этом Педро де Касалье, предупредив, что нельзя полагаться на скрытность Падильи. Еще более угрожающим было необдуманное рвение Франсиско де Виверо и его сестры Беатрис в стремлении обратить в свою веру двух друзей, донью Антонию де Бранчес и донью Хуану де Фонсека. Их исповедники отказывались от отпущения грехов и пасхального причастия, если они не получают полной информации; они это сделали, и трибунал быстро получил имена почти всех новообращенных и принял меры к их аресту. Несмотря на глубокую секретность, доктор Касалья случайно услышал, что в Вальядолиде были еретики, которых осудила Хуана де Фонсека. Смысл этого был очевиден, и среди маленького отряда воцарилось дикое замешательство. Разрабатывались отчаянные планы побега, но времени было слишком мало. Некоторые искали пощады, сдаваясь и донося на своих сообщников; другие молча ожидали ареста. Только трое пытались бежать. Брат Доминго де Рохас, переодетый в светскую одежду, поспешил в Логроньо к Карлосу де Сесо, и они вдвоем попытались бежать через Наварру; в Пампелуне они получили пропуск от вице-короля, но агенты инквизиции преследовали их по

горячим следам; их узнали и проводили обратно под охраной двенадцати приближенных и нескольких верховых чиновников, что было сделано скорее для их защиты, чем для предотвращения побега, поскольку, где бы они ни проходили, собирались толпы с демонстрациями их сожжения. Отец Доминго смертельно боялся, что его родственники убьют его по дороге, и было сочтено необходимым войти в Вальядолид ночью, чтобы избежать растерзания толпой. Из всех заинтересованных лиц единственным, кому удалось покинуть Испанию, был Хуан Санчес, который нашел в Кастро-де-Урдиалесе судно, направлявшееся во Фландрию, и он, как мы видели, был пойман год спустя и разделил судьбу своих товарищей. [1152]

Генеральный инквизитор Вальдес, чья опала была неминуема, быстро воспользовался ситуацией, чтобы спасти себя. Теперь нам легко признать абсурдность опасений, что пара сотен более или менее ревностных протестантов в Севилье и Вальядолиде могут представлять какую-либо реальную опасность для веры, столь прочно укоренившейся и мощно организованной в Испании, но в тот момент ни один человек не мог знать, как далеко распространилась зараза. Были веские причины для тревоги в связи с одновременным открытием в столь отдаленных друг от друга местах ереси, насчитывающей среди своих последователей лиц высокого положения в мире и в Церкви. Делом Вальдеса было усилить эту тревогу, чтобы сделать себя незаменимым, и самые преувеличенные слухи усердно распространялись. Аббат Ильескас, который был очевидцем, рассматривает это как самый ужасный заговор, который, если бы раскрытие было отложено на два-три месяца, охватил бы огнем всю Испанию, что привело бы к самому серьезному несчастью, которое когда-либо случалось с этой страной. О том, что распространялись отвратительные истории, свидетельствует его утверждение о том, что были доказаны факты, слишком ужасные, чтобы упоминать о них; в доме Касальи проводились ночные собрания, отвратительные и сатанинские сборища, на которых проповедовались лютеранские доктрины. [1153] Легенда была тщательно сохранена. Венецианский посланник Леонардо Донато, ссылаясь на этот вопрос в 1573 году, говорит, что, если бы это не было исправлено быстрым наказанием, все считают, что зловредный сорняк быстро разросся бы и заразил всю Испанию, и это, возможно, было не последней причиной, побудившей Филиппа II заключить мир с Францией и вернуться домой. [1154] Итак, инквизитор Парамо ближе к концу столетия говорит нам, что никто не сомневается в том, что в результате возник бы великий пожар, если бы не бдительность Святой Канцелярии, и что на ночных собраниях, проводимых в доме Касальи, еретики осквернили себя ужасным злом. [1155]

ЭКСПЛУАТАЦИЯ ВАЛЬДЕСОМ

То, что правительство испытывало острую тревогу из-за неизвестных масштабов зловещего открытия, было естественно. Карл V приближался к своему концу из-за отставки Юста, а Филипп был во Фландрии, поглощенный войной с Францией. Его сестра, инфанта Хуана, временная правительница, была женщиной весьма умеренных способностей, и она и ее советники, принимая во внимание религиозные волнения во Франции и Германии, вполне обоснованно могли со страхом относиться к перспективе гражданских разногласий, которые в ту эпоху были обычным результатом расхождения в вере. Вспышка в Севилье не привлекла особого внимания, но теперь эта вспышка при дворе, в которой участвовали такие личности, предвещала неведомое зло и пришла как раз вовремя, чтобы спасти Вальдеса от позора, как мы видели

выше (Т. II, стр. 47). 23 марта 1558 года принцесса Хуана написала своему отцу, что, когда он приказал перевезти тело своей матери Хуаны в Гранаду, она приказала Вальдесу сопровождать его, а затем посетить свою севильскую епархию; в данный момент он пытался извиниться, но пообещал устроить так, чтобы вскоре повиноваться. Затем, когда несколько дней спустя его убедили сделать это, он поднял новые трудности; не имело значения, было ли похоронено тело тогда или в сентябре; все пытались прогнать его; проблемы с его капитулом требовали его присутствия при дворе или в Риме; кроме того, он был занят некоторыми ересями, возникшими в Севилье и Мурсии, и был занят попытками получить субсидию от морисков Гранады. Очевидно, он принижал значение севильской ереси, чтобы она не послужила предлогом для отправки его туда, и, когда Хуана передала его письмо в Государственный совет, в нем настаивалось на том, что он может быть должным образом обязан проживать в своей епархии. [1156]

Поэтому легко понять, с каким жадностью он ухватился за удачный взрыв в Вальядолиде и как он был усилен, чтобы произвести на корт гораздо большее впечатление, чем более опасный взрыв в Севилье. В письме Филиппу от 12 мая Верховный Суд кратко объявил об открытии; еретиков было так много, а времени было так мало, что он не мог сообщить никаких подробностей, но он многозначительно настаивал на необходимости присутствия Вальдеса для продвижения дела вперед и надеялся, что с королевской милости будут приняты меры для спасения преступников, а также для примера и сдерживания других. [1157] Как мы видели, это произвело немедленный эффект, поскольку Филипп, написавший 5 июня, что он должен быть низведен до своего престола, 14-го отменил приказ. Чарльза уже заставили занять ту же позицию. Уже 27 апреля Хуан Васкес сообщил ему об аресте доктора Касальи и тревожных перспективах, добавив, что меры должны быть приняты быстро и что генеральный инквизитор и Супрема активно работают. [1158] Чарльз был полностью возбужден. Он потратил свои силы и свою жизнь на борьбу с ересью; это ставило в тупик его политику и подрывало его амбиции; это было занозой в плоти, терзавшей и калечившей его на каждом шагу. Это изрядно измотало его и довело до отречения, и теперь его призрак нарушил покой, которого так жаждали его усталая душа и измученное тело. Он был потрясен перспективой возобновления борьбы в единственной стране, еще сохранившейся от ее влияния, и его религиозное рвение было разжигается убеждением, что только укреплением единства веры можно сохранить общественный порядок и даже саму монархию.

ТРЕВОГА КАРЛА V

Соответственно, 3 мая он написал Хуане, самым серьезным образом прося ее распорядиться, чтобы Вальдес не покидал суд, где его присутствие было так необходимо. Она должна оказать ему и Верховному Господу всю необходимую поддержку, чтобы дать им возможность подавить столь великое зло путем строгого наказания виновных. Будь у него достаточно физических сил, он бы сам пришел и разделил труд. Хуана послала за Вальдесом и показала ему письмо, в котором заверяла его, что он восстановил свое положение и работа по аресту еретиков продолжается, отчеты о чем были должным образом отправлены Карлу. Чем больше он размышлял над ситуацией, тем больше возбуждался. 25 мая в длинном письме Хуане он преувеличил опасность и срочность суровых мер. “Я не знаю, ” сказал он, “ будет ли в этих случаях достаточно следовать общему праву, согласно которому виновные в первом преступлении могут добиться прощения, попросив о пощаде и признавшись в обращении, поскольку, оказавшись на свободе, они смогут совершить повторное преступление.... Допуск к

милосердию не был предусмотрен для подобных случаев, поскольку, в дополнение к их чудовищности, из того, что вы пишете мне, кажется, что через год, если бы их не остановили, они осмелились бы публично проповедовать, таким образом раскрывая свои опасные замыслы, поскольку ясно, что они не смогли бы сделать этого без организации и вооруженных лидеров. Поэтому необходимо выяснить, могут ли они быть привлечены к ответственности за подстрекательство к мятежу и нарушение порядка в республике, что влечет за собой наказание в виде беспощадного мятежа”. Далее он приводит в пример свои собственные жестокие эдикты в Нидерландах, согласно которым упорствующих сжигали заживо, а кающихся обезглавливали, политику, к продолжению которой он призывал Филиппа и которую последний практиковал в Англии, как если бы он был ее естественным королем, что привело к столь многочисленным и таким безжалостным казням, даже епископов. “Не должно быть, - заключил он, - никакой юрисдикции в отношении этого, ибо поверь мне, дочь моя, если это зло не будет подавлено с самого начала, я не могу обещать, что в будущем найдется король, который сделает это. Поэтому я убедительно умоляю вас сделать все возможное, поскольку этого требует природа дела, и, чтобы необходимые действия были предприняты от моего имени, я приказываю Луису Кихаде отправиться к вам и поговорить с теми лицами, которых вы сможете направить”. [1159]

Не удовлетворившись этим, Карл в тот же день отправил Филиппу копию этого письма и умолял его отдать приказ о беспощадном наказании виновных, поскольку на карту были поставлены служение Богу и сохранение королевства. Заметка Филиппа на полях по этому поводу состояла в том, чтобы поблагодарить его за то, что он сделал, попросить его настаивать на этом вопросе и заверить его, что то же самое будет сделано из Фландрии. [1160] Мы увидим, что жестокое желание Карла было исполнено, хотя это было сделано церковно, а не путем искажения светского закона.

Последовала оживленная переписка между Вальядолидом и Сан-Юсте, Чарльз сгорал от нетерпения и призывал к скорейшим действиям, а Вальдес заверял его, что инквизиция прилагает все возможные усилия в ее искалеченном состоянии из-за нехватки средств. Филипп был проинформирован и написал Хуане из своего лагеря близ Дурлена 6 сентября, выражая свое удовлетворение тем, что было сделано; они не должны были медлить, связываясь с ним, который был занят войной, но должны были выполнять приказы императора, которому он написал, прося его взять на себя руководство этим делом. [1161]

Теперь Вальдес был хозяином положения, как в этом деле, так и в деле Каррансы, которое в значительной степени зависело от него. Чтобы максимально использовать это, он 9 сентября направил Павлу IV письмо, в котором дал краткий отчет о развитии лютеранства в Вальядолиде и Севилье; он подробно остановился на надвигающихся опасностях, трудах инквизиции и бедности, которая сводила на нет ее усилия. Приняв аргумент Карла V, он указал, что это лютеранство было своего рода мятежом или смутой, происходившей среди важных людей по происхождению, религии и богатству, так что существовала опасность большего зла, если к ним относились с такой же благосклонностью, как к новообращенным из ислама и иудаизма, которые в основном были низкого происхождения, и их не следовало бояться. Лютеранство обещало облегчение от церковных тягот, которые с трудом ложились на плечи людей, приветствовавших освобождение, в то время как суды могли не решаться смягчать наказание для людей высокого положения, которые не хотели терпеливо переносить епитимью и тюремное заключение, и из-за их ранга и влияния их родственников могло возникнуть большое зло как для религии, так и для мира в королевстве. Поэтому было бы крайне желательно папское

предписание, в соответствии с которым трибуналы, не испытывая угрызений совести или страха перед нарушениями, могли и должны были бы смягчать наказание виновных, от которых можно опасаться опасности для республики, независимо от их положения в Церкви или государстве, предоставляя инквизиторам полную власть применять строгость, требуемую ситуацией, даже если это выходит за рамки закона. [1162] Мы видели (Т. II, стр. 426) насколько успешным был этот призыв в установлении на прочной основе финансирования инквизиции, не менее успешным он был и в получении жестокой власти, к которой стремился Карл V, а также способностей, которые позволили Вальдесу уничтожить Каррансу. Ссылка уже была сделана (Т. II, с. 61; Vol. III, стр. 201) к сводкам от 4 и 7 января 1559 г., которыми Павел IV предоставил ограниченную юрисдикцию над епископальным орденом и разрешил смягчение наказания кающимся, которые просили о пощаде, когда считалось, что их обращение не было искренним. В обоих этих направлениях, как это было принято в инквизиции, ограничение игнорировалось, и предоставленная власть осуществлялась свободно. [1163]

VALLADOLID AUTO DE FE

Получив полномочия отменять закон, инквизиция была готова внушить людям мысль об опасности отступления от веры. Ничего не было сделано, чтобы усилить эффект аутодафе в Троицкое воскресенье, 21 мая 1559 года, во время которого должна была пострадать первая часть заключенных Вальядолида. Это было торжественно объявлено за пятнадцать дней, в течение которых здания инквизиции непрерывно патрулировались, днем и ночью, сотней вооруженных людей, а у сцены на Пласа Майор была выставлена охрана, поскольку ходили слухи, что тюрьма будет взорвана и что сцены будут подожжены. Вдоль линии процессии посреди улицы были установлены заграждения, образующие беспрепятственный путь для трех человек, идущих в ряд, вторжение на который запрещалось под страхом суровых наказаний, но это и многочисленная охрана были бессильны расчистить его. Перед каждым домом вдоль линии фронта и вокруг площади были устроены сцены; люди стекались со всей округи на тридцать-сорок лиг и разбивали лагерь в полях; кроме хранителей, никому не разрешалось ездить верхом или носить оружие под страхом смерти или конфискации.

Процессию возглавляло изображение Леонор де Виверо, скончавшейся во время судебного процесса, одетое во вдовьи одежды и несущее митру с языками пламени и соответствующей надписью, а за ним следовал гроб с ее останками, подлежащий надлежащему сожжению. Тех, кто должен был быть освобожден лично, насчитывалось четырнадцать, из которых один, Гонсало Баэз, был португальцем, осужденным за иудаизм. Допущенных к примирению с более или менее суровой епитимьей было шестнадцать человек, включая англичанина, которого по—разному звали Энтони Грасо или Багор — вероятно, Бейкер, - наказанного за протестантизм, как и всех остальных, за исключением Баэза. Когда процессия достигла площади, Агустин Касалья был посажен на самое высокое место как видный глава ереси, а рядом с ним его брат Франсиско де Виверо. Мельчор Кано сразу же начал проповедь, которая заняла час, а затем Вальдес и епископы подошли к присутствовавшим принцессе Хуане и принцу Карлосу и принесли им клятву защищать инквизицию и помогать ей, на что толпа ответила могучим ревом: “До смерти!” Касалья, его брат и Алонсо Перес, состоявшие в ордене, были должным образом лишены сана, приговоры были зачитаны, те, кто был допущен к примирению, принесли необходимые отречения, а те, кто был приговорен к послаблению, были переданы светским

властям. Взгромоздив их на ослов, их доставили на площадь Пуэрта-дель-Кампо, где были установлены необходимые колья, и там они встретили свой конец. [1164] За одним исключением они не были мучениками ни в каком истинном смысле этого слова, поскольку все, кроме одного, отреклись, заявили о раскаянии, просили о пощаде и предоставили полную информацию относительно своих друзей и соратников. По закону, возможно, за двумя или тремя исключениями, которые могли бы рассматриваться как догматизаторы, они имели бы право на примирение, но судебное разбирательство от 4 января отдало их на милость инквизиции, и требовался пример.

AGUSTIN CAZALLA

Из них было только двое или трое, заслуживающих особого внимания. Касалья на суде сначала уклонялся и отрицал то, что он догматизировал, утверждая, что он говорил об этих вопросах только с теми, кто уже обратился. Как правило, все заключенные охотно доносили на своих сообщников; возможно, поначалу он был более сдержанным, поскольку был приговорен к пыткам *в капут алиенум*, но когда его раздели, он пообещал полностью донести на них, что и сделал, включив Каррансу в число тех, кто ввел его в заблуждение относительно чистилища. [1165] Он отрекся, заявил о своем обращении и страстно стремился к примирению. Трибунал настаивал на том, чтобы рассматривать его в качестве главы конвента, и днем, предшествующим судебному разбирательству, он послал в его келью настоятеля монастыря жеронимитов Нуэстра-Сеньора-де-Прадо с одним из его монахов, братом Антонио де ла Каррера, попытаться получить дополнительную информацию. Как официально сообщил брат Антонио, они нашли его в темной камере, закованного в цепи, с *куском амиго* вокруг головы. Он тепло приветствовал их, но, когда ему сообщили об их цели, возразил, что ему нечего добавить к своим признаниям, не лжесвидетельствуя против себя или других. В течение двух часов они тщетно трудились с ним, а затем сказали ему, что он приговорен к смерти. В уединении своей тюрьмы он ничего не знал о папской записке; он полностью ожидал, что его допустят к примирению, и это заявление прозвучало как удар грома — в одной версии интервью говорится, что он упал в обморок и лежал без чувств в течение часа; в другой - что он не верил своим ушам, спрашивая, возможно ли это и нет ли побега. Ему сказали, что он может быть спасен, если сделает более полное признание, но он повторил, что уже сказал всю правду. Затем он таинственно исповедался и получил отпущение грехов, после чего провел время до утра, прося милости у Бога и благодаря Бога за то, что он послал ему это бедствие для его спасения; он благословил и похвалил Святую Канцелярию и всех ее служителей, сказав, что она была основана не рукой человека, а рукой Бога; он охотно принял приговор, который был справедливым и заслуженным; он не желал жизни и не примет ее, потому что, как он злоупотреблял ею в прошлом, так будет и в будущем. Все это повторилось, когда обычные исповедники были допущены в его келью, и, когда наступило утро и принесли санбенито, он поцеловал его, сказав, что надел его с большим удовольствием, чем любую одежду, которую он когда-либо носил. Он заявил, что, когда в авто представится возможность, он будет проклинать и ненавидеть лютеранство и убеждать всех делать то же самое, с этой целью он занял свое место в процессии. [1166]

Его эмоциональный подъем был настолько велик, что он с таким рвением выполнил это обещание во время гонки, что его пришлось проверить. После того, как были зачитаны приговоры и те, кто должен был быть освобожден, были приведены вниз, когда он достиг самой нижней ступеньки, он встретил свою сестру, приговоренную к вечному заключению; они

[illegible]

ВТОРОЕ АВТОМАТИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Иначе обстояло дело с Херрезуэло, единственным мучеником в группе. Он открыто исповедовал свою веру и решительно придерживался ее, несмотря на все попытки обратить его в свою веру и на уготованную ему ужасную судьбу. По пути в бразеро Касалья потратил на него все свое красноречие. У него был заткнут рот, и он не мог ответить, но его стоическая выдержка свидетельствовала о несгибаемом упорстве. Когда его приковали к столбу, брошенный в него камень попал ему в лоб, залив лицо кровью, но, как нам сказали, это не принесло ему пользы. Затем благочестивый алебардщик проткнул ему живот, но это его не тронуло, и, когда разожгли костер, он перенес свои мучения, не дрогнув, и, ко всеобщему удивлению, так дьявольски кончил. [1169] Иллескас, стоявший так близко, что мог наблюдать за выражением каждого лица, сообщает, что он казался таким же бесстрастным, как флинт, но, хотя он не жаловался и не проявлял сожаления, все же он умер со странной печалью на лице, так что было страшно смотреть на него как на человека, который через короткое мгновение окажется в аду со своим товарищем и хозяином, Лютер. [1170]

Пожалуй, самым прискорбным случаем из всех был случай с его молодой женой Леонор де Сиснерос. Но в двадцать три года, когда перед ней открывалась жизнь, она так быстро поддалась методам инквизиции, что избежала пожизненного заключения. В тяжкие годы, проведенные в доме *покаяния*, бремя на ее душе становилось все более и более невыносимым, и пример ее мужа-мученика предстал перед ней в более ярком свете. Наконец она больше не могла выносить тайных пыток; ясно сознавая свою судьбу, она призналась в своей ереси, и в 1567 году ее снова предали суду. Как рецидивистке, ей не могло быть пощады, но отречение могло, по крайней мере, спасти ее от смерти на костре, и были предприняты серьезные усилия, чтобы спасти ее душу. Они были бесполезны; она заявила, что Святой Дух просветил ее и что она умрет так же, как умер ее муж, за Христа. Ничто не могло поколебать ее решимости, и 28 сентября 1568 года она искупила свою слабость десятилетней давности и была сожжена заживо как упрямая нераскаявшаяся. [1171]

Остальные реформаторы Вальядолида были приглашены на другое празднование, 8 октября, почтенное присутствием Филиппа II, который послушно принес обычную присягу с обнаженной

головой и рукой без перчатки. Это было, если возможно, событие большей торжественности, чем предыдущее. Присутствовавший при этом фламандский чиновник оценивает количество зрителей в двести тысяч, и, хотя он, должно быть, был закален к подобным сценам у себя дома, он не может удержаться от выражения сочувствия страдальцам. [1172] Помимо мориско, который был смягчен, примирившегося иудаиста и двух раскаявшихся в других преступлениях, было двадцать шесть протестантов. Урок был тот же, что и в предыдущем ауто, что лишь у немногих был пыл мученичества. Тринадцать человек заключили мир вовремя, чтобы добиться примирения или покаяния. Даже Хуана Санчес, которая умудрилась принести с собой ножницы и перерезала себе горло, отреклась перед смертью, но ее признание сочли несовершенным, и ее чучело сожгли. Из двенадцати расслабленных лично пятеро проявили настойчивость, но только в двух случаях это выдержало испытание огнем. Карлос де Сесо был непреклонен до конца, и когда нам говорят, что его поддерживали двое знакомых, чтобы он мог стоять во время оглашения приговора, мы можем догадаться о жестокости пыток, которым он подвергся. Хуан Санчес также был настойчив; когда разожгли костер, он сжег веревку, привязывавшую его к столбу; он спрыгнул вниз и побежал в огне; считалось, что он хотел исповедаться, но, когда привели исповедника, он отказался его слушать; в одном сообщении говорится, что охранники толкнули его обратно в пламя, в другом - что он поднял глаза и увидел Карлоса де Сесо, спокойно горящего, и сам прыгнул обратно в пылающую кучу. Брат Доминго де Рохас вел себя храбро и после своего унижения обратился к королю, отстаивая свою ересь, пока его не оттащили прочь и не заткнули рот кляпом, но когда его подвели к столбу, сердце у него дрогнуло; он заявил, что желает умереть за веру Рима, и был задушен. То же самое было с Педро де Касаллой и Педро де Сотело, которым заткнули рот как нераскаявшимся, но они были обращены в брасеро. Те, кто заслуживал милосердия быстрым признанием вины и доносом на сообщников, как правило, не подвергались суровому наказанию, и во многих случаях их наказание было сокращено. [1173] По всей видимости, потомкам Карлоса де Сесо были нанесены некоторые особо серьезные увечья, распространяющиеся на женскую линию, устраняемые только Святым Престолом, поскольку в 1630 году Урбан VIII по особой просьбе Филиппа IV предоставил Катерине де Кастилья, внучке Изабель де Кастилья, жены Карлоса де Сесо, разрешение занимать почести и сановное положение, светское и духовное. [1174]

СЕВИЛЬСКИЙ АВТОСАЛОН

Так был уничтожен зарождающийся протестантизм Вальядолида. Тем временем севильский трибунал боролся с массой работы, возложенной на него в связи с поимкой Хулиана Эрнандеса и дона Хуана Понсе де Леона. Аресты были настолько многочисленными, что пришлось нарушить правило, запрещавшее совместное содержание сообщников, и, поскольку круг расширялся, аресты пришлось отложить в ожидании аутодафе, которое должно было опустошить камеры, пока 6 июня 1559 года трибунал не запросил полномочия реквизировать дома для использования в качестве тюрем. Чтобы ускорить работу, в начале 1559 года епископ Мунебрега из Таразоны, старый инквизитор, был отправлен в Севилью на помощь трибуналу, но он был чрезмерно суров, желая сжечь всех; вскоре он был вовлечен в пререкания и взаимные обвинения с инквизиторами Карпио и Гаской, на которых он горько жаловался; голосования в discordia были частыми, обращения к Верховной власти постоянными, и работа затягивалась. [1175] Праздновать аутодафе можно было только 24 сентября 1559 года. Если вся Старая Кастилия хлынула в Вальядолид, то вся Андалусия проявила свое религиозное рвение, устремившись в Севилью. За три дня до этого люди начали собираться, пока город не выдохся и им не пришлось ночевать в полях. Декорации и строительные леса были самого большого

размаха, и специально было выделено место для герцогини Бежарской и ее друзей, которые, очевидно, желали получить удовольствие увидеть своего родственника Хуана Понсе де Леона расслабленным. [1176] Как это часто бывало, торжественные мероприятия были несколько омрачены неприличным состязанием за первенство между гражданскими и церковными властями, которое было возобновлено осенью 1560 года и не разрешалось в течение нескольких лет. [1177]

Потребовались услуги тридцати восьми фрейлин и иезуитов, чтобы подготовить к своей участи тех, кто должен был расслабиться. Самой выдающейся из жертв был дон Хуан Понсе де Леон, который в течение двух лет заключения оставался ожесточенным в вере, что человек его ранга не будет сожжен. Он был ярым протестантом; он основал на своих землях нечто вроде церкви, где богослужение совершалось тайно; он отправился в брасеро, где, воздев руки к небу, воззвал к Богу, чтобы его сожгли там дотла вместе с женой и детьми в защиту своей веры, и он сказал, что если бы у него был доход в двадцать тысяч дукатов, он потратил бы все это на евангелизацию Испании, но, узнав в ту ночь о своей участи, он объявил о своем обращении; на сцене он занялся тем, что убеждал своих товарищей по заключению отказаться от своих заблуждений. , и он образцово закончил со слезами и раскаянием. Следующим наиболее заметным страдальцем был лицензиат Хуан Гонсалес, известный проповедник. Он был мавританцем по происхождению и, когда ему было всего двенадцать лет, был наказан в Кордове за мавританские ошибки. На протяжении всего судебного процесса он упорно отказывался обвинять других, а ночью отвечал на увещевания падре псалмами Давида. На сцене он говорил о ереси с двумя своими сестрами, пока ему не заткнули рот кляпом и всех троих не сожгли. Самой интересной жертвой была Мария де Бохоркес, 26 лет, внебрачная дочь Перо Гарсиа де Хереса, видного гражданина Севильи. Она была ученицей Кассиодоро де Рейна, высокообразованной и досконально знакомой с Писанием, как в буквальном, так и в духовном смысле. Когда в ту ночь исповедницы вошли в ее келью, она приняла их приветливо и не выразила удивления по поводу их судьбоносного послания. Напрасно многие фрейлы добивались ее обращения — доминиканцы последовали за иезуитами, а францисканцы - за кармелитами. Она отвечала на все их аргументы библейскими текстами и была единственной из осужденных, кто защищал свою веру. Так она провела ночь, пока ее не позвали на процессию. На постановке Понсе де Леон пытался обратить ее в свою веру, но она заставила его замолчать, сказав, что это было время для размышлений о Спасителе. Она относилась к окружающим ее хрупким людям как к назойливым вмешательницам, но в три часа дня уступила их мольбам, однако вскоре после этого вернулась к своим ошибкам и обожглась. Другим видным виновником был Эрнандо де Сан Хуан, учитель *христианской* школы для детей в Севилье. Он был упрямым еретиком, который сопротивлялся всем попыткам обращения. После того, как был зачитан его приговор, инквизиторы спросили, упорствует ли он в своих ошибках, когда он решительно ответил утвердительно. После этого ему заткнули рот кляпом, который он терпел, как бы благодаря Бога за то, что ему было дано страдать ради Него. В конце концов, однако, хрупкие люди убедили его избежать сожжения заживо путем обращения, но его спасение, как нам говорят, было сомнительным, поскольку до тех пор он не раскаивался. [1178]

СЕВИЛЬСКИЕ АВТОМОБИЛИ

Всего на этом мероприятии лично присутствовали восемнадцать лютеран, не считая изображения беглеца Франсиско де Зафра. Двое из них были иностранцами — Карлос де Брухас, фламандец, и Антонио Бальди, француз, капитан судна "Юникорнио". Очевидно, что

власть в полной мере использовала казнь раскаявшихся новообращенных, но никто из родственников не может с уверенностью сказать, выстоял ли кто-нибудь до конца и был ли сожжен заживо. Единственным ориентиром, которым мы располагаем, является общее утверждение Ильескаса о том, что в этом и последующих аутодафе в Севилье было казнено сорок или пятьдесят лютеран, из которых четверо или пятеро были сожжены заживо. [1179] Помимо казненных, восемь лютеран примирились, трое отреклись от престола из-за сильных подозрений и десять - из-за незначительных, всего сорок. Было приказано снести и засыпать солью два дома — Луиса де Абrego и Изабель де Баэна, — которые использовались для собраний. Было также тридцать четыре виновных в других преступлениях — четырнадцать морисков, из которых трое были освобождены от ответственности, один иудействующий примирился, четверо двоеженцев, двое богохульников, двенадцать за то, что не считали блуд грехом, и один лжесвидетель, итого семьдесят четыре человека, что немало позабавило толпу. [1180]

Работа продолжалась с неослабевающей энергией, но только 22 декабря 1560 года удалось организовать еще одну доставку в тюрьму. Об этом автомобиле у нас есть сухой официальный отчет, который показывает, что было совершено четырнадцать убийств лично и три - в виде изображений, последними из которых были покойные доктор Эджидио и доктор Константино, а также скрывающийся Хуан Перес де Пинеда. Было вынесено пятнадцать примирительных приговоров и заключено в тюрьму, пять отречений *де вементи* и три де леви, и был вынесен один оправдательный приговор, итого сорок один, но вскоре после этого шестнадцать испанцев и двадцать шесть иностранцев были освобождены как невиновные, что показывает, насколько безрассудными и без разбора были аресты. Сохранялся ли кто-нибудь из расслабленных до конца и был ли сожжен заживо, не зафиксировано, поскольку единственное замечание, сопровождающее отчет, заключается в том, что не было никаких оскорбительных речей, поскольку тем, кто мог их произнести, заранее заткнули рот кляпом. [1181]

Из них было два или три, заслуживающих особого внимания. Во главе списка пострадавших стоял Хулиан Эрнандес, покинувший свое безопасное убежище во Франкфурте ради отчаянного дела евангелизации Испании. Он провел в тюрьме три года, и, если верить Гонсалесу де Монтесу, он стойко переносил повторяющиеся пытки, не выдав своих соратников, и, когда его возвращали в камеру, вдохновлял своих товарищей по заключению, скандируя в коридорах

Vencidos van los frayles,
Vencidos van.
Corridos van los lobos,
Corridos van.

Монтес добавляет, что он упорствовал до конца, когда после того, как хворост был подожжен, одному из фраиле вынули кляп в надежде, что он уступит и, возмущенный его упрямством, закричал: “Убейте его! убейте его!” - когда охранники вонзили в него свое оружие. Можно надеяться, что он был избавлен от последних мучений, но нет недостатка в свидетельствах того, что к концу тюремного заключения его решимость поколебалась и что он представил показания против своих товарищей. [1182]

Единственный оправдательный приговор был вынесен донье Хуане де Бохоркес, жене дон Франсиско де Варгаса и сестре Марии де Бохоркес, погибшей в предыдущем автокатастрофе. Она умерла в тюрьме, и именно ее слава и память были освобождены. Гонсалес де Монтес говорит, что ее смерть была вызвана зверскими пытками, и это дело, благодаря Льоренте, послужило основанием для одного из самых суровых обвинений против инквизиции. В отсутствие документов правдивость этой истории установить невозможно, но, если это правда, она демонстрирует большую готовность вынести праведный суд ценой самоосуждения, чем мы привыкли приписывать инквизиции. [1183]

СЕВИЛЬСКИЕ АВТОМОБИЛИ

Севиля, как главный торговый центр Испании, естественно, привлекала многих купцов и моряков, и этот автомобиль служит иллюстрацией методов инквизиции по пресечению торговли. Среди расслабленных были трое иностранцев — француз по имени Бартоломе Фабрео и два англичанина, Уильям Брук (Брукс) и Николя Бертун (Бертон или Бриттон). О двух первых мы знаем только их судьбу, но о последнем нам удалось узнать некоторые подробности. Бертон был капитаном корабля или суперкарга, который не делал секрета из реформатской веры, в которой он был обучен, поэтому он был арестован, а все находящиеся в его ведении товары конфискованы. Один из владельцев, стремясь вернуть свою собственность, послал молодого человека по имени Джон Фрэмpton вернуть ее. После нескольких месяцев промедления ему сказали, что его документов недостаточно, когда он вернулся в Лондон и вернулся в Севилью с тем, что было необходимо. Последовали новые задержки, а затем его бросили в секретную тюрьму по обвинению в том, что в его багаже была найдена подозрительная книга - английский перевод Катона. Суд над ним затянулся, хотя он не делал секрета из своей веры; его пытали до потери сознания, и, когда его терпение иссякло, он согласился принять католицизм. Бертон был более настойчив и был сожжен. Фрэмpton после четырнадцати месяцев заключения избежал примирения, конфискации и года санбенито и тюрьмы с приказом никогда не покидать Испанию. Все имущество, находившееся в ведении Бертона, было конфисковано; Фрэмpton оценил свой собственный убыток в 760 фунтов стерлингов, а всю конфискацию автомобиля — в огромную сумму в 50 000 фунтов стерлингов - несомненно, преувеличение, но все это дело указывает на то, что выгодная сторона преследования не была упущена из виду. [1184]

Следующее аутодафе было отпраздновано 26 апреля 1562 года и включало сорок девять случаев лютеранства. Расслабленных было девять человек, и, поскольку ни один из них не описывается как упрямый, можно предположить, что все они были задушены. Было одно изображение мертвеца и пятнадцать беглецов. Из последних девять были монахами Сан-Исидро, среди которых были Сиприано де Валера и Кассиодоро де Рейна. О том, что запас местных еретиков истощался, свидетельствует тот факт, что из тридцати трех человек, фигурирующих в деле, двадцать один был иностранцем, в основном французом. За этим последовало другое судебное разбирательство, 28 октября того же года, в котором было зафиксировано тридцать девять случаев лютеранства, из которых девять были личными послаблениями и три - беглыми преступниками в изображении, причем ни один из виновных не был описан как нераскаившийся. Было произведено девять примирений, семнадцать отречений *от ярости* и одно *от левы*. Примечательной особенностью этого автомобиля является количество священнослужителей, поскольку, помимо настоятеля Сан-Исидро, маэстро Гарси Ариаса Бланко, было сожжено четыре священника лично и одно чучело, а также

семеро отрекшихся от *де вехементи*. Они в значительной степени способствовали наложению штрафов в размере 5050 дукатов и 50 000 мараведи, помимо четырех конфискаций половины имущества. Более того, можно отметить, что офицеры и команда корабля "Ангел", по-видимому, все вместе пали жертвами, поскольку трое были сожжены, шестеро примирились и четверо отrekliсь от власти *де вехементи*. [1185] Торговля с Испанией становилась все более и более опасной.

Таким образом, небольшая группа севильских протестантов была почти искоренена, и последующие автомобили демонстрируют постоянное преобладание иностранцев. В документе от 19 апреля 1564 года было представлено только шесть послаблений лично и одно в виде изображения, из которых все первые были фламандцами, и два отречения *де вехементи*, оба от иностранцев. [1186] Следующий праздник был отпразднован 13 мая 1565 года, во время которого было проведено шесть помилований чучела протестантизма, преступники сбежали. Из них только двое были испанцами, один - последним инкриминируемым монахом Сан-Исидро. Из семи примирений все были от иностранцев, шесть - от фламандских или бретонских моряков. Из пяти отречений *де вехементи* три были фламандскими. Было также жестокое предупреждение против укрывательства и защиты этих иностранных еретиков, поскольку за это преступление были наказаны два фламандца из Пуэрто-Реаля: один получил четыреста ударов плетью, а другой - двести, помимо штрафов и изгнания. [1187]

Таким образом, мы фактически подошли к концу исконно испанского протестантизма, но впечатление, произведенное вальядолидскими и севильскими еретиками, все еще было глубоким. 23 ноября 1563 года Филипп II обратился к испанским епископам с письмом, в котором подробно описал усилия лютеран по распространению своих доктрин по всей Испании. В эти опасные времена, говорит он, инквизиции необходимо оказывать помощь, имея повсюду тех, кто будет сообщать ей обо всех подозрениях в лютеранстве или других заблуждениях. Епископ должен следить за этим, а также за тем, чтобы проповедники ограничивались изложением католической веры, не делая никаких намеков на ереси, даже для того, чтобы опровергнуть их. Исповедникам следует дать указание поручить своим кающимся доносить инквизиции на всех, кого они знают, кто допускает эти заблуждения. Никому не должно быть позволено преподавать в школе без предварительного экзамена, как со стороны церковных, так и светских властей, которые должны быть удовлетворены его характером и привычками. [1188] Очевидно, что чрезвычайные меры предосторожности и всеобщая бдительность были сочтены необходимыми для исключения распространения отвратительных доктрин.

МИССИОНЕРСКИЕ УСИЛИЯ

Однако эти усилия не были вознаграждены никакими новыми открытиями, поскольку испанский протестантизм был всего лишь эпизодом, не имеющим практического значения, за исключением того, что его репрессии усилили инквизицию и привели к изоляции Испании от интеллектуального и промышленного движения последующих столетий. Время от времени можно отмечать несколько спорадических случаев, но преследование евреев и морисков слишком основательно воспитало нацию в восторженном фанатизме, а организация монархии и Церкви была слишком абсолютной, чтобы существовала какая-либо реальная опасность того, что протестантизм сможет закрепиться. Тем не менее, опасность считалась настолько серьезной, что были оправданы крайние меры по защите страны от вторжения иностранных

идей. Филипп II, не теряя времени, после своего возвращения из Фландрии издал "прагматику" от 22 ноября 1559 года, согласно которой всей испанской молодежи, обучающейся за границей, предписывалось вернуться домой в течение четырех месяцев, а всем испанским подданным в будущем запрещалось искать иностранные земли для учебы под страхом наказания, мирянам - конфискации и вечного изгнания, а священнослужителям - лишения временных прав и потери гражданства. Единственными разрешенными исключениями были колледж Альборноса в Болонье, а также колледж Рима и Неаполя для испанцев, проживающих в Италии, и колледж Коимбры для тамошних профессоров. [1189] Было бы трудно преувеличить пагубное влияние этого на замедление развития Испании, однако это была лишь первая из серии мер, которые, изолировав Испанию, подрывали ее энергию во всех направлениях.

Призрак активного прозелитизма со стороны протестантов за рубежом энергично вызывался в воображении, чтобы стимулировать бдительность и оправдать репрессии. Несомненно, беженцы в Рейнской области и Швейцарии искренне желали благовествовать свою родину, и они усердно трудились для достижения этой цели, но трудности на пути были слишком велики, а сообщения об их усилиях систематически преувеличивались. Карранса, в свою защиту, подробно рассказал о своих усилиях во Фландрии пресечь этот оборот, но, хотя ему рассказали о бочках, полных поддельного письма Филиппа II и папской буллы, выставленных на Франкфуртской ярмарке для отправки в Испанию, и о магазинах в Медина-дель-Кампо и Малаге, в которые отправлялись еретические книги, чистые результаты его энергии показывают, как мало во всем этом было подоплеки. [1190] Карьера Хулиана Эрнандеса доказывает, что люди, взявшие свою жизнь в свои руки, могли время от времени приносить в издательство несколько книг, но его судьба не внушала оптимизма. Если иногда миссионер брался за такую работу, его миссия, как правило, была короткой. Хьюз Бернат из Гренобля высадился в Лекейтио (Бискайя) 10 августа 1559 года с таким поручением. По дороге в Гваделупу он познакомился с минимом по имени Фрай Педро, который притворялся склонным к лютеранству и заставил Берната раскрыть свои планы и надежды, что привело к его быстрому аресту трибуналом Толедо, когда он смело признался в содеянном и был подвергнут пыткам, чтобы раскрыть своих сообщников. Он был приговорен к послаблению в аутодафе 25 сентября 1560 года, и поскольку его не называют упорствующим, он, вероятно, исповедовал обращение, когда по какой-то причине его приговор не был приведен в исполнение. [1191] На процессе над Жилем Тибобилем (или Бонневилем) в Толедо в 1564 году мы слышим о Франсиско Боргоньоне, французском галантерейщике, который во время своих поездок из Франции привозил с собой еретические книги, но они предназначались для небольшой колонии гугенотов в Толедо; количество таких французов и фламандцев в Испании было крупное, и это, а не проекты евангелизации, вероятно, объясняет большую часть контрабанды, попытки или исполнение которой. [1192]

МИССИОНЕРСКИЕ УСИЛИЯ

Однако постоянно ходили слухи о пропаганде в более широких масштабах, которые служили преувеличению важности инквизиции и оправданию вмешательства в торговлю. В 1566 году дон Франсиско де Алава, испанский посланник во Франции, был занят в Монпелье, пытаясь отследить агентство, с помощью которого еретические книги доставлялись в Каталонию, где было много французов, [1193] и в том же году Маргарита Пармская из Нидерландов отправила Филиппу абсурдное заявление о том, что тридцать тысяч книг Кальвина были изъяты. они были переданы через Севилью, после чего Верховный отдал энергичный приказ об их аресте. [1194] В январе 1572 года всем трибуналам было объявлено, что принцесса Беарнская (Жанна

д'Альбре) недавно провела собрание лютеран, на котором было решено отправить некоторых из их переодетых министров в Испанию в качестве миссионеров. Для противодействия этим попыткам была предписана предельная бдительность; все уполномоченные были предупреждены, а прелатов попросили приказать всем священникам и проповедникам быть начеку. [1195] В июне 1578 года оно разослало письма в ряд судебных инстанций, в которых говорилось, что рекомендации из Вальядолида показали, что еретики напечатали Новый Завет на испанском языке с венецианским оттиском и наводняют страну копиями, а также что у еретических министров были корреспонденты в Испании. Поэтому во всех морских портах и пограничных городах была объявлена повышенная бдительность, и все лица, у которых был обнаружен запрещенный том, должны были быть отправлены в Мадрид для суда. Месяц спустя эта паника была возобновлена на основании информации из Фландрии, но в отчетах трибунала Толедо за этот период не указано, что эти усилия были вознаграждены какими-либо поимками. [1196]

Каким бы ни было прозелитическое рвение протестантизма, оно ушло в прошлое в первые годы семнадцатого века. Последняя работа такого рода, о которой мы слышим, заключается в том, что в 1603 году принц Ангальтский привез в Севилью несколько экземпляров Библии Сиприано де Валера, и когда Екатерина, герцогиня Барская, сестра Генриха IV, услышала об этом, она приказала напечатать шестьсот экземпляров и отправила дворянина-гугенота по имени Иеросме де Тариде к герцогу ла Форсу в По, чтобы узнать, как передать их в Сарагосу, когда ла Форс назвал ему имена тамошних сторон, которым можно было доверить обращение с ними, но смерть короля привела к тому, что он умер. герцогиня в 1604 году положила конец этому проекту. [1197] Тридцатилетняя война дала немецким протестантам достаточно занятий у себя дома, а после Вестфальского мира прозелитизм вышел из моды.

Однако любопытным эпизодом войны за престолонаследие было то, что, когда в 1706 году эрцгерцог Карл и его английские союзники, казалось, на короткое время достигли успеха, когда все королевства Арагонской короны признали его и он даже на какое-то время оккупировал Мадрид, была использована возможность распространить катехизис англиканской доктрины на испанском языке и другие книги, наносящие ущерб вере. Энергичные меры, принятые инквизицией для отражения этого нападения, показывают силу ее предчувствия. Она приказала установить самое тщательное наблюдение во всех портах и приграничных городах. Должны были быть опубликованы эдикты, запрещающие эти и все другие произведения злого учения, внесенные еретиками, и инквизиторам было приказано проявлять энергичность в наказании виновных, приводя свои приговоры в исполнение посредством порицаний, интердиктов и *cessatio a divinis*, когда, если они окажутся бесполезными, они должны были покинуть в торжественной процессии непокорные города, даже рискуя своей жизнью. [1198] Восстание испанского народа в том же году вскоре ограничило территорию, оккупированную союзниками; мы больше ничего не слышим об этой попытке обращения под сенью меча, и в целом усилия по евангелизации Испании привлекли гораздо больше внимания, чем того заслуживает их внутренняя важность.

СЛУЧАЙНЫЕ ЖЕРТВЫ

Какими бы безуспешными ни были попытки внедрить новые доктрины в Испании, продолжали иметь место случайные случаи, когда испанцы принимали их частично или полностью, из

которых можно привести несколько примеров. 24 декабря 1562 года был арестован и доставлен в трибунал Толедо Эрнандо Диас, пастух из Сан-Романа, недалеко от Талаверы. Он был простодушным созданием, которое временами становилось *меланхоликом*. В Сьерра-Морене среди пастухов было много разговоров о лютеранских доктринах, ставших известными в севильских аутодафе. Работая там, он услышал о них, они запечатлелись в его блуждающем сознании, и, когда на него накатывал приступ, он не мог удержаться от разговоров о своих *воображениях*, как он их называл, хотя жена, дочь и соседи предостерегали его от этого. На своей первой аудиенции он открыто признал, что отрицал власть папы римского и священника, и утверждал, что спасение приходит через веру и любовь к Богу, милосердие и любовь к ближнему, а не по законам Церкви или через индульгенции, изображения и паломничества. Инквизиторы относились к нему по-доброму, увещевая отбросить эти фантазии, что он, по его словам, был готов сделать, но не мог их контролировать. Были вызваны врачи, которые пустили ему кровь и очистили его; он молил о пощаде, но не мог победить свои убеждения. Это продолжалось пару месяцев, когда он объявил о своем обращении благодаря наставлениям своего сокамерника, священника по имени Хуан Рамирес, который подтвердил это, заявив, что Диас говорил как лютеранин до праздника обращения святого Павла, когда он прочитал ему из своего требника службы того дня и призвал его обратиться; Диас плакал и исповедовал свою веру в Церковь, и Рамирес считал его искренним. До сих пор рассмотрение дела было в высшей степени гуманным и тактичным, но когда 17 мая состоялось заседание консультативного совета, двое из консультантов проголосовали за смягчение наказания, в то время как два инквизитора, Ординарный и двое других, проголосовали за примирение, конфискацию и недопустимое пожизненное заключение и санбенито. На автопробе 19 сентября этот приговор был должным образом вынесен, и, когда в городе Толедо ему назначили тюрьму, его выбросили на улицы, чтобы лишить его шанса умереть с голоду. [1199] Этот случай небезынтересен, поскольку показывает, что приговоры, зачитываемые в автозак, могут быть столь же эффективны, как и устрашающие проповеди миссионеров.

Еретиком иного калибра был дон Каспар Сентеллас из Валенсии, джентльмен по происхождению и культуре. Во время судебного процесса он умело уклонился от предъявленного обвинения, но когда его адвокат составил для него защитное заявление, в котором его заставили признать Римскую церковь и папу Римского Церковью Божьей, в которой он хотел жить и умереть, он отказался подписать его. Он отказался от всякой защиты и был непреклонен к доводам богословов, которых неоднократно призывали обратить его в свою веру; ничего не оставалось, как сжечь его, что и было приведено в исполнение соответствующим образом 17 сентября 1564 года. [1200] Его брат, дон Мигель Сентеллас, комендадор Монтесы, также подвергался длительному судебному разбирательству, но был оправдан в 1567 году. [1201] С Доном Гаспаром был связан доктор Сигизмондо Аркер, который, хотя и не был испанцем, был испанским подданным, родом из Кальяри. Суд над ним в Толедо занял девять лет; он до последнего не раскаивался, и когда 4 июня 1571 года он был передан светскому суду, возникли любопытные дебаты. Чиновник, которому было поручено приводить приговоры в исполнение, заявил, что по закону за другие преступления не полагается сжигание заживо, и приказал задушить Аркера. Благочестивое рвение населения не могло вынести этого несвоевременного милосердия; произошел бунт, в ходе которого Аркера пронзили алебардами и другим оружием; в конце концов был устроен пожар, и он, уже полумертвый, был сожжен. [1202]

К этому времени редко можно было встретить уроженца Испании, осужденного за протестантизм, а женщины практически исчезают как виновные. Более того, почти все случаи, которые классифицируются в отчетах как *cosas de Luteranos*, - это те, в которых какое-то незначительное отклонение от нормы или неосторожная речь были квалифицированы *calificadores* как проявление лютеранства, так что статистика бессознательно сильно преувеличивает распространенность протестантизма. К таким случаям в основном относились снисходительно, как к делу Мозена Монсеррата, священника церкви Сан-Сальвадора, обвиненного в 1567 году в кальвинизме трибуналом Валенсии за то, что он заявил, что чрезмерное соборования уже не так эффективно, как раньше, что совершение таинств в смертном грехе является смертным грехом и что религиозные ордена уже не так сильны, как раньше. Он избежал необходимости отозвать свои высказывания в присутствии капитула Сан-Сальвадора и отслужить девять месс. [1203] Итак, в 1581 году Хуан де Арагон, крестьянин, предстал перед судом в Толедо по обвинению в том, что заявил, что мессы по усопшим абсурдны, поскольку священник был грешником, который ничего не мог поделать с Богом, и что достаточно рекомендовать себя Богу и святым. Он отверг обвинение, совет федерации проголосовал за дискордию, и Супрема просто приговорила его к отречению от *де леви*, прослушиванию мессы как кающийся грешник и уплате штрафа в размере двенадцати дукатов. [1204]

Хотя такие тривиальные вопросы составляют основную массу случаев так называемого лютеранства, иногда встречались и более серьезные, такие как случай с Хуаном Лопесом де Балтуэной из Калатаюда в 1564 году в Сарагосе. В его письменную защиту приводились различные ереси, квалифицируемые как лютеранские, за что он был приговорен к отречению от *верования*, пожизненному отбыванию каторги и никогда не читать, не писать и не говорить о теологии. [1205] Также не было недостатка в делах, подобных делам Центеллы и Аркера, в которых сознательное осуждение приводило преступника к костру, как в случае Педро Мантильи, ученика Везерриля в Старой Кастилии, который в 1585 году был смягчен в Сарагосе как упорствующий еретик, который был арианином, отрицающим Троицу и лютеранство в отрицании папской власти. [1206]

СЛУЧАЙНЫЕ ЖЕРТВЫ

Последним представителем движения 1558 года был каталонец Педро Галес, считавшийся одним из самых образованных испанцев того времени и высоко ценимый как корреспондент такими учеными, как Исаак Кейсобон, Куджас и Ариас Монтано. Еще в 1558 году он начал отвергать некоторые католические догмы, но избежал подозрений и поддерживал близкие отношения с архиепископом Антонио Агустином, который сделал его одним из собеседников в своем знаменитом *Диалоге об исправлении Грациани*- первом нападении на авторитет Фальшивых Декреталий. Около 1563 года он уехал из Испании в Италию, где добился успехов в ереси, что привело к его судебному преследованию римской инквизицией и потере глаза под пытками. Отречение спасло его, и в 1580 году он вернулся в Испанию, где дон Хуан де Идиакес пытался сделать его наставником своего сына Алонсо. В 1582 году он проехал через Италию в Женеву, где женился и занимал кафедру философии до 1586 года. Он отверг некоторые кальвинистские доктрины и, покинув Женеву, преподавал в Ниме, Оранже и Кастре, часто вступая в споры с гугенотскими проповедниками. В сопровождении жены и двух маленьких дочерей он направлялся в Бордо в августе 1593 года, когда члены Лиги в Марманде арестовали его как гугенота с его драгоценными рукописями и книгами в десяти тюках. Он был доставлен

капитану Педро Саравиа, который был поставлен Филиппом II на службу маркизу Виллару, губернатору Гиенны. Он не делал секрета из своей веры, и Сарравиа был впечатлен чрезвычайной важностью информации, которую инквизиция могла извлечь из него относительно его единоверцев, но губернатор Марманде отказался переправить его через границу, и, когда к Виллару обратились, он любезно предложил повесить или утопить еретика, но уклонился от ответственности за его выдачу. Обезумевшая жена умоляла чиновников освободить ее мужа, и Сарравиа был охвачен тревогой, как бы ей это не удалось, пока он добивался вмешательства Филиппа. В этом он преуспел; Галес был передан трибуналу Сарагосы, где он свободно признал свою веру и упрямо отказывался переходить в другую веру, но его терпение было милосердно пощажено болезнью и смертью после третьей аудиенции, и, как нераскаявшийся, его кости и изображение были сожжены в авто 17 апреля 1597 года. [1207]

В целом, дела о так называемом лютеранстве, собранные доктором Шефером до 1600 года, относятся к 1995 году, из которых 1640 касаются иностранцев и 355 - испанцев, и, по его оценкам, ему удалось найти около двух пятых судебных решений тринадцати судов материка. [1208] Это, вероятно, дает достаточно точное представление о сравнительной численности двух классов, но было бы грубой ошибкой считать всех испанцев настоящими протестантами, поскольку можно предположить, что подавляющее большинство были протестантами только в воображении калификадоров.

В семнадцатом веке случаи рассеяния продолжали время от времени происходить среди испанцев, но их лечение указывает на то, что больше не ощущалось необходимости приводить примеры. Брат Хуан Гонсалес де Карвахаль, бенедиктинец, исключенный из своего Ордена за неоднократные побеги, принял кальвинизм, который он исповедовал во Франции и получил отпущение грехов; снова он признался в этом в судебном порядке в Римской инквизиции и еще раз в трибунале Толедо и примирился. Затем, в 1622 году, его судили в Вальядолиде, где он рассказал все это свободно, но с такими признаками раскаяния, что совет федерации проголосовал только за то, чтобы помирить его в общественном авто с десятью годами каторги и вечным заключением. Ожидая авто, он попросил аудиенции и признался, что у него снова случился рецидив; теперь не было другого выбора, кроме как приговорить его к деградации и расслаблению, но Верховный милостиво изменил это на зачитывание приговора в зале для аудиенций, где его санбенито должен был быть удален, вечное лишение его функций дьякона и пожизненное тюремное заключение. [1209] В 1630 году в случае Марии Гонсалес, вдовы Педро Мерино из Канаки, было меньше склонности к милосердию, что является одним из чрезвычайно редких случаев испанской протестантки. Перед трибуналом Вальядолида она свободно призналась в своей вере и упорствовала в ней, несмотря на серьезные и длительные попытки разуверить ее. Не было никакого спасения от того, чтобы приговорить ее к послаблению, и Верховный Суд подтвердил приговор, но неизвестно, был бы он приведен в исполнение, поскольку упорные труды увенчались успехом; она, наконец, обратилась, и приговор был изменен на примирение. [1210] Возможно, впоследствии были случаи, когда испанцы переходили в протестантизм, но я с ними не встречался. В 1678 году трибунал Толедо любезно отправил Томаса Кастильяноса в больницу для душевнобольных. В 1718 году Педро Ортис из Валенсии был приговорен к бессрочной тюрьме в Кордове 24 апреля, а в суде 30 ноября 1722 года в Севилье Джозеф Санчес из Кадиса предстал как “кальвинист и лютеранин” и был приговорен к несвоевременной тюрьме. [1211]

ИНОСТРАНЦЫ

Августинец фрай Мануэль Сантос де Сан-Хуан, более известный как Беррокоса, в шестнадцатом веке был бы сожжен как несомненный лютеранин, хотя при аресте в 1756 году он был просто *регалистом* или сторонником верховенства государства. Его *Энсайо из Римского театра*, распространенное в MS., было эссе, доказывающим это, в крайне оскорбительной для иерархии форме, и за это он был сослан на десять лет в строгий монастырь Риско. Во время своего заключения он писал трактаты, доказывающие, что Рим был Вавилоном, что существующая Церковь никоим образом не похожа на апостольскую, что не должно быть Ордена выше священства, что смертная казнь за ересь сама по себе была ересью, и другие доктрины, которые ни один калификадор не мог не квалифицировать как самое низкопробное лютеранство, но Беррокоса не был спокоен, хотя и нашел единомышленников, которые переписывали эти еретические документы и распространяли их. Когда в 1767 году его десятилетнее заключение закончилось, он снова был строго заперт в камере, из которой в 1768 году ему удалось сбежать, ускользая от преследования, пока в январе 1770 года он не был пойман и доставлен в трибунал Толедо. Здесь он подвергся второму судебному разбирательству, в результате которого был приговорен к пожизненному заключению в монастыре Саррия (Галисия), где он должен был содержаться *incomunicado*. [1212]

Этот случай иллюстрирует, почему во время упадка инквизиции мы почти ничего не слышим о протестантизме среди испанцев, хотя дух преследований не ослабевал. Восстание против ультрамонтанства больше называлось не лютеранством, а регализмом или янсенизмом. У тех, чье диссидентство выходило за рамки дисциплины и переходило в догму, оно принимало форму модной философии того периода и становилось натурализмом или философизмом, деизмом или атеизмом, в зависимости от обстоятельств. Инквизиция по-прежнему выполняла свою работу с большей или меньшей строгостью, но арена изменилась.

Таким образом, хотя среди местных жителей было мало склонности к протестантизму, после незначительных вспышек 1558 года иностранцы предоставили обширное поле для работы. Испания имела репутацию богатой страны, что делало ее привлекательной для иностранцев; ее народ с презрением относился к искусствам и ремеслам, в которых были искусны французы, фламандцы и итальянцы, а ее внутренний мир, казалось, предлагал убежище тем, чья промышленность была ненадежной из-за непрекращающегося столкновения с оружием, в результате которого старый порядок вещей уступал место новому. Следовательно, в каждом городе Испании проживало значительное количество иностранцев, стремившихся заработать на жизнь, не особо задумываясь о духовных вопросах. В некоторых судебных процессах в трибунале Толедо, около 1570 года, упоминаются французские и фламандские печатники, находившиеся в то время под арестом в Толедо, Барселоне, Алькале, Саламанке, Вальядолиде и Гранаде. [1213] В 1600 году граф Бенавенте, вице-король Валенсии, оценил численность французов там в четырнадцать или пятнадцать тысяч и добавил, что в Арагоне их было огромное количество. [1214] Хотя многие из них, несомненно, были кальвинистами, старательно скрывавшими свою веру, большинство были католиками, более или менее искренними, но даже их ортодоксальность не соответствовала стандартам Испании. Они привыкли жить в контакте с еретиками; у них не было такого фанатичного ужаса перед ересью, который был повсеместен в Испании, и они были склонны небрежно относиться к соблюдению обрядов, которые испанцы считали необходимыми. Таким образом, все иностранцы были объектами подозрения, и католик был так же подвержен аресту, как и кальвинист. Жак Захари, торговец

четками и образами в Бургосе в 1637 году, случайно рассказывал о своих приключениях с еретиками во Франции, которые, осматривая его багаж, сказали: “Пусть он отвезет эти товары в Испанию и привезет нам обратно хорошие деньги”, когда один из его слушателей выразил удивление, что Самый христианский король позволяет еретикам жить на его земле. Это побудило Жака патриотически защищать их как хороших крещеных христиан, которые жили праведно в соответствии со своим законом. Его спросили, как они могут быть христианами, если они не ходят на мессу и не исповедуются священникам, когда в пылу дискуссии он ответил, что в Священном Писании нет предписания о сакраментальной исповеди. За это на него донесли трибуналу Вальядолида; он был арестован и предстал перед судом, а все его имущество было конфисковано. [1215]

ИНОСТРАНЦЫ

Поэтому неудивительно, что трибуналы были заняты этими делами и что ими полны архивы, особенно при короне Арагона, из-за близости юго-западной Франции, где гугенотизм был в расцвете. В Сарагосе послабления для лютеранства с 1546 по 1574 год, хотя их было всего семь, все были французами. [1216] Барселона была более активной. В автографе от 16 мая 1561 года за лютеранство выступали одиннадцать французов, один пьемонтец и один мальтиец. В том, что произошло 11 июля 1563 года, участвовало тридцать четыре француза, два итальянца и два каталонца, из которых восемь французов были расслаблены лично и трое - изображены. В том, что произошло 5 марта 1564 года, участвовало двадцать восемь французов, два каталонца и один швейцарец, из которых восемь французов были расслаблены лично и двое - изображены. [1217] Из отчета доктора Зуриты о его посещении летом 1564 года мы получаем представление о том, как питались эти автомобили. В Перпиньяне за лютеранство были арестованы с конфискацией имущества пять человек, из которых четверо, а возможно, и все пятеро, были французами. В Кастельон-де-Ампуриас Маэстро Макиан, француз, был отправлен в Барселону для суда. Жан де Аден, француз из Алдаса, избежал ареста бегством, и был отдан приказ об аресте Пере Байраха, француза из Фласа. [1218] Когда одновременно с этим посол Сен-Сюльпис пожаловался Филиппу II на жестокость, проявленную к его соотечественникам, которые мирно занимались своей промышленностью, не создавая скандала, король хладнокровно ответил, что инквизиция действовала без оглядки на личности, но, тем не менее, он поговорит с генеральным инквизитором. [1219]

Жалоба на жестокость была обоснована. В обвинении, которое Верховный суд вынес трибуналу Барселоны в 1568 году в результате визита де Сото Салазара, упоминается дело 1565 года о французе по имени Антуан Эймерик, арестованном без доказательств; его первая аудиенция была проведена по его собственной просьбе 23 февраля, вторая - 27 июля, когда без лишних слов он был подвергнут пыткам и приговорен к примирению и конфискации. В другом случае с французом, Арманом Якобатом, его пытали без признания, но впоследствии признал некоторые лютеранские ошибки, умолял о пощаде и желал обратиться, несмотря на то что он был смягчен и сожжен, за что Верховный суд признал его серьезную вину. [1220] Что стало с теми, кто не сгорел, видно из сообщения от декабря 1566 года Карлу IX его посла М. де Фуркево, что семьдесят бедных французов, узников барселонского трибунала, были приговорены к галерам и в ноябре были доставлены дону Альвару де Базану, который отвел флот на зимовку близ Кадиса. В феврале 1567 года он пишет, что в ответ на жалобу герцогу Альва последний заверил его честью, что все они были догматизирующими гугенотами; что французов никогда не арестовывали за протестантизм, если они не сказали или не сделали чего-то скандального. Это

было такой же ложью, как и неоднократные обещания освободить галерных рабов, от которых всегда уклонялись, пока Фуркево не рекомендовал захватить в качестве заложника в Нарбонне Андреа Дориа, главнокомандующего военно-морским флотом. Наконец, 20 декабря он сообщил об отправке королевских писем Дориа с просьбой освободить их, но довольно сомнительно, был ли выполнен этот приказ. Опять же, в списке жалоб, поданных Карлом IX Филиппу, была одна, касающаяся пяти его подданных, арестованных в Гаване и отправленных в Севилью для суда, на что Филипп ответил, что он не привык и не желает вмешиваться в такие дела, но, тем не менее, он попросил бы генерального инквизитора приказать трибуналу как можно скорее рассмотреть эти дела. [\[1221\]](#)

Более приятный международный эпизод связан с делом Роберта Фицуильяма, англичанина, приговоренного севильским трибуналом к десяти годам галер и бессрочному заключению. Он был принят на борту 25 февраля 1578 года, а в ноябре 1582 года его жена Эллен предстала перед мадридским двором с письмом королевы Елизаветы Филиппу II, в котором говорилось, что бедная женщина умоляла ее вмешаться и что освобождение мужа было бы одолжением, на которое она была бы рада ответить взаимностью. В любой другой юрисдикции удовлетворение такой королевской просьбы было бы само собой разумеющимся, но необходимо было заручиться согласием Святой Канцелярии. Существующие документы не сообщают нам о результате, но в том, что он был благоприятным, вряд ли можно сомневаться, поскольку преданность верной жены произвела сильное впечатление даже на закаленных чиновников, в чьей переписке о ней говорится с уважением и восхищением. [\[1222\]](#) Более кратким был процесс, когда в 1572 году трибунал Барселоны отправил комиссара на территорию Франции с каким-то заданием, и он был схвачен и содержался в качестве заложника у француза, арестованного трибуналом, что привело к обмену пленными. [\[1223\]](#)

Валь д'Андорра стал еще одним источником международных споров, поскольку трибунал Барселоны заявил о своей юрисдикции в отношении него, в то время как Жанна д'Альбре, как королева Наварры, считала, что это ее вотчина. В 1572 году она отправила туда французского везера для отправления правосудия, после чего инквизиторы начали собирать информацию о нем как о предполагаемом гугеноте, и Верховный суд приказал им арестовать его, если будут найдены достаточные доказательства, но, поскольку попытка, вероятно, оказалась опасной, ее не нужно было предпринимать, если вице-король не предоставит достаточную охрану, что, по-видимому, он отказался сделать. [\[1224\]](#)

УМЕНЬШАЮЩИЕСЯ ЧИСЛА

Таким образом, все иностранцы были объектами подозрения, и юрисдикция инквизиции была максимально расширена, чтобы предотвратить заражение ими верующих. В 1572 году Верховный суд приказал трибуналам Арагона, Каталонии и Валенсии следить за тем, чтобы нигде в пределах их округов не нанимали французов в качестве учителей чтения и письма, поскольку опыт показал, какие отсюда возникают опасности. [\[1225\]](#) Общение с иностранцами было опасным и не поощрялось. В 1568 году инквизитор Мораль, сообщая о визите в Сан-Себастьян, выразил желание наказать тех, кто принимал и развлекал, а также поддерживал особую дружбу и отношения с французскими и английскими иностранцами, иногда даже предоставляя им информацию, позволяющую им избежать ареста, и все это Верховный суд прокомментировал, охарактеризовав их как серьезные случаи, которые следовало отправить в Логроньо для суда. [\[1226\]](#) Испанец, также выехавший за границу, был объектом подозрений и

был привлечен к строгой ответственности за свои действия во время отсутствия. В "Барселонском авто" от 21 июня 1627 года фигурировал торговец из Манресы, который, находясь во Франции, слушал проповеди гугенотов и ел мясо в пятницу, за что был наказан епитимьей в тысячу дукатов и на три года заточен в монастырь. [1227]

То, что под этим влиянием, в сочетании с растущей бедностью Испании и проклятием ее обесценившейся валюты, число постоянно проживающих иностранцев значительно сократилось после начала семнадцатого века, можно предположить по сокращению числа случаев проявления протестантизма в архивах. Те, что были в Толедо с 1575 по 1610 год, показывают в общей сложности сорок семь, из которых последний произошел в 1601 году, в то время как те, что были с 1648 по 1794 год, содержат только одиннадцать. [1228] В Вальядолиде отчеты за двадцать девять лет, между 1622 и 1662 годами, показывают только восемнадцать случаев. [1229] В Мадридском трибунале с 1703 по 1751 год рассматривается только одно дело "гугенота". [1230] Из шестидесяти четырех судебных разбирательств, отмеченных всеми трибуналами в период с 1721 по 1727 год, есть только три дела. [1231] В Валенсии между 1705 и 1726 годами был всего один случай — кальвинист, который спонтанно отрекся от себя. [1232] Какими бы разрозненными и несовершенными ни были эти статистические данные, их достаточно, чтобы показать, как быстро сократилось число иностранных правонарушителей после 1600 года, и что это не было результатом прогресса в просвещении и терпимости, мы увидим позже. Просто инквизиция преуспела в своих усилиях ограничить общение между Испанией и ее соседями и изолировать ее от европейской цивилизации.

ИНОСТРАННЫЕ ЕРЕТИКИ

Если это имело место в отношении народов, предположительно католических, мы можем легко представить, насколько большая бдительность проявлялась по отношению к тем, кто впал в ересь. Коммерческие сношения с ними были неизбежны, но это было неизбежное зло, которое было ограничено в самых узких пределах сдерживающими правилами. Действительно, на какое-то время торговец-еретик взял свою жизнь и состояние в свои руки, когда отважился основать испанскую гавань, как мы видели в случае с добрым кораблем "Ангел". Даже потерпевшие кораблекрушение были законной добычей инквизиции, как это произошло с семнадцатью английскими моряками рыболовецкого судна, которые были захвачены французским судном и выброшены на берег на Фуэрте Вентура, одном из Канарских островов. Их судили, и они избежали сожжения путем обращения, после чего четверым из них - Ричарду Ньюману, Эдварду Стивенсу, Джону Уэру и Эдварду Страйду - удалось сбежать. Поскольку это показало их нераскаянность, они были заочно привлечены к ответственности за рецидив, и их изображения были торжественно сожжены в авто 22 июля 1587 года. [1233] Количество торговых судов, заходящих на Канарские острова, фактически предоставило трибуналу в свое время основную часть его работы. Список заключенных, содержащихся в его секретной тюрьме в течение шести месяцев 1593 года, показывает, что тринадцать человек принадлежали немецкому кораблю "Сан Педро", семнадцать - фламандскому кораблю "Ла Роза" и пятнадцать - фламандскому кораблю "Эль Леон Колорадо", не считая дюжины английских моряков, чье судно не указано. К ним относится весь персонал, офицеры и команды, торговцы и пассажиры, и, предположительно, если грузы не были конфискованы, они были фактически разграблены в отсутствие их опекунов. [1234] То, что таков был мотив, а не защита Испании от

распространения ереси, следует из приговора трибунала Гранады 1574 года, приговорившего к примирению и пожизненной службе на галерах Жана Морено, француза, проживающего в Малаге, за то, что он предупредил нескольких протестантских моряков не заходить в порт Альмерия. [1235] Когда была перспектива крупной конфискации, инквизиция действительно не проявляла особого уважения к справедливости дела или к сторонам, которые могли пострадать. Между Римом и Мадридом возник длительный спор из-за двух партий квасцов, которые папская камера отправляла в Англию, когда корабли были захвачены, а грузы конфискованы севильским трибуналом на том основании, что английские экипажи были еретиками. [1236]

Эта варварская политика неизбежно дала о себе знать в стоимости иностранных товаров, особенно после того, как беспорядки в Нидерландах сократили эту часть текущей торговли. Под этим давлением в 1597 году было сделано исключение в пользу Ганзы. Верховная власть издала инструкции о том, что, когда ее корабли прибывают с товарами, люди на них не должны допрашиваться об их религии, и по этой причине корабли или грузы не должны подвергаться аресту или конфискации, если только во время пребывания в порту они не оскорбили католическую веру, и в таком случае аресту подлежит только имущество правонарушителей; однако, как это было принято на католических судах, должен быть произведен поиск запрещенных книг. [1237] В королевском указе от 27 февраля 1603 года также имелся подход к допуску голландцев, предусматривающий, что голландским судам и экипажам с паспортами эрцгерцогов Нидерландов должен быть разрешен вход в испанские порты, а их личности и имущество должны быть в безопасности, но это было отменено 11 декабря 1604 года при условии уведомления за двенадцать месяцев, указанного в приказе. [1238]

Мирный договор с Англией, охватывающий этот вопрос, был ратифицирован Джеймсом I²⁹/19 августа 1604 года и Филиппом III 16 июня 1605 года. В течение этого промежутка времени, в ноябре 1604 года, английское судно с командой из двадцати человек, шедшее за грузом зерна, зашло в Мессину, а затем в Палермо. В последнем порту его посетили представители инквизиции, когда мужчины признались, что они протестанты и желают жить в этой вере. Все они были арестованы и подали апелляцию вице-королю, герцогу Фериа. Он был бессилен, только написать частное письмо, в котором заявил, что арест оказал плохую услугу королю и имел тенденцию разрушить согласованный договор, поэтому инквизиция должна лицемерить и хорошо обращаться с еретиками ради общественного блага. Вслед за этим инквизиторы собрали десять консультантов, придя к выводу, что англичане могут быть освобождены только при условии предоставления достаточных гарантий, что они отправятся в Испанию и предстанут перед генеральным инквизитором. Для посторонних это было практически невозможно, и, несомненно, так оно и оказалось, поскольку в 1605 году мы слышали о неких англичанах, которые были допущены к покаянию в санбенито и должны были прожить два года в определенных монастырях для наставления в вере; они ухитрились сбежать, но были выслежены и найдены на борту французского корабля без своих санбенито. Поскольку трибунал не позаботился о том, чтобы содержать их, было приказано распределить их отдельно по монастырям в горах, вдали от моря, где они в течение десяти лет должны были выполнять работу без оплаты. [1239]

Когда такая иррациональная жестокость была обычным явлением, международная вежливость и коммерческие интересы в равной степени требовали обуздать безответственность инквизиции. Соответственно, в английском договоре 1604 года статья 21 предусматривала, что вассалы короля Якова, прибывающие в Нидерланды или Испанию или проживающие в них, не

должны подвергаться преследованиям или беспокойству по соображениям совести, пока они не дают повода для скандала, и что соответствующие инструкции должны быть изданы королем. Это Филипп сделал под той же датой 15 июня 1605 года, приказав, чтобы английские подданные не привлекались к ответственности за действия, совершенные до их приезда в Испанию. Находясь в Испании, их нельзя было принуждать входить в церкви, но, если они входили добровольно, необходимо было проявлять должное уважение к Священному Таинству, и, если оно было встречено на улице, они должны были преклонить колени, или перейти на другую улицу, или войти в дом. Если кто-либо подвергался судебному преследованию за нарушение этих правил, аресту подлежало только его собственное имущество, а не судно или груз, или имущество других лиц, находящихся в его ведении, и в соблюдении всего этого король клялся своей королевской верой и словом. Ранее, 11 декабря 1604 года, Верховный суд издал инструкции, аналогичные инструкциям 1597 года для Ганзы; 14 июля 1605 года он передал трибуналам статьи договора, но, похоже, возразил против королевской декларации, поскольку отложил до 8 октября воплощение ее положений в carta acordada. [1240]

ИНОСТРАННЫЕ ЕРЕТИКИ

Это было слишком разумно, чтобы быть приемлемым для испанского фанатизма. Архиепископ Рибера в 1608 году разнообразил свои усилия по изгнанию мориско искренним обращением к королю, выразив скорбь, которую он не переставал испытывать с тех пор, как услышал о мире с Англией, опасаясь, как и он, нанесенного Богу оскорбления, которое навлечет много бед на Испанию. Его страдания усилились из-за бесчинств, совершенных англичанами в Валенсии, которые публично исповедовали свою религию и вызывали большой скандал и дурной пример для верующих, и он долго и на многих примерах доказывал, что мир с неверными запрещен Священным Писанием. Этот мемориал был должным образом рассмотрен в Государственном совете, когда комендадор-мэр Леона сообщил, что король приказал уведомить генерального инквизитора, чтобы он мог дать указание трибуналам проявлять большую бдительность и наказывать всех, кто давал повод для скандала. [1241]

Когда в 1609 году с Соединенными провинциями было заключено двенадцатилетнее перемирие, голландцы, естественно, претендовали на те же привилегии, что и англичане, и они были закреплены в статье 7 договора. [1242] Инквизиция не подчинилась спокойно этому ограничению своих полномочий и в 1612 году издала carta acordada, повторенную в 1616 году, утверждая, что эти привилегии распространяются только на временных незнакомцев, и что те, кто проживал и содержал дома, подчинялись трибуналам по всем вопросам веры, как и любые испанские подданные; более того, он сослался на старое постановление 1581 года, предписывающее за ними должно быть установлено особое наблюдение, чтобы о том, что они делали как в частном порядке, так и публично, могло быть известно, а полные отчеты направлялись Верховному Правителю. В 1620 году была введена в действие еще одна инструкция 1581 года, запрещающая иностранцам держать в морских портах постоянные дворы. [1243] Возникли ли какие-либо проблемы из-за этих произвольных конструкций международных договоров, не указано, но, по крайней мере, они продемонстрировали желание сделать положение иностранных еретиков как можно более шатким и неудобным.

Когда в 1621 году истек срок перемирия с Голландией, разумеется, привилегии голландцев были отменены, и, когда в 1624 году началась война с Англией, инквизиция с готовностью взяла

на себя миссию очищения Испании от еретической заразы. Генеральный инквизитор Пачеко сообщил королю, что папское разрешение было необходимо, чтобы позволить Филиппу III заключить мирный договор 1605 года; теперь, когда мир был нарушен и причины получения папского разрешения прекратились, он, как генеральный инквизитор, был обязан по совести устранить зло от общения католиков с такими упорными и пагубными еретиками, как англичане и шотландцы, не разрешая им оставаться во владениях его Величества, ибо в противном случае он не выполнил бы свой долг перед королем и своей должностью. Поэтому он приказал опубликовать эдикт, согласно которому все англичане и шотландцы, не являющиеся католиками, должны покинуть владения короля в течение двадцати дней, уведомив их, что по истечении этого срока они будут наказаны Святой Канцелярией. Поскольку это было важное дело, о котором следовало уведомить короля, Пачеко добавил, что он не хотел выполнять его, не поставив его в известность, и он может отдавать такие приказы, какие сочтет нужным. [1244] Можно предположить, что Филипп не одобрял это наглое вторжение в королевскую власть, поскольку только 22 апреля 1626 года он издал прокламацию, запрещающую все торговые сношения с Англией и предписывающую конфискацию всех английских товаров, ввезенных в нарушение ее предписаний, когда инквизиция, за которой последовала хартия справедливости от 29 мая, предписывающая судебное преследование, в Великобритании прекратила свое существование. обычным способом всех английских еретиков, согрешивших против веры. [1245]

ИНОСТРАННЫЕ ЕРЕТИКИ

Когда в 1630 году был восстановлен мир, статья 19 мирного договора возродила статью 1604 года, и Филипп, как и прежде, пообещал обеспечить, чтобы к английским подданным не приставали до тех пор, пока они не вызовут скандала. [1246] Как и прежде, 28 января 1631 года Верховный Суд дал подробные инструкции о том, что с теми, кто ведет домашнее хозяйство, следует обращаться как с испанскими подданными и подвергать особому надзору. [1247] Это неоправданное различие между приезжими и постоянно проживающими иностранцами давало широкие возможности для приставаний и шантажа. Это было истолковано как применение Индекса запрещенных книг к жителям, поскольку в 1645 году канарский трибунал приказал своему уполномоченному в Оротаве обыскать дома английских торговцев и сообщить, нашли ли они какие-либо запрещенные книги или книги, не прошедшие цензуру. Долг был выполнен, и были отправлены списки не только книг, но и картин и гравюр, и, поскольку не было сообщено ничего предосудительного, мы не можем без сожаления предположить, что труд комиссара не был убыточным. [1248] Поскольку это правило не имело юридической основы, оно, вероятно, вызвало протесты, поскольку в 1652 году Верховный суд поставил вопрос о его законности перед рядом калификадоров, которые единогласно согласились, что оно не соответствовало международным договорам, когда предположительно оно было отозвано. [1249] Шпионаж, которому подверглись иностранные торговцы, описан в 1648 году Педро де Вильяреалем, комиссаром в Бильбао, который сообщает, что было шестнадцать домов, в которых размещались английские и голландские торговцы; он был уверен, что ничто еретическое не могло ускользнуть от его ведома, поскольку смотрители домов были верными шпионами и очень ревностными в вопросах религии. [1250]

Торговый договор с Данией 1641 года поставил датчан в равные условия с англичанами, а по Мюнстерскому мирному договору от 30 января 1648 года голландцы получили те же условия, в

то время как специальная статья поставила ганзейские города в равные условия с Голландией. [1251]

Тем временем в 1645 году английские купцы в Андалусии, заплатив две с половиной тысячи дукатов серебром, получили определенные коммерческие привилегии, одна из которых указывает на то, как неохотно интерпретировались их права по договору. Иностранного еретика, выступавшего в суде либо в качестве стороны, либо в качестве свидетеля, спрашивали, католик ли он; если он отвечал отрицательно, его клятва не принималась. Это унижительное и вредное различие было отменено, и присяга англичанина была объявлена законной и обязательной, как и присяга испанца, но было трудно заставить суды принять нововведение, и королевский приказ, изданный 19 марта, пришлось повторить 26 июня и снова 9 ноября. По Мюнстерским договорам эта привилегия была распространена на Голландию и ганзейские города, и она была подтверждена Утрехтским мирным договором 1713 года. [1252]

ИНОСТРАННЫЕ ЕРЕТИКИ

Мы видели, как трудно было заставить инквизицию уважать муниципальный закон, и вряд ли она считалась с международными обязательствами. Можно было легко найти предлог, чтобы привлечь ненавистного иностранного еретика под свою юрисдикцию, и в условиях хронической нищеты того времени вряд ли можно было упустить из виду возможность богатых конфискации. В 1621 году мы слышим об аресте ряда англичан в Малаге с конфискацией имущества, и то же самое произошло в Севилье в 1622 году. [1253] Нам удалось узнать подробности одного случая — Джорджа Пенна, брата адмирала, а затем капитана Пенна, и дяди Уильяма Пенна, основателя Пенсильвании. Он ни в коем случае не был фанатичным протестантом, иначе вряд ли женился бы во Фландрии на католичке. Он увез ее в Севилью, где вел процветающий бизнес до 1643 года, когда был арестован. Его рассказ о своих страданиях явно преувеличен, хотя мы можем поверить ему, когда он говорит, что его пытали, пока он не признался во всем, что от него требовалось, — что он был еретиком, который женился на католичке в Антверпене, намереваясь увезти ее в Англию и отвратить ее и их детей от веры. От него потребовали отречься от престола в общественном автомобиле и приказали покинуть Испанию в течение трех месяцев, в то время как у него забрали жену, которая, по его словам, была замужем за испанцем. Конфискованное имущество составило, по мнению незаинтересованных оценщиков, 6000 фунтов стерлингов, принадлежащих ему самому, и 6000 фунтов стерлингов, принадлежащих другим сторонам. По возвращении в Англию, разоренный и подорванный здоровьем, он попытался добиться возмещения ущерба, и примерно в 1664 году Карл II назначил его посланником в Испанию, чтобы дать ему возможность выгодно отстаивать свои претензии, но, будучи тогда 63-летним, он не рискнул поехать. Во время переговоров в Утрехте Уильям Пенн пытался добиться рассмотрения этого дела, но, по-видимому, безуспешно. [1254]

Превосходная невозмутимость инквизиции в отношении международных обязательств проявляется в деле, произошедшем вскоре после подписания Мюнстерского мирного договора. Пол Джером Эстагема, гражданин Хорна, был арестован в Аликанте и предстал перед трибуналом Валенсии. Влиятельные люди в Голландии настаивали на его освобождении, и голландский посол Энтони Брун обратился с настоятельными заявлениями к королю, который 15 сентября 1651 года написал в Suprema, призывая к скорейшему решению дела и указывая, что, согласно договору, Эстагема, как гражданин Соединенных провинций, не подлежит инквизиции. К королевской просьбе отнеслись с абсолютным безразличием; посол Брун

продолжал настаивать на этом вопросе, и 16 декабря Филипп повторил свое обращение к Верховному суду и заявил о необходимости удовлетворить требования голландцев. Затем Верховный снизошел до того, чтобы переслать королевские письма в трибунал, приказав ему без промедления рассмотреть дело, что было легко сделать, поскольку судебный процесс был завершен 7 сентября, и приказав сообщить о приговоре после его вынесения. [1255]

В этот период политические обстоятельства заставили и Францию, и Испанию желать союза с Англией. Дон Алонсо де Карденас, испанский посол, пытался заключить мирный договор с Кромвелем в 1653 году и снова в 1655 году, но протектор настаивал на большей терпимости. В проекте предполагаемого договора статьи 22 и 35 не только повторяют предыдущие положения, но и добавляют, что англичанам, ведущим бизнес в Испании, должно быть разрешено в своих домах и на кораблях совершать богослужение по-своему и пользоваться своими Библиями и другими книгами, и что они не должны подвергаться аресту за это или наложению ареста на их имущество. Когда договор был представлен Филиппу, он отправил эти статьи на рассмотрение Верховного суда, заявив, что он твердо решил рискнуть всеми своими владениями и пролить последнюю каплю своей крови, а не уступить чему-либо, что могло бы сослужить плохую службу Богу или хотя бы в малейшей степени нанести ущерб чистоте религии. В ответ на это Супрема заявила, что королевские слова должны быть записаны в нетленной бронзе; это легко доказало, что по божественному, каноническому и муниципальному праву суверен не имел права допускать такую терпимость; он процитировал Григория XV, приказавшего в 1622 году всем правителям под угрозой суровых наказаний изгнать всех еретиков из своих владений, и указал, что еретики нанимали католических слуг, которые были бы развращены, и что все, кто осознает ересь, навлекают на себя смертный грех и отлучение от церкви, если они не осудят это. Эти аргументы были столь же применимы к договорам 1605, 1630 и 1648 годов, как и к предлагаемому, но их было достаточно; он был отклонен, и Кромвель обратился к Франции. [1256] Несомненно, адмирал Пенн испытал особое личное удовлетворение, когда отомстил за своего брата, отвоевав Ямайку у Испании в 1655 году.

Секретный договор, заключенный в 1656 году между странствующими Карлом II и Филиппом, обязывал первого обеспечить свободу совести в Англии, но благоразумно умалчивал о веротерпимости в Испании. С Реставрацией в 1660 году наступил мир, и мирный договор 1630 года был возобновлен. В 1663 году, когда обсуждался новый мирный договор, Англия снова выдвинула условия Кромвеля, и Филипп снова проконсультировался с Верховной властью с тем же результатом. После смерти Филиппа в 1665 году мирный договор от 17 декабря продолжил действие положений 1630 года и распространил на всех англичан привилегии, предоставленные в 1645 году жителям Андалусии. Затем, в 1667 году, мирный договор от 23 мая определил более четко, что предлог о совести не должен использоваться для нанесения вреда англичанам или возбуждения каких-либо споров до тех пор, пока не было вызвано явного общественного скандала или совершено правонарушение. В таком виде отношения между королевствами продолжались; Утрехтский мирный договор 1713 года, а также договоры 1763 и 1783 годов лишь подтвердили отношения 1667 года. [1257]

ИНОСТРАННЫЕ ЕРЕТИКИ

С Францией, конечно, отношения были совершенно иными. Когда гугенота неохотно терпели дома, он не мог рассчитывать на никакой защиты своей религии за границей, особенно когда, как в Испании, он мог проживать, только притворяясь католиком. Пиренейский мир от 7 ноября

1659 г. просто предусматривает в статье 5, что вассалы каждой державы должны иметь свободный въезд, проживание и выезд на территории другой, соблюдая законы и обычаи страны. [1258] Это, однако, не исключало обжалования в случаях особого правонарушения, как, например, когда в 1672 году французский посол Виллар пожаловался на беспорядки на Майорке. Французский корабль, прибывший туда из Берберии 6 сентября с грузом пшеницы, случайно имел на борту в качестве пассажира высокопоставленного гугенота, господина де ла Фента, губернатора Бастиона де Франс, с крупной суммой денег. Узнав об этом, инквизитор организовал его арест и наложил эмбарго на его имущество; он собрал силы и вооружил два судна, с помощью которых завладел французским кораблем, и он бы так и сделал, если бы г-н де ла Фент не убедил капитана отплыть. Королева-регентша направила это в Suprema 28 октября для объяснений, но только 19 ноября получила ответ, в котором просто говорилось, что инквизитор Майорки сообщил 21 сентября о прибытии еретика и что 3 октября он приказал ему предпринять такие действия, которые соответствуют службе королеве, общественному спокойствию и уважению, причитающемуся подданным французского короля, с которыми следует обращаться так же, как с англичанами и голландцами. [1259]

Поскольку попытка провалилась, Верховный суд нашел лучшее оправдание, какое только мог, но с явной двусмысленностью, поскольку французский еретик не пользовался такой защитой по договору, как английский. Это проявилось после отмены Нантского эдикта в 1685 году, когда считалось, что беглые гугеноты, возможно, обосновались в Испании. В 1687 году папский нунций и французский посол обратили внимание генерального инквизитора на этот вопрос, предложив Святой канцелярии не разрешать им проживание. Карлос II поддержал их представления и 28 февраля издал указ, приказывающий своим чиновникам оказывать инквизиции всю необходимую помощь. Верховный суд разослал это письмо трибуналам и сопроводил его 14 июня подробными инструкциями, приказав провести всеобщее расследование через приходских священников по всей Испании. Каждый трибунал должен был собрать результаты, изучить их и проголосовать, сообщив о результатах Верховному суду. Требовалась крайняя бдительность, и необходимо было держать в курсе дела Верховного. [1260] Судя по доступной статистике того периода, это оказалось ложной тревогой, не приведшей ни к каким результатам, но, тем не менее, это указывает на ужас, внушаемый перспективой вторжения иностранных еретиков. Похоже, что подобная паника была в 1698 году, когда Верховный суд поручил трибуналам приказать всем своим комиссарам сообщать, были ли в их округах какие-либо еретики, временные или постоянные, с подробным указанием национальности, секты, рода занятий и т.д. Каждого из них, и это без потери времени. [1261]

Эта политика продолжалась. В 1784 году были запрошены аналогичные списки. Ответ из Валенсии показал, насколько успешным было исключение протестантов и насколько шатким было положение тех, кто отважился поселиться в Испании. Трибунал сообщил 29 августа 1785 года, что он дал указание своим комиссарам повсюду, а там, где не было комиссаров, - удовлетворительным лицам, провести это тайное расследование, в результате чего в королевстве Валенсия не было протестантов, за исключением города, где было два месяца. Шампан, француз и Дюкло, гражданство которых установить не удалось. Оба были протестантами, хотя проверить этот факт было трудно из-за их чрезвычайной осторожности при посещении церкви и при сопровождении причастия, когда его несли больным. [1262]

ИНОСТРАННЫЕ ЕРЕТИКИ

С началом Французской революции желание исключить еретиков распространилось на иностранцев в целом с целью полной изоляции Испании. В 1791 году указ Карлоса IV требовал регистрации всех иностранцев; те, кто желал натурализоваться, должны были быть католиками и приносить необходимую присягу на верность; временные жители были вынуждены получать лицензии, в которых, среди прочего, указывалась их религия; им не разрешалось заниматься какой-либо профессией, искусством или ремеслом, заниматься какой-либо розничной торговлей или даже быть слугами, и всем, кто занимался такими занятиями, давалось два месяца на то, чтобы покинуть страну. [1263] Однако, когда мир 1795 года положил конец катастрофической войне с Французской Республикой и вызвал опасения приближающегося разрыва с Англией, возникло лихорадочное желание умиротворить Францию, проявившееся в королевском указе от 1 мая 1796 г., запрещающем всем трибуналам, включая инквизицию, приставать к Французам. Французы по религиозному признаку, но французами можно было признать только тех, кто носил трехцветную кокарду. Когда разразилась война с Англией, был сделан дальнейший шаг вперед; Карлос приказал своим представителям за границей заверить все иностранные державы, что в Испании иностранцы пользуются полной свободой совести, а в августе 1797 года он запретил инквизиции беспокоить иностранцев по поводу их веры. [1264] Однако нам может быть позволено усомниться в искренности этого сообщения. Когда в том же году внимание трибунала Валенсии было привлечено к немецкому торговцу по имени Иоганн Фош, который называл себя протестантом, суд сразу же обратился к генерал-капитану с просьбой узнать, есть ли у него лицензия, разрешающая его проживание в Испании, поскольку он не католик. Суд продолжил рассмотрение дела, но приостановил его из-за его брака с Бернардой Марией Пеллисер, прихожанкой Санто-Томаса. [1265]

Эта щедрость, подлинная или нет, была лишь мимолетным эпизодом. Документ 1801 года показывает, что указ 1791 года все еще оставался в силе и что для приведения его в исполнение полагались на инквизицию. Это серия вопросов, адресованных Верховным судом трибуналам, с ответами из Валенсии, которые объясняют сами себя.

Вопрос: Разрешалось ли иностранцам, не являющимся католиками, проживать до королевского указа 1791 года в случаях, предусмотренных договорами, и, если им это не разрешалось, какие меры принимались для выяснения, исповедуют ли они кальвинизм?

А. В случае, если они не пользовались преимуществами этих договоров, как только трибунал узнал о них, он провел необходимое расследование и, убедившись, что это правда, уведомил их покинуть королевство, если у них не будет специального разрешения короля.

Вопрос: Если расследование привело к выводу, что незнакомец был католиком, а впоследствии выяснилось, что это не так, но что он не отзывался плохо о нашей религии, не устраивал скандалов и не оскорблял святыни, к какому наказанию его приговорили?

А. В последнее время подобных случаев не было, но из некоторых предыдущих можно сделать вывод, что с Верховным Судом консультировались.

Вопрос: Соблюдали ли те, кто обосновался в Испании на основании королевского указа 1791 года, предписанные им формальности?

А. Поскольку ни Хунта коммерческой деятельности и Денег, ни Интендант королевства не направляли в этот трибунал никаких рекомендаций, делается вывод, что ни один

некатолический художник не зарекомендовал себя, или же предписание консультировать трибунал не было выполнено.

Вопрос: Заключают ли они (иностранцы-некатолики) брак с католиками и, в таком случае, какой религии придерживаются их дети?

О. Но известен один случай такого брака — Хуана Фоша, немца из Линдау, который называл себя странствующим торговцем, с Бернадой Марией Пеллисер из этого города. Это было сделано на основании папского указа, принятого Советом Кастилии и с королевской экзекутурой, предусматривающего, что он должен позволить своей жене оставаться католичкой, а его детям воспитываться в той же вере, и она обещает склонить его к обращению. Они поженились частным образом, вне церкви, без оглашения бракосочетания или других публичных церемоний. Мы узнаем от викария Лос-Сантос-Хуанеса, где они живут, что они не устраивают скандалов, соблюдают свои обязательства и что мальчик был крещен.

Вопрос: Со времен королевского ордена, примерно, сколько иностранцев-некатоликов утвердились, назвав некоторых из главных и их нацию или секту?

Ответ: На этот вопрос можно было ответить, только изучив реестры, которые должны были вестись генерал-капитаном и королевской юстицией. Этот трибунал может быть уведомлен только путем доносов, что произошло только с Фошем.

Вопрос: Сколько *аутильос публикос* содержалось у незнакомцев с 1759 года, когда Карлос III вззошел на трон? Укажите имя, страну, религию и основные правонарушения.

А. С 1759 года здесь не было аутильо публико для незнакомцев. [1266]

Этот документ представляет интерес не только как свидетельство сохраняющейся бдительности в отношении иностранных еретиков, но и как указание на то, насколько успешной была политика исключения. Район трибунала охватывал длинный участок морского побережья, включая такие торговые города, как Валенсия и Аликанте, однако чужестранец-некатолик все еще был почти неизвестен, каким он был, когда был составлен отчет 1785 года. Испания была страной, которой избегали все, с кем могла расправиться инквизиция, и она была оставлена в изоляции. Для тех, кто отваживался на это, сокрытие ереси было хуже, чем ее признание. Дэвид Боноран, французский протестант, проживающий в Бильбао, преуспел в том, чтобы сойти за доброго католика. Обратившись в христианство, он обратился в трибунал Логроньо с просьбой отречься от своих заблуждений и присоединиться к Церкви, когда в 1791 году его незамедлительно привлекли к ответственности за то, что он притворялся католиком. [1267]

Эта чувствительность пережила войну на полуострове и была сильна до последнего. В 1816 году сохранилась обширная переписка, касающаяся жены дона Руфино де Ача, поселившегося в Бильбао в качестве торговца, который женился в Англии на протестантке по имени Донья Хуана де Анселл — предположительно, Джейн Ханселл. Из этого следует, что после обсуждения, длившегося почти год, ей предложили альтернативу - покинуть Испанию или перейти в другую веру, и она приняла последнее. [1268]

ВОЙСКА ЕРЕТИКОВ

Этот постоянный страх перед еретиками ярко отражен в одном из последних актов Верховного Суда перед его подавлением. В 1819 году он издал сложную серию инструкций для руководства комиссарами в морских портах в рамках *visitas de navios*, или досмотра всех судов по их прибытии. В основном это было сделано для предотвращения распространения запрещенных книг, что будет рассмотрено ниже, но разделы, посвященные еретикам, показывают, что правила, принятые в соответствии с мирным договором 1605 года, все еще оставались в силе. Иностранные еретики не подлежали судебному преследованию за деяния, совершенные за границей, но за все, что было сделано в Испании и вызвало скандал, они должны были быть арестованы и переданы трибуналу для суда. Их не следовало принуждать входить в церкви, но, если они это делали, они должны были оказывать должное уважение Причастию и, встретив его на улице, преклонять колени или убираться с дороги. Незнакомцам запрещалось содержать публичные дома для развлечения капитанов кораблей-протестантов, матросов или путешественников. Комиссар должен был проявлять бдительность, выясняя и докладывая трибуналу обо всем, что они говорили против католической веры, о том, как они вели себя публично и в частном порядке, и был ли причинен какой-либо скандал верующим. [1269] Испания осталась такой же, какой была два столетия назад.

Однако было одно исключение из запрета ненавистного присутствия еретиков на испанской земле. Постоянно повторяющиеся войны требовали привлечения любых войск, какие только могли быть, независимо от их духовного состояния. Именно немецкие отряды лютеран под командованием Георга Фронсберга разграбили Рим в пользу Карла V в 1527 году. Иностранные наемники постоянно находились на испанской службе, и в семнадцатом веке они стали еще более незаменимыми по мере сокращения численности населения и воинского пыла. Восстания Португалии и Каталонии в 1640 году превратили Испанию в поле битвы, и здесь приветствовались рекруты из любого источника, которые, конечно, не могли подвергаться вмешательству инквизиции, независимо от их веры. Инквизиция напрасно указывала на возникающие отсюда опасности. В консультациях от 13 ноября 1647 года Верховный с горечью сообщил, что четыреста немецких солдат, высадившихся в Сан-Себастьяне по пути в Каталонию, распространяли свои ошибки, распространяя еретические книги и оскорбительные изображения. [1270] С этим ничего не поделаешь, и после прекращения войны на испанской территории использование иностранных полков продолжало вызывать у населения беспокойство. В 1668 году Верховный суд, выступая на консультации за сохранение своих прерогатив, настаивал на том, что они особенно необходимы ввиду присутствия таких отрядов солдат, многие из которых были еретиками. [1271]

Тем не менее, были предприняты усилия, чтобы уберечь испанские организации от волков в овечьей шкуре. 31 декабря 1756 года Фернандо VI издал указ, предусматривающий смертную казнь для любого еретика, который притворялся католиком, чтобы поступить на службу, а в 1765 году Карлос III изменил это на изгнание из королевства под страхом десятилетних работ *в бане*, добавив, что, если еретик при поступлении на службу поклялся, что он католик, он должен дважды пройти испытание перед высылкой. [1272]

ПРИЕМ НОВООБРАЩЕННЫХ

Присутствие этих еретиков на поле, которое они предоставили для миссионерской работы, было некоторой незначительной компенсацией. Обращались часто, особенно когда капелланы

ревностно заботились о спасении душ. Одним из них был Франсиско Колумбано Берк, капеллан первого швейцарского батальона, который занимал должность комиссара инквизиции для этой цели. Он пишет 23 мая 1764 года из Таррагоны в барселонский трибунал, препровождая заявления об отречении шести новообращенных в швейцарском полку Сен-Галль и называя имена двадцати четырех других, которые были готовы к обращению. Они были должным образом собраны, когда оказалось, что там десять кальвинистов и пятнадцать лютеран. [1273] Исключительная юрисдикция инквизиции в отношении ереси сделала необходимым ее вмешательство в этом вопросе, поскольку только она могла допустить еретика к включению в Церковь, только она могла судить о степени его греха, определить, был ли он законным сыном Церкви через крещение и достоин ли он принятия через покаяние. Теоретически он был еретиком, самопроизвольно обличавшим себя, и когда в начале семнадцатого века такие обращения стали частыми, они приняли форму обычного судебного разбирательства, в котором фискал выступал с одной стороны, а обращенный имел назначенного ему адвоката с другой, в то время как в форме отречения от престола он обещал подвергнуться наказанию в виде рецидива в случае отступничества. [1274] Действительно, 22 апреля 1605 года Верховный Суд считал необходимым предупредить суды о том, что иностранцы, выступающие добровольно и признающиеся в своих ошибках, не подлежат тюремному заключению, а приветствуются; их примирение должно было состояться в зале для аудиенций, без санбенито или конфискации, а только с наложением духовной епитимьи; затем они должны были сакраментально признаться в своих ошибках и получить отпущение их грехов. [1275] Ересь, даже врожденная, была смертным грехом, подлежащим должному искуплению.

Впоследствии от строгости этих формальностей отказались, и процесс был облегчен, хотя он по-прежнему был непростым. Печатные инструкции для уполномоченных, составленные, по-видимому, в восемнадцатом веке, предписывают тщательное изучение жизни и истории новообращенного и его мотивов, чтобы убедиться, что его целью действительно является спасение. Все детали, касающиеся его крещения, должны быть специально выяснены, чтобы быть уверенными в том, действительно ли он крещен, и, если есть какие-либо сомнения, разбирательство должно быть приостановлено до тех пор, пока не удастся проконсультироваться с трибуналом. Его также заставляют указать на все ошибки его прежней религии и произнести исповедание веры, в котором он обещает обратиться, насколько это возможно, всех еретиков в католицизм и донести на них инквизиции. Его также следует спросить, знает ли он о каких-либо еретиках, кроме тех, которым разрешено заниматься торговлей, и нарушал ли кто-либо из последних условия своего проживания. Также, исповедовал ли он когда-либо католицизм и был ли он обучен этому в достаточной степени, чтобы взять на себя обязательства по его исповеданию, и в этом случае от него требуется отречься от церкви и формально примириться, и он освобождается от отлучения, которое он навлек на себя, в то время как, если он никогда не знал католицизма, он освобождается *ad cautelam*. Если ему меньше 25 лет, должен быть назначен куратор со всеми формальностями, который должен присутствовать и давать согласие на все процедуры. Наводящий на размышления контраст этой осторожной детали с многочисленным окроплением, посредством которого евреи и мавры были включены в Церковь.

ПРОТЕСТАНТИЗМ

Среди обращенных самым любопытным случаем в записях является случай с Джохом. Генрих Хорстманн — под множеством псевдонимов — из Боргенштрайха, который на протяжении

долгой жизни зарабатывал себе на жизнь, наживаясь на соперничестве протестантизма и католицизма. Родившийся около 1663 года, он получил католическое образование у пражских иезуитов. Когда ему было около 25 лет, он сменил религию в Дрездене, учился в Виттенберге и много лет скитался по Германии, живя на благотворительные взносы, полученные им как новообращенным. Он даже отправился в Англию, где ему помогали архиепископы Кентерберийский и Йоркский. Затем, в протестантских кантонах Швейцарии, он поддерживал себя как католик, готовый к обращению, а в католических - как лютеранин, ищущий спасения в Церкви. Наконец, в последнем качестве он прибегнул к выгодному приему, заявив, что он был крещен по лютеранскому обычаю, когда один человек распоряжался материалом, а другой - формой; богословы объявили бы это недействительным и что повторное крещение необходимо; какого-нибудь видного человека убедили бы выступить в роли крестного отца и поощрили бы его пожертвованием в размере двадцати или тридцати дукатов, и, возможно, был бы дополнительный сбор средств от верующих. На этом он торговал всю оставшуюся жизнь, разнообразясь эпизодом, когда сам сделал обрезание в Амстердаме и несколько лет жил за счет тамошних евреев. Впоследствии это доставило ему неприятности, поскольку в Риме его признали евреем, его судила инквизиция и отправила на галеры на десять лет, после чего он возобновил профессию кандидата на крещение. От Лиссабона до Парижа и Неаполя он пользовался доверчивостью верующих, и считалось, что всего он был крещен двадцать один раз. Однако второй визит в Испанию положил конец его карьере на восемьдесят девятом году жизни. Неоднократные крещения в Кадисе, Мадриде и Валенсии вызвали подозрения. Всем трибуналам было приказано следить за ним, и после года поисков он был арестован в Валенсии в 1751 году. Он рассказал свою историю свободно и полно; сначала он сказал, что его неоднократные крещения были просто для того, чтобы заработать на жизнь, но впоследствии он утверждал, что был одержим демоном, которого он надеялся изгнать повторением обряда. *Совет федерации* проголосовал за то, что как отступник и рецидивирующий еретик и *диминуто* он поплатился жизнью, но что следует приложить усилия для спасения его души, после чего следует провести еще одно голосование. В этой ситуации он смертельно заболел; он отказался разговаривать с теми, кто искал его спасения, и, когда один из них сказал ему, что, если он хочет умереть в кальвинизме, нужно пожать ему руку, он сжал ее так крепко, что потребовалась помощь, чтобы разжать ее. Таким образом, он скончался в своей ереси 28 февраля 1752 года; тело было похоронено в неосвященной земле в ящике с негашеной известью и в автокатастрофе, проведенной 26 августа 1753 года, кости и изображение были превращены в пепел и развеяны. [1276]

Таким образом, когда испанский протестантизм лишен легендарного усиления, считается, что он имел значение только как средство укрепления уз, ограничивавших развитие нации. Одним из наиболее эффективных средств достижения этой цели по-прежнему остается цензура прессы.

ГЛАВА IV.

ЦЕНЗУРА.

ЦЕНЗУРА прессы была не менее эффективной функцией инквизиции в сдерживании развития испанского интеллекта. То, что он должен подавлять высказывания ереси как в печати, так и в

устной форме, казалось бы неизбежным, и все же такие полномочия не входили в полномочия прежних генеральных инквизиторов, и поначалу это не рассматривалось как одна из их обязанностей. Это правда, что еще в 1490 году оно сожгло большое количество еврейских Библий и других еврейских книг, а вскоре после этого в Саламанке предало огню в автомобиле около шести тысяч томов трудов по иудаизму и колдовству. [1277] Мы также видели, что Хименес в Гранаде сжег массу мавританских рукописей, но это были внесудебные акты, которые никто не ставил под сомнение. В Инструкциях, изданных Торквемадой и его непосредственными преемниками, нет упоминания о цензуре как обязанности инквизиции, а в самом раннем руководстве, напечатанном в Валенсии в 1494 году, единственным упоминанием об этом является предписание, вытекающее из канонического права, согласно которому любой, кто получает во владение еретическую книгу, обязан в течение восьми дней сжечь ее или передать епископу или инквизитору. [1278]

РАННЯЯ ТЕРПИМОСТЬ

На самом деле, этот вопрос не рассматривался как относящийся непосредственно к инквизиции. Самым ранним положением о цензуре, вызванным развитием книгопечатания, является право, предоставленное 17 марта 1479 года Сикстом IV ректору и декану Кельнского университета, выносить порицания печатникам, продавцам и читателям еретических книг. [1279] Александр VI в 1501 году предположил, что это епископальная функция, когда призвал немецких епископов бдительно следить за прессой. [1280] Итак, Фердинанд и Изабелла в 1502 году, когда они обнародовали самый ранний закон, регулирующий выпуск книг, не упоминали инквизицию. Этот закон лег в основу всего последующего законодательства, и его бескомпромиссный характер предвосхитил отношения, которые отныне должны были существовать между правительством и разведкой Испании. Ни одна книга не должна была быть напечатана, импортирована или выставлена на продажу без предварительной экспертизы и лицензии. В Вальядолиде эта обязанность была возложена на председателей королевских судов; в Толедо, Севилье и Гранаде - на архиепископов, в Бургосе - на епископа, а в Саламанке и Саморе - на епископа Саламанки, которые должны были действовать через экзаменаторов, получавших умеренное жалованье, не притесняющее книготорговцев и типографов. Когда рукопись была лицензирована таким образом, ее после печати нужно было тщательно сравнить с листами, чтобы убедиться, что никаких изменений внесено не было. Любая книга, напечатанная или импортированная и предлагаемая к продаже без такой лицензии, подлежала конфискации и публичному сожжению; печатник или продавец лишался возможности продолжать свою деятельность и был оштрафован на сумму, вдвое превышающую сумму, полученную за любые экземпляры, которые он мог продать. [1281] О том, что созданная таким образом цензура применялась с большей или меньшей регулярностью, можно сделать вывод из замечания канцлера Гаттинары в 1527 году, успокаивающего Эразма от ожидаемых нападков — что в Испании ничего не разрешается публиковать без тщательного предварительного изучения, и он горячо желал, чтобы в Германии были установлены столь же полезные правила. [1282]

О мотивах такого жесткого и всеобъемлющего законодательства можно только догадываться. До Реформации спрос на услуги цензора был невелик. Церковь была мирской; ее превосходство во всех вопросах веры и дисциплины, казалось, было настолько незыблемо, что она с добродушным безразличием относилась к абстрактным спекуляциям, таким как у Марсильо Фичино, Помпонацци и Агустино Нифо, и к конкретным насмешкам, таким как у Себастьяна

Брандта, Томаса Мурнера и Эразма. Иначе обстояло дело, когда лютеранское восстание угрожало свержением латинского христианства и распространялось с такой быстротой, что никто не мог предсказать его пределы. Мы видели, что еще в 1521 году Рим призвал Испанию предотвратить введение и распространение лютеранских писаний, и что кардинал Адриан немедленно предположил, что это входит в обязанности инквизиции. Нет никаких следов какого-либо делегирования такой способности ни от Святого Престола, ни от гражданской власти, но его действия вряд ли могли быть поставлены под сомнение, и гражданские власти дали клятву подчиняться указам инквизиторов, когда речь шла о вере. Соответственно, его указ от апреля 1521 года изложен в самых абсолютных выражениях; книги, о которых идет речь, были запрещены инквизиторами и духовными судьями, поэтому трибуналам было поручено приказать, под строгими порицаниями и гражданскими наказаниями, чтобы никто не владел ими и не продавал их, будь то на латыни или романском, но должны были, в течение трех дней после уведомления, доставить их инквизиции для публичного сожжения; эдикт должен был быть опубликован в виде проповеди веры, и после публикации любой, кто владеет ими или продает их, или знает, что ими владеют другие, и не осуждает нарушителей, должен был понести наказания, объявленные инквизиторами, в то время как всем церковным и светским властям было приказано оказывать любую необходимую помощь. [1283]

Таким образом, в определенный момент инквизиция заявила о себе и использовала власть по обеспечению соблюдения запрета осужденных книг. Следующий шаг — осуждение книг — по-видимому, был предпринят в 1525 году в приказе викарию Алькала-де-Энареса изъять все экземпляры определенной книги толкований Псалтири. [1284] Затем, в 1530 и 1531 годах, последовали различные указы, показывающие активность инквизиции в использовании своего нового поля деятельности. Еретики печатали свои произведения под вымышленными именами или добавляли еретические комментарии к разрешенным книгам, для обнаружения которых требовалась предельная бдительность судебных органов; к Эдикту веры должен был быть добавлен пункт, требующий денонсации всех таких произведений; трибуналы должны были разослать исполнительные письма во все города с требованием выдать труды Лютера, и должны были быть назначены благоразумные люди для расследования книжных магазинов в поисках этой злонамеренной литературы. Когда в 1535 году трибунал Валенсии признал, что он пренебрег этим, ему было приказано немедленно назначить встречи и изъять все осужденные книги. [1285]

ДОВЕРИЛСЯ ИНКВИЗИЦИИ

Инквизиция взяла на себя полномочия осуждать книги, изымать те, что находятся в обращении, и наказывать их владельцев, хотя у нее не было формальных полномочий ни на одно из этих действий. Похоже, они считали, что наказание правонарушителей, по крайней мере, требует папских полномочий, и, когда генеральный инквизитор Тавера в 1539 году сменил Манрике, в его поручение был включен пункт, уполномочивающий его и его преемников возбуждать дела против тех, кто владел еретическими книгами или читал их. [1286] Таким образом, полномочия Святой Канцелярии были полными в отношении книг после того, как они были напечатаны, но что касается не менее важной функции выдачи лицензий на печать, ее политика поначалу несколько отличалась. Закон 1502 года недвусмысленно возлагал эту обязанность на судей и епископов, но в 1527 году инквизиция нарушила ее, выдав лицензии на переводы Антонио де Обрегоном некоторых произведений Святого Бернарда и Сан-Висенте де Феррера. Похоже, что даже отдельные инквизиторы присвоили себе право выдавать лицензии, поскольку в 1530 году

Верховный суд запретил им это делать, но в 1536 году он взял на себя полный контроль над этим вопросом, издав приказ о том, что ни одна книга не должна печататься без предварительной экспертизы Святой Канцелярией. [1287] Размышления и, возможно, опыт, однако, показали, что это принятие власти влечет за собой ответственность, которая иногда может оказаться неловкой, поскольку книги, которые оно таким образом одобрило, впоследствии, при растущей чувствительности ортодоксии, могут быть осуждены, и хартия акордада 1550 года определенно запретила все подобные лицензии, добавив, что Супрема их не предоставляла. [1288] Разумнее было бы, чтобы предварительное одобрение и последующее суждение находились в разных руках, и это было предусмотрено в указе Карла V и принца Филиппа от 1554 года, возлагавшем на Королевский совет обязанность выдачи лицензий после тщательного изучения представленных рукописей, которые, в случае всех важных произведений, должны были быть сохранены для сравнения с печатными листами. [1289] Тем не менее, инквизиция сохранила за собой право прекратить печатание любой книги, объявленной ей еретической, и, похоже, некоторое время выдавала лицензии, поскольку в carta acordada 1575 года упоминается одобрение книг и их лицензирование инквизиторами. [1290] Вероятно, на этом все и закончилось, и инквизиция молчаливо отказалась рисковать своей репутацией непогрешимой, заранее одобряя книги, которые впоследствии ей, возможно, пришлось бы осудить.

Таким образом, инквизиция ограничилась обязанностью осуждения. Запрет мог быть полным, а книга - полностью закрытой или частичной, и в этом случае ее распространение приостанавливалось *без исправления*- до тех пор, пока из нее не будут удалены отрывки, расцененные как ошибочные, вводящие в заблуждение или оскорбительные. Для выполнения этой обязанности она не предоставила никакого оборудования и не претендовала на проявление инициативы. В Эдиктах веры вменялось в обязанность каждому осуждать все, что противоречит вере, и существовало множество проникательных теологов и придирчивых критиков, для которых было приятной задачей привлечь внимание к любому слову, предложению или пропозиции, из которых можно было сделать исключение. Затем книга была передана калификадорам, и их вердикт, будь то о запрете или исключении, был представлен Верховному суду, или же сама книга могла быть отправлена туда на экспертизу; в любом случае решение зависело от него и было доведено до сведения трибуналов указом, который был зачитан во всех церквях и прикреплен к их порталам, чтобы никто не мог сослаться на незнание. Все, у кого была внедренная книга, были призваны в течение ограниченного времени сдать ее для уничтожения, если она была запрещена, или для удаления, если предосудительные отрывки должны были быть вычеркнуты, и это под страхом отлучения от церкви и штрафа с угрозой судебного преследования за упорное неповиновение. [1291]

ИНДЕКС

Таким образом, все сосредоточилось на Верховном, чьи действия требовались даже в самых тривиальных вопросах, и его переписка по этим вопросам была непрерывной. По мере того как множились осуждения и изгнания, стало невозможно доверять отчетам трибуналов или памяти верующих. Требовался какой-то подлинный список или каталог, чтобы помочь инквизиторам в их работе и предупредить книготорговцев и читателей, и таким образом постепенно был разработан *Index Librorum Prohibitorum* или *Expurgandorum*, который стал одним из наиболее эффективных инструментов подавления человеческого интеллекта и оказания помощи силам

реакции. Генриху VIII принадлежит заслуга подать пример в кратком списке запрещенных книг, опубликованном в 1526 году, хотя в том же году Карл V опубликовал в Нидерландах *плакат*, в котором были названы полдюжины авторов, книги которых подлежали сожжению. Самое раннее упоминание о таком каталоге, которое я встречал в Испании, встречается в письме Верховного суда от сентября 1540 года к Лоазесу, тогдашнему инквизитору Барселоны, в котором он жаловался на неэффективность усилий по предотвращению ввоза запрещенных книг, для распространения которых немцы использовали все средства, в то время как торговцы и книготорговцы не боялись наказаний, налагаемых инквизицией. Необходимы были более активные действия и более суровые наказания, для чего прилагались инструкции со списком запрещенных и подозрительных книг, к которому Лоазз должен был добавить свои предложения. [1292]

Это было просто для использования инквизицией. Первый официальный печатный указатель был составлен в 1546 году Лувенским университетом. Копия этого документа была отправлена в 1547 году генеральному инквизитору Вальдесу в Севилью, который переслал ее Верховному судье. Это было напечатано с Приложением, содержащим книги, запрещенные в Испании, и 1 сентября разослано трибуналам с некоторыми дополнениями о более поздних запретах. [1293] Это самый ранний испанский указатель, доселе неизвестный, который не оставил других следов, и он служит для обозначения начала другой обязанности, взятой на себя Верховной властью, - проверки книг с целью, не дожидаясь обвинений, поскольку в 1545 году вышел приказ выплатить доктору Альваро де Москосо сорок дукатов за труд такого рода. [1294] Затем, в 1550 году, Лувенский университет опубликовал расширенный список, который по приказу Карла V был перепечатан и распространен инквизицией в 1551 году с собственными дополнениями, составив то, что считается первым испанским указателем. [1295]

Теперь энергия Всевышнего была обращена к Священным Писаниям. Было распространено огромное количество латинских Библий, правильных в отношении текста, но ставших коварно опасными из-за еретических примечаний и комментариев. Многие из них содержались в Указателе 1551 года, и были проведены тщательные поиски других в Саламанке и Алькале, и их ошибки были скрупулезно отмечены. Результаты этих трудов были доведены до сведения трибуналов с приказом изучить все изъятые Библии по Индексу 1551 года; если среди них были обнаружены издания, не указанные в прилагаемом списке, они должны были быть скрупулезно изучены учеными людьми и отправлены Верховному судье, который затем определил бы, что делать с огромным скоплением испорченных Библий в стране. Суд пришел к выводу, что не следует отдавать приказа о массовом уничтожении, и в 1554 году выпустил первый Очистительный указатель, посвященный Священным Писаниям, с указанием издания и отрывков, которые должны быть *искажены* или вычеркнуты; это было разослано трибуналам с приказами о его повсеместной публикации. Все изъятые Библии и все, что можно было пронести, должны были быть изъяты и возвращены их владельцам вместе с сертификатом. По истечении разрешенного срока отсрочки должны были быть предприняты самые энергичные усилия, чтобы выяснить, остались ли какие-либо запрещенные или неохватные Библии в руках отдельных лиц или учреждений, владельцы которых подлежали самому суровому наказанию. [1296]

ОБЩИЙ ОСМОТР

Очевидно, именно книги, переданные Хулианом Эрнандесом, составили новый список, отправленный трибуналам 22 октября 1557 года, произведений, которые, по описанию, были напечатаны в Венеции и привезены испанцем из Фландрии и Германии в Севилью. Указы, касающиеся их, должны были быть опубликованы повсюду, книжные лавки должны были подвергаться тщательному обыску, и любой, у кого они были обнаружены, должен был быть наказан со всей строгостью. За этим, 2 сентября 1558 года, последовал дополнительный список книг, которые было приказано сжечь. [1297] Таким образом Suprema получала материал для независимого указателя. Павел IV распорядился, чтобы один из них был составлен в 1557 году, который был напечатан и запрещен, чтобы появиться в 1559 году в подлинном виде. [1298] Испанская инквизиция, однако, уже заявила о своей независимости от Священной Римской канцелярии в этих вопросах; волнения вокруг лютеран Вальядолида и Севильи предполагали полный запрет еретических книг; Вальдес добился от папы необходимого делегирования полномочий, и в 1559 году появился первый местный указатель. Он был разослан трибуналам с инструкциями о том, что все содержащиеся в нем книги должны быть изъяты; книги еретических авторов должны были быть публично сожжены в автомобилях, а остальные тщательно сохранены, составлены списки их и их владельцев, которые должны были быть отправлены Верховной власти для принятия мер. Книги по гуманитарным наукам и католические книги с еретическими пометками, если последние можно было стереть, должны были быть возвращены владельцам; все анонимные книги и книги без указания места и типографии, а также все книги, напечатанные за границей с 1519 года, должны были быть изъяты и исследованы и, в случае обнаружения подозрительных пометок, должны были быть задержаны. Общее положение в Указателе, охватывающее все книги, содержащие привкус ереси, было объяснено как означающее, что все, что не содержится в нем еретического или подозрительного, должно быть изъято, и всякий раз, когда возникают сомнения, следует обращаться к Верховному. [1299]

Подготовка Указателя была делом немалого труда и сложностей. Среди прочих, ученый доктор Франсиско Санчо в течение нескольких лет нанимался Верховным судом для изучения и изъятия книг, и в начале 1559 года он написал, что у него в распоряжении их большое количество и что в ходе исполнения своих обязанностей возникло много сомнений, которые он изложил в серии вопросов. Один из них наводит на мысль о сложности цензуры, применяемой к теологии, которая подвергалась реконструкции на Тридентском соборе, но которая, как предполагалось, была неизменной с самого начала. Санчо обращает внимание на пункт эдиктов, запрещающий все книги, содержащие что-либо против веры, Церкви и ее обрядов. Существует множество книг, продолжает он, содержащих такие ошибки, как книги Ричарда Арма, Дюранда, Кайетано, Мастера предложений, Оригена, Феофилакта, Тертуллиана, Лактанция, Лукиана, Аристотеля, Платона, Сенеки и других, широко используемых как в школах, так и за их пределами, и сомнительно, что они могут быть разрешены при условии указания ошибок. Верховный суд пришел в ужас от абсурдности запрета работ самых выдающихся средневековых богословов и ведущих классиков и милостиво разрешил их распространение до дальнейших распоряжений. [1300]

За выпуском Указателя последовал энергичный поиск по всем книжным магазинам и библиотекам Испании. Повсюду были назначены экзаменаторы или ревизоры с инструкциями тщательно проверять все собрания книг, будь то в магазинах, монастырях, университетах или частных библиотеках, чтобы обнаружить не только те, что указаны в Указателе, но и все другие, содержащие подозрительные материалы. Всем владельцам книг было приказано представить

их на экспертизу под страхом отлучения от церкви и выплаты двухсот дукатов. Не только запрещенные книги, но и все, что считалось подозрительным, должно было быть отправлено вместе с информацией об их владельцах в Верховный суд, который должен был вершить правосудие в этом помещении. [1301]

Изучение всех книг, накопленных в Испании, было трудным делом, но оно было предпринято к замешательству всех культурных и образованных людей и вызвало бесчисленные вопросы, которые дали достаточно работы Верховному. Пример этого можно найти в отчете брата Педро де Кинтанилья из Вальядолида о книгах, находящихся в его руках, принадлежащих Бартоломе де Роблесу, известному книготорговцу. Большинство из них, по его словам, принадлежат Erasmus, такие как Адажи, Парафразы и Аннотации, которые не запрещены, и, по его мнению, могут быть возвращены владельцу, на что последовал ответ, что книги Erasmus, отсутствующие в Индексе, могут быть возвращены. Затем есть книга Конрада Геснера *о рыбах и птицах*, содержащая только нарисованных птиц и рыбу, которые, по его мнению, могут быть возвращены, на что получено согласие. Затем есть книга под названием "Петрус Галатинус", содержащая трактат "Об искусстве каббалистики"; если бы его удалили, некоторые из тех, кто изучал его, сказали бы, что остальное хорошо, на что последовал ответ изъять каббалистический трактат и вернуть книгу. Кроме того, есть другие книги, у которых есть прологи или аннотации еретиков, и он думает, что если бы имена таких авторов были вычеркнуты, книги могли бы быть возвращены, на что ему было сказано указать книги. [1302] Мы легко можем представить раздражение, вызванное этим трудоемким и назойливым пустяком, и его репрессивное влияние на исследования ученых.

СВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Все это было сделано в поддержку дикой прагматики, очевидно, мотивированной страхом перед лютеранами. Он был издан 7 сентября 1558 года инфантой Хуаной от имени Филиппа II и показывает, что гражданская власть сотрудничала с инквизицией, обеспечивая при этом эффективный механизм государственной цензуры. В нем говорилось, что, несмотря на закон 1502 года и труды инквизиторов и епископов, в обращении находилось много еретических трудов, и что иностранные еретики прилагали огромные усилия для распространения своих доктрин, в то время как существовало также много бесполезных и аморальных книг, так что суды обратились за исправлением положения. Поэтому было приказано, под страхом смертной казни и конфискации, чтобы ни один книготорговец или другое лицо не продавал и не хранил ни одной книги, осужденной инквизицией, и все такие книги должны были быть публично сожжены. Указатель запрещенных книг должен быть напечатан, и каждый книготорговец должен держать копию открытой, чтобы общественность могла с ней ознакомиться. Никакие романские книги, напечатанные за границей, даже в королевствах Арагон, не подлежали ввозу под тем же ужасным наказанием, если у них не было лицензии на печать от Королевского совета, но романские книги, ранее напечатанные за границей и не запрещенные инквизицией, должны были быть представлены местным магистратам, которые должны были направить их списки Королевскому совету для принятия решения, до принятия которого они не должны были храниться для продажи под страхом конфискации и изгнания. Более того, было приказано провести общую проверку всех книг в королевстве: тех, что хранятся в книжных магазинах и частных библиотеках, епископами совместно с королевскими чиновниками и университетами, а тех, что хранятся в религиозных домах, - настоятелями Орденов. Все, что считалось

подозрительным или аморальным, подлежало конфискации до тех пор, пока Королевский совет не вынесет по этому поводу приговор, и это должно было повторяться ежегодно.

Таким образом, были обеспечены существующие и зарубежные книги, была организована строгая цензура прессы. Смертная казнь и конфискация были объявлены для любого, кто сдаст в печать книгу без предварительного представления ее Королевскому совету на экспертизу, когда, если она не вызовет возражений, будет выдана лицензия. Чтобы предотвратить внесение изменений, каждая страница рукописи должна быть подписана секретарем королевской палаты, который должен рубрифицировать каждое исправление и указывать в конце количество страниц и исправлений. После печати рукопись должна быть возвращена с одной или двумя распечатанными копиями для сравнения. Перед каждой книгой должны быть указаны лицензия, *tassa* или цена, по которой она была продана, привилегия, если таковая имела, а также имена автора, типографа и место публикации. Новые издания подчинялись тем же правилам, но юридические документы и официальные бумаги инквизиции и Индульгенция Крузады были исключены. Даже письменность подвергалась тем же ограничениям, что и книгопечатание, поскольку смерть и конфискация грозили всем, кто должен был владеть рукописью на любую религиозную тему или демонстрировать ее другим, не представив ее Совету, который должен был либо лицензировать ее, либо уничтожить. Этот жестокий закон был утвержден в 1627 году Филиппом IV и оставался нераскрытым до революции, а его применение было строго предписано Карлосом IV в 1804 году. [1303] То, что кто-либо понес смерть за его нарушение, маловероятно, и инквизиционные процессы над теологами показывают, что они накопили массу работ на религиозные темы, не думая о представлении их Королевскому совету, но препятствия, которые это создавало на пути установления авторства, жестко соблюдались и сотрудничали с инквизицией в оказании самого репрессивного влияния на интеллектуальный прогресс человечества. Испания.

Было нетрудно заручиться поддержкой папства в обеспечении эффективности этой цензуры. Супрема в своем письме Павлу IV от 9 сентября 1558 года относительно развития лютеранства обратила внимание на небрежность исповедников, требующих от своих кающихся сдавать запрещенные книги и обличать правонарушителей, а Павел в кратком сообщении от 5 января 1559 года приказал всем исповедникам в испанских владениях спрашивать кающихся, владеют ли они такими произведениями или читали их, или знали ли кого-либо, владеющего, печатающего или продающего их, когда в отпущении грехов должно быть отказано, если только книги не были переданы или виновные не были осуждены. За послушание этому со стороны исповедников было обещано отпущение грехов, в то время как халатность грозила штрафами, лишением функций и пособий, а также инвалидностью для восстановления в должности - наказаниями по усмотрению генерального инквизитора. [1304]

ПРИДИРЧИВОЕ ОЧИЩЕНИЕ

Таким образом, папская, королевская и инквизиторская власть были сосредоточены в усилиях по очищению страны от еретической литературы. Эдиктами веры и исповеди все население было зачислено в шпионы и осведомители о тех, кто нарушал запреты, которые быстро сменяли друг друга в эдиктах инквизиции, и все читатели книг были обязаны опровергать любые отрывки, которые могли показаться им подозрительными или оскорбительными. Вероятно, именно с этим последним источником связано большинство невероятно тривиальных вычеркиваний, которыми перегружены более поздние Индексы. Примером того, как это иногда

случалось с авторами, несомненно ортодоксальными, но небрежными в выражениях, может служить случай с маэстро Фраем Эрнандо де Сантьяго, который в 1597 году опубликовал в Саламанке, конечно, после предварительной цензуры, свои *Размышления о доме и празднике Куарежмы*. Она была передана инквизиции как содержащая некоторые еретические положения, многие из которых были ошибочными и скандальными. Трибунал Толедо вызвал его и после рассмотрения проголосовал за приостановление его дела с вынесением выговора и предписанием быть более сдержанным в своих проповедях и больше не писать скандальных книг, что было признанием того, что работа не содержала ничего особенно предосудительного. Верховный суд, однако, отложил голосование в сторону и распорядился энергично продвигать судебный процесс над ним и изъять все его бумаги. Борьба, затянувшаяся до 1602 года, разгорелась из-за бесконечного числа высказываний, против которых возражали калификадоры, в результате чего он получил строгий выговор в присутствии представителей всех религиозных орденов с изгнанием из Кастилии и отстранением от проповеди на три года, первый год из которых должен был провести в затворничестве в монастыре Куэнка как кающийся грешник. Из его книги должны были быть удалены все отрывки, отмеченные калификадорами как нежелательные, и список их, напечатанный в Указателях, внушительнее скорее по длине, чем по качеству, поскольку придирчивая критика обрушилась на мельчайшие моменты. Было оправдано исправить “Ассур, царь Персидский” на “Ассур, царь Ассирийский”; возможно, также изменить “день, когда Петр отрекся от Христа” на “отрекшийся от Христа”, но только рабское преклонение могло потребовать, чтобы “день, когда царь-тиран” был изменен на “тиран-военачальник”. Тем не менее, неукротимого маэстро не заставили замолчать, поскольку в следующем, 1603 году, он выпустил еще одну книгу *“Размышления о Евангелии из лос-Сантоса”*, за которую он избежал судебного преследования, хотя его книга также попала в Указатель, с меньшим количеством исключений. [1305]

Таким образом, будет видно, что инквизиторская цензура ни в коем случае не ограничивалась подавлением произведений иностранных еретиков, для чего она была учреждена в первую очередь. Если бы это было сделано, оно оказало бы достаточно ошеломляющее влияние на испанскую разведку, поскольку исключало многие работы из-за их авторов, а не из-за их содержания, и оно никогда не было в состоянии определенно разрешить неприятные вопросы, возникающие в связи с работами высокой научной и интеллектуальной ценности, авторство или случайный отрывок в которых могли оскорбить сверхчувствительность, столь ревностно культивируемую. Это было достаточным ограничением для культуры, не только само по себе, но и в виде препятствий, которые, как мы увидим, оно создавало для распространения всех книг из-за рубежа, но еще более неудачным по своему влиянию было распространение цензуры на всю область отечественной литературы, устанавливая барьеры для авторства, стремящегося к огласке, и подвергая даже самых ортодоксальных писателей опасности увидеть, что их произведения замалчиваются, или унижению из-за того, что они были обезображены зачеркнутыми отрывками, в которых извращенная изобретательность какого-нибудь богословского эксперта могла обнаружить возможную опасность для неосторожных.

Однако, надо отдать справедливость испанской инквизиции, в этом она была более внимательной, чем римская цензура. В 1564 году появился Индекс Пия IV, известный как Тридентский индекс. Это основа всех последующих римских указателей, которые относятся строго к запрещенным книгам — то есть все книги, из которых можно было сделать исключение любого рода, были запрещены, независимо от того, были ли их ошибки систематическими или лишь случайными. Не было указано, какие именно моменты вызывают возражения, хотя автор,

по смиренной просьбе Конгрегации the Index, мог бы получить информацию и перепечатать свою книгу с исправлениями, рискуя, что она снова будет запрещена. [1306] Испанская инквизиция была более трудоемкой, поскольку она готовила Очистительные указатели, в которых, когда книги не были абсолютно запрещены, обозначались нежелательные отрывки, и, когда они были *borrado*, или вычеркнуты, книгу можно было распространять.

ИНДЕКСЫ

Работая таким образом по разным направлениям, между Испанией и Святым Престолом было мало гармонии. Фактически, как мы еще будем иметь возможность наблюдать, инквизиция утверждала полную независимость от римской цензуры, игнорируя ее запреты и издавая свои собственные без привязки к Риму. Это началось рано, как показано в некоторых любопытно противоречивых высказываниях, в 1568 году, касающихся Тридентского указателя. 7 февраля хартия акордада предписывает соблюдать Испанский индекс 1559 года; затем другая, от 14 июня, гласит, что Тридентский индекс не соблюдается и что люди используют запрещенные в нем книги, поэтому инквизиторы должны приказать соблюдать его и сказать проповедникам, чтобы они настаивали на этом со своих кафедр; наконец, третья хартия, две недели спустя, 29 июня, практически отменяет это, предписывая следовать только Указателю 1559 года. [1307]

Что, учитывая активность прессы, расширяющиеся знания о еретической литературе и растущую чувствительность критики, работа обещала быть бесконечной, и вскоре началась подготовка к составлению нового указателя. Труд оказался нелегким. К трибуналам, прелатам и университетам были обращены за информацией; по мере получения она была отправлена маэстро Франсиско Санчо, который выбрал из Университета Саламанки хунту для составления на основе этих материалов нового Указателя. Затем Санчо покинул Саламанку и рекомендовал в качестве своего преемника своего ассистента доктора Диего де Вера. Супрема терял терпение и в письме от 6 декабря 1572 года поручил теологам университета продолжить эту работу; ввиду ее важности и срочности скорейшего завершения ее следовало предпочесть всем другим делам и неустанно продвигать вперед. [1308] Они, несомненно, добросовестно трудились и рьяно спорили, но до результата было еще далеко. В 1574 году мы слышали, что ожидалось, что Индекс будет завершен в ближайшее время; в 1575 году Лицензиату Веларде, отвечающему за этот вопрос, было настоятельно предложено завершить его; в 1578 году он был настолько продвинут, что был представлен университетам на доработку, а в 1579 году у них спросили их мнения об общих правилах, составленных для его сопровождения. [1309] Тем не менее произошла задержка, поскольку результатом этой тщательной и длительной работы стало значительное увеличение по сравнению с предыдущими указателями, появившимися в двух томах, известных как Указатели Кироги, генерального инквизитора. Первым был Указатель запрещенных книг, изданный в 1583 году, состоящий в основном из имен авторов, все произведения которых были запрещены. За этим в 1584 году последовал Очистительный указатель — первый в своем роде, — содержащий уточнения, необходимые для придания актуальности перечисленным произведениям. Хартия акордада от 16 октября содержала указания по приведению в исполнение ее предписаний. Хотя он был опубликован в главных городах, его должны были опубликовать снова, в воскресенье или праздничный день, после созыва народа воззванием, когда его должны были прочитать после проповеди так же, как Эдикт веры. Проповедник должен был объявить, что все лица, имеющие запрещенные книги, должны немедленно доставить их в трибунал или лицу, назначенному в каждом городе; те, у кого есть книги, подлежащие изъятию, могут сделать это у себя дома, но в течение шести

месяцев должны представить их указанным лицам для одобрения и подписи, без чего они не будут считаться изъятими. Послушание, по-видимому, было слабым; 13 июня 1585 года срок был продлен на четыре месяца; затем последовали последовательные отсрочки, и в 1587 году была предоставлена еще одна отсрочка до конца 1588 года. [1310]

Это занятие было таким же нескончаемым, как труды Данаид. Уже в 1586 году теологические факультеты Саламанки, Алькалы и Вальядолида были проинформированы о поступивших сообщениях об упущениях, и их попросили собраться и рассмотреть, что следует предпринять. В 1594 году мы слышим о подготовке к очередному Указанию, и доктору Нерони, аббату Алькалы, было поручено сформировать хунту врачей и магистров, компетентных для этой работы. [1311] Прогресс, однако, был прерван борьбой, возникшей между доминиканцами и иезуитами из-за положений Молины и неразрешимых вопросов, связанных с достаточной и действенной благодатью. Переписка по этому вопросу была непрерывной и объемистой; все богословы Испании, которые были многочисленны и очень красноречивы, были вовлечены в чудовищный переполох, который монополизировал энергию цензуры. Даже инквизиция была бессильна восстановить мир между разбушевавшимися группировками, и в 1598 году во все университеты были разосланы строжайшие приказы, запрещающие дебаты на эту тему и любые упоминания о ней в лекциях. Тем не менее, буря продолжала бушевать, и даже в 1612 году мы находим указ об этом. [1312]

ИНДЕКСЫ

Тем не менее работа продвигалась с огромным трудом. Нам довелось узнать, что в 1596 году трибуналу Мурсии было поручено доверить доктору Арсе и его брату изъятие из *"Театра жизни человека" Теодора Цвингера*, огромного труда в восьми томах, опубликованного в Базеле в 1565 году. О том, как долго они работали над этой задачей, можно судить по тому факту, что в 1610 году трибуналу было приказано передать падре Арсе экземпляр книги, над которой он работал, и результат представлен на тридцати восьми страницах Указателя, занятых его исключениями. [1313] В 1605 году мы находим, что различным калификадорам были предоставлены полномочия брать из книжных магазинов любые книги, которые им были нужны для изучения. Вероятно, в 1608 году была сформирована хунта, члены которой получали щедрое жалованье в дукат в день, а в 1610 году списки книг были разосланы всем трибуналам с инструкциями представить их ученым людям для рассмотрения. [1314] Расходы были большими, поскольку новый Указатель, известный под именем Сандовала-и-Рохаса, генерального инквизитора, увидел свет только в 1612 году. Это был одновременно запретительный и отхаркивающий показатель в одном толстом томе.

Следующий Указатель был издан под руководством генерального инквизитора Сапаты в 1632 году и представлял собой большой фолиант. Затем, в 1640 году, появился еще один том, еще большего объема, известный как "Указатель Сотомайора". Шестьдесят семь лет прошло до публикации другого, в 1707 году, при генеральном инквизиторе Видале Марине. Его подготовка была поручена Антонио Альваресу де ла Пуэнте и Фернандо Гальего Кальдерону, последний из которых умер, и работа была доведена до конца первым. В нем содержался не только список Сотомайора и произведений, осужденных или изъятых за это время, но и многие другие, обнаруженные стараниями составителей или ревизоров, назначенных различными трибуналами согласно приказу от 31 мая 1706 года для проверки всех книжных магазинов и

библиотек. [1315] Он занимал два фолианта несколько меньшего размера, чем единственный у его предшественника. Следующий Указатель был издан в 1747 году при генеральном инквизиторе Прадо-и-Куэсте одним большим фолиантом. Его подготовка была поручена двум иезуитам без надзора, которые злоупотребили своим положением, удовлетворив интересы Общества Иисуса, включив в него большое количество авторов, которые никогда не были осуждены, что вызвало длительные дебаты, о которых подробнее ниже. [1316]

ИЗЪЯТИЕ КНИГ И БИБЛИОТЕК

Хотя этот Индекс был полностью дискредитирован, только в 1782 году Верховный совет предложил разработать новый. Меморандум, составленный, по-видимому, одним из членов этого органа, в ответ на это указал на неудобства предыдущих выпусков, поскольку их постоянный рост делает их дорогостоящими и трудными для ознакомления. Автор предложил в качестве образца римский указатель Бенедикта XIV — все произведения должны быть собраны в одном алфавите; длинные списки исключений должны быть заменены римским *donec corrigatur* и ссылкой на указ, осуждающий их. Был сделан намек на множество запутанных и деликатных вопросов, связанных с этим, во многом из-за непримиримых претензий римской и испанской инквизиций, а также на конфликт между королевской прерогативой и притязаниями папы. Таким образом, он говорит, что римские осуждения не должны приниматься во внимание, если они не исходят от Конгрегации Индекса (а не от Римской инквизиции) или папской сводки, и даже Конгрегация запретила многие книги, не заслуживающие богословского осуждения, потому что они противоречили предположениям курии. Затем возникла трудность сохранения беспристрастного баланса между правами короны и властью Церкви и решения многочисленных вопросов, поднимаемых во многих книгах, — осмотрительность, необходимая для проведения различия между правами и притязаниями, между внешней и внутренней дисциплиной, а также между дисциплиной и догмой. На самом деле, составление Индекса выходило далеко за рамки простых определений теологии, поскольку оно затрагивало крупные вопросы национальной политики, а также многочисленные интересы целых классов общества и религиозных организаций. Как сказал автор, задача была слишком велика для одного человека, каким бы мудрым и образованным он ни был; ее могла выполнить только тщательно отобранная хунта. [1317] Большинство из этих предложений были приняты в *Indice Ultimo*, который появился в 1790 году в томе среднего размера, удобном для использования, хотя отсутствие исключений лишало владельцев книг, требующих исправления, возможностей, предоставляемых тяжеловесными томами старых указателей.

Предполагалось, что в течение длительных перерывов между последовательными выпусками трибуналы сами составят списки книг, осужденных в часто рассылаемых им указах. В 1781 году мы находим, что трибунал Валенсии был привлечен к ответственности за то, что не знал, что французский перевод "Робинзона Крузо" был запрещен указом от 16 января 1756 года, и ему было сказано, что, если он не сохранил такой список, он должен искать его в каком-нибудь суде, который это сделал. [1318] Книготорговцы также должны были отмечать все новые запреты в копиях Указателей, которые они должны были хранить, и указ 1627 года предписывал трибуналу предоставлять им копии всех указов в том виде, в каком они появлялись, чтобы они не могли сослаться на незнание и избежать наказания. [1319]

Что касается процедуры изъятия, то до тех пор, пока опубликованный указатель был просто запретительным, владельцу было необходимо доставить книгу в суд или уполномоченному,

чтобы удалить нежелательные отрывки, и некоторые документы 1563 и 1568 годов показывают, что такова была практика. [1320] Когда в 1584 году появился Индекс изъятия Quiroga, мы видели, что владельцы были уполномочены делать это и что они проявили халатность, что, возможно, объясняет, почему впоследствии привилегия была отозвана. Было трудно добиться послушания, а выполнение обязанностей было хлопотным делом, что привело к необходимости лицензирования профессиональных очистителей, которые были уполномочены выполнять работу и выдавать сертификаты о ее надлежащем выполнении, с условием, что при работе в библиотеках, если они найдут запрещенные книги, они изымут их и доставят ближайшему уполномоченному. [1321] Когда книги доставлялись трибуналам для изъятия, обычные задержки, должно быть, были невыносимыми. В 1688 году мы видим, как дон Хуан де ла Торре, чье терпение лопнуло, получает от Верховного суда письмо в трибунал Валенсии с приказом изъять его книгу и доставить ее ему. [1322]

Вряд ли стоит удивляться, что владельцы проявили халатность, в качестве средства правовой защиты от которой carta acordada от 5 октября 1712 г. предписала трибуналам указывать в своих указах, что изъятия были зарегистрированы там, и все владельцы должны были отправить свои книги, чтобы лица, уполномоченные для этой цели, вычеркнули оскорбительные отрывки. [1323] Затем, в 1790 году, владельцу снова разрешили сделать это при условии представления книги в течение двух месяцев, чтобы показать, что это было сделано, но, поскольку в Indice Ultimo не указывалось на требуемые исправления, их было предоставлено владельцу самому их обнаружить. [1324] Независимо от того, какой план был принят, исключение делало право собственности на книги источником беспокойства и неприятностей и оказывало сдерживающее влияние на распространение культуры, поскольку не было такого класса литературы, будь то художественная литература, поэзия, история, богослужение, государственное управление, юриспруденция или наука, а также теология, в котором какой-нибудь рысолозый критик не смог бы обнаружить фразу или чувство, которые могли бы повлиять на распространение культуры. потребовал пересмотра. Постоянно издавались указы, предписывающие изъятие отдельных книг, иногда через тридцать или сорок лет после их публикации, и часто по самым тривиальным основаниям, и любителю литературы или науки приходилось постоянно быть начеку, чтобы избежать наказания за пренебрежение.

Процесс вычеркивания заключался в нанесении кисточкой слоя типографской краски на порочащее слово или отрывок таким образом, чтобы сделать их совершенно неразборчивыми. Когда мексиканский трибунал принял решение осудить все гравированные портреты святого Хуана де Палафокса, епископа Пуэблы, лицо было таким образом замазано чернилами, чтобы сделать черты неразличимыми. Когда в книге длина оскорбительного отрывка делала это слишком хлопотным, применялся более грубый процесс вырывания страниц, независимо от того, что таким образом удалялся невинный материал, и разрушалось соединение разделенных таким образом частей. [1325] Литература не имела большого значения для книжных мясников.

ИЗЪЯТИЕ КНИГ И БИБЛИОТЕК

Книготорговцы и книгопродавцы подвергались постоянным расследованиям, проводившимся самым грубым образом, влияние которых не могло не быть самым удручающим. Проверка книжных магазинов, публичных и частных библиотек, попытки которой, как мы видели, предпринимались еще в 1530 году и решительно преследовались в 1559 году, была устоявшейся политикой и проводилась с особой энергией после выпуска каждого нового

Указателя, но она не ограничивалась тем временем. Переписка Верховного Главы полна писем и инструкций, свидетельствующих о неослабевающей бдительности, с которой велась эта работа. В 1600 году трибуналам Валенсии, Барселоны и Мурсии было приказано отправить Верховному суду книги констебля Кастилии — произведение довольно продолжительное, поскольку в 1602 году коробка с ними все еще находится в пути. Затем севильскому трибуналу было поручено изучить книги брата Диего Давилы и переслать те, на которые указал Монтойя. Затем трибуналу Мурсии было приказано отправить доктору Монтойе книги дона Хуана де Хосеса. В 1602 году было приказано отправить книги исповедника королевы в Супрему. Все это были частные коллекционеры, чьи вкусы или рвение к познанию подвергали их этим досаде и унижениям, неограниченному хранению их дорогих книг, потере из-за небрежности или воровства и непоправимому повреждению художественных переплетов. Простое владение книгами делало владельца объектом подозрений и расследований. Если так обстояло дело с частными коллекционерами всех рангов, мы легко можем оценить бесконечные неприятности и разорительные судебные преследования, которым подвергались книготорговцы. В том же 1600 году Верховный судья сообщил трибуналу Толедо, что доктор Хуан Мартинес осматривал книжные магазины Мадрида, в результате чего было приложено заявление, согласно которому он должен был вершить правосудие - обычная формула судебного преследования. [\[1326\]](#)

Это всего лишь указание на непрерывную войну, которая велась против культуры и обучения, от которой никто не был застрахован. В 1627 году был издан указ, предписывающий книготорговцам под страхом штрафа в сорок дукатов и отлучения от церкви сообщать обо всех запрещенных книгах и тех, которые требуют изъятия, которые они могут найти в частных библиотеках. [\[1327\]](#) В 1618 году севильскому трибуналу было приказано конфисковать все книги на иврите, принадлежавшие Ариасу Монтано. [\[1328\]](#) Даже королевская библиотека Эскориала подвергалась самым унижительным правилам. Когда появился Указатель 1612 года, приор-иеронимит Сан-Лоренцо обратился с петицией к Супреме, изложив желание короля, чтобы запрещенные книги не удалялись, поскольку библиотека отличается от монастырской, и единственные ключи от нее находятся у него и главного библиотекаря. Вслед за этим генеральный инквизитор послал брата Франсиско де Хесуса осмотреть библиотеку и доложить о ее состоянии, после чего 12 ноября 1613 года он постановил следующее. Все книги, которые являются литературными, а не религиозными или оскорбительными, авторов первого класса (тех, чьи работы были осуждены), должны быть отделены, помечены и иметь предисловие с пометкой о том, что автор осужден, но им разрешается оставаться там, где они могут быть прочитаны настоятелем, главным библиотекарем и профессорами колледжа. Все книги таких авторов, касающиеся религии и смежных вопросов, таких как хронология, священная история и истории пап, поскольку король не желает, чтобы они были изъяты, должны храниться в отдельной комнате, всегда запираемой, как в архиве, и никто не должен читать их, кроме приора и главного библиотекаря, по специальному разрешению генерального инквизитора и Супремы: должно быть два ключа (замка), один хранится у главного библиотекаря, а другой у Супремы, и из них должны быть составлены два списка, один хранится в запертой комнате, а другой у главного библиотекаря. Супрема. К ним также должны быть приложены две РУКОПИСИ, написанные ересиархами из отдела рукописей. Раввинские книги и Библии на романском языке могут остаться, но должны быть помещены в отдельный футляр и помечены как запрещенные, но они могут быть прочитаны, как и прежде, настоятелем, главным библиотекарем и профессорами. Хрупкий человек, заведующий монастырской аптекой, но только он один, может читать книги по медицине первоклассных авторов для извлечения

квинтэссенций и других важных вещей. [1329] Карантин против самой смертоносной инфекции вряд ли мог быть разработан более тщательно.

ИЗЪЯТИЕ КНИГ И БИБЛИОТЕК

В этом было небольшое послабление, когда в 1616 году генеральный инквизитор Сандовал посетил Эскориал и предоставил всем профессорам колледжа привилегию читать первоклассные книги по религии. После появления Индекса Сапаты 1632 года этот вопрос возник снова, и генеральный инквизитор Сотомайор подтвердил договоренность 1613 года. [1330] После публикации его Указателя в 1640 году фрейлы Сан-Лоренцо обратились к Верховной Раде с петицией о том, что библиотека, как принадлежащая королю, не должна быть изъята согласно новому Указателю. На это Верховный ответил королю в консультациях 16 ноября 1641 года, утверждая, что, поскольку библиотека является величайшей в мире и принадлежит королю, особенно важно, чтобы она подавала пример того, что в ней нет ничего противоречащего католической доктрине. Тем не менее, могло существовать укромное место, в котором можно было бы хранить все книги еретических авторов и злые доктрины, а ключ от него хранился бы у генерального инквизитора при условии, что библиотека будет предоставлять Верховному те книги, которые ему могут понадобиться. [1331] Не может быть никаких сомнений в том, что какая-то такая договоренность была достигнута.

Бдительный надзор за книжными магазинами и библиотеками не ослабевал, и о том угнетающем влиянии, которое он оказывал на книжную торговлю и культуру в целом, можно судить по правилам, прилагаемым к Указателю Видаля Марина в 1707 году. Трибуналы были уполномочены назначать неограниченное число *библиотекарей*, уполномоченных в удобное для них время проверять публичные библиотеки, аукционы и книжные магазины. Ревизор должен был требовать от книготорговцев описи запасов и следить за тем, чтобы они были полными; он должен был распорядиться отправить к себе домой или к другому ревизору все запрещенные книги и те, которые требуют проверки, и сообщить о результате трибуналу; он должен был изъять и заверить своей подписью все книги, требующие изъятия. Он должен был сообщать обо всех упущениях или нарушениях книготорговцами правил составления Указателя, а для этого его проверки должны были быть частыми. Он должен был ознакомиться с этими описями, а также с теми, которые книготорговцы были обязаны представлять суду в начале каждого года, с подробностями всех продаж, совершенных в течение года, с тем чтобы он был полностью информирован и книготорговцы удерживались от совершения своих обычных махинаций. Все это должно было делаться за счет владельцев книг или, в случае публичных библиотек, за счет города. Поскольку ожидалось, что это вызовет большое недовольство, о любых “распущенных” высказываниях против Индекса следовало сообщать для надлежащего наказания. [1332]

Недостатка в ожидаемом недовольстве не было. Полномочия, предоставленные ревизорам, давали настолько широкие возможности для притеснения и вымогательства, что эту должность с нетерпением искали. Комиссионные безрассудно множились, пока число этих литературных шпионов и шантажистов не вызвало всеобщего недовольства. Это не было простым временным злоупотреблением, поскольку в письме Верховного суда от 5 октября 1712 года обращается внимание на чрезмерное количество назначенцев и вытекающее из этого зло, для смягчения которого предлагается издать указ. [1333]

Эта проверка государственных и частных библиотек и книжных магазинов продолжалась до подавления инквизиции. Мы находим, что 25 июня 1817 года севильский трибунал отправил Мадридскому список книг, принадлежащих Хуану Гуальберто Гонсалесу, королевскому фискалу в Совете Индии, а 18 августа фискал отправляет неназванному суду перевод, для которого он запросил список книг, принадлежащих маркизу Нарросу, поскольку лингвистические познания инспекторов, по-видимому, были недостаточными. В условиях финансового кризиса инквизиции эта работа, по-видимому, теперь выполняется должностными лицами трибуналов, несомненно, стремящимися сделать все, что могло бы принести гонорар, поскольку в 1819 году у нас есть отчет секретаря трибунала Валенсии о том, что при осмотре книжной лавки Педро Хуана Маллена он обнаружил проповедь на итальянском, которую он счел подозрительной и которая была должным образом передана калификадорес. [1334]

ВЛАДЕНИЯ МЕРТВЫХ

Смерть предоставила возможность, которой нельзя было пренебречь, изъять частные библиотеки. Когда владелец умер, инквизиция вмешалась, чтобы расследовать и контролировать распределение его книг. В 1651 году, казалось бы, все книги должны были пройти через его руки, поскольку в случае с доном Алонсо де ла Торре Супрема приказывает трибуналу Валенсии пересылать ему посылки, доставленные наследниками, запрещенные отдельно от одобренных. [1335] Инструкции 1707 года, по-видимому, ограничивают это вмешательство случаями продажи, поскольку они предусматривают, что при продаже библиотеки в связи со смертью или по другой причине книготорговцы должны предоставить редактору список всех книг и их цены, чтобы можно было вернуть запрещенные или подозрительные книги, за которые книготорговцы могут получать квитанции. [1336] В 1748 году дело доктора Теодоро Томаса, каноника кафедрального собора Валенсии, указывает на то, что исполнители должны были представить трибуналу подробное заявление под присягой о распоряжении всеми книгами и бумагами. Запрещенные книги были переданы доминиканскому монастырю, у которого была лицензия, позволяющая хранить их, а остальные были проданы Хуану Баутисте Малету и Мануэлю Кортесу, книготорговцам. Бумаги также были учтены — те, что относились к делам собора, были доставлены в капитул, те, что казались бесполезными, были сожжены, а некоторые слуги продали аптекарю. [1337]

В данном случае, очевидно, были соблюдены необходимые предварительные условия для представления описи ревизору. Когда это было опущено, возникшая проблема была проиллюстрирована в библиотеке Грегорио Майанса-и-Сискара, самого выдающегося литератора своего времени, который умер в 1781 году. Его библиотека была большой и ценной, и его вдова стремилась максимально использовать ее для его детей. Она была набожной женщиной, но по невежеству не соблюдала необходимых формальностей. Она продала большую часть августинскому монастырю, у которого была лицензия на хранение запрещенных книг, и когда она узнала, что это незаконно, она приложила огромные усилия, чтобы вернуть ее; августинцы сопротивлялись, но в конце концов были вынуждены подчиниться. Затем она обратилась в Верховный суд за лицензией на продажу запрещенных книг, которая была передана в трибунал Валенсии. 8 ноября 1803 года он ответил, что провинциал-августинец предъявил лицензию, и ему сказали, что монастырь имеет право хранить их, но вдова не имеет права их продавать. Инквизитор посочувствовал ей, но указал, что удовлетворение ее просьбы открыло бы дверь для фиктивных сделок, и он рекомендовал, чтобы в лучшем случае ей разрешили продать те, которые купили августинцы, поскольку были и другие. Библиотека была

большой; потребовалось много времени, чтобы составить опись, и еще больше времени, чтобы найти ревизора, который просмотрел бы ее и отметил запрещенные книги. Это, однако, наконец было сделано, и вдове предоставили два списка — один из запрещенных книг, подлежащих передаче инквизиции, и другой из тех, которые должны быть изъяты, прежде чем она сможет их продать. Верховный суд, прежде чем принять решение, потребовал ознакомиться со списком запрещенных книг, проданных августинцам, который был должным образом представлен, и мы можем надеяться, что в конце концов вдова смогла распорядиться книгами своего мужа, хотя выручка, должно быть, была прискорбно уменьшена из-за сборов и расходов, а также конфискации запрещенных. [1338] В Испании ученых мало поощряли к накоплению средств для учебы и научных исследований.

Пока тянулось это дело, неумное рвение в погоне за запрещенными книгами грозило осложнениями из-за рубежа. Леонхардт Шук, голландский консул в Аликанте, умер, оставив французского вице-консула своим душеприказчиком. Дом и имущество были должным образом опечатаны королевской печатью во время выполнения определенных юридических формальностей, но комиссар инквизиции попросил губернатора снять печать и передать ему ключи, чтобы он мог провести инвентаризацию книг, бумаг и гравюр, поскольку ему сообщили, что там были запрещенные предметы всех трех видов. Губернатор отказывался до тех пор, пока не смог посоветоваться с королем, тогда комиссар ночью сломал печать, пробрался внутрь, составил опись и заменил печать, насколько смог. Голландский посол пожаловался Карлосу IV, и министр Уркихо, который недружелюбно относился к инквизиции, воспользовался случаем, чтобы издать *carta orden* от 11 октября 1799 года, сурово упрекнув ее за это и другие подобные происшествия, которые в значительной степени способствовали усилению ее дурной репутации за рубежом. [1339]

Этот надзор за библиотеками умерших продолжался и во время Реставрации. В 1815 году всем комиссарам были разосланы приказы следить за тем, чтобы книги, принадлежащие поместьям, не продавались с аукциона до тех пор, пока трибуналу не будут представлены точные списки и не будет получено его разрешение, а в 1817 году, когда скончался брат Раймундо Гарсия, настоятель монастыря Монтеса в Онде, трибунал Валенсии провел проверку его библиотеки, в результате которой было обнаружено довольно много запрещенных книг, в основном янсенистского характера. [1340] Несмотря на неусыпную бдительность инквизиции, искатели запрещенной литературы рискнули удовлетворить свои желания.

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ КОНТРАБАНДЫ

Эта запрещенная литература обязательно была иностранной. В условиях предварительных ограничений на печать, которые оказывали такое смертельное давление на авторство, и при такой бдительности, которая побудила Супрему в 1602 году приказать трибуналам проинструктировать своих уполномоченных изымать все новые книги, или книги новых авторов, или новые издания, и сообщать о них, не передавая их никому, [1341] было невозможно, чтобы местные произведения опасной направленности могли быть изъяты. доходили до широкой публики, и цензура ограничивалась богословскими тонкостями или тривиальностями. Единственная реальная опасность, от которой следовало остерегаться, исходила из-за

границы, и наиболее эффективную услугу инквизиции мракобесию оказал карантин, который она установила, чтобы уберечь нацию от заражения новыми идеями. На это была направлена неослабевающая энергия государства, которое нашло в Священной канцелярии свой самый полезный инструмент. Выше мы видели, как рано она забила тревогу в 1521 году. В 1532 году Королевский совет принял героическую меру по запрещению импорта и продажи всех недавно напечатанных книг [1342] — мера, которая, в случае ее применения, отрезала бы Испанию от всей иностранной литературы, не препятствуя распространению еретических книг, скрытых в упаковках с другими товарами. Если она не была быстро отменена, то, по крайней мере, вскоре устарела, и функция защиты страны от ввоза еретических материалов естественным образом перешла в руки инквизиции, которая единственная обладала властью и способностью выбирать между тем, что было невинным, а что отвратительным. Эта функция состояла из двух обязанностей — отделения зерна от плевел в книгах, регулярно ввозимых через таможни, и пресечения контрабанды.

Точно сказать, в какое время инквизиция взяла на себя эти обязанности, было бы невозможно, но ее деятельность и организация работы, по-видимому, относятся ко времени лютеранских волнений 1557 и 1558 годов. В письме Верховного от 12 мая 1558 года Карлу V объявляется, что всем инквизиторам было приказано проявлять величайшую бдительность в морских портах и вдоль французской границы, но дерзость еретиков была такова, что этого было недостаточно, о чем свидетельствовало количество ежедневно изымаемых книг, несмотря на самые строгие наказания. [1343] Итак, в своем отчете от 9 сентября папе римскому было указано, что для предотвращения ввоза еретических книг инквизиторы со своими должностными лицами были установлены вдоль побережья и в местах наибольшей торговли, что было ложью с целью получения папской санкции за разграбление Церкви, поскольку не было создано новых трибуналов, хотя существующие были призваны к особым мерам. бдительность. Как это было сделано, подробно описано в письме севильских инквизиторов от 25 октября в ответ на призыв к усердию. Они заявляют, что были приняты все возможные меры предосторожности; были даны инструкции о посещении всех судов по прибытии; никакие товары любого рода не могли быть выгружены или вскрыты без присутствия уполномоченного, который проследил, чтобы в посылках не было книг, а если и были, то они были отправлены в трибунал. Все посылки для Севильи были запечатаны и вскрывались только в присутствии инспектора, чтобы проверить, нет ли в них книг. Все поступающие книги доставлялись в трибунал и проверялись, когда те, которые были признаны запрещенными или подозрительными, задерживались; им не было известно, что кто-либо получал и распространял книги без этой предварительной проверки. [1344]

Это показывает, что система уже была создана, и до конца она сохранялась с небольшими изменениями. Все упаковки с книгами были тщательно проверены, запрещенные или подлежащие изъятию, а также новые и неизвестные, которые считались подозрительными, были изъяты и отправлены в трибунал для ожидания его решения, которое обычно предполагало консультации с Верховной Властью и неопределенную отсрочку. Более того, каждая упаковка товара — коробка, тюк или бочка — вскрывалась в присутствии комиссара в поисках спрятанных книг. Таким образом, вся импортная торговля Испании проходила через руки инквизиции, чиновникам которой, занятым в этом бизнесе, ничего не платили, за исключением пошлин, которые они могли взимать с торговцев, что приводило к бесконечным ссорам, невыносимым задержкам и серьезным препятствиям для коммерческой деятельности нации.

НАДЗОР За КНИЖНОЙ ТОРГОВЛЕЙ

Особенно пострадала торговля книгами. Очевидно, считалось, что ее следует максимально ограничить, и она зависела от любого каприза властей. В шестнадцатом веке иногда в специальные порты отправлялись приказы пересылать все посылки с книгами нераспечатанными, и в конце концов это было принято как всеобщее правило, таким образом, вся иностранная книжная торговля проходила через руки Верховного суда. Акордадская хартия от 17 июня 1666 года жалуется на несоблюдение этих инструкций, которым должны подчиняться комиссары во всех портах; перевозчики должны быть обязаны под страхом наказания вернуть в установленный срок квитанцию секретаря Верховного суда, а отдельное рекомендательное письмо должно информировать Верховного судью, кто он такой и в какой таверне в Мадриде он привык останавливаться. [1345] Невозможно было с прибылью вести торговлю, которая подвергалась такому досадному и дорогостоящему вмешательству, в то время как Верховный Суд постоянно ругал суды за их халатность.

О том, как их невежественная щепетильность повлияла на торговлю, можно догадаться по инциденту, произошедшему в Барселоне в 1666 году. Книготорговец из этого города импортировал несколько экземпляров книги, только что напечатанной в Лионе, — "*Медико-химическая фармакопея*" Йоханнеса Шодериуса, доктора медицины, рядового врача Франкфуртской республики. В Указателе 1640 года инквизиторы обнаружили среди авторов первого класса имя Жанны. Шредерус, квалифицированный как "Философ и богослов Немецкий". Лютер. Август. Сознайся", все работы которого были осуждены. Они изъяли фармакопеи и доложили Верховному суду, который распорядился переслать копию. Дело было должным образом передано в *calificadores*, и пять месяцев спустя трибунал был уведомлен о том, что книги могут быть доставлены владельцу. [1346]

Внутренний оборот книг контролировался самым тщательным надзором. В 1645 году трибуналу Валенсии было поручено не выдавать лицензий на ввоз книг в Кастилию без официального распоряжения Верховного суда. [1347] Несмотря на то, что их отъезд был таким образом тщательно изучен, по прибытии потребовалась повторная проверка, как явствует из петиции 1665 года Хуана Антонио Бонета, книготорговца из Мадрида, утверждающего, что в 1663 году он переслал Мигелю Пайссо, книготорговцу из Барселоны, определенные книги, среди которых суд Барселоны обнаружил и изъял копию произведений Кеведо в двух томах, о выходе которых он молится, поскольку они были напечатаны в Мадриде, где пользовались бесплатным распространением. [1348]

То же самое было и с экспортом. В 1573 году книги некоторых престарелых, отправляющихся на Канарские острова, требовали специального распоряжения Верховного суда комиссарам в Севилье, Гранаде, Кордове и Бадахосе передать их, если среди них не было запрещенных. [1349] Инструкции 1707 года предусматривают, что при вывозе книг редакторам должны быть представлены их списки, чтобы они могли сохранить любые запрещенные или неизвестные им книги и, следовательно, потребовать проверки. [1350] Транзакция 1788 года показывает, что для каждой отправки книг в колонии требовалось специальное разрешение, а королевский приказ от 8 августа 1807 года предписывал, что экспертиза должна проводиться совместно комиссарами инквизиции, королевским ревизором и делегатом суда *импрентас*. [1351] Даже книги в пути находились под пристальным наблюдением инквизиции, как мы узнали, когда в 1560 году некоторые из них, принадлежавшие кардиналу Поулу, были отправлены через

Испанию в Венецию и подверглись тщательному расследованию. [1352] К книгам на самом деле относились с почти безумным страхом, как к самому опасному из всех предметов торговли, и чем тщательнее можно было помешать Испании узнать, что люди думают и делают в чужих странах, тем безопаснее это было для общества.

Правила, принятые при импорте, были хорошо адаптированы для защиты испанского интеллекта от подобных опасностей. Требование отправлять все посылки в Suprema нераспечатанными, похоже, было отменено, но другие препятствия были достаточно обременительными. Все книги, с которыми комиссар инквизиции не был знаком, должны были быть представлены calificadores или отправлены в Suprema для принятия решения. Поскольку иностранные книги, особенно новые, подпадали под эту категорию, вытекающие из этого задержки и риск запрета подвергали книготорговца-импортера трудностям, делающим торговлю практически невозможной. Так, в 1772 году Пьер Крозье, книготорговец из Валенсии, импортировал экземпляр "*Эссе о морали*" Пьера Николя. Дело должно было быть передано в Верховный суд, который письмом от 29 августа распорядился изучить его и доложить о результатах. По прошествии четырех лет мы обнаруживаем, что Крозье все еще умоляет трибунал решить, будет ли это разрешено, а также копии "*Рассуждений Флери*" и "*Библейской истории*" Ройомона. Если это запрещено, он просит разрешения продать их кому-либо, у кого есть лицензия, или вернуть их во Францию. [1353] Сколько еще ему пришлось ждать, мы можем только догадываться. Эти препятствия для импорта усугублялись постановлением Королевского совета от 1784 года, требующим получения лицензии, прежде чем новая иностранная книга могла быть выставлена на продажу, и из того небольшого количества, которое дилер мог рискнуть приобрести на рынке, он должен был, подавая заявку на получение лицензии, предоставить два экземпляра и заплатить проверяющему цензору реал за лист за прочтение с перспективой, что, если лицензия будет получена, инквизиция впоследствии может запретить ее. [1354]

НАДЗОР За ИМПОРТОМ

Изъятые книги были задержаны трибуналами, и их судьба раскрыта в письме из Валенсии от 28 июля 1798 года в ответ на приказ Верховного суда вернуть дону Хосефу Хоакину де Сория экземпляр "*Провинциальных писем*" на четырех языках и отправить в Мадрид под печатью книги, привезенные из Голландии (около десяти лет назад) доном Педро Антонио Касасом. Суд подробно объяснил свою неспособность выполнить требования. Практика указания имени владельца в изъятых книгах появилась недавно. Скопление запрещенных книг велико, а в помещении, в котором хранится большинство из них, так жарко и так кишат книжные черви, что за две недели книга протыкается насквозь. Если бы те, что принадлежали Касасу, были помещены туда или оставлены в своих коробках, то не осталось бы ни одного листа. Кроме того, раньше был нанят книготорговец, который приходил ежемесячно и вытирал с них пыль, и он уносил все, что хотел, как явствовало из его судебного преследования по этому обвинению в 1789 году. Это объясняет, почему можно найти только часть книг Касаса; что касается книги Сории "*Провинциальные письма*", то были найдены два экземпляра этого издания, но у каждого другое имя владельца. [1355] Поистине, инквизиция была кладбищем книг.

Начало Французской революции вызвало новую активность и удвоило бдительность в отношении исключения опасной литературы. Политика и религия были неразрывно связаны, и

революционной пропаганды боялись так же сильно, как религиозной в шестнадцатом веке. В 1792 году Верховный суд приказал всем трибуналам проявлять особое усердие в предотвращении распространения книг, которые французы усердно распространяли с целью возбуждения восстания и угрозы религии и монархии. Вместе с этим был распространен королевский приказ, предписывающий проводить специальную проверку книг и бумаг из зарубежных стран. Везде, где была таможня, назначались два ревизора, один королевский, а другой инквизиторский, которые должны были вместе проверять все прибывающие книги и бумаги. Они должны были быть разделены на три части: разрешенные денежные знаки и неизвестные работы по истории и науке, которые могли быть доставлены владельцам; те, что включены в Указатель, должны были храниться ревизором инквизиции, а те, что неизвестны и подозреваемы, должны были храниться королевским ревизором до тех пор, пока не будет установлено желание короля. Таким образом, силы государства и инквизиции были объединены для защиты веры и короны; к сожалению, они не всегда действовали согласованно, поскольку в 1805 году эти инструкции были переизданы с настоятельными призывами к сердечному сотрудничеству. [1356] Было бы бесполезно подробно следить за многочисленными призывами к бдительности в последующие годы. Несмотря на меры предосторожности, иностранные идеи прошли через таможни и воплотились в Конституции 1812 года, а когда началась Реставрация реакции, надзор за импортом был возложен исключительно на инквизицию. В 1816 году возник вопрос о функциях *subdelegado de Imprentas* и *revisor Real*, когда Фернандо VII решил, что только трибуналы могут решать, какие книги должны проходить через таможни, и что их разрешение необходимо. [1357]

Если эти усилия по контролю за законным ввозом книг оказали неблагоприятное влияние на интеллектуальное развитие Испании, то ее коммерческие интересы также пострадали от мер предосторожности, принятых для предотвращения контрабанды внушающей ужас литературы. Они были известны как *Visitas de Navios*, что сделало порты Испании объектом неприязни для всех торговых судов, как местного, так и иностранного происхождения. Их систематизация связана с протестантским паникерством 1558 года, когда не было сочтено слишком радикальных средств, которые могли бы победить пропагандистскую энергию, приписываемую испанским беженцам и их союзникам-еретикам.

VISITAS DE NAVIOS

Когда судно бросало якорь, прежде чем оно могло разбить груз, его посещали представители различных юрисдикций — здравоохранения, войны и таможни. Впоследствии здравоохранение и война были объединены под названием *альмирантазго*, и был добавлен визит комиссара инквизиции с его нотариусом и альгуазилем. Поскольку эти должностные лица не получали жалованья, они утверждали, что им оплатили их время и расходы на перевозку и лодку за счет сборов, взимаемых с судна. Затем, после осмотра экипажа и пассажиров и проверки всех принадлежащих им книг, была выставлена охрана, чтобы предотвратить тайную посадку книг. Когда груз был выгружен, комиссар вскрывал и осматривал каждую посылку, и, если это была кипа книг, конечно, каждую нужно было сравнить с Индексом. За все это взимались дополнительные сборы, составляющие налог не только на книжную торговлю, но и на коммерцию в целом, вызывавший глубокое возмущение всех коммерческих кругов, и сопротивление не уменьшалось произвольными методами, обычными для всех чиновников

инквизиции. Жалобы на злоупотребления стали громкими и многочисленными из всех морских портов, в то время как, с другой стороны, частые сообщения о еретических махинациях приводили к постоянным призывам Верховного к повышенной бдительности.

Были предприняты некоторые слабые попытки пресечь злоупотребления. В 1602 году был введен запрет на то, чтобы приезжие официальные лица требовали подачи еды,ставляли охрану или настаивали на отдаче салюта; в 1606 году комиссарам было запрещено брать с собой нотариусов или знакомых, которые были торговцами и которые таким образом узнавали характер груза и имели возможность покупать или продавать; но этим реформам не уделялось никакого внимания. [1358] Затем, в 1607 году, королевская седула постановила, что комиссары не должны взимать плату за посещение судов, и это было повторено в 1610 году, но этим приказам не подчинялись под предлогом того, что они проходили через Совет Кастилии, а не через Супрему, поэтому, как сказал последний, комиссары были обязаны им подчиняться, но не исполнять их. [1359]

Королевское внимание, наконец, было привлечено к пагубному воздействию системы на испанскую торговлю, и в январе 1632 года коррегидорам морских портов была направлена седула, в которой король заявил, что ему сообщили, что постоянные неприятности, причиняемые тем, кто приезжает торговать в испанские порты, возникающие из-за злоупотреблений, практикуемых многочисленными должностными лицами, посещающими их корабли при их прибытии и отбытии, были не только причиной упадка торговли, но и ее полного разрушения, поскольку каждое судно посещалось таким количеством юрисдикций, что поборы и наложения были беспрецедентными. велик и в последнее время значительно возрос. Поэтому он был обязан выяснить, какие надлежащие методы можно было бы применить для поощрения торговли как со стороны местных жителей, так и со стороны иностранцев, не отменяя необходимых визитов и мер предосторожности. Далее следовал список вопросов для поиска информации о количестве посещений, должностных лицах, сборах, методах и т.д. С просьбой высказать свои предложения. Хотя номинально инквизиция была направлена против злоупотреблений во всех юрисдикциях, очевидно, что она была особенно нацелена на инквизицию, поскольку копии седулы были разосланы Верховным судом во все суды короны Кастилии. [1360]

Была сформирована хунта для разработки реформы на основе полученной таким образом информации. Он заседал до конца 1633 года, но, если и пришел к каким-либо выводам, они не оставили никакого следа в законодательстве или практике. Единственный представленный ему документ, с которым я ознакомился, - это жалоба дона Педро де Барреды, таможенного инспектора Гипускоа, на бесчинства, совершенные чиновниками инквизиции под предлогом осмотра судов, прибывающих в порты его округа. [1361] Вероятность такова, что, как это часто бывает в испанской администрации, хунта не сделала ничего, кроме представления королю длинных консультаций, представляющих противоречивые мнения отдельных членов, и что король к тому времени потерял интерес к этому вопросу и отбросил их в сторону, не читая.

VISITAS DE NAVIOS

Как и было неизбежно, агрессивность чиновников приводила к частым ссорам. В 1616 году на Сардинии произошел случай, когда инквизитор отлучил от церкви губернатора Сассера, когда вице-король в ответ издал указ об изгнании инквизитора. Это было оглашено трубами и цимбалами и так напугало людей из инквизиции, что советники не осмелились собраться, а

приближенные ушли в горы. Дело было передано на рассмотрение Совета Арагона и Супремы, которые заключили перемирие, аннулировав действия обеих сторон. [1362] То, что хунта 1633 года не принесла гармонии, видно из аналогичной вспышки, возникшей по той же причине в 1634 году между вице-королем Майорки и трибуналом, которая должна была быть доведена до сведения короля. [1363] В 1635 году королевский секретарь обратился к Супреме, заявив, что организуется эскадрилья для несения службы на побережье Гипускоа и что, чтобы избежать поборов и досады комиссара в Сан-Себастьяне, король пожелал, чтобы комиссаром был назначен главный капеллан эскадрильи, чтобы он мог выполнять обязанности по посещению кораблей и осмотру окрестностей. призы, когда они входили в порт. На это Верховный суд ответил решительным протестом; такие визиты были необходимы, и их нельзя было пропускать; причиной жалобы были не поборы уполномоченных, а их ревностное выполнение своих обязанностей. Поскольку эта консультация не получила одобрения, король, по-видимому, не настаивал на этом вопросе. [1364]

Пожалуй, самой ожесточенной была борьба, которая велась в Бильбао более ста лет. Будучи одним из самых оживленных портов Испании, он, естественно, сопротивлялся нагрузкам, налагаемым на его торговлю. Едва ли система была достаточно организована, когда в 1560 году в Верховный суд уже поступали жалобы на грабительские и незаконные сборы. Бартоломе де Роблес, книготорговец из Алькалы, заявил, что он ввез через Бильбао сорок тюков книг, которые были отправлены одной партией десятью погонщиками мулов; все они были должным образом осмотрены и опечатаны, комиссар взимал по одному реалу за каждую печать, а затем, вместо выдачи одного сертификата на партию, он оформил сорок сертификатов по четыре реала за штуку. Верховный суд направил это в трибунал Калахорры (Логроньо) вместе с таблицей сборов, предписав, чтобы все непомерные сборы были возвращены ему для распределения среди потерпевших сторон. [1365] Не только книготорговцы, но и торговцы в целом пострадали от вскрытия их посылок и сборов, взимаемых с каждой, а капитаны судов подверглись поборам, сопровождающим визиты. Торговое сообщество Бильбао было хорошо организовано, имея *Каса де Контраатакион* для регулирования торговли, с *полевым* должностным лицом, приором и консулами. Они добились того, что их жалобы были услышаны, и в 1561 году с трибуналом был достигнут компромисс, который не был соблюден; то же самое было с другим соглашением, заключенным в 1567 году, и еще одним в 1576 году, в соответствии с которыми все сборы были отменены. Чтобы добиться этого, Contratacion подала иск, результатом которого стало соглашение в 1577 году, подтвержденное Suprema, по которому уполномоченный получал пятьдесят дукатов в год вместо всех сборов, за исключением двух реалов за каждую упаковку книг, проверка которых была признана трудоемкой. [1366] Проблемы вскоре возобновились; несмотря на неоднократные призывы Супремы к умеренности, с каждой упаковки и бочонка товара взимались сборы. Королевский указ 1607 года об отмене пошлин был опубликован 18 февраля, но не получил внимания, и в 1609 году Бильбао направил королю решительный протест, на который трибунал Логроньо ответил, утверждая, что это ложь; труд был велик; он всегда оплачивался и должен оплачиваться за счет пошлин, которые всегда были предметом споров, особенно в Бильбао, где были приор и консулы, защищавшие торговцев. [1367] Затем последовала королевская седула 1610 года, снова отменившая сборы, которой уделялось не больше внимания, чем предыдущей.

В феврале 1612 года Супрема написал Логроньо, что к королю продолжают поступать многочисленные жалобы, особенно из Бильбао, и в нем высказывалось предположение, что вместо гонораров можно было бы добиться увеличения суммы в пятьдесят дукатов. Исходя из

этого, в июле было подписано и подтверждено Suprema официальное соглашение, увеличивающее ежегодный платеж до двух тысяч реалов, при этом два реала за пакеты книг сохраняются. Маловероятно, что это было замечено комиссаром, поскольку в 1616 году по просьбе купцов и судоводителей был возвращен порядок взимания пошлин и согласован определенный размер. Этот масштаб, однако, ненадолго удовлетворил комиссара, поскольку в 1631 году жалобы, поступившие в Suprema, побудили его провести расследование, в ходе которого его фискалы признали, что чрезмерные сборы и досады заставили капитанов судов покинуть эти порты, особенно Бильбао; взимаемые сборы составляли пятьдесят процентов. превышающий согласованный масштаб; суда, доставляющие рыбу, были вынуждены вдобавок отдавать такое количество рыбы из каждой бочки, что задержки были разрушительными. В то же время нынешний комиссар Педро де Вильяреаль получил высокую оценку. Он просто принял условия, установленные, по его мнению, его предшественниками; срок его службы продлился с 1625 по 1662 год, и впоследствии на него смотрели как на безмятежное мирное время. [\[1368\]](#)

VISITAS DE NAVIOS

Этому пришел конец в 1663 году с назначением нового комиссара, лиценциата Доминго де Легуина, чьи чрезмерные требования и произвольные методы вызвали сильнейшее недовольство. Одна вещь, которая была предметом особых жалоб, заключалась в том, что вместо осмотра товаров на складах получателей он настаивал на том, чтобы вскрывать пакеты на причале, обрезать шнуры и разбрасывать содержимое, которое, таким образом, подвергалось краже и превратностям погоды; он даже просверливал отверстия в бочках из-под смолы и исследовал внутренности палкой в поисках спрятанных книг. Крупномасштабная торговля вряд ли могла вестись в таких условиях, процветание порта находилось под серьезной угрозой, страсти с обеих сторон разгорались, и споры самого ожесточенного характера бушевали годами. Сеньорий Бискайский встал на сторону торговцев и убедил королевскую регентшу в абсурдности разрушения торговли и риска осложнений с иностранными государствами под предлогом предотвращения контрабанды запрещенных книг, учитывая риски, связанные с попыткой и отсутствием покупателей для них в случае успеха в сообществе, столь ревностно отстаивающем веру. [\[1369\]](#)

Обе стороны прибегли к крайним мерам. Контратасион в 1667 году приказал торговцам не платить пошлин; трибунал с одобрения Верховного суда приказал Легине взыскать их; он конфисковал товары и продал их с аукциона; он привлек к ответственности некоторых торговцев и пошел с ними на компромисс ради денег; послы Англии и Нидерландов выступили с протестами против игнорирования условий договора; королева-регентша отменила указ Контратасиона, запрещающий уплату пошлин, и против этого сеньорий Бискайский на торжественном собрании 7 ноября 1668 года выразил протест как нарушение фуэрос и принял указ, запрещающий их выплату; если будут предприняты попытки взыскать их, оно будет сопротивляться, и, если другие средства правовой защиты окажутся безуспешными, будет созван Генеральный совет хунты для определения дальнейших мер. Между тем, любой светский чиновник, помогавший Легине, был объявлен нетрудоспособным из-за отсутствия возможности выбора по жребию на государственную должность. Этот указ был опубликован в Бильбао под звуки барабана и флейты, при всеобщем народном ликовании, и Легина не смог найти чиновника, который помог бы ему в его работе, даже его нотариус был дисквалифицирован для должности, к которой он стремился. Затем Совет Кастилии вмешался 15 мая 1669 года, отдав

Легине приказ не взимать плату за посещение судов, действие, вероятно, вызванное решительным протестом графа Сандвичева, английского посла, в котором требования комиссара были представлены как нарушения международных договоров 1665 и 1667 годов. [1370]

Серьезный характер поднятых таким образом вопросов произвел впечатление на суд и привел к королевскому указу от 19 июля 1669 года, в котором сообщалось Верховной власти, что поборы и чрезмерные сборы, взимаемые Легуиной с торговли Бильбао, вызвали такую ненависть, что необходимо принять меры, чтобы избежать большего зла, уволив должностных лиц и заменив их другими, которые выполняли бы свои обязанности, не вызывая жалоб. На это требовался немедленный ответ, но Супрема подождал до 23 декабря, а затем ответил в долгой консультации, настаивая на том, что Легина был прав с самого начала; что все законы или постановления, нарушающие иммунитеты инквизиции, недействительны, и сама попытка подвергает их авторов наказанию. Поскольку Супрема был непоколебим, королевским письмом и постановлением Королевского совета от 22 января 1670 года было совершено нападение непосредственно на Легину, предписывающее ему не взимать никакой платы за посещение кораблей и совершать свои визиты, как это делали его предшественники. Когда это было предъявлено ему, он дал неподобающий ответ и остановил торговлю в порту до тех пор, пока не набралось восемнадцать кораблей, ожидающих выгрузки своих грузов. Чтобы преодолеть это, 14 февраля ему было адресовано торжественное распоряжение от имени короля и королевы-регентши, в котором перечислялись его проступки и предписывалось покинуть королевство или явиться ко двору под страхом штрафа в двадцать тысяч мараведи. Когда нотариус вручил ему это письмо 23 февраля, он благоговейно возложил его на голову и сказал, что уважает это как поступок своего короля, но на следующий день он вручил нотариусу свое *declinatoria* (отказ от юрисдикции), заявив, что он был просто слугой Супрема и трибунала Логроньо, в этом качестве он выполнил обязанности своей должности, и Супрема никогда не выдвигала против него обвинений, поэтому он умолял короля получить от Супрема информацию о вопросах, содержащихся в этих королевских документах. положения, которые были получены тайным путем, и признать справедливость его ответа и его действий. [1371] Авторитет Верховного, очевидно, был выше, чем у короля.

VISITAS DE NAVIOS

Сбитая с толку таким образом, королева-регентша снова обратилась к Верховной власти с указом от 1 апреля 1670 года, в котором она повторила соглашения 1561, 1567 и 1576 годов, предусматривающие, что никаких сборов взиматься не должно; визиты должны осуществляться в прежнем порядке, чтобы не давать повода для жалоб на нарушение договоров, и Легина должна быть удалена. На это Верховный ответил 24 апреля, настаивая на необходимости визитов; сопротивление Бильбао оказалось заразительным; другие порты отказывались платить пошлины, и это распространялось на всю монархию; труд должен был быть оплачен, а у инквизиции не было средств на жалованье. Далее в нем пояснялось, что ввиду враждебности, испытываемой к Легине, трибунал Логроньо заменил его 3 января Жоаном де Забалой, который оказался неспособным действовать, поскольку все были запуганы и отказывались помогать ему, поэтому Легина вернулся к своим обязанностям. Затем, 14 февраля, вмешался Государственный совет и разрешил восемнадцати ожидавшим кораблям выгрузить свои грузы без досмотра, что было вторжением в юрисдикцию инквизиции и, следовательно, недействительным. В конце февраля Легину сменил дон Иньиго Зубиаур, который был хорошо принят торговцами —

ошибочный прием, поскольку вскоре после этого стало известно, что Зубиаур, хотя и снизил пошлины, не смог получить никакой помощи; его жизни угрожала опасность, и он попросил освободить его 20 июня. [\[1372\]](#)

Было бы утомительно следить в дальнейших деталях за этими малопонятными ссорами, которые обе стороны вели с одинаковым упорством. Нового комиссара Педро де Ирасагарриа Бутрона сменил Мигель де Харабейтия, который добился таких же успехов, как и их предшественники. Наконец, 26 мая 1680 года король направил Верховной раде протест голландского посла в связи с задержанием судов и повреждением товаров с целью вымогательства незаконных сборов. За этим, 26 июня, последовало другое письмо от посла Франции, в котором утверждалось, что французские суда должны быть освобождены от ответственности и что досматривать следует только упаковки с книгами. Затем, 4 сентября, король передал письмо от английского посла, сопроводив его резким сообщением о том, что в данный момент особенно желательно избегать предоставления Англии справедливого повода для оскорбления и что необходимо незамедлительно принять меры. Только 22 октября Верховный ответил, настаивая на усилении визитов; в порт Бильбао поступило больше книг, чем во все остальные порты королевства вместе взятые, и с тех пор, как начались эти неприятности, визиты были настолько затруднены, что огромное количество книг с порочным учением заполнило все государственные и частные библиотеки. [\[1373\]](#) Супрема был готов скорее поссорить Испанию с половиной Европы, чем потратить несколько сотен дукатов на жалованье, и столь же безрассудным было его утверждение относительно торговли книгами в Бильбао. Когда в 1648 году он запросил отчеты о *визитас де навиос* из всех северных портов, комиссар Вильяреаль заявил, что в Бильбао уже восемь лет не поступало ни одной книги. Ни в одном из других портов не было никаких упоминаний о книгах, за исключением Сан-Себастьяна, где было добавлено, что они приходят редко. [\[1374\]](#) Когда мы вспоминаем сорок тюков, ввезенных одной партией через Бильбао для Роблеса Алькалы в 1561 году, мы можем оценить успех инквизиции за этот промежуток времени в обеспечении интеллектуальной изоляции Испании и надуманность предлога, на котором была основана эта длительная борьба.

Тем не менее борьба продолжалась, подстегиваемая новыми протестами английского и французского послов и встреченная Верховной властью громогласными утверждениями о массах еретической литературы, ввезенной в Испанию. Наконец, 12 июня 1681 года коррехидор Бильбао дон Хуан Гонсалес де Леон, член Королевского совета и судья канцелярии Вальядолида, совместно с генеральными депутатами сеньории издал прокламацию о наложении штрафа в размере пятидесяти дукатов на всех капитанов кораблей, торговцев и других лиц, которые должны платить пошлины, объединив таким образом королевские и провинциальные власти в сопротивлении инквизиции. 17 июля Верховный суд удовлетворил это требование, приказав Харабейтии взыскать пошлину, в ходе которой, при необходимости, он должен был применить отлучение от церкви и собрать доказательства для судебного преследования тех, кто препятствовал инквизиции. Это было объявлением войны, но оно сопровождалось секретными инструкциями о том, что он должен был не конфисковывать товары, а вести учет для будущего использования, и что он не должен был упускать возможности достичь компромисса с *Contratacion*, который мог бы принять форму, как предлагалось ранее, единовременной выплаты за каждое судно в соответствии с его тоннажем. [\[1375\]](#) Здесь документы, находящиеся в моем распоряжении, подходят к концу, но не может быть никаких сомнений в том, что на какой-то такой основе был достигнут компромисс, поскольку *Contratacion* продемонстрировала готовность заплатить солидную сумму брутто,

очевидно, в уверенности, что, когда отменят стимулирующие сборы за каждый пакет, экзамены станут номинальными, а комиссары превратят свой офис в синекуру.

VISITAS DE NAVIOS

Барселоне повезло больше, чем Бильбао. Противодействие вице-короля и вмешательство Banco Regio взяли верх над усилиями трибунала. В 1819 году сообщалось, что не было никаких следов посещения судов комиссарами, за исключением случаев, когда на борту были евреи, и что письмо от 1677 года показало, что визиты не проводились, потому что капитаны кораблей не платили пошлины. [1376] В других местах злоупотребления были повсеместны. В Кадисе среди моряков Santo Oficio был широко известен как Santo Ladronicio, хотя там и в Малаге была создана разумная система взяточничества, которая устранила большинство препятствий для торговли, а также препятствия для ввоза запрещенных книг. [1377] Я сталкивался с жалобами на Валенсию, Аликанте и другие порты, и, принимая во внимание распространенность официальной продажности, можно предположить, что по крайней мере многие комиссары использовали свои практически безответственные полномочия для получения прибыли, либо упуская надзор, либо делая его неоправданно обременительным.

В 1705 году трибуналам был разослан подробный свод всех предыдущих инструкций с приказом внушить их уполномоченным необходимость постоянной бдительности для предотвращения распространения запрещенных книг; проверялись не только тюки, бочки, бочки, свертки и особенно колоды игральных карт, но и сундуки и кровати матросов, при этом следовало проявлять максимум такта и ловкости, чтобы не вызывать отвращения, испытываемого к этим посещениям. В случае возникновения каких-либо разногласий уполномоченные не должны были действовать в судебном порядке, но дело должно было быть передано непосредственно Верховному суду. [1378] В 1742 и 1764 годах были изданы королевские приказы, предписывающие правила и сборы, которые представляют интерес только как свидетельство контроля, приобретенного короной над инквизицией.

В 1801 году Верховный суд обратился к трибуналам за информацией о деталях и гонорарах, ответ на который из Валенсии указывает на чисто финансовый взгляд официальных лиц на этот вопрос. Со времени королевских указов 1742 и 1764 годов, говорилось в нем, и в течение многих предыдущих лет визиты не совершались, потому что плата за большие суда составляла восемь реалов и четыре за маленькие, в то время как необходимо было нанять экипаж от города до Грао и лодку до корабля, так что затраты были больше, чем выгода. В Дении подобные визиты проводились с незапамятных времен, но в течение многих лет от них отказались. [1379]

Фактически, это по большей части стало просто самозванством, взимаемым в интересах инквизиции с кораблей из-за рубежа. За подавлением инквизиции кордебалетом Кадиса в 1813 году последовал указ, в котором говорилось, что почти во всех морских портах Испании для инквизиции взимался сбор, известный как *derecho de Inquisicion* со всех иностранных судов или судов из других частей света, и что в некоторых местах со всех упаковок книг и товаров дополнительно взимался сбор за регистрацию - и все это кордебалет теперь отменил. [1380]

С возрождением инквизиции в период Реставрации, *визиты навиоса* естественным образом возобновлялись всякий раз, когда позволяла оппозиция капитанов кораблей и иностранных консулов. Желая реорганизовать систему, Suprema 17 июня 1816 г. запросила информацию, ответы на которую показывают, что в портах северного побережья, по большей части, она

поддерживалась, насколько это было практически возможно, в то время как на средиземноморском побережье, за исключением Майорки и Велес-Малаги, она находилась в полностью деморализованном состоянии. Никаких визитов на корабли совершенно не было. Там, где они могли, уполномоченные собирали пошлины с судов, прибывающих из иностранных портов, но консулы высказывали возражения, и, когда впоследствии Верховный суд приказал комиссару Кадиса обеспечить выплату, он не смог убедить консулов согласиться, поскольку они просто направили его к своим послам. Дело тянулось до тех пор, пока в январе 1819 года морской министр не направил генеральному инквизитору жалобу Гидрографического управления на то, что оно было обязано выплатить комиссару восемь реалов за рассмотрение двух ящиков, содержащих необходимые для него предметы. Это открыло путь, и Верховный дал королю продолжительную консультацию, настаивая на реорганизации системы и представляя на его рассмотрение тщательно продуманный ряд постановлений, поскольку этот вопрос имел огромное значение для религии и государства. Схема реанимировала все старые детали в самой строгой форме; действительно, что касается книг, то она предусматривала, что посылки должны быть запечатаны сургучом, пошлины должны быть уплачены, а посылки отправлены Верховной Властью каким-либо конфиденциальным лицом. [1381] Невозможно было разработать более эффективный план для сохранения Испании от распространения иностранных идей, и даже без этого другие положения давали инквизиции возможность ставить в затруднительное положение в значительной степени всю внешнюю торговлю страны. Эта схема представляет интерес как раскрывающая цели инквизиции, находящейся на грани своего исчезновения. Как к этому отнесся суд, мы не имеем возможности узнать, поскольку, прежде чем по нему можно было принять меры, Революция 1820 года положила конец активному существованию Святой Канцелярии.

ЛИЦЕНЗИИ

Ограничения, которые цензура налагала на образование и культуру, были немного смягчены выдачей лицензий на владение запрещенными книгами или их чтение. В борьбе с ересью для ее опровержения требовалось, чтобы некоторым людям было разрешено читать труды, в которых ей учили, и стало обычным предоставлять эту привилегию тем, чьей твердости в вере можно было доверять. Булла *вCœNa Domini* Павла III 1536 года отлучает от церкви всех, кто читает лютеранские книги без разрешения папы, показывая, что лицензии уже были выданы и что власть принадлежала папе. Эта власть была ценной, и чиновники курии, которым она была доверена, были подвержены искушениям, которым в тот век продажности вряд ли можно было устоять. Инквизиторы, более того, предположили, что это входило в делегированные им апостольские полномочия, и обязались выдавать лицензии, что привело к увеличению числа привилегированных лиц, что в некоторой степени аннулировало запретительные эдикты. Чтобы исправить это, в 1547 году Верховный суд отозвал все такие лицензии и запретил их будущую выдачу трибуналами, положение, которое пришлось повторить в 1549 и 1551 годах. [1382] Это по-прежнему оставляло папские лицензии в руках тех, кто ими обладал, но они были аналогичным образом аннулированы в 1550 году Юлием III в кратком сообщении, из которого мы узнаем, что папские легаты также выдавали их. [1383]

Они снова быстро размножились, и Супрема воспользовался волнениями среди лютеран 1558 года, чтобы добиться их ухода. В своем отчете Павлу IV от 9 сентября того же года оно сообщило, что многие прелаты и монахи хранили запрещенные книги, несмотря на эдикты и порицания, отказываясь выдавать их под предлогом того, что у них были папские лицензии; ввиду

опасности, возникающей отсюда для веры, папу попросили на короткое время отозвать все такие лицензии, приказав выдать их под страхом суровых наказаний и санкционировав строгое преследование нарушителей. [1384] Павел сделал больше, чем просто ответил на эту петицию. Приказом от 21 декабря он отозвал все папские лицензии, а затем, другим от 4 января 1559 года, поручил исполнение этого приказа генеральному инквизитору Вальдесу, который напечатал это в своем Указателе того года. [1385]

Эти протоколы не давали испанской инквизиции права выдавать лицензии. Святой Престол так ревностно относился к этому, что в 1574 году Григорий XIII выдал специальную лицензию инквизитору генералу Кироге с правом распространять ее на членов Верховного суда, чтобы они могли рассматривать дела о ереси. [1386] Это предостережение странно контрастирует с благосклонностью, оказанной Обществу Иисуса. Пий V, еще будучи генеральным инквизитом, предоставил иезуитам право выдавать лицензии; это было подтверждено *vivæ vocis oraculo* Григорием XIII, и, чтобы утвердить это более твердо, его попросили отразить это в кратком отчете, что он и сделал 9 января 1575 года, более того, освободив их от любых порицаний или других наказаний, кем бы они ни были применены, в той мере, в какой это необходимо для обеспечения эффективности концессии. При этом иезуиты заявляли о своей независимости от эдиктов испанской инквизиции, но она утверждала свою юрисдикцию. В 1584 году мы находим, что падре Мариана подал заявление и получил лицензию через суд Толедо на чтение определенных книг — лицензию, которая была отозвана в том же году. Еще более агрессивными были его действия, когда в 1587 году стало известно, что некоторые книги были получены провинциалом-иезуитом, и Супрема отправил их списки в суды Сарагосы, Севильи и Вальядолида с приказом изучить их и задержать так, как они сочтут нужным. Это утверждение о контроле было повторено в 1602 году, когда трибуналу Мурсии было поручено изучить определенные книги, принадлежащие иезуитам, и вернуть их, если они не вызовут возражений. [1387]

ЛИЦЕНЗИИ

Самое раннее официальное предоставление полномочий испанской инквизиции на выдачу лицензий, по-видимому, было сделано Павлом V в начале семнадцатого века, [1388] но оно было осуществлено задолго до этого. Индекс Кироги, изданный в 1583 году, в своих предварительных правилах 3, 4, 5 и 8 предполагает, что инквизиторы могут выдавать письменные разрешения, но это право находилось в ведении генерального инквизитора и Супремы, поскольку в приказах, сопровождавших распространение Индекса, консультации с ними были предписаны в качестве необходимого предварительного условия. [1389] Из некоторых примеров того периода может показаться, что выдавались только специальные, а не общие лицензии, и что в отношении них применялась большая осмотрительность. Даже у Филиппа IV не было генеральной лицензии, пока примерно в 1640 году он не написал генеральному инквизитору Сотомайору, что развлекался на досуге Историей Гвиччардини, пока ему не сказали, что она запрещена. Поэтому он попросил лицензию на чтение этой книги и других запрещенных книг, не затрагивающих вопросы веры, поскольку он не принял бы лицензию на их чтение. [1390] Любопытная частичная лицензия была выдана в 1614 году падре Гулло Сабеллу (Уильяму Сэвиллу?) читать католические книги на английском языке — очевидно, этого языка было достаточно, чтобы сделать их запрещенными. [1391]

Тенденция испанской инквизиции отстаивать свою независимость от Рима в вопросах цензуры особенно проявилась в отношении лицензий. Когда в 1622 году Григорий XV, а в 1631 году Урбан VIII отозвали все лицензии, Супрема заявил, что в намерения папы не входило вмешиваться в лицензии, выданные генеральным инквизитором, и что они остаются в силе. [1392] Следующим шагом было аннулирование всех папских лицензий, и, соответственно, 18 января 1627 года Верховный суд представил Филиппу IV консультацию, в которой утверждал, что многие люди в Испании получили их, и умолял его приказать своему послу призвать папу не предоставлять их, добавив, что тем временем было сочтено необходимым издать указ, аннулирующий их. Филипп не был готов санкционировать столь вопиющее посягательство на папскую власть и ответил, что попросит папу передать их через генерального инквизитора, но что до получения ответа нельзя предпринимать никаких нововведений. Урбан воспользовался просьбой утвердить свою верховную власть способом, на который Супрема не рассчитывал, поскольку он аннулировал все лицензии, как папские, так и выданные генеральным инквизитором, единственным исключением была лицензия, которой обладал сам генеральный инквизитор. Поскольку всем епископам Испании было приказано опубликовать это краткое изложение, инквизиция не могла подавить его, каким бы унижительным оно ни было. Кардинал Сапата соответственно опубликовал его 21 февраля 1628 года, требуя отказа от всех лицензий в течение двадцати дней под страхом суровых штрафов, и когда он издал свой Указатель 1632 года, он включил в него краткое изложение и свой указ. [1393]

Урбан добился своей победы, поручив кардиналу Меллини написать 6 декабря 1628 года Сапате, определяющему его полномочия по выдаче лицензий образованным людям, которые обеспечивают безопасность, о том, что они желают бороться с ересью, но лицензии должны были быть ограничены по времени и требовать от получателей показывать инквизиции то, что они написали. [1394] Однако это был сбой, поскольку, похоже, предписанным ограничениям не уделялось никакого внимания. Инквизиция продолжала свой независимый курс и, наконец, в определенной степени добилась своего, проинструктировав трибуналы о том, что, если им будут представлены папские лицензии, они не должны приниматься, а должны быть направлены генеральному инквизитору для его действий. [1395]

ШТРАФЫ

Ближе к концу восемнадцатого века, по словам Льоренте, получить лицензии было трудно. Когда подавалось заявление, генеральный инквизитор проводил тайное расследование относительно личности заявителя, и, если результат был благоприятным, от него требовали указать свою цель и характер произведений, с которыми он хотел ознакомиться; если лицензия выдавалась, она ограничивалась определенным количеством книг по определенной отрасли литературы; разрешение на их хранение выдавалось редко, и все лицензии исключали произведения, направленные против католицизма, такие как труды современных философов. [1396] Несомненно, эта строгость может быть верна в определенные времена, но практика варьировалась в зависимости от характера генерального инквизитора или Супрема. Иногда проявлялась большая небрежность, если мы можем верить причинам, изложенным Прадо-и-Куэстой в 1747 году, в связи с отзывом всех лицензий, поскольку, по его словам, в ходе расследования он обнаружил, что их запрашивали не образованные люди, а легкомысленные представители обоих полов для удовлетворения праздного любопытства; многие люди просто обращались с устной просьбой прочитать одну-единственную книгу и распространяли разрешение на все, что они хотели, в то время как другие, видя, что лицензии получили

невежественные люди, думали, что привилегия была общей, и пользовались ею, не спрашивая. [1397] Более того, лицензии ни в коем случае не были настолько ограниченными по своему характеру, как утверждает Льоренте. Некоторые из них, выпущенные генеральными инквизиторами Бонифасом и Бельтраном, охватывают все запрещенные книги, за исключением Макиавелли, "Тридентского собора" Сарпи, работ, направленных против католической религии и непристойностей, [1398] и мы видели, что религиозные дома в целом и даже иногда отдельные лица имели лицензии, позволяющие им приобретать в поместьях значительные партии запрещенных книг, владение которыми, по умершие ученые, показывает, что они тоже, должно быть, пользовались подобными привилегиями.

Из очень многочисленных заявлений о выдаче лицензий, поданных примерно в это время, следует, что обычно они направлялись в Верховный суд, который передавал их в соответствующий трибунал для получения отчета о возрасте, образовании и суждениях заявителя. При Реставрации это расследование было распространено на его моральное и политическое поведение, показав, что дискриминация осуществлялась в пользу тех, чьи консервативные тенденции одобрялись. [1399]

Мы видели суровые наказания в виде смертной казни и конфискации, предусмотренные законом 1558 года за несанкционированное печатание. Инквизиция не имела к этому никакого отношения, поскольку ее цензура касалась только книг после публикации, а обращение с теми, кто нарушал ее правила, было гораздо более умеренным. Обладая над ними юрисдикцией, он не допускал вмешательства даже со стороны Рима, поскольку примерно в 1565 году отменил папскую юбилейную индульгенцию, поскольку она содержала право отпущения грехов за хранение запрещенных книг. [1400] В Указателе 1559 года наказаниями, грозившими за чтение, хранение, покупку или продажу запрещенных книг, были отлучение от церкви с *опозданием на сентенцию ipso facto*, двести дукатов и угроза судебного преследования по подозрению в ереси и неповиновении. [1401] В специальных указах, запрещающих отдельные книги, по-видимому, нет установленной формулы. Иногда грозит наказание в виде отлучения от церкви и двухсот дукатов, иногда отлучение и наказание по усмотрению, иногда отлучение, штраф и наказание по усмотрению. [1402]

Эта осмотрительность проявлялась в большом разнообразии наказаний, умеренных и суровых, как в отношении читателей, так и книготорговцев, хотя последние, как правило, подвергаются более суровому наказанию. Реабилитация, предоставленная 28 сентября 1647 года Луису Санарену, книготорговцу из Сарагосы, предполагает, что он был примирен и лишен своих гражданских прав. [1403] Мигель Родригес, книготорговец из Мадрида, за ввоз и продажу запрещенных книг был приговорен 1 августа 1763 года к выговору, отпущению грехов *ad cautelam*, определенным духовным покаяниям, всем судебным издержкам и изгнанию из Мадрида на шесть лет, из которых первые три должны были быть проведены в африканском пресидио. Это, конечно, означало его полное разорение. [1404] В Логроньо в 1645 году брат Томас де Ньева за преподавание на своей профессорской кафедре по запрещенной книге был приговорен к серьезному выговору перед своими коллегами, к отказу от определенных положений, к четырехлетнему затворничеству и к вечному лишению права преподавания, а также права голосовать и быть избранным. [1405] С другой стороны, в 1803 году дон Якобо Мария де Парга-и-Пуга за закоренелую привычку читать запрещенные книги, зная, что они

запрещены, в знак неуважения к многолетнему авторитету инквизиции, был приговорен Мадридским трибуналом к пятнадцатидневным духовным упражнениям и частному выговору в апартаментах инквизиции. инквизитор. [1406] Итак, в 1816 году Верховный суд, действуя от имени *сумари* не привлекая преступников к суду, вынес в трибунал Сантьяго приговор Хуану Ромеро за чтение запрещенных книг и Хосефу Мануэлю Гарсии за их продажу и рекомендацию; они должны были предстать перед ближайшим комиссаром, который должен был сделать им выговор и предупредить, что за повторение за это преступление к ним не отнеслись бы с такой же снисходительностью. [1407]

СВЯЩЕННЫЕ ПИСАНИЯ

Случаи нарушения прав до сравнительно недавнего периода были нечастыми. После того как волнение, вызванное Реформацией, было подавлено, интеллектуальная деятельность в Испании, по-видимому, была доведена до такого оцепенения, что запретный плод мало кто искал. В записях Толедо с 1575 по 1610 год нет ни одного случая, равно как и в тех же записях с 1648 по 1794 год. [1408] В эпоху беспорядков мысли, предшествовавших революционной эпохе и во время нее, судебные преследования становятся более частыми, хотя все еще не такими многочисленными, как можно было бы ожидать, исходя из важности, которую инквизиция придает своим услугам. С 1780 по 1820 год во всей Испании, общая сумма составляет всего триста пять. В течение этого периода, с 1808 по 1815 год включительно, инквизиция практически бездействовала, ведя всего пять дел, что оставило бы на оставшиеся годы в среднем чуть меньше девяти. Скопление ста одного дела за шесть лет, с 1801 по 1806 год, отражает срочность, с которой правительство Карлоса IV пыталось ограничить деятельность прессы, а то, что в 1819 году их было двадцать, свидетельствует о волнениях, приведших к январской революции 1820 года. [1409] Объем всей летописи является показателем успеха, сопутствовавшего совместным действиям государства и инквизиции по ошеломлению испанского интеллекта почти на три столетия.

Хотя цензура была введена для подавления ереси и для того, чтобы скрывать еретические книги и высказывания от людей, она приобрела свою полезность во многих направлениях, более или менее связанных с ее основной целью. Было неизбежно, что она будет вести непрекращающуюся войну с бесчисленными изданиями Библии с протестантскими примечаниями и комментариями, и мы видели, как усердно Вальдес готовился к своему разъяснительному Указателю Священных Писаний в 1554 году. Однако наибольшую тревогу вызывали версии Библии на народном языке. До Реформации практически не существовало ограничений на распространение Библии на вульгарном языке. Это правда, что в начале XIII века борьба с вальденсами и катарами, у которых были собственные версии, привела к запретам Иннокентия III в 1199 году и Хайме I Арагонского в 1234 году, в то время как Собор Тулузы в 1229 году запретил мирянам владеть любой частью Библии, даже на латыни, а также Требником и Часами Пресвятой Богородицы на народном языке, потому что они содержали выдержки. Указ папы Иннокентия был воплощен в *Corpus Juris* и, таким образом, остался знаком каноническим юристам; он был приведен в *Repertorium Inquisitorum* 1494 года, но только в виде *некролога*, показывая, что в то время он не имел практического значения. [1410] Однако с тринадцатого по шестнадцатый век запрещения народных Библий не существовало. Временные причины, приведшие к их запрещению, миновали, и было сделано много

переводов, особенно в Германии. Одно на каталонском языке, написанное Бонифацио Феррером, братом Сан-Висенте Феррера, было напечатано в Валенсии в 1478 году под редакцией инквизитора Хайме Бореля. [1411]

СВЯЩЕННЫЕ ПИСАНИЯ

Было естественно, что использование Библии реформаторами привело к возрождению этих устаревших запретов. Еще до составления Указателей мы находим, что генеральный инквизитор Тавера выдал герцогине Сома, жене адмирала Неаполя, разрешение хранить и читать Библию на итальянском языке, но разрешение ограничено одним годом, что показывает, насколько тщательно она охранялась. [1412] Поэтому само собой разумеется, что Указатель 1551 года должен содержать запрет на использование Библии на испанском или любом другом вульгарном языке. [1413] Это рвение усилилось из-за версий, которые испанские беженцы — Франсиско де Энзинас, Хуан Перес, Сиприано де Валера и Кассиодоро де Рейна — усовершенствовали и стремились внедрить в Испании, но запрет не ограничивался ими. Она распространялась на все фрагменты и выдержки, каким бы ортодоксальным ни был перевод, как бы для того, чтобы держать необразованных в неведении о существовании Библии или, по крайней мере, дать им понять, что это полностью запрещенная книга. Индекс 1559 года осуждает двадцать два издания Часов Богородицы в романском стиле вместе со всеми другими, содержащими подобные суеверия, но настоящим возражением были содержащиеся в них отрывки из Священного Писания, и в 1573 году все Часы в романском стиле были запрещены, как это сделал Совет Тулузы в 1229 году. [1414] Крайняя осторожность, с которой общественность оберегалась от Библии, видна в Указателе Кироги 1583 года, который, запрещая все части Священного Писания в романе, исключает только фрагменты, воплощенные в каноне мессы, и тексты, которые католические авторы могут цитировать и объяснять, при условии, что они не напечатаны отдельно, а есть в проповедях и других произведениях католической церкви. назидание. [1415] Эта ревность была настолько неразумной, что, по словам Аспилькуэты, были серьезные люди, которые желали подавить народные версии Символа веры, "Патерностер", "Аве Мария" и "Бальзам Рeginy", рвение, которое нашло практическое выражение в 1674 году, когда инквизиция запретила работу под названием "Упражнения в богослужении", потому что это содержал переводы "Мизерере", "Магнификата", "Те Деум" и символа Афанасия. [1416] Людей держали в таком глубоком невежестве, что Индекс Сотомайора 1640 года запрещает не только Библию на народном языке и все ее части, но даже ее краткие изложения и компендиумы, и, как бы для того, чтобы вызвать к ней ненависть, в Эдиктах веры она была отнесена к Корану и другим магометанским книгам, а именно: обладание которым должно было быть передано инквизиции. [1417] Ему пришлось следить не только за своей испанской паствой, но и за своими новообращенными в Индии, когда оно обнаружило, что Английское общество распространения Евангелия создало версии на индейских языках и распространяло их в Америке. Эта неожиданная миссионерская работа потребовала новых усилий, и в 1710 году мы находим, что Климент XI поздравляет генерального инквизитора Ибаньеса с его усилиями и призывает его к постоянной бдительности. [1418]

Такое обращение с Библией, по-видимому, возбудило любопытство интеллигенции, поскольку в 1747 году генеральный инквизитор Прадо-и-Куэста жаловался на чрезмерное желание многих людей читать ее на родном языке, но в массе людей она произвела желаемое впечатление. В 1791 году Вильянуэва говорит нам, что те, кто когда-то искал его, теперь относятся к нему с ужасом и отвращением; многим он безразличен, а еще больше не знают о самом его

существовании. [1419] Однако, в течение десятилетия после высказывания Прадо политика Церкви изменилась. Хотя в 1713 году Климент XI в булле *Unigenitus* осудил использование Библии мирянами как янсенистскую ошибку, всего сорок четыре года спустя Конгрегация Индекса в 1757 году допустила использование народных версий, если они будут одобрены Святым Престолом и сопровождаться ортодоксальными комментариями. [1420] За этим в 1771 году последовала версия "Деяний апостолов" Катеначчи, посвященная Клименту XIV, а в 1778 году - краткое изложение *B tanta librorum*, в котором Пий VI одобрил перевод всей Библии архиепископом Мартини. [1421] Испанская инквизиция незамедлительно последовала папскому примеру. В 1782 году генеральный инквизитор Бельтран издал указ, в котором говорилось, что имелись достаточные основания для превышения тридентского правила, но эти причины прекратились, и, ввиду полезности священного текста, испанское правление было изменено, чтобы соответствовать правлению Трента, указу Конгрегации 1757 года и своду 1778 года. [1422] В 1783 году Верховный суд постановил, что французская версия *Le Maître de Saci* должна быть разрешена свободно [1423] а в 1790 году в Валенсии появился полный испанский перевод Сео де Сан Мигеля, который быстро и неоднократно переиздавался. Не последовало такого зла, которого опасались в течение двух столетий, что показывает, насколько мудрее было бы дополнить еретические Писания ортодоксальной версией, подкрепленной соответствующими комментариями.

РАСШИРЕНИЕ ЮРИСДИКЦИИ

Та же ревность к признанию вульгарности в слишком большом знакомстве с духовными вещами проявлялась и в отношении дел благочестия и назидания. В 1570 году верховный консул при генеральном инквизиторе рекомендовал не печатать катехизис на романском языке. [1424] В Предисловии к Указателю 1583 года запрещение произведений людей с высочайшей христианской репутацией, таких как Фишер из Рочестера, Томас Мор, Херонимо Осорио, Франсиско де Борха, Луис де Гранада, Хуан де Авила и других объясняется, частично тем, что им были ложно приписаны книги, частично случайным неосторожными пассажи, отчасти из-за того, что они не приспособлены для обращения в вульгарном языке. Показателен случай *с Изображением Криштиану* Святого Франсиско де Борха. В Указателе 1559 года это просто запрещено. После своей смерти в 1572 году в качестве генерала Общества Иисуса Кирога в Указателе за 1583 год добавил: "только на романском или другом вульгарном языке". Он был причислен к Лику блаженных в 1624 году, но процедура канонизации была отложена из-за того, что его книга находилась в Испанском индексе, и в 1662 году генеральный прокурор-иезуит обратился в инквизицию с просьбой рубрифицировать листы экземпляра и отправить его Конгрегации обрядов, чтобы устранить препятствие, но только в 1671 году он был окончательно внесен в каталог святых. [1425] Усилия по подавлению мистицизма проявились примерно в 1620 году в многочисленных указах о запрете книг о мистическом благочестии и жизнеописаний мужчин и женщин, которые, очевидно, были мистиками.

Ритуальные книги изучались с такой же придирчивостью. 15 июня 1568 года было приказано изъять папские издания, напечатанные в Дуэньясе и Вальядолиде. В 1583 году в Требнике, напечатанном в Саламанке в 1575 году, были обнаружены некоторые пагубные ошибки. Даже такие элементарные книги, как *cartillas*, или буквари, не смогли ускользнуть. Акордадская хартия от 6 ноября 1577 года ссылается на предыдущую хартию от 14 июня, предписывающую подавление харильи, содержащую статью, озаглавленную "Кастиго и доктрина Катона". С тех пор, далее говорится, в других харильях были обнаружены различные материалы, пагубные и

противоречащие учению Церкви, особенно в тех, что были напечатаны Хуаном де ла Пласа в Толедо, поэтому все харильи любого вида должны быть изъяты в магазинах и в руках детей, идущих в школу, и, следовательно, отдан приказ, чтобы никто, под страхом наказания, не держал их, не читал и не продавал. [1426]

Действительно, было мало такого, на что инквизиция не могла бы распространить юрисдикцию своей цензуры. Пятый Латеранский собор сослался на опасность для общественного спокойствия, возникающую в результате клеветнических нападок на отдельных лиц, как на одну из причин проверки и лицензирования книг перед печатью, но это был чисто светский вопрос, и полномочия, предоставленные генеральному инквизитору, были направлены исключительно на подавление ереси. Однако Климент VIII в своем Указателе 1596 года включил в качестве объектов осуждения клеветнические мемориалы против религии или правителей, и это открыло путь ко многому другому. Это правда, что опытный писатель уверяет нас, что, хотя такое письмо может быть запрещено указом, оно не может быть сделано под страхом отлучения от церкви, а только как приказ под страхом совершения смертного греха, и что инквизиция не может возбудить дело против автора, если речь не идет о вере. [1427]

Однако эти ограничения были легко преодолены. Мы видели (Т. I, стр. 488) о том, как генеральный инквизитор Пачеко в 1623 году осудил некоторые юридические аргументы в защиту канцелярии Гранады и начал судебное преследование адвоката, который их составил. Его преемник Сапата в 1627 году был несколько более осторожен в конфликте, в котором инквизиция не была замешана. Университеты Саламанки, Вальядолида и Алькалы объединились в нападении на иезуитов и их новый колледж, когда инквизиция приказала закрыть газету на том основании, что она была анонимной и резкой по стилю. Затем Саламанка выступила вперед и признала авторство; прокуратор-иезуит все еще требовал его отмены, но инквизиция решила, что у нее нет *calidad de oficio*, и отменила запрет, но все же взяла на себя полномочия требовать устранения нарушений. Филипп IV был недоволен, поскольку он благоволил иезуитам, и спросил, чем этот случай отличается от других, в которых Пачеко скрывал аналогичные документы. [1428]

В 1687 году трибунал Толедо в ссоре с картезианским домом эль Паулар закрыл четыре мемориала своих противников королю и наказал печатника Лукаса Антонио Бедмара четырехлетним изгнанием из Толедо и Мадрида; предполагалось, что они были скандальными, оскорбительными, не соответствующими действительности и дискредитирующими тех, кто в них упоминается; не было предположения, что вера каким-либо образом была задествована, и это был просто быстрый способ вывести оппонента из суда. [1429] Другие подобные случаи будут представлены нам в ближайшее время, а пока мы можем заметить, что даже не было никаких колебаний в судебном преследовании отдельных лиц в вопросах, к которым инквизиция, казалось бы, не имела отношения или юрисдикции, как в случае с Фраем Бонифасом де Сан-Пабло, которого судил в 1791 году трибунал Барселоны за попытку самостоятельно напечатать сатирическую газету Орден кармелитов, а также орден Хосефы и Хасинто Лопес, привлеченных к ответственности Толедо в 1797 году по подозрению в публикации нескольких пасквинад, охарактеризованных как “позорные и еретические”. [1430] Полномочия инквизиции были настолько гибкими, что включали в себя привилегию самоопределения; никто не осмеливался ставить их под сомнение, и, похоже, к ним прибегали для восполнения любого недостатка в обычном механизме правосудия - или несправедливости.

РЕГАЛИИ

Еще меньше ереси касалась важная область, в которой цензурные функции инквизиции использовались короной в ее частых столкновениях со Святым Престолом. В средние века папское господство во многих отношениях посягало на прерогативы светского правителя, и этим посягательствам с большим или меньшим сопротивлением подчинялись слабо организованные феодальные монархии. Поскольку они в шестнадцатом веке перешли к абсолютизму, было естественно, что они стали проявлять беспокойство, и Реформация, разделившая Европу на два враждебных религиозных лагеря, предоставила тем монархам, которые остались верны Риму, возможность выдвигать свои требования в качестве платы за их поддержку. Испанские короли всегда отличались своим сопротивлением папским притязаниям, и хотя на протяжении всего шестнадцатого века они сурово держали свой народ в повиновении римлянам, они тем не менее были менее решительны в отстаивании *regalías*, или королевских прерогатив, которые во многих отношениях противоречили тому, что Рим утверждал в качестве своих прав. В возникшей отсюда борьбе ценную помощь оказали труды легистов, сведущих в имперской юриспруденции и в фуэрос, и эти *регалисты* стали особенно неприятны Святому Престолу. Рим никогда не колебался в использовании мощной помощи Индекса в поддержку ультрамонтанизма, и он проявил особую осторожность, осудив и запретив книги регалистов. Временный суверен не мог допустить подавления произведений, написанных в защиту его суверенитета, и инквизиция, по крайней мере на какое-то время, охотно поддерживала корону в этом, не из лояльности, а потому, что это давало возможность заявить и поддерживать свою независимость от ненавистных Конгрегаций Инквизиции и Индекса.

Когда Мельчор Кано в 1555 году по просьбе Карла V составил мемуары, в которых он с самыми резкими оскорблениями обрушился на притязания курии, и Павел IV вызвал его, как сына погибели, в Рим для суда, испанская инквизиция встала на сторону монарха и не внесла отвратительный документ в Индекс. [1431] Мельчор Кано был прощен, но причины разногласий остались. Одним из главных из них была юрисдикция, осуществляемая папским нунцием, повлекшая за собой длинный ряд злоупотреблений, избавления от которых добивалась *рекурсо де фуэрса*, подобно французскому *апелляционному совету*, принимающему апелляции в Совет Кастилии от всех церковных судов. Курия заявила, что это было вторжением в клерикальную свободу, и борьба за это была долгой и ожесточенной. В 1591 году Хуан де Роа напечатал с посвящением королю и одобрением инквизитора трактат под названием "Апология принципа юридической защиты", в котором приводились доводы в пользу королевской юрисдикции в подобных делах, что вызвало немалое возмущение в Риме, где он был немедленно осужден и сожжен. Григорий XIV и Римская инквизиция поручили нунцию Миллино побудить Филиппа II последовать этому примеру, а последующему нунцию Кайетано было приказано работать с предельным усердием, чтобы стереть саму память о книге. Он был так далек от успеха, что инквизиция не осудила его работу, и Филипп вознаграждал автора пожертвованием монастырю в размере полутора тысяч дукатов в год, которого он был немедленно лишен нунцием из-за его чудовищных преступлений. Ссора была настолько ожесточенной, что кардинал Барониус в своих "Анналах" настолько забыл о беспристрастности историка, что допустил неприличную личную атаку на Роа в своем рассказе о присциллианистах пятого века. Это привело к появлению слухов о том, что его книга будет осуждена испанской инквизицией, на что он громко жаловался в письме падре Антонио Тальпе, осуждая невероятную дерзость испанской инквизиции, которая помещала в свой Указатель все, что ей заблагорассудится. [1432]

НЕЗАВИСИМОСТЬ РИМА

Вероятно, именно этот случай побудил Климента VIII в Правилах, приложенных к его Указателю, которые были сохранены во всех последующих Указателях, издать приказ об исключении всего, что противоречило церковному иммунитету, свободе и юрисдикции. Это не помешало испанским законникам и теологам защищать регалии. Около 1600 года Энрике Энрикес, один из самых образованных врачей своего времени, выпустил свою “De Clavibus Romani Pontificis”, в которой, как и Роа, он придерживался *рекурсо де фуэрза*. По приказу папского нунция это было подавлено и сожжено настолько успешно, что сохранилось всего три или четыре экземпляра. [1433] То, что организованное правительство должно позволять на своей территории враждебной иностранной державе подавлять книги, защищающие то, что она называет своими правами, было аномалией, с которой нельзя было терпеливо переносить. Рим был непоколебим, и столкновение было неизбежно. В 1613 году появился “Трактат о познании через насилие” Херонимо де Севальоса, а в 1617 году Филипп III, узнав, что его осуждение рассматривается в Риме, серьезно написал своему послу, чтобы предотвратить это, и заявил, что такое осуждение не будет принято или приведено в исполнение в Испании. Это, возможно, отсрочило, но не предотвратило неблагоприятное решение, которое было принято 12 декабря 1624 года, когда Филипп IV привел в исполнение угрозу своего отца. Испанская инквизиция не осудила это произведение, а просто приказала изменить некоторые пункты, и молчаливо была подтверждена его независимость в вопросе цензуры. [1434]

Рим выстоял, и независимость была определенно утверждена. В феврале 1627 года граф Оньяте, посол при Святом Престоле, сообщил о выпуске указа, осуждающего книги, некоторые из которых были в защиту регалий. В июне Филипп отправил это письмо в Suprema, попросив у нее совета. Он ответил, что, когда указ поступит, он будет изучен и доложен королю, не разрешая его опубликования, поскольку ни один священнослужитель или мирянин в Испании не может сделать этого без приказа генерального инквизитора и верховного суда. Если бы такие попытки были предприняты, было бы применено соответствующее средство правовой защиты. [1435] Проблема возникла незамедлительно. Указ появился 12 апреля 1628 года, и одной из осужденных книг был “Трактат о защите королевства” Сальгадо де Сомосы, президента Королевского совета и ярого сторонника регалий. Когда указ был получен, король приказал генеральному инквизитору доставить его ему и написал всем епископам, запрещая им публиковать его. [1436]

Установив таким образом свою независимость, инквизиция отказалась признавать римские осуждения всех видов книг. Когда один из них был получен, он заставил книгу быть рассмотренной ее собственными калификадорами и проголосовал за их отчет, либо одобрить, либо осудить; что бы ни было сделано, это был его собственный акт, а не римский. Другим произведением, осужденным декретом от 1 апреля 1628 года, была книга экстравагантного мариолатрии, озаглавленная “Разъяснение деяний” иезуита Хуана Баутисты Позы, которая была актуальна в Испании в течение нескольких лет. Поза написал два оскорбительных письма Урбану VIII, утверждая, что римские конгрегации не имеют юрисдикции в Испании, где верховодит собственная инквизиция, и в 1632 году Конгрегация ответила осуждением всех его работ. Нунций Монте приложил немало усилий, чтобы опубликовать это, но Верховный суд проверил книги и запретил их только до тех пор, пока они не будут изъяты. Однако не всегда

было легко настроить епископов в оппозицию Святому Престолу, а в Валенсии своевольный архиепископ Асеведо потребовал права опубликовать папский указ, и у тамошнего трибунала возникли некоторые проблемы с епископальными чиновниками. [1437]

НЕЗАВИСИМОСТЬ РИМА

За этим быстро последовала аналогичная борьба за гораздо более важную книгу — *Dialogo* Галилея о системе Коперника. [1438] В консультациях от 13 декабря 1633 года Верховный представитель сообщил Филиппу, что под руководством папских делегаций инквизиция имела исключительный контроль над цензурой в Испании. В Риме запреты издавались Конгрегациями инквизиции и Индекса, которые были органами, подобными Верховной власти, и она признавала не их, а только папу римского своим начальником. Нунции всегда стремились расширить свою юрисдикцию и требовали, чтобы за ними наблюдали, чтобы предотвратить большее зло. Инквизиторы Куэнки только что написали, что по приказу нунция провизор прикрепил к дверям церкви указ, касающийся книги под названием “Галилео Галилей Фиорентино”, без предварительного уведомления генерального инквизитора. Результаты разрешения нунцию сделать это были предвидены, когда граф Оньяте сообщил из Рима о запрете определенных книг, защищающих регалии, и, поскольку нунции постоянно пытались таким образом вторгнуться в исключительную юрисдикцию инквизиции в вопросах цензуры, королю попросили подписать сопроводительные письма архиепископам и епископам, аналогичные тем, что были отправлены в 1627 году. [1439] Конечно, король подписал письма; изучал ли Супрема книгу Галилея или нет, мы не можем знать, но инквизиция избежала дискредитации, осудив его, и имя прославленного флорентийца нигде не фигурирует в испанских указателях.

В вопросе о регалистах Филипп в письме кардиналу Борхе от 10 апреля 1634 года указал на несправедливость сокрытия юридических трудов, защищающих его сторону в споре со Святым Престолом, в котором вера не была затронута, и приказал срочно направить представления Урбану VIII с намеком на то, что, если Рим продолжит свой курс, он запретит все книги, поддерживающие папские притязания. [1440] Протест был напрасен. В 1640 году был осужден “Трактат о молитве и святости” Сальгадо де Сомосы; в 1642 году - “Судебные споры Индии” Солорцано, а в 1646 году - шесть или восемь подобных произведений, для которых нунцию было поручено потребовать аналогичного запрета в Испании. [1441] Каким бы властным ни было это действие, оно стало вдвойне оскорбительным, поскольку было опубликовано осуждение без передачи его через инквизицию, таким образом игнорируя независимость, на которую претендует последняя, и вежливость дружественного правительства. Вряд ли можно было бы решиться на столь экстремальную провокацию, если бы не отчаянное положение Испании, сражавшейся одновременно с Францией, Португалией и Каталонией. И все же Испания не пала так низко, чтобы подчиниться. После обсуждения на различных советах Филипп 16 октября отправил Верховной власти три консультации, которые они представили, и приказал ей консультировать его. С необычной быстротой оно ответило 20 октября, выразив свою безоговорочную приверженность регалиям, на которые претендует корона, которые были основаны на правах, неотделимых от суверенитета, в папских буллах и в незапамятной давности. Незаконный поступок нунция был вызван величайшим предубеждением; осужденные книги никоим образом не выходили за рамки дозволенного; их авторы были благочестивыми католиками, и эти произведения распространялись на виду у инквизиции, обязанностью которой было следить за подобными делами. Консультация завершилась обещанием отменить

папский указ и сделать этот факт повсеместным, чтобы предотвратить ущерб, который могла нанести его публикация. [1442] Таким образом, поддержанный негодованием всех своих советников, Филипп в ноябре издал указ, предписывающий отменить папский указ; нунцию был сделан выговор и сказано, что королевское негодование будет искать другие способы выражения; послу в Риме было поручено выразить глубокое негодование, которое ощущалось, и сообщить Святому Престолу, что это не просто вопрос мнения, а что-то другое. в котором она могла вмешиваться и диктовать Испании права, равные короне, которыми она всегда пользовалась непрерывно. Была также использована возможность решительно подтвердить независимость испанской инквизиции и недействительность без ее одобрения деяний римских конгрегаций. [1443] Несмотря на это, прогрессирующий упадок Испании побудил курию предпринять еще одну попытку в 1687 году, когда нунций направил указ Конгрегации инквизиции епископам с приказом опубликовать его. Верховный, не теряя времени, представил королю две серьезные консультации, призывая его принять срочные меры для отражения этой попытки подчинить Испанию римской инквизиции. [1444]

Настойчивость курии оказалась бесплодной. Установившийся обычай, возникший в результате этих споров, описанный опытным инквизитором, заключался в том, что, когда нунций получал справку от Конгрегаций, он отправлял ее Верховному Собранию, которое приказывало, чтобы книга была рассмотрена ее *calificadores*, и, если они признавали ее неприемлемой, Верховное собрание издавало соответствующий указ. Дважды, по его словам, нунций, чтобы обойти эти правила, приказывал вывешивать указы во дворе своего дворца, но Супрема отменял их, наказывал тех, кто это делал, и докладывал королю, чтобы тот мог предупредить нунция соблюдать правила. Иногда, однако, резюме поступало непосредственно от папы. Тогда дело находилось в руках короля, который сохранял его и умолял папу, чтобы оно было опубликовано инквизицией. На Сицилии ни одно краткое сообщение не публиковалось без получения экзекватуры вице-короля. [1445]

ИСПОЛЬЗУЕТСЯ ПРОТИВ КОРОНЫ

Таким образом, инквизиция, поддерживая королевскую юрисдикцию против папских притязаний, добилась своей независимости от Рима, но она боролась сама за себя, и, когда ее цель была достигнута, ее верность Церкви перевесила ее верность суверену. Когда вопрос стоял между его собственной юрисдикцией и юрисдикцией короны, его позиция была наиболее решающей. Осуждение Пачеко аргументов дона Луиса де Губьея в компетенции канцелярии Гранады не было единичным примером этого. В 1637 году между севильским трибуналом и королевской аудиенсией разгорелся ожесточенный спор по поводу изгнания последним фамильяра, в ходе которого Супрема приказал подавить различные аргументы, подготовленные в поддержку королевской юрисдикции, и среди них один, написанный Хуаном Пересом де Ларой, фискалом Аудиенсии, в строгом соответствии с его обязанностями. На это Совет Кастилии возразил, в консульте пожаловавшись, что это наносит большой ущерб регалиас; документ не содержал ничего противоречащего вере, что делало его подлежащим порицанию инквизиции, поэтому Совет попросил, чтобы все изъятые документы были изучены незаинтересованными лицами и чтобы Верховной Властью было приказано в будущем не изымать ни одного документа в пользу королевской юрисдикции без предварительного уведомления короля. На это сдержанное замечание Верховный ответил с высокомерным презрением. Королю было сказано, что он должен отвечать на все возражения, как это сделал Карл V 17 мая 1519 года Дипутадо Арагона: “Поскольку это дело инквизиции, мы не вправе

вмешиваться, и фуэрос королевства не могут препятствовать тому, что делает генеральный инквизитор, поскольку это церковное дело”. Было удивлено, что может возникнуть какой—либо вопрос относительно власти инквизиции, установленной папскими буллами, постановлениями соборов и нерушимым обычаем, в то время как правило Индекса расширяет эту власть без каких-либо ограничений. ограничение, на усмотрение инквизиторов. То, что регалии угрожали, было легко опровергнуть, поскольку мир и процветание королевских владений были обязаны единству веры, достигнутому бдительной заботой инквизиции. Целью Совета Кастилии было ограничить юрисдикцию инквизиции и свести ее цензуру к компетенции, но только инквизиция могла решать, что ей принадлежит, а что нет. [1446]

Учитывая характер и дух Святой канцелярии, неудивительно, что, добившись собственной эмансипации от Рима, она больше не является союзником короны в защите регалий. Льоренте упоминает двух авторов — Рамоса дель Мансано и Педро Гонсалеса де Сальседо, чьи работы он осудил за защиту королевских прерогатив. [1447] На него нельзя было положиться в подавлении тех, кто объявлял импичмент регалии, и государство, защищая себя, было вынуждено прибегнуть к собственной цензуре, как в случае с работой под названием “Дело резервистов против Сантидада”, приписываемой доктору Франсиско Барамбио в 1694 году. Он никогда не появлялся в Индексе, но королевское управление осудило его как подрывающее регалии и прерогативы короны и приказало запретить его под страхом частичной конфискации и произвольных наказаний. [1448]

ОГРАНИЧЕНИЯ

Мы уже (Т. I, стр. 315, 321) видели, как в восемнадцатом веке инквизиция в делах Маканаса и трудах Барклая и Ле Вайера, а также в Катехизисе Мезенгуи выступила против королевской прерогативы. Хотя в первом Филипп V уступил слабо, Карлос III во втором не только временно отстранил от должности генерального инквизитора Бонифаса, но и предпринял шаги для более тщательной защиты короны от папских посягательств и ограничения цензурных полномочий инквизиции. 27 ноября 1761 года он заложил основы последующего законодательства в инструкциях Государственному совету разработать закон, адекватный потребностям данного дела. Как следствие, *Практическая экспертиза* от 18 января 1762 г. предписывала, что ни одна булла, краткое изложение или папское письмо, адресованное какому-либо трибуналу, хунте, судье или прелату, не должна публиковаться без предварительного представления королю для утверждения нунцием, в то время как адресованные частным лицам должны быть представлены Королевскому совету, чтобы выяснить, затрагивают ли они Конкордат или наносят ущерб регалиям или добрым обычаям королевства. За этим последовал седула от 18 августа, налагающий ограничения на инквизиторскую цензуру, но оба они были отменены указом от 15 июля 1763 года — указом, полученным королевским духовником падре Элета, который работал над суеверием короля, представляя потерю Гаваны как свидетельство божественного гнева. [1449] Эта передышка, однако, была непродолжительной. На заседании хунты, созванном в 1768 году для рассмотрения вопросов, вытекающих из изгнания иезуитов, графы Флоридабланка и Кампоманес представили мемориал, привлекающий внимание к тайному распространению нескольких папских указов и к катастрофическому влиянию цензуры, наводняющей страну невежеством. Результатом обсуждения стало повторное введение в действие *Прагматики экзекватуры*с более расширенными положениями и седулой от 6 июня,

предусматривающей, что инквизиция не должна запрещать какую-либо работу католика с хорошей репутацией, не заслушав его или, если он иностранец или умер, не назначив для него адвоката компетентного характера. Распространение книг не должно было приостанавливаться под предлогом того, что они проходят экспертизу; в тех книгах, которые подлежали изъятию, нежелательные отрывки должны были быть быстро обозначены, чтобы текущее чтение их не прерывалось, и любые особые положения, которые были осуждены, должны были быть четко указаны, чтобы владельцы могли удалить их. Запрет должен был распространяться только на ошибки, суеверия и распущенные мнения, наносящие ущерб религии и морали, и ни один эдикт не должен был публиковаться до тех пор, пока он не будет одобрен королем. [1450]

Эти реформы были в духе тех, с помощью которых Бенедикт XIV в булле *Sollicita ac provida* пытался смягчить строгость римской цензуры, но они были в значительной степени невыполнимы. Они вызвали оживленную оппозицию, особенно положение, разрешающее распространение книг в процессе экспертизы, и Льоренте говорит нам, что по большей части инквизиция обходила их ограничения. Разумеется, король не мог вынести суждения по всем осуждающим эдиктам, которые быстро сменяли друг друга и были представлены ему без объяснений или записей о том, что автор был заслушан в свою защиту. [1451] Однако это последнее положение, по-видимому, было соблюдено. В 1775 году мы находим, что Верховный суд отправил в Валенсию определенные заключения, начиная с “Системы физического воспитания человека”, вместе с документами, касающимися их осуждения, и седулой от 16 июня 1768 года, чтобы партия могла быть заслушана в защиту. [1452] Автору, однако, не разрешили печатать и распространять свою защиту, хотя у него могла быть лицензия на достаточное количество копий для предоставления членам Верховного суда; в случае, когда он распространял их через университеты, они были вызваны и подавлены, и если он нападал на свидетелей и калификадоров, он подлежал жестокому наказанию в виде буллы *Si de promeje*. [1453] Однако до конца автор имел право на заслушивание. В деле, имевшем место в Льерене в 1816 году, Верховный суд предписывает трибуналу исключить определенную брошюру в следующем указе, но спросить автора, доктора Мартина Батинкаса, желает ли он защищать ее; если да, то сообщить ему порицания, но не имена калификадоров, когда дело пойдет своим чередом. Аналогичным образом было сохранено положение о защитнике в делах умерших и иностранных авторов. В 1816 году Верховный суд поручил мадридскому трибуналу рассмотреть дело о книге под названием “Руководство Эль-Ниньо”, действие которой было приостановлено из-за беспорядков; теперь появилось новое издание, которое необходимо изъять и передать копию порицания генералу Босоногих кармелитов; если он не пожелает выдвинуть защитника, трибунал должен был назначить *официального защитника*. Это соблюдалось настолько скрупулезно, что в 1817 году единственный экземпляр французской книги, напечатанной в 1801 году и озаглавленной “О браке и взаимопонимании между религией и новой Луи”, обнаруженный у каноника Мигеля Кортеса, был должным образом осужден калификадорами, когда падре Сенто был назначен защищать его, и из-за его отказа разбирательство, по-видимому, было прекращено. [1454]

ПОЛИТИЧЕСКИ ЗАНЯТЫЙ

В этот более поздний период инквизиция и государство были в прочном союзе против их общего врага Революции, и государство в полной мере использовало инквизицию как

политический инструмент, хотя у нее была своя тщательно продуманная и эффективная цензура. Такое использование инквизиции было новым явлением, поскольку в прежние времена случаев, когда инквизиторская цензура использовалась для политической службы, было на удивление мало. В случае с Антонио Пересом инквизиция неизбежно должна была запретить его труды и несанкционированные рассказы о его преследованиях. Было меньше поводов для закрытия в 1609 году сборника эссе падре Марианы из-за его критики пагубного обесценивания чеканки монет. [1455] Было проявлено недостойное попустительское Святому Престолу, когда в 1606 году Верховный Суд запретил владение кем-либо из бумаг и памятных знаков, выпущенных Венецией в ее споре с Павлом V, под предлогом их скандальности для христианского мира, и еще большее злоупотребление своей властью, когда он арестовал и привлек к ответственности Франсиско де ла Куэву, юрист, которого венецианский посол нанял для написания статей в защиту Республики. [1456] Накануне каталонского восстания в 1640 году протест Барселоны королем был подавлен как подпадающий под правила *Expurgatorio*, являющийся крамольным, оскорбительным и скандальным, и этому прецеденту последовали все публикации на эту тему во время восстания. [1457] Однако, в целом, на протяжении первых трех столетий своего существования политическое использование инквизиции этим и другими способами было удивительно небольшим.

Иначе обстояло дело, когда произошел переворот, угрожавший стабильности всех монархических институтов, и ничего так не боялись, как общественного мнения, которое могло перерасти в действия. Считалось, что необходимы все органы государственного управления, и Карлос IV поспешил открыть путь инквизиции, объявив в эдикте 1789 года, что все, что способствует распространению революционных принципов, является ересью, доктринальной ошибкой, противоречащей учению апостолов Петра и Павла, и это было быстро претворено в жизнь эдиктом инквизиции, предписывающим выдавать все бумаги, поступающие из Франции и передающие революционные идеи. [1458] Бдительность королевских чиновников и инквизиции в отношении импорта, особенно из Франции, была удвоена, и в течение многих лет постоянно разрабатывались новые методы, чтобы держать население в неведении о событиях за пределами Пиренеев. [1459]

Все было напрасно. Французские газеты и книги контрабандой переправлялись через границу, а запрещенные спекуляции на законах природы и правах человека получили широкое распространение. Когда разразился кризис, связанный с депортацией королевской семьи и наполеоновским вторжением, в нем была закваска либерализма, достаточная, чтобы найти выражение в требовании нового порядка вещей. Чрезвычайные суды, избранные всеобщим голосованием и собравшиеся в Кадисе в 1810 году, не теряя времени, разработали закон о свободе прессы. Однако традиция необходимости цензуры была настолько сильна, что декрет от 22 февраля 1813 года, упраздняющий инквизицию, передал епископам юрисдикцию как над цензурой, так и над ересью. Закон о печати предусматривал государственный контроль над всеми печатными изданиями, и религиозные произведения подвергались повторной епископальной проверке со всей полнотой осуждения и пресечения, в то время как были разработаны подробные положения для авторитетного Указателя. [1460]

Эта громоздкая схема никогда не имела жизнеспособности, и Реставрация 1814 года вернула инквизиции ее юрисдикцию над прессой. Как только у нее появилось свободное время, во время восстановительных работ, она занялась подавлением революционной литературы предыдущих шести лет. Хартия акордада от 25 октября 1814 года предписывала трибуналам как

можно скорее уведомлять Верховную Власть обо всех вызывающих возражения книгах, памфлетах и статьях, которые были написаны или напечатаны в их округах, со всеми подробностями относительно авторства и места публикации. На основе этого был составлен список из ста восьмидесяти трех запрещенных публикаций, включая тридцать пять журналов, но указ от 22 июля 1815 года описал его как неполный; верующие были сосланы на правила Указателя как определяющие все, что было опущено, и все это должно было быть передано в течение шести дней под традиционным наказанием в виде отлучения от церкви и двухсот дукатов; все старые правила и Указатели были объявлены действующими, и 3 августа каждому трибуналу было приказано пресекать все нежелательные материалы, напечатанные в его округе. [1461]

ПОЛИТИЧЕСКИ ЗАНЯТЫЙ

Переписка Верховного суда в этот период демонстрирует пристальное и постоянное наблюдение за прессой, и значительная часть трудов инквизиции во время ее краткого возрождения была посвящена цензуре, в основном политического характера. Беженцы-конституционалисты, спасавшиеся от мести реакции, были заняты, используя те скудные средства, которыми они располагали, пропагандой своих идей, как это делали протестантские беженцы в шестнадцатом веке, и была такая же тревожная бдительность, чтобы противодействовать их усилиям, хотя опасность была больше, поскольку было известно, что значительная часть населения тайно разделяет их взгляды. Так, в 1818 году в Мадриде были получены циркуляры, извещавшие о выходе в Лондоне еженедельника под названием *El Español Constitucional*. Королевский совет немедленно разослал судебным и военным властям приказ изъять все копии, и судья де Импрентас сделал то же самое со своими подчиненными, в результате чего было найдено достаточное количество циркуляров, свидетельствующих о том, что они были широко распространены. Затем была призвана на помощь инквизиция, и 3 августа Верховный суд приказал трибуналам не только изъять все копии, но и арестовать всех, кого это касалось. Затем, 13 сентября, король сообщил, что нечестивые беженцы в Лондоне, которые из-за нехватки средств были вынуждены отказаться от проекта, недавно получили пожертвования и возобновили его, в связи с чем было предписано проявить новые усердия. Два дня спустя Верховный суд направил это в суды с приказом приложить все усилия для ареста циркуляров и периодических изданий, а также соучастников так называемого заговора. И снова, 4 ноября, Suprema вновь обратила внимание на свои предыдущие письма и приложила королевский приказ, в котором говорилось, что лондонский посол сообщил о появлении второго номера журнала, и настаивала на принятии всех мер предосторожности, чтобы предотвратить его распространение в Испании. Однако нет никаких следов того, чтобы инквизиция изъядла какой-либо экземпляр таинственного периодического издания или арестовала кого-либо из заинтересованных лиц. Одновременно с этим, 5 ноября, Супрема передал другой королевский приказ, в котором говорилось, что письма, перехваченные по почте, содержали проспекты периодического издания под названием “Справочник по политике и литературе Испании и Индии”, который должен был издаваться в Лондоне Галлардо, бывшим библиотекарем Кортеса. Следовательно, Верховный суд издал инструкции, предписывающие проявлять максимальную бдительность при изъятии проспекта и экземпляров периодического издания. [1462]

Счастливая способность смешивать духовное и мирское, столь ценная для средневековой церкви, очевидно, не была утрачена испанской монархией.

Хотя в целом инквизиция тщательно воздерживалась от вмешательства в область морали, все же в рамках цензуры она обязалась охранять общественность от того, что могло осквернить добродетель, а также от того, что влияло на веру. Это было оправдано правилами Тридентского указателя, а также указом Климента VIII в 1596 году, согласно которому похотливые книги и иллюстрации должны были быть запрещены или удалены. [1463] Литература, однако, в значительной степени уцелела, по крайней мере, до более позднего периода. *"Селестина"* Франсиско де Рохаса, более тридцати изданий которой было напечатано в шестнадцатом веке, популярность которой привела к использованию в качестве школьного учебника, несмотря на ее несколько грубую непристойность, ускользала от внимания, пока в Указателе 1640 года не было предписано исключить около пятидесяти строк, и он не был запрещен до 1790 года. [1464]

Искусство привлекало внимание и раньше, особенно когда его использование в священных сюжетах лишалось достоинства, каким бы стимулирующим это ни было благочестие неграмотной публики. Первое упоминание, которое я встретил об этой функции инквизиции, встречается в 1568 году, когда инквизитор Мораль, сообщая о своем посещении Сан—Себастьяна, упоминает о наложении епитимьи на Грацию де Кальдьер за обладание *картиной совершенства*, после чего Верховный суд сказал ему, что он должен был отправить картину ей - очевидно, из соображений цензуры, она оставила решение за собой. [1465] Следующая - акордадская хартия 1571 года, предписывающая убрать некоторые изображения на полотне Распятия и Троицы, в которых калификадоры обнаружили символы лютеранских доктрин, и серию из двенадцати вырезанных из дерева Страстей Господних с надписями на обороте на латыни и французском. [1466] Это подчеркивается в Указателе очищения Кироги 1583 года, двенадцатое правило которого направлено против любых изображений священных личностей или объектов, отдающих раздражением или непочтительностью. [1467] Испанское благочестие, на самом деле, иногда проявлялось в несколько гротескной форме, как в определенных изображениях на полотне младенца Христа в военной форме, запрещение которых было приказано в 1619 году. [1468] В 1649 году Верховный был возмущен великой непочтительностью и дьявольской непристойностью, отдающей святотатством, ленточек, которые назывались "внутренностями ангелов" или "сердцами или внутренностями апостолов", и, под обычным наказанием, запретил просить, покупать или продавать ленты с такими названиями. Несколькими неделями позже он запретил все бритвы или ножи, на рукоятках которых были выгравированы изображения Христа, Девы Марии, святых или орудий Страстей; все, найденное в магазинах, подлежало конфискации, а уполномоченные в портах должны были следить за тем, чтобы ни одно из них не ввозилось. [1469]

МОРАЛЬ И ИСКУССТВО

После того, как инквизиция завершила более серьезную работу по искоренению иудаизма, протестантизма и ислама, ее энергия была более активно задействована в этом направлении. В 1787 году трибунал Валенсии привлек Франциску Лазаро к ответственности за непристойные песни. В 1803 году *Капричос* Гойи, ведущего художника того периода, задел чувства инквизиции; он был вызван и началось его судебное преследование, но его спасло вмешательство Карлоса IV. Двумя из последних действий трибунала Валенсии в 1820 году были судебные разбирательства против "Иней и проза доктора Томазо Крудели", которые суд признал непристойными и нечестивыми, и осуждение книги под названием *"Иль Зибальдоне"* за

непристойные предложения. Театр также подвергся инквизиционной цензуре. В 1817 году трагедия под названием “Соппротивление падре” была представлена на валенсийской сцене 9 и 10 октября; похоже, она вызвала неодобрение, и 13-го числа рукопись была представлена трибуналу для вынесения порицания. В Мадриде Верховный суд действовал в качестве предварительной цензуры; в 1815 году мы находим, что он приказал местному трибуналу рассмотреть оперу “Человек злого ума и буэн корасон” и комедию “Эль но де лас ниньяс”, и, получив сообщение о том, что фискал не возражал против их представления, он дал свое согласие. Итак, в 1819 году Suprema возвращает севильскому трибуналу его *calificación* из четырех *сайнетов*, или фарсов, с приказом придать ему более понятную форму, проголосовать по нему и вернуть для окончательного решения. [1470]

Однако произведения искусства были главными объектами инквизиционного пуританства. В 1793 году трибунал Валенсии возбудил процесс по поводу некой табакерки со скандальным рисунком, предположительно находившейся у дона Хасинто де Кастро, губернаторасала-дель-кримен. Забота об общественной морали была настолько острой, что 2 октября 1815 года Верховный суд утвердил постановление мадридского трибунала, предписывающее всем парикмахерским города убрать со своих витрин или изменить в соответствии с приличиями восковые бюсты, которые они выставляли в качестве образцов своего искусства — очевидно, потому, что они слишком ярко демонстрировали свои прелести. Художники и торговцы картинами были привлечены к строгой ответственности. Но за неделю до рассмотрения последнего дела Верховный суд рассмотрел судебное преследование севильским трибуналом Хуана Родригеса и Доминго Альвареса из Кадиса, первого за живопись, а второго за то, что он выставил в своем магазине картину под названием “Диана”, вызывающую своей позой и наготой. Им было приказано предстать перед комиссаром Кадиса, который должен был сделать им выговор и освободить их от понесенного отлучения от церкви, а также предупредить их, что повторение правонарушения будет караться наказаниями, предусмотренными Реглой XI Expurgatorio — изгнанием и штрафом в пятьсот дукатов. Шесть месяцев спустя Паскуаль Франчини за две *непристойные фотографии* был оштрафован на сто дукатов, и, поскольку ему было приказано выйти на свободу, очевидно, что он был заключен в тюрьму; он сослался на бедность, и его штраф был любезно уменьшен. Три месяца спустя Сантьяго Шмидт и его сын Йозеф были приговорены мадридским трибуналом за продажу прусскому послу непристойной картины за восемь тысяч реалов; за это они были оштрафованы на две тысячи реалов, которые Верховный суд великодушно снизил до пятидесяти дукатов. [1471]

Несомненно, в данном случае посольская привилегия спасла покупателя от судебного преследования, поскольку владение предметами, считавшимися аморальными, было *официальным делом*, и в архивах полно дел против тех, кто владел табакерками, часами, колодами карт и т.д. С неприличными рисунками или надписями, а также картинами, гравюрами и книгами с надписями, оскорбляющими скромность цензоров. Несомненно, многое из того, что было осуждено, было насквозь порочным и заслуживало порочащей репутации, но последовавшее за этим очищение едва ли компенсировало вторжение в частную жизнь и стимулировало отвратительную привычку к шпионажу и донос, благодаря которым только такие дела могли стать известны трибуналам. Более того, многие хорошие произведения искусства, несомненно, были принесены в жертву невежественными цензорами, поскольку объекты, осужденные таким образом, были уничтожены. Таким образом, в 1805 году в Валенсии было приказано стереть написанную на меди картину о Прелюбодеянии Венеры, и когда это было сделано, лист меди был доставлен алькальду дель Кримен для возвращения владельцу.

Сродни этому было выдирание нежелательных табличек из книг, о котором случайно упоминается в 1819 году в деле дон Луиса Монфора, капитана артиллерии. [1472]

ВЛИЯНИЕ

Таким образом, цензура инквизиции была всеобъемлющей, начиная с самых опасных ересей Лютера и Кальвина, популяризации Священного Писания, отношений между Церковью и государством и либерализма современной эпохи, вплоть до самых мелочей. Это был двигатель огромной мощности, постоянно применявшийся для развития мракобесия, подавления мысли, исключения чужеродных идей и препятствования прогрессу. Это сопровождалось государственной цензурой, основанной на законе 1558 года, усовершенствованном бесчисленными последовательными постановлениями, носящими характер, наиболее досадный и ставящий в неловкое положение авторство, и это дублирование цензоров оказало самое прискорбное угнетающее влияние на литературу и культуру. Авторству препятствовала неопределенность в том, получают ли лицензию на печать произведения, на создание которых, возможно, были потрачены годы труда; издательский бизнес становился особенно опасным из-за того факта, что книга, напечатанная с надлежащей лицензии государства, могла в любой момент быть запрещена инквизицией и все издание было изъято и уничтожено, в то время как покупатели, купившие такую лицензированную книгу, могли быть лишены ее без компенсации. Таким образом, между государством и инквизицией, действовавшими в унисон или преследующими противоположные цели, интеллектуальное развитие, которое в шестнадцатом веке обещало сделать испанскую литературу и ученость самыми прославленными в Европе, было остановлено и доведено до истощения, искусствами и наукой пренебрегали, коммерческий и промышленный прогресс стал невозможен, а характер, который Испания приобрела среди других народов, был кратко выражен в распространенной поговорке о том, что Африка начиналась с Пиренеев.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

СТАТИСТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ И НАКАЗАНИЙ.

(См. стр. 93).

Очевидно, что невозможно собрать статистику деятельности инквизиции за столетия ее существования и среди ее многочисленных трибуналов, но некоторые фрагментарные цифры могут служить иллюстрацией сравнительной частоты преступлений, с которыми ей приходилось иметь дело, и характера назначаемых ею наказаний. Что касается последнего, то следует помнить, что приговоры обычно включали несколько видов наказания.

Правонарушения.

Нижеследующее краткое изложение дел, рассмотренных трибуналом Толедо, взято из “Catálogo de los causas contra la fe seguidas ante el Tribunal del Santo Oficio de Toledo” (Мадрид, 1903), подготовленного Падре Фреской, S. J., и доном Мигелем Гомесом дель Кампильо, из оригинальных протоколов. Поскольку самое раннее дело относится к 1483 году (стр. 192), а самое последнее - к 1819 году (стр. 81), оно, по-видимому, охватывает всю деятельность трибунала, но оно явно несовершенно, учитывая примирение масс иудействующих и сожжение изображений мертвых и беглецов в первые годы существования организации (Vol. I, стр. 165-72, 183). В меньшей степени это также показано сравнением с приведенными ниже таблицами фрагментов периода из других источников. Эти последние также представляют интерес как указывающие на изменения в характере правонарушений в последующие периоды.

Классификация сеньора Гомеса дель Кампильо такова:

Двоеженство	188	оскорбления в адрес должностных лиц,	186
богохульство	755	Personating священства	33
блуд не грех	259	жидовствующих	977
Personating должностных лиц и поддельных удостоверений	48	запрещенных книг	34
Fautorship еретиков	60	мориски	219
колдовство	296	непочтительность и скандальные выступления	551
ересь—Иллюминизма	39	лжесвидетельство	34
Англиканство	14	Ошибочных утверждений	60
Кальвинизм	18	скандальный	63
Лютеранство	79	еретический	46
Масонство	3	Браки в орденах	16
Общие положения	72	Святотатство	74
Заблуждающиеся и делюдеры	25	Домогательства на исповеди	105
Препятствование инквизиции	62	Различные	43
Нарушение прав инвалидов	91		

Том MS. в библиотеке Университета Галле (Yc, 20, том. I) содержит отчеты Верховного суда Толедо о его действиях, начиная с аутодафе от 4 сентября 1575 года и заканчивая 7 февраля 1610 года. Автомобиль 1595 года, однако, отсутствует, а отчет о последнем случае неполный и обрывается на десятом случае. Насколько можно судить, за эти 35 лет зарегистрировано 1172 случая, анализ которых дает следующие результаты:

Двоеженство	53	Предложения—	
Богохульство	46	О жертвоприношениях за умерших	3

Блуд не грех	264	О Евхаристии	3
Лиц, Олицетворяющих должностных лиц	13	О таинствах	1
Колдовстве	18	О канонизации и святых	3
Ереси, иллюминизме	12	Об авторитете Священного Писания	1
Протестантские секты	47	О чуде Хлебов и рыб	1
Греческие христиане	3	О стигматах святого Франциска	1
Преступления против инквизиции	22	Об отлучении от церкви	1
Олицетворяющий Священство	25	О браке и прелюбодеянии	9
Иудействующие	174	О клятвах	1
Мориски	190	О священном сани	1
Непочтительность	5	О маврах	1
Лжесвидетель	8	О самоосуждении	1
Делать в случаях Лимпиезы	57	О неверности	1
Домогательства на исповеди	52	О безупречности	1
Предложений, Брак лучше, чем священство	30	О неизбежности греха	1
Схоластическая дискуссия в Алькале	7	О папской власти	2
Насмешка над благочестивыми обрядами	3	Над женщинами	1
История о Святом Петре	4	Из Отдела по расследованию убийств	1
Оправдание за богохульство	1	Об инквизиции	3
О Боге	9	О Королевской власти	3
О Христе	5	Об инцесте	1
О Богородице	4	О Поражении Армады	1
О Магдалине	4	Различные	8
О вере в Богородицу и Святых	1	Правонарушения должностных лиц	22
О милости Божьей	1	Клевета	1
О Спасении	12	Гермафродиты	1
О Воскресении	6	Ссора из-за ирландского бенефиса	1
О будущей жизни	4	Обман	1
Об индульгенциях	9	Контрабанда лошадей	1
На Изображения	6	Слабости отступников	2
О необходимости мессы	6	В пользу Вандомы (Генрих IV)	1
Об исповеди	5	Нарушений	1
О Заступнической молитве	1		

В "Легахо I" Национального исторического архива инквизиции Толедо есть том, во вступительных строках которого говорится, что 8 февраля 1648 года Гонсало Браво Граксера, инспектировавший тогда трибунал, напомнил инквизиторам, что *carta acordada* от 22 мая 1570 года требовал вести реестр всех кающихся, появляющихся в автозак, с указанием их наказаний.

После этого для этой цели была приобретена книга, и запись началась. Она охватывает период с 1648 по 1794 год и, несомненно, является полной. Анализ этого дает следующие результаты:

СТАТИСТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ И НАКАЗАНИЙ

Двоеженство	62	брак в заказы	10
богохульство	37	истребования в конфессиональной	68
блуд не грех	3	<i>Малая учение</i> в	9
Personating чиновников	4	перекреститься (греческий)	1
Fautorship	16	ошибок	1
колдовством	100	<i>Hipocrita</i>	1
Иллюминизма (Molinism и т. д.)	17	сыпется Berrocosa	2
протестантизма	11	цыганка	1
ересью	3	греческих	1
подозрению в ереси	2	атеизма	1
обманутых и Deluders	16	Бурлеск проповедь	1
препятствующие инквизиции	13	угроза свидетелю	1
Оскорбление представителя власти	3	скрывая конфискованного имущества	1
неуважения к Инквизиции	5	преступлением нотариуса	1
перемывать косточки у	1	шантажирует	1
Personating священства	12	разбив тюрьмы	2
Иудаизм	659	сделать ссылку и Форт	4
магометанство	5	Неисполнение приговора	1
отступничества	2	<i>Корфадиа отвратительной</i>	1
богохульство и святотатство	3	ненадлежащего правил для паствы	1
предложений	74	печати без лицензии	1

В Королевской библиотеке Берлина Qt. 9548 находится том, содержащий отношения шестидесяти четырех авто, проходивших в различных судах в период с 1721 по 1727 год. В этот период энергия инквизиции была в основном направлена против иудаизма, как будет видно из следующего краткого изложения дел:

Двоеженство	35	Personating должностные лица	1
богохульство	4	иудаизма	824
Fautorship	2	отступничество	6
волшебства и т. д.	57	магометанство	1
протестантизм	3	Брак в заказы	1
ересью	4	лжесвидетель	17
Deluders	2	перекреститься	2
Personating священства	1	разбив тюрьмы	3

Наказания.

В летописи Толедо 1575-1610 годов эти предложения включают

Личное послабление	15	Быть последним в Хоре и Трапезной	26
в Образе	18	Дисциплинарное взыскание	11
Конфискация	185	Духовных епитимий	17
Штрафов (на общую сумму 2 586,625 млн.)	141	Прослушивание мессы кающимся в церкви	66
Примирение	207	Сделать в Аудиенц-зале	150
изображений	1	Отречение от престола <i>de vehementi</i>	21
Санбенито	186	<i>de levi</i>	49
Тюремное заключение	175	Выговор или предупреждение	56
Затворничество в монастыре или больнице	87	Больше не писать книг	1
Галеры	91	Временное отстранение от священнических функций	1
Бичевание	133	Публичное отречение	1
	26	Прекращенных дел	30
Изгнание	167	приостановлено	98
Запрет покидать Испанию	6	Оправдательных приговоров	51
Затыкание рта	20		
Лишение признания	42		
	10		

Летопись Толедо с 1648 по 1794 год дает следующее краткое изложение:

Личное послабление	8	Вергуэнца	10
изображений	63	Изгнание	566
Конфискация	417	Лишение признания	68
Штрафы (в сумме 30 600 дукатов)	50	Инвалидность по приказу	3
Конфискация половины имущества виновных	14	Отстранение от исполнения приказов	4
Примирение	445	Отказ от признания	1
Тюрьма и санбенито, короткие сроки	183	Отказ от проповеди	11
Делать Делать бессрочное	161	Лишение священнических функций	5
Делать Делать непоправимое	82	Понижение в звании	1

		священника	
отшельничество в монастырях и т.д.	91	Отречение от престола <i>de vehementi</i>	51
Галеры, президионы и арсеналы	98	Делать <i>де леви</i>	314
Бичевание	92	Выговор	467
Приостановленных	дел 104		
	оправдательных 6		
	приговоров		

Предложения в шестидесяти четырех автографах за период с 1721 по 1727 год включают:

Личное послабление	77	Тюрьма и т. Д. Недопустимо	275
Изображать	74	Галеры и Президио	99
Конфискация	776	Бичевание	297
Штраф в размере половины имущества	12	Вергуэнца	13
Примирение	630	Изгнание	189
Тюрьма и санбенито, кратковременные сроки	252	Отречение от престола <i>de vehementi</i>	31
Пожизненное	113	<i>Ду де леви</i>	125

ДОКУМЕНТЫ.

Я.

Окончание смягчающего приговора дону Гаспару де Сентелласу за протестантизм, Валенсия, 17 сентября 1564г.

(Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, том. XI). (См. [стр. 94](#)).

CHRISTI NOMINE INVOCATO.

Ffallamos, attento los auttos y meritos del dicho processo que el dicho promoter fiscal provó bien y cumplidamente su acusacion y querella, Damos y pronunciamos su intencion por bien provada, en consecuencia de lo qual que devemos declarar y declaramos el susodicho Don Gaspar Centellas ser herege y estar suficientemente convencido por suficiente numero de testigos y demas desto haver confessado, affirmado y defendido pertinazmente ante nos las dichas proposiciones hereticas y por tales condenadas y declaradas y que le devemos condenar y condenamos que el dia del aucto de la fe salga al cadahalso con insignias de relaxado y que alli le sea leyda publicamente esta nuestra sentencia por la qual le declaramos por herege abominable, pertinaz, obstinado y endurecido y por ello haver cahido y yncurrido en todas las penas en que cahen y yncurren los semejantes hereges ympenitentes y pertinaces, y porque por todas vias se ha procurado con el susodicho con toda solicitud y cuydado de atraerlo y reduzirlo a nuestra santa fe catolica, ofreciendole toda benignidad y misericordia de que el no se ha querido ni quiere aprovechar y pues la santa madre yglesia no tiene otra cosa ni remedio de que usar con el susodicho, pues el la menosprecia, sino relaxarlo à la justicia y brazo seglar como à miembro podrido, ynfecto, pestifero y nocivo, porque otros no se dañen ni

padezcan con el, por esta nuestra sentencia, como à herege pertinaz y obstinado, lo relaxamos al muy ilustre señor Don Joan Lorencio de Villamasa, Visorrey y capitan general por su Magestad en esta ciudad y Reyno ò al muy magnifico Mossen Quille Ramon Catalan, justicia criminal en esta dicha ciudad, ò à quien la punicion y castigo del dicho crimen pueda pertenecer y pertenezca y à su señoria pedimos por merced y al dicho justicia muy affectadamente rogamos y encargamos que con el susodicho se manden haver y ayan misericordiamente. Otrosi por quanto el dicho delicto y crimen de la heregia excede y es muy mayor sin comparacion que otro alguno por ser cometido contra la divina Magestad y por su graveza por que en las personas de los perpetradores del no puede ser suficientemente punido ni castigado y la pena del sestiende à los bienes, progenie y posteridad de los que lo cometen, por esta nuestra sentencia declaramos sus bienes ser confiscados à la camara y fisco Real de su Magestad desde el tiempo que cometìò los dichos delitos con los quales mandamos acudir al magnifico Mossen Bernardino Gutierrez recetor deste S^{to} Officio en su nombre, y los hijos, hijas, nietos y nietas del dicho don Gaspar Centellas, herege ympenitente pertinaz y obstinado, descendientes por linea masculina en segundo grado y por feminina en primero, ser privados de todas y qualesquier dignidades, beneficios y officios ecclesiasticos y seglares que sean publicos y de honrra que los susodichos tienen y possehen, y ser inabiles e yncapaces para ympetrar, tener y posseher otros de nuevo, ni poder ser justicias, jurados, clerigos ni notarios ni otro ninguno officio publico de onrra, e no poder traer sobre si ni en su persona oro, plata, perlas, piedras preciosas, seda, grana, chamelote ni paño fino, armas, ni cavalgar en cavallo, hazer ni traer otra cosa alguna de las que por derecho e ynstruccion deste S^{to} Officio le son prohibidas, y por esta nuestra sentencia definitiva juzgando ansi lo pronunciamos, sentenciamos y mandamos en estos escritos y processo pro tribunali sedendo.

El Licenciado Aguilera. Дон Мигель Vich.

Sentencia dada y promulgada por el Señor Inquisidor el licenciado Bernardino de Aguilera los dia mes y año susodichos en presencia de las partes susodichas las quales passaron por ella.

Presentes fueron por testigos à la publicacion de la dicha sentencia los discretos Miguel Perez de Huermeda, Pere Lopez y Francisco Pastor notarios y muchos otros vezinos de Valencia. Передайте мне, Мигель Белло, нотариус.

II.

Освобождение из Бессрочной тюрьмы и Санбенито.

(Proceso de Mari Gomez, fol. xxxx.—ср., находящееся у Автора).

(См. [стр. 161](#)).

ДОКУМЕНТЫ

Nos los del consejo de sus Mag^{des} que iintendemos en las cosas tocantes al officio de la Sta Inq^{on} hazemos saber a vos los R^{dos} inq^{res} contra la heretica pravedad y apostasia en la cibdad y arçobpãdo de toledo y su partido que vimos la Relacion que por ñro mandado embiastes de los meritos del processo de mari gomez muger de diego carrillo herrero vezino de daimiel por la qual paresce que fue rrecibida a rreconciliacion y condenada a carcel perpetua y habito en diez y seiss dias del mes de Julio

del año pasado de quinientos y quarenta e un años y que despues aca cumple bien su penytencia, por lo qual y por otras cabsas que nos mueven, queriendo usar de piedad y clemencia con la dha mari gomez nuestra voluntad es de le mandar comutar la penytencia de la dha carcel perpettua y habicto en otras penytencias espirituales, por ende nos vos encargamos y mandamos que luego que esta nuestra provision vos fuere presentada comuteys a la dha mari gomez la penytencia de la dha carcel perpettua y habicto en otras penytencias espirituales de ayunos, rromerias y oraciones como à vos otros bien visto fuere, y ansi comutada mandadle quitar el dho habito y soltar de la carcel en que estoviere para que se haya y este libremente do quisiere e por bien toviere, con tanto que no sea fuera de los reynos y señorios de castilla y de leon y con que haga y cumpla todas las otras cosas contenidas en la sentencia que contra ella se dio e pronuncio que fasta aqui no obiere fecho y cumplido e fuere obligada a fazer y cumplir. Fecha en la villa de madrid a xvi dias del mes de noviembre de myll e quinientos e quarenta y cinco años.

III.

Инвалидность потомков заключенных.

(Archivo General de Simancas, Registro de Genealogias, No. 916, fol. 61).

(См. [стр. 178](#)).

D. Cristóbal de Cos y Vivero, Secretario del Rey Nuestro Señor del Consejo de S. M. de la Santa General Inquisicion por lo tocante á la Corona de Castilla y de Leon etc.—Certifico: Que en el dia diez y siete del corriente mes de Enero se acudió al Exmo. Señor Obispo Inquisidor General por parte del Licenciado Don Mariano de Santander y Alvarez y hizo presente ser publico y notorio que en año pasado de mil setecientos noventa y ocho fué procesado por el tribunal del Santo Oficio de dicha ciudad D. Mariano Santander su Padre y que lo es tambien que no lo fué por delitos de heregia ó apostasia y sí solo por asuntos relativos á su comercio de Libros y haberse excedido tal vez en el exercicio de su profesion. Que el expresado tribunal con un pleno conocimiento de el proceso manifestó en su definititiba que la formacion de causa y prision que sufrió con lo demas que en ella expresó no le perjudicaba ni obstaba á sus hijos y descendientes para disfrutar de todos los efectos civiles de los que á consecuencia de este decision ha gozado sin interrupcion y goza actualmente: Que sin embargo por lo reserbado de los asuntos que se tratan en el Santo Oficio y mucho mas por haberse tambien trasapelado con el transcurso del tiempo el certificado que de la decision de la causa se dió por dicho Tribunal al Padre del exponente para su resguardo y el de sus descendientes no era facil tratandose de unas pruebas formales como necesitaba para incorporarse en el ilustre Colegio de Abogados de aquella Real Chancillería hacer constar sin ningun genero de duda quanto llebaba expuesto. Por lo que suplicaba se le mandase dar la correspondiente Certificacion de no obstancia.—Y vista en el expresado consejo de S. M. de la Santa general Inquisicion la suso dicha representacion con los antecedentes que obran en su archivo concernientes á la causa seguida en el Tribunal de Valladolid y determinado en el año pasado de mil setecientos noventa y ocho contra Don Mariano Santander, Padre del exponente, por comercio ilicito de Libros prohibidos vino en declarar y declaró en Decreto de diez y nueve de este mismo mes que la referida causa no obsta al nominado Don Mariano Santander y Alvarez, ni le perjudica como ni tampoco á sus Descendientes para obtener Empleos publicos y de honra ni para disfrutar plenamente de todos los efectos civiles, mandando se le diese certificacion para su resguardo y lo demas que le convenga. EN cuyo cumplimiento doy la presente sellado con la sella de la general Inquisicion en Madrid á veinte y siete de Enero de mil ochocientos diez y ocho.

Дон Кривовал де Кос-и-Виверо.

IV.

Консультация Португальского совета Спуреме, 17 января 1619 г.

(Рукопись Бодлеанской библиотеки Оксфорда, Арх. Селд. А, подзаголовок 17).

(См. [стр. 275](#)).

ДОКУМЕНТЫ

Señor—Los Inquisidores de la Ciudad de Coimbra y su distrito enviaron a V. M^d la relacion inclusa de las personas que salieron en el Auto de la Fe que se celebrò en aquella ciudad el Noviembre passado, algunos de los quales poco antes avian sido presos en la ciudad del Puerto, y con esta ocasion el Obispo Inquisidor General escribiò à V. M^d que sin ningun escrupulo affirmaba que todo Portugal en la materia de Judaismo estaba contaminado y que convenia aplicar remedio pronto para que aquellos reynos de V. M^d no tuviessen los castigos que amenazaban tantas heregias, porque el Judaismo era muchissimo, los sacrilegios infinitos, canonigos presos, Frayles huidos, y quatro Monjas inclusas en las carceles del S^{to} Of^{io} y que pudiera decir à V. M^d que le impiden las lagrimas y que vuelve à acordar à V. M^d, acabando de celebrar, que es necessario remedio breve en que muestre V. M^d su pecho catolico, reformando estos males; porque no ay Reyno sin fe y buenos costumbres; y que à V. M^d le conviene no solo tener vasallos sino buenos vasallos, como lo dicen los Santos; y que postrado à los reales pies de V. M^d dice lo que entiende y lo en que ha pensado muchos tiempos ha.

Todo lo que el obispo Inquisidor General apunta de quan inficionados de Judaismo estan aquellos Reynos con continuos sacrilegios y graves offensas de Dios N^{ro} S^r, de que se sigue grandissimo escandalo al pueblo christiano, es muy presente al Consejo, y con el sentimiento que se debe à calidad de materia tan grave, se ha tratado muchas vezes del remedio que puede aver, para expurgar aquellos Reynos de gente tan infiel y pertinaz, sin daño comun, evitando los castigos generales y trabajos que por su respeto se entiende que padecen los mismos Reynos tantos años ha.

Y porque unos de los medios mas adequados para lo que tanto importa al servicio de Dios y de V. M^d se juzga que seria de desterrar à los christianos nuevos que, siendo presos por el S^{to} Of^{io} fuesen condenados en perdimiento de las haciendas para el Fisco, pues iendo pobres no podran ayudar à los enemigos de V. M^d con gruessos caudales como aora lo hacen, y se escribiò al Marques de Alenquer, Virrey, que de parte de V. M^d encargasse al Obispo Inq^r Genl que tratasse este punto con los del Consejo General del S^{to} Of^{io} y el modo con que se podia executar, para que considerandolo todo consultassen à V. M^d por orden del mismo Virrey, lo que se les offreciesse, que como se satisfaga à esta diligencia (que debe ser con brevedad) dira el consejo à V. M^d lo que le pareciere y de ella huviere resultado, y Mendo de la Mota propone en su voto, que esta muy bien considerado y tendra entonces mas propio lugar.

Y porque en Portugal se hace aora visita general del S^{to} Of^{io} de que se ha seguido notable fruto; porque se prendieron muchos Christianos nuevos en la ciudad del Puerto, particularmente dos Monjas de S. Francisco y otra de S. Bernardo y en Coimbra dos Canonigos de aquella Iglesia, de los quales es uno Fernando Diaz de la Sylva que vino proveido de Roma en un canonicato y por instancias que hizo el Nuncio, en nombre de su Santidad, en su favor, permitiò V. M^d que se le diesse la possession, y en

Lisboa à Marcial Nuñez que era Juez Apostolico, de todo lo qual consta lo poco que se puede fiar de qualquiera persona de essa Nacion.

En esa Corte viven muchos de ella, naturales de Portugal, que, por no ser conocidos, se presume con fundamento que tienen necesidad de ser visitados por la Inqⁿ. Acuerda el Consejo à V. M^d que debe mandar ordenar al Consejo General del S^{to} Of^{io} que trate de hacerlos visitar.

Mendo de la Mota acrecienta que, siendo la principal obligacion de V. M^d limpiar sus Reynos de toda especie de Herejia ò Infidelidad, y aviendo mostrado la experiencia por tan largo discurso de tiempos quantos males ha causado en los Reynos de Portugal la perfidia Judaica y Judaismo, que se entiende ser una de las dos causas principales porque Dios le ha dado tan graves castigos. Le parece que tiene V. M^d obligacion en Ley Divina y natural à mandar desterrar de sus Reynos y Señorios todos aquellos que ò fueren declarados por herejes ò abjuraren de vehementi sospechosos en la Fe; y que assi lo debe V. M^d mandar executar luego en los que han salido en este cadahalso de Coimbra y en todos los demas que fueren condenados y declarados de aqui adelante por herejes. Porque de lo contrario se sigue estar siempre viva la semilla del Judaismo, quedando las mismas raizes en el Reyno con que se aumenta y conserva. Y que demas de la pureza de la Religion Catholica à que V. M^d como Rey esta obligado y los grandes y continuos sacrilegios que esta gente comete, profanando y injuriando los Sacramentos, consideran que por si solos bastaban para mover el catholico y real animo de V. M^d ordenar assi. Porque no puede dexar de estar expuesto à muchos peligros el Reyno que tiene dentro de sus venas humor tan pestilente y de que naceran crueles enemigos como son los que engendra la diferencia de Religion y que no podra ser de ningun inconveniente irse esta gente à otros Reynos extrangeros. Porque como se le confisca la hacienda por el crimen de la Herejia, queda tan pobre y mesquina que en ningun parte pueda dar cuidado: antes por este medio ira V. M^d limpiando sus Reynos poco à poco, sin hacer ningun movimiento en ellos, hasta que Dios sea servido descubrir otro camino para limpiarlos del todo.

Decreto de su Magestad.

ДОКУМЕНТЫ

En una consulta del Consejo de Portugal de 17 de Henero de 1619 se trata de los de la nacion Hebrea que ay en aquel Reyno con ocasion del auto de Inqⁿ que se hizo el año antes en Coimbra y uno de los puntos de esta Consulta es que convendria desterrar no solo à los que fueron declarados y condenados por herejes sino tambien à los que huvieren abjurado de vehementi: y se entiende à esta segunda calidad de gente no se le confiscan los bienes por el S^{to} Of^{io}. Aviseme el Consejo que opinion tiene quanto à esto; y si aurian de ser desterrados del Reyno aun en caso que no se les confiscassen los bienes: pues en el seria forzoso que saliendo del Reyno sacassen tambien sus bienes. Cosa en que parece ay razones para reparar, no siendo este remedio obligatorio y necessario en conciencia, que siendolo claro està que se ha de vencer qualquier inconveniente que se pudiesse representar. En otro de lo puntos trata el Consejo de Portugal que convendria visitar expressamente todos los de la nacion que de aquel Reyno huviessen passado à los de Castilla; y para hacer esta visita es necessario que el Inq^r Genl ó Consejo de la Inqⁿ de Portugal embie una lista de los Christianos nuevos de aquel Reyno que andan por Castilla. Y si algunos de ellos tuviere sobre si causas de particular sospecho en materia de la Fe lo apunten en la margen. Y se me embiaran las cartas para el Inq^r Genl de Portugal en la forma y por la via que se suele, para que Yo las firme. Y en lo demas que contiene la dicha consulta quedo mirando para responder à ella.—Rey.

V.

Дела о ереси Рассматривались Трибуналом Валенсии в период с 1455 по 1592 год.

(Archivo historico nacional, Inquisicion de Valencia, Legajo 98).

(См. [стр. 345](#)).

Год.	Дела.	Год.	Случаях.
1455	3	1514	63
1461	7	1515	34
1482	11	1516	41
1485	19	1517	25
1486	14	1518	21
1487	15	1519	22
1488	18	1520	36
1489	20	1521	31
1490	28	1522	40
1491	51	1523	37
1492	6	1524	40
1493	4	1526	47
1494	10	1528	42
1495	10	1529	44
1496	15	1530	20
1497	24	1531	58
1499	15	1532	1
1500	35	1533	61
1501	36	1534	25
1502	9	1535	2
1503	11	1536	39
1505	31	1537	69
1506	20	1538	112
1507	7	1539	79
1508	14	1540	53
1509	26	1544	79
1510	10	1545	37
1511	12	1546	49
1512	32	1547	12
1513	41	1548	15
1549	4	1577	13

1558	2	1578	15
1560	15	1579	24
1563	62	1580	37
1564	38	1581	22
1565	66	1583	8
1566	41	1584	29
1567	54	1586	64
1568	68	1587	35
1570	16	1588	21
1571	55	1589	94
1572	32	1590	49
1573	34	1591	270
1574	16	1592	117
1575	20	Всего 3125 случаев.	
1576	16		

В Legajo 300 из того же архива есть список мест отдыха в Валенсии с 1486 по 1593 год. Как обычно в этих реестрах, они расположены в алфавитном порядке под именами при крещении и, к сожалению, являются неполными и заканчиваются буквой N. Из других подобных списков выясняется, что буквы A-N составляют по существу четыре пятых от общего числа и, следовательно, двадцать пять процентов. если добавить к этим цифрам, это, вероятно, даст близкое приближение ко всему числу. В хронологическом порядке представлены следующие результаты.

Год	Расслаблен в лице.	В изображении Отсутствует. Мертв.	Год	Расслаблен в человеке.	В изображении Отсутствует. Мертв.
1486	10		1524	13	
1487	10		1526	15	
1489	8		1528	23	
1490	18		1529	24	
1492	12		1530	1	
1493	18		1531	37	
1496		1	1533	8	
1497	4	79	1536	12	
1498	1	28	1537	1	
1499	63		1538	11	
1500	3		1539	4	
1501	15		1540	4	

1502	13		1544	3		
1503	4		1545	3		
1505	13		51 1553	1		
1506	4		22 1554	15		
1508			48 1563	6		
1509	12		3 1564	3	1	
1510	9	4	10 1566	3		
1511			32 1567	4		
1512	1		8 1568	2		
1513	12		1 1571	1		
1514	52		8 1572	5		
1517	4		6 1573	3		
1520	27		1574	7		
1521	8	3	1575	2	1	
1522	6		1576	1	1	1
1523	8		1577	5		
			1578	3		1
			1579	1		
			1581	1	1	
			1583	4	1	
			1584	2		
			1586	3		2
			1590	1	2	1
			1592	6	4	
			1593	5		

Всего в этом списке 515 человек, освобожденных лично, и 383 человека в виде изображений, из которых 189 скрывались от правосудия, а 194 были мертвы.

Если к этим цифрам прибавить двадцать пять процентов, что касается недостающей части протокола, то у нас будет 644 послабления лично и 479 в виде изображений в результате ста восьми лет наиболее активного периода работы трибунала Валенсии.

VI.

Записка Климента VII генеральному инквизитору Манрике от 15 июля 1531 года относительно лютеранства.

(Bulario del Orden de Santiago, Lib. I. de copias, fol. 98).

(См. [стр. 423](#)).

Dilecto filio Alfonso Manrique, Sancti Calixti presbytero cardinali, Hispalensi nuncupato, Clemens PP. VII.

ДОКУМЕНТЫ

Dilecte fili, salutem et apostolicam benedictionem. Cum sicut veredica relatione ad nostri apostolatus auditum displicenter pervenit, propter libros errores Lutheranos continentes qui ad loca Castellæ et Legionis ac Aragonum regnorum et dominiorum charissimi in Christo filii nostri Caroli Romanorum imperatoris semper Augusti qui etiam Hispaniarum rex existit delati fuerunt, damnata hæresis Lutherana in aliquibus locis regnorum et dominiorum prædictorum pullulare cœperit et ad presens varia et erronea iniquitatis filii hæresiarchæ Martini Lutheri dogmata jam usque adeo invaluerunt et in dictis regnis et dominiis multi reperiantur qui hujusmodi errores et dogmata imitent et publicent ac tales libros vendant et nonnulli hujusmodi erroribus infecti sanctæ matris Ecclesiæ præcepta contemnunt ac sanctorum patrum decreta parvifacienda mendaciter affirmant et multas blasphemias in omnipotentem Deum ejusque gloriosam genetricem intemeratam semperque Virginem Mariam ac sanctos Dei proferant et varios hæreses introducunt ac diversos errores committant in gravissimam divinæ Majestatis offensam et catholicæ et orthodoxæ fidei scandalum et auctoritatis apostolicæ enervationem ac animarum salutis perniciem et irreparabile detrimentum: Nos, quorum est pro salute gregis dominici huic nefariæ hæresi ne in deteriora procedat omni quo possumus remedio occurrere ac illius sectatores debita arctatione et correctione compescere, circumspectioni tuæ, quæ ecclesiæ Hispalensi ex concessione et dispensatione apostolica præesse dignoscitur et inquisitor generalis in partibus illis existit et de cujus prudentia et rectitudine specialem in domino fiduciam obtinemus contra quoscumque cujuscumque status, gradus, ordinis et conditionis seu præeminentiæ existant, et quacumque ecclesiastica, episcopali et archiepiscopali dignitate seu mundana etiam ducali auctoritate præfulgeant ipsius Martini et aliorum erroneorum dogmatum sectatores, sequaces, fautores et defensores aut illis auxilium consilium et favorem, directe vel indirecte publice vel occulte præstantes, auctoritate nostra inquirendi ac hujusmodi labe infectos, non tamen episcopos et archiepiscopos, capiendi et carceribus mancipandi, necnon juxta canonicas sanctiones et sanctorum patrum instituta, prout qualitas excessuum exegerit vel conscientiæ fuerit et videbitur expedire puniendi, et ad cor redire nolentes a dictæ ecclesiæ communionem veluti putrida membra separatos et divisos esse ac damnationi æternæ cum Sathana et angelis ejus addictos, et perpetuo infames et intestabiles esse, et corpora eorum postquam defuncti fuerint sepultura ecclesiastica carere debere denunciandi et declarandi; et si ad veritatis lumen redire et hujusmodi hæresim abjurare voluerint, etiam si archiepiscopi et episcopi fuerint, postquam errorem suam deposuerint ac de præmissis doluerint idque humiliter petierint, si alias relapsi non fuerint, ab omnibus et singulis excommunicationis, suspensionis et interdicti aliisque ecclesiasticis sententiis, censuris et pœnis quas præmissorum occasione quomodolibet incurrerint, et ab hujusmodi excessibus, delictis et criminibus in forma ecclesiæ consueta absolvendi et super irregularitate quomodolibet contracta dispensandi omnemque inhabilitatis et infamiæ notam sive maculam penitus absolvendi ac eos rehabilitandi et ad nostrum et sedis apostolicæ gremium necnon gratiam et benedictionem restituendi et reponendi, omniaque et singula alia quæ ad hujusmodi pestem reprimendam et radiciter extirpandam necessaria et opportuna esse dignoscuntur et ad officium inquisitoris tam de jure quam consuetudine pertinent et quæ tibi et aliis inquisitoribus generalibus in partibus illis pro tempore deputatis, tam per quoscunque Romanos pontifices prædecessores nostros quam per nos quomodolibet concessa sint, faciendi, ordinandi et exequendi ac auxilium brachii sæcularis invocandi et ad præmissa omnia et singula si et quando expedire videris viros aptos et idoneos cum simili aut limitata facultate subdelegandi et deputandi ipsosque quotiens

eis opportunum videbitur revocandi ac loco ipsorum alios similiter idoneos deputandi, plenam et liberam auctoritate apostolica tenore præsentium facultatem concedimus. Необязательный член семьи. Bonifacii papæ VIII, prædecessoris nostri de una et concilii generalis de duabus diætis et aliis apostolicis constitutionibus contrariis quibuscumque; aut si Lutheranis adhærentibus, fautoribus receptoribus et aliis præfatis vel quibusvis aliis communiter vel divisim a dicta sit sede indultum quod interdicti, suspendi vel excommunicari aut extra vel ultra certa loca ad iudicium evocari non possint per litteras apostolicas non facientes plenam et expressam ac de indulto hujusmodi mentionem et quibuslibet aliis privilegiis et litteris tam apostolicis quam regularibus sub quibuscumque tenoribus singulis præfatis concessis per quæ præsentium litterarum et vestræ jurisdictionis in præmissis executio quomodolibet impediri vel differri posset quæ quoad hoc ipsis vel alicui ipsorum nullatenus suffragari posse nec debere decernimus. Дата. Romæ apud Sanctum Petrum sub annulo piscatoris, die XV. Julii MDXXXI., Pontificatus nostri anno octavo.—Evangelista.

VII.

Письмо Карла V генеральному инквизитору Вальдесу из Брюсселя, 25 января 1550 г.

(Archivo de Simancas, Inquisicion de Barcelona, Córtes, Legajo 17, fol. 83).

(См. [стр. 425](#)).

Erasso nos mostro la relacion que embiastes de lo sucedido sobre el derrocamiento de aquellas casas de Valladolid, y por lo que los del Consejo de la Inquisicion nos han consultado lo havemos entendido mas particularmente, y cierto ello ha sido de qualidad que se pudiera llevar por otros terminos, y no ponerse este negocio tan adelante por que dello no puede haberse seguido ningun buen fruto, y los rreyes de Bohemia mis hijos me han escripto lo que habian mandado proveer sobre todo, y paresce que aquello esta bien por que si se obiera de pasar mas adelante no pudiera ser sin notable inconveniente, y porque no sucedan semejantes cosas se provee que se ponga en execucion lo que ordenamos los dias pasados, y se nos inbie relacion dello junto con lo que parescera para que se tome algun termino en estos negocios y se terna el respeto que es razon a lo tocante al Santo Oficio.

De los que nombrastes en el memorial pasado habemos elegido para la plaza de la Inquisicion que esta vaca por cortes al licenciado Otalora; encargamos os le deis luego el despacho en la forma que se acostumbra.

La provision de las Iglesias que estan vacas aun no se ha hecho quando se tratare dello se mirara en lo que nos habeis escrito cerca de la perpetuidad de los salarios de los Inquisidores y otros oficiales, pues que estan muy cargados de pension.

En lo del doctor Egidio acaso han visto las proposiciones que contra el resultaron y lo que ultimamente tomaron a escribir los Inquisidores de Sevilla, y pues os hallais en esa ciudad encargamos os proveais que se averigue muy bien la verdad, y con la mas brevedad que ser pueda, y se nos consulte lo que parescera en su causa antes que se determine, porque de una manera ò de otra combiene al servicio de Dios y nuestro que aquella Iglesia se de prelado, y porque frai Domingo de Soto nos hablo algunas veces en este negocio diciendo lo que cerca del le escrevistis por lo que se le mostraron las escripturas que embiaron los del Consejo y por esta causa y sus letras y doctrina creemos que convenia que entendiesse en las qualificaciones deste negocio, paresciendose assi proveereis que se le comuniquen.

Despues desto escribe Erasso que podria ser que con aver vacado lo de Sanctiago oviesse mas comodidad para esto.

VIII.

Письмо генерального инквизитора Вальдеса Павлу IV, 9 сентября 1558 г.

(Archivo de Simancas, Inquisicion, Sala 40, Libro 4, fol. 230).

(См. стр. [436](#) и [521](#)).

PARA SU SANCTIDAD.

Святой отец:

ДОКУМЕНТЫ

Нет , он написал сценарий заранее . S^t de los herexes lutheranos que en estas partes nuevamente se an descubierto por pensar que siendo los negocios como son de muy grand inportancia convenia primero hacerse las dilixencias que se an hecho para descubrir mas en ellos y aunque parezca que a avido alguna dilacion en esto suplico a V. S. no lo atribuya a culpa de descuido ni de otra cosa sino al deseo que yo y los ministros del sancto officio que tratamos estas cosas tenemos en cumplir con toda vigilancia lo que es a nuestro cargo en servicio de dios y descargo de V. S. a quien humilmente suplico se acuerde de mandar las cosas que tocaren al servicio de V. S. y de su sancta sede apostolica con la confiança que merece mi deseo y fidelidad de hijo y siervo muy obediente y que siempre tenga memoria de favorecer las cosas del sancto officio con la aficion y voluntad que lo a hecho para que en tiempo de su felicisimo pontificado se extirpen las herexias y se ahumente la fee catholica y rreligion christiana como espero en dios sera ansi y por no cansar a V. S. con larga carta me rremito a la rrelacion que va con esta por mano del dean de oviedo y de joan de vedoya que tienen cargo en esa corte de los negocios del oficio de la santa Inquisicion de las provincias que estan a mi carga. Guarde dios la muy sancta persona de v. beatitud por muchos años para su servicio y buen gobierno de su yglesia. En valladolid 9 de setiembre 1558. S. V. Servus humilis, F. Hispalens.

La Relacion que se embio con la carta a su Santidad—

Despues que se a tenido noticia de las herexias y errores de lutero y sus secaces y se an estendido por muchas partes de la cristiandad la provincia que por la gracia de dios mas libre a estado desta macula a sido los rriñones de españa por el gran cuidado y vixilancia de los ministros del santo officio de la Inquisicion aunque algunos pocos naturales y otros estranjeros dellos an sido convencidos y condenados por herexes destos errores y executados en sus personas las penas que merecian en los que an podido ser avidos y contra otros que se an ausentado se a procedido en rebeldia y an sido condenados en su ausencia y contumacia.

A sucedido de un año a esta parte poco mas ó menos que como los Inquisidores de sevilla por ciertos avisos e yndicios que tuvieron començaron a inquirir y hacer dilixencias contra ciertas personas de aquella cibdad y esto vino a noticia de unos frailes del monesterio de sancti ysidro extramuros della que son de la orden de los hermitanos de sant geronimo y entendieron ser culpados luego se ausentaron del monesterio y del arçobispado y del reyno y entiendese que estan en alemania los nombres de los quales van en una memoria questa con esta y de los que quedaron en el monesterio

están presos en la Inquisición de Sevilla ochos frailes demás de otras personas sus cómplices. A esta sazón que esto acaeció supuso también como había venido a Sevilla un hombre español llamado Julian que venía de Alemania y traía cartas de un hereje que allá está deste Reyno llamado Joan Perez para ciertas personas principales de aquella cibdad y que también había traído muchos libros de herejes así en latín como en lengua española y los había repartido por ciertas personas que se los pagaban bien. Este hombre fue avisado y encubierto y persuadido que luego se ausentase porque los Inquisidores lo sabrían y le quemarían y así se ausentó de manera que por buena diligencia de los Inquisidores fue preso en la Sierra Morena treinta leguas de Sevilla adonde fue traído y está preso el qual aunque al principio muchos días estuvo muy pertinaz en sus herexias y dixo de otras muchas personas ya parece que muestra arrepentimiento y que quiere reducirse a la yglesia catholica. De la prisión deste y de los otros por resultado otras muchas prisiones que se han hecho y están presos y otras se espera que lo serán en Sevilla e su comarca.

Entiendese que toda la mayor parte del daño que se ha hallado en Sevilla resultó de algunos compañeros y devotos del doctor Exidio canonigo de la magistral de aquella iglesia ya defunto que fue admitido el año de cinquenta y tres a abjuración de muchos errores que tuvo cerca de estas materias aunque segund se sospecha falsa y finxidamente y que engañó a los Inquisidores de manera que quedaron muchos inficionados de su ponçona en que hay personas principales Illustres y letrados los quales hasta agora hay allí presos demás de los frailes de sant Ysidro verse han por la memoria que va con esta. Demás de lo dicho abra cinco o seis meses que por ciertos indicios y avisos quel Inquisidor general y el consejo e Inquisidores tuvieron se entendió que en Valladolid Salamanca çamora toro palencia logroño se domesticaban muy secretamente malas doctrinas de los errores lutheranos y aunque la averiguación y Inquisición desto se comenzó a hacer con toda la disimulación y secreto posible no dexó de venir a noticia de algunos de los culpados entre los quales fue frai Domingo de Rojas fraile y predicador de la orden de sancto Domingo hijo del marques de Poça e don Carlos de Seso que huieron con toda diligencia el fraile en abito seglar y fueron presos en Navarra adonde ya tenían salvo conduto para se pasar en Francia como lo hicieran si la buena diligencia de la Inquisición no los previniera embiando por todos los puertos y pasos de los confines de los Reynos de España así marítimos como de la tierra fueron traídos a la Inquisición de Valladolid adonde está la corte y reside el Inquisidor general y consejo de Inquisición y se han prendido y están presos otros muchos cómplices así personas principales e Illustres e letrados cuyos nombres van en el memorial e sus causas y procesos se oyen y prosiguen con todo cuydado e diligencia porque demás de los Inquisidores que de asiento residen en la Inquisición de Valladolid el Inquisidor general a proveído que dos de los del consejo que asisten con él vayan cada día mañana y tarde a la audiencia de las cárceles a oír a los presos y tomar sus confesiones y proveer lo necesario y por ser los presos muchos y las causas y personas tan calificadas se ha mandado venir otros Inquisidores y oficiales de otros partidos para que todos juntos se ayuden para la brevedad y buena expedición de los negocios y conclusos los procesos está acordado que se llamen peritos y letrados theologos y juristas de los mexores y de mas auctoridad que se hallaren para que juntamente con los Inquisidores los vean y determinen conforme a derecho y a la calidad y gravedad de cada uno.

ДОКУМЕНТЫ

Hanse embiado Inquisidores que hagan diligencia en Salamanca toro çamora Palencia logroño y en otros lugares donde los principales domesticados y culpados están presos han frequentado mas sus comunicaciones de que se presume han hecho mucho daño y a Sevilla se embió el obispo de Tarazona que ha sido Inquisidor muchos años para que como persona de experiencia y de la dignidad que tiene

asista con los Inquisidores y personas que entienden en los negocios de alla y de color y auctoridad a lo que alli se hiciere demas de lo que el Inquisidor general y el consejo de la Inquisicion ayudan de la corte con todo el cuidado y dilixencia posible por la auctoridad rreal porque la mag^t inperial y rreal y la serenissima princesa en su nonbre han hecho toda demostracion y dado todo favor ansi con sus cartas y provisiones como socorriendo con diez mill ducados para los gastos que se an hecho y hacen porque del officio no avia un maravedi que aun para las prisiones de los que se avian ausentado fue necesario quel arçobispo Inquisidor general lo proveiese de su camara.

Puesto que se an hecho las dilixencias posibles en que no se vendan ni se traigan a estos reynos libros prohibidos que an sido la principal causa deste daño y sean hecho censuras dellos todavia los herexes que stan en alemania y en otras partes que parece han tenido correspondencia con algunos destos partes an tenido forma para meterlos y para que en el rremedio desto aya mas vixilancia y que la comunicacion de estranxeros de provincias dañadas no hagan mas daño en estas se da orden que vaian y rresidan Inquisidores con sus oficiales por las costas de la mar y lugares donde suele aver concurso de tractantes y gentes de la calidad que esta dicho.

Y aunque al principio que se instituo el officio de la sancta Inquisicion en estos rreynos en tiempo de los reyes catholicos de gloriosa memoria avia ynquisiciones con todos los oficiales que heran menester para Inquisicion formada casi en cada obispado y como yvan diminuendo las confiscaciones de las haciendas de los condenados con que se pagavan los oficiales se ivan tambien acortando el numero de las ynquisiciones hasta que quedo en las pocas que agora son que ay ynquisicion que tiene en su partido quince obispados y aun para los oficiales que en ella rresiden no ay con que cumplir los salarios tenues que les estan señalados que no a sido de poco inconveniente para la auctoridad del sancto officio y aun de algun escrupulo para los que tractamos y aunque algunas veces se a puesto en platica por los sumos pontificos pasados el rremedio desto no se a dado creese que por negligencia de los que solicitaron y segund el tiempo es tan peligroso de las herexias que se an levantado parece muy conviniente y necessario que se accrecentasen mas Inquisiciones como al principio las avia y que los salarios fuesen para poder sustentar los oficiales y se perpetuasen lo qual se podria hazer facilmente mandando su S^t aplicar algunas rrentas eclesiasticas que sirven de poco fructo a la iglesia de dios y seria mexor enpleado en sustentarse la Inquisicion que a andado y anda muy quebrantado por falta desto y aunque en todos estos negocios se entiende con toda la dilixencia posible no savemos en que parara para adelante si el sancto officio de la Inquisicion no tiene de que se susentar el rremedio de lo qual se spera de su santidad segund la aficion y cuydado particular a tenido siempre y tiene de hazer merced y favor al sancto officio.

Considerado bien estos negocios parece que no dexan de tener el principio de mas lexos y que las herexias que el maestro joan de oria fue acusado y los errores que vinieron los quales llamavan alumbrados o dexados naturales de guadalaxara y de otras lugares de reyno de toledo y de otras partes heran de la simiente destas herexias lutheranas sino que los Inquisidores que en aquel tienpo conocieron de aquellos causas no estaban praticos destos errores lutheranos para usar de la execucion que conviniera hacerse con mas rrigor lo qual y aver ydo algunos de los culpados a rroma y aver hallado alli buena acoxida y y dispensando con ellos les dieron ocasion de atreverse a ser pertinaces en sus errores y dexar sucesion dellos como tambien se a entendido que de averse admitido el doctor exidio a rreconciliacion el año de cinquenta y tres por no alcançar los jueces los inconvenientes que para adelante se rrepresentan con la espiiencia en las cosas desta qualidad como esta dicho a sucedido el daño que aora se descubre en sevilla por ser los principales culpados

de los que fueron apasionados y aficionados y sequaces del doctor egidio de quien les quedo el lenguaxe de sus herrores y falsa doctrina.

ДОКУМЕНТЫ

Ansi mesmo se tiene entendido que algunos perlados y frailes y otras personas particulares en estos rreinos tienen libros prohibidos de auctores herexes y de herrores lutheranos y aunque se an publicado las censuras que por el sancto officio estan proveidas y discernidas para que no los tengan y los exhiban a los officiales que para esto estan nombrados por el sancto officio no los dexan de tener diciendo que tienen facultad y licencia apostolica para ello y demas del peligro que podria suceder en los que los tienen en leerlos como se entiende que de leerse an dañado algunos letrados y otras personas es tambien de mucho peligro que algunos de los que los tienen dexan libremente leerlos a los de su casa y personas que entran en ella segund se tiene rrelacion dello convernía que su santidad proveyese rrevocando por su breve todas las licencias y facultades que se an dado para tener libros prohibidos por la iglesia catholica y por el santo officio mandando con graves penas que no los tengan y que los que tienen los entreguen luego al sancto officio y que pueda proceder con todo rrigor contra los que hizieren lo contrario e imponiendo grandes censuras y excomunion late sentencie a los confesores ansi curas frailes como otros qualesquier sacerdotes hagan preguntas particulares a los penitentes si tienen libros prohibidos o de mala doctrina o si saben o hagan oydo quien los tenga o ayan dicho alguna cosa contra nuestra sancta fee catholica o contra lo que tiene la sancta madre iglesia de rroma y que los que hallaren que algo desto tienen o saben no los asuelban sino que vaian a decirlo a la Inquisicion porque del descuido o malicia de algunos confesores se entiende que a avido mucho daño so color de correccion fraterna y no parece que dexa de ser de mucho ynconviniente la clausula que en las bulas de cruçada y otras bulas se concede facultad de poder elexir confesor qual quisieren por que con esto no pueden tener buena cuenta los curados de sus perochianos.

Atento lo qual y que estos herrores y herexias que se an començado a domaticar y sembrar de luthero y sus secaces en españa an sido a manera de sedicion o motin y entre personas principales a sido en linaxe rreligion y hacienda como en deudos principales de quien ay gran sospecha que podrian suceder mayores daños si se usase con ellos de la benignidad que se a usado en el sancto officio con los convertidos de la ley de moisen y de la secta de mahoma que comunemente an sido gente baxa y de quien no se temia alteracion ni escandalo en el reyno como se podria tener o sospechar en los culpados destas materias lutheranas ansi por lo ya dicho como por ser materia de libertad de obligaciones y preceptos de la iglesia que el pueblo tiene por pesados y se aficionaria facilmente a libertarse y podria ser que los Inquisidores apostolicos y consultores y tambien los ordinarios que an de ser llamados para la determinacion de los negocios o algunos dellos al tiempo de votar y sentenciar los procesos tuviesen algun escrupulo de rrelaxar al braço seglar alguno de los culpados que serian personas de calidad para admitirlos a misericordia se sospecha que no cunplirian las penitencias o carceles que les fuesen impuestas con la humildad y paciencia que lo suelen hacer las otras personas de mas baxa suerte y por la qualidad de las tales personas y de sus deudos podrian suceder mayores ynconvinientes y escandalos ansi en lo de la rreligion como en lo de la publica paz y sosiego del rreyno y por todo esto convernía mucho que su santidad concediese y mandase por un breve a los Inquisidores apostolicos y consultores que sin temor ni escrupulo de yrregularidad ni de otra cosa pudiesen rrelaxar y rrelaxasen al braço seglar ansi a las personas culpadas de quien verisimilmente se pudiese temer o sospechar alteracion en la republica christiana o perturbacion de la paz y quietud del reyno como a los domagtitas destas herexias y a los que principalmente fueron

culpados en quien a los jueces pareciere conveniente usar de la execucion de la justicia exemplar aunque fuesen personas constituidas en qualquier dignidad seglar o pontifical y eclesiastica y de qualquier orden habito y rreligion y estado que sean conociendo de sus causas y procediendo contra ellos a cautura y execucion de sus sentencias dando a los dichos Inquisidores y consultores libre poder y alvedrio para usar del rrigor que la calidad de los negocios y tiempos y del temor de lo contrario dellos para lo fucturo lo rrequiere y que se puedan estender etiam ultra terminos juris communis.

Algunos años a que en estas Inquisiciones no se hallaran culpados sino muy pocos en los errores de la lei de moisen hasta aora de pocos dias aca que en la Inquisicion de murcia se an descubirto muchos personas culpadas en esto del judaismo y aunque de algunos se a hecho justicia en un acto solene que alli se celebros de la fee estan presos y para prenderse otras muchas personas de calidad que no es de menos ynportancia que los otros negocios que se ofrecen.

Ansi mesmo a avido y ai mucho en que entender con los nuevos convertidos de moros de los reinos de castilla granada aragon y valencia que por bivar libremente en la seta de mahoma se pasavan a ververia y los mas de los que quedavan no dexavan de guardar las cerimonias de la dicha secta a se dado la mejor orden que a sido posible para mas asegurarlos de que an de ser tractados con clemencia como parecio que convenia para su quietud y para su enmienda y buena ynstrucion y doctrina christiana para que cesen las ofensas que cometian contra dios nuestro señor con su mal bivar y para justificar la execucion de la justicia y castigo que se hiciere en los culpados.

IX.

Изгнание английских и шотландских протестантов в 1625 году.

(Archivo de Simancas, Inquisicion, Libro 19, fol. 239).

(См. [стр. 466](#))

ДОКУМЕНТЫ

Señor. Luego que por el año de 1605 se hicieron las paces entre el Señor Rey Don Felipe 3, Padre de V. Mag^d (que santa gloria aya) y Serenisimos Archiduques con los Reynos de Inglaterra y Escocia, para que los capitulos de ellas pertenecientes al comercio tuviesen efecto, precediendo permission de su Santidad, parecio conveniente ordenar que no fuesen molestados las personas que de los dichos Reynos de Inglaterra y Escocia pasasen a los de V. Mag^d, por razon de la conciencia y religion, como con efecto se mandó á las Inquisiciones de estos Reynos, solo con fin de asegurar mas la contratacion y paz, y haviendose rompido como es notorio sin causa ni razon por los dichos Reynos de Inglaterra tomando las armas contra los de V. Mag^d cesan las causas de la permission que su Santidad dió en consideracion de las paces, y me hallo obligado en conciencia á procurar obiar los inconvenientes y daños que pueden resultar á los catholicos de la comunicacion y trato con tan perniciosos y pertinaces herejes como son los naturales de aquellos Reynos, no permitiendo que vivan ni esten en estos de V. Mag^d y lo contrario sera contravenir á la voluntad de su Santidad y faltar yo á las obligaciones de fiel vasallo de V. Mag^d y de mi officio y para cumplir con todo he ordenado que se publique un edicto en esta corte y en las ciudades y lugares principales de estos Reynos para que todos los naturales de los de Inglaterra y Escocia que no fueren Catholicos y reconocieren á la Santa

Iglesia catholica Romana salgan dentro de veynte dias de todos los Reynos y señorios de V. Mag^d con apercebimiento que pasado el dicho termino seran castigados por el santo officio los transgresores, y de hacerlo assi resulta muy gran servicio á Dios y benefificio á estos Reynos, donde la santa fe catholica se ha conservado en su pureza mediante el santo celo y vigilancia de V. Mag^d y los señores Reyes sus predecesores, y por ser negocio grave y de que es razon tenga V. Mag^d noticia no lo he querido executar sin dar dello cuento primero a V. Mag^d que en todo mandara lo que fuere servido. En Madrid, 9 de Noviembre de 1625. Señalada del Illmo Señor Inquisidor general.

X.

Указ о запрете Книги.

(Из справочника в Национальном историческом архиве, Инквизиция Толедо, Легаджо 498).

(См. [стр. 484](#))

CARTA PARA REMITIR EDICTOS.

Con esta se le remite el edicto yncluso en que se prohiven los papeles y libros que en el se mencionan, y asi en recibiendo en el primer dia de Domingo ó fiesta de guardar, le hara publicar al ofertorio de la misa combentual que se dixere en la parrochial de la villa ó lugar, y un tanto del autorizado del notario se pondra á las puertas principales de dicha parrochial (y le remitira original á los lugares que se contienen á la margen). Y esto se dice quando se remite el mismo á otras partes y se le ponen los lugares á la margen, y se firma dicha carta de los señores Inquisidores y se refrenda de un secretario. Quando se le remite algun expurgatorio se le dice al comisario que ante dos religiosos los mas doctos, y sino hubieredos sacerdotes, haga el expurgatorio al tenor del que se le remite, y que ponga en el principio de los que expurgare y borrar como los expurgó en tantos de tal mes y año.

EDICTO EN QUE SE PROHIBEN LIBROS.

Nos los inquisidores Appostolicos contra la heretica pravedad y apostasia en todo el reyno de Navarra, obispado de Calahorra y la Calzada y de su distrito etc. hacemos saver á todos y qualesquier personas de qualquier estado preheminencia y condicion que sean, exemptos y non exemptos, deste nuestro distrito que, al servicio de Dios nuestro señor, bien y utilidad de nuestra santa fee Catholica y religion Christiana, combiene y es necesario se recojan y prohivan yn totum los libros y papeles siguientes. Primeramente (aqui se ponen los libros que se prohiven y acavando se dice). Por tanto por el tenor de las presentes mandamos so pena de excomunion mayor latae sententiæ, trina canonica monicione premisa, y de cada cinquenta mil maravedis para gastos del santo officio, que ninguna persona en cuyo poder se hallaren dichos libros ó papeles no pueda leerlos mano escriptos ni ympresos de los dichos ni de otras qualesquier impresiones, benderlos ni ymprimirlos de nuebo, antes bien dentro de tercero dia los traigan á este Santo Officio ó los entreguen al Comisario en cuio distrito se hallare, con apercivimiento que lo no haciendo dentro del dicho termino procederemos contra los que reveldes fueren por todo rigor del derecho, como contra personas ynobedientes á los mandamientos y censuras del Santo Officio. Dado en la Inquisicion de Logroño á.... Firman los señores Inquisidores y refrendalo un secretario. Y se escribe en papel á lo ancho.

XI.

Комиссия по проверке библиотек.

(Archivo de Simancas, Inquisicion, Sala 40, Libro 4, fol. 233).

(См. [стр. 487](#))

ДОКУМЕНТЫ

Nos, Don Fernando de Valdés, por la divina miseracion arzobispo de Sevilla etc. confiando de las letras y recta conciencia de vos el r^{do} licenciado Martin del Pozo provisor en el obispado de Tarazona, y que bien y dilixentemente hareis lo que por nos vos fuere encomendado, por el thenor de la presente vos damos poder y facultad para que podais visitar y visiteis todas las librerias de qualesquier libreros, monesterios, universidades y personas particulares que estan y rresiden en todo el destricto del dicho obispado para ver si ay algunos libros hereticos, sospechosos y escandalosos ansi de los contenidos en el cathalogo de los libros rreprovados como de los que contengan en si algun horror ò sospecha del y mandamos à todos y qualesquier personas de qualquier estado orden y rreligion y qualidad que sean, que vos muestren y dexen ver las dichas sus librerias y libros que tuvieren para el dicho efecto, lo qual hagan y cumplan so pena de sentencia dexcomunión mayor late sentencie y de docientos ducados de oro à cada uno que lo contrario hiciere para los gastos del sancto officio, y los rreprovados, sospechosos ò malsonantes que hallaredes y las informaciones que recibieredes contra las personas que tuvieren los dichos libros las remetid à los r^{dos} Inquisidores de Çaragoça para que vista hagan en el dicho negocio justicia, para lo qual todo vos damos el dicho nuestro poder y cometemos nuestras veces. Dada en Valladolid à 13 dias de abril, año 1559. F. Hispalens. Por mandado de su S^o Illmo, Pedro de Tapia.

XII.

Лицензия на чтение Библии на итальянском языке.

(Archivo de Simancas, Sala 40, Libro 4, fol. 126).

(См. [стр. 528](#))

Nos, Don Juan Tavera, Inquisidor General contra la heretica pravedad en los Reinos y Señorios de su Magestad etcetera. Por quanto por parte de vos la muy ilustre señora Duquesa de Soma nos ha seido pedido que se vos diese licencia de tener Biblia traducida en vulgar toscano y leer en ella, confiando de vuestro buen celo y devocion, vos damos licencia y facultad para que tengais la dicha Biblia en toscano y leais en ella por espacio y termino de un año no embargante qualquier prohibicion que en contrario sea fecha sin caer ni incurrir por ella en pena alguna, en testimonial de lo qual mandamos dar la presente firmada de nuestro nombre y refrendado del secretario de la general Inquisicion.

Dada en la villa de Madrid à veinte de Hebrero de mil quinientos quarenta y tres años.

И. Кардиналис.

Por mandado de su ilustrisima y reverendisima señoria.

Hieronimo Zurita.

История

инквизиции средневековья

От

Генри К. ЛЕА, доктор права

Автор "Истории инквизиции Испании" и др.

Три тома, октаво. 7,50 долларов, *нетто*, за комплект.

"Есть книги, которые раскрывают самые возвышенные усилия широкой и серьезной жизни; такая книга исходит из высших целей и поэтому будет признана не только научной, но и дающей импульс интеллектуальной деятельности и устремлениям своей эпохи. Такой книгой является "История инквизиции средних веков" Генри Чарльза Ли". —*Frankfurter Zeitung*, 10 января 1906г.

История Соединенных Штатов

От компромисса 1850 года до восстановления самоуправления на Юге в 1877 году

АВТОР

ДЖЕЙМСА ФОРДА РОДСА, доктора права,

члена массачусетского исторического общества

, семь томов, октаво. Ткань, 17,50 долларов, *нетто*, за комплект; половина телячьей кожи, 32,00 долларов, *нетто* за комплект; три четверти леванта, 40,00 долларов, *нетто* за комплект.

"Произведение достойно восхищения с точки зрения стиля — ясное, лаконичное и действительно увлекательное по своему повествованию. Более тщательно читаемая книга редко была написана в каком-либо отделе литературы".

"Маловероятно, что мы увидим более полную или сбалансированную историю нашей великой гражданской войны". —*Нация*.

История современной Англии

ГЕРБЕРТА ПОЛА

, пять томов, 8 томов, ткань, 12,50 долларов, *нетто*, за комплект.

Читатели "Мэтью Арнольда" мистера Пола из серии "Английские литераторы" будут ожидать от него книгу, написанную, мягко говоря, бесстрашно и увлекательно. Они далеки от того, чтобы быть разочарованными этим блестящим молодым студентом, журналистом и политиком (мы используем это слово в лучшем смысле), они здесь для того, чтобы получить все это и многое другое.... У него есть особая рекомендация - снова пробудить в сегодняшнем читателе живой интерес к политическим вопросам, решенным давным-давно, и вновь привнести в политику середины века личный элемент, которого, вероятно, не хватало в чисто конституционной истории.... В целом, автор дал нам представление об истории жизни английской нации. Он обладает редким достоинством понимать своих соотечественников, и, хотя он, как англичанин, гордится достижениями Англии, он скрупулезно справедлив в отношении ее политической

деятельности.... Действительно, помимо полного отчета об английской политике и интеллектуальной жизни, у нас есть практически полная история европейских дел за тот же период”. — *“Нью-Йорк таймс”*.

Современная история Кембриджа

Задумано покойным ЛОРДОМ ЭКТОНОМ, доктором права, региональным профессором современной истории Кембриджского университета.

Под редакцией А. В. УОРДА, доктора технических наук, Г. В. ПРОТЕРО, доктора технических наук и СТЭНЛИ ЛИТСА, магистра медицины

Будет полностью издано в двенадцати королевских 8-томных изданиях, по 4,00 доллара за каждый, *нетто* (за дополнительную плату), из расчета по два тома в год.

I. ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ. <i>Готовы.</i>	VII. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ. <i>Готов.</i>
II. РЕФОРМАЦИЯ. <i>Готовы.</i>	VIII. ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. <i>Готовы.</i>
III. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЙНЫ. <i>Готов.</i>	IX. НАПОЛЕОН. <i>Готов.</i>
IV. ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА. <i>Готов.</i>	X. РЕСТАВРАЦИЯ И РЕАКЦИЯ.
V. БУРБОНЫ И СТЮАРТЫ.	XI. РОСТ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ.
VI. ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК.	XII. НОВЕЙШАЯ ЭПОХА.

КОММЕНТАРИЙ ПРЕССЫ К ОПУБЛИКОВАННОЙ РАБОТЕ:

“Самая полная, всесторонняя и научная история современности на английском языке или на любом другом языке”. — *The Evening Post*, Нью-Йорк.

“Не может быть никаких сомнений в огромной ценности этой работы — на самом деле, она бесценна для каждого изучающего историю”. — *The Public Ledger*, Филадельфия.

“Работа огромной ценности. Он может справедливо утверждать, что не имеет конкурентов в английском языке”. — *The Atlantic Monthly*, Бостон.

КОМПАНИЯ "МАКМИЛЛАН"
ПЯТАЯ АВЕНЮ, 64-66, НЬЮ-ЙОРК

СНОСКИ:

[1] “Res est fragilis et periculosa et quæ veritatem fallit.”—L. 1, § 23, Dig. XLVIII, xviii.

[2] Часть, П. III, Тит. xiii, листы 4, 5.

[3] Смотрите “Историю инквизиции средних веков”, III, 313, 315.

[4] Комментарий Pegnæ. 110 в Eumerici Director. P. III.—Библия. nacional, Рукопись, Мм, 122.

[5] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 61.

[6] Педраза, Hist. экклз. de Granada, fol. 275 (Granada, 1638).

[7] Декретор коллекции. S. Конгр. S^{ti} Officii, стр. 407 (МИСС *пеняет мне*).—Декретный пакет. Конгр. S^{ti} Officii, p. 569 (Bibl. del R. Archivio di Stato in Roma, Fondo camerale, Congr. del S. Officio, vol. 3).—Ristretto cerca li Delitti più frequenti nel S. Officio, p. 18, 148 (MS. *penes me*).—Praxis procedendi, Cap. 18, n. 2, 3, 5 (Archivo hist. nacional, Inquisicion de Valencia).

[8] Вида де Дон Диего Дуке де Эстрада (Память. история. español, XIII. 55-60.)

Эстрада рассказывает, что после пыток он заплатил палачу двести дукатов, чтобы тот не сделал его калекой. Процесс был очень болезненным, заключался в растяжении конечностей и натирании мазью, состоящей из равных частей жира человека, змеи, медведя, льва, гадюки и лягушки, растопленного на медленном огне с маслом сладкого миндаля, перикона, ромашки, розадо и бальзама Востока. Лечение прошло успешно.

Об ужасном случае пыток в Антверпене, имевшем место еще в 1792 году и продолжавшемся с интервалом более года, см. Эжена Юбера, "Пытки без оплаты труда", стр. 124-9 (Брюссель, 1897).

[9] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Libro 939, fol. 121.

[10] Инструкция 1561, § 21 (Аргуэлло, fol. 30)

[11] История архива. национальная инквизиция Толедо, Раздел 99, № 25.

[12] Там же, Раздел 54, n. 356.—Болетин, XXIII, 335-7.—Инструкции 1561 г., § 50 (Аргуэлло, fol. 34).

[13] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 3, n. 7, fol. 393.

[14] Пабло Гарсия, Орден Процесса, fol. 27-8.

[15] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 299, fol. 80.

[16] Архив Симанкаса инквизиции, Раздел 939. fol. 113.—Инструкции 1561 г., § 50 (Аргуэлло, fol. 34).

[17] Архив Алькала, Гасиенда, Стр. 544² (Библиотека 6). Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, T. I.

[18] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 934.

[19] Симанча Энчирид., тит. LII, № 33.

[20] Архив Симанкаса, Инквизиция, стр. 552, фол. 17, 22, 23.

[21] История архива. национальная инквизиция Толедо, Закон 176, № 679.

[22] История архива. национальная инквизиция Толедо, Раздел 299, fol. 80; Раздел 61.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 342

[23] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20. T. I.

- [24] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, фол. 36.
- [25] Там же, библиотека 939, fol. 110 (Библиотека 4).
- [26] Разъяснения^{ti} Officii, § 21 (Архив Алькалы, Гасиенда, раздел 244.)
- [27] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 299, fol. 80.—Elucidationes Sancti Officii, § 22 (*ubi sup.*).—Bibl. nacional, Рукопись, V, 377, Глава ii, §§ 3, 4; Глава v, § 4. —Комментарий Пегна. 110 in Eumerici Direct. P.III.—Симанс де Катх. Institt. Синица. LXV, n. 23-34; Ejusd. Энчирид. Синица. LIII, № 17, 19.—Архив Симанкаса инквизиции, библиотека 933.
- [28] Архивная история. nacional. Инквизиция Валенсии, Раздел 299, fol. 80.—Pegnæ, *лок. цит. по*—Симанс де Катх. Institt., *loc. cit.*
- [29] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20. Т. I.
- [30] История архива. национальная инквизиция Валенсии, стр. 299, фол. 80.—Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, Т. I.—Библ. nacional, рукопись, Стр. 28; Там же, V, 377, глава ii, §§ 6, 7; Глава v.
- [31] Рохас де Эрет., P. I, № 374.
- [32] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, Т. VI.
- [33] Константа 17, Код. IX, ii.—Pseudo-Julii Epist. II, Глава xviii.—Грациани Декрет. П. II, Кауз. V, q. 3, с. 5.
- [34] Innocent. P P. IV Бык. *Ad extirpanda*, §26 (Bullar. Римлянин. I, 91).—Locati Opus judiciale Inquisitor, стр. 477 (Рим, 1570).
- [35] Praxis procedendi, глава 18, n. 16-21 (Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia).—Симанча Энчирид. Синица. LII, n.31.—Instrucciones de 1561, § 45 (Аргуэлло, fol. 33).
- [36] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 812, Лима, fol. 20-24.
- [37] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, этап 61.—Praxis procedendi, глава 18, п. 13 (там же).
- [38] Библ. nationale de France, fonds espagnol, n. 81.
- [39] Комментарий Pegnæ. 110 в постановлении Эймерики. П. III.—Симанс де Катх. Institt. Синица. LXV, № 50.—Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 269.
- [40] Льоренте, Hist. критерий, глава. XVIII, ст. 1, п. 24.
- [41] Архив Симанкаса Инквизиции, библиотека 939, fol. 110.—Инструкции 1561 г., §§ 48-55 (Аргуэлло, fol. 33-4).
- [42] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, Т. I.
- [43] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 2, n. 10, fol. 74.
- [44] Там же, Раздел 2, № 7, следующий за 5; № 10, следующий за 37, 79.

[45] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 3, n. 7, fol. 346.

[46] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, T. I.—Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 9, n. 1, fol. 102, 148.

[47] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 934.

[48] Там же, библиотека. 977, fol. 267.

[49] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, стр. 396.—Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20. T. I.

[50] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 934.

[51] Там же, *источник. cit.*—Praxis procedendi, глава 18, № 29 (Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia).

[52] Архив gen. де ла К. де Арагон, Регистрационный номер 3684, фол. 102.—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека I.

[53] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 78, fol. 56.

[54] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 5, n. 3, fol. 143.

[55] Архив Инквизиции де Симанкаса, Раздел 552, fol. 35.

[56] Там же, Раздел 1480, fol. 13. В отчетах они в основном ненавязчиво описываются как “секретные сведения”.

[57] Там же, библиотека 939, fol. 110.—Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 299, fol. 80.

[58] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 934.

[59] Так, на суде над Изабель де Монтойя, после того, как ее раздели, “кто се ле мандарон понер лос паньос де ла вергуэн” (г-жа *пенес меня*).

[60] Инструкция 1561, § 49 (Аргуэлло, fol. 34).—Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 299, fol. 80.

[61] Пабло Гарсия, Орден Процессора, fol. 29.

[62] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 299, fol. 80.

[63] Архив истории. nacional, Инквизиция Толедо, Раздел 99, № 25.—В протоколе на полях грубо нарисован *эскалера*, таким образом, ИИИИИИ

[64] Процесс против Мануэля Диаса; Процесс против Мари Родригес (РУКОПИСЬ *penes me*).

[65] Копией письма из Кордовы и корреспонденции из Галисии я обязан доброте покойного генерала Мексики дона Висенте Рива Паласио. Их существование там указывает на то, что они были направлены во все трибуналы. Инструкции Верховного от 1662 года находятся в архиве Симанкаса, Инквизиция, библиотека 934; Библиотека 977, fol. 267.

[66] Инструкция 1561, § 48 (Аргуэлло, fol. 33).

[67] Praxis procedendi, глава 18, № 29 (Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia).—Archivo de Simancas, Inquisicion, Leg. 552, fol. 36.

Павел III, регулируя в 1548 году уголовную практику в Риме, запретил пытку продолжительностью в час и более или прерывать ее на обед или ужина.—Pauli, стр. III Const. *Ad onus Apostolicæ*, § 6 (Булл. I. 776).

[68] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 3, n. 7, fol. 436.

[69] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, fol. 2, 40.

[70] Там же, Раздел 552, fol. 23, 31.

[71] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 138.

[72] Пабло Гарсия, Орден де Процессар, фол. 30.

[73] Процесс против Марии Лопес ла Сальседы, фол. 7 (СР. *пенес меня*).

[74] Смотрите дело Мануэля Гонсалеса при Гваделупе в 1485 году (Болетин, XXIII, 337).

[75] Инструкции 1484, § 15 (Аргуэлло, следующий раздел 6).

[76] Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Раздел 112, № 74, fol. 82-5.

[77] Симанкас (De Cath. Институт. Синица. LXV, № 81) решительно выступает против третьей пытки, хотя и говорит, что многие авторитеты одобряют ее, и я встречался с такими случаями, например, Мануэль Энрикес в Толедо в 1585 году (Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, T. I.).

[78] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, fol. 33.

[79] Разъяснения с^{ti} Officii, § 22 (Архив истории. nacional, Раздел 544, ², Библиотека 4).

[80] Библ. национальный, рукопись, KK, 53.

[81] Симанс де Кат. Институт. Синица. LXV, n. 74-75.—Разъяснения с^{должности}, § 22 (Архив Алькала, Гасиенда, Закон № 544, ², Библиотека 4)

[82] Инструкции 1561 г., § 54 (Аргуэлло, fol. 34).

[83] Архив Алькала, Гасиенда, Участок 544² (Библиотека 4).

[84] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 2, n. 10, fol. 13, 14, 16, 28, 38, 39, 79.

[85] Библ. nacional, рукопись, V, 377, глава 4, § 5.

[86] Библ. nacional, рукопись, S. 294, fol. 375.

[87] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, fol. 2, 6.

[88] Данвила-и-Колладо, Изгнание лос-Морискос, стр. 227.

- [89] Архивная история. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 387.
- [90] Королевская библиотека Берлина, квартал 9548.
- [91] История архива. национальная инквизиция Толедо, Раздел 154, № 356.
- [92] Процесс против Мари Гомес (г-жа *пенес меня*).
- [93] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 138.—Bibl. национальный, рукопись, КК, 53.
- [94] РУКОПИСЬ Библиотеки Университета Галле, УС, 20, Т. I.
- [95] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Libro 812, Лима, fol. 20-1; Страница 552.
- [96] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 3, n. 7, fol. 443.
- [97] Рукопись Библиотеки Университета Галле, УС, 20, Т. I.
- [98] Седулас де Фернандо VII, № 78, стр. 99 (Валенсия, 1814)
- [99] Льоренте, Hist. критерий. Глава. XLIV, ст. 1, п. 38.
- [100] Ordenanzas del concejo Real de su Magestad y los Aranzeles que han de guardar los Relatores, etc., fol. XXV (Вальядолид, 1556).
- [101] Постановление Правительства Российской Федерации. Конг. S^{ti} Officii, p. 508 (Bibl. del R. Archivio di Stato in Roma, Fondo Camerale, Congr. официальное дело, Том 3.)
- [102] Инструкции 1484, § 28 (Аргуэлло, fol. 8). Существенно повторяется в дополнительных инструкциях 1485 года, с добавлением, что в важных вопросах инквизиторы должны обращаться к суверенам за приказами.Аргуэльо, выпуск 11-12.
- [103] Инструкция 1488, § 2 (Аргуэлло, следующий раздел 9).
- [104] Пабло Гарсия, Орден де Процессар, fol. 9. Рукопись библ. nacional de Lima.
- [105] Инструкции 1498 г., § 3 (Аргуэлло, следующий раздел 12).
- [106] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933.—Архив истории. nacional, Инквизиция Толедо, Раздел 231, № 72, fol. 46.—Procesos contra María de Paredes y Mari Serrana (MSS. *penes me*).
- [107] Пабло Гарсия, Орден Процесса, фол. 10, 15.
- [108] Льоренте, Hist. критерий. Глава. XLII, ст. 1, п. 2.—Архив Симанкаса, Инквизиция, библиотека. 890.
- [109] Дело против Анджелы Перес, фол. 24-31 (МИСС *пенес меня*).
- [110] Этот случай из рукописи Дэниела Фергюссона, эсквайра, более подробно описан в “Главах из религиозной истории Испании”, стр. 362-73.
- [111] Инструкции 1561 г., § 18 (Аргуэлло, fol. 29)

- [112] Фуэро-Реаль-де-Испания, Либ. I, Tit. ix, ley 1.—Colmeiro, Córtes de Leon y de Castilla, II, 55.
- [113] Анджели де Клавазио Сумма Ангелика, с. против *Херетикуса*, § 20.
- [114] Молоточек Малефикарума, Р. III, Q. 10, 11, 35.—Приериас Стригимаг., Библиотека iii, глава 3.
- [115] История архива. национальная инквизиция Толедо, Статья 133, № 46; Статья 140, № 162; Статья 148, № 262; Статья 154, № 356, 375.—Болетин, XXIII, 295, 306.
- [116] Инструкции 1484, § 16 (Аргуэлло, следующий раздел 6).
- [117] История архива. национальная инквизиция Толедо, Раздел 99, № 25.
- [118] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933, стр. 259.
- [119] Карбонель де Гестис Херет. (Колл. de Doc. de la C. de Aragon, XXVIII, 167, 169, 171, 213).
- [120] Архив Симанкаса, Патронатореаль, Инквизиция, Лег. унико, фол. 43, 44.
- [121] Там же, Инквизиция Барселоны, Кортес, Участок 17, фол. 47, 48.
- [122] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 98.
- [123] Там же, стр. 19.
- [124] РУКОПИСЬ Библ. nacional de Lima, Protocolo 223, Expediente 5270.
- [125] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 377.
- [126] Там же, Раздел 5, п. 1, fol. 81.
- [127] Судебный мемориал в защиту жертв геноцида Пресвятой Богородицы и др. (Бодлианская библиотека, Свод законов, I. 23).
- [128] Архив Алькала, Гасиенда, Стр. 544² (Библиотека 6).
- [129] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, T. III, X.—Cf. Schäfer, Beiträge, II, 231.
- [130] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, T. VI.
- [131] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 30, fol. 38.
- [132] Архив Симанкаса, Патронатореаль, Инквизиция, Лег. унико, фол. 43, 44.
- [133] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 98, 103.—Пабло Гарсия, Орден процесса, fol. 24.
- [134] Архив Симанкаса, Инквизиция Канарских островов, Exp^{tes} de Visitas, страница 250, библиотека. I, fol. 8; Lib. III, fol. 3.
- [135] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, т. VIII.
- [136] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, фол. 98, 99.

[137] Там же. fol. 98.

[138] Архив Симанкаса, Инквизиция, Посещение Барселоны, Этап 15, fol. 2. Инструкции 1561 г., § 35 (Аргуэлло, фол. 31-2).

[139] Расшифровка. Мешок. Конгр. S^{ti} Officii, p. 496 (Bibl. del R. Archivio di Stato in Roma, Fondo camerale, Congr. официальное дело, Том 3).

[140] Partidas, П. VI, Тит. xvi, лейес 12, 13, 14.—Уго де Сельсо, Репортерио де лас Лейес, с. в. Курадор (Алькала, 1540).

[141] Пабло Гарсия, Орден Процесса, фол. 19.

[142] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, fol. 23.

Об обычае назначения куратором адвоката или подчиненного должностного лица см. *Praxis procedendi* глава 9, п. 4 (Arch. хист. nacional, Inq. de Valencia).—Арка. de Alcalá, Hacienda, Leg. 544² (Lib. 6).—Arch. хист. nacional, Inq. de Toledo, Раздел 110, № 31; Раздел 112, № 64.—Пабло Гарсия откровенно признает цель назначения куратора (Orden de Processar, fol. 14).

Однако именно об этой пародии на правосудие недавний апологет сообщает нам, что, если обвиняемому было меньше 25 лет, трибунал выбирал для него из числа самых выдающихся адвокатов города того, кто помогал ему на протяжении всего процесса.—Аббат Л.-А. Гаффер, "Инквизиция и инквизиции", стр. 105 (Париж, 1905).

[143] Пабло Гарсия, Орден де Процессар, fol. 77-8.

[144] Судебный процесс против брата Луиса де Леона (Coll. de Documentos, X. 564-5; XI. 12-49).

[145] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, fol. 29.

[146] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, fol. 31.

[147] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933.

[148] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 100, 101, 102; Визитас де Барселона, Этап 15, fol. 2.—Llorente, Añales, II. 303.—Instrucciones de 1561, §§ 31, 32, 34 (Arguella, fol. 31).

[149] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 101; Визитас де Барселона, Этап 15, fol. 20.—Instrucciones de 1561, § 32 (Аргуэлло, т. 31).—Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 376.

[150] Дело против Марии Гомес ла Саседы, фол. 55 (МИСС пенес меня).

[151] Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Раздел 112, № 71, следующий за 52.

[152] Там же, Раздел 111, следующий. 47.

[153] *Praxis procedendi*, глава 15, п. 1 (Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia).

Когда в 1601 году Максимилиан I Баварский консультировался с юридическим факультетом Падуи по поводу судебных процессов о колдовстве, один из его вопросов заключался в том,

следует ли предоставить копию доказательств обвиняемому, или же это должно быть изложено ему судьей и от него потребуются отвечать на месте, поскольку таким образом истина может быть лучше установлена. На это был дан решительный ответ. Все власти единогласно потребовали, чтобы обвиняемому была предоставлена копия и было предоставлено надлежащее время для ответа. Нигде в законе нельзя было найти исключения из этого правила, даже в отношении самых тяжких преступлений; право на защиту было естественным правом, которого обвиняемый не мог быть лишен. Сила этого, однако, была несколько ослаблена признанием того, что во власти монарха ограничить оборону.—Марк. Антон. *Peregrini Consilium de Sagis*, n. 144-50 (*Diversi Tractatus*, Colon. Агрипп. 1629).

[154] Архив Симанкаса, Инквизиция, библиотека 933.—*Praxis procedendi*, глава 16, n. 1 (*поддержка ubi.*).

[155] Симанс Энчирид. Синица. XLVII.

[156] Фуэро Юзго, Библиотека. II, Тит. i, лей 22.—Фуэро Реал, Либ. I, Тит. vii, лей 9.—*Partidas*, П. III, Тит. iv, лей 22.

[157] Инструкции 1561 г., § 52 (Аргуэлло, fol. 34).

[158] Картас де Иезуитас (Память. история. español, XV, 112).

[159] Процесс против фр. Luis de Leon (Col. de Documentos, X, 567; XI, 23, 29).

[160] Свод. история. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 299, fol. 80.

[161] Архив де Симанкаса, Библиотека 78, fol. 145, 146.

[162] История архива. национальная инквизиция Толедо, Раздел 114, № 14.

[163] Инструкция 1561, § 60 (Аргуэлло, fol. 35).

[164] Разъяснения с^{должности}, § 57 (Архив Алькалы, Гасиенда, Закон № 544, ², Библиотека 4).

[165] Комментарий Pegnæ. 22 в Эймериси, директор. П. III.

[166] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 939, fol 92.

[167] Пегна, *официальный сайт*

[168] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, Т. X.

[169] Архивная история. национальная инквизиция Валенсии, Часть 2, № 15; Часть 12, № 2, фол. 126.

[170] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 890.

[171] Архив Алькала, Гасиенда, Участок 544² (Библиотека 6).

[172] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, Т. I.

[173] История архива. национальная инквизиция Толедо, Закон 183, № 779.

[174] История архива. национальная инквизиция Толедо, Раздел 112, № 74, следующий. 53.

[175] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Lib. 82, fol. 75, 76.—Однако в 1574 году по аналогичному делу трибуналу было приказано не отправлять во Францию.—Ibidem, fol. 125.

[176] Расследование дела Марии Альтамиры, фол. 175, 178, 180 кв.м (РУКОПИСЬ Ам. Философ. Общество).

[177] Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Раздел 112, № 71, fol. 66-72.

[178] Там же, Инквизиция Валенсии, Раздел 2, № 7, следующий за 10; № 10, следующий за 79.

[179] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, fol. 41.

[180] Томас Санчес, В "Концепции декалогов", Библиотека. II, глава vii, № 36.—Симанкас де Катх. Institt. Синица. XXXI, п. 5.—Библия. nacional, Рукопись, V, 377, глава. II, § 18.

[181] Архив Алькала, Гасиенда, Участок 544² (Библиотека 6).

[182] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 72, фол. 76.

[183] Там же, Библиотека 76, фол. 227; Библиотека 939, фол. 72, 95, 96.

[184] Пабло Гарсия, Орден де Процессар, fol. 13.

[185] Archivo de Simancas, Inquisicion, Leg. 552, fol. 52.

[186] Praxis procedendi, глава 8, п. 4 (Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia).—Там же, Раздел 10, п. 2, fol. 36.

[187] Карбонель де Гестис Херет. (Col. de Documentos de la C. de Aragon, XXVIII, 12, 27).—Instrucciones de 1561, § 4 (Аргуэлло, стр. 32).—Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 213 fol., стр. 160; 218^b, стр. 397.

Когда аналогичные злоупотребления возникли в уголовных судах Каталонии, фискалу было категорически запрещено присутствовать при голосовании судей.—Constitucions en la Cort en l'any M D iii (Barcelona, 1540).

[188] Архив Симанкаса, Инквизиция, библиотека 939, fol. 104.—*Абогадос дель фиако*, однако, были компетентны служить.

[189] Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Раздел 148, № 267.

[190] Исторический архив. национальный, Инквизиция Толедо, Раздел 99, № 25.

[191] Инструкции 1561 г., § 40 (Аргуэлло, fol. 32).—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 68.

[192] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, Т. I.

[193] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 939, fol. 104.

[194] Арнальд. Альберт. de Agnoscendis Assertionibus, Q. XXVI, n. 13, 15.

[195] Рохас де Эрет. П. I, № 409, 422-3.

- [196] Симансе де Катх. Institt. Синица. XLI, № 11, 14.
- [197] Инструкции 1561 г., § 66 (Аргуэлло, fol. 36).
- [198] Archivo de Simancas, Inquisicion, Sala 39, Leg. 4, fol. 71.
- [199] Ibidem, Lib. 877, fol. 96.
- [200] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 890.
- [201] История инквизиции средних веков, I, 419.
- [202] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Раздел 140, № 162.—Ср. Раздел 148, № 267; Раздел 154, № 356.
- [203] Инструкции 1488, § 3; 1498, § 3 (Аргуэлло, fol. 9, 12).—Инструкции 1500, § 6 (Vol. I, стр. 580).
- [204] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 3, fol. 89.
- [205] Там же, Инквизиция Барселоны, Кортес, стр. 17, фол. 47, 48.
- [206] Кольмейро, Кортес-де-Леон-и-де-Кастилия, II, 217, 234, 248, 264, 273-4.
- [207] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 125.
- [208] РУКОПИСЬ Публичной библиотеки Толедо, Сала 5, Эстанте 11, табл. 3.
- [209] Архив Симанкаса Инквизиции, Библиотека 82, fol. 171; Библиотека 939, fol. 125; Библиотека 942, fol. 29; Библиотека 979, fol. 38.
- [210] Там же, библиотека 939, fol. 97.—Там же, Канарские острова, Опыт^{экзаменов} по посещению, Раздел 250, Библиотека 1, fol. 6.—Instrucciones de 1561, §§ 13, 15, 18 (Аргуэльо, стр. 29).
- [211] Архив Симанкаса, Инквизиция, стр. 552, fol. 38. К таким случаям относятся

	Арест	1-й аудитории	2-й аудитории	3-й аудитории
Акацио Баутильо	24 января 1647 г.	14 января 1648 г.	25 января 1648 г.	20 мая 1648 г.
Ant. Родригес дель Кано	18 января 1647 г.	9 января 1648 г.	25 января	1648 г.
4 июня 1648 г.	Гаспар Родригес дель Кано	25 января 1647 г.	12 января 1648 г.	10 февраля 1648 г.
16 мая 1648 г.	Хуан де Исла	24 января 1647 г.	15 января 1648 г.	25,1648 января
8 июля 1648 г.	26 января 1647	27 января, 1648	1 февраля, 1648	7 июля, 1648
Гаспар де Эррера	25 января, 1647	27 января, 1648	1 февраля, 1648	16 мая, 1648
Мигель Васкес	28 января, 1647	22 января, 1648	27 января, 1648	16 ноября, 1648

Антонио де Эспиноса	18 января, 1647	. 9 января 1648 г.	24 января 1648 г.	17 февраля 1648 г.
[212]				
1649,	9	9.	Арест Жозефа Брюнона де Вертиса.	
	С 5 по 12 октября	.	Многочисленные аудиенции.	
	22 ноября	.	Аудиенция по его просьбе.	
	"	с 23 по 4 декабря.	Пять аудиенций по описи его бумаг и имущества.	
1650 г.,	25	.	Аудиенция для подтверждения его признаний.	
	Февраль.	8.	Аудиенция по его просьбе.	
	"	19.	Аудиенция по его просьбе.	
	23 марта	.	Аудиенция по его просьбе.	
	Июнь	9 июня.	Аудиенция по его просьбе.	
	Августа.	17.	Аудитории по его просьбе.	
1651,	января.	9.	Аудитории по его просьбе.	
1652,	апреля	19.	Аудиенция по его просьбе.	
	Май	11 мая.	Инквизиторы посещают камеры.	
	"	27.	Аудиенция по его просьбе.	
1654 год,	июль	23.	Аудиенция по его просьбе.	
1655,	14 августа	14.	Вызвали в аудиторию, чтобы спросить, есть ли ему еще что сказать.	
1656,	апреля	.	Просит аудиенции в своей камере, поскольку он болен.	
	"	27.	Аудиенция предоставлена по ошибке.	
	"	30.	Его смерть.	
1657 г.,	май	11.	Фискал выдвигает обвинение.	
1658 год,	июнь	1.	Выдана ссылка на kindred.	
	Ноябрь.	3.	Цитата опубликована в Веракруссе.	
	10 декабря	.	Появляется прокурор его брата.	
1659 г.,	март.	3.	Фискал просит привести прокурора к присяге.	
	22 октября	.	Прокурор и адвокат приведены к присяге —защита прекращена.	
	Ноябрь.	—	аутодафе, на котором его чучело сжигают. (Рукопись Дэвида Фергюссона, эсквайра)	

- [213] История архива. национальная инквизиция Толедо, Раздел 114, № 13.
- [214] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 12, n. 2, fol. 126.
- [215] Библ. национальный архив, Рукопись, Мм, 130.—Архив Симанкаса, Инквизиция, библиотека 890.
- [216] Innocent. PP. III Издание IX, 213.—Глава 12, Тит. xxviii, Доп., Lib. III.—Глава 2, Раздел 1, в Сексто Lib. V.
- [217] Институт. IV, 18.-Дайджест. XLVIII, iv, 11.—Треска. IX, 8.-Треска. Theodos. I, v, 4.
- [218] Смотрите интересную статью Джорджа Нильсона, эскайра. (Юридические знания, Лондон, 1897, стр. 224) о суде над мертвыми за государственную измену в Англии и Шотландии.
- [219] Фуэрос-де-Арагон, фол. 158, 204 (Сапагоса, 1624).—Observantiæ Regni Aragonum, Lib. VIII, De Contumacia, § 5.—Ordinacions del Regne de Mallorca, p. 224.—Ferrer, Methodus procedendi, fol. 49^b.
- [220] Отношение инквизиции Толедоны (Болетин, XI, 301, 304-6).
- [221] Рамон де Санта Мария (Болетин, XXII, 190-3, 204, 368-71).
- [222] Инструкции 1484, § 20 (Аргуэлло, fol. 7).—Архив Симанкаса, Инквизиция, библиотека 933.
- [223] См. I, Приложение, стр. 577.
- [224] Расследование против Луиса де Леона (Coll. de Documentos, X, 150-1). См. Том I, стр. 546, о периоде, в течение которого Сигуэнса была объединена с трибуналом Куэнки.
- [225] История архива. национальная инквизиция Толедо, Статья 137, № 98; Статья 165, № 551.
- [226] Национальная библиотека Франции, фонды Испании, 76, 77, 93.
- [227] Инструкции 1498 г., § 4 (Аргуэлло, следующий раздел 12).
- [228] Инструкция 1561, §§ 61-3 (Аргуэлло, fol. 35).
- [229] Симанс де Кат. Institt., Tit. XVIII, n. 13. —Комментарий Пегна. 92 в Eymerici Direct., P. III.—Praxis procedendi, глава 7, n. 9 (Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia).
- [230] Рохас де Эрет П. II, № 30-31.—Симанча, указ. соч., Тит. XVIII, n. 12.—Pegna, *ubi sup.*—Sousæ Aphoris. Расследовать. Библиотека II, глава 50, n. 11.
- [231] Пабло Гарсия, Орден Процесса, fol. 67-8.
- [232] Инструкции 1484, § 19 (Аргуэлло, следующий раздел 7).
- [233] Архив истории. национальная инквизиция Толедо, Закон 139, № 145.
- [234] Там же, Раздел 177, n. 702.
- [235] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 979, fol. 39; Библиотека 933.

[236] Там же, библиотека 979, fol. 37.—Archivo de Alcalá, Hacienda, Leg. 544² (Lib. 10).—Pablo García, Orden de Processar, fol. 53-4.

[237] Мигель Кальво (Архив Алькала, Гасиенда, Лег. 544², Библиотека 4).—Симанс де Кат. Institt. Синица. II, п. 20, 21.

[238] Судебный процесс против Диего Родригеса Сильвы, fol. 27-34; Судебный процесс против Аны Энрикес, fol. 158 (РУКОПИСЬ. *пенес меня*).

[239] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, фол. 43.

[240] Архивная история. национальная инквизиция Валенсии, Часть 11, п. 2, fol. 122.—Libro XIII de Cartas, fol. 184 (Рукопись Am. Philos. Общество).

[241] Olmo, Relacion del Auto и др., стр. 101-2.

[242] Королевская библиотека Берлина, Qt. 9548.

[243] Архив Алькала, Гасиенда, Участок 544² (Библиотека 9).

[244] Льоренте (Hist. крит. Глава xliv, ст. 1, п. 38, 39, 40) цитирует из "*Газетт де Франс*" отчет о реформе процедуры римской инквизиции в 1816 году, приравнявшей ее к процедуре светских судов, реформе, которая должна была распространиться на инквизицию повсюду. Ни в Буллари Пия VII, ни в Коллекции Лакенсис нет никаких следов такого действия. Если это и применялось в Италии, то Святая канцелярия Испании не обратила на это никакого внимания.

[245] В Приложении вы найдете некоторые фрагментарные статистические данные, иллюстрирующие сравнительную частоту различных наказаний, налагаемых инквизицией.

[246] Библ. nationale de France, fonds espagnol, 354, fol. 248-69.

[247] РУКОПИСЬ Библ. nacional de Lima.

[248] Образец заключения предложения приведен в Приложении.

[249] Медина, История инквизиции Лимы, II, 108, 109

[250] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 979, fol. 40.

[251] Там же, Legajo 552, fol. 33. Льоренте, История. критерий. Глава. IX, ст. XV.

[252] Инструкции 1561 г., § 51 (Аргуэлло, fol. 54).

[253] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 112; Библиотека 979, fol. 31, 38.

[254] Там же, Сала 40, Библиотека 4, fol. 187.

[255] Мельгарес Марин, Процессуальные действия Инквизиции, II, 153.

[256] Архив Симанкаса, Инквизиция Толедо, стр. 428.

Краткий рассказ о Лукреции де Леон см. в книге автора "Главы из религиозной истории Испании", стр. 359.

- [257] Архив Симанкаса, Инквизиция, Стр. 552, fol. 40
- [258] Инструкции 1498 г., § 6 (Аргуэлло, fol. 12-13).
- [259] Льоренте, Аньялес, II, 31.
- [260] Разъяснения с^{должности}, § 27 (Архив Алькалы, Гасиенда, Закон 544,², Библиотека 4).
- [261] Судебное разбирательство против Изабель де Монтойя, фол. 318-26, 342-5, 348 (МИСС пенес меня).
- [262] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, T. I.
- [263] Всемирная биография С. В. Барре.—L'Oiseleur, Les Crimes et les Peines, стр. 232 (Париж, 1863).
- [264] Разъяснения с^{должности}, § 41 (Архив Алькалы, Гасиенда, Закон. 544², Библиотека. 4).
- [265] Там же, § 32
- [266] Память г-жи де Диверсиос Автос (Приложение к т. 1).
- [267] Д. Мануэль Серрано и Санс (Revista de Archivos, апрель 1902 г., стр. 254).
- [268] Пабло Гарсия, Орден де Процессар, фол. 61, 63.
- [269] Симанс де Кат. Институт. Синица. XVI, n. 24-5.
- [270] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 377.
- [271] Рукописи Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, T. III, IX.
- [272] Альбергини, Специалист по квалификации Manualis. Глава xxxiiij.
- [273] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, fol. 33.
- [274] История архива. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 1.
- [275] Там же, Инквизиция Валенсии, Раздел 2, fol. 79.
- [276] Королевская библиотека Берлина, Qt. 9548.
- [277] Архив Симанкаса, Инквизиция, Стр. 787
- [278] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, fol. 22.
- [279] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 1.
- Карена (урочище. de Off. S. Inquisit. P. II. Tit. xvii, n. 9) упоминается случай, в котором трибунал Мурсии приговорил к галерам священника, который служил мессу, находясь под запретом Святого Престола.
- [280] Смотрите "Инквизицию средневековья" автора, I, 453; III, 513.

- [281] Собирать. Decretor. S. Congr. S^{ti} Officii, p. 353.—Ristretto cerca li delitti più frequenti nel S. Officio, p. 162 (MSS. *penes me*).
- [282] История архива. национальная инквизиция Толедо, Статья 132, № 39; Статья 183, № 779.
- [283] Карбонель де Гестис Эретикор. (Col. de Doc. de la C. de Aragon, XXVIII, 144, 145, 147, 149).
- [284] История архива. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 262.
- [285] Пабло Гарсия, Орден Процесса, fol. 41.—Глава 10, тит. iii в деле Септимо Lib. v. Несмотря на формулировку Пабло Гарсиа, оправдательный приговор Яну Антверпенскому, судимому в Толедо за лютеранство в 1561 году, утверждает себя *дифференцирующим*.—Исторический архив. nacional, Inq. de Toledo, Раздел 110, № 31, следующий за 30.
- [286] Пабло Гарсия, *местный житель*.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 979, fol. 20.
- [287] Парамо, стр. 269.
- [288] Пальма, Аньялес де ла Инквизиция де Лима, стр. 19, 38, 140 (Мадрид, 1898).
- [289] Архив Симанкаса, Инквизиция, Зал 39, Раздел 4, fol. 71.
- [290] Инструкции 1498 г., § 4 (Аргуэлло, следующий раздел 12)
- [291] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 299, fol. 80.
- [292] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 339.
- [293] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 1.
- [294] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 877, fol. 228.
- [295] Ibidem, Lib. 890, fol. 12.
- [296] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 2, n. 10, fol. 79; Inquisicion de Toledo, Leg. 1.
- [297] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, fol. 3, 26.
- [298] Исторический архив. национальный, Инквизиция Толедо, Раздел 111, № 46, fol. 30-4.
- [299] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 31
- [300] Там же, Инквизиция Толедо, стр. 262.
- [301] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, Т. I.
- [302] Архивная история. nacional. Inquisicion de Toledo, Leg. 1
- [303] Ibidem, Leg. 498, fol. 259.
- [304] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 890.

[305] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 100.

[306] Он до сих пор используется в церковных делах как способ доказывания. В ноябре 1904 года было предоставлено разрешение на расторжение брака при доказательстве его неисполнения клятвой сторон, подкрепленной “свидетельством сеттимы mano”.-Il Consulente Ecclesiastico, Дженнаио, 1905, стр. 8.

[307] Библия. nationale de France, fonds espagnol 80, fol. 346-52.

Два случая в Барселоне в 1488 году, с несколько отличающимися деталями, можно найти в книге Карбонелла *de Gestis Hereticor.* (Col. de Doc. de la C. de Aragon, XXVIII, 26-7, 123-35).

[308] История архива. национальная инквизиция Толедо, Закон № 164, № 531.—Карбонелл, указ. соч., стр. 154.

[309] Инструкции 1500, § 8 (т. I, Приложение, стр. 580). —Аргуэлло, том 14.

[310] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 102.

[311] Государственный архив Брюсселя, Реестр жертв герезий и др., fol. 652-6 (любезно предоставлено профессором Полем Фредериком).

[312] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, фол. 68, 87.

[313] Симанс де Кат. Institt. Синица. LVI, № 15.

[314] Там же, № 12, 31.

[315] Инструкции 1561, § 47 (Аргуэлло, fol. 33).

[316] Пабло Гарсия, Орден процесса, fol. 69-72.

[317] Порядок действий, fol 62 (Библ. национальный, Рукопись, D, 122).—Архив Алькала, Гасиенда, Раздел 544² (Библиотека 4).

[318] Расшифровка. Мешок. Конгр. S^{ti} Officii, p. 43 (Bibl. del R. Archivio di Stato in Roma, Fondo camerale, Congr. дель С. Официо, Том 3)

[319] Каренский трактат. де Офф. S. Инквизиция. стр. 388 (Изд. Lugduni, 1669).

[320] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, Т. I.— “безрезультатно преступное поведение и реклама для аделанте”.

[321] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, стр. 299, фол. 80.—Рукопись Библиотеки Университета Галле, лок. цит. по—Archivo de Simancas, Inquisicion, Leg. 552, fol. 3, 6, 9, 11, 13, 15, 17, 22, 28, 29

[322] РУКОПИСЬ Библиотеки Университета Толедо, YC, 20, Т. I.

[323] Представительство ООН в ООН Рео (РУКОПИСЬ Бодлеанской библиотеки, Arch. S, 130).

[324] Директор Эймерики. П. II, Q. Iv, № 16.—Комментарий Pegnæ. 80 в Голландии.

[325] Альбергини, Специалист по квалификации Manualis. Глава XV, п. 1-3.

- [326] Архив Алькала, Гасиенда, Стр. 544² (Библиотека 4).
- [327] Архивная история. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 1.
- [328] Пабло Гарсия, Судебный процесс, fol. 38-9.—Исторический архив. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 498.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 939, fol. 118.
- [329] Библия. национальный, рукопись., Стр. 28, Q. 4; Там же К.К., 53. —Исторический архив. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 1.
- [330] Библия. nacional, рукопись, V, 377, глава ii, § 9.
- [331] Инструкции 1561 г., § 46 (Аргуэлло, fol. 33).
- [332] Архив Симанкаса, Инквизиция Толедо, Раздел 1.
- [333] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 1.
- [334] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, фол. 41.
- [335] Там же, стр. 42.
- [336] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Закон. 1183, фол. 6.
- [337] Льоренте, Hist. критерий, глава. XLIII, статья iv, п. 1.
- [338] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, T. I.
- [339] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 1.—Там же, Инквизиция Валенсии, Часть 2, № 10, фол. 1, 7, 41, 42.
- [340] Libro XIII de Cartas, fol. 38 (РУКОПИСЬ Am. Философ. Общество).
- [341] Константа. V, VIII, § 3, Cod. I, V.—Siete Partidas, П. VII, Тит. xxxvi, лист 5.
- [342] Александр. стр. IV, Булла *Ad extirpanda*, § 21.—Гюйяр Бреолль, История. Diplom. Frid. II, T. IV, стр. 299-300.—Комментарий Пегна. 92 в Eymerici Director. P. III.
- [343] Директор Эймерики. П. II, вопрос 11.
- [344] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.
- [345] Льоренте, Аньялес, I, 359.
- [346] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 78, fol. 235.
- [347] Библия. nacional, рукопись, S, 121. —Личный комментарий. 92 в Eymerici Director. P. III.—Изд. Böhmer, Francisca Hernández, p. 228.—Archivo de Simancas, Hacienda, Leg. 25, fol. 2.
- [348] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 19.
- [349] Автограф знаменитостей в Мадриде, эсто аньо де 1632 (Бодлеанская библиотека, арх. Seld. I, 1).—Льоренте, История. критерий. Глава. XXXVIII, ст. 1, п. 7.
- [350] Пабло Гарсия, Орден де Процессар, fol. 34.

[351] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 1.

[352] Там же.

[353] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 78, fol. 332.

[354] Там же, Библиотека 81, fol. 27.

[355] Библ. национальный, РУКОПИСЬ, С, 121.

[356] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 2, n. 10, fol. 44.

[357] Там же, Инквизиция Толедо, Раздел 1.

[358] Архив Симанкаса, Инквизиция, Стр. 552, fol. 17, 22.—В этот период автокатастрофы были редкостью, и к концу 1638 года виновные все еще ожидали одного.

[359] Обрегон, Мексика-вьехо, 1 ° Серия, стр. 186 (Мексика, 1891).

[360] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 1.

[361] Пабло Гарсия, Орден де Процессар, fol. 41. Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 31, fol. 2. Библия. национальный музей Франции, фонды Испании, 354, фол. 242.—Бодлианская библиотека, арх. Часть I. 1.—Олмо, Автореферат, стр. 294-5.

Римская инквизиция была более милосердна. Бичевание было не только намного легче, чем в Испании, и назначалось реже, но и указом от 23 февраля 1641 года оно было смягчено, если у преступника были сестры, дочери или внуки с уважаемым положением. Это также касалось женщин, у которых были мужья или дочери на выданье.—Collectio Decretorum. S. Конгр. S^{ti} Officii, p. 358; Ristretto circa li Delitti più frequenti nel S. Offizio, p. 53 (MSS. *penes me*).

[362] Архив Симанкаса, Инквизиция, Посещение Барселоны, Этап 15, следующий. 20.

[363] Данвила—и-Колладо, Изгнание лос-Морисков, стр. 208-16.-Исторический архив. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 2, n. 10.

[364] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20. Т. I.

[365] Королевская библиотека Берлина, Q^t. 9548.

[366] Смотрите Приложение к Тому II.

[367] Архив Симанкаса, Гасиенда, участок 25, следующий. 2.

[368] Процесс против Маргариты Альтамиры, фол. 40 (РУКОПИСЬ утра. Философ. Общество).

[369] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 2, n. 10, fol. 37, 54, 55, 74.

[370] Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 1.

[371] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 890.

[372] Педраза, История. экклз. гранада, П. IV, глава 129 (Гранада, 1638).

- [373] Симанс де Катх. Институт. Синица. XLVIII, № 6. —Пабло Гарсия, "Порядок судопроизводства", фол. 31.
- [374] Архив Симанкаса, Гасиенда, Лег. 25.—Ольмо, Автореферат, стр. 104.
- [375] Фуэрос-де-Арагон, фол. 164, 204, 220, 238 (Сарагоса, 1624).
- [376] Архив Севильи, Секция примера, Carpeta V, № 41 (Севилья, 1860).
- [377] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Либерия. II, том 130. —Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 2, n. 16, fol. 292.
- [378] Карбонелл де Геста. Херет. (Col. de Doc. de la C. de Aragon, XXVIII, 166).
- [379] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 187.
- [380] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 3, fol. 238.
- [381] Там же, Библиотека 76, fol. 71.
- [382] Память. история Испании, VI, 501.
- [383] Пабло Гарсия, Орден Процесса, fol. 41. Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, T. I.
- [384] Архив Симанкаса, Инквизиция, Сала 40, Библиотека 4, fol. 228.
- [385] Relazioni Venete, Серия I, T. V, стр. 140.
- [386] Bledæ Defensio Fidei, p. 310.
- [387] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 119; Библиотека 962, fol. 25. Разъяснения с^{ti} Officii, § 6 (Архив Алькалы, Гасиенда, Закон № 544, ², Библиотека 4).—Archivo hist. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 5, n. 1, fol. 65, 66.
- [388] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 187.—Исторический архив. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 299, fol. 80.
- [389] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 5, n. 1, fol. 285, 329.
- [390] Библ. национальный, РУКОПИСЬ, фото, 3, № 20.
- [391] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 10, fol. 1.
- [392] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 10, fol. 5.—Franchina, Breve Rapporto del Trib. della S. S. Inq. di Sicilia, p. 189.
- [393] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 82, fol. 148.
- [394] Порядок действий, fol. 72 (Библ. национальный, рукопись, Д. 122).
- [395] Libro XIII de Cartas, fol. 116 (РУКОПИСЬ Am. Фил. Общество).
- [396] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 187.

- [397] Королевская библиотека Берлина, Qt. 9548.
- [398] Официальные автомобили, Библиотека V, Тит. xxi, Авто 13.—Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 1.
- [399] Архив истории. национальный, *лок. cit.*; Инквизиция Валенсии, Часть 16, № 5, fol. 50.—Королевская библиотека Берлина, Qt., 9548.
- [400] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 435².
- [401] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека. 435².
- [402] Карена; de Officio SS. Инквизиция. П. III, Тит. xiii, § 3.
- [403] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 942, fol. 15—“Los avitos de las personas que en tal auto se condenaron á reconciliacion.”—Cf. Elucidationes Sancti Officii § 57 (Archivo de Alcalá, Hacienda, Leg. 244², Lib. 4).
- [404] Инструкция 1484, § 10 (Аргуэлло, следующий раздел 10).
- [405] Пабло Гарсия, Орден де Процессар, fol. 33-36.
- [406] Архив Алькала, Гасиенда, Стр. 544² (Библиотека 6).
- [407] Глава 4 в сексте, V, ii.—S. Th. Aquin. Итог, раздел xi, статья 4.
- [408] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 595.—Ср. Д. Мануэль Серрано-и-Санс, *Revista de Archivos*, Abril, 1902, стр. 259.
- [409] Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 336.—Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc. 20, Т. I.—Королевская библиотека Берлина, Qt. 9548.
- [410] Рохас де Эрет. П. I, № 115-16.—Библ. nacional, рукопись, S, 194, fol. 267.
- [411] Гарау, Триумфальная арка, стр. 113-14.
- [412] Льоренте, Hist. критерий. Глава. XXXVIII, ст. 1, п. 15.—Карбонель де Гест. Херет. (Col. de Doc. de la C. de Aragon, XXVIII, 146).
- [413] Автограф 1632 года (Бодлеанская библиотека, арх. Seld. I, 1). —Архив истории. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 1.
- [414] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 1.
- [415] Там же, Инквизиция Гранады, Различные методы, Раздел 2.
- [416] Т. I, Приложение, стр. 575.—Аргуэлло, том 19.
- [417] Архив gen. де ла К. де Арагон, Regist. 3684, fol. 102. См. Том I, стр. 567.
- [418] Национальная библиотека Франции, фонд Испании, 80, fol. 168-9.
- [419] Инструкции 1498 года, § 14 (Аргуэлло, fol. 11). Ср. Архив Симанкаса, Инквизиция, библиотека 933.

- [420] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933.
- [421] Там же, Библиотека. 939, fol. 96, 116, 114; Библиотека. 933; Библиотека. 3, fol. 57.
- [422] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 90.
- [423] Там же, Сала 40, Библиотека 4, фол. 137, 202, 218.—Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 382.
- [424] Архив Симанкаса, Инквизиция, Сала 40, Библиотека 4, fol. 217.
- [425] Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 939, fol. 116, 119.
- [426] Пабло Гарсия, Орден Процесса, fol. 34.
- [427] Инструкции 1561, §§ 79, 80 (Аргуэлло, fol. 38).
- [428] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 116.
- [429] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 213 фол., стр. 111, 141.
- [430] Библ. nacional, рукопись, D, 118, fol. 108, n. 38.
- [431] Обрегон, Мексика-вьехо, 1 ° Серия, стр. 193.
- [432] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, Т. I.—РУКОПИСЬ Элькана Н. Адлера, эсквайра.
- В Валенсии уже была своего рода тюрьма с дурной репутацией, о чем рассказал брат Николас дель Рио в 1606 году в мемориале Супреме. Все заключенные — мавры, которые живут там в полном соответствии со своей религией; все женщины там становятся развратными, так что их больше нельзя туда помещать. -Боронат, "Испанские мориски", II, 449.
- [433] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 9, n. 2, fol. 71, 78.
- [434] Архив Симанкаса, Инквизиция Гранады, Различные методы, Раздел 2.
- [435] Порядок действий, fol. 74 (Библ. nacional, рукопись, D, 122).
- [436] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 552, fol. 33.
- [437] Архив Симанкаса, Инквизиция, Зал 39, стр. 4, fol. 80.—Королевская библиотека Берлина, Кв. 9548.
- [438] Библ. nacional, рукопись, Vb, 122.—Королевская библиотека Берлина, Кв. 9548.
- [439] Архив Симанкаса, Инквизиция Корте, стр. 359, fol. 1.
- [440] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 4, n. 3, fol. 84, 260.
- [441] Там же, Инквизиция Толедо, Раздел 1.
- [442] История лос-Рейеса Католикос, глава. xlv.

[443] Карбонелл де Геста. Херет. (Полковник де Док. де ла К. де Арагон, XXVIII, 14, 18-19, 33, 35, 62).— Мануэль де новелл Ардитс, III, 69, 70.

[444] Библ. nacional, рукопись, G, 61, fol. 208.

[445] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933.

[446] Симанс де Кат. Институт. Синица. XVI, п. 21, 22.

[447] Королевская библиотека Берлина, Qt. 9548.

[448] Процесс против мэра Гарсии, fol. XX (МИСС *пеняет мне*).

[449] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933.

[450] Там же, Библиотека. 939, fol. 115; Библиотека. 933.

[451] Архив истории. национальная инквизиция Валенсии, Раздел 382; Раздел 5, п. 1, fol. 352.

[452] Архив Симанкаса, Инквизиция, Раздел 1183, фол. 14, 30. Образец рекомендательного письма приведен в Приложении.

[453] История архива. национальная инквизиция Толедо, Раздел 262, № 4; Там же, Раздел 1. — Библ. nacional, рукопись, S, 294, fol. 375.

[454] Трасмиера, Вид де Педро Арбуэса, стр. 44 (Мадрид, 1664).

[455] Директор Эймерики. П. III, № 175. Несмотря на это древнее использование в Арагоне, инквизиторы Сарагосы сообщили в 1530 году Верховному судье, что там никогда не было обычая для примиренных носить санбенито, на что Верховный суд ответил, что это общая практика инквизиции и что Арагон должен ей соответствовать.—Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 76, fol. 312.

[456] Дело инквизиции Толеданы (Болетин, XI, 303).

[457] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 117.

[458] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 256.

[459] Инструкции 1561, § 41 (Аргуэлло, fol. 33-4).—Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 30, 31, 375, 382.

[460] Парамо, стр. 42.

[461] Льоренте, Аньялес, II, 39.

[462] Библия. национальный, рукопись, S, 294, fol. 375; Bb, 122.—Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 327.

[463] Библ. nacional, рукопись, G, 50, фол. 248-9.

[464] История архива. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 1.

[465] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 936; Библиотека 73, fol. 315.

- [466] Карбонелл де Геста. Херет. (Col. de Doc. de la C. de Aragon, XXVIII, 50-1).
- [467] Инструкции 1561, § 81 (Аргуэлло, fol. 38).
- [468] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 117.
- [469] Парамо, стр. 42-3, 203.
- [470] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 942, fol. 15, 20; Библиотека 939, fol. 117.
- [471] Инструкции 1561, § 81 (Аргуэлло, fol. 38).
- [472] Парамо, стр. 42-3.—Льоренте, Аньялес, II, 41.—Библ. национальный, РУКОПИСЬ, С, 121.
- [473] Судебный процесс против брата Луиса де Леона (полковник в докторантуре, X, 165-8).
- [474] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 72, fol. 30; Библиотека 939, fol. 117.—Болетин, XI, 309.
- [475] Болетин, XV, 340.
- [476] Архив Алькала, Гасиенда, № 18.
- [477] Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 117.
- [478] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Либерия. III, фол. 86.
- [479] Педраса, Hist. экклз. de Granada, Lib. IV, глава 37.
- [480] Архив истории. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 2, fol. 89.
- [481] Инструкции 1561, § 81 (Аргуэлло, fol. 38).
- [482] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 272.
- [483] Архив Симанкаса Inq., Библиотека 939, fol. 144; Библиотека 942, fol. 20.
- [484] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 11, n. 1, fol. 65.
- [485] Там же, Раздел 98.
- [486] История архива. nacional, Inquisicion de Valencia, Leg. 10, n. 2, fol. 41, 117.
- [487] Там же, Раздел 30, следующий. 40.
- [488] Там же, Раздел 16, n. 5, fol. 54.
- [489] Coleccion de los Decretos de las Córtes generales etc., II, 219 (Madrid, 1820).

Содержащийся в этом намек на *куадроса* и *пинтураса* отсылает к официально не признанному обычаю, согласно которому буйная пиетистская злоба дополняла санбенитос портретами и картинами с именами пострадавших. Подробное описание этого смотрите в "Путешествии по Испании" М. маркиза де Лангле, II, 78 (Лондон, 1786).

Это несколько печально известное произведение было сожжено по приказу парламента в 1788 году. Ее автором был Жером-Шарлемань Флерио, и она выдержала шесть изданий в период с 1785 по 1803 год.

[490] Таронджи, Религиозный центр и др. на Мальорке, стр. 257.

[491] Декретор коллекции. S. Конгр. S^{ti} Officii, стр. 205 (МИСС *пеняет мне*).

[492] Константа 5, Код. X, viii.

[493] Huillard-Bréholles, Hist. Diplom. Фрид. II, Т. IV, стр. 302.—Глава 2, § 2 и глава 5, в Сексто, v, iii.—Глава 5 Септими Декрет. v, iii.

[494] Alph. de Castro de justa Hæret. Пункт. Библиотека. II, главы. 10, 11.

[495] Краткое содержание. Битерпенс. энн. 1246, Консилиум. de Modo procedendi cap. 28 (Harduin, VII, 420).

[496] Инструкции 1484, § 6 (Аргуэлло, fol. 4).—Архив Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 933.

[497] Льоренте, Аньялес, I, 113.

[498] Инструкции 1488 г., § 11 (Аргуэлло, следующий раздел 10).

[499] Архив де Симанкаса, Инквизиция, Библиотека 939, fol. 115.

[500] Ibidem, Lib. 1.

[501] Там же, Библиотека 933, стр. 143. Как напечатано в Nueva Recop. Lib. VIII, Tit. iii, leyes 3, 4, некоторые пункты опущены.

[502] Ibidem, Lib. 939, fol. 108, 115.

[503] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 933.

[504] Ibidem, Lib. 3, fol. 374, 380.

[505] Ibidem, fol. 419, 445.

[506] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 927, fol. 676; Lib. 79, fol. 18; Lib. 939, fol. 108.

[507] Фариначчи де Хереси, Q. 191, п. 56, 68.—Официальный комментарий. 164 в Eumerici Director. P. III—Библ. национальный, РУКОПИСЬ V, 377.

[508] Archivo de Simancas, Inquisicion, Lib. 939, fol. 109, 115.—Simancæ de Cath. Институт. Синица. XLVII, п. 25, 26.

[509] Archivo de Simancas, Hacienda, Leg. 25, fol. 1.

[510] Библ. nacional, MSS, V, 377, глава 26.

[511] Там же, D, 118, стр. 148.

[512] Эскобар а Карро де Пуритате, П. II, Q. iv, § 3, п. 48.

- [513] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 926, fol. 24.
- [514] Архив де Симанкаса, Inq., Leg. 552, fol. 23.
- [515] Там же, Реестр генеалогий, № 916, fol. 61. (См. [Приложение.](#))
- [516] Там же, Inq., библиотека 890.
- [517] Архив истории. "насьональ", Inq. de Valencia, Этап 4, № 3, следующий. 27.
- [518] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 939, fol. 109.
- [519] Catálogo de las causas seguidas ante el tribunal de Toledo, pp. 131-40 (Madrid, 1903).
- [520] Рукописи Библиотеки Университета Галле, УС, 20, Т. I.
- [521] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 896, fol. 1.
- [522] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 334.
- [523] Льоренте, История. критерий. Глава. XXVIII, статья ii, п. 10.
- [524] Бемер, Франциска Эрнандес, стр. 174-5.
- [525] Архив истории. "насьональ", Инк. де Толедо, Этап 1.
- [526] Глава 1, Тит. ii; Глава 2, Тит. ix в сексте, Lib. V—С. Трезубец. Сессия. XIII, О реформе, глава 4.
- [527] Архив Алькала, Гасиенда, Стр. 473.—Библ. национальный, рукопись, R, 128. стр. 35.—Муниципальный архив Севильи, Специальная секция, Siglo XVIII, Letra A, Том 4, № 54.
- [528] С. Gerundens. ann. 1197 (Aguirre, V, 102-3).—Конституция. Сицилийский. Библиотека I, Тит. 1.—Гюйяр-Бреоль, История. Diplom. Фрид. II, Том. V, p. 201.—Fuero Real de España, Lib. IV, Тит. 1, лей 1.
- [529] Глянец. Hostiensis in Cap. *ad abolendam* № 14 (Eymerici Director. P. II).—Глава 27, Тит. 40, Дополнительно, Lib. V.

Отношение Церкви определено в этих канонах:

“Священнослужитель не должен приговаривать к смерти или увечью под страхом лишения чести и бенефиции”. — Глава 5, Тит. 50, Дополнительно, Lib. III (Алекс. III).

“Ни один священнослужитель не должен произносить или диктовать кровавый приговор, или осуществлять смертную казнь, или присутствовать при его исполнении. Священнослужитель также не должен писать или диктовать письма, касающиеся анализа крови. Иподьякон, диаконах или священник также не должны практиковать хирургические операции, включающие разрезание или прижигание”. — Там же. Глава 9 (Консилиум. Латеранский. IV).

Немецкие князья-епископы, обладавшие *высшим и низшим правосудием*, не наделяли своих судей полномочиями выносить кровавые приговоры, но добивались для них поручений от императора, поскольку в противном случае они считались виновными в пролитии крови и были лишены своих должностей. Светские князья не были связаны такими обязательствами.—

Schwabenspiegel Cap. cxi (Senckenberg, Corp. Jur. German, II, 140).—See also Schwäbisches Lehenrecht cap. xvii (Ibid. II, 17, 18).

Священнослужитель, произносящий кровавый приговор, наносящий увечья или смерть, становится незаконным, и по этой причине, хотя он *ipso jure* не лишается своих льгот, все же он должен быть лишен их Рядовым или вынужден отказаться от них.—Thesaurus, De Pœnis ecclesiasticis, s. v. *Judicis laici munus*, cap. 2. —Ср. Ferraris, Prompta Bibliotheca, s. v. *Irregularitas*, арт. I, п. 11; Статья II.

[530] Формуляр Папской пенитенциарной системы, руб. XLII (Филадельфия, 1892). — Национальный исторический архив, Инквизиция Толедо, Раздел 110, № 31, fol. 4.— Комментатор семнадцатого века утверждает, что священнослужители, стремящиеся получить эту индульгенцию, становятся неправомерными, если дрова, которые они приносят, на самом деле помогают сжечь еретика.—Jас. а Graffii Decis. aureæ Casuum Conscientiæ P. II, Библиотека ii, глава 19, п. 3.

[531] Буллар. Римлянин. I, 611.

[532] Итоги дела совести, Библиотека. Я, Тит. lviii. Статья 4.

[533] Загл. 18, Тит. ii in Sexto, Lib. V.

[534] Отношение инквизиции Толеданы (Болетин, XI, 300).

[535] Болетин, В, 404.

[536] Исторический архив. национальный, Инквизиция Толедо, раздел 132, № 31.

[537] Иннокентий, стр. VIII, Бык. *Dilectus filius*, 30 Sept. 1486 (Pegnæ Append. прямое обращение к Америке. стр. 84).

[538] Мичиган. Alberti Repertorium, s. vv. Communicare § *Sed an quando*; *Executio § Qualiter*.

[539] Торребланка, Воплощение изящества, sive de Magia, Библиотека. III, глава xxix, п. 15-17. “Et eo jure utimur quia potestates sæculares in tali casu sunt meri executores.” См. также Vol. I, стр. 603, в “Провозглашении гражданской власти” по прибытии инквизитора содержатся положения, требующие от светских должностных лиц наносить “las debidas penas cada y quando por el dicho достопочтенному инквизитору sera declarado”.

[540] Фонтана, Ватиканский документ, стр. 137, 145 (Рим, 1892). Римская инквизиция не делала вид, что ее решения не были окончательными; она предполагала, что приговаривала к увечьям и смерти, и при этом утверждала, что заинтересованные лица были застрахованы от канонических нарушений. —Collectio Decretor S. Конгр. S^{ti} Officii, стр. 219 (МИСС *пеняет мне*).

[541] Комментарий Pegnæ. 48 в Эймериси, директор. П. II. Принимая во внимание неизменную практику Церкви на протяжении почти шестисот лет, автору в 1902 году потребовалось мужество, чтобы утверждать, что гражданский судья, а не инквизиция, был ответственен за сожжение еретиков.—Razon y Fe, T. IV, p. 358 (Madrid, 1902).

[542] Пабло Гарсия, Орден де Процессар, фол. 74.

- [543] MSS. of Royal Library of Copenhagen, 213 fol., p. 126.—“En ellos las primeras causas que deben leerse son las de relaxados, para que incontinenti puedan entregarse al juez real sin permitirle dilacion con pretexto alguno en la execuzion de la sentencia; pues siempre queda al tribunal jurisdiccion segura para obligarle por censuras y otras penas á su puntual cumplimiento.”
- [544] Обр. Albertini de Agnoscendis Assertionibus Q. XXV, n. 44-5.
- [545] Archivo de Alcalá, Hacienda, Leg. 473.—Olmo, Relacion del Auto, p. 287.
- [546] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека. 926, fol. 257.
- [547] Там же, библиотека 42, fol. 291, 293, 308.
- [548] Пабло Гарсия, Орден де Процессар, фол. 32, 54, 59, 68.
- [549] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I de Copias, fol. 139.—Archivo de Simancas, Inq., Lib. 3, fol. 323, 456; Lib. 927, fol. 349.
- [550] Ibidem, Lib. 922, fol. 682.
- [551] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. IV, фол. 169.
- [552] Буллар. Римлянин. II, 298. —Библ. nacional, Рукопись, D, 118, стр. 82.—Архив Алькала, Гасиенда, Лег. 1049.—Архив Симанкаса, Inq. Lib. 939, fol. 63.
- [553] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Libro III, fol. 156.
- [554] Archivo de Simancas, Inq., Lib. 922, fol. 685.—Bulario de la Orden de Santiago, Lib. IV, фол. 169-70.
- [555] Archivo de Simancas, Inq., Lib. 42, fol. 246, 255-7; Lib. 17, fol. 70; Lib. 25, fol. 156.
- [556] Директор Эймеричи, П. II, вопрос xi.
- [557] Инструкции 1484, § 12 (Аргуэлло, следующий раздел 5).
- [558] Инструкции 1561 г., § 44 (Аргуэлло, fol. 33).
- [559] Королевская библиотека Берлина, Qt, 9548.
- [560] Архиво де Симанкас, Inq., стр. 552, fol. 3.
- [561] РУКОПИСЬ. del Archivo municipal de Sevilla, Seccion especial, Siglo XVIII, Letra A., T. 4, n. 53.
- [562] См. I, Приложение, стр. 593.
- [563] Исторический архив. национальный, Inq. de Toledo, стр. 262.
- [564] Симанс де Кат. Instt. Тит. XLVII, № 73.—Архив Симанкаса, Реальное покровительство, Inq., Leg. unico, fol. 13.—Библ. nacional, рукопись, V, 377, глава iii, § 5.
- [565] Pegnæ Commentt. 36, 46, в Eymerici Direct. P. II.
- [566] Карбонелл указ. соч. (Col. de Doc. de la C. de Aragon, XXVIII, 13, 15, 29).

[567] Библ. национальный, рукопись, D, 153, fol. 95. Таково было правило и в римской инквизиции. Дель Бене говорит нам, что строго по закону осужденный еретик должен быть сожжен заживо, но что “среди христиан этому не следуют, если только он не упорствует, и в этом случае нет причин, по которым его нельзя сжечь заживо”. —De Officio S. Inquisitionis, II, 113 (Romæ, 1666).

[568] Д. Н. Херкета (Болетин, XLV, 424-33).

[569] Исторический архив. национальный, Inq. de Valencia, Часть 10, п. 2, fol 136.

[570] Королевская библиотека Берлина, Qt. 9548.

[571] Библ. национальный, рукопись, 294, фол. 375.

[572] Симанс Энчирид. Синица. XXXI, п. 3.

[573] Инструкции 1561 г., § 43 (Аргуэлло, fol. 33).

[574] Архив Симанкаса, Inq., Библиотека 979, fol. 40; Библиотека 876, fol. 105^b.

[575] Библ. nacional, рукопись, V, 377, глава 10.

[576] Библ. национальный, рукопись, R, 128.

[577] Там же, R, 118, стр. 35.

[578] Там же, Стр. 67-10, fol. 101.

[579] Королевская библиотека Берлина, Qt. 9548.

[580] Симанча Энчирид. Синица. LXII, № 10.—Рохас де Эрет. Стр. II, № 183-4.

[581] Библ. nacional, рукопись, G, 54, fol. 249.

[582] Кандидо Муньос, Вопрос о теолого-моральных принципах веры и т.д. (Мадрид, 1725).—Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 361.

[583] Библия. nacional, Рукопись, V, 377, Глава iii, § 6.

[584] Archivo de Alcalá, Hacienda, Leg. 544² (Lib. 10).

[585] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, Т. I.

[586] Симанс де Катх. Институт. Синица. XLVII, п. 60-63; Энхирид. Тит. lix.

[587] Буллар. Римлянин, I, 821.—Ссылаясь на то, что такие еретики требовали освобождения от этого на основании невежества, Климент VIII 3 февраля 1603 г. возобновил и бессрочно подтвердил акт Павла IV.—Буллар. III, 160.

Хотя испанская инквизиция сохранила эти указы в своих собраниях, она, по-видимому, не действовала в соответствии с ними. В 1568 году в Валенсии было два случая с еретиками, которые, помимо прочих ошибок, отрицали девственность Пресвятой Девы. Одним из них был

гасконец Бернат де Видоса, который примирился лишь с затворничеством в монастыре; другим был Педро Собрино, рыбак из Неаполя, с которым обошлись более сурово, проведя десять лет на галерах. Исторический архив. национальный, Inq. de Valencia, Этап 31.

[588] Bulario de la Orden de Santiago, Lib. III, том 63. —Библ. nacional, рукопись, R, 90, стр. 252.— Архив Симанкаса, Inq., Lib. 930, fol. 26.

[589] Архив Симанкаса, Inq., Lib. 939, fol., 119.—Библ. nacional, Рукопись, V, 377, Глава ix, § 3.— Архив Алькала, Гасиенда, Раздел 544² (Библиотека 4).

[590] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 937, fol. 199.

[591] Королевская библиотека Берлина, Qt. 9548.

[592] Архив Симанкаса, Inq., библиотека 939, fol. 121.

[593] Симанс де Катх. Институт. Синица. LVII, п. 3.

[594] Пабло Гарсия, Орден де Процессар, фол. 11.

[595] Мигель Кальво (Архив Алькалы, Гасиенда, Раздел 544², Библиотека 4).

[596] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 933.

[597] Симанча лок. *цит. по*, № 4.

[598] Instrucciones de 1561, § 41 (Arguello, fol. 33).

[599] Elucidaciones S. Officii, § 23 (Archivo de Alcalá, Hacienda, Leg. 544², Lib. 4).—Alphonsi de Castro de justa Hæret. Punitione Lib. II, глава. 2.—Библия. nacional, Рукопись V, 377, глава ix, § 1.

[600] Архив Симанкаса, Inq., Библиотека 3, fol. 72.

[601] Там же, библиотека 926, fol. 49, 53, 57, 63, 67.— Буларио де ла Орден де Сантьяго, Либр. II, том 79; Библиотека. III, fol. 88, 109.—Archivo de Alcalá, Hacienda, Leg. 1049.

[602] Олмо, Автореферат, стр. 252-62.

[603] Гарау, Триумфальная арка, стр. 65-112.

[604] Королевская библиотека Берлина, Qt. 9548.

[605] РУКОПИСЬ. del Archivo Municipal de Sevilla, Seccion especial, Siglo XVIII, Letra A, Tom. 4, n. 54.—Bibl. национальный, рукопись, R, 128.

[606] Libro Verde de Aragon (Revista de Aragona, CVI, 254).

[607] Карбонелл, указ. *соч.*. (Col. de Doc. de la C. de Aragon, XXVIII, 62, 141, 152).

[608] Судебный процесс против Фрай Луиса де Леона (полковник докторантуры, X, 158-61).

[609] Исторический архив. национальный, Inq. de Toledo, Часть 1.

[610] Гарау, Триумфальная арка, стр. 39-42, 114-22.

[611] Королевская библиотека Берлина, Qt., 9548.

[612] Разъяснения S. Officii, § 19 (Архив Алькалы, Гасиенда, Раздел 544,³ Библиотека. 4).— Матуте-и-Лукен, Autos de Fe de Córdoba, стр. 270.

[613] Льоренте, Hist. критерий, глава. XLII, ст. i. n. 14.

[614] Там же, загл. XLIII, статья iv, п. 1.

[615] Там же, загл. XLIII, статья iv, п. 4.

[616] Парамо, стр. 597.

[617] Архив де Симанкаса, Inq. Lib. I, Библиотека 933, стр. 551.

[618] Связь инквизиции Толеданы (Болетин, IX, 300).

[619] Архив де Симанкаса, Inq., Lib. I.

[620] Там же, библиотека 979, fol. 38.

[621] Там же, Библиотека 72, следующий раздел 73.

[622] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 4, fol. 9; Библиотека 5, фол. 24, 29.

[623] Там же, Библиотека. 939, fol. 121.—Инструкции 1561, § 77 (Аргуэлло, fol. 37).

[624] Архив де Симанкаса, Inq., Leg. 1157, fol. 154, 155.

[625] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 213 фол., стр. 126.

[626] Архив gen. де ла К. де Арагон, Регистрационный номер 3684, фол. 91.

[627] Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 10, fol. 2; Lib. 926, fol. 326-50; Lib. 937, fol. 222; Lib. 939, fol. 126—Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 213 fol., стр. 126.

[628] Archivo de Simancas, Inq., Lib. 939, fol. 123.—Archivo de Alcalá, Hacienda, Leg. 473.—Juan Gómez de Mora, Auto de la Fé celebrado en Madrid este año de 1632, §§ 4, 5.—Olmo, Relacion del Auto, pp. 30-44.

[629] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 939, fol. 123.

[630] Там же, библиотека 926, fol. 313-25.

[631] Там же, Гасиенда, ул. 25.

[632] Архив Алькала, Гасиенда, Лег. 473.

[633] В авто Логроньо 7 ноября 1610 года в процессии участвовала тысяча приближенных, комиссаров и нотариусов. В Барселоне 21 июня 1627 года насчитывалось пятьсот или шестьсот фамильяров и альгуазилей.—Auto de fe celebrado in Logroño, 7 y 8 de Noviembre, 1610 (Logroño, 1610).—Parets, Sucesos de Cataluña (Mem. hist, español, XX, 20).

[634] В ранних автомобилях, где было большое количество мертвых и отсутствующих, экономичным, хотя и несколько гротескным устройством были *дубликаты статуй*—

изображения с лицами Януса, одно спереди, другое сзади. В Барселоне 25 января 1488 года пять супружеских пар были представлены пятью изображениями, а 23 мая того же года были изготовлены двадцать изображений для сорока двух беглецов, в то время как 9 февраля 1489 года десять изображений служили для тридцати девяти отсутствующих. Карбонелл, указ. соч. (Col. de Doc. de la C. de Aragon, XXVIII, 13, 15, 30).

Что касается корроз, или митр, то римская инквизиция, более тонко понимая, что уместно, запретила их использование в 1596 году как унижительное для епископского достоинства, которое отличалось использованием митр.— Овцс. С. Конгр. S^{ti} Officii, p. 458 (Bibl. del R. Archivo di Stato in Roma, Fondo camerale, Congr. официальное дело, Том 3).

[635] Шествие *крус-верде* не было повсеместным. Это практиковалось в Вальядолиде, Толедо, Мурсии и, вероятно, некоторых других городах.— Архив Симанкаса, Inq., библиотека 979, fol. 40.

[636] Стоимость этих блюд была тщательно изучена. В 1571 году Верховный суд приказал Логроньо тратить на завтрак не более двенадцати дукатов. В хартии акордада от 25 января 1574 года говорится о больших расходах на столовую и завтрак, выделяемый инквизиторам и чиновникам, исповедникам и кающимся грешникам. В будущем они должны быть ограничены исповедниками и кающимися грешниками; если инквизиторы и официальные лица хотят есть, то это должно быть за их собственный счет, и доказательства этого должны сопровождать отчеты автоинспекторов.— Архив Симанкаса, Inq., Lib. 82, fol. 9; Lib. 942, fol. 39.

[637] Королевская клятва, принесенная молодым Карлосом II на мадридском автосалоне 1680 года, одной рукой на кресте, а другой на евангелии, заключалась в следующем. The inquisitor-general said “Vuestra Magestad jura y promete por su fe y palabra real, que como verdadero y Catolico Rey, puesto por la mano de Dios, defenderá con todo su poder la Fe Catolica que tiene y cree la santa madre Iglesia Apostolica de Roma y la conservacion y aumento della, y que persiguirá y mandará perseguir á los Hereges y Apostatas contrarios della, y que mandará dar y dará el favor y ayuda necessario para el Santo Oficio de la Inquisicion y ministros dello, para que los hereges perturbadores de nuestra Religion Cristiana sean prendidos y castigados conforme á los derechos y sacros canones, sin que aya omision de parte de Vuestra Magestad ni excepcion de persona alguna de qualquier calidad que sea.” На это король ответил: “Асси ло юрио и промето за мою плату и реальную жизнь”. (Olmo, Relacion del Auto, стр. 125.) Такая клятва была принесена принцу Дону Карлосу на автосалоне в Вальядолиде 21 мая 1559 года (Гашард, “Дон Карлос”, I, 47); также Филиппу II на автосалоне 8 октября 1559 года (Кабрера, “Вида де Фелипе II”, Lib. V, cap. 3); также Филиппу III в Толедо, 6 марта 1600 г. (Рукопись Библиотеки Университета Галле., Yc, 20, T. VIII) и Филиппу IV на Мадридском автосалоне 1632 г. (Мора, Авто де ла Фи, § 27).

[638] На великом судебном процессе в Логроньо 7-8 ноября 1610 года, где было пятьдесят три преступника, включая двадцать девять ведьм, приговоры были такими длинными, что день был потрачен на одиннадцать случаев расслабления. Второй день длился с рассвета до сумерек; некоторые предложения пришлось сократить, и выверки производились после наступления темноты. — Аутодафе Логроньо (Logroño, 1611; Мадрид, 1820).

[639] Архив де Симанкаса, Inq., Sala 40, Lib. 4, fol. 221.

[640] Мора, Судебное разбирательство 1632 г., § 44.

[641] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, T. I.

- [642] Ant. Rodríguez Villa, *La Corte y Monarquía de España*, p. 238.
- [643] История архива. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 1.
- [644] Архив истории. национальный, Inq. de Toledo, Лер. 1.—Archivo de Simancas, Gracia y Justicia, Inq., Leg. 621, fol. 171.
- [645] *Relacion histórica de la Juderia de Sevilla*, стр. 85 кв. (Севилья, 1849).
- [646] Archivo de Simancas, Inq., Lib. 937, fol. 123.—Комментатор цитирует Аспилькуэту и Пенью, чтобы доказать, что в Риме в церквях проводились аутотренинги, включающие расслабление, а также что в 1611 году в Куэнке аутотренинги, включающие четыре расслабления, проводились в церкви с помощью ордена Супремы. —Библ. nacional, рукопись, V, 377, глава iii, § 2.
- [647] Архив де Симанкаса, Inq., Leg. 552, fol. 17, 22, 23.
- [648] Архив Симанкаса, *локализация. цит. по*
- [649] История архива. nacional, Inq. de Toledo, Раздел. 1.—Архив Симанкаса, Inq., Раздел. 552, fol. 40.—Proceso contra Diego Rodríguez Silba, fol. 32-4 (MS. *penes me*).
- [650] Архиво де Симанкас, Inq., Lib. 42, fol. 289.—Архив истории. национальный, *поддержка ubi*.
- [651] Архивная история. "насьональ", Inq. de Valencia, Этап 11, № 1, фол. 220, 230, 240.
- [652] Архив де Симанкаса, библиотека 42, fol. 239. То ли по умыслу, то ли по неосторожности, это не было отправлено в трибунал Валенсии до 14 октября 1699 года, когда оно было вложено в письмо, в котором говорилось, что, поскольку оно не было отправлено в то время, теперь оно отправлено для их инструкции. Исторический архив. национальный, Inq. de Valencia, Раздел 10, № 2, fol. 138.
- [653] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 42, fol. 291, 308.
- [654] Библ. nacional, рукопись, P. 128.
- [655] Archivo de Alcalá, Hacienda, Leg. 544² (Lib. 9).
- [656] Ibidem.
- [657] Архив истории. "насьональ", Инк. де Толедо, Этап 1.
- [658] Данвила-и-Колладо, Изгнание лос-Морискос, стр. 106.
- [659] Льоренте, Hist. критерий, глава. XXIV, статья 1, п. 2.
- [660] Гашар, Дон Карлос и Филипп II, I, 106-7.
- [661] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, T. I; Том. VIII.
- [662] Моро, Авто де ла Фи (Мадрид, 1632).
- [663] Паретс, Сучесос-де-Каталония (Память. история. español, XXIV, 297).
- [664] Olmo, *Relacion del Auto*, стр. 47.

[665] Льоренте, История. критерий. Глава XL, ст. 1, п. 3.—Висенте де ла Фуэнте, История. eclesiástica de España, III, 378.—“Preparose un *auto* de fe para obsequiar al Rey, pues habian llegado los *autos* á ser un obligado de todas las fiestas régias, como los toros y los fuegos artificiales. Felipe V se negó por primera vez á concurrir á ellos; mas adelante se le vio asistir á uno (1720).”

[666] Amador de los Rios, Hist. de los Judíos, III, 381-3.

[667] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 939, fol. 108.

[668] Исторический архив. национальный, Inq. de Valencia, стр. 389.

[669] Архив истории. nacional, Inq. de Toledo, Стр. 128. Для иллюстрации тривиальных доказательств, оправдывающих судебное преследование за иудаизм, см. Том. II, стр. 566.

[670] Исторический архив. национальный, Inq. de Valencia, Этап 98.

[671] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, T. I.

[672] Архив Симанкаса, Inq., Leg. 787; Leg. 1157, fol. 155.

[673] Архив Симанкаса, Inq., Sala 40, Lib. 4, fol. 177.

[674] Relazioni Venete, Серия I, T. V, стр. 19.

[675] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. III, fol. 109, 111.—Архив де Симанкас, Inq., Lib. 926, fol. 129.—Архив де Алькала, Гасиенда, Лег. 1049.

[676] Висенте да Коста Маттос, Краткий Дискурс против вероломства в иудаизме, fol. 100 (Лиссабон, 1623).

[677] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. IV, fol. 5.—Архив Симанкаса, Inq., Lib. 926, fol. 127.

[678] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. IV, фол. 130.

Округ Галисия, по-видимому, является исключением из этого правила, вероятно, из-за запоздалой организации трибунала Сантьяго. Евреи там были довольно многочисленны, богаты и уважаемы, и не было времени принудительно обратить их в свою веру или истребить. Суровость трибунала снискала ему репутацию самого жестокого в Испании, и, каким бы безжалостным ни был трибунал Португалии, многие галисийские конверсос нашли там убежище. Ближе к концу столетия инквизитор Педро Перес Гамарра приобрел печальную известность своей неустанной деятельностью, и архиепископ и капитул публично протестовали против действий трибунала. Его алчность была вознаграждена обильными конфискациями. Мы слышим о Мендесе из Вальдеорраса, состояние которого оценивалось более чем в 40 000 дукатов, об Антонио де Саравиа - в 233 707 реалов и о Марсиале Перейре — в 363 444.-Бенито Ф. Alonso, Los Judíos en Orense, pp. 8, 26, 28-30, 32 (Orense, 1904).

[679] Архив Симанкаса, Inq. de Valencia, Раздел 205, fol. 3.

[680] Для этого имеется достаточно аутентичного материала в двенадцати томах *Португальского дипломатического корпуса* (Лиссабон, 1862-1902) — материала, часть которого Эркулано искусно использовал в своем классическом труде *"Происхождение и*

учреждение инквизиции в Португалии" (Лиссабон, 1854). Некоторые пробелы в этом были восполнены А. Рончини в его *"Джованни III ди Портогалло, иль кардинал Сильва и инквизитор"* (Модена, 1879).

[681] Осории де Ребус Эммануэлис Либер. И.—Монтейру, История да С. Inquisição de Portugal, Liv. II, с. 43.—Амадор де лос Риос, III, 358, 360, 614-15.—Эркулано, I, 113-14, 116-18, 124-30.

[682] Эркулано, I, 133, 153-4, 158-9, 164-8.

[683] Эркулано, I, 179, 189-90.

[684] Эркулано, I, 228-86. —Дипломатический корпус, II, 335, 338, 409, 410.— История Португалии, I, 253 (Лиссабон, 1744).

[685] Дипломатический корпус, III, 1, 11, 29, 47, 64, 75.

[686] Дипломатический корпус, II, 430, 452; III, 76, 82, 124.

[687] Там же, III, 117, 121, 125, 166, 169, 171, 177, 181, 190, 206, 210, 218, 220, 228, 249-50, 252, 254, 275, 290-4. Булла Павла III, воплощающая предыдущую буллу Климента VII, находится в Буллари, I, 712.

[688] Эркулано, II, 146-62. —Дипломатический корпус, III, 283, 286, 288, 290, 302, 332; XI, 358.

[689] Дипломатический корпус, III, 348, 353, 354, 358, 402.

[690] Herculano, II, 200-5.—Corpo Diplomatico, IV, 8, 11, 95.

[691] Дипломатический корпус, IV, 128-33, 134, 148, 158, 172-8, 186, 188, 195, 200, 205, 206, 271-6; V, 165; VIII, 294, 295. Португальский крузадо был почти эквивалентом испанского дуката.

[692] Historia dos principaes Actos e Procedimentos da Inquisição de Portugal, p. 256 (Lisboa, 1845).

В этом 1540 году произошел любопытный эпизод с фальшивым нунцием Хуаном Пересом де Сааведрой, искусным фальшивомонетчиком и самозванцем, который выдал себя за поддельные папские грамоты, три месяца прожил на широкую ногу в Лиссабоне и еще три месяца разъезжал по стране, собирая крупные суммы по обычаю нунциев. Испанская инквизиция напала на его след; он был заманен в ловушку на границе, схвачен на португальской земле 23 января 1541 года и доставлен в Мадрид. За это дерзкое мошенничество он заплатил девятнадцатью годами каторги. Он присвоил себе заслугу введения инквизиции в Португалии, и это вторичное мошенничество имело хождение почти до наших дней. Льоренте, История. критерий. Глава. XVI, статья iii, № 1-21.—Парамо, стр. 227-32.—Иллескас, История. Папский собор, Lib. VI, глава iv, —Ant. de Sousa, Aphorismi Inquisit.; О происхождении инквизиции. § 6.Фейджу, Критический театр, Т. VI, Диск iii.—Hernández, Verdadera Origen de la Inquisicion de Portugal (Madrid, 1789).

Салазар де Мендоса (Chronica de el Cardenal Don Juan de Tavera, стр. 119-21) оценивает доходы Сааведры в 300 000 дукатов и утверждает, что Павел III освободил его с галер специальным распоряжением.

[693] Дипломатический корпус, IV, 381, 404-5, 422-5.

[694] Геркулано, II, 304-17, 332-40—Чакония Витт. Поутиф., III, 675.—Дипломатический корпус, IV, 388, 392, 399; V, 41, 54; XI, 388, 472, 473, 496.

[695] Эркулано, III, 8-9.

[696] Дипломатический корпус, V, 34, 70, 83, 114.

[697] Рончини, стр. 6-12.—Геркулано, III, 64-5.

[698] Дипломатический корпус, V, 90, 96, 98, 104-5, 113, 115-16, 117-20.

[699] Рончини, стр. 11.—Corpo Diplomatico, V, 134, 135, 140, 145, 149, 152, 164.

[700] Геркулано, III, 116-199.

[701] Рончини, стр. 16, 17, 20, 23.

[702] Дипломатический корпус, V, 169-71, 179, 184, 187.

[703] Ibidem, V, 176.

[704] Там же, V, 186, 196, 222, 506.—Рончини, стр. 24.

[705] Дипломатический корпус, V, 225, 273, 281-2.

[706] Там же, V, 291; XI, 503.—Рончини, с. 26.

[707] Дипломатический корпус, V, 306, 308, 311, 315, 317; XI, 507.—Archivo de Simancas, Patronato Real, Инквизиция, Leg. unico, fol. 34.—История принципов действия, стр. 256.

[708] Дипломатический корпус, V, 320, 321, 324, 330, 344.

[709] Дипломатический корпус, V, 405, 434, 442.—Рейнальд. Летопись. 1545, № 58.

[710] Дипломатический корпус, V, 448, 451, 453, 460, 470.

[711] Дипломатический корпус, VI, 23, 42.—Рончини, стр. 31-2.

[712] Дипломатический корпус, V, 361, 391, 398, 399; VII, 32, 51-3, 204, 216, 241, 327; VIII, 111.

После смерти Жуана регентство в 1562 году в обмен на услугу прислало Пию IV пару колец, на что он высокомерно ответил, что не желает таких подарков, но ранее он оценил их и обнаружил, что они не представляют особой ценности. В папском дворце почувствовали некоторое возмущение, и Альваро де Кастро, сообщая об этом, подчеркнул важность поддержания хорошего расположения папы.—Ibidem, X, 19, 20, 21.

[713] Дипломатический корпус, VI, 23.

[714] Дипломатический корпус, VI, 95, 101, 105-25, 139, 141, 144, 170-5, 176-77, 180, 183, 186, 198-208.—Рончини, стр. 37-8.—Стюарт Роуз, Святой Игнатий Лойола и ранние иезуиты, стр. 406 (Нью-Йорк, 1891).—Готейн, Игнатий фон Лойола и генреформация, стр. 611 (Галле, 1895).

Открыто заявлялось, что Юлий III продолжил эту практику и продал за тысячу крузадо в год семидесяти главам семейств, принявших крещение в Португалии, лицензию на иудаизацию в

Анконе, привилегией, которой воспользовались двести человек со своими женами и детьми. — Дипломатическое общество, VII, 378.

Факты этого любопытного эпизода заключаются в том, что Павел III выдал охранные грамоты иностранным купцам в Анконе, среди которых были как турки, так и евреи. Затем, 21 февраля 1547 года, в подробном брифинге, особенно в пользу Новых христиан Португалии, он пообещал, что по всем обвинениям в ереси или отступничестве они должны подчиняться исключительно лично папе римскому, а всем судьям и инквизиторам будет запрещено преследовать их в судебном порядке. Чувствуя неопределенность своего положения, они заключили сделку с местными властями о том, что в течение пяти лет их никто не потревожит и что любой преследуемый должен иметь свободное разрешение на выезд. В 1552 году они представили эти статьи Юлию III для подтверждения, которое он дал в записке от 6 декабря, запрещающей судьям и инквизиторам приставать к ним. Однако Павел IV 30 апреля 1556 года отозвал это заявление и приказал привлечь их к ответственности, даже если они под пытками отрицали свое крещение, поскольку было печально известно, что в течение восьмидесяти лет ни один еврей не мог жить в Португалии иначе, как христианин. Это было сделано по просьбе кардинала Караффы и других его племянников, которые после этого арестовали людей и имущество евреев, которые договорились о компромиссе за 50 000 дукатов, но не смогли собрать деньги в указанное время, после чего Караффы завладели имуществом, оцениваемым в 300 000 дукатов. Современник утверждает, что более восьмидесяти из них были сожжены или отправлены на галеры.—Сборник. Декрет. С. Конгр. С^{ti} Officii, с. против *иудействующих* (г-жа пеняет мне).— Декрет С. Конгр. С^{ti} Officii, стр. 327, 334-6 (Библ. del R. Archivio di Stato in Roma, Fondo Camerale, Congr. дело Святого Служения, Том 3). —Библия. nationale de France, fonds italien, 430, fol. 109.

В течение первой половины семнадцатого века папы римские искренне пытались заставить Венецию не принимать португальских беженцев, когда указы Павла III и Юлия III настойчиво цитировались в их пользу. Инквизиторов во всех итальянских городах призывали к активной работе против них, но местные власти, похоже, благоволили им. Особенно либеральными были власти Пизы и Ливорно.—Собирать. Decret. *loc. cit.*—Albizzi, Riposta all'Historia dalla S. Inquisizione del R. P. Paolo Servita, pp. 194-212.

[715] Дипломатический корпус, VI, 152, 159, 160, 163, 164, 166, 210.— Рейнальд. Летопись. 1547, № 131, 132.

[716] Дипломатический корпус, VI, 220.

[717] Дипломатический корпус, VI, 219-21.

[718] Там же, VI, 250-2.

[719] Дипломатический корпус, VI, 248-9.—Рончини, стр. 41.

Есть некоторое удовлетворение в том, что кардинал Фарнезе почти ничего не добился в этом ужасном деле. Смерть его деда в ноябре 1549 года лишила его влияния, и в 1550 году Жуан имел наглость потребовать его отставки с престола Визеу. Фарнезе столкнулся с трудностями, но в 1552 году на его место был поставлен Гонсалво Пиньейру. Вскоре после этого, в сентябре 1552 года, мы слышим о том, что он укрылся в своей миссии в Авиньоне, частично из соображений

безопасности, а частично из-за своих потребностей.—Corpo Diplomatico, VI, 422, 423; VII, 151, 165, 174, 184.

Злоба Жуана по отношению к кардиналу Сильве была неутолимой. После восшествия на престол Юлия III он услышал, что новый папа испытывает сострадание к Сильве, и поручил своему послу передать ему, что любая честь или благодать, оказанные Сильве, будут рассматриваться как оскорбление. К этому времени Сильва был доведен до нищеты, и посол из сострадания воздержался от передачи послания, когда Жуан сердито повторил свои инструкции с дополнительным акцентом. Несмотря на это, примерно три года спустя Юлиус написал Жуану письмо с просьбой простить Сильву, который был подавлен возрастом и немощами. Жуан оставлял письмо без ответа в течение восьми месяцев, до марта 1554 года, а затем написал с нарочитой уклончивостью. Сильва умер в июне 1556 г. — Corpo Diplomatico, VI, 389; VII, 25, 244, 330.

[720] Дипломатический корпус, V, 391, 392; VIII, 291.

[721] Дипломатический корпус, VII, 49, 255, 291, 336, 437, 458, 479; VIII, 82, 94, 108, 142, 150, 161, 181, 185, 195, 197, 205, 225, 239, 275, 289, 296, 310, 460, 466, 475, 476, 491; IX, 40, 81, 120, 125, 150.

[722] История действующих принципов и др., стр. 256-9, 292-5, 312-13.

Цифры в соответствующих трибуналах следующие—

	Расслабленный		
	Лично.	В виде чучела.	Наказан.
Лиссабон	37	2	270
Эвора	87	12	1023
Коимбра	45	37	705
	169	51	1998

Интересный список автомобилей, из которого я свел эту и последующие таблицы, вероятно, основан на компиляции записей, сделанных около 1767 года Диого Барбоса Мачадо, копии которых хранятся в Публичной библиотеке Коимбры. См. профессора Р. Дж. Х. Готтейла в *Jewish Quarterly Review*, октябрь 1901 г., стр. 90-1.

Эти списки, вероятно, неисправны для первых лет. Современник, писавший в 1564 году, утверждает, что в течение ряда лет ежегодно сжигалось от двадцати до сорока человек и двести подвергались покаянию.—Библия. nationale de France, fonds italien 430, fol. 109.

[723] Дипломатический корпус, IX, 150; X, 315, 546, 556.

[724] Соуза, Афор. Исследование происхождения, § 6.—Хорошо известно *Отношение доктора К. Деллона к инквизиции Гоа* (Париж, 1688), рассказывающее о его страданиях там. Она была переведена на португальский язык с многочисленными примечаниями и документами Мигелем Висенте д'Абреу (Нова-Гоа, 1866), на которого у нас еще будет возможность сослаться.

[725] Дипломатический корпус, IX, 112.

[726] Там же, XII, 77. Аналогичное распоряжение было опубликовано Урбаном VIII 22 апреля 1625 г. (там же, стр. 246), но, поскольку в нем нет ссылок на какие-либо предшествующие действия, предполагается, что это были спорадические, а не непрерывные передачи власти.

[727] Об этой забытой борьбе см. Несколько подробных статей преподобного Джорджа Эдмундсона в *Английском историческом обзоре* за 1899 и 1900 годы.

[728] В лиссабонском автопробеге от 14 марта 1723 года мало иудействующих, и все они являются жителями Португалии. В нем от 10 октября 1723 года говорится, что иудействующих много, и большая часть из них родом из Бразилии. Очевидно, за это время прибыл флот. — Королевская библиотека Берлина, стр. 9548.

Однако в 1618 году мы слышим об инквизиторе, посланном из Португалии в Бразилию, чьи действия быстро вынудили множество новых христиан искать убежища на испанской территории. — Дж. Т. Медина, "Инквизиция в провинциях дель Плата", стр. 155-61 (Сантьяго-де-Чили, 1900).

[729] Мигель Висенте д'Абреу, стр. 115.

[730] Была сделана. Guerreiro Camacho de Aboym, *De Privilegiis Familiarum etc.*, pp. 12-18, 21 (Ulyssipone, 1759).

[731] Франсиско де Кастро, Верховный суд Португалии, Лив. I, Тит. i, § 1; Тит. iii, §§ 13, 14; Тит. v, § 6; Liv. II, Тит. ii, § 13 (Лиссабон, 1640).—Афоризм Сузы. *Inq. Lib. I*, глава i, № 14.

[732] Де Кастро, Режименто, Ливия. II, Тит. xxiii.

[733] Жизнь Джорджи Бьюкенени по собственному сценарию.—Лопес де Мендонса, Дамиан де Гоус и Инквизиция Португалии, стр. 21 (Лиссабон, 1859).

Поэма о францисканцах была написана по просьбе короля Шотландии Якова V. Это вынудило Бьюкенена покинуть страну, и, прежде чем отправиться в Португалию, он извинился за это перед королем Жуаном. Краткий отрывок покажет его характер: —

At nunc posteritas, vera pietate relictas,
Degenerem quæstum sordesque secuta, caducas
Cogit opes, ficta et sub religione pudendos
Occultat mores et, fama innixa parentum,
Seducit stolidum pietatis imagine vulgus.

[734] Мендонса, Дамиан-де-Гоус и Инквизиция Португалии.

[735] Дипломатический корпус, X, 537, 569.

[736] Льоренте, *Hist. критерий*. Глава. XIX, ст. iii, п. 6.

[737] Дипломатический корпус, XII, 23. Поскольку кардиналу Альбрехту было всего 25 лет, в его случае было необходимо специальное отступление от минимального правила. Еще более примечательным является тот факт, что его поручение предоставило ему юрисдикцию над епископами.

Когда Альбрехт покинул Португалию, поручение его преемника, Антонио епископа Эльвашского от 12 июля 1596 года, не содержало такого положения; однако оно расширило его юрисдикцию от простой ереси до колдовства и гадания, а также цензуры прессы.—Ibidem, p. 70.

[738] История принципов действия, стр. 258-61, 294-7, 312-15. Цифры в соответствующих трибуналах следующие:

	Расслабленный		
	Лично.	В виде чучела.	Наказан.
Лиссабон	29	6	559
Эвора	98	16	1384
Коимбра	35	37	1036
	162	59	2979

[739] Дипломатический корпус, XII, 14.

[740] Relazioni Venete, Серия I, T. V, стр. 449.

[741] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, T. I.

[742] Парамо, стр. 304.

[743] Cabrera, Relaciones, стр. 135, 141, 152, 227, 229.— История основных действий, стр. 261.

Богатство португальских новых христиан сделало такую оплату легким делом. В мемориальной молитве о помиловании они признали, что их состояние оценивается в восемьдесят миллионов дукатов, и когда Хуан Нуньес Корреа провел среди них оценку, она была основана на семидесяти пяти миллионах.—Вердады католиков против выдумок иудаистов § 9 (Рукопись Бодлианской библиотеки, свод "Сельд А", подзаголовок 17).

Это мемориал Луиса де Мело, декана капитула Браги, написанный в 1652 году, когда он был беженцем при испанском дворе. Вероятно, он был вовлечен в заговор против династии Браганса, за который архиепископ Браги Себастьян де Норонья был казнен в 1641 году. Его статья полна ярости по отношению к Новым христианам, но, как мы еще увидим, в ней содержится многое, что проливает свет на этот предмет.

[744] Архив Симанкаса, Inq., Lib. 926, fol. 119.—Дипломатический корпус Португалии, XII, 121.

[745] Кабреера, Relaciones, стр. 230-1.

[746] РУКОПИСЬ муниципального архива Севильи, Специальная секция, Сигло XVIII, Литра А, Томо 4.

Четверть века спустя, в качестве аргумента против предоставления аналогичного помилования, нам говорят, что Божье недовольство не было отложено, поскольку в тот самый день, когда было отложено это авто, серебряный флот под командованием дона Луиса де Кордовы был уничтожен, нанеся Испании невосполнимый урон. —РУКОПИСЬ Э. Н. Адлера (Revue des Etudes Juives, № 99, стр. 56).

[747] История принципов действия, стр. 261, 297, 315.

- [748] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, T. I.
- [749] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 942, fol. 60.
- [750] Revista de Archivos, Марцо, 1903, стр. 216.
- [751] Архив де Симанкаса, Inq., Раздел 552, fol. 6.
- [752] Предостережение христианам, § 1 (РУКОПИСЬ Бодлеанской библиотеки, Архив Seld, 130).
- [753] Luys de Melo, Verdades Cathólicas, § 4—Bibl. nacional, рукопись, D, 118, fol. 257, n. 68.
- [754] История архива. nacional, Inq. de Valencia, Часть 6, n. 2, fol. 281, 341, 342.—Библ. nacional, рукопись, D, 118, fol. 250, n. 66.
- [755] Библ. nacional, рукопись, D, 118, fol. 257, n. 68.
- [756] Краткий Дискурс против вероломства еретиков в иудаизме, фол. 67, 172 (Лиссабон, 1623).
- [757] Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 812, Лима, fol. 17. В 1628 году мы находим пятерых беженцев из Монтемора, зарабатывающих себе на жизнь в Уэльве.—Ib. fol. 18.
- [758] История принципов действия, стр. 262-7, 298-301, 316-21. Статистические данные соответствующих трибуналов таковы:—

	Расслабленный		
	Лично.	В виде чучела.	Наказан.
Лиссабон	75	51	1231
Эвора	73	56	1891
Коимбра	82	54	1873
	230	161	4995

О помиловании 1627 и 1630 годов свидетельствует освобождение всех заключенных трех инквизиций (Там же, стр. 265, 299, 301, 319). За эти помилования велась ожесточенная борьба. См. Документы, напечатанные Э. Н. Адлером в *"Ревю юных этюдов"*, № 97, стр. 66; № 99, стр. 54; № 100, стр. 212, 216; № 101, стр. 99.

- [759] Библия. nationale de France, fonds italien, 1260. fol. 1, I, § 11.
- [760] Смотрите документы Адлера, *"Ревю юных этюдов"*, № 100, стр. 231.
- [761] Луис де Мело, Католические верди, § 4. Это утверждение подтверждается памяткой Новых христиан, которые жалуются, что едва ли найдется город, который не обезлюдил; одного ареста достаточно, чтобы посадить в тюрьму всех людей. Документы Адлера (*"Ревю юных этюдов"*, № 97, стр. 63).
- [762] Вердадес Католикас, § 5.—См. Приложение.
- [763] Библ. nacional, рукопись, D, 118, fol. 250, n. 66.
- [764] Библ. nacional, рукопись, D, 118, fol. 250, n. 66.

[765] Вердадес Католикас, § 6. Предложения епископов, и особенно изгнание новых христиан, были предметом долгих дискуссий и консультаций. Смотрите Документы Адлера в *"Ревю юных этюдов"*, № 97, стр. 67; № 100, стр. 217; № 101, стр. 98, 115; № 102, стр. 251.

[766] Verdades, § 7. Вероятно, произошла ошибка в оплате разрешения на эмиграцию. "Новые христиане" в мемориале заявляют, что для его получения им потребовалось 240 000 дукатов государственных займов, и они горько жалуются на препятствия, возникшие на пути их отъезда из королевства. — Документы Адлера (*Revue des Etudes Juives*, № 97, стр. 58-63; № 100, стр. 224, 228).

[767] Вердадес, там же, § 7.— Примечательно, что в этот период не было договоренности об экстрадиции между двумя учреждениями, подчиняющимися одной короне. Мы видели (т. I, стр. 253) соглашение конкордии, заключенное в 1544 году, которое продолжало действовать по крайней мере до 1580 года. Впоследствии это было приостановлено, и в 1637 году мы находим, что Верховный суд спрашивает трибуналы, каков был их обычай (*Арх. история. пас., Inq. de Valencia*, Раздел 9, п. 1, fol. 295). Очевидно, это было сделано в рамках подготовки к соглашению, заключенному в 1638 году о взаимной выдаче. Восстание 1640 года, конечно, положило этому конец, но после признания независимости Португалии оно было возрождено в 1669 году, хотя было предписано проконсультироваться с Верховной властью, прежде чем заявлять о сдаче. Любой запрашиваемой информацией можно было свободно обмениваться, особенно в том, что касалось *limpieza* (Там же, Раздел 10, п. 2, fol. 78).

[768] Библия. nationale de France, fonds italien, 1260, fol. 1, I, §§ 11; 30; II, §§ 5, 31; fonds latin, 12930, fol. 131.

[769] Архив Симанкаса, Inq., Lib. 20, fol. 150.—Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 240.

[770] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 21, fol. 67.

[771] Вердадес Католикас, § 4, п. 4.

[772] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 49, fol. 45.

[773] Пеллисер, Ависос историкос (Семанарио эрудито, XXXI, 123).

[774] Дипломатический корпус, XII, 360, 412, 416.—История действующих принципов, стр. 268-71, 300-1, 320-1.

В течение десятилетия 1641-50 годов в работе трибуналов наблюдался некоторый спад. Сводные данные таковы: —

	Расслабленный		
	Лично.	В виде чучела.	Наказан.
Лиссабон	37	14	341
Эвора	5	9	632
Коимбра	8	36	143
	50	59	1116

[775] Пеллисер, Ависос историкос (Семанарио эрудито, XXXII, 66, 188).—Льоренте, История, критика, загл. XIX, ст. iii, п. 7.

[776] Антонио де Виейра, S. J., утверждает это в письме регенту Педро.—Relação exactissima, стр. 140 (Veneza, 1750).

[777] Gams, Серия Episcoporum, стр. 102.—Anno historico Portuguez, II, 557.—Coleccion de Tratados de Paz; Фелипе IV, Часть VII, стр. 485, 650.

[778] Напечатано в “Уведомлениях о последних событиях и посмертных процедурах инквизиции Испании и Португалии”, стр. 1-8 (Виллафранка, 1722).

[779] Библ. nationale de France, fonds latin, 12930, fol. 11. Согласно этому, падре Антонио Виейра, S. J., должно быть, был отлучен от церкви за то, что в Публичной библиотеке Эворы есть рукопись, озаглавленная “Разозлился на падре Антонио Виейру, представляющего Д. Жуана 4, за то, что он попросил новообращенных христиан о том, чтобы они были осуждены, но не по Закону”.—Проф. Готтейл в *Jewish Quarterly Review*, октябрь 1901 г., стр. 89.

[780] Relação exactissima, стр. 93 (Veneza, 1750).

[781] История принципов действия, стр. 270-5, 300-3, 320-5. За 1651-1673 годы статистика такова:—

	Расслабленный		
	Лично.	В виде чучела.	Наказан.
Лиссабон	68	18	868
Эвора	54	41	2201
Коимбра	62	—	1724
	184	59	4793

[782] Падре Виейра, Discurso demonstrativo, стр. 121 (Венесуэла, 1750).

[783] Библ. nationale de France, fonds latin, 12930, fol. 108.

[784] Ibidem, fonds italien, 1241, fol. 76.

[785] Ж. Мендес душ Ремедиос, Ос Иудей в Португалии, I, 347-52 (Коимбра, 1895).

[786] В Лиссабонском суде от 10 мая 1682 года были зачитаны оправдательные приговоры восьми жертвам, которые были признаны невиновными после смерти в тюрьме (Бодлеанская библиотека, свод правил. А, подзаголовок 16). В одном из них в Коимбре 4 февраля 1685 года было сожжено пятнадцать изображений заключенных, умерших во время судебного процесса.—Historia dos principaes Actos, стр. 327.

[787] I see no reason to doubt that the “Noticias reconditas y posthumas del Procedimiento de las Inquisiciones de España y Portugal con sus presos. En Villafranca, 1722” - это тщательно продуманное заявление, составленное Виейрой для Иннокентия XI. Он снова появился под названием “Relação exactissima.... процедура расследования преступлений в Португалии”. Настоящее письмо папы Игносенсио XI Пелло П. Antonio Vieira, Da Companhia de Jesus. En

Veneza con Licença do Santo Officio MDCCL.” В нем не больше горечи, чем в других его сочинениях на эту тему, и его несколько витиеватый стиль естествен для столь популярного проповедника.

Автор "Подлинных мемуаров о португальской инквизиции" (Лондон, 1761 и 1769) приводит на стр. 47 перевод отрывка из этой работы, который, по его словам, он сделал с хорошо засвидетельствованной рукописи в Португалии. Было, добавляет он, несколько копий, написанных рукой Виейры, а также рукой секретаря инквизиции, бежавшего в Венецию.

Венецианское издание содержит также две короткие статьи Виейры, одну под названием "Discurso Demonstrativo", адресованную другу, а другую "Discurso Segundo", адресованную регенту Дому Педро. Они несут внутреннее свидетельство подлинности, и последнее включено в список Де Бэкера (Bibliothèque des Ecrivains de la Compagnie de Jésus, V, 761-2) вместе с другими его работами в пользу Новых христиан. Ряд таких рукописей. хранятся в Публичной библиотеке Эворы.—Проф . Готтейл в *Jewish Quarterly Review*, октябрь 1901 г., стр. 89.

[788] Библ. nationale de France, fonds italien, 1241, fol. 44.

Эти официальные документы, касающиеся обсуждения в Риме, были доставлены в Париж кардиналом д'Эстре, в то время послом при папском дворе.

[789] Библия. nationale de France, fonds italien, 1260, fol. 34.

[790] Там же, № 1260, фол. 1, I, §§ 10, 12, 13, 14, 16, 19, 24, 34, 36; фол. 34; № 1241, фол. 34.

[791] Библия. nationale de France, fonds italien, 1241, fol. 12, 22, 24, 30, 33.

Виейра в своем письме регенту Педро утверждает, что из ста сожженных негативов не было ни одного виновного, и что это должно продолжаться до тех пор, пока процедура остается неизменной.—Второе обсуждение, стр. 136-7.

[792] Библия. nationale de France, fonds italien, 1241, fol. 8, 9, 23.

[793] Библ. nationale de France, fonds italien, 1241, fol. 127.

[794] Ibidem, fol. 42, 81, 159.

[795] Буллар. Римлянин. XI, 102, 198.—История принципов действия, стр. 274, 324.

[796] Буллар. Римлянин. XI, 102, 198, 260; VII, 38.—Демонстративный дискурс, стр. 116.

[797] История действующих принципов, стр. 275-9, 303-5, 325-9. Статистика следующая:—

	Расслабленный		
	Лично.	В виде чучела.	Наказан.
Лиссабон	12	12	422
Эвора	8	18	366
Коимбра	39	31	563
	59	61	1351

[798] Centinela contra Judíos, puesto en la Torre de la Iglesia, Barcelona, 1731.

[799] Библия. nacional, рукопись, D, 118, fol. 227.

[800] Фейджу, Театр, Т. VII, Дискурс V, § vi.—Долгое время считалось, что у англичан есть хвосты в наказание за убийство Томаса Бекета.

[801] Картас де Иезуитас (Память. история. español, XVIII, 237, 255, 371).

[802] Хуан Адан де ла Парра, Защитник христиан, фол. 31-2, 34, 38 (Матрица, 1633).

[803] Картас де Иезуитас (Память. история. español, XIII, 85).— История Филиппа IV, Библиотека. VI (Coleccion de Documentos, LXXVII, 380).—Adolfo de Castro, Olivares y el Rey Felipe IV, pp. 133-4 (Cadiz, 1846).—Amador de los Rios, III, 546-7.—Archivo hist. nacional, Inq. de Valencia, Этап 9, № 2, fol. 224.

[804] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Раздел 4, № 3, fol. 222.— За документ, содержащий королевское решение, я в долгу перед Эльканом Н. Адлером, эсквайром.

[805] Амадор-де-лос-Риос, III, 521.

[806] Reusch, Die Indices des sechszehnten Jahrhunderts, pp. 235, 436.

[807] Архив Симанкаса, Inq., стр. 552, fol. 26, 28, 29, 31, 36.— Картас де Иезуитас (Мем. хист. español, XVII, 419, 493).—Basnage, Histoire des Juifs, IX, 744 (La Haye, 1716).—Pellicer, Avisos históricos (Semanario erúdito, XXXIII, 210).

[808] Архиво де Симанкас, Inq., стр. 552, fol. 33, 37.

[809] Архив де Симанкаса, Inq., Раздел 552, fol. 1.

[810] Там же, библиотека 812, Льерена, fol. 2-7. Cf. Ibidem, Cuenca, fol. 1-11; Lima, fol. 1 sqq.

[811] Архив Симанкаса, Inq., Leg, 552, fol. 38.

[812] Архив истории. "насьональ", Inq. de Toledo, Этап 1.

[813] Relacion histórica de la Juderia de Sevilla, стр. 94-8 (Севилья, 1849).

[814] Процесс против Диего Родригеса Сильвы и Аны Энрикес (РУКОПИСЬ. пенес ме).

[815] Catálogo de las causas seguidas ante el tribunal de Toledo, p. 212 (Madrid, 1903).

[816] Процесс против Анджелы Перес (МИСС пенес меня).

[817] Судебный процесс против Анхелы Нуньес Маркес (МИСС пенес ме). Брат Анджелы, доктор Херонимо Нуньес Маркес, был помирился в мадридском суде 1680 года, где он описан как "Врач семьи Магестада".—Olmo, Relacion, стр. 209.

[818] Процесс против Анджелы Нуньес Маркес (МИСС пенес ме).—Анжела была 17-м номером мадридского автопробега 1680 года (Olmo, стр. 211).

[819] Поддержка Ubi. (Рукопись. пеняет мне).

[820] Изгнание из Египта, том 6 (Бодлеанская библиотека, архив, стр. 130).—Проповедь аутодафе 6 декабря 1705 года, стр. 5 (Лиссабон, 1705). Эта проповедь была переведена Мозесом Мокаттой вместе с ответом на нее Карлоса Веро, Лондон, 1845.

[821] Матуте—и-Лукен, автомобили из Кордовы.-Исторический архив. nacional, Inquisicion de Toledo, Leg. 1.Архив де Симанкас, Inq., стр. 552.

[822] История архива. nacional, Часть 2, № 10, фол. 1.

[823] Коллекция Тратадос-де-Пас; Карлос II, Часть I, стр. 306.

[824] Libro XIII de Cartas, fol. 158, 191 (РУКОПИСЬ Am. Филол. Общество).—Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Часть 11, n. 2, fol. 117; Inq. de Toledo, Часть 1.

[825] История архива. nacional, Inq. de Valencia, Этап 10, № 2, fol. 89.

[826] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 49, fol. 345.

[827] Габриэль Льябрес (Болетин, XL, 152-4).

[828] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 595, fol. 1.

[829] Там же, Сала 40, Библиотека 4, fol. 177.

[830] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 25, fol. 89.

[831] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 595, fol. 1; Lib. 69, fol. 69.—Таронджи, Социальная сеть острова Майорка, стр. 241-2.

[832] Гарау, "Триумфальная арка", стр. 30-45, 49-50, 65-78, 111-22.—Архив Симанкаса, Inq., Lib. 68, fol. 258.

[833] Королевская библиотека Берлина, Qt. 9548.

[834] Архив де Симанкас, Inq., Sala 39, Leg. 4, fol. 15, 23, 71.

[835] Матуте и Лукен, Автобиография Кордовы, стр. 212-16.

[836] Архив истории. "насьональ", Инк. де Толедо, Этап 1.

В Португалии наблюдалась большая активность. Список автомобилей в “Истории основных действий”, стр. 278-81, 304-7, 328-31, приведен за двадцать лет, 1701-20,

Расслабленный

	Лично.	В виде чучела.	Наказан.
Лиссабон	26	14	961
Эворы		2	458
Coimbra	11	10	707
37	26	2126	2126

[837] Библиот. национальный, рукопись, B^o, 122.

[838] История архива. "насьональ", Инк. де Толедо, Этап 1.

[839] Королевская библиотека Берлина, Qt. 9548. Краткое описание штрафных санкций таково:—

Личное послабление	75	Бичевание	191
Послабление в изображении	74	Галеры	49
Примирение	595	Изгнание	73
Конфискация	782	Отречение <i>де леви</i>	24
Тюрьма и санбенито	597	Отречение <i>от страстей</i>	23

[840] Распределение случаев было следующим:—

В	1721...	57
	1722...	252
	1723...	224
	1724...	157
	1725...	89
	1726...	24
	1727...	17

Вполне вероятно, что 1727 год в этой коллекции неполный.—Королевская библиотека Берлина, Qt. 9548.

[841] Матуте и Лукен, указ. соч., стр. 253-73.

[842] Архив истории. "насьональ", Инк. де Толедо, Этап 1.

[843] Библиот. nacional, рукопись, S, 294, fol. 375.

[844] Королевская библиотека Берлина, Qt. 9548.

[845] Архив Алькала, Гасиенда, Стр. 544² (Библиотека 9).

Португальская инквизиция продолжала действовать. За 1721-1794 годы, последние зарегистрированные, статистические данные таковы (Historia dos principaes Actos, стр. 280-91, 306-11, 332-9):—

Расслабленный			
	Лично.	В виде чучела.	Наказан.
Лиссабон	131	17	1543
Эвора	8	3	735
Коимбра			1210
	139	20	3488

В этом примечательны превосходящая энергия и свирепость Лиссабонского трибунала; за 1732-42 годы он освободил не менее 66 человек. Последнее сожжение произошло с несчастным падре Малагридой в 1761 году, но уже в 1760 году Эвора сжег четырех преступников.

Насколько можно установить, общий послужной список португальской инквизиции до 1794 года насчитывает 1175 смягченных лично, 633 изображенных на портретах и 29 590 наказанных. Долю новых христиан среди них установить невозможно, но к последнему периоду она значительно уменьшилась, и, как и в Испании, юрисдикция включала суеверное колдовство, богохульство, двоеженство и т.д.

При министерстве маркиза Помбала Дом Хосе 8 апреля 1768 года лишил инквизицию цензуры, а последовательными эдиктами от 2 мая 1768 года, 16 июня 1773 года и декабря 1774 года были устранены все различия между старыми и новыми христианами. Приказом от 10 февраля 1774 года инквизиция Гоа была упразднена, но смерть Дома Хосе в 1777 году и наследование престола Марией I лишили Помбала власти, и она была возрождена в 1779 году, чтобы быть окончательно подавленной в 1812 году (Висенте д'Абреу, стр. 6-7, 267-72, 274). В Португалии она была уничтожена революцией 1820 года.

В 1774 году генеральный инквизитор кардинал да Кунья издал новый *Регламент*, в предисловии к которому иезуиты обвиняются в том, что они извратили формы процедуры, вызвав все зло, которым она поразила страну. Новый кодекс устранил многие злоупотребления старого, и король Хосе в указе, одобряющем его, повторил обвинение иезуитов, возложив на них ответственность за жестокую и кровавую коррупцию, несовместимую с принципами естественного разума и религии, которая сделала инквизицию ужасом для всей Европы и создала внутри монархии независимую и автократическую организацию духовенства.— *Regimento do Santo Officio da Inquisição*, pp. 3 sqq. 31, 37, 39, 42, 55, 62-3, 71, 89, 144-5, 149, 154-5. (Лиссабон, 1774).

Английские версии обоих полков — 1640 и 1774 годов — приведены да Коста Перейрой Фуртадо де Мендонса в *"Повествовании о его преследованиях"* (Лондон, 1811). Он провел три года, с 1802 по 1805 год, в тюрьме Лиссабонского трибунала, и, если верить его рассказу, реформы Помбала уже устарели.

[846] Архив истории. "насьональ", Инк. де Валенсия, Этап 100.

В 1783 году генеральный инквизитор Бельтран дал указание трибуналам, что никто не должен быть арестован за иудаизм без предварительного представления ему всех документов. В то же время он призвал представить отчеты обо всех находящихся на рассмотрении делах об иудаизме, на что Валенсия ответила, что у нее их нет.—Там же, Картас дель Консехо, Раздел 16, n. 5, fol. 59; Раздел 4, n. 2, fol. 136.

[847] Новизна. Перераб., Библиотека. XII, Т. i, глава 4.

[848] Архив де Симанкаса, Inq., Лег. 1473.

[849] Процесс против Диего Родригеса Сильвы (МИСС *пенес ме*).

[850] Исторический архив. nacional, Inq. de Valencia, Раздел 11, № 3, fol. 183.—Библ. nacional, РУКОПИСЬ, V, 377, cap. XXII.

[851] История архива. nacional, Inq. de Valencia, Этап 10, № 2, fol. 112.

[852] Де Ламбер, Воспоминания о сервире, VIII, 379.

[853] Архив де Симанкаса, Inq., стр. 552, fol. 52.

[854] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Этап 4, № 3, fol. 222.

[855] Там же, Стр. 100.

[856] Амадор-де-лос-Риос, III, 552-3.

[857] Новизна. Перепись., Библиотека. XII, Тит. i, лей 5.

[858] Амадор-де-лос-Риос, III, 557.

[859] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека. 435².

[860] МИСС *пенес меня*.

[861] Архив Симанкаса, Inq., Лег. 1473.

[862] Там же, Библиотека. 559.

[863] История евреев Линдо, стр. 377.

[864] Амадор де лос Риос, III, 561-2.—Паредес, Политический курс, стр. 666 (Мадрид, 1883).

[865] Элкан Н. Адлер, в Jewish Quarterly Review, апрель 1901 г., стр. 392.

[866] П. Анхель Тинео Эредиа, "Иудеи Испании", стр. 44, 48 (Мадрид, 1881).

[867] Затянувшаяся трагедия морисков может быть описана только в рамках главы, и я должен отослать читателя, желающего более подробных сведений, к моей книге "Мориски Испании, их обращение и изгнание" (Филадельфия, 1901). С тех пор как был выпущен этот том, падре Паскуаль Боронат—и-Баррачина опубликовал два тома объемом в октаво на эту тему - "Испанские мориски и их изгнание" (Валенсия, 1901), в которых его трудолюбие накопило очень обильную массу оригинальных документов; ими я здесь свободно пользуюсь.

[868] Yanguas y Miranda, Diccionario de Antigüedades del Reino de Navarra II, 433 (Pamplona, 1840).

[869] Фрай Джейм Бледа, Короника-де-лос-Морос, стр. 877 (Валенсия, 1618).

[870] Пулгар, Крона-де-лос-Рейес-Католикас, II, lxxvii.—Архивный документ. де ла К. де Арагон, Регистрационный номер 3684, fol. 96. Падре Фидель Фита (Болетин, XV, 323-5, 327, 328, 330; XXIII, 431).

[871] Fernández y González, p. 421.—Coleccion de Documentos, VIII, 411.—Marmol Carvajal, Rebelion y Castigo de los Moriscos de Granada, pp. 146-50 (Biblioteca de Autores españoles, Tom. XXI).

[872] Сборник документов, XI, 569; XIV, 496.—Джанер, Социальные условия лос-Морисков, стр. 127.

[873] Напечатано в приложении к книге автора “Мориско”, стр. 403.

[874] Мармол Карвахаль, стр. 153.—Салазар де Мендоса, *Crónica del gran Cardenal de España*, стр. 251 (Тоledo, 1625).

[875] Мармол Карвахаль, стр. 152.—Педраса, *История*. экклз. de Granada, fol. 174, 186-7.

[876] Гомесии де Ребус жестис, Франсиско Химено, Библиотека. IV, фол. 65; Библиотека. V, фол. 128; Библиотека. VII, фол. 219.

[877] Основным авторитетом во всем этом является Мармол Карвахаль (“Восстание и Кастиго”, стр. 153-6), но есть также сообщения Гомеса (“De Rebus gestis”, Lib. II, стр. 30-33); Зурита (*Hist. del Rey Hernando*, Lib. III, глава. xlv); Galíndez de Carvajal (*Coleccion de Docum.* XVIII, 296); Bernaldez (*Hist. de los Reyes Catholicos*, p. 145); Pedraza (*Hist. экклз. de Granada*, fol. 193, 196).

[878] Клеменсин, Элогио де ла Рейна Исабель, стр. 291-3 (Мадрид, 1821).—Архив Симанкаса, Патронатореаль, Inq., Leg. unico, fol. 26.

[879] Зурита, Галиндес де Карвахаль, Мармол Карвахаль, Бернальдес, *супервайзер ubi*.

[880] Nueva Recop. Библиотека. VIII, Тит. ii, лей 8.

[881] Когда и на каких условиях это освобождение было предоставлено мориско Гранады, я не смог установить, но оно неоднократно упоминается в последующих документах как общеизвестное.

[882] Боронат, Лос-Морискос эспаньолес, I, 113.

[883] Новая редакция, Библиотека. VIII, Tit. ii, ley 4.—Cf. Fernández y González, p. 219.

[884] Галиндес де Карвахаль (*Coll. de Documentos*, XVIII, 301-4). Зурита, цитируя Карваджала, оспаривает это, но признает, что обращение не было добровольным. *del Rey Hernando*, Lib. IV, глава 54.

[885] Кол. de Documentos, XXXVI, 447.

[886] Bravo, *Catálogo de los Obispos de Córdoba*, I, 411 (Córdoba, 1788).

[887] Gomesii de Rebus gestis Lib. III, том 77.

[888] Данвила-и-Колладо, Исключение, стр. 74.

[889] Краткое содержание. Испанский язык, 1512 год, глава 2 (Агирре, V, 363).

[890] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 3, fol. 72.

[891] Мариана, *Hist. de España*, Ed. 1796, Tom. IX, Приложение, стр. lvi.

[892] Архив Симанкаса, Inq., Библиотека 4, fol. 97; Библиотека 9, fol. 2, 13, 29; Библиотека 940, fol. 69, 131, 185.

[893] Archivo de Simancas, Inq., Lib. 939, fol. 89.—Danvila y Collado, p. 98.

[894] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, Т. I.—Библ. nacional, рукопись, D, 111, fol. 127; PV, 3, n. 20.—Процесс против Мари Серраны, Мари Наранджи, Мари Гомес ла Саседы (рукопись. *прости меня*).

[895] Archivo de Simancas, Inq. de Valencia, Leg. 205, fol. 3.

[896] Bleda, Corónica, p. 905.

[897] Рукопись *пенес ме*.—Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, Т. I.

[898] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, Т. I.

[899] Педраза, Hist. эклз. de Granada, fol. 236-8.

[900] Сандовал, Hist. де Карлос V, Либр. XIV, cap. 18.—Guevara, Epístolas familiares p. 543.

[901] Сандовал, *супервайзер ubi*—Дормер, Аньялес-де-Арагон, Либерия. II, глава vii.—Архив Симанкаса, Библиотека 926, fol. 80.

[902] Дормер, *супервайзер ubi*—Бледа, Короника, стр. 566.—Мармол Карвахаль, стр. 158.—Новая редакция, библиотека. VIII, Тит. ii, страницы 13, 15, 17.

[903] Дормер, Бледа, Мармол Карвахаль, *ло. цит. по*.—Relazioni Venete, Серия I, Том V, стр. 37.

[904] Правило, История инквизиции, I, 172 (Лондон, 1874).

[905] Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 926, fol. 80-2, 86-7.—Гашар, Воссоздание смерти Шарля-квинта, II, 356.

[906] Мендоса, Герра-де-Гранада, стр. 71 (Библ. de Autores españoles, Т. XXI).

[907] Данвила-и-Колладо, Исключение, стр. 172.

[908] Мармол Карвахаль, стр. 160.—Кабрера, Фелипе Второй, стр. 293, 429 (Мадрид, 1619).—Воспоминания Мондехара, стр. 14-16 (Морель-Фатио, "Великая Эпоха xvi^e и xvii^e серия).—Мендоса, стр. 71.—Педраза, стр. 239.

[909] Кабрера, стр. 393.—Педраса, фол. 238.

[910] Кабрера, стр. 394, 466.—Педраса, fol. 238-9.

[911] Память Мондехара (Морель-Фатио, стр. 17).—Мармол Карвахаль, стр. 167.—Кабрера, стр. 465.—Педраса, фол. 239.

[912] Мармол Карваджал, стр. 161-2.—Педраса, фол. 239.

Этот запрет на купание, даже со стороны христиан, является любопытной иллюстрацией цивилизации того периода. Она пришла в упадок со времен Фуэро Теруэля, дарованного в 1176 году Альфонсо II Арагонским, который предписывал, чтобы мужчины пользовались общественной баней по вторникам, четвергам и субботам, женщины - по понедельникам и средам, а евреи и мавры - по пятницам. По воскресеньям баня была закрыта, и вода не нагревалась.—Forum Turolii: Transcripcion de Francisco Aznar y Navarro, p. 142 (Zaragoza, 1905).

[913] Мармол Карвахаль, стр. 166, 168.—Кабрера, стр. 465.—Педраза, фол. 240.

[914] Мармол Карвахаль, стр. 167.—Педраса, фол. 241.

[915] Relazioni Venete, Серия I, Т. V, стр. 145.

Корты 1570 года обратились к Филиппу с петицией об отмене запрета на использование аркебуз в охоте, указав, что война в Гранаде показала нехватку оружия в Испании и людей, которые могли бы им пользоваться. Они также сослались на трудности, с которыми сталкиваются новобранцы, и предложили разрешить городам предоставлять склады оружия за свой счет в соответствии с такими ограничениями, которые может установить король. На эти петиции королевские ответы были двусмысленными. Все это в высшей степени показательно для подозрений, которые питал монарх относительно лояльности своих подданных.—Córtes de Córdoba del año de setenta, fol. 6, 12 (Алькала, 1575).

[916] Córtes de Córdoba del año de setenta, fol. 13 (Alcalá, 1575).

[917] Описания М. де Фуркево, I, 354 (Париж, 1896).

[918] Мармол Карвахаль, стр. 277.—Мендоса, стр. 92.

[919] Мармол Карвахаль, стр. 341, 364.—Кол. документов, XXVIII, 156.

[920] Библия. nacional, рукопись, G. 50, fol. 240.

[921] Relazioni Venete, Серия I, Т. VI, стр. 407.

[922] Новая редакция, библиотека. VIII, Тит. ii, лей 22.

[923] Джанер, стр. 256.

[924] Обрас де Сервантес, стр. 242 (Изд. Рибаденейра).

[925] Córtes de Madrid del año de setenta y tres, Peticion 96 (Alcalá, 1575).

[926] Джанер, стр. 272.—Борон, I, 626.

[927] Джанер, стр. 270.—Бледа, Короника, стр. 905.— Новая редакция, библиотека. VIII, Тит. ii, лей 24.

[928] Relazioni Venete, Серия I, Т. V, стр. 451.

[929] Хименес, Вида де Рибера, стр. 379.

[930] Джанер, стр. 272.—Боронат, I, 318.—Бледа, Короника, стр. 921.—Гвадалахара—и-Ксавьерр, Изгнание лос-Морискос, fol. 122-3 (Памплона, 1613).-Кабрера, Отношения, стр. 355.

[931] Сандовал, Библиотека. XII, § xxviii.

[932] Данвила и Колладо, стр. 75, 76.—Конституции и алтари Каталонии, стр. 34 (Барселона, 1688).

[933] Фернандес—и-Гонсалес, стр. 441.-Бледа, Короника, стр. 641; Ejusd. Defensio Fidei, p. 156.

[934] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека. 1.

[935] Там же, библиотека. 926, fol. 76.

[936] Ibidem, Lib. 3, fol. 132.

[937] Там же, Библиотека. 3, fol. 245.

[938] Archivo de Simancas, Inq., Lib. 1.—Múñoz, Diario Turolense, ann. 1502 (Boletín, 1895, p. 10).

[939] Там же, Библиотека 14, fol. 80; Библиотека 940, fol. 69, 131, 185.

[940] Впоследствии это произведение было запрещено. Тем не менее Сальватьерра, епископ Сегорбский, в 1587 году попросил Филиппа II разрешить его перепечатку в интересах священников, работающих среди морисков.—Боронат, I, 614.

[941] Исторический архив, национальный, Inq. de Valencia, Leg. 98.

В Приложении вы найдете таблицу всех дел о ереси, рассмотренных трибуналом Валенсии с 1455 по 1592 год. В пятнадцатом веке преступниками, должно быть, были почти исключительно иудействующие. Затем со временем к ним присоединились мориски, но пробелы в пятом, шестом и седьмом десятилетиях, в течение которых мориски, как мы увидим, были освобождены от инквизиции, показывают, что иудействующие практически исчезли, за исключением тех, кто был наказан в 1544, 1545 и 1546 годах за отказ от исповеди (см. Т. II, стр. 584).

Существует также несовершенная таблица случаев расслабления. Изучение этих таблиц покажет различную активность инквизиции того периода.

[942] Данвила-и-Колладо, Германия Валенсии, стр. 146, 471.—Домашнее животное. Март. Рыболов. Библиотека. XXXIII, Epp. 659-61.

[943] Г-жа Informacio super Conversione Sarracenorum.— У меня есть оригинал документа.

[944] Г—жа Информачио.—Данвила-и-Колладо, Германия, стр. 184.

[945] MS. Informacio.—Данвила, Германия, стр. 473, 474.—Исторический архив. nacional, Inq. de Valencia, Leg. 299, fol. 400.—Loazes, Tractatus super nova paganorum Regni Valentiae Conversione, col. 12 (Valentiae, 1525)

[946] Данвила-и-Колладо, Германия, стр. 489.

[947] Гевара, "Фамильные послания", стр. 639-42.

[948] Глава 13 в Sexto, Библиотека V, Раздел ii.

[949] Золотистый гость, Общая библиотека. III, de Baptismo § 11; Lib. V, de Judæis § 5.—S. Th. Aquinat. Итог Р. III, Q. lxxviii, ст. 8 4 н.э.; Q. lxxix, ст. 9 1 н.э.—S. Бонавентура в IV послании. Разд. IV, П. 1, ст. 2, Q. 1.—С. Антонин, П. II, Тит. xii, Глава 2, § 1. —Итоги Сильвестрины С. против Крещения IV, § 10.

[950] Альберт Великий в IV послании, округ. VI, ст. 10.—Дунс Скотт в IV послании. Округ. IV, Q. 4, 5.—Summa Angelica S. V. *Baptismus* VI, §§ 6, 12.

Легкость, с которой в этом вопросе Церковь адаптировала свои теории к свершившимся фактам, хорошо продемонстрирована кардиналом Толетусом (*Summæ Casuum Conscientiæ* Lib. II, глава xxi). Объяснив, что для крещения взрослых необходимы три предпосылки — намерение, вера и сожаление о совершенных грехах, — он продолжает: “*Hæc autem non eodem modo sunt necessaria. Intentio namque ita est necessaria ut si desit actualis vel virtualis, non sit baptismus. Unde fit ut qui renuens invitus baptizatur, non sit vere baptizatus; si tamen interius consensit, quamvis metu et vi, tunc baptizatus est et recepit characterem, sed non gratiam; cogendusque est ut maneat in fide Christiana.*” Таким образом, обращенный по принуждению был обременен обязанностями крещения, в то время как ему было отказано в его духовных преимуществах.

[951] Архив де Симанкаса, Inq., Sala 40, Lib. 4, fol. 97.

[952] Данвила-и-Колладо, Исключение, стр. 88.

[953] Г-жа Информачио.

[954] Loazes, Tractatus, col. 1, 17, 45, 60-1, 62.

[955] Сандовал, Библиотека. XIII, § xxviii.—Сайас, Аньялес де Арагон, глава. sxxvii.—Данвила и Колладо, Изгнание, стр. 90-1.

[956] Сандовал, Саяс, *местное издание*—Бледа, Короника, стр. 647.

[957] Фонсека, Джусто Скаччаменто, стр. 11 (Рома, 1611).—Бледа, *лок. цит.*—Ejusd. Defensio Fidei, p. 123.

[958] Архив Симанкаса, Inq., библиотека 926, fol. 47.—Bulario de la Orden de Santiago, Lib. II, фол. 58.

[959] Сандовал, *официальный сайт*—Сайас, *лок. цит. по*—Данвила—и-Колладо, стр. 92-3.- Боронат, I, 141.

[960] Саяс, *официальный сайт*

[961] Льоренте, Аньялес, II, 287.

[962] Архив Симанкаса, Inq., Lib. 927, fol. 285.—Bledæ Defensio Fidei, стр. 463-66.

[963] Данвила—и-Колладо, стр. 94-8.-Фернандес-и-Гонсалес, стр. 443.—Сайас, загл. sxxvii.

[964] Саяс, *лок. цит. по*—Данвила, стр. 97-8.

[965] Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 927, fol. 285.—Boronat, I, 403.

[966] Саяс, загл. sxxvii.—Льоренте, Аньялес, II, 296.—Данвила, стр. 99.

Боронат утверждает (I, 157), что большая часть валенсийских мавров высадилась в Ла-Корунье, в то время как большое количество из остальной Испании отправилось во Францию через Бискайю, но он не ссылается ни на какие авторитетные источники, а документы и современные авторы умалчивают о каком-либо подобном исходе, в то время как статистика и ход событий

показывают, что, за исключением тех, кто бежал в Берберию, практически все мавританское население сохранилось.

[967] Гевара, "Фамильные послания", стр. 543.—Архив Симанкаса, Inq. de Valencia, Раздел 205, fol. 3.

Бледа (Defensio Fidei, стр. 125) говорит, что Гевара преувеличивает и что в 1573 году в Валенсии насчитывалась всего 19 801 семья мориско.

Определить численность морисков в Валенсии непросто. Подробный список всего королевства, датированный 1520 годом (но который, по мнению падре Бороната, был скорректирован до 1550 года), дает в общей сложности 52 689 очагов старых христиан и 31 815 новых христиан. В 1582 году Хименес де Рейноссо, валенсийский инквизитор, оценивал население мориско от 19 000 до 20 000 семей. Примерно в 1601 году Фелисиано де Фигероа, епископ Сегорбский, предположил, что существует 460 поселений мориско, насчитывающих всего 28 000 очагов и 120 000 душ.—Боронат, I, 428-42, 596; II, 431.

[968] Сандовал, библиотека. XIII, § xxix.—Дормер, Библиотека. II, глава. viii, ix.—Бледа, Короника, стр. 649.

[969] Сайас, сар. sxxx.—Dormer, Библиотека. II, глава i.

[970] Сандовал, Библиотека. XIII, § xxviii. —Дормер, *лок. цит. по*

[971] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 939, fol. 108.

[972] Боронат, I, 423-8.

[973] Там же, I, 162-5.

[974] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 76, fol. 183.

[975] Там же, fol. 312.

[976] Архив Симанкаса, Патронатореаль, Чернигов, Лег. унико, фол. 38, 39.

[977] Кол . de Documentos, XVIII, 106-13.—Archivo de Simancas, *loc. cit.*, fol. 37.

[978] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 939, fol. 9; Lib. 922, fol. 15.

[979] Там же, Inquisicion, Библиотека 78, fol. 192; Patronato Real, Inq., Leg. unico, fol. 37, 38.—Coll. de Documentos, XVIII, 114, 116.—Буларио Ордена Сантьяго, Библиотека. III, фол. 33.

[980] Кол. de Documentos, XVIII, 119-24.—Bledæ Defensio Fidei, стр. 333-6.—Исторический архив. nacional, Inq. de Valencia, Этап 2, № 16, fol. 187.

[981] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 922, fol. 15.

[982] Данвила-и-Колладо, стр. 183-88.—Ср. Исторический архив. nacional, Inq. de Valencia, Cartas del Consejo, Leg. 5, n. 1, fol. 107.

[983] Archivo de Simancas, Inq. de Valencia, Leg. 205, fol. 3.—Danvila y Collado, p. 228.

[984] Архив истории. "насьональ", Inq. de Valencia, Этап 5, № 2, последующие 14, 15.

- [985] Исторический архив. национальный, Inq. de Valencia, Часть 2, № 10, fol. 79.—Danvila y Collado, p. 263.
- [986] Там же, Стр. 98, 99.
- [987] Боронат, I, 540-69.
- [988] Gachard, Voyages des Souverains des Pays-Bas, I, 208.
- [989] Сайас, загл. напр.-Dormer, Библиотека. II, глава i.
- [990] Данвила и Колладо, стр. 116.—Защита веры, стр. 190.
- [991] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Либерия. II, фол. 94, 96, 105.
- [992] Архив Симанкаса, Inq., Библиотека 77, fol. 227.
- [993] Кол . de Documentos, T. V, p. 81.
- [994] Там же, T. V, стр. 92, 93, 102-7.
- [995] Данвила—и-Колладо, стр. 167-71.-Боронат, I, 238.—Bledæ Defensio Fidei, стр. 192.—Агирре, Консилиум. Испанский. V, 415, 419, 432.
- [996] Боронат, II, 45-6, 69-71, 169, 435, 438, 478, 683.
- [997] Ibidem, II, 436, 440-3.
- [998] Данвила и Колладо, стр. 126, 129, 181, 183, 194.— Боронат, I, 443-69, 569.
- [999] Archivo de Simancas, Inq. de Valencia, Leg. 205, fol. 3.
- [1000] Архив Симанкаса, Inq., Библиотека 926, fol. 57, 80.—Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. II, фол. 79.
- [1001] Архив Симанкаса, Inq., библиотека 926, fol. 49, 53, 59, 63, 67.— Буларио, Либ. III, т. 51, 85, 88, 109; Библиотека. IV, fol. 24, 103.—Архив Алькала, Гасиенда, Лег. 1049.—Боронат, I, 495.
- [1002] Боронат, II, 439.
- [1003] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. IV, fol. 128.—Архив Симанкаса, Inq., библиотека. 926, fol. 71.
- [1004] Боронат, I, 669; II, 8.—Эсколано, Десятилетие примеров истории Валенсии, II, 1783-97 (Валенсия, 1610-11).
- [1005] Архив истории. "насьональ", Inq. de Valencia, Этап 5, следующий. 185, 186, 220, 295, 297-99.
- [1006] Данвила-и-Колладо, стр. 130.
- [1007] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. III, фол. 33.
- [1008] Кол . de Documentos, T. V, p. 104.

[1009] Там же, стр. 100, 101, 107, 108, 122.

[1010] Архив Симанкаса, Сала 40, Библиотека. IV, фол. 262.

[1011] Данвила—и-Колладо, стр. 164, 167.-Исторический архив. "насьональ", Инк. де Валенсия, Матч 98-го тура.

[1012] Discurso de la Vida de D. Martin de Ayala (Revista crítica de Historia y Literatura, 1902, p. 375).

[1013] Dormer, Библиотека. II, глава i. —Данвила и Колладо, стр. 101, 105.

[1014] Зофры или *zofras* были налогами или акцизами, уплачиваемыми Мудехарами в дополнение к разделу урожая. Это оставалось обидой до последнего.—Хименес, Вида де Рибера, стр. 362, 444.

[1015] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I de copias, fol. 118.

[1016] Архив Симанкаса, Inq., Библиотека 77, fol. 227.

[1017] Боронат, I, 531; II, 147.

[1018] Бледа, Короника, стр. 1030; Защита веры, стр. 47, 51.—Фонсека, Джусто Скаччаменто, стр. 65.

[1019] Данвила—и—Колладо, стр. 128, 133, 211.-Болетин, Абриль 1887, стр. 288.-Боронат, I, 469.

[1020] Архив Симанкаса, Inq., Sala 40, Lib. IV, фол. 263.—Библия. nacional, Рукопись, Стр. 3, № 20.

[1021] Данвила—и—Колладо, стр. 127.—Кол. документов, V, 88, 102, 123.—Джанер, Социальные условия лос-Морисков, стр. 342.-Боронат, I, 233.-Данвила, в Болетине, Абриль, 1877, стр. 276-306.

[1022] Гвадалахара-и-Ксавьерр, Изгнание лос-Морискос, Фолкленд. 62.Архив Симанкаса, Inq., Lib. 13, fol. 372—Relazioni Venete, Серия I, T. VI, стр. 407.

[1023] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 940, fol. 296.—Гвадалахара и Ксавьер, fol. 64.—Lanuz, Historias de Aragon, II, 417 (Zaragoza, 1622).

[1024] Bledæ Defensio Fidei, стр. 372.—Фонсека, стр. 377.

[1025] Наваррете, Консерватория Монаркиас, стр. 51-3 (Мадрид, 1626).

[1026] Бледа, Короника, стр. 951-2.

[1027] Фонсека, стр. 72.—Ср. Бледа, указ. соч., стр. 905.

[1028] С. Трезубец. Сессия, XXIV, о реформе. Матрим. С. 1.

[1029] Данвила—и-Колладо, стр. 169.-Агирре, Сборник. Испанский. V, 418.

[1030] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. IV, фол. 101, 102.—Боронат, I, 661.

[1031] Новая редакция, библиотека. VIII, Тит. ii, лей 13, глава ix.

- [1032] Боронат, I, 589.—Защита веры, стр. 57, 42ал.—Данвила, стр. 230.
- [1033] Боронат, I, 208-12—Эсколано, II, 1746-68, 1798-1810.—Персилес и Сигизмунда, Библиотека. II, глава xi.
- [1034] Данвила и Колладо, стр. 161, 182, 205, 207.
- [1035] Боронат, I, 207.—Конституции Барселоны в 1520 году; в 1547 году (Барселона, 1520, 1548).
- [1036] Домашнее животное. Март. Рыболов. Послание. 499.—Мариана, История. de España, IX, 217 (Ed. 1796).
- [1037] Данвила и Колладо, стр. 109-12, 118, 129, 132, 210.— Новая редакция, Библиотека. VIII, Тит. ii, лист 20.—Архив Симанкаса, Inq., Lib. 940, fol. 69, 184.—Боронат, I, 471, 499.
- [1038] Фонсека, стр. 341, 343.
- [1039] Гвадалахара-и-Ксавьер, фол. 160-3.
- [1040] Домашнее животное. Март. Рыболов., Epist. 499.
- [1041] Эсколано, II, 1448.
- [1042] Боронат, I, 179.
- [1043] Данвила и Колладо, стр. 158.
- [1044] Описания М. де Фуркево, I, 8, 13.
- [1045] Архив истории. "насьональ", Инк. де Валенсия, Матч 30-го тура.
- [1046] Relazioni Venete, Серия I, T. VI, стр. 165, 241.
- [1047] Bledæ Defensio Fidei, стр. 272, 276, 285.
- [1048] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Cartas del Consejo, Leg. 5, fol. 192.
- [1049] Воспоминания герцога де ла Форса, I, 217-20, 339-15 (Париж, 1843).—Эсколано, II, 1811-18.
- [1050] Джанер, стр. 274.
- [1051] Воспоминания о силе, I, 217, 221-2.
- [1052] Турецкое посольство Жана де Гонто-Бирона, барона де Салиньяк, II, 353 (Париж, 1889).
- [1053] Данвила-и-Колладо, стр. 250-4.
- [1054] Бледа, Короника, стр. 928; Защита веры, стр. 13-14, 502.
- [1055] Боронат, I, 291-4, 596, 603-4.—Данвила-и-Колладо, стр. 196-200.

Мемориал в несколько более продуманной форме был представлен конференции епископов в Валенсии 22 ноября 1608 года, когда Рибера объявил его галлюцинацией, основанной на невежестве—Boronat, II, 132, 493 кв.

[1056] Боронат, I, 610-34.

[1057] Данвила-и-Колладо, стр. 227.

[1058] Боронат, II, 64.

[1059] Боронат, I, 366.

[1060] Там же, II, 75, 98-111.

[1061] Боронат, II, 464-74.

[1062] Хименес, Вида де Хуан де Рибера, стр. 381.

[1063] Джанер, стр. 299.

[1064] Данвила—и—Колладо, стр. 274-86.-Боронат, II, 506.-Джанер, стр. 282-91.

[1065] Хименес, стр. 397.—Боронат, II, 501.

[1066] Боронат, II, 501, 167.—Бледа, Короника, стр. 988.

[1067] Гвадалахара и Ксавьер, фол. 109.—Фонсека, стр. 148-58.

[1068] Джанер, стр. 299.

[1069] Фонсека, стр. 165, 198.

[1070] Фонсека, стр. 199 кв.—Архив Симанкаса, Inq. de Valencia, стр. 205, fol. 2—Бледа, Короника, стр. 1000.

[1071] Данвила—и-Колладо, стр. 301.-Фонсека, стр. 219.

[1072] Боронат, II, 240.

[1073] Фонсека, стр. 202 кв. м., 219.—Джанер, стр. 203.—Бледа, Короника, стр. 1004.—Боронат, II, 210.

[1074] Фонсека, стр. 212-22.—Эсколано, II, 1988.—Бледа, Короника, стр. 999, 1001-3, 1005-7, 1020.—Боронат, II, 234.

В отчете, по—видимому, составленном трибуналом Валенсии, указывается более умеренная цифра в 100 656 человек, а именно: в Валенсии - 17 766; в Аликанте - 32 000; в Дении - 30 000; в Винаросе - 15 200; и в Монкофаре - 5690.-Архиво де Симанкас, Inq. de Valencia, Раздел 205, fol. 2.

[1075] Фонсека, стр. 234-49.—Бледа, Короника, стр. 1009-20.—Эсколано, II, 1972.

[1076] Cabrera, Relaciones, стр. 386, 390, 396, 402.—Новая редакция, библиотека. VIII, Tit. ii, ley 25.—Bleda, Corónica, pp. 1038-42.—Janer, pp. 295, 296.—Cf. Bravo, Catálogo de los Obispos de Córdoba, p. 582.

[1077] Гвадалахара, фол. 144.—Агилар-и-Каро, Мемориал Остипенсе, I, 164-66. (Эстепа, 1886).

[1078] Данвила—и—Колладо, стр. 292.-Кабрера, Relaciones, стр. 386, 389, 390.-Бледа, Короника, стр. 1036-7.

[1079] Данвила—и—Колладо, стр. 310.—Боронат, II, 288-91.-Бледа, Короника, стр. 1051.-Кабрера, Отношения, стр. 393, 396.

[1080] Тапия, История испанской цивилизации, III, 272.—Кабрера, Relaciones, стр. 402.—Бофарулла и Брока, История Каталонии, VII, 292 (Барселона, 1878).—Филипп III Ватсона, приложение В.

[1081] Лануза, II, 49.—Бледа, Короника, стр. 1045.—Данвила—и-Колладо, стр. 311.-Гвадалахара-и-Ксавьер, фол. 124-8.

[1082] Джанер, стр. 280—Боронат, II, 298, 301, 596.—Bledæ Defensio Fidei, стр. 602-6, 612-18.—Филипп Ватсон III, Приложение В.—Гвадалахара и Ксавьер, fol. 135-41.

[1083] Бледа, Короника, стр. 1046-50.—Гвадалахара и Ксавьер, fol. 142.—Джанер, стр. 90.—Лануза, II, 249.

[1084] Воспоминания де Ришелье, I, 88 (Париж, 1823).

[1085] Воспоминания о силе, II, 8-12, 288-311.

[1086] Кабрера, Relaciones, стр. 410, 413, 415, 418.

[1087] Джанер, стр. 344, 345, 350.—Боронат, II, 293-4.—Бледа Короника, стр. 1051-2; Защита веры, стр. 524-5, 607-12.—Кабрера, Отношения, стр. 415.

[1088] Кабрера, Relaciones, стр. 434, 437, 440, 522.—Бледа, Короника, стр. 1044, 1057-8, 1060.—Джанер, стр. 351, 355, 356, 357, 360.—Данвила и Колладо, стр. 212, 213.

[1089] Бледа, Короника, стр. 1058-60.—Джанер, стр. 361-66.—Кабрера, Отношения, стр. 531, 546.—Данвила—и-Колладо, стр. 314, 317.-Боронат, II, 285-7, 593.

[1090] Bleda, Corónica, pp. 1021-3.—V. de la Fuente, Hist. экклз. de España, III, 228.—Boronat, I, 197; II, 307.

[1091] Архив истории. "насьональ", Inq. de Valencia, Этап 372.

[1092] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 224.

[1093] Autos acordados, Библиотека. VIII, Тит. ii, Главы 4, 6.

[1094] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 552, fol. 22, 23.

[1095] Э. Н. Адлер, в Jewish Quarterly Review, XIII, 417.—Архив де Симанкаса, Inq., Раздел 1479, fol. 2.

В статье мистера Адлера из-за типографской ошибки авто, датированное 10 октября, приписано Кордове 15 мая.

[1096] Матуте и Лукен, стр. 268.

[1097] Данвила-и-Колладо, стр. 318.

[1098] История архива. "насьональ", Инк. де Валенсия, Этап 100.

[1099] Guadalajara y Xavierr, Expulsion, fol. 163; Historia Pontifical, V, 161.—Escolano, II, 1990.—Navarrete, Conservacion de Monarquías, p. 50.—Dávila, Vida y Hechos del Rey Felipe III, p. 151.—Von der Hammer y Leon, Felipe el Prudente, fol. 33.—Альфонси Святые из испанского ребуса. Анацефалеоз, стр. 390.

[1100] Льоренте, Hist. критерий, заглушка. XII, статья 1, № 20.—Джанер, стр. 143.—Против де ла Фуэнте III, 229.—Данвила и Колладо, стр. 337-40.—Боронат, II, 307.

[1101] Пеллегрини, "Отношения Амбаскиатори Луккези", стр. 32 (Лукка, 1903).

[1102] Фонсека, стр. 222-6.

[1103] Посольство де Салиньяк, II, 389, 434.—Мемуары де Ришелье, I, 89.

[1104] Расшифровка. Мешок. Congr. S. Officii, p. 435 (Bibl. del R. Archivio di Stato in Roma, Fondo Camerale, Congr. официальное дело, Том 3).

[1105] Cabrera, Relaciones, стр. 391, 396.—Архив Симанкаса, Inq. de Valencia, Раздел 205, fol. 2.—Juan Ripol, Diálogo de Consuelo, fol. 20 (Pamplona, 1613)—Bleda, Corónica, p. 1021.—Escolano, II, 1988.

[1106] Boronat, II, 243-5.

[1107] Escolano, II, 1992.

[1108] Cabrera, Relaciones, стр. 404.

[1109] Эсколано (II, 2001) приписывает медленную лихорадку, оборвавшую жизнь Риберы в январе 1611 года, отвращению, вызванному страданиями королевства в результате изгнания, ответственность за которое он нес, и неприятностям, перенесенным в его беспощадных попытках искоренить остатки.

[1110] Джанер, стр. 343.

[1111] "Филипп III Ватсона", Приложение В.

[1112] Cabrera, Relaciones, стр. 458.

[1113] Воспоминания де Ришелье, I, 86.

[1114] Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 595.— Следующее лютеранское послабление на Майорке произошло только в 1645 году, и тогда это было изображение беглого голландца Яна Ангеланта.

[1115] Балан, Монументальная реформа. Лютеране, стр. 79 (Ратисбон, 1883).

[1116] Льоренте, Аньялес, II, 253.—Архив Симанкаса, Inq., библиотека 940, fol. 1.

[1117] Бергенрот, Календарь государственных документов Испании, Дополнение, стр. 376, 384. См. также Данвила, "История коммунизма", III, 580-3 (Память. история. испанский, XXXVII).

[1118] В моих "Главах из религиозной истории Испании" вы найдете более подробные сведения об этом эпизоде, почерпнутые, по большей части, из превосходного рассказа Менендеса-и-Пелайо в его "*Hortorodoxos Españoles*", том II.

[1119] История архива. nacional. Inq. de Toledo, Раздел 112, № 74.

[1120] Сетевой адаптер. Антон. Библия. Нова, с. v. —Неортодоксальные испанцы, II, 63.

[1121] Дон Мануэль Серрано-и-Санс дал полный анализ этого дела на основе документов в *Revista de Archivos*, Dic. 1901, Enero y Junio, 1902.

[1122] Менендес—и-Пелайо, II, 94.-Льоренте, история. критерий, глава. XIV, ст. ii, п. 4-12.

Вирусес, должно быть, вступил во владение своим престолом, поскольку, как говорят, он умер в Тельде, деревне недалеко от Лас—Пальмаса, столицы Больших Канарских островов.-Мурга, Конституция синодальных поселений Гран-Канарии, стр. 320 (Мадрид, 1634).

[1123] Воспоминания Франсиско де Энзинаса, изд. Кампан, II, 158-70 (Брюссель, 1862).

[1124] Архив истории. "насьональ", "Валенсия", Матч 31-го тура.

[1125] Льоренте, Hist. крит. глава. XVIII, ст. ii, № 8; кн. XXIX, ст. ii, № 8, 9, 10.—Миг. Medinae Disput. де Индульг., загл. XLVIII.

We find Miguel de Medina, in 1570, acting as consultor in the trial at Toledo of Dr. Sigismondo Arquer for Lutheranism.—Schäfer, Beiträge zur Geschichte des spanischen Protestantismus, II, 228 (Gütersloh, 1902).

[1126] Буллар. Римлянин. I, 613.—Reusch, Der Index der verbotenen Bücher, I, 72.

[1127] Менендес-и-Пелайо, II, 315-16.

[1128] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 76, fol. 27; Библиотека 940, fol. 2.

[1129] Борон, I, 174.

[1130] История архива. "насьональ", Inq. de Valencia, Часть 30, № 10; Часть 31.

[1131] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I de copias, fol. 97.

[1132] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 940, fol. 2.

[1133] Там же, Библиотека 76, fol. 401.

[1134] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I de copias, том 98.—См. Приложение.

[1135] Catálogo de las causas seguidas en el Tribunal de Toledo, p. 113 (Madrid, 1903).

[1136] Леммер, Ватиканский памятник, XVI век, стр. 244 (Фриборги, 1861).

[1137] Воспоминания Франсиско де Энзинаса, II, 172-216.—Шефер, III, 9, 738.

Франсиско де Энзинас, или Дриандер, не появляется на нашем горизонте, поскольку он покинул Испанию до того, как стал протестантом, и, поскольку он так и не вернулся, испанская инквизиция не имела к нему никакого отношения. Его любопытные латинские мемуары с современным французским переводом были опубликованы Обществом истории Бельгии (Брюссель, 1862-3). Немецкая версия, написанная Хедвиг Бемер, появилась в Бонне в 1893 году. Эдуард Бемер с присущей ему исчерпывающей полнотой собрал все, что можно было почерпнуть о нем, в своей *Библиотеке Вифенианы*, I, 133 кв.

[1138] Реджинальди Гонсалви Монтани S. Инквизиция. испанский. Обнаружение артефактов, стр. 159-64 (Гейдельберг, 1567).

[1139] Шефер, II, 378 кв.

[1140] Архив Симанкаса, Inq. de Barcelona, Córtes, Leg. 17, fol. 83.—См. Приложение.

[1141] Там же, Inq., Lib. 79, fol. 98.

[1142] Шефер, II, 342-53. Рассказ Льоренте о докторе Эджидио (История. критик., загл. XVIII, ст. i, п. 8-20), заимствованное у Гонсалеса де Монтеса, показано Шефером совершенно неверно.

[1143] Архив истории. "насьональ", Inq. de Valencia, Этап 375.

[1144] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. III, фол. 88.

[1145] Шефер, II, 1-271, 342, 352. Статистика выглядит следующим образом:—

	Местные жители.	Иностранцы.
Barcelona	—	8
Logroño	18	30
Valencia	—	2
Saragossa	5	6
Cuenca	5	3
Granada	—	3
Llerena	1	—
Toledo	8	14
Seville	2	—

Нет никаких сообщений из Кордовы, Мурсии, Сантьяго или Майорки до 1558 года.

[1146] Шефер, I, 348-66.—Бемер, Библиотека Вифениана, Том II.

[1147] Сиприано де Валера был автором "*жертвоприношений Папе и Мисе*", два издания которого вышли в Лондоне в 1588 и 1599 годах и были переизданы благочестивой заботой Усосу и Рио в 1851 году в качестве VI тома его "*Реформистов против Испании*". Из этой работы вышло два перевода на английский: один был сделан Джоном Голберном в 1600 году, а другой - Дж. Сэвиджем в 1704 году. Два других трактата Валеры, "*Трата для подтверждения христианской веры*" и "*Юбилейный сбор*", находятся в т. VIII из *реформистов*. Его крупнейшей работой был перевод великого *Institutio* Кальвина, воспроизведенный как Vol. XIV из *реформистов*.

Кассиодоро де Рейна стал главой протестантских церквей, испанской и французской, в Лондоне, Антверпене и Франкфурте. Его главной работой был перевод Библии на кастильский язык — версия, распространявшаяся под именем Сиприано де Валера, который выпустил исправленное издание. Напечатанная в наше время Библейским обществом, она имеет тираж в испаноязычных странах значительно больший, чем автор мог ожидать триста лет назад. - Бемер, указ. соч., II, 165.

[1148] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 940, fol. 3; Lib. 79, fol. 146.—Тремя осужденными книгами были *"Разоблачение псалмопевца блаженного"*, Севилья, 1546, 1551 гг.; *"Катехизис Криштиану"*, "Анверс", 1546, Севилья, 1547 г., и *"Исповедь Иисуса Христа"*, impr. греховный автор пор Джуллио, 1547 год. Все они включены в Индекс Вальдеса 1559 года вместе с двумя другими его работами — *"Сумма христианской доктрины"* и *"Диалог о христианской доктрине"*.—Reuch, Die Indexes des XVI Jahrhunderts, стр. 232.

[1149] Хуан Перес пользовался большим почетом у Кальвина, и по мере увеличения небольшой группы беженцев он сформировал из них конгрегацию, пастором которой был сам. В 1562 году он отправился во Францию и возглавил церковь в Блуа, впоследствии став капелланом Рене де Франс, овдовевшей герцогини Феррарской, чьи гугенотские наклонности хорошо известны. В 1567 году он умер в Париже, оставив свои небольшие сбережения на благое дело - печатание книг для распространения веры. В 1556 году он издал кастильский Новый Завет; в 1557 году - прозаический перевод Псалмов, за которыми последовал ряд других работ.—Böhmer, op. cit., II, 57.

Несколько его работ были включены Усозом и Риосом в *"Реформисты"*, а именно: *"Утешительная эпистола"*, в т. II; *Carta á Felipe II*, в т. III; *Breve Tratado de la Doctrina antigua de Dios*, in Vol. VII; *Дополнение к королю Дону Филиппе*, в т. XII; *Breve Sumario de Indulgentiis*, in Vol. XVIII.

Им был также составлен Катехизис — *Краткое изложение христианской доктрины*, напечатанный в 1556 году Креспеном в Женеве, хотя и с оттиском Пьетро Даниэля из Венеции, с одобрения испанской инквизиции (Бемер, II, 86). Строгость, с которой это пресекалось, проиллюстрирована судебным процессом в Толедо в 1561 году над Моссеном Хуаном Феске, французским священником, просто за обладание экземпляром, который он случайно купил, не зная, что это такое, и показал книготорговцу для информации. Его пытали с особой жестокостью, больше ничего не добившись, и, поскольку против него больше ничего не было, он был освобожден. В ходе судебного разбирательства упоминались два других человека, Антонио Мартель и Якобо Собальти, которые были сожжены трибуналом за хранение Катехизиса.—Рукопись Библиотеки университета Галле, Yc, 20, том. III.

[1150] Шефер, II, 296, 354-7.

[1151] Архив Симанкаса, Inq., Sala 40, Lib. IV, фол. 239.

[1152] За эти подробности я в долгу перед доктором Шефером (указ. соч., I, 251-88, 296-307; III, 796-803), чей тщательный анализ судебных процессов над Доньей Марией де Геварой, Педро де Касаллой и Франсиско де Виверо пролил новый свет на краткий эпизод протестантизма в Вальядолиде.

[1153] Иллескас, Папская история. Павел IV, § IV.

[1154] *Relazioni Venete*, Серия I, Т. VI, стр. 411-12. — Он добавляет, что можно ожидать распространения ереси среди крестьянства из-за притеснений, десятины и первых плодов, взимаемых Церковью, но что дворяне бдительны в защите веры по причине большого предоставления льгот, которыми они пользуются.

[1155] Парамо, указ. соч., стр. 300.

[1156] Гашар, Воссоздание смерти Шарля-квинта, II, 354.

[1157] Архив Симанкаса, Inq., Sala 40, Lib. IV, фол. 228.

В этом письме также содержится просьба незамедлительно передать одного из севильских протестантов, Диего или Матео де ла Круса, чучело которого было сожжено и впоследствии взято в плен во Фландрии. Он передал Хулиану Эрнандесу тридцать дукатов на книги, которые тот должен был провезти контрабандой. Какова была его судьба, не сообщается. Cf. Schäfer, I, 335; II, 358, 407.

[1158] Гашар, II, 417, 418; I, 288.

[1159] Гашард, I, 293, 294, 295, 297.

[1160] Там же, I, 301, 302.

[1161] Гашард, I, 302, 304, 306, 309; II, 401, 412, 416, 420-4, 435, 441, 443, 448, 456, 461.

[1162] Архив де Симанкаса, Inq., Sala 40, Lib. IV, фол. 230. Это письмо проливает столько света на поворотный момент в истории инквизиции, что я привожу его в Приложении, хотя Шефер (III, 103) напечатал перевод на немецкий.

[1163] Хотя булла *Cum ex apostolatus* от 15 февраля 1559 года была вызвана скорее восшествием на престол королевы Елизаветы и утверждением ею превосходства над англиканской церковью, чем испанскими протестантами, на нее стоит сослаться как на иллюстрацию духа эпохи. Изданный после тщательного обсуждения со Священной коллегией, он подтверждает и обновляет все законы, декреты и статуты против ереси, издававшиеся в любое время, и предписывает их строгое исполнение. Как наместник Бога на земле и облеченный верховной властью, Павел IV бессрочно постановляет, что все виновные в ереси, расколе или вероотступничестве — священнослужители от низших до кардиналов и миряне до королей и императоров — должны подчиняться этим законам против ереси, должны быть лишены своих достоинств и имущества, которые могут быть конфискованы любым человеком, послушным Святому Престолу; должны рассматриваться как рецидивисты, как если бы они ранее отреклись, и должны быть переданы светским властям для законного наказания, если только они не проявят истинного покаяния с его плодами, и в этом случае, благодаря благосклонности и милосердию Святого Престола, они могут, если он сочтет нужным, быть отправлены в какой-нибудь монастырь для совершения вечной епитимьи на хлебе скорби и воде скорби. Буллар. Рим., I, 840.—Декрет Септими., Lib. V, Тит. iii, глава 9.

Испанская инквизиция сохранила эту буллу в своих архивах (*Bulario de la Orden de Santiago*, Lib. III, fol. 55), но, похоже, никогда не имел возможности использовать его. Как самое торжественное высказывание Святого Престола, оно, по-видимому, все еще в силе.

[1164] Библ. nacional, рукопись, D, 153, fol. 95.—Впечатление, производимое этим автомобилем, проявляется в количестве его соотношений. Шефер печатает переводы трех из них (I, 442; III, 1,15) и ссылается на пять других. Есть еще один, составленный, по-видимому, около 1570 года и ни в коем случае не точный, в Bib. nat., S, 151.

[1165] Шефер, I, 328; III, 808.

[1166] Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 1034, fol. 221.—Библ. nacional, рукопись, R, 29, fol. 299.

Смотрите немецкий перевод этого текста у Шефера, III, 78, и у I, 325-7, где он защищает его подлинность от тех, кто упорно считает Касалью мучеником.

Существует еще одна редакция этого отчета, отличающаяся многими деталями и приписываемая фрау Педро де Мендосе. Оно содержится в *Мискелании Сапаты* (Mem. hist. español, XI, 201).

[1167] Архив де Симанкаса, Inq., Lib, XII, fol. 20-9.

[1168] Иллескас, Папская история, Павел IV, § 4.—См. также Сепульведу (De Rebus Gestis Philippi II, Lib. II, п. 24), который, по-видимому, присутствовал.

[1169] Библия. nacional, рукопись, D, 153, fol. 95.

[1170] Иллескас, *официальный сайт*

[1171] Там же, *лок. цит. по*—Шефер, III, 118, 129.

[1172] Ванденнес, Журнал путешествий Филиппа II (Гашар, "Путешествия Суверена", IV, 74).

[1173] Шефер, III, 53, 68. Доктор Шефер (I, 334 кв.м.) со свойственной ему тщательностью проследил последующее расположение примиренных.

[1174] Постановление Правительства Российской Федерации. Конг. S^{ti} Officii, p. 161 (Bibl. del R. Archivio di Stato in Roma, Fondo Camerale, Congr. официальное дело, том. III).

[1175] Шефер, I, 382; II, 361-8.

[1176] Там же, II, 271.

[1177] Архив де Симанкаса, Inq., Leg. 787.

[1178] Библия. nacional, рукопись, R, 29, стр. 310.

[1179] Иллескас, Папская история, Павел IV, § 4.

Для испанцев того периода все протестанты были лютеранами, но, исходя из отношений беженцев из Севильи с Женевой, можно предположить, что они были кальвинистами.

[1180] Archivo de Simancas, Consejo y Secretaria de Hacienda, страница 25.—Похоже, это единственная полная ссылка на auto.

[1181] Шефер, II, 290, 295, 311.

[1182] Запрос. Испанец. Artes detectæ, pp. 219-22.—Schäfer, II, 360.

[1183] Запрос. Испанский. Искусство обнаружения, стр. 181.—Льоренте, История. критика, глава. XXI, ст. iii, п. 26.

[1184] Страйп, "Анналы реформации в Англии" I, 228-35 (Лондон, 1709), из рассказа Фрэмптона о его страданиях. Английский перевод "Наставлений Катона" Эразма был опубликован в 1545 году и, вероятно, являлся книгой, найденной во владении Фрэмптона. Если это так, то имени Эразма было достаточно, чтобы скомпрометировать его.

[1185] Шефер, II, 312, 319.

[1186] Шефер, II, 327.

[1187] Архив де Симанкаса, Inq., Leg. 787.—Schäfer, II, 331.

[1188] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 214 фол. (Cédulas en favor de la Inquisición).

[1189] Новая редакция. Библиотека. I, Тит. vii, лей 25.

[1190] Сборник документов, V, 530.

[1191] Архив истории. nacional, Inq. de Toledo, Leg. 108, n. 3.—Schäfer, II, 81.

[1192] История архива. nacional, Inq. de Toledo, Раздел 113, № 64, fol. 20. Доктор Шефер подробно описывает маленькую кучку гугенотов в Толедо в "*Цайтшрифт для кирхгенштейна*", октябрь 1900 г. Он считает, что около сорока человек были упомянуты на судебных процессах, что, вероятно, является полной оценкой, поскольку, как обычно, они открыто доносили на всех, кого знали или подозревали. Трибунал быстро расправился с ними в суде от 17 июня 1565 года, где предстали перед судом сорок пять обвиняемых и одиннадцать были освобождены от ответственности, хотя какая часть из них была протестантами, не указано.

[1193] Шефер, II, 70.

[1194] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 940, fol. 3.

[1195] Там же, Библиотека 82, fol. 16; Библиотека 942, fol. 31.

[1196] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 941, fol. 5.

[1197] Eduard Böhmer in *Zeitschrift für Kirchengeschichte*, 1897, pp. 373 sqq.

[1198] Архив истории. "насьональ", Inq. de Valencia, Этап 1, № 4, fol. 123.

[1199] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, T. III.

[1200] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, том XI.

[1201] Архив истории. "насьональ", Инк. де Валенсия, Матч 30-го тура.

[1202] Шефер, II, 93.

[1203] Архивная история. nacional, Inq. de Valencia, Статья 31. То, что совершение таинств в mortal sin является смертным грехом, является полностью ортодоксальным. См. Alpha. de Ligorio, Theol. Moral., Lib. VI, п. 32, 33.

- [1204] Рукопись Библиотеки Университета Галле, YC, 20, T. I.
- [1205] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 716.
- [1206] Библ. национальный, РУКОПИСЬ, фото, 3, № 20.
- [1207] Ред. Бемер и А. Морель Фатио (Журнал ученых, Жюйе, сентябрь 1902 г.).—Шефер, II, 40.
- [1208] Шефер, I, 212-27.
- [1209] Архив де Симанкаса, Inq., Leg. 552, fol. 1, 3.
- [1210] Там же, стр. 13, 15.
- [1211] Судебный процесс против Анджелы Перес, сообщение № 22 (МИСС *пеняет мне*). Матуте и Лукен, "Автобиографии Кордовы", стр. 223.—Королевская библиотека Берлина, стр. 9548.
- [1212] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, T. XI.
- [1213] Там же, T. III.
- [1214] Джанер, Condicion de los Moriscos, стр. 277.
- [1215] Архив де Симанкаса, Inq., Leg. 552; fol. 22.
- [1216] Libro Verde de Aragon (Revista de España, CVI, 570-83).
- [1217] Шефер, II, 2.
- [1218] Архив Симанкаса, Inq., Visitas de Barcelona, этап 15, fol. 9.
- [1219] Гашар, Дон Карлос и Филипп II, I, 107.
- [1220] Архив Симанкаса, Inq., Visitas de Barcelona, этап 15, следующий. 20.
- [1221] Депеши М. де Фуркево, I, 154, 163, 179, 197, 216, 218, 224, 234, 252, 291, 299, 310 (Париж, 1896).
- [1222] Архив де Симанкаса, Inq., Leg. 1157, fol. 38.
- [1223] Там же, Библиотека 82, fol. 69.
- [1224] Там же, стр. 71.
- [1225] Архив Симанкаса, *официальный сайт*
- [1226] Там же, Библиотека 81, fol. 27.
- [1227] Паретс, Сучесос-де-Каталония (Память. история. español, XX, 20).
- [1228] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, T. I.—Архив истории. "насьональ", Инк. де Толедо, Этап 1.
- [1229] Архив де Симанкаса, Inq., Leg. 552.
- [1230] Там же. Библиотека. 876.

[1231] Королевская библиотека Берлина, Qt. 9548.

[1232] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Часть 3, № 7, стр. 476.

[1233] Берч, Каталог рукописей Inq. Канарских островов, I, 308-26.

[1234] Берч, указ. соч., I, 225-30, 303.

[1235] Шефер, I, 112; II, 45.

[1236] Инохоса, Глава понтификата, I, 353, 377 (Мадрид, 1896).

Квасцовые рудники в Толфе, недалеко от Чивита-Веккья, были источником значительных доходов Святого Престола.

[1237] История архива. nacional, Inq. de Valencia, Cartas del Consejo, Leg. 5, n. 2, fol. 104.

[1238] Коллекция Тратадос-де-Пас; Фелипе III, П. I, стр. 161-2, 298.

[1239] Ла Мантия, Инквизиция на Сицилии, стр. 72-3.

[1240] Тратадос—де-Пас, *ubi sup.*, стр. 264, 354.-Архив Симанкаса, Inq., Lib. 942, fol. 56, 57, 59.

[1241] Боронат, II, 120-22.

Римская инквизиция запрещала общение с еретиками, за исключением случаев получения специального разрешения, даже с целью их обращения. Когда в 1604 году констебль Кастилии собирался отбыть в Англию в качестве посла и проконсультировался со Святым Престолом, ему сказали, что ему не требуется разрешение, позволяющее ему общаться с ними, но никаких уступок в общении с ними при крещении и бракосочетании быть не может. В 1617 году нунций в Мадриде запросил инструкций относительно своего поведения по отношению к английскому послу, и ему было велено поддерживать с ним как можно меньше контактов.—Постановление. Sac. Cong. S^{ti} Officii, стр. 156, 227, 231 (Библ. del R. Archivio di Stato in Roma, Fondo Camerale, Congr. официальное дело, Том 3).

[1242] Тратадос-де-Пас, *представитель ubi*, стр. 465.

[1243] Берч, указ. соч., II, 1064.—РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 198-99.

[1244] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 19, fol. 239.—См. Приложение.

[1245] РУКОПИСЬ Элькана Н. Адлера, эсквайра—Берча, указ. соч., II, 1069.

[1246] Тратадос де Пас, Фелипе IV, П. II, стр. 226.

[1247] РУКОПИСЬ Элькина Н. Адлера, эсквайра.

[1248] Берч, указ. соч., II, 563-66.

[1249] РУКОПИСЬ Элькана Н. Адлера, эсквайра.

[1250] Архив де Симанкаса, Inq., Leg. 1526, fol. 7.

[1251] Тратадос де Пас, Фелипе IV, П. IV, стр. 538; П. V, стр. 18, 322, 323, 324.

В 1646 году голландское судно, заходившее на Майорку, было захвачено инквизитором, который заключил капитана и команду в тюрьму, но королевские чиновники вступили во владение имуществом, несмотря на протесты инквизиции, что привело к ожесточенному противостоянию, которое длилось годами, инквизитор отказывался подчиняться неоднократным королевским приказам снять отлучение, которым он был подвергнут, пока 18 марта 1649 года Верховный суд не приказал сделать это. Наконец, все, что трибунал получил из трофеев, — это двести дукатов на содержание заключенных. - Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 38, fol. 26, 71.

[1252] Тратадос де Пас, Фелипе IV, П. IV, стр. 548, 561, 575.—Де Ламберти, Воспоминания о сервире, VIII, 461 (Ла Хэй, 1730).

[1253] РУКОПИСЬ Элькана Н. Адлера, эсквайра.

[1254] Говард М. Дженкинс, Семья Уильяма Пенна, стр. 10-13 (Филадельфия, 1899).

[1255] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Этап 9, № 3, fol. 413, 414.

[1256] Архив Симанкаса, Inq., Lib. 43, fol. 201; Lib. 25, fol. 121.—РУКОПИСЬ Элькана Н. Адлера, эсквайра—Солера и Гвардиолы, "Апунтес истории политики и Тратадос-де-Пас", стр. 163-4 (Мадрид, 1895).

Будет только справедливо по отношению к Испании заявить, что она была более либеральной страной, чем Рим. Многочисленны декреты Конгрегации инквизиции, настаивающие на том, что ни один еретик не должен быть допущен ни в один итальянский город, будь то для торговли или проживания, но итальянский коммерческий инстинкт был слишком силен, чтобы разрешить исполнение этих декретов в некоторых штатах, особенно в Венеции, и особые привилегии были предоставлены даже некоторым морским портам папской области, таким как Чивита—Веккья и Анкона.-Decr. Sac. Конгр. S^{ti} Officii, стр. 6-8, 225 кв.м., 233-4 (Библи. del R. Archivio di Stato in Roma, Fondo Camerale, Congr. официальное дело, Том 3).

[1257] Тратадос де Пас, Фелипе IV, П. VI, стр. 274; П. VII, стр. 413; Карлос II, П. I, стр. 13, 16, 162, 180.—Де Ламберти, Воспоминания, VIII, 381.—Собрание всех договоров Великобритании, III, 180, 377 (Лондон, 1785) .

[1258] Тратадос де Пас, Фелипе IV, П. VII, стр. 122.

[1259] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 25, fol. 238.

[1260] Архив истории. "насьональ", Inq. de Valencia, этап 12, № 1, фол. 89, 101.

[1261] Там же, Раздел 10, п. 2, fol. 132.

[1262] Там же, Раздел 4, п. 2, fol. 222; Раздел 16, п. 6, fol. 39.

[1263] Новизна. Повторение. Библиотека VI, Тит. xi, Страницы 8, 9.

[1264] Art de Vérifier les Dates depuis l'année 1770, III, 350, 357.

- [1265] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Legajos 100, 387.
- [1266] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Этап 4, № 3, fol. 243.
- [1267] Там же, Раздел 100.
- [1268] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 559.
- [1269] Архив де Симанкаса, Inq., № 1473.
- [1270] Там же, Библиотека 23, fol. 46.
- [1271] Архив Симанкаса, библиотека 25, fol. 98.
- [1272] Там же, Раздел 1465, fol. 81.
- [1273] Архив истории. "насьональ", "Валенсия", Матч 31-го тура.
- [1274] Архив Симанкаса, Inq. de Toledo, Раздел 109, № 8; Раздел 108, № 11, fol. 2. Рукописи АМ. Философское общество.
- [1275] Архив истории. "насьональ", Inq. de Valencia, этап 299, fol. 80.
- [1276] История архива. nacional, Inq. de Valencia, Legajos 30, 31.
- Хорстманн просто подражал еврею, который около 425 года подобным же образом сам неоднократно крестился конкурирующими сектами, пока чудо не остановило его карьеру от рук Павла, епископа новациан.—Socratis H. E., VII, 17.
- [1277] Льоренте, Аньялес, I, 177.
- [1278] Репертор. Inquisit. s. v. *Libri*.
- [1279] Reusch, Der Index der verbotenen Bücher, I, 56.
- [1280] Рейнальд. Летопись, 1501, № 36.
- [1281] Новая редакция, библиотека. I, Тит. vii, лей 23.
- [1282] Послание Эрасми, Библиотека. XXVII, Ер. 33 (Лондини, 1642).
- [1283] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 73, fol. 182.
- [1284] Там же, библиотека 940, fol. 1.
- [1285] Там же, Библиотека 76, fol. 343, 401; Библиотека 77, fol. 355; Библиотека 940, fol. 2.
- [1286] Архив Алькала, Гасиенда, Участок 544² (Библиотека 10).
- [1287] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 940, fol. 2; Библиотека 78, fol. 16.—Льоренте, Аньялес-II, 376.
- [1288] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 939, fol. 62.
- [1289] Новая редакция, библиотека. II, Тит. iv, лей 48.

[1290] Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 331, 332.—Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 940, fol. 6, 16.

[1291] Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 214, 319.—Archivo de Simancas, Inq., Lib. 940, fol. 4. Исторический архив. национальный, Inq. de Toledo, раздел 498.—Порядок действий, фол. 74 (Библ. nacional, рукопись, D, 122). —См. Приложение.

Это был обычный процесс, но, конечно, Верховный мог проявить инициативу, что он иногда и делал, и приказать инквизиторам изучить книги и действовать в соответствии с результатом. Архив Симанкаса, Inq., библиотека 940, fol. 3.

[1292] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 78, fol. 291.

[1293] Там же, Библиотека 79, fol. 164; Библиотека 942, fol. 15.

[1294] Там же, библиотека 940, fol. 41.

[1295] Перепечатано Ройшем в его полезном томе “Die Indexes der Sechszehnten Jahrhunderts”.—См. Архив Симанкаса, Inq., Lib. 940, fol. 2.

[1296] Архив Симанкаса, Inq., Библиотека 942, fol. 16, 17, 19; Библиотека 940, fol. 2; Глава 79, fol. 213; Сала 40, Глава 4, fol. 211.

[1297] Там же, библиотека 942, fol. 21; Библиотека 940, fol. 2.

[1298] Reusch, Der Index, I, 258.

[1299] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 79, fol. 139.

[1300] Там же, библиотека 942, fol. 15; Библиотека 79, фол. 140, 164.

[1301] Там же, Сала 40, Библиотека 4, fol. 233.—Информацию о комиссии эксперта см. В Приложении.

[1302] Архив Симанкаса, Inq., Sala 40, Lib. 4, fol. 235.—*Конради Геснери о различиях животных* запрещена в Указателе 1559 года (Reusch, Die Indexes, стр. 219). Указатель содержит несколько пунктов, запрещающих все книги по гаданию, некромантии, вызыванию демонов и т.д. (Там же, стр. 217, 226, 227, 236), но там нет ничего специально против каббалы.

[1303] Новая редакция, библиотека. I, Тит. vii, лейес 24, 33.—(Новизна. Перераб. VIII, xvi, 3; xviii, 1).—Alcubilla, Códigos antiguos españoles, p. 1580.

В 1746 году было проведено предварительное изучение рукописи. получение лицензий на печать было возложено Королевским советом на Настоящую академию истории, обязанность, ограниченную Фернандо VII теми, которые касаются истории Испании и Индии. Протоколы этой цензуры были напечатаны Академией (Болетин, XXXV, 369-434). Каждая рукопись была представлена одному или нескольким членам, и существовало три категории порицания — положительное, неблагоприятное и сомнительное, последнее эквивалентно *сделанному исправлению* в Указателе, когда у автора была возможность пересмотреть свою работу и представить ее снова, процесс, который иногда повторялся в третий раз. Цензоры, по-видимому, были по большей части снисходительны. В отчете, составленном с 1747 по 1833 год, благоприятных сообщений насчитывается 618, неблагоприятных - 149 и сомнительных - 155.

Произведения художественной литературы были представлены в Испанскую академию. Дон Мануэль Серрано-и-Санс напечатал (Revista de Archivos, Хулио-Агосто, 1906) ряд суждений, вынесенных цензорами, которым они были доверены, которые проливают интересный свет на критические каноны того периода. Похоже, что выпуск бесполезных книг не поощрялся: как говорит Мигель Сервера Лопес об одной из них, озаглавленной “*Десенганыос из касадо*”, “Я не нахожу пользы в этом письме, поэтому я думаю, что его не следует печатать”. Это было всего лишь исполнение указа Филиппа IV в 1627 году, предписывающего отказываться в выдаче лицензий на ненужные работы (Novís, Recor., VIII, xvi, 9).

[1304] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. I, de copias, fol. 100.

[1305] Рукопись Библиотеки Университета Галле, Yc, 20, T. I.—Указатель Сотомайора, стр. 524-8.—Указатель Ultimo, стр. 240.

[1306] Секретариат Конгресса Каталонии. Indicis, стр. 31 (Рим, 1651).

Единственная попытка составить римский *Expurgatorius Index Expurgatorius* была предпринята в 1607 году Джанмарией Гуанцелли да Бризигелла, магистром Священного дворца. Она так и не вышла за рамки первого тома и была закрыта в 1611 году. Этот том состоит из 599 страниц 12мо с двумя столбцами и содержит всего пятьдесят двух авторов, настолько многочисленны исключения, многие из которых столь же тривиальны, как и у испанских цензоров.

[1307] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 940, fol. 4; Lib. 942, fol. 25.

[1308] Там же, библиотека 82, fol. 76; Библиотека 940, fol. 5.

[1309] Там же, библиотека 940, fol. 6, 7, 18.

[1310] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 941, fol. 9; Библиотека 939, fol. 127; Библиотека 940, fol. 16, 17.

[1311] Там же, библиотека 940, fol. 8, 16.— Даже Абад Нерони требовал присмотра. В 1598 году ему было приказано доложить Верховному правителю, что это за Библия, которая, по словам фрая Херонимо де Альмонасида, у него есть.—Там же, стр. 12.

[1312] Там же, стр. 8-12, 17.

[1313] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 940, fol. 11, 17.

[1314] Там же, стр. 17, 22, 23. В 1609 году есть приказ выплачивать фраю Диего де Арсе 500 реалов за его услуги в хунте, а другой - выдавать ему по дукату в день во время ее существования. В 1610 году падре Хуан де Пинеда получает зарплату по той же ставке, а доктору Камарго и брату Игнасио де Иберо производятся специальные выплаты по 300 дукатов за штуку. В 1613 году Алонсо Маркес де Прадо, епископ Тортосы, получает 800 дукатов за свою работу в хунте.—Там же. fol. 23, 24.

[1315] Архивная история. "насьональ", Inq. de Valencia, Этап 1, № 4, fol. 234.

[1316] Архив де Симанкаса, Inq., Leg. 1465, fol. 48.

[1317] Там же.

[1318] Архив истории. "насьональ", Inq. de Valencia, Этап 15, № 11, следующий. 36.

[1319] Там же, Раздел 14, п. 3, fol. 164.—РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 214.

[1320] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 940, fol. 3, 4.

[1321] Порядок действий, fol. 86 (Библ. nacional, рукопись, D, 122).

[1322] Архив истории. "насьональ", Inq. de Valencia, этап 12, № 2, следующий. 44.

[1323] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Этап 1, № 4, fol. 250.

[1324] Индекс Ultimo, Regla XII (стр. xxiii), Advertencia 1 (стр. xxxvi).

[1325] В моем экземпляре *папской истории* аббата Иллескаса вырваны два листа фолианта, чтобы избавиться от главы о папе Иоанне, которая прошла неоднократную цензуру, из-за которой были закрыты два предыдущих издания книги. Удаленные таким образом страницы содержат две целые главы и части двух других.

Я обязан покойному генералу дону Рива Паласио копией портрета Палафокса, *боррадо*, как описано в тексте.

[1326] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 940, fol. 4, 12, 14.

[1327] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 214.

[1328] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 940, fol. 18.

[1329] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 32, fol. 666.

В Указателях книги были разделены на три класса. Первая состояла из осужденных авторов, все произведения которых были запрещены; вторая - из книг известных авторов, требующих исключения; третья - из книг неизвестных авторов, либо запрещенных, либо требующих исключения.

Это было в теории, но небрежно соблюдалось на практике.

[1330] Там же, fol. 668.

[1331] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 21, fol. 303.

[1332] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Раздел 374; Раздел 1, п. 4, fol. 234.— Информацию о комиссии *редактора библиотек см. в Приложении*.

[1333] Архив истории. "насьональ", Inq. de Valencia, Этап 1, № 4, fol. 251.

[1334] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 890; Библиотека 559.—Архив истории. "насьональ", Инк. де Валенсия, Матч 47-го тура.

[1335] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Этап 9, № 3, fol. 405.

[1336] Там же, Раздел 374.

- [1337] Архив истории. "насьональ", Инк. де Валенсия, Матч 47-го тура.
- [1338] Там же, Раздел 4, п. 3, fol. 290, 293.
- [1339] Льоренте, Hist. критерий, глава. XLIII, статья ii, № 5; статья v, № 1.
- [1340] Архив истории. "насьональ", Инк. де Валенсия, Матч 47-го тура.
- [1341] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 940, fol. 13.
- [1342] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 940, fol. 2.
- [1343] Там же, Сала 40, Библиотека 4, fol. 228.
- [1344] Schäfer, Beiträge, II, 359.
- [1345] Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 940, fol. 11, 19.—Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Этап 10, № 2, фол. 71.
- [1346] Libro XIII de Cartas, fol. 147, 162 (CP. Am. Философ. Общество).
- [1347] История архива. "насьональ", Inq. de Valencia, Этап 9, № 3, fol. 63.
- [1348] Библиотека. XIII де Картас, фол. 29 (Рукопись Am. Филос. Общество).
- [1349] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 940, fol. 23.
- [1350] Архив истории. "насьональ", Инк. де Валенсия, Матч 374.
- [1351] РУКОПИСЬ Утра. Философ. Общество.—Исторический архив. национальный, Inq. de Valencia, Раздел 17, № 3, fol. 23.
- [1352] Архив Симанкаса, Inq., Sala 40, Lib. 4, fol. 240.
- [1353] Архив истории. "насьональ", Инк. де Валенсия, Матч 47-го тура.
- [1354] Alcubilla, Códigos antiguos españoles, pp. 1582-86.
- [1355] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Этап 4, № 3, fol. 163.
- [1356] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Этап 16, № 9, fol. 1; Часть 4, п. 3, fol. 145.—Инструкция по пересмотру, Толедо, 1805.
- [1357] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Этап 17, № 3, следующий. 58.
- [1358] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Часть 10, № 2, fol. 193.—Библия. nacional, рукопись, S, 294, fol. 50.
- [1359] Архив Симанкаса, Inq., Библиотека 26, fol. 37; Библиотека 43, fol. 315; Закон 1526, fol. 2.
- [1360] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 31, fol. 118.—Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Этап 10, № 2, стр. 193.
- [1361] Архив де Симанкаса, Грация и Юстиция, Закон. 621, fol. 79.

[1362] Там же, Inq., Библиотека 29, fol. 494.—Портокарьеро, Собрание законодательства, № 81.

[1363] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 34, fol. 286-97.

[1364] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 24, fol. 13.

[1365] Там же, библиотека 80, fol. 1.

[1366] Там же, библиотека 25, fol. 116-17; Библиотека 43, fol. 131, 201, 297.

[1367] Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 43, fol. 120; Leg. 1526, fol. 7.

[1368] Там же, Раздел 1526, fol. 2, 7, 17; Библиотека 45, fol. 151; Библиотека 38, fol. 78.

[1369] Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 43, fol. 68, 120.

[1370] Там же, библиотека 25, fol. 1, 52, 82; Библиотека 43, fol. 142, 174, 187; Раздел 1526, fol. 6.

[1371] Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 43, fol. 174, 187; Раздел. 1526, fol. 4.

[1372] Архив Симанкаса, Inq., Библиотека 43, fol. 201; Библиотека 25, fol. 129.

[1373] Там же, Библиотека. 43. fol. 201, 235, 270; Раздел. 1526, fol. 36.

[1374] Архив де Симанкаса, Inq., Leg. 1526, fol. 17.

[1375] Там же, Библиотека 43, следующий. 283, 297, 315, 319, 325; Библиотека 26, фол. 33.

[1376] Там же, Раздел. 1473.

[1377] Библия. национальный, РУКОПИСЬ, С, 294, фол. 50, 132.

[1378] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Часть 10, n. 2, fol. 193.

[1379] Там же, Раздел 4, n. 3, fol. 243.

[1380] Собрание декретов лас-Фортес, IV, 17 (Мадрид, 1820).

[1381] Архив де Симанкаса, Библиотека 559; Раздел 1473.

[1382] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 942, fol. 15; Lib. 79, fol. 17, 164.—Ср. Комментарий Regnæ. iii в Eumerici Director. P. II.

[1383] Декрет Сепtimi, Библиотека V, Раздел iv, глава 2.

[1384] Архив де Симанкаса, Inq., Sala 40, Lib. 4, fol. 231.—См. Приложение.

[1385] Реуш, Die Indexes, стр. 212.

[1386] Архив Алькала, Гасиенда, Участок 544² (Библиотека 10).

[1387] Апостольская грамота, Соч . Иисус, стр. 137-41 (Antverpiae, 1635). —Библия. Ватикана, РУКОПИСЬ. Оттобон. Лат. 494, стр. 8.—Архив Симанкаса, Inq., Lib. 940, fol. 15, 16, 17, 13.

- [1388] Альбергини, Квалификационное руководство, стр. 132.
- [1389] Реуш, Die Indexes, стр. 382-3.—Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 939, fol. 127.
- [1390] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 940, fol. 10, 11; Библиотека 21, fol. 303.
- [1391] Там же, библиотека 940, fol. 18.
- [1392] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 332.
- [1393] Архив Алькала, Гасиенда, Лег. 544² (Библиотека 10).—Указатель Сапаты, по калькуляции.—Буларио Ордена Сантьяго, Библиотека V, fol. 12. Буллар. Роман. V, 220.
- [1394] Архив Алькалы, *ubi sup.*
- [1395] История архива. "насьональ", Inq. de Valencia, Этап 15, № 11, следующий. 36.
- [1396] Льоренте, Hist. критерий, глава. XII, статья ii, п. 12, 13.
- [1397] Эдикт 13 января 1747 года (РУКОПИСЬ Дэвида Фергюссона, эсквайра).
- [1398] Берч, Каталог рукописей Inq. of Canaries, II, 940-1.
- [1399] История архива. nacional, Inq. de Valencia, Часть 16, № 5, 7, 8; Часть 17, № 4, *passim*.—Архив Симанкаса, Inq., Библиотека 559.
- [1400] Рукопись Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 214.—Archivo de Simancas, Inq., Lib. 942, fol. 23.
- [1401] Реуш, Индексы штампов, стр. 211.
- [1402] Архив истории. "насьональ", Inq. de Valencia, Этап 1, № 4, fol. 226.
- [1403] Архив де Симанкаса, Inq., Sala 40, Lib. 4, fol. 177.
- [1404] Там же, библиотека 877, fol. 96.
- [1405] Там же, библиотека. 565, fol. 394.
- [1406] Там же, библиотека 877, fol. 239.
- [1407] Там же, библиотека. 890.
- [1408] Это записи об автомобилях. В Каталоге дел Толедо, подготовленном доном Мигелем Гомесом дель Кампильо (см. Приложение), тридцать четыре отнесены к запрещенным книгам. Из них пять относятся к 1575 году; затем нет ни одного до 1771 года, за ними следуют шесть между тем годом и 1794 годом, но ни одно из них, похоже, не было доведено до завершения, за исключением одного, которое было приостановлено.
- [1409] История архива. "насьональ", Инк. де Валенсия, Этап 100.
- [1410] Innocent. PP. III, Regest. II, 141, 142, 235.—Библия. IV, Дополнительно, vii, 12.—Конституции Каталонии, Библия. Я, Синица. я, кэп. 12.—Martene et Durand Amplis. Сборник., VII,

123. —Консилиум. Толосан., энн. 1229, Глава 14 (Хардуин., VII, 178). —Репертор. Инквизитор, С. В. *Scriptura*.

[1411] Вильянуэва, Де-ла-Лексикон Храма Христа Спасителя, стр. 8; Дополнить. II, стр. сxxxii кв. (Валенсия, 1791).

[1412] Архив Симанкаса, Inq., Sala 40, Lib. 4, fol. 126.—См. Приложение.

[1413] Реуш, Die Indexes, стр. 74, 76.—Тридентский указатель (Правило 4), хотя и утверждает, что опыт показал, что беспорядочное популярное использование Библии приносит больше вреда, чем пользы, все же позволяет епископам и инквизиторам разрешать народные версии тем, кого приходские священники и исповедники рекомендуют как заслуживающих доверия.

[1414] Ройш, указ. соч., стр. 234-5.—Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 82, fol. 149; Библиотека 940, fol. 5.

[1415] Ройш, стр. 383.

[1416] Azpilcuetæ de Oratione, Глава xxii, № 104.—Исторический архив. "насьональ", Inq. de Valencia, Этап 1, № 4, fol. 226.

[1417] Индекс 1640, Regla 5.—См. Приложение к тому. II, стр. 588. Также более поздний указ, напечатанный Льоренте в Приложении к его Истории. критика.

[1418] Буларио-де-ла-Орден-де-Сантьяго, Библиотека. V фол. 141.

[1419] Указ от 13 декабря 1747 г. (*ubi sup.*).—Вильянуэва, указ. соч., стр. 56, 200.

[1420] Буллар. Рим., VIII, 420.—Указатель Бенедикти XIV, стр. vi.

[1421] Вильянуэва, указ. соч., Prologo.

[1422] Вильянуэва, стр. 95.—Индекс Ультимо, стр. xvii.

[1423] История архива. nacional, Inq. de Valencia, Этап 15, № 11, fol. 61.

Об ослаблении строгости еще в 1763 году см. Archivo de Simancas, Lib. 877, fol. 96.

[1424] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 940, fol. 18.

[1425] Реуш, Die Indexes, стр. 237, 380, 438.—Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Этап 11, № 1, fol. 170-1.

[1426] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 940, fol. 4, 15; Библиотека 941, fol. 4. Исторический архив. национальный, Inq. de Valencia, Часть 6, n. 2.

[1427] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 323.

[1428] Архив де Симанкас, Грация и Юстиция, Лег. 621, фол. 64.

[1429] РУКОПИСЬ Бодлеанской библиотеки, архив Seld. A, подп. 13.—Исторический архив. национальный, Inq. de Toledo, Часть 1.

[1430] История архива. "насьональ", Инк. де Валенсия, Этап 100.

[1431] Льоренте, Дипломатическая коллегия, стр. 10 (Мадрид, 1809).—Reusch, Der Index, I, 303.

[1432] Nic. Antonii Bibl. Нова, I. 589.—Инохоса, Глава Понтификата, I, 352-3, 373.—Летопись Баронии., ann. 447, n. 8.—Библ. nacional, рукопись, D, 118, fol. 30, n. 14.

Барониус в свой одиннадцатый том, вышедший в 1605 году, включил Тракта́т об инвеституре Неаполя, особенно оскорбительный для испанских притязаний. После смерти Климента VIII (3 марта 1605 г.) он претендовал на престолонаследие, но Испания воспользовалась своим правом исключения, к его неудовольствию. Филипп III эдиктом от 3 октября 1610 года запретил публикацию Анналов с Тракта́том под угрозой сурового наказания для тех, кто в течение двадцати дней не представит их копии для удаления.—Reusch, Der Index, II, 277-80.

Это был королевский, а не инквизиторский акт. Анналы не попали в испанский указатель.

[1433] Висенте де ла Фуэнте, Hist. экклз. de España, III, 269 (Ed. 1855).

[1434] Алькубиля, Кодиг-антигуос, стр. 1591.—Льоренте, Дипломатическая коллегия, стр. 22.—Запрет на публикацию после объявления Клементиса VIII. Декрета, стр. 165-66 (Рим, 1632).—Льоренте, История. критик., глава xxv, № 119.

[1435] Архив де Симанкаса, Грация и Юстиция, Закон. 621, fol. 73.

[1436] Там же, Inq., библиотека 20, fol. 255.

Мой экземпляр *Трактата* иллюстрирует метод удовлетворения совести при хранении запрещенных книг, по крайней мере в Италии. Это четвертое издание, Лион, 1669 год, и бывший владелец, доктор Бенедетто Гардждони, написал на форзаце над своим именем: “Animo obtinendi licentiam”.

[1437] Catalani de Secretario Congr. Знаки, стр. 41, 52, 63.—Архив Симанкаса, Inq., Lib. 20, fol. 255.—Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Часть 8, № 20, fol. 260.

[1438] Диалог Галилео Галилея Линчео.... Dove ne i congressi di quattro giornate si discorre sopra i due massimi Sistemi del Mundo, Tolemaico e Copernicano Fiorenza, 1632.

[1439] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 20, fol. 255.

[1440] Льоренте, Дипломатическая коллегия, стр. 23.

[1441] Index Innocentii XI, 1681, стр. 105 155.—Index Alexandri VII, Decretorum Index, № 51.—Reusch, Der Index, II, 373-5.

[1442] Библ. nacional, рукопись, D, 118, fol. 66, n. 25.

[1443] Autos Acordados, Библиотека. I, Тит. vii, Автохтон 14.—Новизна. Перепис. VIII, xviii, 2.—Библ. nacional, рукопись, S, 294, fol 66.

[1444] Архив де Симанкаса, Inq., библиотека 26, fol. 121.

[1445] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 331.

[1446] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 21, fol. 108.

- [1447] Льюренте, Hist. критерий, глава. XXVI, статья iii, п. 37, 40.
- [1448] Autos Acordados, Библиотека. I, Тит. vii, Авто 21.
- [1449] Архив де Симанкаса, Inq., стр. 1465, fol. 45.—Ferrer del Rio, Historia de Carlos III, I, 394-5, 398.—Archivo de Alcalá, Estado, Leg. 2843.
- [1450] Льюренте, Hist. критика, глава. XXV, ст. 1, № 14-15.—Новизна. Откр., II, iv, 11; VIII, xviii, 3.
- [1451] Архив Алькала, Эстадо, Лег. 2843.—Льюренте, История. критерий, глава. VIII, ст. V, п. 7, 8.
- [1452] История архива. "насьональ", Inq. de Valencia, Этап 15, № 11, следующий за 23.
- [1453] РУКОПИСЬ Королевской библиотеки Копенгагена, 218^b, стр. 323.
- [1454] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 890.
- [1455] Там же, библиотека 940, fol. 10, 17, 20.
- [1456] Кабрера, Relaciones, стр. 285, 291. Нунций в Мадриде утверждал, что венецианский посол был отлучен от церкви, что вызвало некоторые неприятные осложнения в церемониале двора.—Ibidem, pp. 282, 295.
- [1457] Архив де Симанкаса, Inq., Lib. 21, fol. 254.—Архив истории. "насьональ", Inq. de Valencia, Этап 1, № 4, фол. 77, 78, 81.
- [1458] Льюренте, Hist. критика, глава. XXV, ст. 1, п. 3.—Рукопись Дэвида Фергюссона, эсквайра.
- [1459] Новизна. Обзор., VIII, xviii, 11-14.—Алькубия, стр. 1593-4.
- [1460] Собрание декретов и др., III, 217 (Мадрид, 1820).
- [1461] Archivo de Simancas, Inq., Lib. 559.—Перевод Уолтоном "Разоблаченной инквизиции" Пучблана, том. I, стр. xxxvi-lxvi (Лондон, 1816).
- [1462] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 559.
- [1463] Реуш, Die Indexes, стр. 249, 533.
- [1464] Испанская литература Тикнора, I, 235-44.—Индекс 1640, стр. 948.—Окончательный вариант, стр. 40.
- [1465] Архив де Симанкаса, Inq., Библиотека 81, fol. 27.
- [1466] Там же, Библиотека 82, fol. 1; Библиотека 940, фол. 5.
- [1467] Реуш, Индексы штампов, стр. 385.
- [1468] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Этап 6, № 2, fol. 313.
- [1469] Там же, Раздел 1, п. 4, fol. 46, 50.
- [1470] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Varios, Раздел. 392. № 26; Раздел. 390; Раздел. 47.—Ириарте, Гойя, Биография и др., стр. 105 (Париж, 1867).—Архив Симанкаса, Раздел., Библиотека 890, Библиотека 435².

[1471] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Varios, Раздел 392, № 15.—Архив Симанкаса, Inq., Библиотека 890; Библиотека 435².

[1472] Архив истории. nacional, Inq. de Valencia, Часть 4, № 3, fol. 324; Часть 100.